

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии
Кафедра политологии, международных отношений
и всеобщей истории

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

1918–1945 гг.

Часть I.

Германия

Ижевск
2023

УДК 94(4/7)''1918/1945''(075.8)
ББК 63.3(0)6я73-3
Х917

Рекомендовано к изданию учебно-методическим советом УдГУ

Рецензент: д-р ист. наук, профессор В.А. Чиркин

Составитель: Сергееenkova И.Ф.

Х917   Хрестоматия по новейшей истории Европы и Америки.
Внутренняя политика 1918–1945 гг. Ч. 1. Германия / сост.
И.Ф. Сергееenkova. – Ижевск : Удмуртский университет,
2023. – 596 с.

ISBN 978-5-4312-1090-7

В хрестоматию включены наиболее важные документы и материалы по новейшей истории, отражающие проблемы внутреннего развития стран Европы и Америки в первой половине XX в., а также международного рабочего движения. В первой части хрестоматии представлены документы по истории Германии.

Хрестоматия адресована преподавателям высших учебных заведений и обучающимся различных направлений и специальностей, изучающих дисциплину «Новая и новейшая история стран Европы и Америки».

УДК 94(4/7)''1918/1945''(075.8)
ББК 63.3(0)6я73-3

ISBN 978-5-4312-1090-7

© И.Ф. Сергееenkova, сост., 2023
© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2023

ВВЕДЕНИЕ

Документы, представленные в Хрестоматии, относятся к Новейшей истории стран Европы и Америки (1918–1945 гг.). Дисциплина «Новейшая история» включена в базовую часть профессионального цикла по направлению подготовки 46.03.01 «История» и является частью курса «Всеобщая история» по направлению подготовки 41.03.05 «Международные отношения».

В рамках освоения программы бакалавриата выпускники должны быть подготовлены к решению задач профессиональной деятельности следующих типов:

- научно-исследовательской;
- педагогической;
- культурно-просветительской;
- экспертно-аналитической;
- проектной и организационно-управленческой.

Важную роль в реализации этих задач играет самостоятельная работа студента. Самостоятельная работа выступает формой, методом, средством и условием развития познавательной активности будущего специалиста. Главным становится не подача готовых знаний студентам, а обучение разнообразным видам деятельности, которые помогут им научиться самостоятельно выстраивать свою траекторию получения знаний.

В связи с этим при изучении дисциплины «История» целесообразно сместить акценты с традиционного, объяснительно-репродуктивного, обучения, при котором исторический источник рассматривается как вспомогательное средство при работе с учебником, на предметную деятельность – самостоятельное добывание фактов из текста источника. Работа с историческими источниками позволяет выработать основные навыки исследовательской деятельности, умение самостоятельно определять цели и задачи, делать выводы. Исторические источники приближают обучающихся к реальным событиям, их участникам, показывают их на фоне

социальных, духовных, нравственных проблем, характерных для той или иной исторической эпохи. Использование источников позволяет формировать основы исторического мышления, способствует личностному развитию обучающегося, позволяет лучше усвоить материал курса.

Между тем одной из проблем, с которой достаточно часто сталкиваются студенты, обучающиеся на гуманитарных факультетах, в том числе студенты-историки, студенты-международники является поиск исторических документов. По целому ряду причин этот поиск зачастую затруднен. Цель издания – обеспечить обучающихся комплексом необходимых документов для успешной самостоятельной работы в рамках курса Новейшая история стран Европы и Америки.

В 2019 и 2020 гг. были подготовлены и вышли из печати два тома «Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918–1945 гг.», включавшие документы по внешней политике отдельных государств и международным отношениям. Новая хрестоматия включает документы по проблемам внутренней политики ведущих стран Европы и США. В первой части представлены документы по истории Германии.

Часть публикуемых документов взята из хрестоматий и пособий, опубликованных ранее – это издания документов под редакцией Б.Г. Гафурова, Л.И. Зубока, В.Г. Трухановского, Э.А. Иваняна, Г.Ю. Семигина. В хрестоматию также включены новые документы, представленные на страницах исторических журналов. Кроме того, в хрестоматию включены такие источники, как мемуары видных политических деятелей, изучаемой эпохи и отрывки из художественных произведений, авторы которых были непосредственными участниками, происходивших событий.

Источники сгруппированы в отдельные тематические блоки, соответствующие темам лекционных и практических занятий. В конце книги размещен перечень документов с указанием страниц.

ГЕРМАНИЯ 1918–1945 гг. Ноябрьская революция

1. Из Требований Кильского солдатского совета (4 ноября 1918 г.)

3 ноября 1918 г. в знак протеста против продолжения войны восстали матросы и солдаты в г. Киле, крупной военно-морской базе Германии. 4 ноября был создан объединенный солдатский Совет. Кильское восстание стало началом германской революции.

1. Освобождение всех арестованных и политзаключенных.
2. Полная свобода слова и печати.
3. Отмена перлюстрации писем.
4. Надлежащее обращение командиров с рядовым составом.
5. Возвращение всех товарищей на борт судов и в казармы без последующего наказания.
6. Выход флота в море при любых условиях впредь не состоится.
7. Нет кровопролитным защитным мероприятиям.
8. Отвод всех частей, не относящихся к гарнизону.
9. Все мероприятия по защите частной собственности немедленно устанавливаются солдатским Советом.
10. Вне службы больше нет других командиров.
11. Неограниченная личная свобода каждого военнослужащего со времени окончания наряда до начала следующего наряда.
12. Офицеры, выразившие согласие с мероприятиями ныне существующего солдатского Совета, приветствуются в нашем кругу. Все остальные обязаны уволиться без права получения содержания.

13. Каждый член солдатского Совета освобождается от прочей службы. Все последующие решения принимаются только с согласия солдатского Совета.
14. Эти требования являются приказами [...] для каждого военнослужащего [...].

2. СДПГ о целях революции. Из записи беседы Фридриха Эберта с Вильгельмом Грёнером (6 ноября 1918 г.)

Фридрих Эберт (1871–1925) – германский государственный и политический деятель. Член СДПГ с 1889 г. С 1913 г. – председатель Правления партии, депутат рейхстага. После победы революции – сопредседатель Совета народных уполномоченных. В 1919–1925 гг. – президент республики. Вильгельм Грёнер (1867–1939) – генерал, в октябре 1918 г. назначен генерал-квартирмейстером вместо уволенного в отставку Людендорфа. Военный министр (1928–1932). Был одним из инициаторов запрета иттурмовых отрядов НСДАП. Под давлением пронацистских кругов ушел в отставку в мае 1932 г.

Эберт заявил, что [...] вопрос: монархия или республика имеет для них пока только теоретическое значение. На деле же они бы удовлетворились и монархией с парламентской системой. Поэтому он настоятельно рекомендует генералу Грёнеру использовать последнюю возможность для спасения монархии и побудить кронпринца стать регентом [...]. На это генерал Грёнер коротко и очень определенно, почти жестко возразил, что [...] кронпринц не готов стать регентом, ибо его отец принуждается к отречению вопреки собственной воле. После такого заявления Эберт поднялся со словами: в таком случае излишне дальнейшее обсуждение вопроса, пусть все идет своим чередом.

3. Из выступления Филиппа Шейдемана перед людьми, собравшимися у рейхстага (9 ноября 1918 г.)

Филипп Шейдеман (1865–1939) – в СДПГ с 1883 г., член ее Правления с 1911г. В 1903 г. впервые избран в рейхстаг. После победы революции вошел в состав правительства, затем возглавил коалиционный кабинет, В июне 1919 г. отказался подписать Версальский договор и ушел в отставку. В 1920–1933 гг. – депутат рейхстага, с 1933 г. в эмиграции.

Рабочие и солдаты!

Немецкий народ победил по всему фронту. Милитаризм повержен! Гогенцоллерны отреклись! Да здравствует германская республика! Депутат Эберт назначен рейхсканцлером. Тем самым Эберту дано задание сформировать новое правительство. В это правительство войдут все социалистические партии. Теперь наша задача – не позволить запятнать эту блистательную победу немецкого народа, поэтому прошу вас: не позволяйте совершать беспорядки! Спокойствие, порядок и уверенность – это все, что нам нужно!

4. Из выступления Карла Либкнехта перед людьми, собравшимися у императорского дворца в Берлине (9 ноября 1918 г.)

Карл Либкнехт (1871–1919) – член СДПГ с 1900 г., в 1912–1916 гг. – депутат рейхстага, один из основателей и лидеров союза «Спартак» и Коммунистической партии Германии. Убит в январе 1919 г.

Товарищи по партии, я провозглашаю свободную социалистическую республику Германии [...], в которой больше не будет слуг, в которой каждый честный рабочий найдет честную оплату за свой труд. Сломлено господство капитализма, превратившего Европу в усеянное трупами поле.

Мы должны напрячь все силы для создания правительства рабочих и солдат, создания нового государственного пролетарского порядка, порядка мира, счастья и свободы наших братьев в Германии и во всем мире. Мы призываем довести до конца мировую революцию.

5. Листовка группы «Спартак» «Час решения» (извлечение)

Рабочие и работницы! В России пробил решительный час. Впервые в мировой истории пролетарские массы делают здесь попытку захватить в свои руки политическую власть в государстве. С беспримерным героическим мужеством, не боясь жертв, не щадя собственной крови, русские пролетарии борются сейчас, опираясь на крестьянство, за удержание и упрочение только что завоеванной ими государственной власти. Они преследуют при этом двойную цель: покончить с бойней народов и приступить к строительству социализма. Русские рабочие борются за самые высокие идеалы человечества... Немецкие рабочие и работницы! И для германского пролетариата бьет решительный час... Неужели в Германии будут и дальше неограниченно господствовать полуабсолютизм, юнкерство, тирания, в то время как в России народ порвал свои цепи.

Должны ли массы в Германии и дальше терпеть с рабской покорностью нужду и диктатуру сабли только для того, чтобы жирели миллионеры, возрастали до гигантских размеров капиталы буржуазии, нарастали неслыханные военные долги, которые затем будут обрушены на плечи народных масс и окончательно придавят их? Долго ли будут еще немецкие трудящиеся терпеливо и покорно позволять убивать себя на фронтах, в то время как их жены и дети погибают дома от нужды и лишений?

Голод и теперешняя массовая нищета не исчезнут, пока у руля будут стоять те, кто заинтересован в войне, то есть правительство и буржуазные классы.

Если Россия, еще вчера бывшая царской монархией, ныне является социалистической республикой, то и в Германии также настало время для перемен. Только массовой борьбой, массовым сопротивлением, массовыми стачками, которые парализуют всю хозяйственную деятельность и работу военной промышленности, только путем революции и завоевания рабочим классом народной республики в Германии можно покончить с бойней народов и добиться всеобщего мира...

Пусть только рабочие Германии последуют русскому примеру и станут во главе борьбы – и боевой призыв международного социализма «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» станет истиной и действительностью.

Не медлите больше, рабочие и работницы Германии!

Для немецкого пролетариата бьет решительный час!

На борьбу за мир, свободу, хлеб!

Долой войну! Долой правительство! Да здравствует массовая борьба рабочих! Да здравствует социализм!

«Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Bd. 2. Berlin, 1957, S. 48–52.

6. Призывы «Спартак» к углублению революции.

10 ноября 1918 года

После свержения 9 ноября 1918 г. монархии авангард немецкого пролетариата – спартаковцы мужественно вели борьбу за углубление и расширение Ноябрьской революции. 10 ноября 1918 г. орган спартаковцев – газета «Роте фане» опубликовала программу дальнейших действий революционных сил Германии. Однако вследствие слабости и ошибок левого революционного крыла в немецком рабочем движении эта программа не была реализована в 1918–1919 гг. и руководство массами попало в руки правых и центристских вождей социал-демократии, игравших роль социальной и идейной опоры германской буржуазии.

Рабочие и солдаты Берлина!

Укрепляйте завоеванную вами власть!

Бдительность – первейшая добродетель демократии!

Красное знамя развевается над Берлином!

Вы достойно встали на сторону городов, в которых пролетариат и солдаты уже захватили власть. Если раньше мир взирал на вас и думал, выполните ли вы ваши задачи, то теперь мир смотрит и ждет, как вы их выполните. Отречение от престола Гогенцоллернов само по себе еще ничего не значит. Еще меньшее значение имеет тот факт, что несколько социалистов, входящих в правительство, заняли в нем руководящие посты.

На протяжении четырех лет они поддерживали буржуазию; они и не могут делать ничего иного, как продолжать и дальше поддерживать ее. Не доверяйте тем, кто с высоты рейхсканцлерских и министерских постов думают, что смогут распорядиться вашими судьбами. Не новое назначение на посты сверху вниз, а новая организация власти снизу вверх. Следите за тем, чтобы власть, которой вы теперь добились, не ускользнула из ваших рук и использовалась вами для достижения вашей цели. Цель же ваша – это немедленное установление пролетарского социалистического мира, направленного против всемирного империализма, и создание социалистического общества.

Для достижения этих целей, прежде всего, необходимо, чтобы берлинский пролетариат в рабочих блузах и солдатских шинелях заявил о своем намерении со всей решимостью и непреклонной волей к победе добиваться следующих требований:

- 1) Разоружение всей полиции, а также всех без исключения офицеров и солдат, не поддерживающих новый строй; вооружение народа; все солдаты и пролетарии, имеющие оружие, не выпускайте его из рук.

2) Передача всей военной и гражданской власти, а также командных постов в руки доверенных представителей рабочих и солдатских Советов.

3) Передача всех запасов оружия и боеприпасов, а также военных предприятий в ведение рабочих и солдатских Советов.

4) Контроль над транспортом со стороны рабочих и солдатских Советов.

5) Упразднение военного судопроизводства; замена слепого солдатского повиновения сознательной дисциплиной солдат с установлением контроля рабочих и солдатских Советов.

6) Ликвидация рейхстага и всех парламентов, а также существующего общегерманского правительства.

7) Выборы по всей Германии рабочих и солдатских Советов, в руках которых должна быть сосредоточена вся законодательная и исполнительная власть.

В выборах в рабочие и солдатские Советы принимает участие все взрослое население городов и сел без различия пола.

8) Упразднение всех династий и отдельных государств внутри Германии; наш девиз гласит: единая социалистическая Германская республика.

9) Немедленное установление связи со всеми существующими в Германии рабочими и солдатскими Советами, а также с братскими социалистическими партиями других государств.

10) Немедленное направление русскому посольству приглашения возвратиться в Берлин.

Рабочие и солдаты!

Тысячелетней кабале приходит конец; из невыразимых страданий войны вырастает новая свобода. Четыре долгих года шейдемановцы, социалисты, входящие в правительство, гнали вас на бойню, они говорили вам, что нужно защищать

«родину», тогда как речь шла о защите только хищнических интересов империалистов; теперь, когда немецкий империализм разваливается, они пытаются спасти для буржуазии все то, что еще можно спасти; они пытаются задушить революционную энергию масс.

В правительстве не должно быть больше шейдемановцев; ни один подлинный социалист не должен войти в состав правительства, пока в нем еще продолжают оставаться шейдемановцы.

Ничего общего с теми, кто в течение четырех лет предавал вас.

Долой капитализм и его агентов!

Да здравствует революция!

Да здравствует Интернационал!

«Rote Fahne», 10. XI. 1918.

7. Союз армии и Совета народных уполномоченных («Соглашение Грёнера – Эберта»). **Из воспоминаний В. Грёнера**

Вильгельм Грёнер с началом Первой мировой войны был назначен командующим железнодорожными войсками в главной ставке. На этой должности В. Грёнер отвечал за организацию перевозки войск и снабжение. В 1915 г. он был награждён орденом «За заслуги» и ему было присвоено звание генерал-майора. В октябре 1918 г. сменил Эриха Людендорфа на посту первого генерал-квартирмейстера. Заключив соглашение с Ф. Эбертом, боролся с развитием революции в Германии.

[...] Вечером [10 ноября 1918 г.] я позвонил в рейхсканцелярию и сообщил Эберту, что войска передают себя в распоряжение его правительства, что в обмен на это фельдмаршал и офицерский корпус, при сохранении в войсках порядка и дисциплины, ожидают поддержки от правительства. Офицерский корпус требует от правительства побороть

большевизм и для этого готов приступить к действиям. Эберт принял мое предложение заключить союз. С тех пор мы по тайной линии между рейхсканцелярией и главным командованием каждый вечер разговаривали о необходимых мероприятиях. Союз себя оправдал.

8. Программа Народных уполномоченных (Германия, 12 ноября 1918 г.)

Совет народных уполномоченных – временное правительство в Германии во время Ноябрьской революции в период с ноября 1918 г. по февраль 1919 г. Совет был образован коалицией двух партий – СДПГ и НСДПГ и 10 ноября 1918 г. утверждён общим собранием берлинских рабочих и солдатских советов действовавшим от имени всех революционных советов Германской империи. Возглавил совет – Ф. Эберт.

3 ноября 1918 г. восстанием моряков в Киле началась Ноябрьская революция. Революция в большинстве случаев носила стихийный характер, не было единого руководящего центра. Лидеры социал-демократии провозгласили Германию «свободной немецкой республикой» и 10 ноября 1918 г. в Берлине сформировали новое германское правительство – Совет народных уполномоченных во главе с лидером «правых» социал-демократов Ф. Эбертом. В Совет уполномоченных вошли представители СДПГ – Ф. Эберт, Ф. Шейдерман, О. Ландсберг и представители Независимой Социал-демократической партии Германии (НСДПГ) – Г. Гаазе, В. Диттман, Э. Барг. Позднее в Совет были включены Г. Носке и Р. Виссель.

Совет Народных уполномоченных стоял у власти вплоть до передачи ее Национальному Собранию 10 февраля 1919 г., которое официально в г. Веймаре провозгласило Германию республикой и избрало ее первым президентом Ф. Эберта.

К немецкому народу!

Рожденное революцией правительство, осуществляющее свое политическое руководство в чисто социалистическом духе, ставит перед собой задачу претворения в жизнь социалистической программы.

Нижеследующие решения, принятые им, уже сейчас приобретают силу закона:

1. Упраздняется осадное положение.
2. Не ограничивается свобода союзов и собраний, в том числе для чиновников и государственных рабочих.
3. Отсутствует цензура. Упраздняется театральная цензура.
4. Объявляется свобода слова и печати.
5. Гарантируется свобода совести. Запрещается принуждение кого бы то ни было к отправлению религиозных действий.
6. Объявляется амнистия всем политическим заключенным. Закрываются находящиеся в производстве дела политического характера.
7. Упраздняется закон о вспомогательной службе Отечеству, за исключением положений, относящихся к урегулированию конфликтов.
8. Недействительным объявляется постановление о прислуге, а также чрезвычайные законы о батрачестве сельскохозяйственных рабочих.
9. Упраздненные в связи с объявлением войны постановления об охране труда рабочих настоящим [законом] снова вводятся в действие. Дальнейшие социально-политические распоряжения будут опубликованы в кратчайший срок.

Не позднее 1 января 1919 г. максимальный рабочий день определяется в 8 часов рабочего времени. Правительство будет делать все для того, чтобы обеспечить достаточное количество рабочих мест. Закончена работа над постановлением об оказании помощи безработным рейхом, землей и общиной.

В области медицинского страхования размер обязательной страховки будет увеличен по сравнению с прежним уровнем до 2500 марок.

Жилищный кризис будет преодолеваться ассигнованиями на строительство.

Будет вестись работа по обеспечению отлаженного питания населения.

Правительство будет сохранять налаженное производство, защищать собственность от вмешательства рантие, а также свободу и безопасность личности.

Все выборы в общественные структуры должны отныне проводиться на основе равного, тайного, прямого, всеобщего избирательного права в рамках пропорциональной избирательной системы, действительной для всех лиц мужского и женского пола по достижению ими 20-летнего возраста. Данное избирательное право сохраняется и в отношении Конституционного Собрания, по поводу которого еще будет дано более подробное разъяснение.

Эберт, Гаазе, Шейдеман, Ландсберг, Дитман, Барт.
Берлин, 12 ноября 1918 г.

9. Указ о попечении безработных 13 ноября 1918 г.

Империя предоставит средства общинам и союзам общин, чтобы содействовать им в оказании помощи безработным.

Общины обязаны оказать попечение безработным, которые не имеют права на помощь попечительства для бедных...

4. Расходы общины или союза общин на попечительство о безработных возмещаются империей в размере 6/12 и Соответствующим союзным государством в размере 4/12...

Лица женского пола получают помощь, только если они живут производительным трудом...

Безработные обязаны принимать любую предлагаемую им работу, также и не соответствующую их прежней профессии и вне их места жительства... даже и с сокращенным

временем работы, поскольку предлагаемая работа оплачивается соответственно обычному в данном месте заработку, не вредна для здоровья... не препятствует женатым заботиться о своей семье. Бесплатный проезд в место работы оплачивается общиной, по месту жительства, за счет средств попечения о безработных.

Установление способа и размера пособия... передается на усмотрение общины или союза общин.

...Вместо денежного пособия может быть предоставлена помощь натурой (предметы питания, квартира)...

10. Общины и союзы общин могут обуславливать попечение и другими предпосылками, особенно для молодежи (посещение общеобразовательных заведений, профессиональное образование, посещение мастерских и учебных курсов и т. п.).

Они могут устанавливать основания для прекращения попечения...

11. Небольшое имущество (жилье, сбережения на черный день) не принимается во внимание при определении степени нуждаемости...

10. Распоряжение о регулировании времени индустриальных рабочих 23 ноября 1918 г.

На основании указа Совета народных уполномоченных от 12 ноября 1918 г. об учреждении имперского ведомства хозяйственной демобилизации издается следующее распоряжение о регулировании времени работы индустриальных рабочих:

- I. Регулирование охватывает индустриальных рабочих всех промышленных предприятий, включая горное дело предприятий сельского хозяйства промышленного типа.
- II. Постоянное время дневной работы, с исключением перерывов, не может превышать 8 часов. Если в отклонении от изложенного будет достигнуто соглашение

о сокращении времени работы в субботные и предпраздничные дни, уменьшение рабочего времени в эти дни может быть разделено между рабочими днями.

11. Указ о коллективных договорах, комитетах рабочих и служащих и разрешении трудовых споров 23 декабря 1918 г.

Раздел I. Коллективные договоры

1. Если условия заключения трудовых договоров урегулированы между объединениями нанимающихся и отдельными нанимателями или объединениями нанимателей... коллективным договором, то (индивидуальные) трудовые договоры... недействительны постольку, поскольку они отклоняются от коллективного регулирования. Соглашения, отклоняющиеся от коллективного договора, действительны постольку, поскольку они допускаются коллективным договором, или поскольку они изменяют условия труда в пользу рабочего и не запрещены прямо коллективным договором. Место недействительных соглашений занимают ответствующие положения коллективных договоров.

2. Имперское ведомство труда может объявить общеобязательными в соответствующей сфере труда коллективные договоры, которые имеют решающее значение формирования трудовых отношений в этой области. В том случае коллективные договоры в сфере своего действия будут обязательны и для трудовых договоров... если даже наниматель или нанимающийся или оба они не участвовали в заключении коллективного договора.

3. Объявление на основании § 2 следует то, что по предложению, которое может сделать каждая из сторон коллективного договора, а также объединения нанимателей и нанимающихся, члены которых были бы затронуты тем объявлением ведомству труда. (37, с. 438.).

12. Первый Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов

Он проходил в Берлине с 16 по 21 декабря 1918 г. На съезде присутствовало 489 делегатов с решающим голосом, из них 405 делегатов представляли рабочие советы, 84 – солдатские советы.

Из приветственного выступления сопредседателя СНУ Ф. Эберга

Солдаты, рабочие германской народной республики! [...] На власти победоносной революции вы должны построить новое правовое государство. Ибо [...] длительно в Германии может существовать только один источник власти – это воля всего немецкого народа. В этом заключается смысл революции. Власть, построенная на насилии, довела нас до гибели; больше мы никакого насилия не потерпим, откуда бы оно ни исходило. [...] Победоносный пролетариат не создает господство класса [...]. В этом заключается великая, возвышенная идея демократии [...]. Демократия – это та скала, на которой рабочий класс может строить здание германского будущего.

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, 21 декабря 1918г. Стенографический отчет. Пер. с нем. М., 1934. С. 34-35.

13. Из доклада председателя Исполкома Берлинского рабочего и солдатского совета Рихарда Мюллера (НСДПГ)

Рихард Мюллер один из функционеров НСДПГ. 11 ноября 1918 г. избран председателем Исполнительного комитета Берлинского рабочего и солдатского совета. Затем – член Коммунистической партии Германии. В 1920-е гг. отошел от активной политической деятельности и вышел из партии.

[...] Рабочие и солдатские советы представляют собой в настоящее время единственное достижение революции.

Если падут рабочие и солдатские советы, от революции тогда не останется ничего [...]. Совет народных уполномоченных считает своею задачею оттеснить Исполнительный совет в сторону или совсем его ликвидировать.

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, декабря 1918 г. Стенографический отчет. Пер. с нем. М, 1934. С.42-43.

14. Из выступления члена СНУ Вильгельма Дитмана (НСДПГ)

Вильгельм Дитман (1874–1954), Член НСДПГ, в 1918 г. член Совета Народных Уполномоченных.

Центральное правительство, называющееся Советом народных уполномоченных, зиждется во всей стране на том доверии, которым пользуются обе социалистические партии в рабочих и солдатских советах и в народных массах [...]. В первом вихре революции Исполнительный совет выполнял различные функции, которые должны были быть делом не контрольного, а исполнительного органа. (...). Лишь постепенно удалось внести полную ясность во взаимные права, разграничить контроль и исполнение. Правительство (...) видит в Национальном собрании выразителя народной воли [...]. Правительство (...) твердо убеждено, что выборы [в Национальное собрание] дадут социалистическое большинство.

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, 16-21 декабря 1918г. Стенографический отчет. Пер. с нем. Л.,1934. С. 55, 60.

15. Из выступления члена Исполкома Берлинского рабочего и солдатского совета Макса Когена-Рейса (СДПГ)

Макс Коген-Рейс депутат Рейхстага, журналист.

[...] Сильная центральная власть только тогда может быть крепкой и обладать сильным моральным авторитетом, когда она построена на прочном и широком фундаменте всенародной воли. [...]

Существует только один единственный орган, который может установить эту волю народа: это всегерманское национальное собрание. [...] Рабочие и солдатские советы выражают только частичную волю, но ни в коем случае не волю всего народа. В настоящий момент (...) мы можем создать в Германии регулярную власть только путем созыва Национального собрания, которое даст нам демократическую конституцию...

Во время славной русской революции в начале 1917 г. в качестве первого требования было выдвинуто: всеобщее учредительное собрание [...], и большевики не сразу высказались против национального собрания. И (...) только в тот момент, когда оказалось, что большевики не имеют за собой большинства русского народа, что большевизм был отвергнут большинством, как русских индустриальных рабочих, так и русских крестьян, только тогда они заговорили о диктатуре.

Теперь я спрашиваю вас (...) чего достиг большевизм, диктатура пролетариата в России? По-моему, ничего такого, что могло бы послужить для распространения социализма, а лишь то, что дискредитировало социализм на десятки лет [...]. Товарищи по партии, именно социализм нельзя ввести силой и декретами; это мы увидели на русском примере. Итак, я считаю, что рабочие и солдатские Советы имели свое оправдание, и будут иметь свое оправдание и впредь. [...] Но я несколько не сомневаюсь в том, что под углом зрения развития производства найдутся формы, где рабочие советы [...] смогут принести огромную пользу [...].

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, 16-21 декабря 1918 г. Стенографический отчет. Пер. с нем. М., 1934. С. 166, 167, 171.

16. Из выступления члена Исполкома Берлинского рабочего и солдатского совета Эрнста Дейминга (НСДПГ – союз «Спартак»)

[...] Пролетариат является единственным победителем революции, так как никакой другой класс не может быть революционным, то советская система внедрилась с естественной необходимостью [...]. Старая буржуазная демократия с ее избирательными бюллетенями и парламентарством – не вечное явление, она имеет свою историческую обусловленность [...] и то, что социализм вступает в мир как новый основной принцип [...], то на смену этой буржуазной демократии должна придти пролетарская демократия в том виде, как она находит себе организованное выражение в советской системе [...]. Национальное собрание, которое теперь соберется, не имеет ни воли, ни энергии претворить социализм в действительность. [...] Для этого должны быть созданы особые учреждения и введен экономический порядок, при которых условия собственности, а также политико-правовые условия были бы поставлены на совершенно новом основании, а это может случиться как раз при установлении советской системы.

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, 16-декабря 1918г. Стенографический отчет. Пер. с нем. М., 1934. С. 175, 176.

17. Из выступления сопредседателя СНУ Хуго Хаазе (НСДПГ)

Хуго Хаазе (Гуго Газе, 1863–1919) – функционер СДПГ входил в Правление партии. Избирался депутатом рейхстага. Один из инициаторов раскола СДПГ и создания НСДПГ. Председатель ее Правления, В ноябре – декабре 1918 г. – сопредседатель СНУ вышел из его состава вместе с другими независимцами, убит в ноябре 1919 г.

Национальное собрание неизбежно. [...] Задачей Национального собрания является лишь установление конституционного устройства [...] и содействия миру. Поэтому при разрешении вопроса о том, Национальное ли собрание или система Советов, нельзя выдвигать все те вопросы, которыми обыкновенно занимаются парламенты. По моему мнению, этот вопрос вообще нельзя ставить так: Национальное собрание или система Советов, но едва ли может быть сомнение в том, что Советы сохраняют свое особое значение. [...] Так много говорят о демократии, поэтому я говорю вам: требованием демократии при этих выборах является то, чтобы к выборным урнам могла подойти не небольшая часть народа, а весь народ [...].

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, 16-21 декабря 1918 г. Стенографический отчет. Пер. с нем. М., 1934. С. 189-190.

18. Из выступления члена СНУ Ф. Шейдемана (СДПГ)

Советы, по моему твердому убеждению, не дадут нам ни хлеба, ни мира, [...] они с роковой неизбежностью приведут нас в Германии к гражданской войне.

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов... С. 200.

**19. Предложение Э. Дейминга о передаче
государственной власти советам
(«Резолюция Дейминга», 19 декабря 1918 г.)**

1. Делегатское собрание заявляет, что при всех обстоятельствах советская система будет сохранена как основа конституции социалистической республики, а именно так, чтобы советам принадлежала высшая исполнительная и законодательная власть.

2. Делегатское собрание поручает комиссии выработку единой системы выборов для рабочих, солдатских и крестьянских советов в Германии. На основе этого избирательного права производятся выборы на национальный съезд рабочих и солдатских советов, который должен принять решение относительно будущей конституции. Впредь до окончательной выработки конституции социалистической республики, высшей контрольной инстанцией Совета народных уполномоченных и министерств является Центральный совет из 53 членов, которые должны представлять все части Германии. [Результат поименного голосования: «за» – 98, «против» – 344].

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, 16-21 декабря 1918г. Стенографический отчет. Пер. с нем. М., 1934. С. 171–217.

**20. Предложение Германа Людемана (СДПГ)
о созыве Национального собрания
(«Резолюция Людемана», 18 декабря 1918 г.)**

1. Имперский съезд рабочих и солдатских советов Германии, представляющий всю полноту власти в стране, постановляет впредь до последующего разрешения всех основных вопросов на Национальном собрании передать всю исполнительную и законодательную власть Совету народных уполномоченных.

2. Съезд избирает Центральный совет рабочих и солдатских советов, который в последующем осуществит парламентское наблюдение над германским и прусским

кабинетами. Он имеет права народных уполномоченных империи и впредь до окончания урегулирования вопросов государства также народных уполномоченных Пруссии. Для наблюдения за ведением дел Совет народных уполномоченных прикомандировывает отдельных представителей к статс-секретарям всех министерств. Во все министерства назначаются по два уполномоченных, по одному от обеих социал-демократических партий. Разное 3. Первый Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов гласил между министром-специалистом и прикомандированными разрешаются на Центральном совете. [Принято большинством голосов].

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, 16-21 декабря 1918г. Стенографический отчет. Пер. с нем. М, 1934. С. 140, 141.

21. Из доклада Рудольфа Гильфердинга (НСДПГ) по вопросу о социализации

Рудольф Гильфердинг (1877–1941), теоретик германской и мировой социал-демократии. Один из создателей и лидеров НСДПГ. В 1923 и 1928–1929гг. – министр финансов в правительствах Веймарской республики. В 1933 г. эмигрировал во Францию. После ее оккупации нацистами был арестован гестапо и умер в тюрьме.

Если мы говорим о социализации, мы должны твердо уяснить себе, что мы под этим понимаем. Социализация не может означать [...] передачи производств рабочему классу; социализация может только означать постепенную передачу всего производства в распоряжение общества.

Если мы понимаем социализацию в этом смысле, мы сразу видим, что необходимо известное время, пока целые отрасли промышленности не сорганизуются так, чтобы общество могло само их перенять. [...] Каким образом должны мы социализировать: должны ли мы конфисковывать или мы

должны возмещать? [...] я придерживаюсь того убеждения, что мысль о простой конфискации не была бы правильной.

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, 16-21 декабря 1918г. Стенографический отчет. Пер. с нем. М 1934. С. 225–227.

22. Из постановления съезда по вопросу о социализации (20 декабря 1918 г.)

Съезд рабочих и солдатских советов поручает правительству приступить к социализации всех для такой цели созревших отраслей промышленности, в частности горной промышленности.

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, 16-декабря 1918 г. Стенографический отчет. Пер. с нем. М, 1934. С. 242.

23. Постановление съезда «О праве командования» (18 декабря 1918 г.)

1. Народные уполномоченные осуществляют командную власть над войсками и флотом и войсками внутренней охраны под контролем Исполнительного совета.

2. Как символ разрушения милитаризма и отмены слепого повиновения Съезд постановляет упразднить всякие военные знаки отличия и ношение оружия во внеслужебное время.

3. Солдатские советы ответственны за надежность войсковых частей и за поддержание в таковых дисциплины. Съезд рабочих и солдатских советов уверен, что во имя достижения целей социалистической революции все подчиненные войсковые части выявят на деле необходимое подчинение избранным ими самими солдатским советам и своим начальникам по службе. Нет больше начальников во внеслужебное время.

4. Отмена ношения существовавших до сих пор погон, унтер-офицерских галунов, кокард, аксельбантов и холодного

оружия входит в исключительную компетенцию солдатских советов, а не отдельных лиц. Всякие эксцессы вредят делу революции и не должны иметь места во время возвращения наших войсковых частей домой. Съезд требует упразднения всяких орденов, отдавания чести и дворянского сословия.

5. Солдаты сами выбирают себе руководителей. Те бывшие офицеры, которые продолжают пользоваться доверием большинства своих частей, могут быть избраны снова на свои прежние должности.

6. Офицеры административной службы и чиновники в офицерских чинах могут быть оставлены в интересах демобилизации на своих местах в том случае, если они заявят, что ничего не предпримут против революции.

7. Должно быть ускорено упразднение постоянных войск и создание взамен таковых народной армии [фольксвер].

1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов. Берлин, 16-21 декабря 1918г. Стенографический отчет. Пер. с нем. М 1934.

24. Из показаний Рихарда Мюллера комиссии по расследованию январских событий 1919 г.

Рихард Мюллер (9 декабря 1880 – 11 мая 1943) – немецкий социалист, рабочий-металлист, профсоюзный мастер, а затем историк. Получив образование токаря, Мюллер позже стал профсоюзным деятелем и организатором массовых забастовок против Первой мировой войны. В 1918 году он был ведущей фигурой движения советов во время Ноябрьской революции. В 1920-х годах он написал трехтомную историю Немецкой революции.

Вечером 4 января состоялось заседание Центрального правления организации НСДПГ Большого Берлина и «революционных старост». Принятый на этом заседании призыв содержал и требование проведения демонстрации с обычным

в то время обоснованием [...]. Масштаб демонстрации 5 января превзошел все ожидания. В речах и выкриках части раздраженных демонстрантов звучали требования начать вооруженную борьбу против правительства. Тогда же в полицей-президиуме продолжали заседать часть революционных старост, лидеры НСДПГ Большого Берлина и Централы КПП. Они спорили, обсуждая план дальнейших действий [...]. Перед зданием полицей-президиума, на улице вплоть до Зигесаллее до вечера стояли массы людей, ожидавшие дела, ради которого собрались; они ожидали распоряжений своих вождей, не зная, что нужно делать, и не дождавшись, часть разошлась по домам [...].

Несколько сот ожидавших направились в газетный квартал и заняли типографии газет «Форвертс», «Берлинер тагеблатт» [...], типографии Ульштейна, Бюксштейна и телеграфное агентство Вольфа. Когда стало известно [в полицей-президиуме, вечером 5 января] о захвате «Форвертс» и других газетных издательств, присутствующие увидели в этом лучшее доказательство того, что массы настроены решительно [...].

Либкнехт теперь заявил, что эти события нужно оценивать не как действия в защиту Эйхгорна [полицей-президент Берлина, член НСДПГ], а как стремление масс свергнуть правительство Эберта-Шейдемана.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 327.

25. Призыв Правления НСДПГ и ЦК КПП к немецким рабочим и солдатам (5 января 1919 г.)

Рабочие! Товарищи! Солдаты! Туман развеялся! Ситуация ясна! Решайтесь на все, решается все!

К каждому пролетарию, к каждому революционному солдату обращен громовой призыв судьбы: Поднимайся на последний и решительный бой! Выходите из фабричных

цехов, рабочие и работницы! Всеобщая забастовка всех предприятий должна быть первым ответом! Покажите подлецам вашу силу! Вооружайтесь! Направляйте оружие против ваших смертельных врагов, эбертов и шейдеманов! Все на борьбу!

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 328.

26. Из Заявления Центрального совета рабочих и солдатских советов о событиях в Берлине (январь, 1919 г.)

Преступная деятельность вооруженных банд, угрожавшая всем достижениям революции, вынудила нас предоставить имперскому правительству чрезвычайные полномочия для восстановления в Берлине порядка и безопасности, действительно необходимых при демократическом режиме.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 328.

27. Из программы Коммунистической партии Германии. Опубликовано как воззвание союза «Спартак» 14 декабря 1918 г., принятая 30 декабря 1918 г.

[...] Борьба за социализм является мощной гражданской войной, которую видит мировая история.

[...] Чтобы пролетариат выполнил эту задачу, союз «Спартак» требует:

I. Немедленные мероприятия по укреплению революции:

1. Разоружение всей полиции, всех офицеров, а также солдат непрлетарского происхождения. Разоружение всех, принадлежащих к правящим классам.

[...] 3. Создание рабочей милиции путем вооружения всего взрослого мужского рабочего населения. Создание из пролетариев Красной Гвардии [...].

4. Отмена командной власти офицеров [...]. Выборы рядовым составом всех начальников с правом снятия их с постов в любое время. [...]
6. Замена всех политических органов и учреждений прежнего режима доверенными представителями Советов рабочих и солдат.
7. Образование революционного трибунала и предание суду тех, кто виновен в развязывании и затяжке войны [...].
8. Немедленная конфискация продовольствия для обеспечения народа.

II. В политической и социальной областях:

1. Ликвидация всех отдельных государств; единая германская социалистическая республика.
2. Ликвидация всех парламентов и общинных советов и передача их функций рабочим и солдатским советам [...].
3. Выборы рабочих советов по всей Германии проходят по предприятиям [...], а в Солдатские Советы – с участием рядовых. [...] Рабочие и солдаты имеют право отозвать своих представителей в любое время.
4. Выборы делегатов рабочих и солдатских Советов [...] в Центральный Совет, который должен избрать в качестве верховного органа законодательной и исполнительной власти Исполнительный Совет.
[...] 6. Отмена всех сословных различий, орденов и титулов. Полное правовое и социальное равенство полов.
7. Коренное изменение социального законодательства [...], введение шестичасового рабочего дня как максимум.

III. Ближайшие экономические требования:

1. Конфискация всего династического имущества и доходов [...].

2. Аннулирование государственных и других официальных долгов [...].
3. Экспроприация земли всех крупных и средних сельских хозяйств; создание социалистических сельскохозяйственных кооперативов под единым централизованным руководством по всей стране [...]. Мелкое производство остается собственностью их владельцев до момента добровольного вступления его в социалистический кооператив.
4. Экспроприация Советской республикой всех банков, рудников, металлургических заводов, а также всех крупных промышленных и торговых предприятий. [...]
6. Передача в руки Советской республики всего общественного транспорта.
7. Выборы производственных советов на всех предприятиях [...].

28. Из Программы действий Независимой социал-демократической партии Германии. Программа принята на съезде партии 5 декабря 1918 года

Завоевание политической власти пролетариатом ведет к освобождению рабочего класса [...]. Независимая социал-демократическая партия стоит на почве системы Советов [...].

Преодоление капитализма и построение социалистического общества требует проведения следующих мероприятий:

1. Ликвидация контрреволюционного наемного войска [...]. Создание революционной армии.
2. Превращение частной собственности на средства производства в общественную собственность.
3. Диктатура пролетариата является революционным средством к уничтожению всех классов и классового господства.

29. Из программных документов Немецкой народной партии

А) Предвыборная платформа (15 декабря 1918 года)

Мы исповедуем национальную и действительно демократическую политику [...]. Мы признаем демократическое, всеобщее, равное и тайное избирательное право и пропорциональные выборы за обоими полами [...]. Обеспечение свободы слова и печати для объединений и собраний, независимого суда. Полное равноправие всех немецких граждан во всех областях общественной жизни, невзирая на происхождение, религию и гражданское положение.

Сохранение и укрепление среднего сословия в промышленности, торговле и ремесле, широкое социальное обеспечение средних слоев.

Б) Принципы партии (19 октября 1919 года)

[...] 3. [...] Немецкая народная партия будет способствовать всеми средствами восстановлению империи. При этом [...] она будет действовать в рамках существующей ныне форме государства.

Партия выступает за ответственное сотрудничество народных представителей в правительстве без абсолютизации партийных интересов [...].

Она требует полного политического равноправия всех граждан государства [...].

Мы требуем восстановления прославленного черно-бело-красного имперского флага.

14. Мы придерживаемся принципа частной собственности и права наследования [...].

15. Социализацию немецкого хозяйства партия отвергает. [...]

18. Немецкая народная партия видит в сильном, уверенном крестьянском сословии основу немецкой народной силы [...].

30. Из программы Немецкой демократической партии

Программа принята на съезде партии 13-15 декабря 1919 года

I. Государство

1. Внутренняя политика. Немецкая демократическая партия стоит на почве Веймарской конституции; призывает к ее защите и осуществлению [...].

2. Внешняя политика. Исходный пункт и содержание внешней политики Германии в настоящее время партия видит в ревизии Версальского мирного договора [...].

[...] Ш. Народное хозяйство

Немецкая демократическая партия является партией труда. Ее цель в экономической области заключается в создании государства социального права.

Обобществление средств производства в смысле всеобщего огосударствления означало бы смертельную бюрократизацию хозяйства и роковой спад доходов. Партия отклоняет огосударствление и выступает за частное хозяйство как закономерную форму производства.

31. Из программных документов немецкой партии Центра

А) Воззвание и тезисы партии (30 декабря 1918 года)

[...] Новый порядок вытекает из сложившейся ныне действительности – этот порядок после падения монархии может быть не в форме социалистической республики, а должен быть демократической республикой.

II Директивы партии (16 января 1922 года)

I. Внешнеполитические задачи

1. Международное положение Германии требует ясной линии и постоянства в проведении внешней политики. Полное равноправие немецкого народа со всеми народами мира и восстановление международного права в государственной и частной жизни являются ближайшими задачами внешней политики Германии [...].

2. При выполнении обязательств по Версальскому мирному договору германское производство должно сохранять устойчивое функционирование. Нужно незамедлительно требовать изменение положений, удушающих германию экономически либо приводящих ее в политическую зависимость от иностранных держав.

[...] 4. Необходимо достичь всеми законными средствами скорого освобождения оккупированных территорий. До освобождения необходимо настойчиво требовать уменьшить зону оккупации и расходы на нее [...].

[...] 8. Позиция Германии по отношению к Лиге Наций и международным союзам должна основываться на принципе равноправия и недопустимости господства какого-либо блока держав. Равноправие должно соблюдаться и в вопросах вооружения.

II. Государственное устройство и управление

1. Для обеспечения планомерности и постоянства германской политики необходим крепкий союз партий на основе прочной рабочей программы.

2. Государственный авторитет и сила законов должны быть свободны от партийных пристрастий. Необходимо решительно выступать против движений, стремящихся к государственному перевороту, невзирая на личности и партии заговорщиков. Дух внутренней политики и ее проведение должны лишить основы любой бунт. Смутьяны подлежат безжалостному устранению.

[...] IV. Хозяйство и труд

[...] 2. Должно быть признано право частного предпринимателя и объединений на свободную деятельность в области торговли и промышленности, если она не противоречит требованиям общего благосостояния.

[...] 5. Перевод частного предприятия в какую-либо форму общественной собственности (социализация или

муниципализация) разрешается, если то служит общему благу и повышает прибыльность. Отчуждение допустимо только в обмен на должное возмещение.

32. Из Основных принципов Немецкой национальной народной партии (1920 год)

1. Освобождение Германии. Свобода немецкого народа от иноземного господства является условием национального возрождения. Вновь окрепшее государство на свободной земле, снова объединившее отнятые у него территории, есть и остается целью всей политики Германии. Поэтому мы стремимся к изменению Версальского мира, восстановлению германского единства и возвращению колоний, необходимых для нашего экономического развития.

[...] Монархия. Монархическая форма правления соответствует особенностям и историческому развитию Германии. Находясь над партиями, монархия лучше всех гарантирует единство народа, защиту меньшинств, постоянство государственных дел и неподкупность органов государственного управления. Отдельные германские государства должны иметь право свободно решать вопросы о форме их государственного устройства. Мы стремимся во благо государства к обновлению германской императорской власти, созданной Гогенцоллернами.

[...] 6. Народное представительство. Народному представительству, возникающему благодаря общим, равным, непосредственным и тайным выборам с участием лиц обоих полов, отводится существенная роль в законодательной работе и действенном надзоре за политикой и управлением.

[...] 22. Экономический порядок. Любая жизнеспособная экономика основывается на частной собственности и частных индивидуальных хозяйствах. Дух предпринимательства и стремление каждого получить работу являются основой нашей экономической деятельности.

33. Революция в Германии 1918–1919.

Три легенды. Себастьян Хафнер

Себастьян Хафнер (настоящее имя Раймунд Претцель) – немецко-британский журналист, публицист, историк. Во время Второй мировой войны, став эмигрантом, работал в английской газете «Обозреватель». В Германию вернулся в 1954 году корреспондентом этой газеты, вскоре стал колумнистом журнала «Штерн». Известность Себастьяну Хафнеру принесли несколько биографических и исторических книг, посвященных немецкой и европейской истории XIX–XX веков. Особенным успехом пользовались его книги о Ноябрьской революции, Гитлере и национал-социализме.

Пожалуй, ни об одном историческом событии не лгали так много, как о революции 1918 г. в Германии. Особенно живучими и прямо-таки неискоренимыми оказались три легенды.

Первая особенно широко распространена среди немецкой буржуазии и в наши дни. Она попросту отрицает революцию. То и дело приходится слышать разговоры, что настоящей революции в Германии 1918 г. так и не было. Все, что тогда произошло, в действительности «было лишь крахом существующего порядка. Лишь из-за временного ослабления власти» в момент поражения матросский мятеж был сочтен за революцию.

Насколько ошибочны и слепы подобные утверждения, сразу видно из сравнения событий 1918 и 1945 гг. Это в 1945 г. действительно имел место только крах всего существующего.

Конечно, в 1918 г. матросский мятеж дал толчок революции, но только толчок. Это-то и было из ряда вон выходящим: обычный матросский мятеж в первую неделю ноября 1918 г. вызвал землетрясение, поколебавшее всю Германию: поднялись вся тыловая армия, весь городской пролетариат, а в Баварии еще и часть сельского населения.

Но это восстание уже не было просто мятежом – это была подлинная революция. Речь шла не только об отказе выполнять приказы, как это случилось 29 и 30 октября на морских кораблях, стоявших на рейде Шиллинг. Речь шла о свержении господствующего класса и преобразовании государства. А что такое революция, если не это? Как всякая революция, эта тоже свергла старый строй, заменив его зачатками нового. Она была не только разрушительной, она была и созидательной. Ее творением были рабочие и солдатские Советы. Конечно, при этом не все шло гладко и ровно, новый строй не сразу действовал столь же четко, как свергнутый старый, были и нежелательные, и комичные явления – но какая революция протекала иначе? Столь же естественно и то, что революция разразилась в момент слабости и позора старого строя и отчасти обязана победой именно этой слабости.

С другой стороны, необходимо отметить как особую заслугу Ноябрьской революции 1918 г. в Германии ее самодисциплину, добродушие и человечность. Это тем более примечательно, что революция почти повсюду была стихийным делом масс, лишенных руководства. Подлинным героем революции были массы – дух времени очень точно уловил это: не случайно немецкое театральное искусство и кино в те годы достигли особых высот в изображении великолепных массовых сцен, не случайно знаменитая тогда революционная драма Эрнста Толлера была названа «Человек-масса». С точки зрения подвига революционных масс ноябрь 1918 г. в Германии не уступает ни июлю 1789 г. во Франции, ни марту 1917 г. в России.

О том, что революция в Германии не была фантазией или плодом больного воображения, а была живой и здоровой реальностью, имеется, наконец, еще одно свидетельство: те реки крови, которые были пролиты в первом полугодии 1919 г., чтобы ее разгромить и повернуть вспять историю. Кто разгромил революцию? На этот счет не может быть сомнений: это было руководство СДПГ, это был Эберт со своей командой. Нет сомнений и в том, что руководители СДПГ,

чтобы разгромить революцию, сначала возглавили ее и тем самым предали. Говоря словами неподкупного и знающего свидетеля Эрнста Трельча: руководители СДПГ, «чтобы оказать воздействие на массы, удочерили революцию как свое родное, долгожданное дитя, хотя они не только не совершили ее, но и считали, со своей точки зрения, преждевременно рожденной и уродливой».

Здесь очень важно быть точным, здесь каждое слово имеет значение. Верно, что руководители СДПГ не свершили революцию и не желали ее. Но неточно было бы повторять за Трельчем, что они только «удочерили» ее. Они не только «удочерили» революцию, она действительно была их собственным, долгожданным ребенком. Ведь они в течение пятидесяти лет проповедовали и обещали ее. И хотя это «родное, долгожданное дитя» стало теперь для СДПГ нежеланным, партия была и осталась его родной матерью, а убив его, стала детоубийцей.

И как всякий детоубийца, СДПГ пыталась оправдаться, утверждая, что то был мертворожденный ребенок или выкидыш. В этом – корни второй большой легенды относительно революции в Германии: будто это была не та революция, которую на протяжении пятидесяти лет провозглашали социал-демократы, а большевистская революция, импортированная из России, и будто СДПГ оградила и спасла Германию от «большевистского хаоса» (между прочим, выражение «большевистский хаос» само по себе является терминологической ложью; большевизм, что бы о нем ни говорили, – это противоположность хаоса).

Революция 1918 г. не была импортирована из России, а выросла на германской почве. И то была не коммунистическая, а социал-демократическая революция – именно та революция, которую на протяжении пятидесяти лет предсказывала и требовала СДПГ, к которой она готовила миллионы своих сторонников, выдавая себя на всем протяжении своего существования за орган такой революции. Это легко доказать. Революцию осуществила не малочисленная и организационно

слабая группа «Спартак», ее свершили миллионы рабочих и солдат, являвшихся социал-демократическими избирателями. Правительство, которого требовали эти миллионы – еще в январе 1919 г. и, как прежде, в ноябре 1918 г., – было не правительством спартаковцев или коммунистов, а правительством воссоединенной социал-демократической партии. Конституция, к которой они стремились, не должна была предусматривать диктатуру пролетариата. Господствующим классом должен был стать пролетариат, а не буржуазия, но он хотел править на основе демократии, а не диктатуры. Отстраненные от власти классы и их партии должны были получить право голоса в парламенте – примерно так же, как имели право голоса в парламенте социал-демократы во времена вильгельмовской империи.

Методы этой революции – возможно, ей же во вред – тоже были какими угодно, но только не большевистскими и не ленинскими. Если говорить точнее, они были даже не марксистскими, а лассальянскими: решающим рычагом власти, овладеть которым стремились революционные рабочие, матросы и солдаты, была для них не собственность на средства производства, что соответствовало бы марксистскому учению, а государственная власть. Так они, говоря словами социал-демократической боевой песни, вступили «на путь, которым нас вел Лассаль».

В соответствии с требованиями предтечи социал-демократии Фердинанда Лассаля, которые он выдвинул в 60-е годы XIX в., революционные массы стремились овладеть государственной, а не экономической властью. Они захватывали не фабрики, а ведомства и казармы. В качестве «народных уполномоченных» они выбирали социал-демократических вождей.

И эти вожди, приняв из рук революции государственную власть, использовали ее для кровавого подавления этой революции – их собственной, долгожданной, наконец ставшей реальностью революции. С самого начала Эберт пытался сделать то, чего напрасно добивался Кайзер, – натравить

возвращающиеся с фронта войска на революционных рабочих. А когда это ему тоже не удалось, он, не колеблясь, пошел еще дальше – вооружил самых заклятых воинствующих контрреволюционеров, врагов буржуазной демократии, да и собственных врагов, предшественников фашизма в Германии, – и поднял их на борьбу со своими ничего не подозревавшими сторонниками.

Это факт: то, что СДПГ утопила в крови и от чего она, если хотите, «избавила», или «спасла», Германию, было не коммунистической, а социал-демократической революцией. Социал-демократическая революция, которая произошла в Германии в 1918 г., была, как предсказал и надеялся принц Макс Баденский, за неделю до 9 ноября «задушена», утоплена в собственной крови. Но это было сделано не руками принцев и монархов, свергнутых ею, а руками ее собственных вождей, которых она с полным доверием поставила у власти. Она была подавлена самым жестоким, беспощадным образом, притом не с фронта, не в честном бою, а с тыла, путем предательства.

Не важно, чью сторону при этом занимаешь, сожалеешь ли о конечном результате, или приветствуешь его: каждому ясно, что эти события обрекли на вечный позор имена Эберта и Носке. Прошли десятилетия, но два приговора, высказанные в ту пору и скрепленные всей жизнью тех, кто их произнес, до сих пор звучат, как живые. Франц Меринг, ветеран социал-демократии и ее историограф, сказал в январе 1919 г. перед своей смертью от разрыва сердца: «Столь низко не опускалось еще ни одно правительство». А Густав Ландауэр произнес, прежде чем погибнуть от рук, а точнее, под сапогами солдатни добровольческих отрядов Носке: «Я не знаю за всю историю жизни на земле более омерзительного существа, чем социал-демократическая партия».

Эберт и Носке не становятся симпатичнее от того, что они были не крупномасштабными негодьями, а скорее мелкими обывателями. Чудовищность их исторических дел не соответствует характеру их личности. Исследуя мотивы их поступков, не находишь ничего демонического

или сатанинско-величественного, а только банальность: любовь к порядку и мелкобуржуазный карьеризм. Можно вполне поверить, что они искренне ненавидели и почти панически боялись того беспорядка, который неизбежно является спутником любой революции, хотя поразительно, почему они не испытывали такого страха перед не меньшими по масштабам, но более кровавыми беспорядками контрреволюции. Но, видимо, еще глубже, чем страх перед беспорядком, сидела в них спесь мещанина, перед которым неожиданно открылись двери в великосветское общество и который, более того, услышал, что свет просит его о помощи. Тот факт, что буржуазные коллеги по парламенту неожиданно начали с уважением относиться к тем, кого когда-то считали «безродным сбродом», что такие люди, как Грёнер и принц Макс Баденский, стали проявлять к ним лестное доверие и даже Кайзер с Гинденбургом милостиво снисходили до общения с ними; что все те, кого прежде боялись и кому завидовали, теперь, оказавшись в беде, видели в Эберте и его партии свою последнюю надежду на спасение, – все это вызвало в удостоенных столь высокой чести теплую волну доверчивой и гордой преданности, во имя которых они готовы были на любую жертву, даже если это будут тысячи людских жизней. Они радостно принесли в жертву тех, кто им верил и шел за ними, во имя тех, кто одарил их своей благосклонностью. Ужасное творилось с верноподданным, подобострастным простодушием холуя.

При этом Эберт столь же слепо доверял генералам, принцам и крупным буржуа, «вложившим в его руки судьбу германской империи», сколь слепо верили ему вершившие революцию социал-демократические рабочие, матросы и солдаты. И те, кому он оказал услугу своим предательством, предали его после того, как он сделал свое дело, точно так же, как он сам предал революцию. Средство, которое они избрали для этого, было третьей из трех больших легенд о революции в Германии: легендой об ударе кинжалом в спину.

Утверждение, что социал-демократическая революция виновна в поражении Германии, что она «нанесла удар кинжалом в спину победоносному фронту», было публично высказано Гинденбургом и Людендорфом сразу после того, как Эберт и Носке завершили подавление революции, и в течение четверти века принималось на веру немецкой буржуазией.

Это утверждение само по себе наносило удар в спину социал-демократическим вождям, которым кайзеровская Германия в октябре-ноябре 1918 г. приписала свое поражение и доверила свое спасение (Людеядорф заявлял: «Теперь сами расхлебывайте этот суп...»).

Лояльно признав свою ответственность за поражение (Эберт, обращаясь к возвращающимся с фронта войскам, сказал: «Ни один враг не смог победить вас...») и, словно верный пес, положил к ногам немецкой буржуазии бездыханное тело революции. Эти вожди получили в вознаграждение легенду об ударе кинжалом в спину. В последующие годы Эберта буквально затравили до смерти бесконечно повторяемым обвинением в измене родине, совершенно необоснованным, но тем не менее санкционированным решением суда.

Можно было бы питать к Эберту сочувствие, если бы в том, как история мстила ему, не проявилась своего рода изощренная справедливость. У Анетты фон Дросте-Гюльсгоф есть баллада, с поразительной точностью предвосхитившая судьбу Эберта.

Во время кораблекрушения некто убивает одного из своих спутников, столкнув его со спасательной доски. При этом ему случайно запомнились фабричные знаки на доске: «Батавия-510». Убийство остается нераскрытым. Но когда убийца, наконец, добирается до берега, его по ошибке принимают за давно разыскиваемого пирата. Невинного приговаривают к смерти, ведут на казнь.

А он, обижен, гордо шел
Презрев печальную юдоль.
На виселице вдруг прочел:

«Батавия – пять, один и ноль».

Стихотворение называется «Возмездие».

Точно так же косвенным путем, но неотвратимо обрушилось на Эберта возмездие за то, что он сделал с революцией. Его затравили до смерти ложью, обвинениями в предательстве, которого он никогда не совершал. Но эти обвинения никогда не задели бы его, если бы он не был виновен в другом акте предательства. Он нанес удар кинжалом в спину, но не победоносному фронту, а победоносной революции, и сделал это ради тех, кто затем заколол его сзади – с помощью лжи об ударе кинжалом в спину.

Трудно подавить известное удовлетворение при виде эстетического совершенства этой сложной симметрии. Возникает ощущение: словно находишься на вершине симфонической композиции, где сплетаются все темы, обнажая при этом свои общие истоки. При поверхностном подходе может показаться, что ложь об ударе кинжалом в спину была вопиющей несправедливостью по отношению к Эберту. Но если посмотреть поглубже и повнимательнее, то видно, что он этого заслужил. Его предали так же, как предавал он сам, и его смогли предать только потому, что он предал сам.

29 сентября 1918 г. Людендорф свалил на социал-демократов вину за свое поражение, чтобы иметь возможность позднее заклеить их как предателей. Революция пришла им на помощь и начала разбивать западню, которую он поставил и в которую они сами зашли, не видя опасности. Но они предали революцию – и западня захлопнулась. Вот, в трех фразах, вся история. Страшная, но не лишенная смысла история. Ее можно было бы озаглавить: «Заслуженная кара».

К сожалению, кара за великое предательство германской революции 1918 г. затронула не только тех, кто ее заслуживал.

Коллективный герой этой революции, немецкий рабочий класс, так никогда и не оправился от того удара в спину, который был ему тогда нанесен. Социалистическое единство, во имя которого он храбро сражался и истекал кровью, было

навсегда утрачено в 1918 г. Это страшное предательство положило начало великому расколу социалистического движения и неистребимой ненависти между коммунистами и социал-демократами, подобное той ненависти, которую испытывают друг к другу волки и собаки (как известно, собака – это бывший волк, которого человек приручил для своих целей; социал-демократия – это бывшая рабочая партия, которую приручил для своих целей капитализм). Те же рабочие, которые храбро, но неудачно сражались в 1918 и даже в 1919 и в 1920 гг., обнаружили через пятнадцать лет, что их боевой дух, столь необходимый для борьбы с Гитлером, сломлен. А их сыновья в 1945 г. уже не смогли повторить подвиг отцов, свершенный в 1918 г. Их внуки, живущие сегодня, вообще уже ничего не знают об этом подвиге. Революционные традиции германских рабочих угасли.

И немецкому народу в целом, включая его буржуазные слои, которые тогда с понятным облегчением и злорадством приветствовали крушение революции, пришлось дорого заплатить за это крушение: «Третьей империей», повторением мировой войны, вторым, еще более тяжким поражением, утратой своего национального единства и суверенитета. Все это в зародыше уже присутствовало в той контрреволюции, которую развязали социал-демократические вожди. От всего этого Германию могла бы оградить победа германской революции.

И по сей день есть еще много немцев типа Эберта, ненавидящих любую революцию, «как смертный грех». И по сей день много таких, которые отрекаются от революции 1918 г., считая ее позорным пятном в истории нации. Но революция не позорное пятно. Она была славным подвигом – особенно после тех четырех лет, когда народ голодал и истекал кровью. Позорным пятном было предательство, свершенное по отношению к ней.

Разумеется, революцию не делают ради удовольствия. Разумеется, искусство руководства государством в том и состоит, чтобы с помощью предупреждающих реформ

по возможности избежать революции. Всякая революция – это болезненный, кровавый и сложный процесс, подобный родам. Но, подобно родам, каждая победоносная революция – это творческий процесс, дающий новую жизнь.

Все народы, пережившие великую революцию, с гордостью вспоминают о ней. И каждая победоносная революция возвеличивала народ, совершивший ее: Нидерланды и Англию – в XVII веке, США и Францию – в XVIII и XIX, Россию и Китай – в XX веке. Большим народ становится не от победоносных революций, а от революций задушенных и подавленных, от революций, которые предали и от которых отреклись.

Немцы до сих пор больны из-за того, что революция 1918 г. была предана.

Фрагменты книги: Хаффнер С. Революция в Германии 1918–1919. Как это было в действительности. – М.: Прогресс, 1983. – 224 с. Перевод с немецкого.

34. Обращение Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов к жителям Мюнхена, 8 ноября 1918 г.

Ужасные удары судьбы, обрушившиеся на немецкий народ, привели к элементарному движению протеста мюнхенских рабочих и солдат. Временный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов конституировался в ночь на 8 ноября в здании ландтага.

Бавария объявляется свободным государством. Немедленно следует сформировать народное правительство, облеченное доверием масс. Как можно скорее должно быть созвано конституционное Национальное собрание, избранное всеми дееспособными мужчинами и женщинами.

Начинается новая эпоха! Бавария поможет Германии вернуться в семью народов. Демократическая и социальная республика Бавария обладает моральной силой для того, чтобы обеспечить для Германии мир, который уберезет ее от наихудшего. Произшедший переворот был необходим

для того, чтобы в последний момент народное самоуправление не допустило самых тяжелых потрясений, чтобы вражеские войска не хлынули через наши границы или чтобы германская армия после подписания перемирия не устроила хаос в процессе демобилизации.

Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обеспечит строжайший порядок. Любые противоправные действия будут безжалостно пресекаться. Безопасность личности и собственности гарантируется.

Солдаты, находящиеся в казармах, избирают солдатские советы для самоуправления и поддержания дисциплины. Офицеры, которые не оказывают сопротивления новому порядку вещей, могут и дальше беспрепятственно нести свою службу.

Мы рассчитываем на конструктивную помощь всего населения. В условиях свободы нам важен каждый рабочий! Все чиновники остаются на своих местах. Немедленно начинают проводиться в жизнь глубокие социальные и политические реформы.

Крестьяне отвечают за снабжение городов продовольствием. Былое противоречие между городом и деревней должно исчезнуть. Продуктообмен будет организован рациональным образом.

Рабочие, граждане Мюнхена! Окажите доверие тем великим событиям, которые подготавливаются в эти судьбоносные дни! Нужна ваша помощь, чтобы неизбежный переворот произошел быстро, легко и мирно. В эпоху бессмысленного убийства мы проклинаем любое кровопролитие, нам свята человеческая жизнь! Сохраняйте спокойствие и принимайте участие в строительстве нового мира!

Для Баварии завершилась братоубийственная война социалистов. Рабочие массы восстановят собственное единство на существующей ныне революционной основе. Да здравствует Баварская республика! Да здравствует мир! Да здравствует плодотворная работа всех трудящихся!

Первый председатель Совета: Курт Эйсер.

**35. Телеграмма Прусской дипломатической миссии
в Баварии в Министерство иностранных дел Германии,
9 марта 1919 г.**

Серьезность ситуации, возникшей в результате последних требований съезда Советов, невозможно переоценить. Ландтаг стоит перед выбором: или совершить самоубийство, приняв эти требования, или отклонить их голосами буржуазных партий. В первом случае обратный путь к демократии практически отрезан хотя бы потому, что ландтаг потеряет к себе всякое уважение. Во втором случае наступит полный раскол Баварии на социалистический лагерь, основой которого является советская система, и буржуазный лагерь, опирающийся на демократию. Такое развитие событий окажет непосредственное влияние на положение дел в остальном рейхе, ибо безвольные и не имеющие достойных вождей местные социалисты большинства станут приспешниками радикалов. На наш взгляд, при отказе от своих демократических основ социал-демократия отречется от самой себя.

Поэтому мы придерживаемся единодушного мнения, что берлинское руководство должно принять все меры для того, чтобы с помощью посылки телеграмм и социал-демократических депутатов предотвратить покидание здешними социал-демократами демократической почвы. Даже если они на какой-то момент и уступят давлению советских идей, им следует с помощью надлежащих оговорок на будущее оставить себе свободу рук.

Если баварский добровольческий корпус наберет достаточную мощь, ландтаг должен будет собраться по призыву своего старого председателя в Северной Баварии, опираясь на суверенное право. При политической поддержке имперского руководства ландтаг сможет достаточно быстро взять под контроль всю землю и довести до краха здешнюю экономику. Социал-демократии не следует исключать для себя возможности участвовать в его работе.

Революция должна развиваться одинаковым темпом в основных союзных государствах /Германии/. Колебания влево и вправо при современном внешнеполитическом положении приведут к развалу империи.

Цех. Рицлер.

36. Обращение Центрального совета Баварии в связи с провозглашением Советской республики, 6 апреля 1919 г.

Жребий брошен. Бавария – Советская республика. Трудящийся народ – господин своей судьбы. Революционный рабочий класс Ии крестьянство Баварии, в том числе и все наши носящие солдатский мундир братья, не раздираемые больше никакими партийными разногласиями, объединились на том, чтобы отныне положить предел всяческой эксплуатации и порабощению. Диктатура пролетариата, ставшая действительностью, имеет целью осуществление истинно социалистического строя, в котором каждый трудящийся принимает участие в общественной жизни и организации справедливого социалистически-коммунистического хозяйства.

Ландтаг, этот бесплодный продукт отжившей буржуазно-капиталистической эпохи, распущен; назначенное им правительство подало в отставку. Назначаемые Советами трудящихся ответственные перед народом выборные лица получают в качестве народных уполномоченных чрезвычайные полномочия для руководства работой во всех отраслях. Их помощниками будут испытанные представители всех направлений революционного социализма и коммунизма. Многочисленные полезные силы из среды чиновничества, в особенности низшие и средние государственные служащие, приглашаются к активному сотрудничеству в строительстве новой Баварии. Система бюрократии будет немедленно искоренена. Печать подвергнется социализации.

Для обороны Баварской Советской республики от реакционных покушений изнутри и извне будет немедленно

создана Красная Армия. Революционный суд будет беспощадно карать всякое посягательство на Советскую республику.

Баварская Советская республика следует примеру русского и венгерского народов. Она сейчас же установит братскую связь с этими народами. С другой стороны, она отказывается от сотрудничества с презренным правительством Эберта, Шейдемана, Носке, Эрцбергера, которые под флагом социалистической республики, продолжают империалистически-капиталистически-милитаристское дело бесславно павшего царства германского кайзера.

Она призывает все братские немецкие народы последовать ее примеру. Баварская Советская республика шлет привет всем пролетариям, повсюду, где они борются за свободу и справедливость, за революционный социализм – в Вюртемберге, в Рурской области и во всем свете. В ознаменование светлой надежды на счастливое будущее всего человечества день 7-го апреля настоящим объявляется днем национального торжества. В знак начинающегося разрыва с проклятым веком капитализма в понедельник 7-го апреля 1919 года во всей Баварии не должны производиться никакие работы, за исключением насущно необходимых для трудящегося народа, о чем одновременно даются детальные указания.

Да здравствует свободная Бавария!

Да здравствует Советская республика!

Да здравствует мировая революция!

37. Из воспоминаний Эриха Мюзама о баварской революции, написанных в сентябре 1920 г. во время заключения в крепости Ансбах и адресованных В.И. Ленину

Эрих Мюзам – немецкий поэт и драматург, один из видных деятелей Баварской Советской республики . Однако мировую известность он получил уже в годы Веймарской республики, как автор работ, высмеявших Гитлера и осуждающих нацистов ещё до их прихода к власти. После поражения Баварской Советской республики был арестован. В 1924 г. – освобожден из тюрьмы по амнистии. В марте 1933 г. Мюзам, как и на другие левые интеллектуалы был арестован нацистами. 10 июля 1934 г. скончался в концлагере Ораниенбург.

Работа советского правительства была невероятно сложной. С одной стороны, на нас со всей своей силой обрушилась КПП, с другой – социал-демократы вели тактику принятия более или менее революционных решений, реализацию которых они тут же начинали затягивать. Ландауэр все время проводил в своем ведомстве, и мне одному приходилось представлять и проводить в жизнь необходимые революционные решения. Я мог безусловно рассчитывать только на нескольких членов Революционного рабочего совета. Независимые проявляли такую пассивность, от которой можно было впасть в отчаяние. Я был рад, когда КПП потребовала от Центрального совета права вступать в радиосообщение с Москвой и Будапештом без какого-либо контроля. Мне было совсем непросто продать подобное разрешение. Но оно было получено, и я надеялся, что партия получит из Москвы директивы, которые заставят ее покончить с обструкцией и занять более решительную позицию.

Настоятельным требованием членов Революционного рабочего совета было вооружение рабочего класса, которое

затягивалось уже в силу того, что пост народного уполномоченного по военным делам в течение нескольких дней оставался вакантным. Когда стало известно о том, что бывший премьер-министр собрал своих коллег в Бамберге и создал там альтернативное правительство, готовя вооруженное выступление против Мюнхена, в оборот была пущена новая оговорка: в Мюнхене вообще нет оружия. По сути дела, руководство саботировало вооружение рабочих и тем самым озлобляло их. В конце недели я внес предложение снарядить бронепоезд и прорваться на нем в город Амберг в Верхней Франконии. Там был оружейный завод, и если не оставалось никакого другого выхода, можно было бы силой исполнить волю пролетариата. Власти со всем соглашались и ничего не предпринимали...

Почему столь стремительное провозглашение Советской республики было нашей ошибкой, я понял после того, как меня посетил товарищ Аксельрод. В ходе разговора он объяснил мне, что был просто обязан выступить против провозглашения, поскольку оно буквально свалилось на голову без какой-либо достаточной и тайной подготовки по всей Баварии. Каждому человеку следовало находиться в полной боевой готовности. Все прокламации и мероприятия к моменту начала акции должны быть готовы до последней запятой. И прежде всего, нужно было обеспечить надежное военное прикрытие. Лишь после этого можно было бы давать сигнал к выступлению, чтобы потом не утонуть в формальностях. Если бы эти аргументы прозвучали 4 апреля, я уверен, мы не пережили бы случившегося несчастья. Я задал вопрос, следует ли в нынешних условиях дать полный назад и капитулировать перед правительством Гофмана. Аксельрод ответил, что это уже невозможно, но продолжал защищать негативную позицию коммунистов.

38. Эрнест Тельман о ноябрьской революции 1918 года в Германии

Эрнст Тельман (1886–1944) – председатель ЦК Коммунистической партии Германии (1925–1933), депутат рейхстага (1924–1933). Дважды баллотировался на президентских выборах (1925, 1932). С 1925 года до запрета в 1929 году возглавлял также Союз красных фронтовиков, который служил для вооружённой защиты КПП, особенно в уличных боях с политическими противниками и полицией. Тельман был арестован 3 марта 1933 года, за два дня до выборов в рейхстаг и через несколько дней после поджога Рейхстага. Застрелен в августе 1944 года после более чем одиннадцати лет одиночного заключения, предположительно по прямому приказу Гитлера.

Какова же была ситуация? Объективное положение отвечало всем условиям, необходимым для победы пролетарской революции и установления господства пролетариата, как их охарактеризовал вождь мирового пролетариата Ленин. Господствующий класс и его государственный аппарат были ослаблены в результате поражений, понесенных в мировой войне, орудия власти пришли в негодность, войска и полиция уже не могли больше оказывать сопротивление революции. Если бы это зависело от воли генералов и офицеров, то 9 ноября в Берлине строчили бы пулеметы, очищая улицы от пролетарских масс. Пулеметы уже давно были установлены в учреждениях, в подвалах и в подъездах. Но не было солдат, которые были бы готовы пустить в ход эти пулеметы против пролетарской революции.

С другой стороны, страшный кризис, вызванный войной, длившейся четыре с половиной года, обусловил то разложение в лагере господствующего класса и, прежде всего средних слоев, которое является еще одним предварительным условием победы пролетарской революции. Мелкобуржуазные массы, сельское население, ремесленники и кустари уже

перестали быть верными союзниками буржуазно-капиталистического государства, а тем более союзниками юнкеров или монархии. Их терпению пришел конец. Они не собирались оказывать активного сопротивления борьбе рабочих, скорее они готовы были поддержать ее.

А сам рабочий класс? Пролетарии в солдатских шинелях, пролетарии и жены рабочих за станками на военных заводах и в адских цехах химических военных предприятий в своем подавляющем большинстве примкнули к лагерю пролетарской революции. Не только окончание этой небывалой войны, нет, ликвидация всей капиталистической системы, установление социалистического строя на развалинах обанкротившегося буржуазного общества – такова была цель, которая стояла перед глазами самых широких масс, хотя среди большинства германских рабочих царил еще неуверенность и путаница и они не представляли себе ясно пути к достижению этой цели.

Таким образом, объективная ситуация и соотношение классовых сил вполне созрели для победы германской революции...

И все же германской буржуазии еще раз удалось похитить у германского пролетариата плоды 9 ноября. Уже свергнутая буржуазия снова собралась с силами и потопила в потоках драгоценной пролетарской крови освободительную борьбу германского рабочего класса. И это было совершено мечом кровавого наемника Носке и прочих социал-демократических палачей германского пролетариата...

Как же случилось, что, несмотря на наличие всех предпосылок для победы пролетариата с точки зрения объективного соотношения сил революции, буржуазии все же удалось вновь утвердить свое прогнившее, подточенное классовое господство, укрепить его и подавить пролетариат?

Трагедия германской революции 1918 года, январских боев 1919 года, выступлений после капповского путча в 1920 году, мартовского выступления 1921 года вплоть до октября 1923 года – последней волны этого первого

периода острой революционной ситуации – состояла в противоречии между наличием объективно созревших революционных условий, с одной стороны, и субъективной слабостью германского пролетариата, вызванной отсутствием целеустремленной большевистской партии, – с другой.

Накануне нового, 1919 года массы были готовы к борьбе, но не хватало целеустремленного руководства, которое сумело бы организовать эту борьбу и при помощи планомерной организации и проведения вооруженного восстания разгромить и уничтожить кровавую собаку Носке и его сообщников Эберта и Шейдемана вкупе с их генералами и белой гвардией.

Ни революционный инстинкт, ни несравненный героизм отдельных вождей «Союза Спартака», зверски убитых основателей нашей партии, не могли заменить железного авангарда, закаленного как сталь в огне революционного опыта. Карл и Роза потому и стали жертвами варварской социал-демократической контрреволюции, жертвами Носке, Эберта и Шейдемана с их наемными убийцами из-за угла, что они не смогли выковать для германского пролетариата того оружия, которое привело русский пролетариат к победе, – не смогли выковать большевистскую партию!

Эрнст Тельман Избранные статьи и речи, т. II, М., 1958, С. 8 – 10.

ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

39. Веймарская конституция 11 августа 1919 г. (извлечения)

Статья 1. Германский рейх – республика.

Государственная власть исходит от народа.

Статья 3. Цвета рейха – черный, красный и золотой. Торговый флаг – черно-бело-красный с цветами рейха в верхнем внутреннем углу.

Статья 20. Рейхстаг состоит из депутатов германского народа.

Статья 21. Депутаты являются представителями всего народа. Они подчиняются только своей совести и не связаны мандатами.

Статья 22. Депутаты избираются всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов на началах пропорционального представительства, мужчинами и женщинами, достигшими 20-летнего возраста. Выборы должны производиться в воскресенье или в дни общественного отдыха. Подробности устанавливает имперский избирательный закон.

Статья 23. Рейхстаг избирается на 4 года...

Статья 25. Президент империи может распускать рейхстаг, но не более одного раза по данному поводу. Новые выборы должны быть произведены не позже чем на 60-й день после роспуска...

Статья 41. Президент империи избирается всем германским народом.

Может быть избран каждый немец, которому исполнилось 35 лет...

Статья 43. Президент империи избирается на 7 лет. Переизбрание допускается...

Статья 47. Президенту империи принадлежит верховное командование всеми вооруженными силами империи...

Статья 48. Если в пределах Германской империи серьезно нарушены общественная безопасность и порядок или если

грозит серьезная опасность такого нарушения, то президент империи может принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, в случае надобности с помощью вооруженной силы. С этой целью он может временно приостанавливать полностью или частично гарантии основных прав, данные ст. 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153...

Статья 54. Рейхсканцлер и имперские министры нуждаются для отправления своих должностей в доверии рейхстага. Каждый из них должен подать в отставку, если рейхстаг определенным постановлением лишает его доверия...

Статья 109. Все немцы равны перед законом.

Мужчины и женщины имеют в принципе одинаковые гражданские права и несут одинаковые обязанности.

Публично-правовые привилегии и ограничения, обусловленные рождением или сословием, подлежат отмене. Дворянские обозначения считаются лишь за часть фамилии и впредь не могут даваться...

Статья 114. Свобода личности неприкосновенна. Ограничение или лишение личной свободы публичной властью допускается только на основании законов...

Статья 115. Жилище каждого немца есть его свободное убежище. Оно неприкосновенно. Исключения допускаются только на основании законов.

Статья 117. Тайна переписки, равно как тайна почтовых, телеграфных и телефонных сношений, неприкосновенна. Исключения могут быть допущены только на основании имперских законов.

Статья 118. Каждый немец имеет право в пределах общих законов свободно выражать свои мнения устно, письменно, в печати, посредством изображения или иначе. В этом праве его не должны стеснять никакие отношения по работе или службе, и никто не имеет права причинять ему ущерб за то, что он пользуется этим правом. Цензура не допускается...

Статья 123. Все немцы имеют право собираться мирно и без оружия, не делая предварительного заявления и не спрашивая особого разрешения.

Для собрания под открытым небом имперский закон может устанавливать обязательность предварительного заявления и в случае непосредственной опасности для общественного спокойствия воспрещать их.

Статья 124. Все немцы имеют право образовывать союзы или общества в целях, не противных уголовным законам. Это право не может подвергаться ограничению мерами принудительного характера. Для религиозных союзов и обществ действуют те же постановления...

Статья 125. Гарантируется свобода и тайна выборов...

Статья 153. Собственность обеспечивается конституцией...

40. Антигосударственный путч Каппа-Лютвица.

Из обращения Вольфганга Каппа к немецкому народу (13 марта 1920 г.)

Вольфганг Капп (1858–1922) – банкир, консервативный прусский политик, монархист, один из гражданских руководителей путча. Возглавил контрреволюционное правительство. После поражения путча бежал в Швецию, отошел от политической деятельности. Вальтер Лютвиц (1852–1942) – кадровый военный, генерал. После революции участвовал в создании «добровольческого корпуса» из числа бывших офицеров. В марте 1920 г. стал военным руководителем антигосударственного путча. После его поражения уволен в отставку.

Страна и народ находятся в серьезной опасности. Лишенное авторитета, бессильное, погрязшее в коррупции правительство оказалось не в состоянии вывести страну из тупика [...]. Прежнее правительство прекратило существование. Вся полнота государственной власти перешла в руки генерального директора по земельным делам Каппа как

рейхсканцлера и министра-президента Пруссии. Верховным главнокомандующим и одновременно военным министром назначен генерал Лютвиц [...]. Новое правительство гарантирует порядок, свободу и работу [...]. Мы будем управлять не по теории, а в соответствии с практическими потребностями государства и народа [...]. Германия должна стать моральным содружеством. Цветами германской республики являются черно-бело-красный.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 347.

41. Из Призыва центрального и некоторых земельных правительств к пассивному сопротивлению франко-бельгийской оккупации Рура (19 января 1923 г.)

[...] Акция французского и бельгийского правительств является крупным нарушением международного права и Версальского Веймарская республика (1919–1933 гг.) договора. Ввиду этого, приказы и распоряжения, которые отдаются немецким чиновникам для исполнения этой акции, являются неправомерными. Поэтому имперское правительство и правительства Пруссии, Баварии, Гессена и Ольденбурга запрещают выполнять.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 348-349.

42. Из Обращения германского правительства к народу о положении страны (1 мая 1923 г.)

[...] Ситуация со снабжением углем в оккупированной зоне сложилась тяжелая. Железнодорожное сообщение остановлено до отрезков путей, милитаризованных французами. Должны остановиться все автомобильное и все гужевое сообщение. Часть предприятий прекратила работу, другие перешли на сокращенный рабочий день. Тем не менее,

в промышленности никто не думает о прекращении пассивного сопротивления. Немецкое правительство широко поддерживает промышленность денежными средствами и займами. Разумеется, невозможно дать все требующееся. В остальной незанятой части Германии снабжение углем хорошее.

С другой стороны, удешевление марки имеет преимущество в том, что немецкая экономика снова может работать на экспорт. Наши цены снова ниже мировых. Правда, любое искусственное повышение курса марки держится очень недолго. Каждый месяц пассивный торговый баланс составляет 2 миллиона золотых марок. Его можно покрыть только печатным станком.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 349.

**43. О положении в Германии и КПГ осенью 1923 г.
Из письма Карла Радека в Политбюро ЦК РКП(б)
и Исполком Коминтерна (Берлин, 29 октября 1923 г.)**

Карл Бернгардович Радек (Собельсон) (1885–1939) – деятель международного социал-демократического движения, публицист. Член РСДРП с 1903 г., член ЦК РКП (б) и Исполкома Коминтерна (1919–1924). Участвовал в германской революции 1918–1919 гг. и коммунистическом путче Германии (октябрь 1923г.). В 1937г. репрессирован, реабилитирован в 1988 г.

[...] Часть пролетариата, находящаяся в отчаянном положении, рвется в бой. Но она представляет меньшинство. Другая часть мечется, ищет еще выхода без боя.

Представительство «Централе» [ЦК КПГ] дало в Москве совершенно нереальную картину подготовки партии [к вооруженному восстанию].

[...]. Если бы мы знали, что в партии ничего не подготовлено для восстания, то мы бы в сто раз больше говорили о подготовке, чем о сроке [...].

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 428-430.

**44. О перспективах германской революции.
Из Отчета советского военного советника при ЦК КПГ
А.П. Штродах в Исполком Коминтерна
(11 февраля 1924 г.)**

Алексей Петрович Штродах (1894–1956) – российский социал-демократ, большевик с 1912 г. В 1923г. был направлен военным советником в военный отдел при ЦК КПГ для подготовки революции. После возвращения из Германии – на партийной и хозяйственной работе в СССР.

После четырехмесячного пребывания в Германии хочу вкратце сообщить свои впечатления. Настроение массы не боевое и не такое, какое нужно для завоевания власти. Население современной Германии политически чрезвычайно пассивно. Сильной веры в революцию там нет (такой, какая была у нас). В социалистический или коммунистический рай на следующий же день после переворота там никто не верит. Социалистические фразы там давно уже обносились и притупились из-за долгого употребления, и острого эффекта они не производят (...). Твердой и безоговорочной веры нет даже в широких партийных массах – не говоря уже о рабочей массе [...]. При теперешнем положении ожидать в Германии революции не приходится. Настроение масс этому не соответствовало даже в октябре-ноябре [1923г.] – несмотря на то, что обстановка тогда была благоприятна для возникновения боевого настроения.

Германская революция не может произойти без помощи нашей Красной Армии [...].

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 448-449.

45. Статья Э. Тельмана «Уроки гамбургского восстания» (извлечение)

Статья Э. Тельмана «Уроки гамбургского восстания» была опубликована во вторую годовщину восстания – 23 октября 1925 г. в органе ЦК КПП газете «Роте фане».

Каковы важнейшие уроки гамбургского восстания?

1. Численно небольшой отряд пролетариев, с величайшим героизмом боровшихся под знаменем диктатуры пролетариата, в военном отношении с успехом выдержал натиск двадцатикратно превосходившего его, блестяще организованного и вооруженного войска буржуазии.

2. Немеркнущая слава гамбургских октябрьских борцов состоит в том, что в период революционной ситуации они взялись за оружие, хотя победа вовсе не была у них в руках на 99 процентов. Ленинизм учит, что надо браться за оружие, когда имеются серьезные шансы на победу. Но никогда заранее нельзя гарантировать победу. Поражение в такой борьбе в тысячу раз более плодотворно и ценно для будущих классовых боев, нежели отступление без единого удара меча.

3. Восстание потерпело поражение потому, что оно было изолировано, потому что оно не было тотчас же поддержано ни в Саксонии, ни в других частях страны. Рабочие, восставшие в каком-нибудь одном месте, могут бороться с величайшим мужеством и при этом опираться на поддержку сильного массового движения, но они будут разбиты, если пролетариат всей страны не поддержит их. Именно в этом – в организации и сплочении всего рабочего класса во всех промышленных центрах и крупных городах по всей стране – и заключается роль коммунистической партии как авангарда пролетариата.

Именно поэтому нам нужна железная, до предела сплоченная и спаянная единством, безусловно, дисциплинированная партия.

4. Неверно, что гамбургское восстание было путчем, нет, оно опиралось на симпатии самых широких масс. Даже полицейский сенатор Хензе со злобой вынужден был признать, что социал-демократические рабочие Гамбурга, этой самой правой организации СДПГ, а также «самые широкие круги населения были на стороне коммунистов». Наша слабость заключалась только в том, что мы не сумели крепко сплотить эти массы вокруг себя, перетянуть их своевременно в ходе разрозненных выступлений на свою сторону и образовать вместе с ними единый фронт против социал-демократических лидеров.

5. Чтобы одержать победу, если гамбургские бои повторяются в гораздо большем масштабе, – а это неизбежно – мы должны войти в массы подобно клину, соединить их с собой тысячей нитей и образовать с миллионами рабочих подлинно пролетарский единый фронт. В профсоюзах, во всех беспартийных организациях рабочего класса должно быть создано большое революционное крыло, которое вместе с коммунистами станет носителем грядущих боев.

6. Особенным недостатком октябрьских боев в Гамбурге было отсутствие сильного движения за Советы. Этот факт еще недостаточно понят в нашей партии. Советы являются теми органами, которые в революционной ситуации сплачивают миллионные массы пролетариата, образуя его боевой костяк. Об этом уроке мы должны помнить и в настоящий период, период между двумя революциями.

7. Захват власти пролетариатом это не единичный акт. Он состоит не только в вооруженной борьбе против войск буржуазии, он должен быть подготовлен в процессе многолетней упорной работы коммунистической партии и всего пролетариата. Будущих победителей буржуазии нужно воспитывать, подготавливать и организовывать в ходе

многочисленных отдельных выступлений. В этом и состоит в настоящий период наша главная задача.

8. Неверно, будто октябрьское поражение 1923 года означает, что раз и навсегда «упущена» единственная в своем роде революционная ситуация. Поражение 1923 года не является длительным поражением, как и поражение «Союза Спартака» в дни Носке в 1919 году не было длительным поражением. Стабилизация буржуазной Германии не будет длительной, она выдохнется, несмотря на план Дауэса и гарантийный пакт, вернее, из-за плана Дауэса и гарантийного пакта. Капиталистическая стабилизация Германии уже переживает сейчас свою первую «одышку». Величайшим результатом гамбургского восстания является то, что в течение трех суток рабочие видели своего, казалось бы, непобедимого классового врага во всей его слабости. В дни Гамбурга рабочие видели буржуазию на краю пропасти. И этого момента они никогда не забудут! Мы шагаем вперед не с тем, чтобы погрязнуть в болоте, мы шагаем навстречу новым боям! С железной неизбежностью мы идем навстречу второй революции в Германии. Вот почему гамбургское восстание не принадлежит «истории», а является репетицией грядущих боев.

9. Восстание было образцом блестящей, безукоризненно действующей организации революционного сражения. Но одновременно оно выявило и крупнейшую организационную ошибку нашей партии. На стороне гамбургских борцов были симпатии всех заводских рабочих, но организационно они не были с ними связаны. И тут обнаружилась вся непригодность, роковая отсталость нашей старой социал-демократической системы уличных ячеек. Машина, предназначенная для выборов, не годится для баррикад! И самой крупной брешью в гамбургском боевом фронте было отсутствие коммунистических заводских ячеек. В будущем в подобной ситуации такой отряд борцов, как гамбургский, опирающийся на крепкие ячейки на всех заводах и на сплоченность самых широких рабочих масс, будет непобедимым.

10. Величайший, самый ценный урок гамбургского восстания – это замечательное осуществление роли коммунистической партии в пролетарской революции. Коммунисты не на словах, а на деле были авангардом, руководителями, вожаками рабочего класса. Они придали движению ясно очерченную цель, точно сформулированную программу: диктатура пролетариата. В этом отношении гамбургские бои стоят на гораздо более высокой ступени, чем все выступления, имевшие место ранее. Например, мартовское выступление 1921 года не выдерживает сравнения с гамбургским восстанием. Только потому, что партия крепко держала руководство борьбой в своих руках, гамбургские революционеры впервые в Западной Европе усвоили и претворили в жизнь учение Маркса и Энгельса о том, что восстание есть искусство, и что главное правило этого искусства – отчаянно смелое, бесповоротно решительное наступление.

Эрнст Тельман, Избранные статьи и речи, т. I. М., 1957, С. 183–185.

46. Из сообщения телеграфного агентства о нацистском пугче в Баварии (8 ноября 1923 г.)

Сегодня вечером из Мюнхена пришло сообщение о государственном перевороте. В переполненном и уже ровно в 7 часов закрытом зале пивной «Бюргерброй» выступал с объявленной речью генеральный государственный комиссар доктор фон Кар. Его прервали, не дав закончить выступление. В зал ворвался лидер национал-социалистов Гитлер со штурмовой группой, прозвучало несколько выстрелов в потолок. Разразилась паника. Гитлер объявил о свержении правительства [...] и о национальной диктатуре. По его словам, 5 лет назад началась революция, сегодня она закончена. Кабинет распущен. Гитлер сообщил об уже сформированном баварском правительстве [...]. В Мюнхене образуется национальное правительство Германской империи и незамедлительно формируется армия. Руководить немецкой политикой будет он,

Гитлер. Генерал Людендорф берет на себя командование немецкой армией, генерал фон Лоссов станет министром обороны, полковник фон Зайссер – министром имперской полиции. Кар, Людендорф и Пёнер в своих кратких речах заявили о готовности занять посты в правительстве.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 352.

47. Газета «Берлинер тагеблатт» о результатах президентских выборов 1925 г.

Республиканцы проиграли битву. Ранее приверженец монархии, фельдмаршал фон Гинденбург стал президентом Германской республики. Вчерашние выборы были экзаменом для ума, и перед лицом наблюдателей со всего мира, ужаснувшихся в сочувствии друзей и насмехающихся врагов примерно половина немецкого народа этот экзамен не сдала. Общее мнение: Что можно поделаться с народом, который не учится на своих ошибках и позволяет в который раз править собой одним и тем же людям?

14 миллионов знают, чего они хотят, они не ищут, но и не боятся драки. Мы уверены, что президент Германии Гинденбург не желает устраивать свару, а его воинственным партийным соратникам следовало бы знать, что уже много боев выиграно, однако победа так и не одержана.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 352–353.

48. Готфрид Федер **Манифест к сломлению кабалы процентов**

Готфрид Федер (1883–1941) – экономист, один из ранних и значимых идеологов национал-социализма и один из первых членов НСДАП. Он был её экономическим теоретиком.

Вам, товарищи обоих социалистических направлений, умеренные и независимые!

Дальнейшая программа
«Триста человек, все они знают друг друга,
направляют судьбу европейской экономики
и выбирают преемников среди себя».
Вальтер Ратенау, 1909 г.

Предисловие к очередному 27-31 изданию

13 лет назад вышел «Манифест к сломлению кабалы процентов».

Когда, как раз в разгар потрясений ноябрьских дней 1918 года, я опубликовал это произведение, изложенное тогда в виде основных концептуальных пунктов, я ещё не мог думать и надеяться, какое неслыханное воздействие ему ещё предстоит оказать, ведь оно вскоре после этого стало по сути духовным источником национал-социализма.

Адольф Гитлер сам пишет в своей книге «Майн Кампф» об истории возникновения движения: «Впервые в своей жизни я стал свидетелем принципиального спора с международным биржевым и ссудным капиталом. После прослушивания первой лекции Федера меня немедленно посетила мысль о том, что найден путь к одной из важнейших предпосылок к основанию новой партии.

Заслуга Федера заключается, по-моему, в том, что он с бесцеремонной жёсткостью установил, как спекулятивный, так и народохозяйственный характер биржевого и ссудного капитала с их извечной устремлённостью к заветному проценту.

Его выводы во всех основных вопросах были настолько правильными, что его критики изначально меньше всего оспаривали теоретическую верность идей, а больше выражали сомнение в возможности их практического воплощения. То, что в глазах других было слабостью Федеровского изложения – в моих становилось их силой».

Чтобы сделать брошюру доступной партийным коллегам в старом виде, издательство «Франц Эер» решило оставить текст неизменным.

Возможно, там или тут способы выражения мыслей ещё находятся под сильным влиянием волнующей хроники ноябрьских преступлений, но я считаю неподходящим менять что-либо в первоначальном издании.

Книга ведь не является во всех своих подробностях обязательной для партии; но выводы и рассуждения, содержащиеся в ней, во всех своих основных пунктах концептуально точны, и именно: заглавие книги с требованием сломя кабалы процентов является одним из основных пунктов национал-социалистической программы, следовательно, содержание всех изложенных в книге мыслей внутренне самым непосредственным образом связано со всем нашим движением.

Манифест к сломя кабалы процентов

Маммонизм – это тяжёлая, всё вобравшая в себя хроническая болезнь, которой страдает наш сегодняшний культурный мир, да и, пожалуй, всё человечество.

Это – всёпожирающий яд, глобальная эпидемия, охватившая народы мира. Под маммонизмом надо понимать следующее:

– с одной стороны, это огромная всемирная власть денег, надгосударственная власть финансов, возвышающая себя над любыми правами народов на денежное самоопределение, международный большой капитал, т. н. «золотой интернационал»;

– с другой стороны, это строение духовного мира, охватившее широчайшие слои населения, ненасытная жажда завоевания, направленное туда же восприятие жизни, которое уже привело к деградации моральных понятий и заведёт их ещё дальше.

Это строение духовного мира воплотилось и вознеслось на вершину жизни в форме международной плутократии.

Основным источником силы маммонизма является неустанный и бесконечный приток материальных благ, обусловленный функционированием процента.

Из насковзь антиморальных мыслей о процентах с ссудного капитала и родился золотой интернационал.

Этот выросший из жадности к проценту и спекуляции любого рода духовный и моральный уклад жизни привёл к засасыванию в глубокую трясиину части буржуазии.

Мысль о проценте со ссудного капитала – величайшее изобретение его самого, обеспечивающее ленивое восседание на троне небольшого числа денежных властителей за счёт работающих наций и их рабочей силы, и именно эта мысль привела нас к глубоким, непреодолимым противоречиям, к классовой ненависти, в свою очередь породившим гражданскую, братоубийственную войну.

Сломление кабалы денежных процентов является единственным лечебным средством, средством для радикального оздоровления страдающего человечества.

Сломление кабалы денежных процентов означает единственно возможное и окончательное освобождение труда от тайной и всесильной власти денег.

Сломление кабалы денежных процентов означает воскрешение свободной личности, освобождение человека от порабощения, от ложного очарования, затянувшего душу с помощью маммонизма.

Кто хочет побороть капитализм, должен сломить кабалу денежных процентов.

Где возникает этот процент?

В ссудном капитале!

Почему?

Потому, что власть ссудного капитала сильнее всего промышленного капитала настолько, что денежных столпов действительно можно сломить лишь посредством сломиения кабалы процентов со ссудного капитала.

Соотношение ссудного и промышленного капитала составляет 20:1.

Более 12 миллиардов – такую сумму по процентам с ссудного капитала ежегодно должен платить немецкий народ в форме простых и косвенных налогов, в виде ренты с домов и удорожания жизни, в то время, как даже в годы прекрасной конъюнктуры и во время войны общая сумма всех выплаченных германскими акционерными обществами дивидендов составила всего 1 миллиард.

Выходя за рамки нормальных человеческих расчётов, лавинообразный рост ссудного капитала происходит по причине вечного, бесконечного и безустанного потока денежных средств, проистекающих из ссудного процента и процентов, начисляемых на эти проценты.

Какой же смысл имеет сломиение кабалы процентов для работающего народа Германии, для пролетариев всех стран земли?

Сломиение кабалы процентов даёт нам возможность произвести увеличение всех прямых и непрямых налогов, поступающих в бюджет государства, без увеличения налогового бремени, лежащего на населении.

Послушайте это, вы, люди всех стран, создающие блага, люди всех государств и континентов, – все государственные доходы из прямых и косвенных источников текут без остатка в кошельки большого ссудного капитала.

При отказе от кабалы процентов, доходов государственных предприятий, а это почта, телеграф, телефон, железная дорога, шахты, лесоводство и т. д. – полностью хватит для покрытия всех необходимых государственных расходов по воспитанию, образованию, управлению, праву и социальному обеспечению.

То есть, самый настоящий социализм будет приносить человечеству не больше, чем доходы от общенародных предприятий по отношению к большому ссудному капиталу.

Исходя из этого в основном государственном законе для немецких народов, а затем и других народов, которые захотят войти с нами в культурное сообщество союза народов, мы требуем следующего:

1. Военные облигации, а также, все остальные исполнительные листы германского рейха, а также все остальные исполнительные листы немецких федеральных государств, в особенности железнодорожные облигации, затем долговые обязательства акционерных обществ, то есть, все документы, распоряжающиеся деньгами, становятся законными средствами платежа по номинальной стоимости с отменой выплат по процентам или соответственно переводятся в банковские активы.

2. Что касается всех остальных бумаг с твёрдым процентом, закладных листов, промышленных облигаций, ипотечных документов, то вместо долгов по процентам наступает долг по погашению; через 20 или 25 лет, таким образом, в зависимости от уплаты процентов, заёмный капитал будет выплачен и долг погашен.

3. Все долги по недвижимости, ипотечные документы и т. д. выплачиваются, как и до сих пор, частями в соответствии с внесёнными в поземельную книгу долями. Таким образом, имущество в виде дома или участка земли, по которому выплачен долг, соразмерно доле участка, становится собственностью государства или самоуправляемого субъекта. Государство, таким образом, сможет определять расценки на аренду и снижать их.

4. Вся денежная система подлежит руководству со стороны Центральной Государственной кассы. Все частные банки, почтово-сберегательные кассы, сберкассы и кредитные товарищества становятся её филиальными учреждениями.

5. Любой реальный кредит теперь выдаётся только государственным банком. Кредит без вещественного обеспечения

и товарный кредит предоставляется частным банкирским фирмам по государственным концессиям. Они выдаются с учётом потребности и с запретом создания филиалов для различных районов. Положение о порядке уплаты налогов и сборов издаётся государством.

6. Стоимость дивидендов, также, как и бумаг с твёрдым процентом, погашается ежегодными взносами по 5%. Излишние доходы с прибыли выплачиваются частично собственникам акций, как компенсация за «рисковый капитал» (в отличие от бумаг с твёрдым процентом и бумаг, обеспеченных опекуном), в то время, как оставшаяся часть либо распределяется по праву самостоятельности рабочего класса в социальную сферу или используется для снижения цен на продукты.

7. Всем лицам, которые по физическим причинам (старость, болезнь, физическая или душевная нетрудоспособность, малый возраст) не в состоянии зарабатывать себе на жизнь, выплачиваются доходы по процентам, как и раньше, и даже повышенные из имеющегося у них актива ценных бумаг в качестве пенсии при предъявлении ими этих ценных бумаг.

8. В интересах уменьшения сегодняшней инфляции с помощью средств платежа, переведённых в военные облигации и другие ценные бумаги рейха или государства, предпринимается всеобщая сильно разноуровневая конфискация имущества и эти бумаги погашаются.

9. С помощью интенсивнейшей разъяснительной кампании населению необходимо объяснить, что деньги – ни что иное, как показатель выполненной работы, что любому высокоразвитому обществу деньги, конечно, необходимы, как средство обмена, но, что этим функция денег исчерпана, и, что деньгам не должна быть свойственна сверхъестественная способность прирастать через процент на самих себя за счёт трудящихся.

Почему же мы все эти само собой разумеющиеся вещи, являющиеся № 1 в социальном вопросе, до сих пор не поняли?

Потому, что в маммонизированном затмении мы не смогли разглядеть, что учение о святости процента – это неприкрытый самообман, что евангелие о проценте, как единственном способе делать деньги сильными, втиснуло всё наше мышление в золотые сети международной плутократии.

Потому, что мы забыли, а всевластные столпы финансов этому способствуют, держа нас, за исключением некоторых финансистов, в неведении о том, что такой, якобы прекрасный и любимый недалёкими людьми процент просто берётся из наших налогов.

До тех пор, пока мы не освободимся от кабалы процента, всё наше налоговое законодательство есть и останется в положении должника перед большим капиталом, что не является, как мы иногда это себе воображаем, нашей добровольной жертвой на воплощение идеи содружества труда.

Поэтому освобождение от кабалы денежного процента является ясным решением в деле мировой революции, деле освобождения творческого труда от пут надгосударственной власти денег.

Рассуждения и обоснования достижения революции не имели успеха

Сейчас мы оказались в центре одного из самых тяжёлых кризисов, который предстоит выдержать нашему народу в его многострадальной истории.

Тяжело болен наш народ, тяжело болен весь мир. Слышны беспомощный ропот тёмных масс и крики людей о помощи.

В песнях, на танцах, в кино, при мимолётных встречах наш обезумевший народ с глубокой внутренней болью обменивается друг с другом мыслями о своей многострадальной судьбе, о своих обманутых надеждах, о болезненном

разочаровании тем, что у нас так упрямо хотят назвать «достижениями революции».

Как же сильно отличаются наши прежние представления о будущем от прежних, как разительно отличаются все прекрасные обещания от действительности!

Все золотые отблески надежд, на которые тогда мы смотрели из темноты нашего военного поражения, теперь, в свете солнечного дня, кажутся лишь светом тусклой лучинки.

И вот мы беспомощны. И ради этой тусклой лучинки, раньше так ярко светившей в ночи, мы отбросили всё, что до тех пор было нам дорого и любимо, а наши кошельки прочно набиты жалкими, ничтожными купюрами.

И неудивительно, что именно беднейших из бедных охватывает злость разочарования, что именно они, в порыве безумной ярости, срывают зло на своих братьях и пытаются разрушить всё, что им, в состоянии глубокой депрессии, встречается на пути выхода из этой глубокой ямы.

Если народ ещё больше охватит бессознательность и безумие, это состояние приведёт к помешательству, а куда приведёт оно, это помешательство, мы видим в большевистской России.

Национализация, или, как это там называют, «социализация», оказалась лишь ударом мимо, – со спокойной душой объявляет Ленин.

Экономика разрушена, покупательная способность денег на нуле, интеллигенция уничтожена, рабочие без хлеба. Везде в народе разочарование.

Лишь кровавый террор с опорой на китайских и латвийских наёмников позволяет красным диктаторам защититься от гнева разочарованного народа.

В нашей стране развитие примет такой же характер, если мы будем и дальше держать в правительстве международных спекулянтов, неистовых партийных фанатиков и представителей нагруженной богатством буржуазии, чуждой нам

по внутреннему характеру расы, как представителей одного из немецких народов.

Вспомним, каковы были те прекрасные, восхитительные слова, которые нам вешали на уши: мир во взаимопонимании, союз народов, парламентаризм, суверенитет народа, демократия, диктатура пролетариата, социализм, уничтожение капитализма, освобождение от милитаризма.

Да каких только прекрасных слов не было!

Выстоит лишь тот народ, который сам определяет свою судьбу.

Ничего из всего обещанного не воплотилось, да и не может воплотиться, если мы с наивысшей житейской серьёзностью не подойдём к этим обещаниям, ко всем лозунгами и, как умный, добротный врач, со знанием дела не исследуем проявления болезни и не поставим точный диагноз, если не пожалеем никаких сил, чтобы установить, откуда приходит эта тяжёлая, но имеющая характерные признаки болезнь!

Маммонизм — вот, как называется болезнь нашего времени.

Что такое маммонизм?

Маммонизм — это экономическое и моральное заболевание

Маммонизм — это бесстыдное, невидимое, таинственное господство великих международных денежных столпов.

Маммонизм — это также и духовный недуг; это почитание этих денежных столпов со стороны всех тех, кто инфицирован ядом маммонизма.

Маммонизм — это безмерное преувеличение самого по себе в принципе здорового стимула человека к труду.

Маммонизм — это ставшая безумием жадность к деньгам, целью которой является «растить» деньги на деньгах, порабошающая себе на службу с беспощадностью, не знакомой другим силам, и неизбежно приводящая к экономическому порабощению, к эксплуатации рабочей силы всех народов мира.

Мамманизм – это состояние духа, приведшее к принижению всех житейских понятий. Мамманизм рассматривается, как мировой феномен, который следует поставить в один ряд с жестоким, безоглядным эгоизмом человека.

Мамманизм – это дух звериной жадности, безграничного стремления к господству; образ мыслей, направленных на завладение товарами и сокровищами; а, в глубокой своей основе, это – религия специфического типа людей.

Мамманизм – полная противоположность социализма.

Социализм, если его рассмотреть, как высшую житейскую добродетель, это идея того, что у каждого человека есть обязанности перед обществом и всем человечеством, а не только ответственность за сегодняшнее благосостояние своей семьи, своего родственника, своего народа.

Социализм – это ещё и неотъемлемые духовные обязательства перед будущим своих детей и своего народа.

Ещё конкретнее мамманизм следует рассматривать, как сознательную игру команды жадных до власти столпов капитализма всех народов.

Именно здесь наиболее заметны завуалированные проявления мамманизма.

Но великие денежного мира сего выступают завершающей движущей силой только вслед за охватывающим весь мир англо-американским империализмом, и никак иначе.

Великие денежного мира – именно они финансировали ужасающее братоубийство мировой войны.

Великие денежного мира сего, будучи хозяевами всех крупных газет мира, опутали мир паутиной лжи.

Они с великим удовольствием описывали все низкие страдания; заботливо выращивали все имеющиеся течения; путём пропаганды в прессе накалили до предела французскую идею реванша; заботливо питали панславянскую идею, стремление сербов к господству, потребности этих государств в деньгах, отчего и должен был зажечься мировой пожар. У нас в Германии дух мамманизма, который только чем и интересовался, так это цифрами экспорта, национального

богатства, экспансии, больших банковских проектов, международных финансов, также привёл к отклонениям в общественной морали, к погружению наших правящих кругов в материализм и поиски выгоды, к высмеиванию жизни нашего народа, к росту всех других факторов, на которых и обосновалось наше болезненное поражение.

Мы с удивлением спрашиваем себя, откуда же взялась такая власть у маммонизма, у международного большого капитала, почему у него такая непоколебимая власть?

Совсем не надо упускать из виду, что международное сотрудничество великих денежных столпов сейчас проявляется совершенно по-новому. У нас нет для этого схожих параллелей в истории.

Международные обязательства, имеющие денежную природу, были известны всегда.

Только с приходом эпохи всемирной экономики, всемирного общения пустила свои глубокие корни международная экономика процента и тут и там, та экономика, из которой золотой интернационал и выкачивает свою дьявольскую силу.

Процент – источник силы большого капитала.

Именно процент, этот безустанный и бесконечный поток благ, просто из области денег, не требуя приложения никаких усилий, даёт силу роста мировым денежным столпам.

Кредитный процент – дьявольский принцип, из которого и родился золотой интернационал.

Всё повсюду заёмный капитал присосал к себе.

Как голодный волк, окружил большой ссудный капитал все государства, все народы мира.

Государственные долговые обязательства, государственные облигации, железнодорожные облигации, военные облигации, ипотечные документы, облигации с залладными письмами – это одни и те же ссудные документы, имеющие различные названия – в один момент обхватили всю нашу экономическую жизнь так, что теперь народы всего мира беспомощно барахтаются в золотых сетях.

Во благо принципа процента, согласно в глубоком смысле ошибочным государственным представлениям о том, что любой вид имущества имеет право на доходность, мы превратились в кабальных рабов процента.

Хотя, ни одно действительное существенное житейское основание не указывает на то, что просто чистое обладание деньгами даёт право на получение длительного процентного дохода.

Процент – это безнравственно

Внутреннее сопротивление против процента и ренты любого рода, получаемых без доступа к ним рабочей силы, пронизывает всю духовную жизнь всех народов и времён.

Никогда ещё это глубоко внутреннее сопротивление против власти денег не было так осознанно народами, как в наше время.

Никогда ещё маммонизм не намеревался, при такой напряжённой обстановке в мире, прийти к мировому господству.

Никогда ещё он не ставил себе на службу всю низость человека, жадность к власти, жажду мести, жажду владения, зависть и ложь таким хитро скрытым, но всё же, кроваво давящим образом.

В своей глубочайшей основе мировая война представляет собой одно из самых крупных решений в процессе развития человечества и в борьбе за то, будет ли будущую историю человечества определять маммонистически-материалистическое или же социалистически-аристократическое мировоззрение.

Большевизм – неверное средство антимаммонистической реакции

Внешне поначалу, без сомнения, победила маммонистическая англо-американская коалиция.

В качестве реакции на Востоке появился большевизм, и если большевизм рассматривать, как новую великую идею,

то именно она, конечно же, занимает одну из самых диаметрально противоположных маммонизму позиций.

Правда, методы, которые большевизм пытается здесь применить, безусловно являются старыми.

Это – попытка страдающему от внутреннего отравления больному оказания помощи с помощью ампутации головы, рук и ног.

Этому злу большевизма, этим бесполезным изменениям мы должны противопоставить новую планомерную идею, которая будет скреплена объединяющей силой рабочего класса с целью изгнания яда, отравившего мир.

В качестве этой идеи я вижу сломление кабалы денежного процента.

Вот те три момента, которые доказывают, что именно процент является действительной причиной нашей финансовой нищеты.

В Германии вращается 250 миллиардов ссудного капитала.

Во-первых, наблюдается громадная масса ссудного капитала с твёрдым процентом, то есть капитала, который растёт сам по себе, без участия рабочей силы, и, к тому же, растёт вечно.

Ссудный капитал такого рода у нас в Германии достиг уже величины, которую мы не переоценим, называя сумму в 250 миллиардов.

И этой громадной сумме противостоит производственный капитал всей германской промышленности в размере 11,8 миллиарда. Ещё можно добавить 3,5 миллиарда капитала 16.000 промышленных предприятий, и мы получим вместе не более 15 миллиардов промышленного капитала.

Итак, первый основополагающий вывод: величина ссудного капитала относится к промышленному примерно, как 20:1.

Такая диспропорция свидетельствует о том, что все меры, которые принимаются в связи с проблемами больших финансов, проявляются в 20 раз сильнее в невидении ссудного

капитала по отношению к тем мерам, которые направлены против большого промышленного капитала.

Германия платит ежегодно 12,5 млрд. процентов по ссудам.

Во-вторых, проценты по указанным выше 250 миллиардам ссудного капитала составляют, в общем и целом, рассматривая за год, около 12,5 миллиардов на вечные времена.

Общая сумма всех полученных в 1916 году за 1915 год дивидендов составила почти 1 миллиард марок. В предыдущие десятилетия эта цифра составляла в среднем 600 миллионов.

Она могла бы за два последних года войны существенно возрасти, но в текущем году, напротив, эта сумма ещё больше уменьшится.

Средняя рентабельность всех немецких АО была 8,21 %, то есть, лишь на 3,5 % выше, чем средняя доходность ссудных бумаг с твёрдым процентом.

Итак, я повторю: в будущем почти 12,5 миллиардов немецкий народ должен будет платить по различным вечным процентам большому ссудному капиталу, в то время, как доход от промышленного капитала в 1916 году – году высокой конъюнктуры – составил 1 миллиард, а во времена обычной конъюнктуры он составляет всего 0,6 миллиарда, то есть, и здесь мы видим соотношения рассматриваемых величин от 20:1 до 12:1.

Большой ссудный капитал растёт лавинообразно в бесконечность.

Третьим, и самым опасным моментом, является огромный, превышающий все пределы разумных понятий рост большого ссудного капитала с помощью процента и сложного процента.

Я должен здесь кое-что дополнить и, путём небольшого экскурса в высшую математику, пояснить проблему. Для начала, несколько примеров.

Прелестная история возникновения игры в шахматы известна. Богатый индийский король Ехерхам, в качестве

благодарности за изобретение королевской игры, обещал выполнение одной просьбы изобретателя.

Просьба мудреца заключалась в следующем: пусть король положит на первое поле шахматной доски одно зерно пшеницы, на второе – два, на третье – четыре и далее: на каждое последующее поле – в два раза больше, чем на предыдущее.

Король усмехнулся над мнимой скромной просьбой мудреца и дал поручение принести мешок пшеницы, чтобы распределить зёрна на все поля.

Известно, что выполнить эту просьбу не смог бы даже самый богатый человек на Земле. Всех урожаев мира за тысячу лет не хватило бы, чтобы наполнить 64 поля шахматной доски.

Второй пример. Некоторые, наверняка ещё со школьных времён, помнят мучительность вычислений сложных процентов: во что превратится пфенниг, на который со времени рождения Христа начисляется сложный процент, такой, что каждые 15 лет сумма удваивается.

Через 15 лет он вырастет до 2 пфеннигов, через 30 лет – до 4 пфеннигов, на 45 году после рождения Христа – до 8 пфеннигов. Мало кто вспомнит, какой была бы эта сумма сегодня.

Вся наша Земля, будь она из чистого золота, наше солнце, которое в 11 297 000 раз больше земного шара, все наши планеты, будь они из чистого золота, – всего этого не хватило бы, чтобы выразить стоимость этого изначально пфеннига, на который начисляется сложный процент.

Третий пример. Состояние клана Ротшильдов, старейших представителей международной плутократии, сегодня оценивается приблизительно в 40 миллиардов.

Известно, что старая шельма Мейер Ротшильд, будучи в Франкфурте, где-то в 1800 году заложил основу огромного состояния своего Клана с помощью повторного кредитования из тех миллионов, которые ему доверил на сохранение земельный граф Вильгельм I Гессенский.

Если бы у Ротшильда денежный рост с помощью процента и сложного процента шёл такими же скромными темпами, как в случае с пфеннигом, то кривая роста не была бы такой крутой.

Но, допустим, увеличение всего состояния Ротшильда продолжается лишь в темпе пфеннига.

Тогда в 1935 году оно составило бы 80 миллиардов, в 1950 – 160 миллиардов, в 1965 – 320 миллиардов и, таким образом, далеко бы превысило всё германское национальное богатство.

Из этих трёх примеров можно вывести один математический закон. Кривая, выражающая рост состояния Ротшильда, и кривая, которая выводится из числа зёрен пшеницы на шахматной доске, а также, кривая, показывающая рост пфеннига по схеме сложного процента, являются простыми математическими кривыми.

Все они имеют одинаковый характер. После изначального скромного и медленного роста кривая становится всё круче и круче, очень скоро практически тангенциально приближаясь к бесконечности.

Развитие промышленного капитала плетётся в хвосте

Совершенно по-другому ведёт себя кривая промышленного капитала: также в большинстве случаев вырастая из малого начала, вскоре наблюдается сильный рост кривой до того момента, пока не наступит определённое насыщение капитала.

Затем кривые становятся более плоскими, а в некоторых отраслях даже идут на снижение, если новые изобретения приводят к обесцениванию существующих фабричных установок, машин и т. д.

Хочу привести всего один пример: развитие заводов Круппа.

В 1826 г. умер, практически без состояния, старый Крупп.

В 1855 году Альфред Крупп получил свой первый заказ на 36 пушек от египетского правительства.

В 1873 году у Круппа работали уже 12 000 рабочих.

В 1903 году фрау Берта Крупп продала все заводы и установки за 160 миллионов АО «Альфред Крупп».

Сегодня акционерный капитал АО составляет 150 миллионов золотых марок.

Что значит для нас сегодня имя Круппа?

Пик нашего промышленного развития. Первый промышленник по пушкам в мире. Пример осознанного, интенсивного руководства работой.

Для сотен тысяч наших соотечественников имя Круппа означало хлеб и работу. Для нашего народа – защиту и оружие.

И всё-таки, он – карлик по сравнению с миллиардами Ротшильда.

Что значит процентный рост состояния Круппа за одно столетие по отношению к росту состояния Ротшильда, сложившегося из процента и сложного процента за счёт бесконечного прироста стоимости без приложения всяких усилий?

Ничто не показывает нам так ясно глубокое в своей сути различие между ссудным и промышленным капиталом.

Ничто не может нам более наглядно прояснить различие между опустошительным воздействием ссудного процента и производственной прибылью (дивидендом), полученных из рискованных производственных капиталов, вложенных в огромные промышленные предприятия.

Названия кривых слева направо:

1. Промышленный капитал.
2. Ротшильд.
3. Возможный дальнейший рост пфеннига (удвоение через каждые 15 лет).

Обе жирные кривые (2, 3) – это кривые ссудного процента, к тому же, верхняя (2) – это кривая состояния Ротшильда, и устремлённая вверх линия показывает в целом

характерное развитие тех кривых, у которых ордината удваивается при постоянной абсциссе.

Пунктирная линия (1) показывает развитие нашей промышленности в целом за последние 40-50 лет.

Тонкие пунктирные линии показывают развитие ряда произвольно выбранных крупных промышленных предприятий, из которых выведен общий характер пунктирной кривой промышленного капитала.

Необходимо особо подчеркнуть, что кривые показаны не в масштабном выражении, что видно по кривым ссудного капитала, которые уменьшены.

Так, например, кривая состояния Ротшильда, по отношению к кривой Круппа, должна быть где-то в 80 раз больше.

Целью диаграммы было лишь показать различие самих характеров обоих видов капиталов.

Кривая ссудного капитала показывает вначале очень медленное развитие; затем оно идёт всё быстрее, пока не становится совсем стремительным и сметающим всё вокруг, и затем уже выходит далеко за пределы человеческого понимания, устремляясь в бесконечность.

Кривая же промышленного капитала, наоборот, остаётся позади!

Конечно, развитие может иметь существенные отклонения в мелочах, но общий характер промышленного развития будет всегда таков, что после сильного начального развития следует определённый период зрелости, насыщенности, после чего, рано или поздно, наступает спад.

Не стоит и сомневаться, что осознание математических законов, которым следуют ссудный и промышленный капитал, смогло бы указать нам путь, что нужно сделать, чтобы перестроить наши расшатанные финансы.

Мы осознаём, что капиталистический экономический порядок, капитал сам по себе не является изгоем человечества.

Врагом всего работающего человечества является ненасытная потребность в процентах крупного ссудного капитала.

Капитал должен быть – труд должен быть. Труд зарабатывает мало – капитал, сам по себе, не должен зарабатывать ничего.

Сломление кабалы процентов является возможным и разумным смыслом мировой революции

Капитал без труда должен быть стерильным!

Поэтому важнейшим требованием, основной революционной задачей, самым разумным смыслом мировой революции должно быть сломление кабалы денежных процентов.

У восьми миллиардеров доход такой же, как у 38 миллионов немцев.

Состояние Ротшильда сегодня оценивается в 40 миллиардов.

Миллиардеры высшей американской пробы: господа Ян, Леб, Шифф, Шпеер, Морган, Фандербилдт, Астор – стоят вместе около 60-70 миллиардов.

При ставке процента, равной всего 5, это означает годовой доход этих 8 семей в 5-6 миллиардов, что почти столько же, сколько составил, по исследованиям Хельффериша в 1912 году, доход 75 % всех налогоплательщиков Пруссии. (Тогда их было почти 21.000.000 человек, 75 % из них – это около 15.000.000. На каждого в среднем приходится 2,56 члена семьи, то есть, в пересчёте речь идёт о доходе 38 миллионов человек).

Итак, 38.000.000 немцев должны целый год жить на то, что у вышеупомянутых миллиардеров является доходом за год.

Конечно, американские миллиардеры не являются в прямом смысле «капиталистами процента», рантье, такими, как клан Ротшильда и т. п.; я не хочу даже думать, являются ли они «100-млн. долларовыми миллионерами» или «1000-млн. марковыми миллиардерами».

В первом случае, к перечисленному выше списку следовало бы добавить ещё пару десятков человек.

Для определения порядка соотношения примем, что общее число богатых кланов представляют 300 человек.

Но ведь, дело вовсе не в том, чтобы дать точную цифру, а в том, что соотношение 300 к 38.000.000 открывает нам глаза на истинные масштабы господства международного ссудного капитала.

Поэтому, скинем одним махом страшные кандалы, сковывающие всех трудящихся, отберём власть у денег, которой они обладают, чтобы породить проценты снова и снова, пока ещё человечество полностью не стало безостаточно быть должником по процентам международному ссудному капиталу.

Назову три следствия, которые нам очень ясно показывают, что следует приложить усилия для уменьшения нашей внутренней финансовой нужды.

Мы, конечно, осознаём, что штурмовая атака всего социалистически мыслящего мира против промышленного капитала является ошибочной, так же, как и задуманная полная отмена налогов или социализация всех доходов предпринимателей – при неослабленной экономике – принесли бы до смешного малый результат, по сравнению с огромной финансовой нагрузкой на бюджет рейха и нашего государства.

Путём сломятия кабалы процентов, можно:

- одним ударом устранить финансовую нищету;
- мы сразу же почувствуем твёрдую почву под ногами;
- нам сразу же станет ясно, что с этой несчастной кредитной экономикой мы зашли в дебри.

Военные облигации были маммонистическим обманом

Кредитный капитал – что же это такое, как не долг?

Кредитный капитал – это долги! – можно повторять сколько угодно.

Какое же это безумие, когда немецкий народ вложил в свою войну 150 миллиардов, сам себе за это наобещал платить проценты в размере 7,5 миллиардов и теперь ощущает себя в изначально предсказуемом неловком положении,

отнимая у себя эти 7,5 миллиардов в форме фантастических налогов!

Самым трагичным в этом денежном обмане является не столько глупость такой военной кредитной экономики, сделавшей много полезного для заграницы, сколько больше тот факт, что всего лишь сравнительно малое число крупных капиталистов получает из всего этого огромные барыши.

А весь рабочий народ, включая средних и малых капиталистов, торговлю, ремёсла, промышленность должны оплачивать проценты.

И здесь вновь вскрывается подоплёка вопроса, подтверждающая мысль о том, что фактически крупный ссудный капитал, и только он, является изгоем всего трудящегося человечества.

Можно рассматривать вопрос с любых точек зрения, как угодно – всё равно на проценты от ссудного капитала работает вся масса трудящихся.

Средние и мелкие капиталисты ничего не имеют от своих больших процентов, просто не могут от них ничего иметь: эти проценты без остатка забираются у них в виде платежей в бюджет – будь то в форме прямых или косвенных налогов, сборов, гербовых сборов или иных платежей.

В результате, мы всегда придём к одному выводу: трудящийся народ – это тот, кто попался на удочку, а рыбак – крупный капитал.

Святость процента – это суеверие маммонизма.

Удивительно наблюдать сегодня, как социалистически мыслящий мир, начиная с Маркса и Энгельса, и коммунистический манифест, и Эрфуртская программа (особенно Каутский), а также сегодняшние социалистические властители, как по команде, салютуют интересам ссудного капитала.

Святость процента – это табу!

Процент – святее всех святых; встряхнуть его ещё никто не отваживался.

В то время, как имущество, дворянство, безопасность личности и собственности, права верхушки, религиозные

убеждения, офицерская честь, отечество и свобода, более или менее, дискутируются, процент – свят и неприкасаем.

Конфискация имущества, социализация – вопросы повестки дня, хотя они имеют совсем уж скользкие правовые мосточки, которые подпираются лишь тем, что всё это, якобы, применяются от имени общества к личности, – всё это дозволено; а процент, процент – это «*noli me tangere*», «не трожь меня».

Проценты от долга рейха – на первом месте в государственном бюджете.

Их огромный вес тянет корабль государства на дно – это же обман! – громадный денежный обман, придуманный единственно для пользы крупных денежных властителей.

Хотел бы сразу, чтобы не было недомолвок, вкратце затронуть тему мелких рантье, которая ещё будет дальше рассматриваться.

Поскольку их не принимают в расчёт при рассмотрении крупных вопросов, то совершенно справедливо, что для них будут предусмотрены многие компенсации, путём дальнейшего развития социальной помощи.

Обман! Проценты – это обман – говорил я, и это моё твёрдое убеждение.

Но, если это слово, которое во время войны наверняка звучало и на полях сражений, и на родине, как наиболее употребимое, то оно имеет ещё больше оснований быть применимым в смысле обмана с процентами.

Как это было с военными займами? Рейх, в виде займа, вытащил из кошельков народа 5 миллиардов марок, которые были действительно имевшимися в наличии сбережениями.

Деньги пришли обратно населению. Затем пришёл новый заём и снова высосал эти деньги у народа и, к тому же, последние остатки сбережений.

И снова пришёл насос займа и высосал миллиарды, и снова они вернулись, и так эта прекрасная игра продолжалась девять раз – до тех пор, пока рейх не наделал долгов на 100 миллиардов.

За это народ, конечно, получил 100 миллиардов, но только в виде красиво напечатанных бумажек.

Сначала мы вообразили себе, как будто мы стали богаты, а потом пришло государство и сказало, что оно на грани банкротства.

Да, но почему же? Я ведь не могу стать банкротом, если я начну просто часто перекидывать свою 100-марковую купюру из левого кармана брюк в правый.

Это было бы ещё большим сумасбродством, если мы, признав сумасбродство нашей экономики военных займов, ещё и согласимся с тем, что мы – банкроты.

Сломаем кабалу денежных процентов!

Объявим военные облигации законным платёжным средством без оплаты по ним процентов, и угроза банкротства государства растает, как мартовский снег, пригретый солнцем.

Отмена выплат процентов не является завуалированным банкротством государства

Мне сказали, что отмена оплаты процентов – это завуалированное банкротство государства.

Нет, неправда!

Ужас банкротства государства фактически является детским ужасиком, выдуманным маммонистическими силами.

Книга Фр. Рера «Что должен знать каждый о банкротстве государства» написана в полностью маммонистическом духе и, хотя этот обманщик в целом, конечно, ясно осознал экономический ущерб, который нам угрожает при социализации. Далее он правильно утверждает, что, в конце концов, нас сможет спасти только восстановление нашей экономики – но от суеверной святости процента он освободиться не может и рисует банкротство государства исключительно в интересах маммонизма, как ужасную катастрофу.

Интересно проследить и за тем, что Фр. Рер, несмотря на превосходное знание истории, не может освободиться от догм и в своём заключительном слове отмечает: «Если

уничтожающей экономической катастрофы не избежать, то она никого не пощадит».

В то время, как на стр. 81 он настаивает, что следствия государственно-финансового краха частично очень скоро устранятся, а на стр. 68 вообще утверждает: будь что будет, но, в любом случае, известно, что Россия (в последнем столетии) преодолевала глубокие экономические кризисы без длительных затруднений.

Банкротство государства – спасение национальной экономики

На стр. 76 исследования воздействия банкротства на государство говорится: пусть будут глубокие экономические трудности, но в общем и целом нельзя допустить, чтобы из-за этого произошло уничтожение, как самого государства, так и его экономических сил.

Напротив, при банкротстве государства достаточно часто наблюдалось бы скорейшее оживление народного хозяйства и оздоровление государственных финансов.

Если обманщик на три строки ниже продолжает, что банкротство государства обязательно означает экономическую катастрофу и приводит к безграничной нищете, то, простите, мне жаль, что я не могу согласиться с такой логикой.

Но, вернёмся к нашему конкретному случаю.

Что же честнее: пространно рассуждать о неприкосновенности военных облигаций и в то же время задавить народ неслыханным налоговым прессом?

Или же, если бы у министра финансов нашлось бы мужество появиться перед народом, открыто заявить: я не могу заплатить проценты по военным облигациям, или могу, но лишь в том случае, если я от вас же и соберу точно столько налогов?

Что тогда, во время войны, мне обязательно нужно было иметь деньги, – что мне только не приходило в голову, –

и вот таким образом я придумал обман с высокодоходными военными обязательствами.

Прости меня, любимый народ, ведь это всё делалось для тебя, но давай больше не будем играть в прятки: я, государство, больше не буду платить проценты – а ты, налогоплательщик, больше не должен платить налоги на эти проценты.

Это существенно упростит наши дела, мы сэкономим на громадном налоговом аппарате, то есть, массу денег и рабочей силы.

Я долго размышлял над последствиями раскрытия этого обмана, и считаю абсолютно обоснованным оценить их.

Скажем о том круге лиц, которые бы пострадали, – это те, кто получал по своим налоговым декларациям более 30.000 марок ренты.

По баварским налоговым декларациям это 822 человека, т. е. 0,4 % налогоплательщиков.

Во всей же Германии это число составит приблизительно 10.000 человек из верхов.

Теперь хотелось бы совсем кратко прояснить важнейшие стороны нашего революционного требования, а именно, мы хотим рассмотреть эти вопросы сначала с нашей национальной точки зрения.

Мы стали бедным народом

Для начала необходим чёткий взгляд на наше сегодняшнее положение.

Государственный секретарь Шиффер в одной из своих больших речей в Берлинской торговой палате назвал его «необозримым». Это – верно лишь отчасти.

Обозримы огромная задолженность нашего народного хозяйства, неслыханное обесценение наших платёжных средств, короче, тот факт, что за одну ночь мы стали бедным народом.

А вот тот груз, который лёг на нас в результате заключения мира, он действительно необозрим.

Уже имеющиеся долговые обязательства составляют, как мы уже знаем, почти 250 миллиардов.

Допустим, Антанта в какой-либо форме взыщет с нас ещё 50 миллиардов в возмещение военного ущерба, тогда это уже вместе составит 300 миллиардов долгов.

Как ни тяжело уложиться в узкие рамки этого описания, но мы должны всё-таки здесь сказать ещё несколько слов о величине германского национального богатства.

Исследование в книге Гельферха и Штайнманна оценивает Германское национальное богатство в сумму около 350 миллиардов.

Такого рода выводы, как бы осторожны они ни были, имеют достаточно условную ценность.

Они вообще могут относиться только ко времени, когда в цифру включается государственное имущество и имущество общин, например, уличные здания, речные строения и т. д.

Ведь кажется, что выполнение такого рода работ стоило огромных денег, но, с другой стороны, как будто у них нет собственной цены.

Более приемлемым масштабом для определения величины национального богатства является, так называемое, «налогоспособное имущество», как это следует из налоговых деклараций по вкладу в оборону или налога на военное имущество.

Здесь выходит общая сумма 192 миллиарда, то есть, существенно меньше, чем даже по расчётам Хелльфериша.

К этой сумме можно сделать дополнение, исходя из опыта в районе 10 % на имущество малой стоимости, освобождённое по закону от налогов, а также, приблизительно такое же дополнение за счёт «тихих резервов».

Точно так же мне кажется утопичным говорить о национальном имуществе на сумму более 250 миллиардов. Эта цифра тоже имеет лишь условное значение.

Самым правильным было бы порвать с практикой представления охватываемого национального имущества посредством цифр и прийти к осознанию того, что национальное

имущество находит своё выражение исключительно в духовной и физической рабочей силе всей нации.

То есть, если рассматривать в более крупных масштабах, в том понятии, которое с капиталом тесно не связано.

Конечно, нужно рассмотреть ещё и имеющиеся в наличии источники национального богатства, такие, как полезные ископаемые, лесное богатство и плодородная земля, но и эти предметы не поддаются измерению в цифрах, так как пределы их оценки колеблются от нуля до бесконечности, в зависимости от того, нет ли где-то полезных ископаемых вообще или они, по заключению геологических экспертов, исчисляются в миллиардах тонн угля и т. д.

Мы не хотим забывать, что Германия, собственно, бедная страна. Она практически не обладает монополиями.

По богатству полезными ископаемыми она стоит далеко за большинством соседних стран, не говоря уже о неслыханных богатствах природных ископаемых китайского, индийского и американского государств.

По плодородию почвы она стоит далеко за прославленными пашнями российского черноземья, за неприхотливыми землями тропиков и субтропиков.

В конце концов, у нас остаётся только рабочая сила и воля к труду нашего народа, а также, наличие достаточного количества работы, и нам должно быть ясно, что при таком положении дел об обоснованных займах, о деловой безопасности долговых обязательств не может быть и речи.

Будь то процентные военные облигации или беспроцентные банкноты, за ними в полном одиночестве стоит возможность по сбору налогов со всего народа, а она представляет собой ни что иное, как функцию производительности труда всего трудящегося населения.

Здесь также необходимо уяснить для себя ответы на ещё один комплекс вопросов, а именно: об основных пунктах источников дохода и расходов нашего государства.

Существует очень заметное расхождение между тем огромным местом, которое занимает вопрос обеспечения

деньгами в нашей частной жизни, и интересом, который мы проявляем по отношению к вопросам государственного обеспечения финансами, но, однако, между народным хозяйством и каждым частным хозяйством не существует никакого принципиального различия.

Главными пунктами доходов государства являются: во-первых, чистые доходы почт и железных дорог, во-вторых, чистые доходы от шахт, лесных управлений и иных государственных предприятий, в-третьих, таможенные платежи и косвенные налоги и, в-четвёртых, прямые налоги.

Как это выглядит конкретно?

Я хочу в таких чрезвычайно практических вопросах представить не только теоретические рассуждения, но и с помощью баварского государственного бюджета 1911 года пояснить отдельные пункты в порядке их величины.

Почта, телеграф и железные дороги принесли 120 миллионов, леса, шахты и т. д. – около 40 миллионов, прямые налоги – 60 миллионов.

Ещё 67 миллионов пришли от гербовых и других сборов, налогов с наследства, земельных сборов, переводов со стороны рейха и т. д.

Как же обстоит дело с расходами?

На первом месте мы находим отчисления на выплату процентов по государственному долгу, включая железнодорожный займ – 85 миллионов.

На Королевский дом – 5 миллионов, управление юстиции – 27 миллионов, управление внутренних дел – 40 миллионов, церкви и школы – 51 миллион, финансовое управление – 13 миллионов, расходы на нужды рейха – 50 миллионов, пенсии – 36 миллионов. Иные расходы – 5 миллионов. В этот счастливый год бюджет баварских финансов закрылся с превышением доходов над расходами, примерно, на 27 миллионов.

Здесь нас интересуют те расходы, которые могут отпасть при сломлении кабалы денежного процента. Естественно, в первую очередь, это расходы по процентам

государственного долга – 85 миллионов, плюс большая часть расходов на финансовое управление – около 10 миллионов. Далее – большая часть расходов на нужды рейха, из которых можно вычесть половину – 25 миллионов и, в заключение, сегодня отпадают расходы на королевский дом – 5 миллионов. Все вместе – 125 миллионов.

Уже перед войной, в случае упорядоченных финансов, можно было бы отказаться от прямых и косвенных налогов.

Устранение этих пунктов означает возможность отказа от сбора всех прямых и косвенных налогов, выражаемых суммой около 113 миллионов.

Мы, конечно, не считаем, что следует отменить все прямые и косвенные налоги, в разумных границах они действуют, безусловно, с одной стороны, воспитательно и, с другой стороны, регулирующие.

Конечно, для владельцев больших имуществ будет выглядеть накладным и не совсем справедливым то, что доход от приносящего прибыль имущества подвержен крупным, ступенчатым налогам, но государство ведь должно доступными ему властными средствами заботиться также и об имуществе, доход не приносящем.

Естественным выглядит и то, что торговля и промышленность также подвергаются соответствующим налоговым отчислениям из их производственной прибыли, ведь именно для них государство должно заботиться о сохранении и развитии общественных путей сообщения; соответствующие минимальные налоги для каждого обладающего избирательным правом гражданина также являются элементом справедливости, ведь от государства требуют обеспечения безопасности личности и собственности.

В области косвенных налогов регулирующим воздействием могло бы стать развитие всех т.н. налогов на товары-люкс, в то время, как всё, что связано с потребностями народа и продуктами питания, следовало бы освободить от налогов.

Результатом такой налоговой политики стал бы не столько большой финансовый смысл – не об этом ведётся

речь, а то, что для широких масс населения смыслом должна быть не столько налоговая нагрузка, сколько осознание того, что человек должен вести не только обособленное существование, но и помнить что, будучи гражданином государства, он имеет не только гражданские права, но и гражданские обязанности.

Налоговая нагрузка не должна снижаться для работающих государственных предприятий, чья чистая доходность, как мы видели, достаточна, чтобы покрыть постоянные расходы государства на воспитание, образование, право, внутреннее управление и т. д.

Она должна использоваться для государственной помощи в решении особых культурных задач, на которые, в рамках постоянного государственного бюджета, никогда не имелось соответствующих средств.

Здесь я думаю в первую очередь о домах младенца, заведениях для слепых и инвалидов, детских яслях, защите матерей, борьбе против туберкулёза, алкоголизма и венерических заболеваний, для развития садов и поселений, в особенности, для размещения и человеческого обеспечения наших раненых на войне.

Попытавшись заглянуть в будущее, мы увидим новую страну.

Может ли означать отмена всех налогов сломление господства процента?

Да, такая отмена могла означать это, если бы мы вышли из громадной бойни, как народ-победитель.

О том, что рано торжествовать, нам напоминают штрафы, наложенные на нас нашими противниками.

Но, в любом случае, из только что представленного, в высшей степени простого взгляда на наш баварский бюджет, мы можем видеть новую страну.

В основных чертах совершенно похожие соотношения мы находим и в остальных бюджетах германских федеральных государств.

Не будет громко сказано, что из отчислений работающих государственных предприятий, то есть, железных дорог, почт, телеграфа, лесного хозяйства, шахт и т. д., без каких-либо трудностей могут финансироваться все государственные расходы на право, всё внутреннее управление, включая государственные строения, все расходы на воспитание и образование, а также, на культурные цели.

Итак, перед нами – прямо-таки идеальная картина.

Процент всё удорожает

Почему же в действительности такой картины нет?

Потому, что здесь вкрался процент.

Из-за выплаты процентов дорожают продукты питания населения; из-за процента, сахар и соль, пиво и вино, спички и табак, многочисленные иные ежедневные потребности облагаются косвенными налогами.

Из-за процентов должны быть подняты прямые налоги, в том числе и на землю, которые затем включаются в стоимость пшеницы; налог на дома, что увеличивает арендную плату; налог на ремесло, что давит на творческий труд; подоходный налог, что необратимо снижает уровень жизни служащих; и, наконец, ненасытный ссудный капитал приходит вместе с налогом на ренту с капитала.

Из 253 миллионов полученной ренты с капитала, на основе данных налоговых деклараций 1911 года, только 8,1 миллиона были оплачены государству в виде налогов.

Мы видим, что любая рента с капитала, любой процент с капитала, в конце концов, возникает исключительно из работы всего народа.

Мы видим, что статья уплаты процентов по государственным долгам имеет самый большой объём нашего государственного бюджета, и что налоговые обязательства по ренте с капитала вносят в государственные доходы очень скромный вклад.

По большому счёту капиталист платит из прямых государственных налогов в Баварии 1911 года из 60 миллионов

общей суммы лишь от 1/8 до 1/6 доли. Прямые налоги составляют около 1/5 всех государственных доходов.

Таким образом, ссудный капитал покрывает лишь от 1/30 до 1/48 всех государственных бюджетных потребностей.

Мы не отступим от истины, если скажем, что налоговое законодательство в последние годы, особенно во время войны, пошло на сильное привлечение ренты с капитала, но приблизительно такой же шаг сделало и косвенное обложение налогами, так что, общее соотношение здесь вряд ли изменилось.

Проценты подавляют бюджет Рейха

Слишком серой будет выглядеть картина, когда мы взглянем на бюджет рейха. Здесь соотношения ещё менее благополучны.

У рейха нет таких источников налогов, какие существуют у федеральных государств, имеющих право на прямые налоги; работающие предприятия рейха ограничиваются лишь почтой и железными дорогами (внимание: без прусских железных дорог) и, таким образом, бюджету рейха остаются лишь таможенные платежи и косвенные налоги.

Соотношения этих источников доходов (см. государственный ежегодник Германского рейха 1917 и 1918 года) были таковы: в 1915 году почта и железная дорога – 1 миллиард, таможенные платежи – 0,7 миллиарда, косвенные налоги – 1 миллиард, особые сборы (на оборону и т. д.) – 0,8 миллиарда, и т. д.

Здесь наблюдается похожая картина. Более трети, а именно 1,3 миллиарда, съели выплаты по процентам долга рейха. И сюда пробрался ссудный капитал! Также и здесь к удовлетворению потребностей он привлекает косвенные налоги.

С сахара получено 163 миллиона, с соли – 61 миллион, со сливы – 128 миллионов; табак, вина, осветительные приборы, спички, игральные карты и другие многочисленные источники налогов должны были работать, чтобы наскрести

ещё 1 миллиард, и всё это безвозвратно переключалось в карманы капиталистов.

Как сегодня оплачивать проценты по долгам – загадка. Выплаты по процентам военного займа в 100 миллиардов, а также по другим военным кредитам требуют ежегодно 8 миллиардов.

Доходы от почты и железных дорог вряд ли могут быть увеличены. Таможенных платежей вряд ли нам можно будет собирать больше. Остаётся лишь увеличение в 5 или 10 раз косвенных налогов, но это – вообще невозможно.

Необходимо ясное осознание того, что лишь сломенение кабалы денежного процента может принести нам спасение.

Вся экономика военных кредитов была огромным денежным обманом.

Сто миллиардов немецкий народ оторвал от себя на войну. 5 миллиардов процентов он себе пообещал за это. Значит, он должен заплатить 5 миллиардов налогов.

В выгоде – лишь крупный капиталист, который получает так много ренты с капитала, что вряд ли сможет её употребить, налог же на ренту с капитала, как мы уже видели, заберёт у него лишь скромную долю процента.

Мелочный эгоизм не должен завуалировать цель

Надеюсь, что я, опираясь на приведённые выше доказательства, уже немного напугал и даже вселил по-человечески понятный ужас во многих читателей, хотя и избегал конкретных ссылок на Ваши великолепные процентные доходы от ваших прекрасных ценных бумаг.

Хочу теперь показать лишь на одном примере, что вся процентная экономика – это великое заблуждение, и, к тому же, за основу примера я хочу взять верхнюю границу – хороший уровень буржуазного дохода.

Допустим, что рабочий доход главы семьи составляет 10.000 марок, плюс 5.000 марок ренты с капитала. Тогда с этой суммы следует уплатить где-то 1500 марок прямых налогов.

Далее, учитывая всё возрастающую арендную плату, платим минимум 1000-1200 марок за вечную аренду.

Ещё 1000 марок уйдёт на персональные налоги каждого члена семьи, состоящей из 5-6 человек.

При подведении итога, сразу же становится понятно, что теперь от счастливых в налоговом отношении прошлых лет, от прекрасной ренты с капитала малого и среднего капиталиста ничего не осталось.

О том, что бы «осталось», сегодня вообще не может быть и речи!

Напротив, если воплотить в реальности сегодняшнее фантастические налоговые планы, то существенная часть рабочего дохода просто уйдёт в виде налогов.

Выгоду получает только крупный капитал

Конечно, совершенно по-иному обстоит дело у крупного капиталиста, который, скажем, получает ренту с капитала стоимостью всего 1 миллион (таких людей сегодня в Германии достаточно много).

Этот счастливец платит налог с ренты 50-70.000 марок. Косвенных налогов он платит не больше, чем предыдущий отец семейства.

На своё домашнее хозяйство и при сегодняшних дорогих временах он может потратить 40-50.000 марок, и хорошо жить.

У него остаются 900.000 марок, на которые он в следующем году, при 5% ссудного процента, получит новые 45.000, и всё это – «правовым путём»: за счёт трудящегося населения.

Маленькому рантье не вредят

Маленький рантье, живущий только на свои проценты, – ему бы, без сомнения, навредили.

Если он способен работать, тогда он решился бы, конечно, найти себе рабочий доход.

При этом, он в намного лучшем положении, чем миллионы его соотечественников, у которых вообще ничего нет, кроме их физической и духовной рабочей силы.

Если раньше работать не хочет, тогда он должен проесть своё состояние. В конце концов, на это у него есть 20 лет, если он до сих пор использовал 5 % для своего проживания.

Для людей, которые не в состоянии работать или ослаблены по болезни или возрасту, естественно, путём развития социальной системы для всех слоёв населения, должно быть обеспечено соответствующее существование.

Я представляю себе эту социальную систему следующим образом.

Допустим, престарелая дама, вдова, жившая раньше на проценты от капитала в 60.000 марок, путём законодательно объявленного слома кабалы процента, получает источник своего существования.

Тогда, с помощью широкого развития системы кредитной ренты, данной личности даётся возможность получать соответствующую её капиталу кредитную ренту, причём, годовая рента может быть даже выше предыдущего дохода по процентам, чтобы этому кругу лиц дать определённую компенсацию за понижение стоимости денег.

То есть, например, что против отданных 60.000 марок в долговые обязательства рейха, государства или в залоговые письма, ежегодная пожизненная рента составит 4000 марок.

Если у вдовы дети и часть состояния она хочет им завещать, то ей даётся возможность только 40.000 превратить в кредитную ренту, в то время, как остальные 20.000 остаются для детей.

Из 40.000 марок, в зависимости от возраста, вдове, желающей получать кредитную ренту, можно было бы выдавать до 1/12 вложенного капитала.

Здесь также следует обратить внимание на то, что, по причине слома кабалы процента, по причине

падения давящих налогов, уровень жизни вдовы существенно улучшится.

Конечно, все варианты предусмотреть невозможно, ведь в каждом отдельном случае придётся следовать интересам каждого отдельного слоя населения.

При какой-либо очень сложной ситуации речь не идёт о том, что идти навстречу интересам каждого, однако, вскоре у людей появиться необходимый опыт разрешения вопросов, тем более, что благоприятные последствия оздоровления общей ситуации пойдут теперь на пользу и каждому в отдельности.

Процент создаёт нагрузку нашим детям

Во время рассказа по проблеме отмены процента я уже пытался обратить внимание на вопрос по военным облигациям, утверждая, что маленькие капиталисты, то есть, все те сотни тысяч, которых ещё более сильной, чем американская, рекламой побудили вложить свои сбережения в военные займы, ничего теперь с процентов не имеют, потому что они сами вынуждены платить налоги на эти проценты.

И, благодаря налоговому законодательству, направленному на кормление крупного капитала, они же и оплачивают идущие ему проценты.

Я думаю, что, даже если этот факт не принимать во внимание, должно хватить одного только обращения ко всем обеспокоенным будущим своих детей владельцам военных облигаций воспринять совершенно нормально предлагаемый мною отказ от вечного процента с долговых обязательств рейха.

Что, собственно, теряет патриот, отдавший свои 10.000 марок и оставшийся в глубокой нищете, кроме огромного права на то, чтобы в течение 100 лет получить процентов на 50.000 марок, притом, что капитал как был, так и остался?

Ведь его дети и внуки будут вечно работать на то, чтобы иметь, в первую очередь, возможность выплачивать эти проценты.

Вопрос возврата отданных по займу денег может быть решён различными способами.

В моих кратких рассуждениях по данной проблеме, которые я передал правительству народного государства Бавария 20 ноября прошлого года, я сделал следующее предложение: «вместо выплаты процентов просто выплачивать обратно основную сумму по 5% в год в течение 20 лет».

Я думаю, что далее я сделаю ещё гораздо лучшее предложение, которому, благодаря его простоте, заслуженно можно отдать предпочтение: «облигации военного займа, при отмене выплат по процентам, объявляются законным средством платежа».

Преимущество этого предложения состоит в том, что, при таком подходе к решению проблемы, никто ничего не заметит.

Облигации спокойно останутся лежать на хранении, это, как книга, шкаф или другой предмет, который кто-либо дал в долг своему другу.

Выведение из оборота ценных бумаг с твёрдым процентом – есть оздоровление в экономическом и социальном отношении.

Нужны тебе деньги – берёшь одну облигацию и оплачиваешь покупку ею. В конце концов, они не менее красивы, чем купюры по 10, 20, 100 или в 1000 марок.

При таком плавном переходе от процентной экономики в беспроцентное народное хозяйство о перенасыщении рынка платёжными средствами не может быть и речи.

Ведь облигации военного займа уже полностью находятся на хранении в банковских сейфах, под контролем и охраной, или в иных местах, где их хранение народ считает безопасным, так что, можно сказать, что они «хранятся в чулке».

Ведь, разве можно игнорировать тот факт, что выданные бумажные свидетельства на сумму 40 миллиардов не находятся в обороте, а по большей части спрятаны вышеописанным образом?

Наша потребность в платёжных средствах в довоенные годы высокой конъюнктуры составляла 4-6 миллиардов и о том, что сейчас нам нужно в два раза больше наличных денег при, всё более приживающемся безналичном денежном обращении, речь не идёт.

Абсолютно таким же образом следует провести отмену процентов на все ценности с твёрдым процентом.

На эти ценности, а также, на ценности с выплатой дивидендов, лучше всего подходит схема «возврата долга» в течение 20-25 лет с годовыми выплатами по процентам, как это делается с ипотечными документами.

Сломление господства процента по отношению к ипотеке означает, без сомнения, решение жилищной проблемы и избавление от недоступной арендной платы.

Также малопонятно, почему владелец ипотеки из выложенной один раз наличными суммы должен вечно иметь процент, почему ему обеспечен надёжный и бесконечный приток благ, почему из года в год должна платиться высокая аренда?

Совсем кратко следует пояснить, что речь не может идти о полной отмене аренды, так как управление и содержание домов требует постоянной работы и средств, то есть, возможно, следует только произвести снижение аренды до уровня, при котором возврат ипотеки последует сам собой.

Далее, со всей остротой следует подчеркнуть следующее: кабала процента не имеет ничего общего с нашей созидательной работой, которая возможна лишь в той мере, в какой мы сможем не допустить препятствий духу предпринимательства, творческому труду, производству товаров, созданию богатств в лучшем смысле этого слова.

Напротив, при сломлении процентной кабалы, как мы видим, весь трудящийся народ освобождается от тупого, необъяснимого, тяжёлого пресса, и наша душевная жизнь очищается от охватившего её яда.

Борьба против процента в истории народов не является новой

То, насколько правильно на протяжении истории осознана проблема процента, мы узнаем по тому, что во все времена и у всех народов она занимала умы людей.

В Ветхом Завете в различных местах мы находим 15 определений по поводу ослабления от бремени процента в форме того, что каждый седьмой год должен быть годом ликованья, в котором прощались все долги соотечественникам.

Солон в 594 году до н. э. отменил личные задолженности. Этот закон называли «освобождением от долгов».

В древнем Риме Lex Gemicia в 332 году до н. э., недолго думая, вообще запретил взимание процентов.

Во времена кайзера Юстиниана был издан запрет на сложные проценты, причём, с определением, что не могут быть более востребованы проценты, если неуплаченные проценты выросли до величины одолженного капитала.

Папа Лео I в 443 году издал всеобщий запрет на сбор процентов, хотя до тех пор лишь клерикалам было запрещено требовать проценты с ссуды.

Тогда запрет на проценты стал частью канонического права, а для дилетантов обязательным правилом.

Западное законодательство постепенно приближалось к канонической точке зрения и даже наказывало взимание процентов штрафом.

Мы можем найти подтверждения тому в предписаниях рейхсполиции от 1500, 1530 и 1577 годов.

Конечно, с такого рода законами велась борьба, их старались обойти, но давайте во время этого краткого исторического экскурса упомянем об одном поразительном историческом факте: в то время, как каноническое право с 11 по 17-е столетие запрещало христианам взимание процента, евреям это было разрешено.

Было бы весьма интересно исследовать, какие проявления экономического роста привели к вышеперечисленным

силовым отменам долгов. Было бы и особо ценным посмотреть, какие власти и силы снова и снова отменяли запреты на проценты.

В средние века, конечно, с ростовщиками разбирались быстро: крестьяне или опустошённые горожане собирались вместе и избивали ростовщиков.

Сегодня же мы вступили в совершенно другую стадию развития проблемы процентов. Избиения и погромы ростовщиков в глубине души не одобряются.

Но и речь больше идёт вовсе не об отдельных, совершенно ограниченных проявлениях процентной болезни, которые можно было бы побороть, вырезав гнойник, речь идёт о тяжёлом заболевании всего человечества.

Совершенно особо следует подчеркнуть, что именно наша сегодняшняя культура, именно интернациональность международных отношений сделали принцип процента таким популярным.

То есть, известная нам историческая картина совершенно не должна быть аналогией сегодняшних отношений.

Если вавилоняне побеждали ассирийцев, римляне – карфагенян, германцы – римлян, то, после окончания войн, продолжительной кабалы процента не существовало, не было международных мировых властей.

Войны финансировались не за счёт долгов, а за счёт богатств, собранных в мирное время.

Очень точно говорит об этом Давид Хуме в своём описании государственного кредита. Только новое время с его непрерывностью собственности и его международным правом даёт возможность ссудным капиталам расти в бесконечность.

Того пфеннига, на который, со времени рождения Христа, начислялись проценты, больше не существует, потому, что за это время права на собственность много раз сгибались под давлением силы.

Но тот пфенниг, на который начислил процент старый Ротшильд, существует и будет существовать веки вечные, пока существует международное право.

Кроме того, следует помнить и о том, что на всех земных просторах только в новое время перешли от натурального хозяйства к денежной экономике.

В этой связи особенно важно, что лишь в середине прошлого столетия были отменены все ограничения во взимании процентов и все запреты на проценты. Примеры: Англия 1854 г., Дания 1856 г., Бельгия 1865 г., Австрия 1868 г.

То есть, понятию «процента», которое сегодня рассматривается неразрывно с понятием «денежное имущество», не более чем половина столетия.

Но именно понятие процента сначала сделало дань демонической властью такой всеобщей силы, какой мы её сегодня знаем.

Лишь с середины прошедшего столетия начинается становящаяся затем всё сильнее задолженность государства капиталисту.

Только начиная с этого времени, мы наблюдаем падение функции государства от управляющего делами содружества народов до управляющего делами капиталистических интересов.

Такое направление государственного развития достигло своего максимума в использовании всеми странами мира военных займов, которые исключительно, как мы поняли, служат лишь маммонистическим интересам и которым по праву можно вручить мировую корону, венчающую громадное кредитное здание мировых ссуд.

Ссудный капитал – изгой человечества

Эти краткие экскурсы в историю облегчают нашу задачу окончательно порвать с представлениями о том, что необходимо давать ссудному капиталу взнезменную власть расти самому по себе вечно и непрерывно, наделяя его ужасающей выкачивающей силой.

Необходимо переломить ситуацию, когда ссудный капитал, невзирая на историческое прошлое, находится на троне

над облаками, недоступный силам разрушения и недостижимый выстрелам орудий.

Дома и заводы, железные дороги и мосты стираются в пыль и пепел от взрывов бомб, а ипотеки – в целости и сохранности: долговые обязательства государства и железных дорог не выплачены.

Деревни, города, целые провинции подвергаются уничтожению, становясь жертвами войны, и это заставляет государства снова выпускать очередные долговые обязательства.

С жадно сияющими глазами с трона над облаками наблюдает «золотой интернационал» за этой умопомрачительной деятельностью народов.

И недалеко то время, когда, наконец, всё человечество без остатка станет рабом процента на службе у маммонизма...

Сломление кабалы процента возможно в отдельно взятой нации, несмотря на интернациональность

У Интернационала идея: он должен освободить весь мир.

Слава же той нации, которая первая отважится сделать мужественный шаг по освобождению от кабалы процентов! Вскоре последуют все остальные.

На часто поступающий ко мне вопрос, возможно ли вообще провести идею в отдельно взятой нации, я отвечаю: да.

У нас внутренние долги. Конечно, мы сейчас безвластны против иностранных требований по процентам; их-то как раз необходимо оплатить.

Но чрезмерный отток капитала должен быть, по возможности, приостановлен.

Если законодатель не может позволить себе воздерживаться от разработки законов против убийств, обмана и т. д. только на основании того, что, якобы, снова в обществе появилась нищета, то и народ не может себе запретить сделать осознанный в качестве необходимого шаг к оздоровлению государственных финансов лишь потому, что далеко

не лучшая часть этого народа пытается спрятать свои ворованные деньги в безопасности за границей.

Даже если допустить, что сотни, тысячи миллионов облигаций военного займа попали за границу, и тогда это не было бы решающим фактором для того, чтобы упустить возможность сломить кабалу процента, ведь, по большому счёту, из 250 миллиардов внутренних заимствований с твёрдым процентом большая, самая большая их часть всё равно должна оставаться в стране.

Заключительное замечание

Давайте вкратце ещё раз всё подытожим.

Сломление кабалы процента является радикальным средством для окончательного и длительного оздоровления наших государственных финансов.

Сломление кабалы процента означает возможность отказа от давящих прямых и косвенных налогов, так как производственные предприятия государства ещё до сих пор и, тем более, после намерений по социализации подходящих для этого отраслей (судоходство, энергосистема, воздушное сообщение и т.д.), поставляет в государственную казну достаточное количество средств, чтобы из них финансировать все социальные и культурные задачи государства.

С финансовой точки зрения сломление кабалы процента придаёт труду во всех профессиональных областях присущее ему первое место.

Деньги снова займут единственную свойственную им роль – быть на службе в сложной системе нашего народного хозяйства.

Они вновь станут тем, чем они являются по своей сути – оплатой за произведённую работу, и, таким образом, расчислится путь к более высокой цели – ухода от неистовой жадности к деньгам, имевшей место в нашем столетии.

Должен быть создан крепкий фронт всего трудящегося населения, начиная от не имеющих собственности рабочих, которые, как мы видели, подвергаются очень сильному

давлению косвенных налогов для удовлетворения ссудного капитала, включая затем весь буржуазный слой, служащих, крестьян и ремесленников среднего слоя, которые почувствовали господство власти денег в виде недостатка жилья из-за земельных, банковских и других процентов и вплоть до ведущих умов, изобретателей, директоров нашей крупной промышленности, которые все, в той или иной мере, находятся в когтях крупного ссудного капитала, поскольку для них в качестве основной жизненной задачи всегда стояло зарабатывание ренты, процентов и дивидендов для играющих за кулисами денежных властителей.

Не в меньшей мере это относится и ко всем слоям интеллигенции, деятелям искусства, писателям, актёрам, учёным, а также, к другим труженикам свободных профессий.

Как бы крупный капитал, сознательно или инстинктивно, по виду группы лиц или персонифицировано, под принципом процента ни пытался скрыть факт своей неограниченной жадности к господству, как бы наше полностью построенное на римском праве законодательство (римское право подразумевает юрисдикцию, служащую защите прав плутократии) ни выдвигало на передний план защиту собственности, что, конечно, отложилось в правовом сознании нашего народа, всё равно, в качестве одного из путей изгнания духа маммонизма, заразившего и заболотившего менталитет нашего столетия, в качестве единственного выхода из угрожающего экономического порабощения всего мира со стороны «золотого интернационала» должно наступить сломление кабалы денежного процента.

Конвертация военных займов в имущество банков

Приведённое в п. 1 заявление с требованием перевести облигации военного займа в законные средства платежа вот уже в какой раз вызвало волну обвинений в том, что это приведёт к переполнению рынка средствами платежа.

Это обвинение само по себе ошибочно. Сама по себе инфляция существует из-за наличия военных займов.

Но правильным является то, что отмечается факт физического наличия этих объявленных средствами платежа бумаг, что, само по себе, несмотря на всю несостоятельность подобного рода опасений, могло бы привести к неблагоприятным побочным явлениям, аналогичным новому витку инфляции.

Поэтому, во изменение п. 1, определим его, как конвертацию облигаций военного займа, а также остальных государственных долговых обязательств в банковское имущество с законодательной отменой выплат по процентам.

Такая формулировка имеет то большое преимущество, что уничтожает форму проявления военных займов в виде ценной бумаги.

Облигации военного займа были бы переданы банкам, банковским конторам, сберкассам и т.д., и после кредита (снятия) переданной суммы со счёта, займы были бы аннулированы.

Таким образом, практически у каждого человека в Германии будет банковское имущество, открытый счёт в банке, которым он мог бы распоряжаться.

Такого рода действие имело бы ещё одно немалое преимущество, смысл которого состоит в том, что в этом случае было бы невозможным удержание больших партий облигаций в частной собственности, так как, по истечении определённого срока, не переданные в банковскую сферу купоны займа были бы объявлены недействительными.

Кроме того, был бы возможен всеобщий контроль над тем, сколько военных облигаций ушло за границу. Если перед заграницей мы чувствуем себя экономически слабыми, то мы должны будем выполнять выдвигаемые заграницей требования по процентам.

Я же лично считаю, что мы вполне бы могли сделать заявление о невыплате процентов, в том числе и иностранным обладателям облигаций.

Того, что при такого рода развитии событий претензии по процентам со стороны заграницы будут отвоёвываться

силой оружия, мы можем не опасаться, потому, что фактически в истории ещё никогда не предпринималась военная акция против большого государства из-за финансовых мер в пользу частных лиц.

Не следует предполагать, что даже французский народ, на основании финансовых претензий господ Вахера, Шульца и Джона из Германии из-за их вывезенных за границу немецких военных облигаций, объявит Германии ультиматум.

Чтобы избежать статуса банкрота по отношению к загранице, вполне было бы возможно провести розыгрыш военных облигаций, причём, таким образом, чтобы с помощью использования обязательных в таком случае статистических методов обеспечить выигрыш номеров, которые, как считается, находятся за границей, и выплатить его банкнотами рейха.

Третьим вариантом может стать объявление о том, что будет приветствоваться размещение облигаций в банках, плюс к тому, что даётся возможность заплатить налог на имущество в необычайно простой форме, при котором учреждениям по ренте нужно будет лишь дать указание отделению Рейхсбанка списать с г-на NN столько-то и столько марок налога.

Таким образом, оплата налога была бы намного безболезненнее, при том, что, разумеется, для плательщика сохранялось бы право оспаривать сумму.

При такого рода переводе (конвертации) военных облигаций в банковское имущество, могло бы быть создано определённое социальное равновесие.

Маленькие суммы, то есть, облигации, принадлежащие тем, для кого их приобретение было действительно делом во имя отечества, в сумме от 5 до 10.000 марок – выплачивались бы по номиналу.

А более крупные облигации могли бы оплачиваться по ежедневному курсу. Точно также можно было бы поступить и со всеми остальными государственными бумагами.

Особые пояснения к указанным в манифесте требованиям к законодательству

К п. 1. Совершенно необходимо одинаково поступать со всеми государственными и коммунальными долговыми обязательствами, так как лишь такое единое, масштабное регулирование всей нашей денежной системы должно идти параллельно со сломлением кабалы процентов.

К п. 2. То, что сломление кабалы процентов должно быть предпринято одновременно по всем остальным бумагам с твёрдым процентом, уже и так ясно.

Цель этого – не вызвать рост цены этих бумаг; ведь скачок цен естественно наступит, если беспроцентными будут объявлены лишь государственные бумаги.

Погашение долга, как таковое, осуществлялось бы ежегодными выплатами, причём, проводилась бы стабильная и равномерная ликвидация задолженности по всем объектам.

К п. 3. Данный параграф находится в тесной связи с предыдущим, а также с требуемым в п. 3 огосударствлением кредитов под залог.

Обречённый на ипотеку крестьянин или домовладелец по-прежнему делает взносы, которые он и раньше должен был делать кредитору, но уже не в виде процента, а, как возврат долга.

Через 20, 25 или 30 лет, в зависимости от уровня последней ставки процента, участок или дом будут оплачены полностью.

Ипотечный банк со своей стороны может, конечно же, также только в течение этого времени, оплачивать проценты по закладным листам их владельцам.

Параллельно с этим идёт получение права общественной собственности на освобождённую от ипотеки недвижимую собственность.

Но прежде должен пройти всеобщий кадастр квартир и недвижимости, так как даже свободное от долгов недвижимое имущество имеет право на возврат инвестированного

капитала, а также длительное право на получение части ренты с домов, используемой для финансирования всех связанных с собственностью на недвижимость расходов, сборов и т. д., а также, на соответствующее возмещение за личные усилия.

Обрисую этот порядок в общем на примере городского дома.

Цена дома – 100.000 марок. Из этого внесены: 50.000 под 4 % ипотечным банком, 20.000 под 5 % частным лицом и 30.000 – деньги, внесённые самим хозяином. Поступления от сдачи в аренду составляют 7000 марок. Отсюда отчисляются: 2000 марок – 1-й ипотеке, 1000 марок – 2-й ипотеке, сборы, расходы и т.д. составляют 1000 марок, итого – 4000 марок.

Таким образом владельцу дома остаются 3000 марок, как процентная плата за его вложенный капитал в размере 30.000 марок.

После проведения законодательной отмены процентов, через 10 лет имеем следующее положение: 1-я ипотека – 30.000 марок, 2-я ипотека – 20.000 марок.

Капиталовложения самого хозяина уже полностью оплачены и вступает новое государственное право на имущество в сумме 50.000 марок.

Таким образом, государство может оказывать влияние на решение вопроса об арендной плате и поступлений от аренды.

Теперь было бы неправильно ставить владельца дома в плане возврата в один ряд с ипотеками. Ведь его капитал в глубинном смысле был ссудным, по которому должен быть нанесён удар, но речь ведь идёт о «рисковом» капитале, а конкретно – о доли.

Поэтому владельцу дома следует предоставлять право либо на дальнейшее получение аренды, либо возможность длительного получения соответствующего процента из накладных расходов на управление домом.

Мы не ставим задачи сделать здесь какие-либо конкретные предложения, речь ведь идёт лишь об указании

направления: как беспрепятственно осуществить переход из процентной экономики в беспроцентную.

Чтобы всё-таки закончить пример, допустим, что прошло 25 лет; тогда вся ипотека оплачена, лишь постоянные расходы остались те же, либо из-за возраста дома возросли с 1000, например, до 1500 марок.

Признанная за хозяином часть из этой суммы также где-то в пределах 1000-1500 марок.

Вот и выходит, что почти 3000 марок от арендной платы фактически являются длительными расходами, в то время, как остальные 4000 марок, из исходных 7000 марок прихода от аренды, остаются в свободном распоряжении.

То есть, в руках государства имеется возможность сократить аренду более чем наполовину, и это может быть сделано, например, в рабочих домах.

Или государство понизит аренду на 20, 30 или 40 %, а из оставшейся разницы получит источник средств для других государственных потребностей, в первую очередь – на строительство государственного жилья.

Даже от небольшого снижения арендной платы можно будет получить новые, достаточно большие средства для строительства жилья или направить их на иные социальные цели.

Кроме того, такой подход проводит политику, – и я считаю это очень плодотворной перспективой – внутренней социальной справедливости в обществе (государстве) в том плане, что государство, посредством контроля цен за аренду, описанным выше образом способствует снижению уровня социальных проблем.

К п. 4 и п. 5. Эти параграфы требуют социализации всей денежной системы.

Деньги являются вознаграждением за выполненную работу и выпускаются только, исключительно государством. Выпуск денежных знаков является одним из основных суверенных прав государства.

Подделка государственных денежных знаков наказывается тяжелейшими штрафами, и это вынужденное социальное требование, диктуемое необходимостью нахождения денег под полным контролем.

Общественный труд в целом является единственной субстанцией денежных знаков, и только неприятие этого факта привело к нынешнему обесценению государственных финансов и полной анархии в денежном обращении вообще.

С предложенной в пункте 5 передачей кредита без обеспечения и товарного кредита частным банковским конторам совершается глубокий перелом во всём кредитном деле.

Для государственного кредитования, так же, как и для коммунального и для кредита под залог, необходимо с жёсткой последовательностью и энергией придерживаться цели сломя кабалы процента, потому, что именно это — основная предпосылка для социального государства вообще.

По-другому обстоит дело с кредитом без обеспечения. Разумеется, также и для него мы ставим условие беспроцентности, но этому требованию уже более не придаётся такого огромного и принципиального значения.

Вспомним о 250 миллиардах ссудного капитала с твёрдым процентом по отношению к 12 миллиардам бумаг с дивидендом. Все такого рода вложения — кредиты, акции, сертификаты и т. д. — являются рискованым капиталом. Доход от этого капитала зависит от прилежания и старания тех лиц, которым доверены деньги.

Вот тут и есть момент риска, угроза потери и личного доверия. Для этого пока что, кажется необходимым возмещение особого рода.

Владелец акции и т. д. не получает никакого возмещения или прибыли, если предприятие, которому он доверил свои деньги, ничего не зарабатывает.

Он полностью теряет деньги, если предприятие закрывается.

По-другому обстоит дело, к примеру, у владельца долговых обязательств железных дорог. Железные дороги, например, с потерей Эльзаса-Лотарингии – полный банкрот.

Но, несмотря ни на что, владелец облигаций железных дорог получает дивиденд и даже свои проценты. Откуда? Из общих налогов.

Железные дороги могут работать даже с такими убытками, какие были в Пруссии и Баварии в последний год, а владельцы облигаций, несмотря ни на что, получают свои проценты.

С чего? С применения рабочей силы и потребления трудящегося населения.

Следует пояснить это основополагающее различие, чтобы, наконец, осознать, где присосался вампир рабочей силы.

Кредит без залога предоставляется в личное пользование кредитуемого и выдаётся и возвращается частным банком.

Личная старательность кредитуемого, которая известна банкирам, будет решающей при предоставлении кредита без залога.

При сломлении кабалы процента, установленные государством сборы саморегулируются в зависимости от реального потока денежных средств.

К п. 6. В частности, сказанное в п. 5 также относится и к дивидендным ценностям.

В интересах социального государственного устройства необходимо стремиться, в том числе и для крупных промышленных предприятий, к возврату однажды взятых кредитов, чтобы и здесь стремиться погашать задолженность отдельных субъектов промышленности тем финансовым субъектам, кто только даёт деньги.

Ведь, фактически здесь в уменьшенном масштабе повторяется то, что мы наблюдаем у крупного капитала по отношению к целым народам.

И здесь капиталист эксплуатирует рабочего, мастера, инженера, предпринимателя без разбора, ведь они обязаны зарабатывать дивиденды.

Если же мы добьёмся освобождения промышленного или ремесленного предпринимателя от вечного высасывания процентов, то тогда и только тогда откроется путь к снижению цен, получению и распределению прибавочной стоимости, которая может быть направлена частично обществу, частично рабочим и служащим, дирекции отдельных предприятий, – то есть, тем, кто действительно создаёт товары и ценности.

К п. 7. В этом параграфе проясняются механизмы всей области страхования, которая аналогично должна строиться на беспроцентной основе.

Выплаченные премии не должны возрасти за счёт добавления процентов, а страховые общества должны стать сберкассами, что означает, что страховые риски и преимущества страхования сохраняются. За это отвечает государство.

К п. 8. Относительно обесценивания наших денег, превысившего все разумные пределы за счёт огромной массы выпущенных долговых обязательств, мы требуем многоступенчатого платежа с имущества. Мы подчёркиваем – «многоступенчатого».

Ведь, практикуемые платежи с имущества, погашение банкнот и т. д. являются ни чем другим, кроме, как обманом, посредством которого народу сыплют в глаза песок.

Ведь, если я, скажем, возьму половину всего имеющегося имущества и переведу в ценные бумаги, а затем погашу эти бумаги, то этим достигну лишь того, что станет меньше бумаги, а коэффициент пересчёта имущества получит повышенную фиктивную стоимость.

Настоящую же стоимость имеют лишь потребляемые и употребляемые товары, а не бумажное указание на стоимость произведённой работы.

Другой вопрос, насколько можно с помощью этого улучшить положение нашей валюты – марки?

Но даже и это улучшение валюты зависит от рабочей силы и производства, а значит, – от производственных возможностей всего нашего народного хозяйства.

Возражения и их опровержения

Ещё ни одна идея не проводилась в жизнь без сопротивления, тем более, та, которая радикально касается устаревших взглядов о святости и неприкосновенности процента.

Во всех поднятых ранее и ожидаемых возражениях можно обнаружить два типовых подхода.

Поэтому перед ответами на возражения вначале следует определить, во-первых, где в них намеренное искажение идеи слома кабалы процента, и, во-вторых, ответить по существу на все частные и деловые размышления.

Самым частым возражением является следующее.

Без удовлетворения процентным доходом никто не будет одалживать свои деньги.

А мы больше и не хотим, чтобы кто-то давал займы свои деньги!

Кредит был западнёй, ловушкой, в которую попала наша экономика, где она теперь и безнадежно застряла.

Если народу действительно нужны крупные суммы, то их можно взять беспроцентно в Центральной Государственной кассе с обязанностью возврата.

Ведь, если есть новые беспроцентные банкноты - зачем брать у кого-то деньги, которые обернутся процентами?! – теперь всё равно, бумага с процентами или без!

Теперь за деньгами стоит рабочая сила, сила налогов народа. К чему уже изначально любые государственные затраты утяжелять свинцовой тяжестью вечного процента?!

Да, но как государство должно выполнять культурные работы в обществе? У него должны быть деньги и с этой задачей можно справиться только путём кредитования.

Это утверждение основывается исключительно на мамонистическом ходе мыслей.

После основательного чтения манифеста станет ясно, что вопрос рассчитан на введение в заблуждение, ведь мы доказали, во-первых, что все культурные и социальные задачи государства, после слома кабалы процента, могут быть

покрыты из доходов работающих государственных предприятий – почты, железной дороги, шахт, лесов и т. д.

Во-вторых, у Суверенного государства всегда в своих руках право решения о том, чтобы позаботиться о культурных расходах путём выпуска беспроцентных бумаг, вместо объявляемых в маммонистических государствах выпусках ценных процентных бумаг на, так называемые, «особые культурные расходы».

Совершенно непонятно, почему государство должно удорожать особые культурные задачи, например, за счёт строительства железных дорог, каналов, ГЭС, путём обещания процентов.

Если оно не может из текущих средств своих работающих предприятий оплачивать строительные и прочие расходы, то не видно причины, почему государство не должно делать деньги, ведь для этого есть суверенный народ, признающий именно эти деньги платёжным средством.

Почему же народ, со всей своей рабочей и налоговой силой, спрятался за кусочек бумаги (процентную ссуду), которая ему же накладывает на шею вечную выплату процентов в пользу капиталиста?

Вон эти представления, привнесённые из маммонистического государства!

Капиталисты тогда привлекут к себе все изданные бумаги и будут их складывать. Есть два крупных довода против.

Во-первых, в таком случае, закономерно выполнится то требование, что чистое денежное состояние не должно быть плодотворным, то есть, капиталист сам ломает кабалу процента: ведь, если он хранит свои ценные бумаги дома, то он сам по себе отказывается от процентов.

Во-вторых, против этого будет говорить страх капиталиста за свои деньги. Можно себе представить бессонные ночи сторожа ценных бумаг, у которого дома громадное денежное состояние, и он боится всё время воров, разбойников, взломщиков, обысков, пожара, наводнения.

Я убеждён, что никто не выдержит такого напряжения долго и очень скоро пойдёт в государственный банк.

Государственный банк выдаёт квитанцию и отвечает только за переданное ему состояние, но не за какие-либо проценты.

В остальном, любому остаётся ещё и третья возможность, а именно – работать со своими деньгами.

Создавать заводы и производить товары, участвовать в международных предприятиях, делать свою жизнь богаче и прекраснее, поддерживать искусство и литературу, то есть, использовать свои деньги с пользой.

Но ведь, может такое быть, что в каких-либо целях срочно нужен частный капитал, например, для испытания изобретений, образования компании, общества, поддержки молодого, прилежного мастера, деловых людей и т. д.

Для начала, это не имеет никакого отношения к сломлению кабалы процента!

Потому что, во-первых, нужно логично допустить, что капиталист, после уничтожения процента, более не будет иметь возможности вложить свои деньги совершенно надёжно и спекулировать интересом от процента, что он всё больше будет склоняться рисковать своими деньгами в тех целях, где недостаток или потребность в деньгах намного меньше.

Сейчас же, как раз наоборот: разве от старательнейших предпринимателей, умнейших изобретателей не всегда слышишь обвинения в том, как тяжело в маммонистическом государстве получить деньги на эти цели, если не гарантирована рента?

Во-вторых, задачей будущего государства должно стать оказание огромной поддержки любой прилежной силе.

Это пытались уже сделать и в старом бюрократическом государстве, но так скупно, что зачастую вместо развития получали торможение и недовольство определениями, связанными с получением государственной поддержки.

В-третьих, следует заметить, что если у людей есть готовность работать, то с её помощью можно достичь очень многого.

Радость от работы, прилежание и старание немецкого изобретателя, инженера, мастера настолько велики, что если дать государству право участия в творениях счастливых изобретателей, то, с высокой вероятностью, можно ожидать и выделения на эти цели денежных средств (пример: Англия).

Сломление кабалы процента обязательно приведёт к уменьшению состояния.

Ого! Кто это утверждает? Ну и ну!

Конечно, это справедливо в отношении тех, кто свою жизнь настроил на получение процентов, а не решился трудиться; при нынешнем положении вещей у него и через 20 лет, с его пятью процентами, состояние останется в неприкосновенности.

Что ж, в таком случае, мы – на верном пути.

Мы хотим сломить кабалу процентов, мы хотим прекратить деятельность рантье – вот, что должно быть высшим идеалом гражданина.

Мы не хотим больше тонуть в болоте маммонизма, мы не хотим больше терпеть, чтобы хоть один, хоть многие жили уютно на свои проценты, что значит – за счёт других. Впрочем, вернёмся к вопросу.

Совершенно неверно то утверждение, что сломление кабалы процентов могло бы привести к отмене и к уменьшению состояний.

Напротив, сломление кабалы процентов развивает образование состояний по причине освобождённого и разгруженного от выплаты процентов, создающего ценности и товары труда.

Сломление кабалы процентов ведёт, как мы видели, ко всеобщему удешевлению всей жизни, оно разгружает нас от чрезмерного налогового бремени, так что, в будущем для каждого рабочего человека должны открыться новые, лучшие возможности делать накопления.

И ещё один момент: работа промышленности по производству товаров и ценностей, работа торговли и ремёсел, в результате сломяца кабалы процента, нисколько не будет затруднена, а наоборот, будет развиваться.

Что будет иметь рабочий от того, если капиталисты больше не будут получать проценты?

Собственно, этот вопрос можно было бы и не задавать.

Во-первых, осознание того факта, что капиталисты эксплуатируют рабочих, было первым призывом к борьбе рабочего класса, во-вторых, мы вполне ясно и чётко разглядели, что именно рабочие, в форме косвенных налогов, в огромной степени привлекаются к выплате ссудных процентов, о чём уже говорилось выше.

Семейные узы слабеют и разрушаются, если детям не могут оставить состояния.

Надо же, как сформулировано!

В общем-то, я считаю, что деньги имеют мало чего, или вообще ничего общего со смыслом семьи.

Или вы слышали, что дети состоятельных людей больше зависят от своих родителей, чем дети бедных родителей, или же, что богатые родители любят своих детей больше, чем менее обеспеченные?

Что вообще важнее для детей, чтобы родители им дали максимально хорошее воспитание и обеспечили хорошее образование, воспитали их старательными, здоровыми и мужественными людьми или чтобы они оставили после себя много денег?

Без сомнения, нужно признать справедливым стремление обеспечить будущее детей также и финансово.

Это стремление, в смысле накоплений, ни в коем случае не будет ущемлено, в результате сломяца кабалы процентов.

Напротив, возможности накоплений станут больше, если наше народное хозяйство будет освобождено от всеохватывающего давления кабалы процентов.

На примере мужчины с доходом в 10.000 марок и доходом от ренты в 5.000 марок мы видели, что все средние и малые состояния сейчас фактически обворовываются, очищаются от «полезного жирка» прямыми и косвенными налогами.

Нельзя же каждый раз повторять одно и то же: ссудный процент, выплачиваемый малым и средним состояниям, – это иллюзия, денежный обман, вращение по кругу.

Очень крупный ссудный капитал красиво расписал и распространил по всему миру веру в святость и неприкасаемость процента с помощью находящейся в его руках прессы.

Она даёт каждому видимое участие в прекрасном, завораживающем процессе получения дохода от процента с тем, чтобы усыпить опасные мысли, связанные с ленивым и безработным получением процента и побуждающие к объединению товарищей по борьбе.

Это делается во благо защиты «высшего добра» – маммонизма.

Чиновник, государственный служащий скажет: Государство не может отказаться от своих обязательств перед тем, кто ему верит.

Что значит обязательства?

Может быть моральнее согласиться раздавать обещания, о которых государство уже наперёд знает, что оно сможет эти обещания выполнить лишь тогда, когда у тех, кто ему верит, оно возьмёт этот процент в той же сумме в виде прямых и косвенных налогов – где же здесь мораль?

Не честнее ли согласиться: я, государство, смогу заплатить проценты, если соберу столько же налогов.

Но тогда, во время войны, мне обязательно нужны были деньги и поэтому я, государство, устроило обман с военным займом; прости, любимый народ, это же было сделано для тебя, и теперь не будем больше играть в прятки; я, государство, не плачу проценты, а ты, налогоплательщик, не должен будешь платить налоги для получения мной денег на уплату этих процентов, что существенно упростит наши отношения.

Мы сэкономим на громадном налоговом аппарате и на таком же огромном аппарате службы процентов. Не правда ли, договорились?

А вы, господин Шайдеманн, в другой раз не пишете вашу фамилию, как государственного секретаря старого, скомпрометированного правительства на каждой колонне с плакатами под дурацкими заявлениями относительно безопасности и неприкосновенности военного займа.

Вы компрометируете лишь самого себя, а пользу от всего этого обмана получает лишь один единственный крупный капитал.

Финансовые политики и банковские специалисты объявят невозможным сломление кабалы процентов в военном займе и государственных долгах, так как это будет равнозначно банкротству государства.

Простите меня, но, по Вашим словам, мы и без этого уже государство-банкрот, или должны им стать.

Общественное же заявление о государственном банкротстве было бы самой большой глупостью, которую мы могли бы сделать; оно бы раньше времени к фактической неспособности теперешних властителей прибавило ещё и историческое подтверждение этой неспособности.

Зачем объявлять себя банкротом, – ведь, если я переложил 3 марки из правого кармана моих брюк в левый, то разве я не должен объявить себя банкротом правой штанины?

То же самое было и с военным займом: Рейх вынимает из кошельков народа первые действительно имеющиеся миллиарды, затем деньги снова потекли обратно; затем новый займ и снова деньги потекли обратно.

И снова пришёл насос займа и снова выкачал миллиарды, и снова они пришли обратно, всё шло хорошо, пока игра не повторилась 9 раз и государство в итоге наделало долгов на 100 миллиардов.

Результат – у народа в руках 100 миллиардов прекрасно напечатанной бумаги. Сначала все воображали, что стали настолько-то и настолько-то богаче, затем пришло

государство и сказало: «Это ужасно, у меня 100 миллиардов долгов и я стою перед банкротством».

Да, ну почему же? Это же, всего лишь самообман! Я же никак не могу стать банкротом, если я свои деньги как угодно часто перекладываю из одного кармана в другой.

То есть, по поводу государственного банкротства в отношении наших внутренних долгов по военному займу мы можем успокоиться.

Поэтому не надо объявлять банкротства государства, а вот, на огромной работе с дурацкими процентами и с большими, но ещё более глупыми налогами, мы действительно можем сэкономить.

Хватит нам уже заботиться о делах крупного ссудного капитала!

Пользу от этой цепочки «ссуда – проценты – налоги – обман» имеет только крупный ссудный капитал, так как ему достаётся полный мешок денег, и эту его прибыль оплачивает рабочий народ в виде косвенных налогов; а малый и средний капиталист, при этом, просто вертится по кругу.

Один политик-специалист по международной экономике говорит: сломление кабалы процентов только у нас в Германии провести нельзя; это должно быть сделано во всём мире, иначе мы потеряем любой кредит, капитал будет утекать, и мы будем вынуждены выполнять наши процентные обещания перед границей.

Я соглашусь с тем, что по этому вопросу я дольше всего не давал ясности.

Это – самый тяжёлый вопрос, потому, что он нас приводит к взаимоотношениям с другим миром – в то же время у данного предмета две стороны.

С одной, мысль о сломлении кабалы процента – это призыв к борьбе всех трудящихся народов против международной процентной кабалы денег, с другой – это радикальное средство для излечения от нашей внутренней финансовой нищеты.

Но всё это, собственно, не является основанием для того, чтобы не полечиться каким-то средством по причине того, что такой же больной сосед это средство не применяет одновременно с нами.

Было бы полным идиотизмом, если мы в Германии и далее будем вертеться по этому проклятому кругу и платить налоги и проценты, когда нам стало ясно, что эта болезненная деятельность направлена исключительно на пользу крупного капиталиста.

Так пойдём же вперёд своим примером освобождения, сбросим с себя кабалу денежных процентов, и вскоре мы увидим, что сила этой крылатой, освобождающей мысли побудит народы последовать за нами.

Я несколько не сомневаюсь в том, что наш пример – если только он не будет подавлен немецкими маммонистами – потянет за собой другие народы.

Спартанист говорит: вся эта мысль пойдёт на пользу лишь капиталу, он останется таким же, как и был: у бедного нет ничего, а богатые останутся.

Да, мой друг, очень тяжело с тобой вообще спорить, если в душе ты коммунист, то есть, действительно хочешь, чтобы «Всё принадлежало всем», если ты при этом ещё знаешь и считаешь правильными действительные мысли великих большевистских вождей в России, особенно Ленина...

Если ты считаешь по-человечески возможными обозначенные в качестве последних задач Советской республики «всеобщий учёт и контроль всего производства и распределения», то тебе должно быть также совершенно ясно, что при таком «Всё принадлежит всем», если и можно силой поставить под контроль и учёт всё общественное производство и распределение по мысли Ленина, то тогда, в лучшем случае, из этого выйдет муравьиное государство.

Тогда уж можно отказаться и от нашего языка, от нашей души, от наших мыслей, и лишь молча, тупо исполнять свою работу. Вот и пришёл человеку конец.

Полагаю, что сказано достаточно, друг мой Спартак.

Подумай хорошо над этими размышлениями, пропусти их через сердце. Более подробный ответ на свой вопрос ты получишь в нижеследующем диалоге с другими партиями.

**Вам, товарищи обоих социалистических направлений,
умеренные и независимые!**

Я не думаю, что с Вашей стороны есть серьёзные противоречия или возражения против слобления кабалы процента, но всё-таки, я должен основательно поспорить с Вами, со всем социалистически мыслящим миром, начиная от Маркса и до сегодняшних вождей – Эберта, Шайдемана, Каутского и т. д.

1) Социалистическая цель поднять рабочий класс – абсолютно побеждающая идея; но только до тех пор, пока мы едины.

2) Практические пути к достижению этой великой цели я нахожу неверными, так как они построены на неверных предположениях.

Социалистическая идея государства ведёт последовательно к коммунизму, но здесь обнаруживается противоречие.

Ведь, поскольку у социал-демократии другая цель (поднять рабочий класс, вообще весь рабочий народ), то она стоит перед болезненным внутренним расколом, так как логическая последовательность марксизма как раз ведёт к противоположности того, что является практической целью рабочего движения.

Этот внутренний разрыв является причиной неуверенности общества в руководстве правительства.

Под Спартаком и большевистским коммунизмом, из-за их больших практических целей (подъём рабочего класса), следует подвести жирную черту, а с их методами бороться со всей решимостью.

Но социал-демократия, организованная на профсоюзных принципах, чувствует себя по отношению к этим радикальным группам слабо, потому, что за основу идеологии она взяла марксистский метод мышления и потому,

что логически все марксистские методы мышления ведут к коммунизму.

Вот доказательство к пункту 2, где я утверждаю, что пути, которыми идёт социал-демократия, не верны.

Практически повсюду идущая межклассовая борьба привела к глубокому расколу населения внутри собственной нации.

Всё время подогреваемая ненависть, направленная против работодателей любого рода, служащих, да и против любой буржуазной профессии, навешивание им ярлыков кровососов и эксплуататоров якобы единственно работающего рабочего привели к неоправданной травле высших слоёв общества, а также, к появлению у рабочего класса чувства надменности, которая последовательно находит своё выражение в требовании «диктатуры пролетариата» (Коммунистический Манифест).

Существенное требование Эрфуртской программы – перевод средств производства из частной собственности в собственность и управление общества – сегодня сконцентрировалось в лозунге «Социализация».

То, что полная социализация означает нашу экономическую смерть и полное банкротство государства – совершенно ясно любому честному политику.

Но никто не отваживается честно и открыто заявить об этом народу.

Лозунгом сейчас должно быть не обобществление, а разобществление.

Так образом, сейчас, под видом социализации, пытаются, при помощи фантастических налоговых проектов, возместить очевидные ошибки, чтобы ещё раз экспроприировать экспроприаторов.

Но это означает ни что иное, как подвергнуть всё народное хозяйство явной смерти.

Вместо повышения уровня производства (о его удвоении, как это обещала вся социалистическая литература сразу

же после революции, вообще не может идти речи) наступила полная противоположность.

Но самым ужасным было бы, если нынешнее социалистическое правительство подумает о крупных займах за рубежом.

Этим бы не просто увенчался наш экономический спад, но мы бы попали под процентную кабалу Антанты, из которой уже не было бы возврата.

Основной ошибкой, основным заблуждением, на котором построена эта вся порочная цепочка выводов, требований, обещаний народу, является совершенно неверная позиция по отношению к промышленному и ссудному капиталу.

Коммунистический манифест, Эрфуртская программа, Маркс, Энгельс, Лафалль, Каутский совершенно не осознали глубоко идущие различия между промышленным и ссудным капиталом.

В этом моменте всей социал-демократии надо переучиваться, так как это основное заблуждение должно быть ясно осознано и бескомпромиссно понято.

Тогда же, однако, следует сделать и единственно возможные выводы. Они означают радикальный поворот от возбуждения бесполезной, совершенно необоснованной ненависти к промышленности и работодателям.

Рабочий и работодатель – вместе, у них одна и та же цель – работа, производство; ведь, без производства, без работы – нет жизни, культуры, вообще нет какого-либо движения.

Естественные, потому, что среди людей – именно потому, что они люди – неизбежные противоречия намного менее важны, чем гораздо более общие интересы работодателя и рабочего.

Частные противоречия могли и могут быть решены, ко взаимному удовлетворению, посредством тарифных соглашений и производственной организации.

Мы не будем далее развивать эти побочные вопросы, лишь затронутые в рамках рассмотрения политической ситуации, лишь ещё раз заострим внимание на том, что интересы

всего рабочего класса совершенно точно совпадают с интересами нашей национальной экономики.

Тот, кто учит по-другому, кто на передний план ставит, в качестве важнейшего, противоречие между работодателем и рабочим, тот самым безответственным образом выставляет себя именно перед рабочими, ведь он фактически кладёт топор на корни дерева, которое кормит и питает рабочий класс.

Но социал-демократия это уже сделала и, таким образом, взяла на себя вечную вину перед немецкими рабочими.

Она принесла нашему народу нищету, потому, что она не может сдержать никаких своих обещаний, потому, что она не может принести нам мир и понимание, потому, что она не может дать нам работу, а ей надо снабжать военных оружием.

Она не может обойтись и без служащих, потому, что она должна требовать выполнения трудовой повинности, ибо, после всеобщего избирательного права, ни один человек не может жить нормально, потому, что без гарантий безопасности личности и собственности может наступить хаос, потому, что без согласования работы отдельных деталей невозможна жизнь никакого государственного механизма.

Как следствие, через весь народ идёт глубокая, полная смятения волна разочарования.

И если кто-то ещё пробует осознать причины этого, то ему в ответ начинают врать даже министры, депутаты и народные уполномоченные.

Причём, вдруг они друг другу, что, дескать, нужно защитить «достижения революции от реакции» – это последние модные понятия, про которые ни один честный государственный деятель не может ясно сказать народу, что под ними подразумевается.

Такие негативные воздействия революции, как смещение целого ряда уцелевших династий, разгон офицерства, уничтожение дворянства, роспуск пехоты, – разве это «большое уничтожение» является «достижением»? Или реакцией?!

Всюду в народе наблюдается сильное разложение моральных основ, но для проведения какой-либо оздоровительной акции буржуазия слишком труслива, являясь таковой по самой своей природе, слишком испорчена морально, чтобы подняться против классово сознательного рабочего движения.

То есть, господствующему классу рабочих нечего опасаться буржуазной реакции.

Ещё большую угрозу представляет глубокое разочарование народа, так называемыми, «достижениями революции», что на практике значит – ошибками в попытках экономического улучшения жизни народа.

И это глубокое разочарование приведёт к смещению больших масс на крайние левые позиции, – туда, где будут обещать меньше, чем до сих пор.

В конце концов, далее уже нельзя обещать «Всё Всем». К тому же, это глупо; ведь любая мысль, любое действие, любое проявление, любая деятельность, доведённая до крайности, становится, в конце концов, глупостью, превращаясь в свою противоположность.

То же самое и с коммунистическими мыслями, что «Всё должно принадлежать Всем», – это заканчивается и превращается в то, что «У Всех нет ничего».

Голод, сомнения, нищета, болезни, нужда пришли в Россию, люди потеряли последние остатки жизненного мужества и радости.

Я повторяю: крупнейшее, основное заблуждение социалистической мысли в результате сводится к непониманию разницы между промышленным и ссудным капиталом.

Стремящийся к проценту ссудный капитал является изгоем человечества.

Вечное стремление к бесконечному росту крупного ссудного капитала приводит к эксплуатации народов, а не к развитию творческого, производящего товары промышленного капитала.

Не могу здесь пройти мимо вопроса, почему это различие в своей сути не понято; действительно ли оно не осознанно или только завуалировано в пользу крупного ссудного капитала?

Сознательно ли это делали вожди и агитаторы, ранее выступавшие против капитализма, или делают те же издатели коммунистического манифеста, Эрфуртской программы, то есть, теперешние революционные вожди?

Самым тяжёлым и отвратительным является необходимость подвергать сомнению необходимую честность и серьёзность чьих-либо убеждений; но ещё тяжелее, когда начинаешь сам внимательно следить за проявлениями жизни, исследуя скрытые причины и связи.

Поэтому я не хотел бы сам давать ответы на эти вопросы, а лишь укажу на эти тёмные связи.

Для этого мне хотелось бы привести цитату из романа "Endhymien" великого английского премьер-министра лорда Беконсфилда: «Никто не должен равнодушно заниматься расовыми принципами и вопросами. Они – ключ к мировой истории. И часто именно потому история настолько капризна, потому что её пишут люди, которые не знали расового вопроса и также мало знали относящиеся к этому вопросу моменты».

Гражданину

Гражданин, для которого спокойствие является гражданским долгом, уверен, что, как всегда, при возникновении любой новой идеи, при каждом новом революционном событии он будет отстранён от участия, и это для него означает беспокойство, ведь, при этом, он будет вынужден начать немного думать.

Ему ненавистно любое изменение, ему нужно спокойствие: и горе тому, кто хочет залезть в его кошелёк.

После уничтожения кабалы ссудного капитала с него не будут брать проценты ни с дома, ни с залоговых писем, ни за ипотеку, короче говоря, это всё то, что означает для него спокойствие, что составляет его уют и счастье.

Собственнику

Теперь нужно посмотреть, что соберутся сказать представители крупного ссудного капитала классу собственников.

Тем, кто образует буржуазию – это такой тип человека, с которым вообще ничего не следует начинать, это, как сучок на дереве человечества, который срубят – и чем скорее, тем лучше.

Это – сытые, довольные собою люди с малым горизонтом, не способные на восхищение, проводящие свои дни в вечном однообразии: кофе, утренняя газета, утренняя гимнастика, дневная газета, обед, сон, вырезание купонов, вечер, ужин, иногда кино, совершенно не понимая того, что мир движется; не интересующиеся тем, что волнует молодёжь и народ, от чего плохо государству, обществу...

Это люди, безразличные к войне и победе, равнодушные, высокомерные, раболепные, замутнённые, но это такой широкий класс, что мимо него нельзя будет пройти. И так, что же ему скажут: Из-за сломяения кабалы процента, исчезнет смысл сбережений, человек закончит жизнь в доме бедняков.

Следует решительно отвергнуть то, что сломяение кабалы процента не окажет никакого влияния на смысл сбережений.

Смысл сбережений, как и расточительство, имеет мало отношения к современным экономическим взглядам.

Экономия и расточительство – это человеческие качества, которые или есть, или их нет независимо от наличия или отсутствия процента.

В переходные времена, конечно, возможно снижение или повышение смысла сбережений.

Но, в данном случае, я больше склоняюсь к тому взгляду, что разумный, экономически грамотный человек скажет себе следующее: «Я не могу в будущем рассчитывать на то, что смогу жить только за счёт моих процентов. Но жить дальше я хочу и хочу что-то оставить детям, то есть, теперь я должен экономить больше».

Такое влияние, по-моему, окажет сломление кабалы процентов на большинство людей, иначе в старости они будут обречены на общественную поддержку.

Здесь же я хочу ещё раз подчеркнуть, что при сегодняшней нагрузке на имущество со стороны прямых и косвенных налогов, от прекрасных процентов ничего не остаётся, кроме того случая, если – и это несправедливо, с этим следует бороться – весь доход состоит только из вечной ренты.

То есть, не надо опасаться снижения смысла сбережений.

Разве (достойный ненависти) крупный капитал совсем неплодотворен, разве он не создавал средства для прогресса и достижений, приносящих человечеству даже большие плоды, чем составляет процент с ссудного капитала?

Нет! Сама постановка вопроса доказывает лишь, что нашу ясную картинку испортила маммонистическая фразеология.

Крупный капитал не создавал средств для прогресса, но сам он вырос из труда.

Любой капитал – это накопленный труд.

Крупный капитал, сам по себе, непродуктивен, т. к. деньги, сами по себе, непродуктивны.

Из денег, труда, имеющегося или выработанного сырья, из полезных ископаемых создаются ценности, товары, но только посредством применения труда.

Если даже в самую богатую горную жилу богатейшей Кобленской шахты положить много денег, то шахта не начнёт сама по себе выдавать уголь: это то, что надо усвоить.

Если люди изобрели деньги, то это имеет вполне понятный смысл: ведь, в любом сложном обществе необходимо иметь всеми признанное средство оплаты за произведённый труд.

Но то, что внутри денег живёт какая-то сила, производящая себе подобных – а именно это делают деньги под процентом – это то, чего я внутренне не приемлю, это то, что поднимает деньги над всеми земными явлениями.

И всё это – самый огромный обман человечества!

Ничто и никто не может делать деньги из себя самого.

В принципе, стол, стул, платье, дом, инструмент, короче, всё вокруг, не имеет какой-либо стоимости.

Но старым столом, в конце концов, можно ещё топить печь, а с 20-марковой купюрой ничего не сделаешь.

Только тогда, когда люди сознательно сошлись в том, чтобы использовать деньги для обмена товарами, для оплаты за труд, только тогда этот кусочек бумаги получил смысл, и именно с этого момента становится понятно, почему крестьянин за свою кукурузу от шахты получает не уголь, а деньги, то есть, плату за другую работу, например, за посуду, плуг или вилы.

Но, на этом власть денег должна заканчиваться.

Итак: не деньги сделали большие успехи человечества, а сами люди – их ум, мужественный дух, сила рук, их совместная, то есть, социальная, прилежная работа. Также достойно должны жить и мы.

Богатства созданы самими людьми, а не кусочками бумаги, которые люди изобрели для упрощения экономики.

Дальнейшая программа

Сломление кабалы процента не является конечной целью нового государственного устройства.

Конечно, это – радикальнейшее дело, единственное, способное сплотить людей в едином союзе народов против сильнейшего господства маммонизма, но не главное.

Однако, сломление господства процента обязательно должно предшествовать новой общественной организации, потому, что именно эта кабала, как мы увидели, является мировым корнем зла и, к тому же, – основным корнем.

Только, когда будет выполнено основополагающее требование сломления кабалы процента, только тогда вообще освобождается путь к социальному государству.

Это должно быть ясно осознано и сделано, несмотря на любую силу сопротивления маммонизма.

Социалистическое государство на маммонистической основе – всякие крики о социализации, – это не более, чем попытка укрупнения всех отраслей и создания повсюду огромных концернов, на которые в будущем, несмотря на налоги с капитала, крупный ссудный капитал всё равно будет оказывать решающее влияние.

И это приведёт к необходимости компромисса между уже сильно заражённой маммонизмом социал-демократией и крупным капиталом.

Мы требуем, наоборот, радикальной защиты от маммонистического государства и строительства нового государства в настоящем духе социализма, в котором основной идеей являются «продукты потребления», в чём старое коммунистическое требование находит своё разумное и осмысленное удовлетворение – каждый гражданин народа получает право на родную землю, что и будет являться основой государственного распределения важнейших продуктов.

Для нового государства мы требуем также народного представительства в форме палаты уполномоченных народом, которые выбираются на широчайшей основе, наряду с этим палату для постоянной работы и центральный совет, в котором трудящийся народ будет представлен по профессиональному признаку, в зависимости от экономической структуры общества.

В заключение мы требуем высшей ответственности для руководителей государства.

Этому новому государственному устройству на социалистическо-аристократической основе посвящена новая работа, которая вскоре выйдет в нашем издательстве.

Но предпосылкой для этого строительства всё равно остаётся сломление кабалы процента.

Моя непоколебимая вера, даже больше – моё знание, даёт мне ясно понять, что сломление кабалы процента не только не является противоестественным делом, но будет и должно быть принято везде с энтузиазмом, ибо, вопреки всем остальным мыслям, движениям и устремлениям,

нацеленным на улучшение жизни людей, моё предложение не пытается улучшить природу человека, а направлено только против яда, против явления, которое навязывают внутренним чувствам человека, с целью сделать человека больным, чтобы человечество увязло в материализме, чтобы взять у человека то лучшее, что у него есть – душу.

Рядом с этим явлением рука об руку идут денежные властители, для которых люди – это рабы, которые нужны только для того, чтобы работать на ренту и проценты.

С глубоким потрясением узнаём мы ужасающую правду старых библейских сказаний, по которым еврейский бог Яхве говорит избранному народу: «Хочу дать тебе в собственность все сокровища мира, в твоих ногах должны лежать все народы Земли, а ты – править над ними».

Теперь этот мировой вопрос и перед Вами.

Идея ясна, как день. И наше дело надо заботливо готовить, так как ясно, что перед нами сильный противник, вокруг которого все денежные короли мира.

Вся сила – на его стороне. На нашей же стороне – лишь право, вечное право творческого труда.

Пролетарии всех стран, объединяйтесь! Эта задача, если она вообще выполнима, то только в самом ужасном государстве принуждения, когда ты остаёшься внутри сердца убеждённым коммунистом, спартанистом и т.д., но тогда давай дальше не будем друг с другом спорить, ведь тогда мы не поймём друг друга, ибо говорим на разных языках и лишь будущее решит: или государство принуждения, которое, в данном случае, может выйти из большевистского хаоса, или государство с экономикой, освобождённой от кабалы процента, на которое надеюсь я.

Если же ты, по причине своей коммунистической души – если ты честен – всё же находишь у себя ещё мысли, страсть по женщине и мясу, по человеческой душе, которая для тебя ближе, чем эскимо или обезьяна Зулу, если на фабричной работе по приказам советского руководства ты всё же думаешь

о том, что было бы прекрасно иметь собственный небольшой домик, кусочек собственного сада...

Если ты в глубине своей души ещё не чувствуешь настоящего удовлетворения от того, что у тебя такие же права, как у собаки на улице, использовать попавшуюся на бегу собаку женского рода, если ты только и думаешь о том, как сэкономить с твоей зарплаты, и полагаешь, что заработок принадлежит только тебе, тогда ты уже больше не коммунист, тогда ты сердцем не можешь быть согласен с лозунгом «Всё принадлежит всем», который так громко провозглашается, тогда ты уже не хочешь, чтобы всё принадлежало всем.

Ты хочешь, чтобы именно то, что ты себе желаешь: жену, ребёнка, двор, сбережения – есть ли это уже у тебя или только появляется, но чтобы это принадлежало одному тебе.

И видишь, мой друг, если ты хотя бы в уголке души сомневаешься, что тебе будет безразлично, когда придёт кто-то лучший и просто возьмёт у тебя твои сбережения от имени «всех», принесёт тебе другое мясо, а твоё возьмёт, потому, что всё мясо принадлежит всем, тогда, мой друг, тогда мы говорим совсем не о разном, и тогда я хотел бы тебя попросить задуматься, не должен ли быть коммунистический лозунг «Всё принадлежит Всем» концом любой культуры, не ставит ли отсутствие какого-либо понятия собственности, по логике, человека на уровень обезьяны.

49. Программа НСДАП «Двадцать пять пунктов»

Впервые оглашены А. Гитлером 24.02.1920 года на собрании в пивной «Хофбройхаус» (Мюнхен). С 01.04.1920 года – официальная программа НСДАП. В 1926 году ее положения объявлены «незыблемыми».

1. Мы требуем объединения всех немцев на основе права самоопределения народов в Великую Германию.

2. Мы требуем равноправия для немецкого народа наравне с другими нациями и отмены положений Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

3. Мы требуем жизненного пространства: территорий и земель (колоний), необходимых для пропитания германского народа и для расселения избыточного германского населения.

4. Гражданином Германии может быть только тот, кто принадлежит к германской нации, в чьих жилах течет немецкая кровь, независимо религиозной принадлежности. Ни один еврей не может быть отнесен к германской нации и являться гражданином Германии.

5. Тот, кто не является гражданином Германии, может проживать в ней как гость, на правах иностранца.

6. Право избирать и быть избранным должно принадлежать исключительно гражданам Германии. Поэтому мы требуем, чтобы все должности любого уровня – имперские, областные или муниципальные занимали только граждане Германии. Мы боремся против разлагающей парламентской практики занятия должностей только в зависимости от партийной принадлежности без учета характера и способностей.

7. Мы требуем, чтобы государство обязалось в первую очередь заботиться о возможностях для работы и жизни граждан Германии. Если невозможно прокормить все население государства, то лица чуждых наций (не граждане государства) должны быть высланы из страны.

8. Вся дальнейшая иммиграция в Германию лиц негерманской расы должна быть приостановлена. Мы требуем, чтобы все лица негерманской расы, которые иммигрировали в Германию после 2 августа 1914 года, немедленно покинули рейх.

9. Все граждане государства должны обладать равными правами и обязанностями.

10. Первейшей обязанностью каждого гражданина Германии будет выполнение работы, умственной или физической. Деятельность каждого гражданина не должна расходиться с интересами общества в целом, должна протекать в рамках общества и, следовательно, быть направлена для общей пользы.

11. Мы требуем объявления безжалостной войны тем, чья деятельность вредит общим интересам. Преступления против нации, совершенные ростовщиками, спекулянтами и т.д. должны наказываться смертной казнью, несмотря на расу и убеждения. Мы требуем уничтожения нетрудовых доходов и процентного рабства.

12. Ввиду огромных человеческих жертв и имущественных убытков, требуемых от нации каждой войной, личное обогащение во время войны должно рассматриваться как преступление против нации. Мы требуем, следовательно, безжалостной конфискации военных прибылей.

13. Мы требуем национализации промышленных трестов.

14. Мы требуем участия рабочих и служащих в прибылях крупных коммерческих предприятий.

15. Мы требуем значительного увеличения пенсионного обеспечения для стариков.

16. Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения, немедленного изъятия из частной собственности крупных магазинов и сдачи их в наем по дешевым ценам мелким производителям, самого строго учета за тем, чтобы мелкие производители получали бы общественную поддержку всюду – на государственном уровне, в землях или общинах.

17. Мы требуем проведения земельной реформы в соответствии с интересами германской нации, принятия закона о безвозмездной конфискации земли для общественных нужд, аннулирования процентов по закладным, запрещение спекуляций землей.

18. Мы требуем объявить безжалостную борьбу с преступностью. Мы требуем ввести смертную казнь для преступников против германского народа, ростовщиков, спекулянтов и др., вне зависимости от общественного положения, религиозной и национальной принадлежности.

19. Мы требуем замены римского права, служащего интересам материалистического мирового порядка, немецким народным правом.

20. Чтобы обеспечить каждому способному и старательному немцу возможность получить высшее образование и занять руководящее положение, государство должно заботиться о всестороннем широком развитии всей нашей системы народного образования. Программы всех учебных заведений должны быть приведены в соответствие с требованиями практической жизни. С самого начала развития сознания ребенка школа должна целенаправленно обучать учащихся пониманию идеи государства. Мы требуем, чтобы особо талантливые дети бедных родителей, несмотря на их положение в обществе и род занятий, получали бы образование за счет государства.

21. Государство должно направить все усилия на оздоровление нации: обеспечить защиту материнства и детства, запретить детский труд, улучшить физическое состояние населения путем введения обязательных игр и физических упражнений, поддержки клубов, занимающихся физическим развитием молодежи.

22. Мы требуем ликвидации наемного войска и создания народной армии.

23. Мы требуем открытой политической борьбы против заведомой политической лжи и ее распространения в прессе. С целью создания германской национальной прессы мы требуем, чтобы:

а) все редакторы и издатели германских газет были бы гражданами Германии;

б) не германские газеты должны получать специальное разрешение государства на издание. При этом обязательно, чтобы они издавались на немецком языке;

в) негражданам Германии запрещалось бы по закону иметь любой финансовый интерес или влияние на германские газеты. В наказание за нарушения данного закона такая газета будет запрещена, а иностранцы немедленно депортированы. Мы требуем объявления непримиримой борьбы

с литературными и культурными течениями, оказывающими разлагающее влияние на наш народ, а также запрещения всех мероприятий направленных на это.

24. Мы требуем свободы всем религиозным вероисповеданиям в государстве до тех пор, пока они не представляют угрозы для него и не выступают против морали и чувств германской расы. Партия как таковая стоит на позициях позитивного христианства, но при этом не связана убеждениями, с какой-либо конфессией. Она борется с еврейско-материалистическим духом внутри и вне нас и убеждена, что германская нация может достигнуть постоянного оздоровления внутри себя только на принципах приоритета общих интересов над частными.

25. Для осуществления всего этого мы требуем: создания сильной централизованной имперской власти. Непререкаемый авторитет центрального политического парламента на территории всей империи во всех ее организациях. Создание сословных палат и палат по профессиям для осуществления принятых империей общих законов в отдельных федеральных землях. Лидеры партии берут на себя обеспечение выполнения вышеуказанных пунктов любой ценой, даже жертвуя, в случае необходимости, своими жизнями.

Использованы материалы кн.: Кто был кто в Третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.

50. Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем (отрывок)

Духовный каркас для «барабанщика нации»

При всех нюансах, которыми отличались взгляды различных консервативных теоретиков, пытавшихся приспособиться к изменившимся условиям, все они в большей или меньшей степени тяготели к идеологическому центру, которым служил так называемый «Июньский клуб» младоконсерваторов. Созданный в июне 1919 г. на пожертвования крупных промышленников этот клуб на протяжении

многих лет осуществлял активную деятельность по разработке и распространению «модернизированных» консервативных взглядов. В распоряжении клуба имелся собственный печатный орган – еженедельная газета «Гевиссен». Он располагал также своим агентством печати. Позиции клуба отражали многочисленные специализированные издания, во главе которых находились его члены или сторонники: журналы «Ди Хохшуле», «Дойчес фолькстум», газеты «Дойче рундшау», «Гренцботе», публикации «Пройсише ярбюхер» и т. д. Взгляды клуба пропагандировались и в так называемой «большой» буржуазной прессе, газетах «Дойче альгемейне цайтунг» и «Берлинер бёрзенцайтунг».

Клубом было создано специальное высшее учебное заведение – «Высшая школа национальной политики», в которой осуществлялась подготовка кадров для идеологических и политических организаций консервативного толка. Впоследствии многие из выпускников этой высшей школы стали видными деятелями национал-социалистской партии.

С самого начала «душой» и главным теоретиком «Июньского клуба» стал публицист Артур Мёллер ван ден Брук (1876–1925). Он и поныне почитается в правых кругах как один из основоположников и «апостолов» младоконсерватизма.

Идею модернизации консерватизма Меллер ван ден Брук активно отстаивал еще до первой мировой войны, когда эта идея не пользовалась в правящих кругах сколько-нибудь заметной поддержкой. В одной из своих статей, опубликованных в то время, он писал: «Консерватизм и модернизм не обязательно исключают друг друга. Консерватизм обеспечивает связь с прошлым; модернизм гарантирует будущее развитие».

Тем более решительно он начал отстаивать модернизацию консерватизма после разгрома Германии и Ноябрьской революции 1918 г., когда необходимость приспособиться к изменившимся условиям стала очевидна многим представителям правящих классов. При этом модернизацию, о которой

шла речь, он представлял себе несколько иначе, чем его более именитые коллеги.

Например, в отличие от Шпенглера Мёллер ван ден Брук не был «западником», т. е. сторонником общности судеб Западной Европы. Напротив, Запад выступал в его глазах как источник разложения и упадка. Глубокая ненависть к Франции как державе-победительнице, одной из тех, кто навязал Германии Версальский договор, побуждала его даже к корректировке политико-географических понятий. Границу между Западной и Восточной Европой Мёллер ван ден Брук проводил по Рейну, относя Германию полностью к Востоку. Это позволяло ему сконструировать теорию о немцах, как о «восточном», в его трактовке – «молодом», а значит, и динамичном народе. Эта динамичность, по словам Мёллера ван ден Брука, способна освободить их от груза старческих немощей, характерных для Западной Европы.

Из взгляда на немцев как на «молодой» народ вытекала лелеемая Мёллером ван ден Бруком идея создания «консервативного восточного блока». Составную часть такого блока должна была, согласно его взглядам, образовывать также Россия, которую следовало «освободить» от большевиков, поскольку они навязали ей западные идеи и ценности.

Рассуждения Мёллера ван ден Брука о России как «консервативной силе» были во многом навеяны Ф. М. Достоевским, которого ван ден Брук глубоко почитал и неоднократно переводил на немецкий язык. Это, однако, никак не мешало тому, что в проектируемом «консервативном блоке» «освобожденной» от большевиков России отводилось подчиненное место, так как, ослабленная внутренними смутами, она более не способна развивать саму себя. Только под руководством Германии «консервативному блоку» удастся восторжествовать над идущим к своей гибели Западом.

В конечном итоге это была та же идея гегемонии Германии в Восточной Европе, хотя и поданная под иным соусом.

Подобно другим идеологам немецких крайне правых, Мёллер ван ден Брук был расистом. Однако его расизм

не имел столь примитивно биологического характера, как у авторов многих предшествовавших и последующих расистских работ. Делая ставку на образованного читателя, Мёллер ван ден Брук не мог полностью игнорировать широко известные научные данные относительно происхождения, развития и смешения рас. Поэтому он полемизировал против примитивизма, который, как он утверждал, способен только скомпрометировать расовую идею. Для самого Мёллера ван ден Брука была важна не «расовая чистота», а расовое единство. Раса, постоянно подчеркивал он, это не столько прошлое, сколько будущее народа: она должны вызревать в борьбе. «Речь должна идти не только о смешении крови, но и о скрещивании духовном и культурном. Раса – это все то, что духовно и физически объединяет определенную группу высших людей».

«Сторонники расовой теории, – писал он, – должны отдавать себе отчет в том, что они запутаются в неразрешимых противоречиях, если будут подходить к расе лишь с биологической меркой и пытаться выводить расу при помощи браков... Решить эти противоречия можно лишь в том случае, если поднять проблему расы на духовную ступень».

Если Шпенглер видел лучшее средство привлечения народа на сторону правящей элиты в использовании его тяги к социализму, то Мёллер ван ден Брук считал, что наиболее эффективным рычагом в этом смысле является национализм. «Националист, – подчеркивал он, – не должен смиряться с тем, что имеются миллионы немцев, которых марксизм отвратил от идеи нации. Он должен бороться против такого положения».

Во имя привлечения этих миллионов немцев Мёллер ван ден Брук готов был признать классовую борьбу, разумеется, трактуя ее, мягко говоря, весьма своеобразно. Внутри общества такую борьбу он допускал, но только в других капиталистических странах – прежде всего в США и в Западной Европе. В том же, что касалось Германии, классовая борьба выносилась им в область внешней политики. Национализм,

утверждал Мёллер ван ден Брук, «принимает в расчет с политической точки зрения и классовую борьбу, однако понимает со не столько социально, сколько национально как борьбу угнетенных народов – восточных против западных, молодых против старых».

Наиболее полно взгляды Мёллера ван ден Брука были изложены в книге «Дас дритте райх» («Третья империя»), вышедшей в 1923 г. Основные идеи книги могут быть воспроизведены в виде следующих положений:

– Чтобы разрушить Веймарскую республику, необходимо осуществить «консервативную революцию». Такая революция вовсе не означает возвращения к кайзеровским временам. Она призвана ликвидировать урон, нанесенный немецкому народу Ноябрьской революцией 1918 г., которая посадила на место устаревших – неспособных. Причина несостоятельности Ноябрьской революции в том, что она была чужда немецкому духу. Поэтому последующая революция должна быть немецкой.

– Идеи социализма не следует отдавать на откуп марксизму. Истинный социализм должен быть империалистическим, ибо империализм – естественная политика для перенаселенной страны. Покорив поляков, итальянцев и другие необразованные народы, немецкий рабочий класс сможет перепоручить им всю грязную работу. Тем самым он перестанет быть пролетарием, а в Германии будет осуществлен «социализм».

– Важнейшая задача «консервативной революции» – покончить с либерализмом, представляющим собой проявление упадка, убивающим религию и разрушающим родину. Следует также положить конец демократии – этим «либеральным хамелеонам». Парламентская система, должна быть заменена сословной. Необходимо также разогнать все политические партии, заменив их «третьей партией», способной преодолеть различия между левыми и правыми, быть одновременно национальной и социальной и следовать принципам «консервативной революции».

– Действительный пролетарий – это тот, кто считает себя пролетарием. В результате военного поражения и Ноябрьской революции 1918 г. все немцы, в сущности, стали пролетарской нацией. Поэтому классовая борьба внутри страны бессмысленна. Ее место заступает борьба народов. В этой борьбе немецкие рабочие не могут иметь союзников вовне; они найдут их лишь у себя дома.

В том, что касается конкретных посулов социально дискриминируемой части парода, Мёллер ван ден Брук был сравнительно сдержан: социальная демагогия в ее примитивнейшей форме явно претила его высокомерно-пренебрежительному отношению к простонародью. При всем этом изложенная им программа действий образовала тот костяк, на который стали опираться все фашистские мировоззренческие построения.

Среди сравнительно молодого поколения младоконсерваторов наиболее близки Мёллеру ван ден Бруку были Эрнст Юнгер и Эдгар Юлиус Юнг (1900–1934). Юнгер, будучи литератором, предпочитал излагать свои взгляды в художественной форме. Юнг, претендовавший на роль политического мыслителя, выступал главным образом с памфлетами и эссе. В своей основе его рассуждения представляли собой вариации на темы, предложенные Мёллером ван ден Бруком. Однако в них была и своя специфика, отражавшая опасения, которые испытывали в отношении некоторых радикальных пассажей сторонников «немецкого социализма» представители крупного капитала. Наиболее четко это прослеживалось в книге «Господство неполноценных», вызвавшей особое одобрение в кругах крупных промышленников.

Либералы, утверждал Юнг, создали систему, которая способствовала возвышению неполноценных и оттеснению от власти представителей достойной править элиты. Поэтому борьба, которую надлежит вести, должна быть направлена на восстановление элитаризма. Конечная цель этой борьбы – общее благо. Однако за него надо платить. Такой платой

является тотальное подчинение индивида государству, включая готовность к героической смерти на войне.

Смягчая некоторые «чрезмерно острые», с точки зрения крупного капитала, подходы Мёллера ван ден Брука к задачам «консервативной революции», Юнг объявлял главной ее целью – преобразования в «духовной сфере». «Консервативной революцией, – писал он, – мы называем восстановление в своих правах всех тех элементарных законов и ценностей, без которых человек теряет связь с природой и богом и не может создать истинный порядок. Место равенства должно занять понятие внутренней ценности, место социальных устремлений – готовность к справедливому включению в структурированное общество, место бюрократического принуждения – чувство внутренней ответственности и истинного самоуправления, место массового счастья – право личности как части народа»

В конечном итоге «консервативная революция» должна была ознаменовать собой отвержение духовных законов, установленных либеральной Французской революцией 1789 г. Носителем «консервативной революции» неизбежно станет «новое дворянство», меньшинство, руководствующееся консервативно-революционной идеологией.

Настаивая на том, что «консервативная революция», несмотря на свой «мировой характер», будет исходить из Германии и иметь «немецкий характер», Юнг в то же время, косвенно полемизируя с Мёллером ван ден Бруком, предостерегал от узкого национализма, поскольку он противоречил бы «европейской миссии Германии».

В отличие от этого группа младоконсерваторов, группировавшаяся вокруг журнала «Ди Тат» во главе с его тогдашним редактором Гансом Церером, еще больше заостряла пассажи Мёллера ван ден Брука, предельно сближая их с взглядами национал-социалистов, особенно того течения, во главе которого стоял Г. Штрассер. Их модель «консервативной революции» была до предела нафарширована демагогическими социальными обещаниями. Они то и дело

разражались филиппиками против крупного капитала, призывали к созданию «нового народного сообщества», превозносили принцип единовластия вождя, который сможет навести «порядок, имеющий смысл, порядок, дающий ответ на все вопросы, перед которыми бессилён либерализм: почему, для чего, за что».

Несколько особняком от «обновительского» направления, в том числе и от младоконсерваторов, стояла группа консервативных теоретиков, занимавшихся главным образом «географическим» обоснованием политики экспансии германского империализма. Сами они относили себя скорее к вильгельминистам. Однако объективно развивавшиеся ими взгляды служили дополнением к концепциям «обновителей» консерватизма, были приняты последними на вооружение, а позднееполнили идеологический арсенал национал-социализма.

Одно из самых заметных мест среди них занимал географ Фридрих Ратцель (1844–1904), получивший известность задолго до первой мировой войны. Будучи человеком крайне реакционных взглядов, он наряду со множеством действительно ценных с научной точки зрения работ выпустил книгу «Политическая география», положившую начало целой системе оправданий, со ссылкой на географию, политики экспансии и захватов.

Одной из самых важных составных частей концепции, развивавшейся Ратцелем в этой книге, была теория «роста пространственных размеров государства», который, согласно его утверждениям, представляет собой неизбежное следствие роста народонаселения. В качестве главного аргумента для доказательства своей теории Ратцель использовал ссылку на постоянное увеличение населения. Это увеличение, утверждал он, оказывает давление на границы государства, которые соответственно проявляют постоянную тенденцию к расширению. Стимулирующее воздействие на эту тенденцию оказывают, по Ратцелю, и другие факторы: географические открытия, совершенствование средств транспорта и связи,

создающее возможность эффективного управления все большей территорией, развитие экономики и т. д.

Чтобы приспособить эту теорию к конкретным интересам германской буржуазии, Ратцель пополнил ее тезисом относительно соответствия размеров государств уровню культуры народа. Согласно его утверждениям, народы, стоящие на низкой ступени культуры, образуют, как правило, малые государства, в то время как для высококультурных народов характерно стремление к созданию больших государственных организмов. Отсюда вывод, что поглощение малых государств крупными – неизбежное следствие и показатель роста культуры.

Поскольку стремление к пространственному росту государств, по мнению Ратцеля, является всеобщим, а размеры земного шара стабильны, возникает вопрос, за счет чего может осуществляться пространственная экспансия. Отвечая на этот вопрос, Ратцель делал достаточно откровенные признания: «Мир не увидит больше державы, которая выросла бы на только что найденной девственной земле. В будущем новые великие державы будут возникать только на основе разгрома старых».

В еще более конкретной форме экспансионистские идеи Ратцеля были выражены в другой его книге, посвященной проблемам географии Германии. Эта работа содержала три основных политических тезиса.

Первый исходил из «жизненной необходимости» для Германии передела колоний, в результате которого она получила бы доступ к эксплуатации земель, расположенных в умеренном климатическом поясе. Это требование, утверждал Ратцель, выдвигается как «требование природы народного тела, аналогичное голоду и жажде. Оно все больше и больше будет становиться главной задачей германской политики».

Второй тезис предусматривал осуществление германской экспансии на Европейском континенте. «Одна деревенская округа в Европе важнее султаната в Африке», – писал

Ратцель, подчеркивая при этом, что Германия, будучи расположена в самом сердце Европы, является главным образом европейской державой».

Третий тезис служил конкретизации притязаний империалистической Германии на Европейском континенте. С этой целью Ратцелем было сконструировано понятие Срединной Европы, которому был придан физико-географический облик. «Между Альпами, Северным и Балтийским морями, между Атлантическим океаном и Черным морем, – писал он, – лежит та часть Европы, в которой Альпы, Карпаты и Балканы, широкие низменности и такие реки, как Рейн и Дунай, придают взаимное сходство основным формам поверхности, страна, климат которой однороден, растительность которой почти от одного края до другого являет нам один и тот же ковер лесов, лугов, болот, лужаек. Это – Срединная Европа в широчайшем смысле слова».

Подобное словесное объединение в общий комплекс различных частей Европы, обоснованное скорее публицистически, чем научно, было произведено в весьма конкретных политических целях. Если Срединная Европа представляет собой физико-географическое единство, заключал Ратцель, то совершенно естественно возникает тенденция к политическому объединению этого территориального комплекса. Наибольшие возможности для осуществления такого объединения открываются перед государством, расположенным в центре района, т. е. перед Германской империей. Исходя из этого, Ратцель и рекомендовал немецкому народу уяснить себе, что его задача заключается «прежде всего в сплочении и обеспечении за собой сил Срединной Европы».

Притязания, которые обосновывал Ратцель, в сущности, ничем не отличались от тех, которые выдвигали консервативные проповедники пангерманизма на протяжении всей истории кайзеровской Германии. Однако в его работах имелась одна важная особенность, которая выделяла их из серии ординарных шовинистических писаний и сближала с «обновителями» консерватизма. По сути дела, Ратцелем была

предпринята попытка создать своего рода «всеохватывающую теорию» империалистической экспансии, которая, будучи отражением интересов правящих классов Германии, в то же время выступала бы как воплощение устремлений всего народа.

Эта линия была затем подхвачена виднейшими представителями возникшей в то время в рамках консервативного направления так называемой геополитики, прежде всего близким к пангерманистским кругам шведским профессором Рудольфом Челленом и отставным кайзеровским генералом Карлом Хаусхофером.

Изложенное выше свидетельствует о том, что идеологический арсенал, который был использован германскими фашистами для завоевания влияния па массы, утверждения своего политического господства в стране, установления в ней режима кровавого террора и развязывания захватнической войны, не был их собственным в прямом смысле этого слова. Он был результатом идеологических усилий консервативных теоретиков и публицистов, особенно принадлежавших к «обновленческому», т. е. фактически экстремистскому, направлению в консерватизме. Национал-социалисты просто взяли на вооружение этот идейный арсенал, несколько подогнав его по своей мерке, – усилив одни акценты и ослабив другие.

В те годы, когда процесс сближения и взаимного проникновения главных течений в консерватизме и национал-социализме реализовывался наиболее интенсивно, из этого не делалось секрета. Выше уже говорилось о близости кружка активных младоконсерваторов, сгруппировавшихся вокруг журнала «Ди Тат» и его редактора Г. Церера, к тому течению в национал-социалистской партии, которое возглавлял Г. Штрассер. Такая близость была тогда не исключением, а правилом. Например, А. Гитлер не раз встречался с наиболее видными представителями «обновленческого» консерватизма, в том числе с Мёллером ван ден Бруком. Во время одной из таких встреч весной 1922 г. фашистский «фюрер» заявил: «У вас есть все, чего мне недостает. Вы возводите духовный

каркас для обновления Германии. Я же только барабанщик и собиратель. Давайте работать вместе».

В свою очередь Мёллер ван ден Брук в передовой статье, напечатанной в газете «Гевиссен», подталкивая Гитлера на штурм парламентских институтов, подбадривающе писал: «Бен в барабан, барабанщик нации».

Для понимания степени близости «обновленческого» консерватизма и фашизма весьма показательна написанная Э. Юнгом речь видного представителя германского консерватизма Ф. Папена, проложившего путь Гитлеру к власти и вошедшего в его первый кабинет министров в качестве вице-канцлера. В этой речи, произнесенной летом 1934 г. различия между консервативной и фашистской позициями характеризовались следующим образом: «Поскольку революция (т. е. подрывная деятельность, направленная против парламентских институтов Веймарской республики, – Лег.) боролась против демократизации и ее роковых последствий, новый консерватизм, естественно, отвергал любую дальнейшую демократизацию и верил в возможность ликвидации плюралистических сил, действуя сверху. Национал-социализм, напротив, сначала прошел до конца по пути демократизации, оказавшись затем перед нелегкой проблемой: как же осуществить на практике идеи беспрекословного руководства, неограниченного авторитета, принципа аристократического отбора и органического народного порядка?.. История подтвердила правоту национал-социалистов».

Очистив этот пассаж от семантической шелухи, типично фашистского злоупотребления популярными понятиями, мы получим действительно откровенную констатацию ситуации, существовавшей в те годы. Консерваторы – «обновители» добивались того же, что и национал-социалисты. Однако первые опасались «слишком острого» и опасного, с их точки зрения, оружия социальной демагогии и всячески стремились ограничить активность масс. Их больше всего устраивал верхушечный реакционный переворот. Национал-социалисты, в свою очередь, сделали главную ставку на демагогическую

апелляцию к массам. Они стремились канализировать растущее социальное недовольство в русло крайне правого активизма и в значительной степени преуспели в этом. В результате консерваторам пришлось довольствоваться лишь вторым местом в реакционно-тоталитаристском дуэте.

Сотрудничество консерватизма и нацизма не ограничилось идеологическо-теоретической областью. Оно не менее четко проявилось в сфере практической политики.

Важным этапом на этом пути было создание осенью 1931 г. так называемого Гарцбургского фронта – политического союза всех консервативных и фашистских сил тогдашней Германии – от Немецкой национальной народной партии до гитлеровской национал-социалистской (НСДАП) и близких к ней мелких праворадикальных союзов. Фронт этот оказался непрочным. Борьба за гегемонию в крайне правом движении еще не была преодолена. Немецкая национальная народная партия, возглавляемая А. Гугенбергом, опираясь на свои многолетние тесные связи с правящими кругами страны, рассчитывала сыграть в этом фронте роль патрона, опекающего национал-социалистов. Поскольку эти притязания не отвечали фактическому соотношению сил, сложившемуся в лагере реакции, НСДАП вскоре вышла из фронта. Однако, несмотря на свою недолговечность, Гарцбургский фронт сыграл весьма важную роль в процессе консолидации политического авангарда германской монополистической буржуазии, послужив прообразом будущей коалиции, но уже под руководством национал-социалистов.

Важнейшую роль в создании такой коалиции в конце 1932 – начале 1933 г. сыграли младоконсерваторы и близкие к ним политики. Переговоры с Гитлером о передаче ему власти велись через посредство «Клуба господ» – прямого преемника «Июньского клуба», бывшего на протяжении более 10 лет центром младоконсервативной деятельности. Входившие в «Клуб господ» крупнейшие немецкие промышленники, финансисты и аграрии составили ядро того влиятельного лобби, которое оказало сильный нажим на престарелого

президента Веймарской республики Гинденбурга, побуждая его назначить Гитлера рейхсканцлером.

Решающую поддержку Гитлеру и его партии при захвате ими власти оказало и традиционалистское направление в консерватизме – вильгельминисты. Их позиции были очень сильны в вооруженных силах Веймарской республики – рейхсвере. Отношения между рейхсвером и фашистами на протяжении ряда лет были сложными и колебались между тесным сотрудничеством и конкурентной борьбой. Однако в конечном итоге верхушка рейхсвера однозначно высказалась за передачу власти национал-социалистам, согласившись удовольствоваться вспомогательной ролью.

Во имя реализации этого союза вильгельминисты в мундирах отдали «па заклятие» некоторых своих коллег, которые по тем или иным причинам стали препятствием на пути создания коалиции с фашистами (видных рейхсверовских генералов – К. фон Шляйхера, К. фон Бредова, К. фон Хаммерштейн-Экворда и некоторых других).

При решении вопроса о назначении Гитлера рейхсканцлером большую роль сыграло вильгельминистское окружение президента Гинденбурга – его сын Оскар фон Гинденбург, статс-секретарь Майсснер, юнкер Ольденбург-Янушау и др. Поддержка консерваторов как традиционного, так и «обновленческого» толка имела большое значение для стабилизации гитлеровской власти в первые годы пребывания фашистов у власти.

Сказанному не противоречит то обстоятельство, что личная судьба ряда консервативных теоретиков и политиков в созданном фашистами «третьем рейхе» складывалась не всегда удачно. Тоталитарному фашистскому государству были не очень удобны люди, которые могли претендовать на роль предвестников фашистских мудрствований. Их попытки напомнить о своем «приоритете» воспринимались как умаление «исторической роли» фюрера, которому одному должна была принадлежать роль «источника всех истин». Раздражали фашистских выскочек, ставших носителями

высшей власти, аристократический снобизм и высокомерие теоретиков консерватизма, привыкших смотреть на «фашистских барабанщиков» как на пешки, которым надлежит слушать и повиноваться.

В результате, по мере упрочения нацистской власти, ведущие фигуры германского консерватизма стали все решительнее оттесняться с авансцены. Неприятности с фашистскими властями возникли у О. Шпенглера, недовольного тем, как реализуются на практике его идеи. О Мёллере ван ден Бруке, покончившем в 1925 г. самоубийством во время приступа в нервной больнице, вспоминали все реже и реже. Э. Юнг, позволивший себе критические замечания в адрес фашистской верхушки, стал жертвой массовой резни летом 1934 г. Тогда же были уничтожены патриарх баварского консерватизма Густав фон Кар, генерал Курт фон Шляйхер и некоторые другие. Ирония истории состояла в том, что они пали жертвой того самого идейного оружия, которое выковывали всю свою жизнь.

Впоследствии Г. Раушнинг, консерватор, сначала прикнувшийся к нацистам, а затем порвавший с ними, пытаясь оправдать политику своих единомышленников, пошедших на союз с фашизмом, ссылаясь на то, что последний обеспечил консерваторам массовую базу, которой им так не хватало. «Мы ошиблись в нашем выборе, – писал он. – Но я не знаю, кто мог бы избежать нашей ошибки в условиях того кризиса». Однако оправдание такого рода звучит скорее как признание естественности союза консерватизма и фашизма в кризисных условиях.

* * *

Разумеется, германская модель взаимоотношений между консерватизмом и фашизмом не была единственной. Эти взаимоотношения обычно модифицировались в зависимости от национальных особенностей той или иной страны, расстановки политических сил в ней, остроты кризисного развития и классовых противоречий. Например, в Италии доминирование чисто фашистских сил не было столь абсолютным,

как в гитлеровской Германии. Консерватизм как идеология и политическое течение сохранил в этих условиях некоторую автономию, выступая в качестве самостоятельной опоры фашистского режима. Еще специфичнее складывались отношения между консерватизмом и фашизмом в Испании. Особенности установления фашистского режима в этой стране обусловили большое влияние на него милитаристских сил. В результате политический фашизм, подобный германскому национал-социализму, – фалангизм – стал одним из китов, на которых покоилась «новая» система власти. Другими китами оказались настроенные традиционно армия и верхушка католической церкви. В идеологии это нашло выражение в доминировании ортодоксально консервативных взглядов над «обновленческим» и близким к нему чисто фашистским мировоззрением.

В некоторых странах Центральной и Восточной Европы (например, в Австрии) в эти годы возникли и утвердились своеобразные клерикально-фашистские режимы, в которых доминирующую роль играл традиционный консерватизм, взявший на вооружение некоторые важные элементы фашистской идеологии и политической практики. При таких режимах фашистские политические организации были вынуждены либо пойти на службу главному течению в консерватизме, либо оказаться в роли оппозиции ему. Во всех случаях, однако, консерватизм и фашизм демонстрировали свое духовное и политическое родство. Оно проявлялось достаточно четко даже там, где фашистским силам не удалось завоевать сколько-нибудь серьезных позиций. В таких странах консервативные теоретики и политики не проявляли большого интереса к фашистским течениям у себя дома и иногда даже третировали их. И в то же время они всячески поддерживали – идейно и практически – фашистские движения и режимы за рубежом. Иными словами, взаимодействие между консерватизмом и фашизмом оказывалось перенесенным во внешнеполитическую сферу.

Известны, например, те симпатии, которые питали к странам с фашистским режимом – особенно Германии и Италии – американские ультраконсерваторы. Правоконсервативные круги Англии горячо приветствовали приход фашистов к власти в Германии. Не стремясь к установлению порядков фашистского типа у себя в стране, они тем не менее были самыми ревностными поборниками сближения Великобритании и гитлеровским «третьим рейхом». Во имя такого сближения они проводили так называемую политику «умиротворения», основной смысл которой состоял в том, чтобы обеспечить это сближение за счет далеко идущих уступок растущим аппетитам фашистских держав. Показательно в этой связи, что за «умиротворение» фашистских держав активно выступали и французские консервативные силы, несмотря на то, что подобная политика была чревата смертельной угрозой для национальных интересов Франции. Во время гражданской войны в Испании, сопровождавшейся широкомасштабной германо-итальянской интервенцией, все основные консервативные силы США и капиталистической Европы выступали в роли активного сторонника фашистских мятежников, оказывали им всевозможную поддержку и бурно ликовали, когда республиканские силы потерпели поражение.

Когда фашистские державы развязали вторую мировую войну и оккупировали значительную часть Европы, из консервативного лагеря формировались кадры коллаборационистов, пошедших не только на гражданское, но и на военное сотрудничество с фашистскими оккупантами. Некоторые исключения, зафиксированные в отдельных странах, лишь подчеркивали это правило.

Консерватизм в прошлом и настоящем: монография, история, политология, философия, империализм / Галкин Александр Абрамович, Рахшмир Павел Юхимович – М.: Книга по Требованию, 2012. – 194 с.

51. Артур Мёллер ван ден Брук. Третий Рейх (извлечение)

Артур Мёллер ван ден Брук – (1876–1925), немецкий писатель, переводчик Г. Мопассана, Эдгара По, Ф. Достоевского, младоконсервативный публицист.

Мы должны иметь силы жить среди противоположностей.

Третья партия желает Третьего Рейха.

Она – партия преемственности немецкой истории.

Она – партия всех немцев, желающих сохранить Германию для немецкого народа. Немцы из всех партий здесь воскликнут: и мы хотим того же! Охотно вам верим. Но мы слишком хорошо знаем, что каждый из вас при этом думает о Германии как принадлежности своей партии, желая обустроить ее жизнь по меркам собственной партийной программы.

Вы поднимаете свои знамена и хотите навязать их стране. Вы приходите с красным знаменем, а оно – лишь дразнящее полотно цвета крови без Духа. Оно не сможет стать нашим знаменем, даже если вы украсите его серпом и молотом и пятиконечной звездой. Или же вы развернули черно-красно-золотистое знамя, которое прекраснодушием романтиков было однажды приписано нашему Первому Рейху. Но оно давно утратило тот золотистый блеск, которым его снабдила буйно-мечтательная молодость. Или вы до сих пор привержены черно-бело-красному знамени нашего Второго Рейха, которое реяло в согласии с державной идеей покорения мирового океана еще до того, как была освоена суша. Но мы пережили день, когда это знамя, более других наших знамен овеянное славой, погрузилось в водовороты Скапа-Флоу.

Сегодня над Германией развевается только одно знамя, которое есть знак страдания, тождественный нашему бытию: одно-единственное знамя, которое не терпит рядом с собой другие цвета и отбирает у людей, идущих под его мрачной сенью, всякую охоту к пестрым вымпелам и радостным

штандартам: только черное знамя нужды, унижения и крайнего ожесточения, явленного в сдержанности, чтобы не стать отчаянием – стяг смятения мыслей, кружащих днем и ночью подле судьбы, уготованной нашей безоружной стране сговорившимся против нее миром – стяг сопротивления мужей, не желающих смиренно принимать дело уничтожения, которое должно начаться с расчленения страны и закончиться истреблением нашего народа – стяг выступления немцев, желающих спасти нацию и сберечь Рейх.

II

Сегодня это стремление не называют консервативным. Его называют националистическим.

Но это стремление направлено на сохранение всего, что достойно в Германии сохранения. Это стремление сохранить Германию ради Германии. И оно вполне осознанно.

Национализм не заявляет, как это делает патриотизм, что все немецкое достойно сохранения уже потому, что оно – немецкое. Для националиста нация не есть самоцель, стоящая перед нами с прошлых времен: ясная, зримая и уже осуществленная.

Национализм всегда направлен на будущее нации. Он консервативен, ибо знает, что нет будущего без укорененности в прошлом. И он политичен, ибо знает, что может быть уверен в прошлом, как и будущем, лишь в той мере, в какой он обеспечивает уверенность нации в настоящем. Если бы мы ограничились рассмотрением немецкой истории лишь прошлым, то были бы очень близки к представлению о том, что она отныне завершена. Нигде не написано, что народ имеет право на вечную жизнь и что он может ссылаться на это право ради жалкого настоящего, в котором все еще хочет иметь свою долю. Для всех народов наступает час, когда они умирают или кончают самоубийством. И нельзя представить конец для великого народа более великолепный, нежели гибель в мировой войне, которая заставит напрячься весь мир для того, чтобы справиться с одной единственной страной.

Национализм понимает нации исходя из их предназначения. Он понимает их исходя из антагонизмов между народами, каждому из которых он направляет собственное послание.

Немецкий национализм является на свой лад выражением немецкого универсализма. Он направлен в первую очередь на европейское целое, но не с тем, чтобы, как выразился зрелый Гете, «рассеяться во всеобщем», а для того, чтобы утвердить нацию как нечто особое. Он есть выражение немецкой воли к самосохранению и скорее проникнут переживанием, отмеченным у позднего Гете, говорившего, что искусство и наука суть все же лишь «печальное утешение», не способное заменить «гордого сознания принадлежности к сильному народу, которого все уважают и боятся».

Романтический национализм думает лишь о себе.

Немецкий национализм мыслит себя в связях. Он мыслит себя в перемещении центров тяжести истории. Он хочет сохранить немецкое не потому, что оно является немецким, что, как мы видели, вполне могло бы означать желание сохранить минувшее. Он в гораздо большей степени желает сохранить немецкое в становящемся, в возникающем вокруг нас, в революционных преобразованиях восходящей эпохи. Он желает сохранить Германию потому, что это – срединный пункт, потому, что лишь из него Европе удастся удерживать себя в равновесии – и именно отсюда, не с Запада, куда Паннвиц задним числом перемещал творческий центр нашего континента, и не с Востока, которому Шпенглер, упреждая события, отдал право наследования.

Национализм желает сохранить немецкую сущность не для того, чтобы затем от нее отказаться, как советуют слабаки из партии космополитов, эти вырожденцы и отбросы расы; и не для того, чтобы поменять ее на некое «наднациональное образование», с которым Ферстер, этот продукт вырождения немецкого идеализма, связывает доверчивую надежду ослабевшего рассудка на новое превращение «страны европейской середины» в центр той «человечности», которую

отщепенец все еще видит сохраненной у французов. Национализм желает сохранить немецкое для того, чтобы дать нации осознать задачу, которая еще вытекает для нее из этой немецкой сущности, и которую у нее не оспорит ни один другой народ.

Это наша старая и вечная задача, в которой снова и снова находят свое продолжение задачи австрийская, прусская и бисмарковская. Мы теперь окончательно узнали, что можем служить этой задаче, лишь обратившись на Восток и имея свободный тыл на Западе. И сделаться свободными есть наша ближайшая и истинно немецкая задача, оставшаяся нам после смут нашей западнической революции. Ферстер называет Бисмарка недоразумением немецкой истории. Но Бисмарк, который был основателем Второго Рейха, будет еще, сверх своего творения, основателем и Третьего Рейха.

Консерватизм, отвечавший государству ради государства, подходил к проблеме национальности слишком просто. Поэтому он потерпел крах.

Патриотизм, в духе которого мы были им воспитаны, мнил себя способным объяснить национальность исходя уже из той страны, в которой человек рожден, и из того языка, на котором он говорит. Но этого было недостаточно.

Немцем является не только тот, кто говорит по-немецки, кто родом из Германии или же обладает ее гражданством. Страна и язык являются естественными основаниями нации, но свою историческую самобытность нация приобретает через ценности духовной жизни людей ее крови. Жизнь в осознании своей нации означает жизнь в осознании ее ценностей.

Консерватизм нации стремится сохранить ее ценности: путем сбережения традиционных ценностей, поскольку они поддерживают в ней силы роста – и путем привлечения всех новых ценностей, поскольку они умножают ее жизненные силы.

Нация есть ценностная общность. И национализм есть ценностное сознание. Народы, обладавшие в качестве наций ценностным сознанием, защищали в мировой войне

не только свой язык и свою страну, но – свою культуру. И мы были ими побеждены, поскольку, хотя и были сильны в государственной и, следовательно, в военной областях, то есть во всем, что должно защищать, но были чрезвычайно слабы во всем, что должно быть защищено. В конце концов, мы думали, что если и проиграем войну, то ее проиграет лишь государство. И только сейчас мы понимаем, что войну проиграла нация. Исходя из консерватизма, который изменил направление воли и устремил ее с охранения ради государства на охранение ради нации, мы должны сказать о том, чего не достиг наш патриотизм, а также о том, что значит национализм в настоящем и что он означает для нашего будущего.

В нашем Первом Рейхе мы обладали сильным ценностным сознанием. Мы связывали с ним глубокие и мощные средневековые представления об особом западном предназначении и оставляли за немецкой нацией миссию его христианского и имперского воплощения. Это был Рейх ради Рейха. Мы восприняли от него отважное и высокомерное самосознание, которое, однако, каждый относил преимущественно к собственной персоне.

Это самосознание мы ощущали в народе даже тогда, когда Рейх уже рухнул, а мы все еще говорили о нашей некогда знаменитейшей нации.

Мы были слишком аполитичными, чтобы относить это самосознание ко всей общности. Князья, которые были к этому призваны, рано выработали собственное самосознание, но оно шло на пользу лишь жителям отдельных государств. Нации же, напротив, не было дано то национальное самосознание, которое основывалось бы на общих для всех ценностях, а значит, позволило бы ей утвердиться в качестве политической общности. Отсутствие такой общности порой остро переживалось отдельными немцами, жившими в осознании этих ценностей и шедшими таким образом к пониманию предназначения своей нации. И тогда они пытались наполнить ее ценностным сознанием в той же мере, в какой им были исполнены в те времена испанцы, французы

и англичане. Но те же немцы, обретшие национальную идентичность из опыта жизни на чужбине и международных антагонизмов, оставались совершенно непонятыми у себя дома, когда призывали к такому обретению свой народ.

Здесь кроется причина того, почему немецкие националисты всегда оставались на обочине жизни, почему они не воспринимались нацией и почему их усилия оказывались втуне – вплоть до сегодняшнего дня. Людям было не до них. Люди занимались своими профессиональными и хозяйственными делами. И государство во имя государства заботилось о том, чтобы они могли заниматься этим спокойно. За это оно требовало послушания и благодарности. Патриотизм, которому оно учило своих подданных подобно тому, как классный наставник учит сельских детей, был долгом, который оно на них налагало. Националисты, напротив, являлись для такого патриотизма помехой. О них вспоминали лишь во времена бедствий. Но никогда им не дозволялось стать тем, чем они должны были быть: вождями нации. Государство хотело по возможности делать само и ради себя то, что эти немцы страстно хотели делать сами и во имя нации. Те, кто оправдывал это государство ради государства, конечно, чувствовали пустоту, которое оно оставляло в людях, хотя, сами, привыкнув во всем полагаться на государство, они вряд ли ощущали ее как таковую. И тогда государство попыталось заполнить эту пустоту ради сохранения прежнего отношения к себе своих подданных. Оно ощутило потребность духовно оправдать привычку своих граждан относиться к нему патриотически. И оно действительно оправдало ее при помощи закона и религии. Государство оперлось на трон и алтарь. Вначале оно сослалось на таинство, скрытое за этими двумя понятиями. Оно сослалось на монархический порядок в мире, за который ручается первое из них, и христианский миропорядок, которому порукой второе. Оно сослалось на правовую ответственность за жизнь людей, которая происходит от монархии, и духовную ответственность, которая происходит от христианства. Оно сослалось на оба представления так, что обе

сферы оказались объединены: отечески земное дополнилось отечески небесным и создано единство, на которое оперлось государство. Трон и алтарь ручались за постоянство земных дел согласно надвременным установлениям. И государство было их поверенным.

Но с течением времени все это выветрилось из обоих понятий, выветрилось это и из патриотизма. И данные понятия тоже стали привычкой, а потому потеряли свое предназначение. Они стали формулами, лишенными того содержания, которое должны были дать людям. Они стали обыденностями, с которыми, пожалуй, еще можно жить в условиях мира, но которые не подвергают людей испытанию. Однако им самим пришлось подвергнуться испытанию чрезвычайной ситуацией, которое народ как нация, в конечном счете, не выдержал.

В результате монархический порядок исчезал из мира. Он иссякал уже в личностях, попадавших на престолы, и иссякал задолго до того, как потеря корон удостоверяла их вовсе не монаршую, но самую обычную человеческую сущность. Лишь поэтому стало возможно, что народ позволил им пасть, что он не сплотился в поддержке их во имя символа, в который еще продолжал верить, что он не держался с привычной верностью до конца рядом с ними, как представителями этого символа. Но и только так стало возможно, что эти представители монархического порядка закончили как самые простые обыватели, отринутые во всеобщую трагедию без трагики и перешедшие из средоточия таинства в банальную частную жизнь.

В христианском миропорядке произошли похожие перемены. И хотя они не были столь катастрофично очевидными, здесь, подобно тому, как монархи утратили связь с народом, была утрачена связь с общиной. И следствием было растущее отчуждение от церкви, отчуждение, которое поначалу имело так же мало общего с атеизмом, как отчуждение от монархии – с антипатриотизмом. Но уж если трон не поддержал государство, то алтарь не мог поддержать его тем более.

Государство потерпело крах само в себе: в той опоре, которую оно воздвигло и подперло подсобными понятиями, в тех основах своего ложного расчета, который позволял ему полагать, что нелюбимый им «национализм» даст себя заменить усердно выпячиваемым «патриотизмом». Однако время и история положили этому государству конец. Осталась лишь нация: только из нее может выйти новое таинство любви к отечеству. Рухнувшее государство сделало под конец патриотизм предметом нашего образования. Но уже в крахе немецкого образования в девятнадцатом веке вообще и в его крахе в вильгельмовскую эпоху особенно, когда оно все больше подчинялось целям карьеры, социального престижа и экономической выгоды, давал себя знать неизбежный провал также и патриотического образования. Из руин, грозящих похоронить нацию вместе с государством, ныне восстает высвободившееся встречное движение сопротивления – консервативно-революционное движение национализма. Оно хочет жизни нации. Оно хочет того же, что хотело старое государство и что должно хотеть каждое государство. Но оно хочет получить это не в абстрактных понятиях, а в переживании. Оно хочет наверстать то, что было упущено: сопричастность нации к ее предназначению.

Мы славили демократию – не жалкую демократию «общественных» народов, но великолепную демократию государственного народа – за то, что она означает участие нации в ее судьбе – деятельное, энергичное, ответственное политическое участие. И мы распознали в пролетариате стремление приобщиться к тем ценностям, которые до сих пор оставались достоянием других сословий. Демократическое, в том числе пролетарское участие составляет ту сопричастность, которую национализм пытается установить в нации и для нации. Однако национализм отличается от самовосприятия как формальной демократии, так и классово сознательного пролетариата прежде всего тем, что его движение исходит исключительно сверху, но не снизу. Сопричастность предполагает осознание, а именно осознание тех ценностей, к которым нация должна

стать сопричастной. Внушить это осознание никогда не удастся, если навстречу ему не будет направлено стремление снизу. В этом смысле национализм хочет проникновения в низы. Но само его внушение дается сознанию сверху.

Лишь сознанию известно, что является предназначением нации. Лишь сознание постигает взаимосвязь ценностей нации. Лишь сознание может сказать нации, что принадлежность к ней означает то же, что и принадлежность к ценностной общности. Демократ, все еще склонный к космополитическим установкам, и тем более пролетарий, все еще приверженный интернационализму, часто мечтают о некоей сфере, якобы расположенной поверх языка и страны, в которой, стираясь, исчезают различия между ценностями разных народов. Националист, напротив, исходит из того, что ценности суть характернейшее свойство нации, что они – дыхание ее сущности, которая через них приобретает образ и которая, как и все существенное, имеет центр тяжести, не терпящий перемещений.

Ни в одной другой стране ценности не являются столь загадочными, столь необъяснимыми и непостижимыми, столь разрозненными и в то же время столь цельными, как в Германии. Здесь они подобны то сокровенным признаниям, то диким схваткам миров – хрупкие или могучие, приземленные или возвышенные, вплотную приближенные к действительности или совершенно отдаленные от нее – они нигде более не кажутся воплощением столь полярно несовместимого. Ни в одной другой стране они не соединены столь судьбоносным образом с историей нации: зеркало и лик и трагическая исповедь немецкого человека, сотворившего их среди противоречий этой истории – не для себя, но для нации.

И ни в одной другой стране эти ценности не стремятся в такой степени образовать то единство, которого мы никогда более не достигали со времен нашего Первого Рейха, которое мы упустили в нашем Втором Рейхе – и которое задано нам для Третьего Рейха, наследующего противоречия немецкой истории, но также и ценности для их воплощения в жизнь.

III

Мы должны иметь силы жить среди противоположностей.

Немецкая история была полна начинаниями, которые затем оказывались обходными путями. Они оборачивались – и до сих пор оборачиваются – нашими противоположностями.

Мы никогда не приходили к одной определенной цели. Мы всегда достигали все наши цели – если их когда-либо намечали – лишь приблизительно, скачками и на какое-то время. И если нам когда-либо удавалось продвинуться к заранее намеченному пункту, мы тотчас вновь и еще более отдалялись от нашей цели. Но мы также всегда наверстывали упущенное, когда намечали себе следующую цель, вместе с которой могли вновь воспринять старую, и которой посвящали восстановленные между тем силы.

Мы были варварами, и мы переняли наследие средиземноморской культуры. Мы были язычниками и стали защитниками христианства. Мы были разрозненными племенами и образовали национальную общность. Мы отреклись от наших богов и последовали за Спасителем. У нас были свои герцоги, и мы избрали себе короля. Мы начинали свою историю с партикуляризма, и мы же стали претендовать на создание универсальной монархии. Мы поставили императора, и мы делились с Римом в господстве над земным кругом. Мы были демократией свободных и аристократией пожалованных леном. Мы признали Рим, мы присягали ему на верность и поддерживали его, и мы должны были, несмотря на это, защищать светскую власть против духовного господства. Наши епископы вели борьбу против папы, а наши князья сопротивлялись своему властителю. Нашими добродетелями были верность и строптивость. Мы переправлялись через Альпы и скакали на Восток. Мы защищали политику гибеллинов, и мы же защищали политику гвельфов. Мы были южными немцами и северными немцами. Мы стали мистиками на Западе и пионерами в колонизованной стране. Мы предавали Штауффенов в зените их власти, вступали один

за другим под их корону и передали ее, в конце концов, иностранцам. Мы преодолевали распад Рейха земельным суверенитетом, децентрализовались в большом и централизовались в малом. Мы проводили династическую политику и переросли в Габсбургско-испанское государство, над которым не заходило солнце. Мы не создавали себе столицы, но образовали великую городскую культуру. Мы защищали у стен Вены Запад против Востока и допустили на Рейне прорыв нашей западной границы. Мы противостояли распаду церкви и на тридцать лет предоставили нашу страну в распоряжение разных вероисповеданий для их религиозных битв. Наши протестанты боролись друг с другом в лице кальвинистов и лютеран и позволили распространиться контрреформации. Вестфальский мир помешал императорам установить абсолютную монархию и одновременно признал Францию поручительницей немецкого имперского порядка. Князья делили господство над землями, а императорский дом изнурял себя в войнах за наследство. Пруссия заняла господствующее положение в Германии, но через двадцать лет после Фридриха Наполеон смог продолжить политику Ришелье, направленную против Германии.

Сознание нации просыпалось в стихах и идеях, но Рейх распадался. Немецкий идеализм поднял дух на высший уровень человечности, но народ, исповедующий его, попадал под чужеземное господство. Мы вновь освобождались и тотчас на этом успокаивались. Мы были народом гениев, но мы начинали нашу новую жизнь с пренебрежения Штейном, непризнания Гумбольдта, недооценки Клейста. Мы допустили, чтобы то опережение в духовном развитии, которое мы имели в 1800 г. перед всеми другими народами, было ими наверстано. И мы проводили столетие в разрешении внутринемецких антагонизмов до тех пор, пока окончательно не основали Второй Рейх. «Прусское водительство» и «объединение Германии» стали целями, взаимно перекрывавшими друг друга до тех пор, пока Бисмарку не удалось, наконец, использовать прусскую идею для того, чтобы подчинить немецкой идее

любую другую – но тревога за Германию уже омрачала конец его величественной жизни.

Тревога оказалась оправданной. Рейх, основанный Бисмарком, потерпел крах в своей династической основе. Но его творение переживет этот переворот, если он окажется очередным обходным путем, необходимым для окончательного сплочения нации. И теперь настало время напомнить о том, что Бисмарк заблуждался в своих расчетах относительно нации, которые он строил на династической основе. Будучи консервативным человеком, он был озабочен долговечностью своего творения и постоянно взвешивал опасности, грозившие ему извне, как, впрочем, и внутривнутриполитические возможности. И он временами представлял себе ситуацию, в которой «некоторые немецкие династии будут внезапно устранены». Из этого он заключал, что «таким образом было бы невозможно, чтобы немецкое национальное чувство удерживало всех немцев в жерновах европейской политики на основах международного права».

Эта ситуация настала сегодня. Но не наступили последствия. Рейх остался. И если есть еще в Германии уверенность в чем-то, то эта уверенность заключена в чувстве общности всех немцев. Немецкие племена, в которых еще Бисмарк видел препятствие для национального единения, теперь стремятся не друг от друга, а друг к другу. Вероятно, они рвутся за пределы внутренних границ, которыми эпоха суверенитетов когда-то произвольно рассекала и соединяла немецкие провинции, и стремятся к тем племенным границам, в рамках которых найдет выражение их принадлежность друг другу.

Но люди чувствуют теперь прежде всего то общее, что объединяет их как немцев, хотя они и являются в остальном южными немцами или северными немцами, западными немцами или восточными немцами. Проблемы унитаризма и федерализма теряют для них свою злободневность. Баварцы, на партикуляризм которых наши враги в своем неведении возлагали перед войной столько надежд, сегодня являются тем самым племенем, которое с особым пылом выразило идею

национального обновления. С другой стороны, в пограничных землях рабочие крепко держатся за Рейх и оказывают всем посулам как французов, так и поляков сопротивление, которое не сломить. Они убеждаются на собственном опыте, что нет того Интернационала, который был им обещан, но есть нация, к которой они все принадлежат. Повсюду вдоль внешних границ немецкие земли разом ощутили себя марками. От этих границ внутрь страны постепенно проникает осознание того, что Германия сама является сегодня сплошной маркой, против которой разгорается врожденная враждебность народов, пытающихся в продолжение Версальского немирного договора привести к упадку наше немецкое бытие. Именно это делает нас как народ нацией.

Антагонизмы, которые сопровождали нашу историю, все еще дают о себе знать. Даже самые старые, которые мы считали совсем уже отмершими, сегодня вновь воскресают. И есть свой смысл, даже смысл политический, уже в том, что сегодня есть немцы, возвращающиеся в своем сознании к той ранней ступени, которая когда-то стала основой для возвышения Первого Рейха: что есть немцы, ищущие в средневековом, сословном, мистическом и даже в еще более раннем, примитивном и мифическом те начала, которые необходимы для нашего нового возвышения; что есть немцы, предпочитающие после нашего опыта западничества, цивилизации и прогресса культуры древней и первобытной истории; что среди нас есть тут – поклонники Донара, а там – первохристиане и что ни одну из форм у нас не любят искренней и не понимают лучше, чем почти варварскую форму романской эпохи.

С антагонизмами же более позднего времени у нас происходит нечто странное – и особенно с теми, что восходят к политике. Они перестают восприниматься как противоречия. Они исчезают. Однажды в нашей истории, на взлете Первого Рейха, мы уже преодолели антагонизм, который до самых основ расколол нацию. Он выразился в кличе: «Здесь Вельф! Здесь Вайблинг!» Прошли времена, когда этот двойной клич доводил кипение страстей до гражданской

войны, и мы уже давно чтим могилы у Палермо так же, как Льва Бранденбургского. Точно также мы должны устранять все антагонизмы, которые несем с собой из нашего прошлого, не пряча, но возвышая их. Сразу же после краха Второго Рейха прусско-немецкая противоположность, жившая до того в подсознании, отошла назад и уступила место сознанию народной общности. Племена ощутили свою особость сильнее, чем чувствовали до сих пор, но в то же время люди, принадлежащие к ним, намного сильнее чувствуют себя немцами, которыми все они являются. Все немцы, так или иначе, являются сегодня – невзирая на границы и таможи – великонемцами.

И еще один, третий антагонизм отступает в наши дни: конфессиональный. Везде находятся немцы, воспринимающие свое вероисповедание уже не как конфессию, которая разделяет, но как религию, которая сплачивает. Везде католики и протестанты, преодолевая исповедальные различия, сближаются друг с другом как немцы: протестанты проникаются католической идеей единой церкви, а католики уже не считают Лютера зачинщиком Просвещения, рационализма и либерализма, но признают в нем последнего великого и истинно немецкого мистика. Мы должны будем иметь силы для того, чтобы не отрицать и не отвергать, но признавать и соединять все противоположности, которые вобрали в себя из нашей истории.

Мы должны будем иметь силы для того, чтобы и сейчас снова быть «Вельфами», исполненными собственного племенного сознания, и в то же время «Гибеллинами», представляющими имперскую идею. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть варварами и христианами, католиками и протестантами, южными немцами и северными немцами, западными немцами и восточными немцами. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть для самих себя здесь – пруссаками, а там – австрийцами или баварцами, швабами, франками, гессенцами, саксонцами, фризами, и при этом оставаться друг для друга – немцами.

IV

В таком стиле восприятия и мышления заявляет о себе мировоззренческая основа Третьего Рейха. Однако и на его долю еще остается достаточно антагонизмов. На его долю остаются проблемы федерализма и унитаризма, проблема социализма и проблема пацифизма.

Среди них прежде всего федералистско-унитаристская проблема была в корне искажена Веймарской конституцией. Как документ, свидетельствующий о неспособности либералов чему-либо научиться, она была построена на тех самых основах, которые позволили обмануть немецкий народ. Она пыталась увековечить для Германии эти основы, которые наши враги трактуют и используют в свою пользу и в ущерб нам. Она полагала, что именно таким образом, копируя государственные принципы Запада, она «способствует», как в ней записано, «общественному прогрессу». В действительности она настолько же отстала от своего времени, насколько ее опередили чувства людей. Она лишена всякой связи с теми изменениями, которые произошли в немецком народе в результате его становления как нации. Она стремилась ввести единую республику путем параграфов и не заметила, что внутреннее единство образуется в самом национальном теле. Она взяла в качестве основы интермедию революции и положила умозрительные установки между собой и более глубокими силами, которые вновь пробиваются из оборванных корней нашей истории. Она была чисто негативной и сама признавала это, когда декларировала, что «право Рейха преодолевает право земель». Нет! Право не может преодолевать. Право должно действовать. И из этого мы должны вывести, что в Германии право Рейха означает право земель и, наоборот, земельное право означает право Рейха. Нет никакой иной цели кроме государственной: не преобразовывать федеративное государство обратно в федерацию государств, но создавать Рейх, который будет и тем, и другим – Рейх, который снимет противоположности, подняв то и другое на новый уровень.

Лишь в таком государстве вместо парламентаризма станет возможно народное представительство нации, в котором ее жизненная сила предстанет как направление воли. Связь проблемы социализма с нашими историческими проблемами понял Родбертус, когда увидел «перст провидения» в призвании немецкого государства «обратиться также и к социальному вопросу после того, как оно решит вопрос национальный». Среди социалистов эту взаимосвязь слабее всех улавливал Энгельс, когда требовал: «Мы не должны повторять революцию, сделанную в 1866 и 1870 гг. сверху, но должны дать ей необходимое завершение и улучшить ее посредством движения снизу». Революция прежде всего исказила социализм. Лишь из нее вырастает в пролетариате в качестве «движения снизу» то, что мы называем его участием в жизни нации. И это участие должно быть безусловно осуществлено в Третьем Рейхе, если ему суждено иметь в людях прочность: но не только как материальное участие, как того и поныне требует коммунизм, путающий класс с нацией. Социализм не дает осуществлять себя снизу, как предполагает марксизм. Социализм не дает осуществлять себя и сверху, как допускала бисмарковская и вильгельмовская социальная политика. Социализм даст осуществить себя лишь путем сотрудничества низов и верхов, а не путем социализации прибылей, как полагал Маркс, не делавший различий между предприятием и гешефтом. Он осуществится лишь как социализм самого предприятия, основанный на взаимодействии хозяйственного руководства и трудовой отдачи и устанавливающий равновесие между доходами и запросами.

Однако Интернационал, заповедуя коммунизм, обещал, что и такого социализма не будет нигде в пролетарском мире. Такой производственный социализм может выйти лишь из определенной общности, сплоченной в хозяйственно-политическом, геополитическом и – в значительной степени – национальном отношении. Он возможен как первоначальная хозяйственная форма, соразмерная лишь одному определенному народу, какой бы образцовой она ни стала затем

для других народов. После немецкой катастрофы народное хозяйство Германии невольно приблизилось в своем духовном самовосприятии к социализму, понятому именно таким образом. Предприятие в нем все более явно отличается от гешефта. Будучи хозяйством побежденной и скованной нации, оно не получило ни времени, ни пространства, ни свободы движений для того, чтобы претворить это представление о себе в хозяйственную систему. Немецкий предприниматель приложил все усилия для того, чтобы честно сохранить свое предприятие как производство. Но переход предвоенной капиталистической хозяйственной формы в капиталистическую послевоенную уже подготавливается. Он происходит сначала в духовной сфере, в изменении отношения предпринимателя к предприятию, и он же возвещает о новом взгляде на хозяйство, согласно которому естественные различия между предпринимателем и рабочим могут стать не враждебными, но дружескими, не разрушительными, но основополагающе деятельными.

Проблема немецкого пацифизма очень тесно связана с проблемой нашего наднационального предназначения, которая, безусловно, является самой сложной, самой давней и самой значительной проблемой немецкой истории. Жить не только для себя, но для всех народов, воздвигнуть памятник бессмертия, в котором наше нынешнее бытие останется различимым в самые отдаленные времена и для самых дальних людей: это было сокровеннейшим желанием, которое двигало всеми событиями немецкой истории, которое вело нас через нее подобно тому, как ведет и будет вести все великие народы в их истории – в отличие от малых народов, думающих только о собственном «я».

Величие человека: быть чем-то большим сверх того, что он являет сам по себе. Величие народа: быть еще чем-то сверх того, что он являет собой и сообщить о себе; обладать еще чем-то, что он может сообщить.

Именно так все великие немцы совершали свой каждодневный труд на земле в осознании той вечности, которой он причастен, и оставляя его плоды после себя.

Им часто даже не приходилось говорить о своей немецкой принадлежности, которая ненамеренно и как нечто само собой разумеющееся была заложена в их творениях, и они могли быть уверены, что немецкий дух будет присутствовать также и в плодах этих творений. Но когда их спрашивали о силе, которой они были обязаны своим творчеством, они заявляли о себе как немцы. И когда их народ находился в опасности, они были на его стороне.

Однако наряду с этим в народе всегда присутствовала своеобразная склонность, не отдаваться, но отдавать, склонность, которой немцы обыкновенно следуют с роковой покорностью, склонность незначительных, но небезвредных идеологов подпадать под образ мыслей других народов, предпочитать иностранные идеи собственным и перебегать туда, где было поднято знамя чужой идеологии. Это те же самые немцы и идеологи, которые сегодня говорят о наднациональном послании и понимают под ним национальное обезличение – и которые ныне восхваляют такой отказ как нечто чисто немецкое. Это те самые, кто, будучи революционерами, подменяли идею политического мира идеей мира мировоззренческого. Еще и сегодня, после событий на Руре и опыта Рейна и Саара, немецкие коммунисты, привычно агитирующие за доктрину мировой революции, не хотят признать, что идея борьбы классов является национальной не только «по форме», что признавал также и Маркс, но и «по содержанию», что всегда отрицалось марксизмом как буржуазная выдумка.

Фридрих Энгельс говорил о «клакеевском духе» у немцев, который мы несем в своем народном характере еще со времен раздробленности, и ожидал, что немецкая революция вытравит его из нас. Он понимал этот дух внутривнутриполитически – как дух поразительной покорности, которую свободный народ более не обязан оказывать князьям, потерявшим свое монаршее величие. Но самым желательным результатом немецкой

революции будет, если она заставит нас понимать этот дух внешнеполитически: как дух ложного восхищения, которое мы более не обязаны дарить ни одному народу с тех пор, как десятки их поднялись на нас, а двадцать семь нас обманули – и если этот опыт общения с народами делает нас смиреннее перед нами самими и высокомернее перед нашими врагами.

Теперь мы являемся народом, который получил предостережение, народом, который извлек из своей истории один единственный опыт. А именно: мы сможем жить ради нашего наднационального предназначения лишь тогда, когда мы как нация будем в безопасности. Все наши ценности возникли в борьбе за духовное самосохранение немецкой нации. И не утверди мы себя как нация политически, мы совершенно не были бы в состоянии обладать чем-то, что смогли бы сообщить другим народам. В противном случае мы были бы разбиты и раздроблены на радость тем же народам. Но, в конце концов, это станет нашим уделом, если наше простодушие будет и впредь оборачиваться верой в европейскую добродетель наших врагов.

Идея вечного мира есть, безусловно, идея Третьего Рейха. Но мир необходимо завоевать, а Рейх – отстоять.

V

Второй Рейх был промежуточным Рейхом. Он рухнул потому, что не имел времени стать традицией.

Тем не менее, немецкий консерватизм хотел сохранить этот Рейх. Он не хотел большего. В этом заключалась его вина. Он не хотел меньшего. В этом заключалась его заслуга. Он хотел бы сохранить форму, в которой нам был дан Рейх Бисмарка. Но эта форма была слишком молодой даже для того, чтобы оправдать немецкий консерватизм. Это была незрелая форма, как внутри, так и снаружи.

Второй Рейх был неполным Рейхом. Он не включал в себя Австрию, которая еще со времен Первого Рейха жила наряду с этим Вторым. Он был малогерманским Рейхом,

в котором мы снова можем увидеть лишь обходной путь для того, чтобы достичь Великогерманского Рейха.

В нашем Первом Рейхе мы потеряли некоторые страны с чужими языками – Ломбардию и Бургундию. В конце концов, мы потеряли также и страны нашей собственной языковой и племенной принадлежности – Швейцарию и Нидерланды, а также поселенческие районы в Прибалтике. Но зато, хотя мы в это время и становились все слабее и слабее, мы все сильнее и сильнее сплачивали остальное.

На протяжении всей нашей новой истории мы заняты работой по расчистке, по устранению границ и дурацких внутренних перегородок, которые оставил на немецкой земле распадавшийся в средневековье Первый Рейх. Мы преодолели мизерность наших государств, которая была выражением нашего бессилия. И мы заменили ее позицией великой державы, которую вернули себе во Втором Рейхе. Мы положили в основу этого Рейха большие немецкие племена и крупные немецкие государства, которым удалось пережить его распад, и малые государства, которые становились в ходе этого распада все меньше и меньше.

Исход мировой войны подорвал положение Второго Рейха как великой державы. Революция принесла развязку. Она не смогла предотвратить ни нашего обнищания, ни разорения четырех наших марок. Она оставила нас в остане государства, чью обкромсанную форму мы не признаем в качестве немецкого Рейха немецкой нации. Она упустила возникшую после разгрома центральных держав великогерманскую возможность и не нашла в себе ни мужества, ни воли и честолюбия, чтобы поставить мир перед свершившимся фактом аншлюса немецкой Австрии. Она была малогерманским бунтом и предписала себе в Веймаре конституцию, федералистско-централистские установки которой не содержат ни того, что положено Рейху, ни того, что подобает землям, племенам и провинциям.

И все же, революция также многое упростила и вновь соединила, устранив внутринемецкие пережитки, которые мы

до того тащили с собой в качестве преграды на пути становления в нацию. Она также является немецким событием, которое обретает смысл лишь в своем воздействии. В своем побочном воздействии, которое становится основным, она является насильственным решением тяжелых немецких проблем. Иной внешний повод для подобного решения мы бы так легко не получили. Революция устранила малые немецкие династии, которые исполнили свою культурную миссию. И она подготовила членение Рейха на племена, к которому мы сможем перейти в тот момент, когда вновь станем свободной нацией. И если бы эти вещи произошли лишь на карте страны, это было бы не так важно. Важно, что они происходят также в чувствах людей. Мы потеряли в территориях. Но мы сплотились как немцы. И как немцы мы присягаем Рейху, который должен нам остаться.

Это не заслуга революции. Она действовала без осознания того, что она ответственна не перед партией, а перед нацией. Мы живем в неведении и не имея гарантий против того, что революция, если она будет предоставлена сама себе как восстание аполитичного народа, не окажется началом политического конца немецкой нации. Но мы верим, что и она окажется очередной немецкой бессмыслицей, которая обретает свой смысл задним числом. И она обретет этот смысл в той мере, в какой удастся политизировать немецкий народ, который более не может жить в условиях, созданных исходом мировой войны – политизировать народ, привлекая его к участию в собственной национальной судьбе. Мы верим скорее в то, что эта революция является событием нашей национальной истории – тем, в чем ей отказывают классово сознательные пролетарии, но чем она непременно должна стать в силу своей природной принадлежности стране и народу. И как часть нашей истории она станет всего лишь новым обходным путем, необходимым для того, чтобы мы вырвались из нашей чисто немецкой неподвижности, к которой уже почти привыкли во Втором Рейхе. И мы верим, что этот Второй Рейх был лишь переходом к Третьему, к новому и последнему

Рейху, который нам обещан и ради которого мы должны жить, если хотим жить.

Есть немцы, которые утешают себя в нашем поражении тем, что ценности нации останутся непреходящими и тогда, когда крах государства повлечет за собой ее гибель. Это самый жестокий самообман, на который способны немцы. Насколько слабо мы боролись за нашу культуру, настолько сильно наши враги боролись за свою. И эти враги не хотят нашей культуры. Их народы вообще не понимают наших ценностей. Они, каждый на свой лад, считают себя совершенными в своей культуре. Мысль о том, что они должны будут признать равноценность немецкой культуры, для них невыносима. Они не признают наши ценности. И мы сами не знаем наших ценностей. Из нашей истории видно, что мы всюду отрекались от одних ценностей, чтобы положить начало другим. Это делало немецкую культуру настолько же богатой и разнообразной, насколько она несвязна и труднообозрима. Национализм должен явиться тем связующим и проясняющим началом, которое покажет нации то, что ей принадлежит, поскольку является немецким и представляет ценность: немецкую историю людей.

Это является духовной целью, но в то же время включает в себя и политическую задачу. Если мы погибнем как нация, то, как подсказывает наш опыт отношений с другими народами, погибнет Германия и вместе с ней все, что когда-либо создали немцы. Нет народа, который мог бы нас воспринять.

Народы Запада нас отрицают. Они оценивают все иначе, чем мы, и пасуют перед нашими ценностями. Даже у Клаузевица французский генеральный штаб умудрился найти лишь один «немецкий туман», хотя этот туман уже нередко оборачивался той немецкой ясностью, которая так пугает наших врагов. Когда Антанта давала нам совет, отречься от Потсдама и снова идти в Веймар, она пускала в ход свою самую большую ложь. Народы Запада должны ненавидеть Веймар в принципе неизмеримо сильнее, чем они ненавидят Потсдам.

Их замутненный взор видел в Потсдаме всего лишь символ немецкого милитаризма, но признай они Веймар символом культуры, тотчас встанет вопрос об иерархии культур, в которой уровень классики возвышается над уровнем классицизма так же, как Гете возвышается над Расином. А немецкая культура зиждется не только на Потсдаме и Веймаре, но на каждом немецком городе в пределах той области, в которой действуют немецкие ценности, и которая простирается далеко на восток от Мюнстера и того места, в котором распят на кресте немецкой судьбы Христос Грюневальда.

Правда, народы к востоку от нас берут от немецких ценностей то, что может быть им полезно. Но тот же немецкий язык есть лишь язык международного общения Евразии и Центральной Европы. Он посредничает в тамошних делах, но не затрагивает души. И если он стал языком-посредником Третьего Интернационала, то и здесь он передает лишь потребный делу интернационализм. Он передает лишь то, что принадлежит марксизму, но не тот великий космос немецкой духовности, который расположен перед Марксом, рядом с Марксом и против Маркса, который опровергает Маркса и при этом остается непостижимым. Даже те из русских, которые не отвергают, подобно Толстому, всю Европу, хотя и могут в силу своей национальной принадлежности принять лишь отдельные наши ценности: систематику, философский идеализм, Гегеля и, может быть, Шиллера. Бесконечность немецкого космоса, которая не ограничивается именами, закрыта и для них, потому, что они обладают собственной безграничностью, чуждой нам и, напротив, простирающейся прочь и в сторону от Запада – в Азию.

VI

Немецкий национализм является поборником конечного Рейха. Этот Рейх всегда обетован. И он никогда не исполнится. Он – совершенство, которое будет достигаться только в несовершенстве.

И он есть особое обетование немецкого народа, которое оспаривают у него все другие народы. Они боролись в мировой войне против Рейха, существовавшего ради Рейха, боролись ради мирового господства, в котором мы хотели иметь нашу материальную долю, сочтенную за империалистическое притязание. Каждый из них сам хотел быть не только империей, но и вместилищем латинской, англосаксонской или панславистской идеи. Они уничтожили наш материальный Рейх. И они до сих пор боятся его политической тени.

Но Рейх им пришлось оставить не сломленным. Есть лишь один Рейх, подобно тому, как есть лишь одна Церковь. Все остальное, что претендует на это название, есть государство или община, или секта. Есть только Рейх.

Немецкий национализм борется за возможный Рейх. Немецкий националист нашего времени, будучи немецким человеком, все еще является мистиком. Но как человек политический, он стал скептиком.

Он знает, что осуществление идеи постоянно отодвигается все дальше, что духовность на самом деле являет себя в очень человеческом, а это значит, сугубо политическом, и что нации претворяют возложенные на них идеи лишь в той мере, в какой они утвердили и осуществили себя исторически.

Немецкий националист невосприимчив к идеологии ради идеологии. Он распознал обманчивость громких слов, с помощью которых победившие нас народы приписывают себе высокую миссию. Он узнал, что в окружении цивилизации, которой принадлежат эти народы и которая самодовольно называет себя западной, человек не возвышается, но опускается.

В этом опускающемся мире, который сегодня торжествует победу, он стремится спасти немецкое. Он стремится получить его воплощение в ценностях, которые остались непобежденными, потому что они сами по себе непобедимы. Он стремится обеспечить им долговечность в мире тем, что, борясь за них, восстанавливает тот ранг, который принадлежит им по праву, и — заметим это сейчас, когда

ни одно понятие не кажется более сомнительным, чем понятие европейского – когда он борется за все, что, исходя из Германии, имеет европейский охват.

Мы думаем не о той Европе сегодняшнего дня, которая слишком достойна презрения, чтобы ее хоть как-то оценивать. Мы думаем о Европе дня вчерашнего, но также и о том, что может снова спастись из нее для дня завтрашнего. И мы думаем о Германии всех времен – о Германии двухтысячелетнего прошлого и о Германии вечного настоящего, о Германии, которая живет в мире духовном, но желает безопасности в мире действительном, и которая может достичь такой безопасности лишь политическими средствами.

Зверь в человеческом облике крадется к нам. Африка просвечивает через Европу. Мы должны быть часовыми у врат, ведущих к ценностям.

Мёллер ван ден Брук А. Третья империя // А. Мёллер ван ден Брук, А. Васильченко. Миф о вечной империи и Третий рейх. М., 2009.

52. О. Шпенглер «Пруссачество и социализм» (отрывок)

«Я до сих пор умалчивал о России; намеренно, так как здесь есть различие не двух народов, но двух миров. Русские вообще не представляют собой народа, как немецкий или английский. В них заложены возможности многих народов будущего, как в германцах времен Каролингов. Русский дух знаменует собой обещание грядущей культуры, между тем как вечерние тени на Западе становятся все длиннее и длиннее. Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир. Нас обманывает впечатление от некоторых, принявших западную окраску, жителей русских городов. Настоящий

русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времен задолго до Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас. Он сам это всегда сознавал, проводя разграничительную черту между «матушкой Россией» и «Европой».

Для нас русская душа – за грязью, музыкой, водкой, смирением и своеобразной грустью – остается чем-то непостижимым. Наши суждения о России, суждения поздних и духовно созревших городских жителей совсем иной культуры, – мы создаем их сами. То, что мы здесь «познаем», это не первые проблески теперь лишь рождающейся души, о которой даже Достоевский говорит лишь беспомощными намеками, но созданный нашим духом образ этой души; он возникает на основании поверхностного представления о русской жизни и русской истории. Почерпнутыми из собственного нашего внутреннего опыта определениями вроде воли, разума, душевного склада мы делаем его ложным. Тем не менее некоторым, быть может, доступно едва выразимое словами впечатление об этой душе. Оно, по крайней мере, не заставляет сомневаться в той неизмеримой пропасти, которая лежит между нами и ими.

Эта по-детски туманная и полная предчувствий Россия была замучена, разорена, изранена, отравлена «Европой», навязанными ей формами уже мужественно зрелой, чужой, властной культуры. Города нашего типа, указывающие на наш духовный уклад, были внедрены в живое тело этого народа, перезрелые способы мышления, жизненные взгляды, государственные идеи, науки – привиты его неразвитому сознанию. К 1700 году Петр Великий навязывает народу по западному образцу политический стиль барокко с его дипломатией кабинетов, династической политикой, управлением и войском; к 1800 году переносятся сюда совершенно непонятные русскому человеку английские идеи в формулировке французских писателей, чтобы отуманить головы тонкого слоя представителей высшего класса; к 1900 году книжные глупцы из русской интеллигенции вводят марксизм, этот в высшей

степени сложный продукт западноевропейской диалектики, об основах которого они не имеют ни малейшего понятия. Петр Великий перестроил истинно русское царство в великую державу, входящую в систему западных государств, и таким образом нанес вред его естественному развитию. Интеллигенция, которая представляет собой часть истинно русского духа, испорченного, однако же, городами, созданными по чужому образцу, исказила примитивное мышление этой страны; свои смутные стремления к собственным, осуществимым в далеком будущем порядкам, вроде общинного владения всей землей «матушки России», превратила она в детские и пустые теории во вкусе французских профессиональных революционеров. Петровство и большевизм одинаково бессмысленно и роковым образом, благодаря русскому бесконечному смирению и готовности к жертвам, воплотили в реальную действительность ложно истолкованные понятия, созданные Западом, – Версальский двор и Парижскую коммуны. Тем не менее введенные ими порядки держатся лишь на поверхности русского бытия, и одно, как и другое, может внезапно исчезнуть и столь же внезапно вернуться. Русский дух сам по себе до сих пор проявлялся лишь в религиозных переживаниях, но не в реальных социальных и политических действиях. Не понимают Достоевского, этого святого в навязанном ему Западом бессмысленном и смешном образе писателя романов, если его социальные «проблемы» воспринимают не только как форму его романов. Его сущность читается больше между строк, и в «Братьях Карамазовых» он достигает такой религиозной глубины, с которой можно было бы сопоставить только проникновенность Данте. Революционная же политика исходит от небольшого, не способного уже чувствовать «порусски» и по происхождению своему едва ли русского, слоя жителей больших городов, она проявляется поэтому в форме доктринерского принуждения с одной стороны и инстинктивной самозащиты с другой.

Отсюда та плодотворная, глубокая, исконная русская ненависть к Западу, этому яду в собственном теле, которая

с одинаковой силой сказывается как во внутренних страданиях Достоевского и в резких выпадах Толстого, так и в бессловесных переживаниях среднего человека; эта часто бессознательная, часто скрывающаяся за искренней любовью, ненасытная ненависть ко всем символам фаустовской воли, к городам – прежде всего к Петербургу – которые, как опорные пункты этой воли, внедрились в крестьянскую стихию этой бесконечной равнины, ненависть к наукам и искусствам, мышлению, чувствованию, государству, праву, управлению, к деньгам, промышленности, образованию, обществу, ко всему. Эта исконная ненависть апокалипсиса к античной культуре, нечто от мрачного ожесточения времени Маккавеев и того восстания, которое в гораздо более позднюю эпоху привело к разрушению Иерусалима, лежит, безусловно, в основе большевизма. Его доктринерские построения не смогли бы вызвать той силы движения, с которой оно продолжается до сих пор. Инстинкты коренной России наталкивают его на борьбу с Западом. Запад воплотился в «петровстве», и большевизм, как порождение этого «петровства», в конце концов будет уничтожен для завершения внутреннего освобождения от Европы.

Западный пролетарий стремится преобразовать цивилизацию Запада в своем духе; русский же интеллигент стремится ее уничтожить, большей частью вопреки своему знанию, которое составляет тонкую поверхностную оболочку его инстинктов. Таков смысл восточного нигилизма. Наша цивилизация стала чисто городской, там уже не существует «массы», а только «народ». Истинный русский всегда крестьянин, кем бы он ни был – ученым или чиновником. Города, возникшие из подражания, с их искусственно созданной массой и массовой идеологией, не затрагивают интересов русского человека. Несмотря на весь марксизм, здесь существует только аграрный вопрос. «Рабочий» – это недоразумение. Нетронутая, неразрушенная страна, как у германцев времен Каролингов, здесь единственная действительность. Эту ступень мы пережили тысячелетие тому назад. Мы не понимаем

друг друга. Мы, западные европейцы, больше не связаны с землей. Если мы селимся в деревне, то мы приносим туда с собой город, со всеми его душевными условиями, и притом носим их в крови, а не как русский интеллигент только в голове. Русский же переносит в душе своей деревню в русские города. Необходимо постоянно отличать русскую душу от русской системы, сознание вождей от инстинктов идущих за ними масс, чтобы постичь непроходимую пропасть между восточным и западным «социализмом». Что такое панславизм, как не западно-политическая маска, за которой кроется чувство великой религиозной миссии? Русский рабочий, несмотря на все промышленные лозунги вроде прибавочной стоимости и экспроприации, не является рабочим большого города; это не человек массы, как рабочий в Манчестере, Эссене и Питтсбурге, а бежавший от земли пахарь и косарь, исполненный ненавистью к чужой далекой силе, оторвавшей его от прирожденного призвания, от связи с которым его душа все же не может освободиться. Совершенно безразлично, на основании каких воззрений действует большевизм. Если в его программе стояли бы прямо противоположные требования, то его бессознательная миссия по отношению к пробуждающейся России была бы все же та же – нигилизм.

Но духовные подонки наших городов воодушевляются большевизмом. Он стал модой у праздных и расхлябанных умов, оружием для заржавевших душ жителей мировых городов, – проявление гнилой крови. Салонный спартакизм – тоже самое, что теософия и оккультизм: у нас это то, чем был не для восточных рабов Рима, а для самих вырождающихся римлян, культ Изиды. То, что спартакизм внедрился в Берлине, объясняется невероятной лживостью этой революции, в которой не осталось ничего истинного. Что непроходимые глупцы учредили крестьянские советы, чтобы подражать советским формулам, не заметив, что там проблемой являлся аграрный вопрос, здесь же вопрос городской – все это имеет мало значения. В Германии спартакизм, в противоположность социализму, не имеет будущего. Но большевизм завоеует

Париж, и здесь в соединении с анархическим синдикализмом даст удовлетворение усталой, нуждающейся в сенсациях французской душе. Он будет формой, в которой выразится *taedium vitae* этого пресыщенного жизнью города-великана. Большевизм, как опасный яд для рафинированных душ, имеет на Западе большую будущность, чем на Востоке.

Однако будущее, скрытое в глубоких недрах России, заключается не в разрешении политических и социальных затруднений, но в подготовляющемся рождении новой религии, третьей из числа богатых возможностей в христианстве, подобно тому как германско-западная культура начала к 1000 году бессознательно создавать вторую. Достоевский – один из идущих вперед глашатаев этой безымянной, но ныне уже с тихой, бесконечной нежной силой распространяющейся веры.

Мы, люди Запада, в религиозном отношении конченные люди. В наших городских душах прежняя религиозность давно приняла интеллектуальную форму «проблем». Деятельность церкви завершилась на Тридентском соборе. Из пуританства родился капитализм, из пиетизма – социализм. Англо-американские секты воплощают только потребность нервных деловых людей в душевном развлечении при помощи богословских вопросов. Ничего не может быть отвратительнее попытки известного направления в протестантизме оживить его труп, растирая его большевистской грязью. В другом месте тот же опыт был проделан с оккультизмом и теософией. И нет ничего обманчивее надежды на то, что русская религия будущего оплодотворит западную. В этом ныне не должно было бы быть сомнений: русский нигилизм, направляя свою ненависть против государства, знания, искусства, направляет ее также против Рима и Виттенберга, дух которых сказался на всех формах западной культуры и разрушается вместе с ними. Русский дух отодвинет в сторону западное развитие и через Византию непосредственно примкнет к Иерусалиму.

Но этим еще раз подчеркивается, насколько незначителен большевизм – эта кровавая карикатура на западные проблемы, когда-то возникшая из западной религиозности – в великом мировом вопросе, который ныне ставится Западом и имеет значение лишь для поверхностного слоя России: выбор между прусской или английской идеей, социализмом и капитализмом, государством и парламентом».

**53. Эсэсовец и вопрос крови (Биологические закономерности и их практическое использование для сохранения и приумножения нордической крови) Рейхсфюрер СС
Главное Управление СС / Управление образования.
Только для руководителей**

«Я не измеряю успешность нашей работы по возникновению новых улиц. Я не измеряю ее по нашим новым фабрикам и новым мостам, которые мы строим, а также по дивизиям, которые мы можем выставить. Напротив, в центре суждения об успешности этой работы стоит немецкий ребенок, стоит немецкая молодежь. Только тогда, когда созданы условия для их роста и развития, я могу быть твердо уверен в том, что мой народ не исчезнет, а, значит, и наша работа не окажется напрасной» Адольф Гитлер (из выступления на партийном съезде чести 1936 г.)

Когда мы оглядываемся на военные успехи, достигнутые немецким солдатом при поддержке нашего самоотверженного тыла в ходе теперешней решающей битвы, мы видим беспрецедентный ряд побед. Одно простое их перечисление не может не изумлять. Но лишь грядущие поколения смогут в полной мере осознать и оценить эту эпоху величайшего немецкого триумфа. Польские армии были смяты и полностью разгромлены немецкими солдатами за 18 дней. В веках будет звучать величественная песнь битвы при Нарвике. Армии Голландии и Бельгии были уничтожены в течение нескольких дней. Армия самой крупной и доселе самой

могущественной в Европе военной державы – Франции – вынуждена была сложить оружие через 34 дня после начала немецкого наступления. Втянутые в войну Англией государства Юго-Восточной Европы капитулировали в течение пары недель. Судьба последних и сильнейших противников нашего дела также уже предрешена и неотвратима. И, что же, всеми этими победами мы обязаны одной лишь знаменитой немецкой технике? Нет!

Наш фюрер, наши руководители, офицеры, унтер-офицеры и рядовые – вот те, чей вклад в победу был решающим. Мы должны зреть в корень, чтобы правильно определить и понять, на чем зиждется наш успех. А корень этот – в ценности нашей крови и в уважении закономерностей жизни. Общее ознакомление с этими двумя вопросами, сопровождаемое надлежащими выводами, является целью данной работы.

Из всех живых существ только человек, начав с самого примитивного уровня, достиг наивысшей ступени развития. Однако это его исключительное положение ни в коем случае не освобождает человека от беспрекословного подчинения универсальным и вечным законам жизни.

Законы природы имеют силу согласно воле Всевышнего. Этот факт обязывает каждого признавать эти законы. Следование им должно рассматриваться как необходимое условие сохранения и дальнейшего развития жизни. Человек, как и все другие живые существа (растения, животные), находится в тесной взаимосвязи с окружающим его миром. Игнорирование законов природы влечет за собой упадок, дегенерацию и, в конечном счете, гибель.

Конечная цель национального социализма – восстановление естественного порядка организации жизни. Поэтому, в национальной социалистической Германии проблема всестороннего изучения и неукоснительного соблюдения высших законов природы получила должную поддержку на государственном уровне.

I. Законы жизни

«Всякий раз, когда человек пытается действовать наперекор железной логике природы, он вступает в противоборство с теми основополагающими законами, которым он сам обязан своим существованием». (Адольф Гитлер «Моя борьба»).

Неукротимому человеческому духу удалось познать многие законы природы.

Закон борьбы – дальнейшее развитие

Сведения о развитии жизни на земле мы в значительной степени черпаем из отложений и окаменелостей. Мы находим их в слоях земной коры, которые нам доступны. И, раз за разом, наши исследования показывают: в самых древних слоях земной коры встречаются простейшие, низшие формы жизни, в более поздних пластах мы находим останки более высоко развитых живых существ и, наконец, в самых молодых слоях находятся самые высокоразвитые организмы.

Развитие шагает дальше

Развитие означает изменение, рост, приумножение, расширение и т. д. Каждое развитие занимает значительный период времени. Оно не знает остановки. Жизнь отдельной особи полностью растворена в ходе развития всего вида, и мы, конечно же, не можем рассчитывать на то, чтобы на примере нашего собственного, такого короткого, земного существования увидеть это развитие. На каждом этапе развития достигается, в зависимости от обстоятельств, определенная ступень или высота. Процесс на этом ни в коем случае не заканчивается, но беспрерывно продолжается дальше. Каким образом природа руководит этими процессами? Если идти по жизни с открытыми глазами, нельзя не увидеть, что повсюду в мире царит жесточайшая борьба. Борьба за право БЫТЬ, борьба против участи НЕ БЫТЬ. *Борьба есть основной закон природы.*

Борьба за жизнь и сохранение вида

Бороться приходится за всё: за еду, за землю и т. д. Растение стремится вытеснить со своей территории другое растение, зверь пытается убить или прогнать другого зверя. Глубинный смысл этой вечной борьбы, которая порой кажется одним сплошным бессмысленным убийством, заключается в следующем: *Все слабое, неполноценное обречено на уничтожение. Сохраняется только сильное и жизнеспособное.* Таким образом, целью является отбор и сохранение лучшего.

Мы должны прийти к правильному пониманию природных процессов и действовать в соответствии с ними. То, что инстинктивно чувствовали наши, жившие в большей гармонии с природой, предки, должно снова стать нашим общим достоянием. Речь идет не о судьбе отдельных существ, а об оздоровлении и сохранении вида. Национальный социализм формулирует это так: *«Общее прежде личного» или «Отдельная единица – ничто; народ, раса – все».*

Каждый народ нуждается в пространстве для жизни. Поэтому, нравится это кому-то или нет, борьба народов за свое жизненное пространство разгорается вновь и вновь, свидетельством чему служит вся мировая история. **Только растущий, здоровый народ имеет моральное право расширять свое жизненное пространство, а если возникает необходимость, то и отвоевывать его.**

Закон плодовитости

Животные и растения приносят много больше потомства, чем это нужно для простого воспроизводства. Некоторые примеры этого: Плод нашего мака содержит в среднем 4000 семян. Если бы все семена дали всходы, которые, в свою очередь, стали бы плодоносить, то через 5 лет было бы 256 000 000 000 000 маковых растений. Уже на шестом году подобного развития событий не хватило бы всей земной поверхности, чтобы разместить эту массу.

Одна единственная самка трески мечет от 3 до 4 миллионов икринок. Всего через несколько поколений все водоемы

планеты оказались бы переполнены одной лишь треской, если бы вырос каждый из мальков. Подобные примеры можно приводить до бесконечности. *Плодовитость обеспечивает дальнейшее существование.*

Результаты громадной плодовитости, примеры которой неустанно демонстрирует нам природа, корректируются до необходимого количества путем естественного устранения значительной части индивидуумов. Шансы на выживание не одинаковы для всех.

Плодовитость же есть неперемнное условие того, что в живых останется достаточное для сохранения вида количество особей. *Без плодовитости нет дальнейшего развития.*

И наше с вами будущее также определяется динамикой рождаемости. *Колыбелей должно быть больше, чем гробов.* Только тогда мы сможем успешно противостоять любой угрозе. Только тогда нам удастся на деле реализовать то право, которое даровано нам самим фактом нашего ведущего положения в Европе.

Закон отбора

Результаты отбора в естественных условиях коренным образом отличаются от результатов отбора в окультуренном состоянии. Это связано с тем, что средства осуществления отбора в природе совершенно иного рода, чем те пути, по которым идет отбор в искусственно созданных условиях.

Мы различаем:

1. Естественный отбор.
2. Искусственный отбор.

В борьбе за существование отмирает плохое.

В природе отбор идет через борьбу за существование. Наследственные изменения у «диких» форм являются редкостью. Все привнесенные изменения, которые не способствуют сохранению данного вида, решительно искореняются, как только перестают соответствовать окружающим условиям существования. Один пример: На маковом поле

встречаются вдруг скороспелые формы этого растения. И что же происходит с ними? Их недозревшие семена рассеиваются прежде срока и бывают уничтожены во время следующей обработки поля. Или: Вдруг среди обыкновенных серых зайцев мы видим белых особей – так называемых альбиносов. Они резко выделяются на фоне своего окружения, хорошо заметны и потому становятся первой жертвой врагов.

Практически, естественный отбор устраняет любое ухудшение наследственности. В искусственных же условиях, под неусыпной опекой человека, ущербные особи, наоборот, сохраняются. Селекционера заботят только полезные для его деятельности изменения и абсолютно не интересуют проблемы сохранения первоначальной породы как таковой. Цель искусственного отбора не всегда совпадает с задачами естественного отбора, который как раз и призван обеспечивать дальнейшее существование данного конкретного вида.

Человеку удалось вывести большое количество пород животных и видов растений, которые отвечают его запросам. Если эти произведения оставить один на один с природой, то их полное исчезновение будет вопросом весьма непродолжительного времени. Так, сорта бессемянных фруктов сохраняются исключительно благодаря прививкам или саженцам. Породы наших кур и гусей, прибавив в весе, сильно потеряли в способности летать.

Понятие «борьба за жизнь» ни в коем случае не распространяется на селекционную деятельность человека. Под этим термином подразумевается чисто природный (биологический) факт.

Искусственный, часто противоестественный, отбор играет значительную роль в жизни каждого из псевдоцивилизованных народов. Проявляется повышенная забота о благоденствии закоренелых паразитов и просто уголовников, продляются мучения наследственно тяжелобольных. Дурная наследственность, таким образом, не только сохраняется, но и переносится на все новые и новые поколения. Несть числа медицинским ухищрениям, призванным

воспрепятствовать такому отбору, который естественен для всех живых существ, не исключая и человека. Люди, отличавшиеся благородной простотой и жившие в гармонии с природой, такие, какими мы представляем себе наших предков, находились во власти тех же сил отбора, что и вся прочая живность. И именно этот отбор вознес человека так высоко в его развитии. Однако, культурный подъем и, особенно, цивилизация заслонили собой главное – законы природы. Человек может сколько угодно отмахиваться от факта существования этих законов, но ему никогда не упразднить их влияния на самого себя. Подобно тому, как на протяжении истории нашей планеты угасли многие виды животных и растений, так же были истреблены и целые народы, противопоставившие себя законам природы. Национальное социалистическое государство прокладывает тот спасительный путь, по которому мы отведем наш народ от края бездны вырождения, а наши потомки смогут повести его дальше, к великому национальному возрождению.

Приспособляемость – пределы влияния окружающего мира.

Окружающий мир формирует внешний облик

Окружающий мир предъявляет каждой особи свои требования. Всякий, кому эти требования оказались не по плечу, либо погибает, либо вынужден искать более приемлемую среду обитания. Окружающий мир принимает непосредственное участие в отборе. При этом вовсе не обязательно, что отбор пойдет в направлении совершенствования вида.

Нам известны и примеры обратного.

Рога живших когда-то в нашей местности оленей из поколения в поколение становились всё более и более ветвистыми. Дошло до того, что концы рогов оказались на расстоянии нескольких метров друг от друга. Такое развитие оказалось для оленей роковым. Животные более не могли укрываться в спасительной чаще леса, так как их рога не давали им пройти между деревьями. В чистом поле они неизбежно

становились легкой добычей своих врагов. Этот вид оленей вымер. Под воздействием внешних факторов изменяется внешний облик растений, животных и человека.

Высокорослое растение эдельвейс очень хорошо приспособилось к среде своего обитания. Оно борется за жизнь, будучи, зачастую, укоренено лишь в трещине скалы. Его ворсистые, узкие листочки довольствуются и самым малым количеством воды. Время цветения и плодоношения четко синхронизировано с непродолжительным периодом хорошей погоды. А случится ветру занести семена эдельвейса в долину, то он, изменившись, приживется и в этих новых условиях. Исчезает ворсистость листьев, сами листья становятся шире, а всё растение – выше. Если же посадить семена этой, ставшей долинной, формы снова в горах, перед нами предстанет эдельвейс в своем прежнем альпийском обличье.

Пример из царства зверей: Когда двух поросят одного помета выращивают в разных условиях, то отличие их друг от друга бросается в глаза уже через короткое время. Тот, которому были созданы благоприятные для роста условия, будет превосходить по размерам и весу своего менее удачливого собрата. Однако, потомство, полученное в дальнейшем от каждой из особей, при нормальных условиях роста не будет сколько-нибудь значительно отличаться друг от друга.

Действие таких закономерностей распространяется и на человека, как в физическом, так и в умственном отношении. Систематические занятия спортом развивают определенные органы и группы мышц, упражнение способствует выработке навыков, прилежание приносит знания. Но всё это – при обязательном наличии соответствующих задатков; окружающий же мир произведет отбор. *Окружающий мир способствует, либо препятствует развитию. Но он не в силах изменить наследственность.*

II. Народ и раса

«Что в этом мире не есть добрая раса, то – мякина».

(Адольф Гитлер «Моя борьба»)

Что есть народ? Каждый народ представляет собой четко различаемую всеми общность. Одна кровь, одна земля, один язык, традиции, культура и история находятся в неразрывной связи друг с другом.

«Народ есть поток крови, из вечности возникающий и в вечность же устремленный». Каждое из когда-либо живших поколений является лишь звеном в той великой цепи, что связывает нас с нашими далекими предками, а через грядущие поколения – с нашим будущим.

Общность народа

Все вместе эти поколения образуют народную общность. Жизнь каждого поколения имеет смысл только в том случае, если существует глубинная связь между ним и всеми теми поколениями, что создали единый народ. Каждый из когда-либо живших носителей крови (генотипа) данного народа несет ответственность за формирование образа будущих поколений. Каждый народ отличается своим неповторимым своеобразием. Это своеобразие коренится в расовом составе народа.

Народ есть сочетание общего происхождения и общей судьбы.

А что есть раса? Большое число живых существ может быть разделено на группы по принципу большей или меньшей схожести и наличию характерных физических черт. Их отличает также присущая только им манера поведения. Такие группы называются «видами».

Любой из нас знает, что под названием «собаки» или «кошки» подразумевается определенный вид животных, которые отнесены нами к этому виду на основании наличия у них общих физических и поведенческих признаков.

Однако такое соответствие определенному виду распространяется на большинство, но никак не на все черты

представителя данного вида. На этом основано дальнейшее подразделение видов на подвиды, или породы (расы, если речь идет о людях) . Мы легко различаем отдельные породы собак и знаем, что помимо несхожести физических параметров, существует также ряд отличий и в поведенческой сфере разных пород. Учет особенностей каждой из пород позволяет человеку использовать таксу и сенбернара, овчарку и охотничью собаку в точном соответствии с их служебным предназначением.

Живущее ныне человечество образует один «вид». Численность этого вида велика. При исследовании и сравнении белого, негроидного и монголоидного представителей человечества, сразу становится явной недобросовестность всяких попыток говорить о виде «человек» как о чём-то однородном и неделимом. Точное представление об этом виде можно получить только на основании изучения всех его, столь разных, составных частей, а именно – человеческих рас.

Каждая раса имеет характерные признаки

Отличить одну расу от другой можно по внешним и поведенческим различиям. Каждая расе присущи свои, характерные только для нее качества и признаки. Эти расовые признаки наследуются потомками.

Каждая раса обладает совершенно определенной, общей для всех представителей этой расы кровью (генотипом).

До тех пор, пока раса остается чистой, кровь переходит от поколения к поколению в качестве бесценного наследства. Примесь чужой расы приводит к расовому смешению, следствием которого является дегенерация (вырождение). Из этого следует, что расовое сознание всех людей одной и той же расы должно быть поднято на должную высоту, так как лишь в этом случае они смогут полностью осознать всю опасность, таящуюся в расовом смешении.

Таким образом, расой называется группа живых существ, отмеченных наличием у них определенных общих

наследственных признаков. И порождают они только себе подобных.

Всякий народ развился из определенных рас и стал жизнеспособным единством. Раса, послужившая основой, определяет народное своеобразие и оказывает свое неизменное влияние на этот народ через наследственность. *Определяющей для образа немецкого народа является преобладающая в нём нордическая раса.*

Значение рас

Основой расы служит вся масса унаследованных признаков. Она обуславливает наличие особых физических и умственно-душевных способностей. Есть расы, способные созидать высокую культуру, и есть расы, которым своими силами никогда не достичь никаких высот. Есть расы с самосознанием героев, а есть – начисто лишённые боевой стойкости.

Все подлинные достижения культуры являются исключительно творениями высших рас. Людей одной и той же расы объединяет общий поток крови. Расцвет человечества, как и его упадок, неразрывно связаны с сохранением чистоты и силы создающих культуру рас. Любое расовое смешение означает для более высокой расы снижение ее качества.

Зарождение рас

Каждая раса зародилась на своем, предназначенном именно для нее, месте. Зарождение больших рас происходило в течение долгого времени на ограниченных, пригодных для жизни территориях. Мощные естественные преграды образовали целый ряд обитаемых областей. Первоначально, люди, жившие на одной и той же территории, были очень похожи друг на друга во всех отношениях, так как они имели весьма немногочисленных предков и общие условия окружающей среды, одинаково влиявшие на этих людей. Формирование рас есть результат развития. Этот процесс занимает огромный период времени, и, подчиненный законам природы, находится в движении до тех пор, пока жива уже сформированная им раса. В любом случае, не приходится

рассчитывать на то, что нам удастся отследить какой-либо прогресс такого развития на протяжении сравнительно короткого периода смены нескольких поколений.

Зарождение и происхождение нордической расы

Родина нордической расы находится в Западной, Северной и Центральной Европе времен ледникового периода. Первоначальное жизненное пространство нордической расы охватывало территорию сегодняшней Тюрингии, Северного и Балтийского морей, Ютландии и Южной Скандинавии. Нордические признаки сформировались в процессе отбора в условиях нордического климата. Нордическая раса есть результат селекции и отбора, автор которых – окружающий мир. Холодный, влажный климат и недостаток солнечного тепла выковали человека нордического типа. На территории с такими природными условиями никак не могли естественным образом сохраниться темнокожие особи. Эта земля оказалась предназначенной природой только для людей с белым цветом кожи.

Нордический человек с самого начала был оседлым земледельцем. Он изобрел плуг, заимствованный позднее другими народами, возделывал зерновые культуры и занимался животноводством. Бывший первоначально стремительным прирост населения нордического человечества сделал необходимыми новые территориальные приобретения. Волна а волной устремлялись нордические люди на примыкающие пространства современной Европы и далекие части Азии. И повсюду на коренном оседлом населении оставался хотя бы временный отпечаток нордического образа жизни.

Не – «с Востока пришел Свет», как утверждала прежде наука, а – «с Севера приходит Сила!».

Расовые признаки

Расовыми признаками называются наследственные физические, умственные и душевные качества. Важнейшими физическими расовыми признаками являются: очертания фигуры – пропорции конечностей – форма черепа (длинный, средний, короткий череп) – форма лица (узкое, широкое лицо). Постановка подбородка – форма носа – цвет глаз – цвет кожи – цвет волос.

Умственно-душевные расовые признаки: Поступки и достижения есть зримое отображение умственно-душевного строя человека. Движение и жест, вот те формы, посредством которых нам сообщаются переживания отдельного индивидуума. Совокупность душевных признаков обозначается как душа расы.

Человеческие расы неодинаковы как в физическом, так и в умственно-душевом плане. Если бы существовали одни лишь физические различия между ними, тогда и вопрос о расовой принадлежности не имел бы такого важного значения. Совокупность видимых воочию признаков, качеств и способностей человека передает нам его внешний облик. Сумма всех наследственных задатков, из которых в конечном итоге складывается сама человеческая суть, образует наследственный облик человека.

Такие задатки могут проявляться в большей или меньшей степени. Зачастую бывает необычайно трудно судить о душевной предрасположенности по внешнему облику. Это обстоятельство актуально, прежде всего, для тех народов, к формированию которых оказались причастны различные расы. Так человек, не имеющий внешних признаков нордической расы, может, тем не менее, обладать умственно-душевыми качествами нордического человека и наоборот.

Наследственный облик человека имеет гораздо большее значение, чем его внешний облик.

Если присмотреться внимательнее к отдельным странам Европы с точки зрения их расового состава, то сразу бросается в глаза, что почти во всех этих странах представлены одни

и те же расы. Нордическая раса присутствует, помимо Германии, в скандинавских странах, Англии и Голландии, а также в России, Италии, Франции, Испании и т. д. Однако, в европейских странах можно увидеть и людей с примесью восточной расы. Тем не менее, окончательное суждение о расовом составе какого-либо народа никак нельзя основывать на тех или иных частностях. Определяющим является процентное соотношение отдельных рас в составе данного народа.

Исходя из этого нам остается констатировать: даже по чисто количественным показателям доли нордической расы наш рейх марширует далеко впереди других народов. Германия, таким образом, имеет естественное право претендовать на лидерство среди нордическо-германских народов.

Расы немецкого народа

Несмотря на то, что отдельные области рейха отмечены довольно сильным смешением и взаимопроникновением рас, в разных частях Германии все-таки можно найти ярко выраженные расы.

Есть территории, где для основной массы населения характерны: высокий рост, узкое лицо, светлый цвет волос, глаз и кожи. В некоторых же частях страны преобладают приземистые, круглоголовые люди с широким лицом, коричневыми глазами, каштановыми, до черного, волосами и довольно смуглым цветом кожи.

А среди жителей других областей рейха чаще встречаются, напротив, высокорослые люди с короткой головой, узким лицом, большим носом, коричневыми глазами и черными волосами.

Существует и такая местность, где преобладающими внешними признаками населения являются: низко посаженная короткая голова среднего размера, широкое лицо с выступающими скулами, белые волосы и светлые глаза.

В немецком народе преимущественно представлены следующие расы:

1. Нордическая раса

2. Фелийская раса
3. Динарийская раса
4. Западная раса
5. Восточно-балтийская раса
6. Восточная раса

Но нордическая раса представлена в большей или меньшей степени во всех, без исключения, областях рейха. Многие в нашем народе могут быть до некоторой степени отнесены к той или иной расе. Во всяком народе есть как представители расы в чистом виде, так и представители более или менее смешанных форм.

В немецком народе преобладает нордическая наследственность. Причем, нордическая раса является не только преобладающей, но и присутствует в крови почти всех немцев. Нордическая раса для нас – та великая нерушимая связь, которая, помимо общей родины, объединяет весь наш народ и в радости, и в горе. «Кровь и почва» – не отвлеченное понятие, а наша общая судьба.

Нордическая раса

Основная область распространения нордической расы охватывает побережье Северного и Балтийского морей, Северную Германию, Данию, Скандинавию, Англию и Голландию. Южнее нордическая раса глубоко проникла в Центральную Европу.

Мы все являемся носителями нордической крови

Доля наследуемой нордической крови достигает у немецкого народа в среднем 50 %. Поэтому, наука о семье говорит нам: в жилах каждого немца течет нордическая кровь.

Немецкий народ является кровной общностью в полном смысле этого слова. История, в свете расовой науки, давно доказала, что процент великих людей, принадлежащих к нордической расе, значительно больше того же показателя других рас. Нордическая раса – носительница высокой одаренности немецкого народа. Великие достижения во всех областях деятельности сделали ее ведущей расой человечества.

Нет ни одной другой человеческой расы, которая породила бы так много выдающихся духовных вождей, полководцев и государственных деятелей. Даже иностранные исследователи рас вынуждены признать, что значение того или иного народа прямо пропорционально доле присутствия в нем нордической крови.

Смелой атакой покорял нордический человек далекие земли, основывал государства и созидал культуру. Уже около 1000-го года в Америке высадились викинги. Целые части света обязаны своим открытием нордическому духу.

Нордический человек – человек глубины и широты

Самым заметным качеством северной (нордической) расы является самообладание. Нордическая храбрость – залог военных побед. Добросовестность и сила воли, помноженные на надежность, служат мощным стимулом стремления к независимости, уменьшая, правда, ненужную чувствительность. Художественная одаренность находит свое наиболее яркое воплощение в сфере изобразительного искусства. Нордический человек очень любит спорт и соревнование; его место там, где нужна отвага. Поэтому-то человека именно этой расы чаще встретишь в профессиях, связанных с опасностью и риском. Нордический человек – победитель по самой своей природе.

Наша святая обязанность заключается в том, чтобы всячески оберегать нордическую расу в нашем народе. Смешение с чужими (чужеродными) расами должно быть исключено при любых обстоятельствах. Раса, ее сохранение и укрепление – вот коренной вопрос всей нашей жизни и основа основ нашего мировоззрения. Раса и культура. В книге «Моя борьба» фюрер говорит: *«Все, чем мы сегодня восхищаемся на этой земле, будь то достижения в области науки, искусства или техники, есть творение рук немногих наций и, вероятно, первоначально одной единственной расы».*

Созидающая культуру нордическая раса

Созданные индогерманцами высокие цивилизации индусов, персов, греков и римлян позволяют безошибочно распознать в себе нордический творческий дух. С наступлением упадка в среде нордического правящего слоя исчезли и эти цивилизации. Даже сегодня мы чувствуем родство природы (сути) тех культур и нашей, ибо все они имеют общее происхождение.

Мы, конечно, не столь заносчивы, чтобы утверждать, будто бы все культуры, как современные, так и древние, обязаны своим возникновением исключительно нордической расе. Народы иного расового состава тоже создавали свои культуры. Но мы испытываем совершенно иные чувства от соприкосновения с культурой Древнего Китая, Вавилона или древнеиндейскими цивилизациями ацтеков (на территории современной Мексики) и инков (на территории современного Перу). Это тоже были высокие культуры. Но у нас они, почему-то, вызывают ощущение какой-то откровенной чужеродности. Причина этого коренится в самих творцах данных культур. Их природа (сущность, характер) не родственна нашей, а, наоборот, чужда. В них – другой дух. И никогда эти, чужие нам, культуры не достигали высот, доступных творениям нордического духа.

Современная цивилизация возникла под руководством людей нордической расы. Без них не было бы положено начала развитию таких стран, как Турция и Америка, а также стран Дальнего Востока.

А в тех странах, где имело место смешение с близкими расами, облагораживающее влияние нордической расы проявилось сполна и дало необходимый импульс для высоких цивилизационных достижений. Господствующее положение нордической расы неоспоримо. Тот же, кто не может или не хочет признать этот, самой природой установленный, факт, неминуемо окажется на обочине подлинного развития и прогресса.

III. О наследовании

*«Более сильные призваны господствовать,
а не смешиваться
с более слабыми, чтобы, таким образом,
пожертвовать своим величием».*
(Адольф Гитлер «Моя борьба»)

Всякий раз, когда мы обращаем взор на окружающую нас природу, мы видим, что потомки похожи на своих предков. Каждый вид порождает только себе подобных. Из семян бука вырастет новый бук, потомки сокола будут тоже соколами. Негр произведет на свет негра, белый – всегда только белого. У ребенка уже в самом раннем возрасте наблюдаются внешние признаки, по которым представители его рода могут судить о том, что, например, нос он «унаследовал» от отца, а, скажем, глаза – от матери. Позднее к этому добавятся другие признаки, такие, как прилежание, талант, сопротивляемость заболеваниям.

Сам факт наследования признаков известен людям с давних пор. Селекционеры всегда стремились в своей работе к дальнейшей передаче определенных признаков и качеств, а также к тому, чтобы полностью исключить возможность размножения животных или растений с нежелательными качествами. О том, что наследование признаков является закономерным процессом, стало известно и научно обосновано лишь несколько десятилетий назад.

Сегодня мы знаем: как и все, происходящее в природе, наследование подчинено незыблемым законам. Законы наследования, подобно всем прочим законам жизни, имеют одинаковую силу и для растений, и для животных, и для человека. Потомки бывают отмечены чертами обоих родителей в равной степени, либо превалирует какое-нибудь качество отца или матери. Иногда можно проследить наследование одного из свойств на примере многих поколений, в иных же случаях такое свойство «перепрыгивает» через несколько поколений, пока, вдруг, спустя много времени, не проявится вновь.

Пример – характерная форма нижней губы представителей династии Габсбургов.

Итак, наследование есть передача признаков и качеств родителей своим потомкам.

Наследственные задатки (гены)

Наследуются не только внешние черты, но также умственные и душевные качества. Всякий человек имеет два источника получения задатков для любого из свойств. Ребенок сохраняет в себе задатки, унаследованные в равной степени от обоих родителей. На примере разведения животных и растений виден механизм действия задатков. Они могут быть как равно-, так и неравноценными. Чаще один задаток оказывается сильнее другого. И этот, более сильный, заслоняет более слабый задаток, который просто становится невиден, либо проявляется в незначительной степени.

Более сильный задаток господствует, более слабый остается скрытым.

Живое существо, у которого имеются в наличии оба задатка, не дает никакого повода заподозрить себя в том, что в нем упрятан еще и второй, более слабый, задаток. Мы видим действие только господствующего задатка.

Расовая чистота

Только в том случае, если встречаются одинаковые наследственные задатки обоих родителей, наследники являются расово чистыми. Метис, или ублюдок.

Если же задатки различны, то в результате их встречи получается метис, или, другими словами, ублюдок.

Бывает, что вследствие господства соответствующего задатка, такой метис внешне очень похож на особь чистой расы. То, что со стороны кажется здоровым, может таить в себе скрытую наследственную предрасположенность к каким-либо заболеваниям. Ни один человек не выглядит явным обладателем скрытых задатков. Поэтому, любое чисто поверхностное суждение ошибочно.

Две разных расы отличаются друг от друга по многим наследственным задаткам. При смешении рас (скрещивании) задатки соединяются хаотично, так, что потомкам достаются буквально калейдоскопические их сочетания.

Законы наследственности исследованы с математической точностью. Эти сведения составляют сегодня фундамент наших знаний об общем направлении и специфике протекания процессов формирования новых поколений, т. е. нашего будущего. Нормальные и нездоровые задатки передаются потомкам в равной степени. Этот факт определяет всю степень важности изучения проблемы наследственных задатков и налагает на нас огромную ответственность за то, будем ли мы способствовать или препятствовать правильному формированию грядущих поколений.

Воспитание и окружающая действительность могут, конечно, со временем, развить определенные задатки, сущность же человека останется неизменной: такой, какой она была у того из родителей, чьи задатки (гены) оказались сильнее.

Ответственность за грядущие поколения лежит на нас.

Решающим для дальнейшего развития нашего народа является не столько ответ на вопрос: «Кто наследует?», сколько ответ на вопрос: «Что наследуется?».

Наследственные изменения

Природа учит нас, что вопреки железным законам наследования существует также возможность возникновения новых, отклоняющихся норм. Наука до сих пор могла дать лишь невразумительные объяснения по этому поводу. Во флоре и фауне то и дело отмечаются случаи внезапного появления новых форм, передающихся далее по наследству. Причем, благоприятные и неблагоприятные свойства проявляются у них в равной степени и носят неизбирательный характер. Формы с неблагоприятными свойствами рано или поздно гибнут в борьбе за существование. Таким образом, они искореняются навсегда.

Примером проявления благоприятных наследственных изменений могут служить птицы побережья, у которых в результате таких изменений появились плавательные перепонки, и которые, по прошествии определенного времени, превратились в типичных водоплавающих птиц. Это их новое, благоприятное качество помогает им в борьбе за существование. Поиски пищи для этих птиц не ограничиваются больше только прибрежной зоной. Они получили значительное преимущество по сравнению с теми птицами, которые, живя на берегу, не стали водоплавающими.

Или: крылатые насекомые многочисленных мелких островов в Тихом Океане были снесены ветром в воду и там погибли, хотя этот же ветер предоставлял им широкие возможности для расселения как по территории своих островов, так и соседних. А их бескрылые собратья, появившиеся в результате наследственных изменений, беспрепятственно утвердились на этих же самых островах.

Наследственно обусловленные изменения называются наследственными изменениями. Наблюдавшиеся до сих пор наследственные изменения у людей носили преимущественно неблагоприятный характер. Почти всегда это – дефекты развития, которые, проявившись однажды, передавались дальше по наследству. Всякое новое наследственное изменение имеет своей причиной предшествующую деформацию наследственности.

На сегодняшний день известно уже несколько ядов, оказывающих вредоносное влияние на половые железы, вплоть до их мутации. Такое воздействие, а также воздействие на развитие самих зародышей называется зародышевым повреждением. Способны ли эти яды необратимо изменять также и саму наследственность – пока неясно.

Результаты воздействия алкоголя и никотина на потомство поистине ужасающи. Достаточно посмотреть на детей пьяниц, чтобы убедиться в этом. Как часто бывают они поражены уродствами и болезнями физического и душевного

характера. Смертность среди детей алкоголиков невероятно высока.

Исследования Г. фон Бунгес в области влияния алкоголя на потомство показали следующее: употребление алкоголя отцом было не регулярным: на 100 отцов приходилось туберкулезных детей 6,4 и душевнобольных детей – 4,3; употребление алкоголя отцом было регулярным: на 100 отцов приходилось туберкулезных детей 17,1 и душевнобольных детей – 11,1; алкоголизм: на 100 отцов приходилось туберкулезных детей 24,2 и душевнобольных детей – 22,2.

При этом не следует забывать, что склонный к употреблению алкоголя человек уже сам по себе обладает ослабленными наследственными задатками.

Столь же велики страдания потомства венерических больных. К наиболее печально известным заболеваниям такого рода относится сифилис. Мнение, что этот бич человечества передается по наследству – ошибочно. Есть только один врожденный сифилис, тот, что передается зародышу. Но треть таких детей умирает еще не родившись, четверть не доживает до шестинедельного возраста. Остальные всю свою жизнь страдают тяжелейшими поражениями тканей и другими заболеваниями. Часто дети больных родителей бывают глухонемыми.

Опасность неблагоприятных наследственных изменений у человека усиливается за счет того, что подобные изменения зачастую наследуются скрытно. И выходят на свет лишь через много поколений. В качестве примера можно назвать заболевание крови. Оно проявляется только у потомков-мужчин. Даже при незначительных повреждениях (прорезание зубов) это заболевание вызывает продолжительные кровотечения, которые нередко приводят к смертельному исходу. Многочисленные ранние европейские династии, внутри которых имели место родственные браки, теряли из-за болезни крови практически всех наследников по мужской линии.

Окружающий мир и наследственные задатки

Каждый человек с рождения несет в себе величайшее богатство – наследственные задатки.

В течение жизни реализуется лишь часть этих задатков. Окружающий мир принимает весьма деятельное участие в формировании каждого отдельного индивидуума. Климат, питание, жизненное пространство, социальное положение и т. п. могут оказывать совершенно очевидное влияние на развитие человека.

Внешний облик претерпевает под воздействием вышеперечисленных факторов некоторые изменения. Но только не наследственный облик. Он всегда остается неподвластным окружающему миру.

Из этого можно сделать следующие важные заключения:

1. Каждый человек формируется при взаимодействии наследственных задатков (генов) и окружающего мира.

2. Окружающий мир и его влияние не затрагивают потомства.

3. Приобретенные качества не наследуются.

Последний факт имеет основополагающее значение. Физический труд или спортивные тренировки могут значительно развить мускулатуру. Но это вовсе не значит, что сын атлета будет обладать более сильными, чем у обычного ребенка, мускулами. Точно также не может быть унаследовано и умственное развитие. Потомку ученого придется начинать свое обучение с тех же азов, что и всем прочим детям. Ярчайшее подтверждение этому – необходимость индивидуального усвоения родного языка, несмотря на то, что на нем говорили уже многие поколения ваших предков.

Марксисты и демократы, склонные к утопическому мышлению и явной переоценке влияния окружающего мира, заявляют, что они способны повернуть в лучшую сторону судьбы целых народов с помощью изменения этого мира на свой лад. По их словам, все люди одинаковы. А это значит, что белые, черные и желтые, окажись они в равных условиях,

должны были бы самостоятельно добиться во всех областях одинаковых результатов.

Но мы-то знаем:

Люди различных рас и типов никогда не станут похожи между собой, проживи они на общей территории сколь угодно долго. Они всегда останутся тем, что они есть. Чужая же кровь, от которой и наш народный организм должен держаться как можно дальше, медленно, но верно убивает любой народ.

Расовое смешение

Смешение с чужеродной кровью противоестественно

«Неразумный» зверь составляет пару для продолжения рода только с представителем своей породы (расы). Руководствуясь тем же священным инстинктом, так же поступали близкие к природе люди, такие, как древние германцы. В наши дни этого естественного правила строго придерживаются наши крестьяне, так как они близки к своей родной земле, духовно укоренены в ней и потому чувствуют звучащий в них голос крови и расы. Чего не скажешь о «сверхразумных», «цивилизованных» людях, которым внушили, что им одним в целом мире дано право идти против природы. Как вы сами понимаете, природа не оставляет такое поведение безнаказанным. При смешении двух чужеродных рас никогда не происходит слияния наследственных задатков (генов) в единую наследственную массу, которая могла бы быть передана потомкам во всей своей гармоничной целостности. Размножение подобных убудков характеризуется все более сильным взаимоотторжением наследственных задатков и хаотичным разбросом их по разным потомкам. То, что путем скрещивания возможно создавать новые, культурные формы и породы животных и растений, никоим образом не может служить обоснованием для такого же способа создания новых человеческих рас.

Начнем с того, что условия разведения животных и растений весьма своеобразны. Селекционер преследует

при скрещивании совершенно определенные цели. У него есть возможность за короткие промежутки времени планомерно вырастить несколько поколений интересующего его вида. При этом селекционер производит отбор нужных ему форм. Таким образом, увеличивается вероятность того, что удастся сохранить именно желательные формы с новыми свойствами, так называемые новые связи. И, действительно, этот путь в большинстве случаев ведет к успеху – всего через несколько лет может быть выведена новая порода животных, получен новый сорт растения.

Совершенно иначе обстоит дело с людьми. Огромное количество наследственных задатков делает процесс наследования очень запутанным. Не следует забывать и о том, что период смены поколений у человека гораздо продолжительнее (около 30 лет). Значит, отбор, необходимый для сохранения возникших новых связей, нужно было бы осуществлять на протяжении нескольких столетий. Но кто смог бы поручиться за точное соблюдение однажды выбранного направления отбора, и, наконец, как можно было бы производить отсев остальных людей? Вывод: подобный план попросту неприменим к людям, а выведение новой расы невозможно.

Любое расовое смешение уродует гармоничную картину расы. Нордическая голова, посаженная на восточное туловище, выглядит неэстетично. В дополнение к этому – все те виды ущерба физическому, и, особенно, душевному здоровью, которые таит в себе смешение рас.

Метисы лишены физической и душевной гармонии. В результате каждого смешения рас получается расовый гибрид.

Расовое смешение означает постепенное угасание более высокой расы, а, значит, стопроцентную утрату народом своего своеобразия (генотипа). Сама история бесстрастно демонстрирует нам трагические последствия такого смешения рас. С того момента, когда народ теряет свое расовое самосознание, начинается упадок его традиций, духовности и культуры.

Благоприятным расовое смешение может быть лишь в случаях воссоединения родственных рас. Чем более сходны между собой эти расы, тем благоприятнее их смешение.

«Величайшие из народов никогда не принадлежали к числу метисов чужеродных рас, а, напротив, отличались тем, что преобладающая в них раса находила в этих народах свое наиболее полное воплощение».

Фюрер говорит о расовом смешении:

«Смешавшаяся кровь чужих рас и обусловленное этим снижение расового уровня было единственной причиной гибели древних цивилизаций».

Причины заката культурных народов древности

У целого ряда культурных народов можно наблюдать следующую одинаковую последовательность этапов их развития, которая, тем не менее, ни в коем случае не может считаться неизбежной жизненной закономерностью: За длительным восхождением к определенным высотам развития следует непродолжительный период расцвета, сменяемый затем стремительным падением с достигнутого уровня. Почти всегда такой упадок сил начинается с того, что на смену простоте, трезвости и здоровью приходят погоня за удовольствиями, невоздержанность и болезни. Параллельно с этим развязываются кровавые войны, буквально выкашивающие лучших представителей расы, а падение рождаемости резко уменьшает количество здоровых детей. Смертельный же удар наносит смешение с инородной кровью. Оно приводит к постоянному нарастанию внутренних противоречий. Такое отсутствие национального единства превращает этот народ в легкую добычу другого, сохранившего в себе жизнеспособность, народа.

Кровное самосознание евреев

По сей день, евреи избегают полного смешения с приютившими их народами, гарантируя себе, таким образом, поддержание своего кровного самосознания на должном уровне. Показательно, в этом смысле, высказывание

английского еврея Дизраэли: «Всякая раса, беззаботно перемешивающая свою кровь с чужой, обречена погибнуть».

Нордическая раса есть носительница качеств и основа немецкого человека. Высший закон природы гласит: Отдельное живое существо есть не цель, а средство жизни.

Наш немецкий народ – это не просто арифметическая сумма 85 миллионов человек, а большое национальное единство, единая общность, в которой преобладает нордическая наследственность. И наследственность эта проявляется не только в форме внешнего облика, но находит свое воплощение, прежде всего, в соборной душе расы.

Внешние признаки принадлежности к нордической расе у отдельного человека являются желательными, но – необязательными. Главное, чтобы этой расе соответствовали свойства его души и характера.

Нордическая раса есть раса немецкого народа. Она накладывает свой отпечаток на нашу сущность, определяет образ наших мыслей, действий и чувств.

Раса твоих предков – вот то, что крепче всего на свете связывает твою личную судьбу с судьбой этой великой кровной общности, что зовется твоим народом.

Воин и раса

Формирование образов и воин

Каждая раса создает свои образы. У каждой есть совершенно определенные, явные задатки, которые способствуют ее особым успехам в тех или иных областях деятельности. На основании этого и формируются модели поведения в массовом сознании целых народов. Причем, самым ярким примером обобщений такого рода являются те представители народа, которые, по долгу службы, носят оружие.

У каждого народа сформировался свой образ солдата.

Внутренняя сила и выдержка человека, его готовность атаковать или защищаться и приносить жертвы, его наследственные расовые черты – все вместе это складывается в образ воина.

Немецкий солдат воспитан в прусских традициях, которые по своей строгости и требовательности, по своему культу преданности командирам и неукоснительному соблюдению долга чести являются истинно нордическими. Кроме того, в немецком национальном характере заложена и такая черта, как стремление к проявлению личной инициативы, что не раз выручало немецкого солдата в тех ситуациях, когда он мог рассчитывать только на самого себя.

Даже сражаясь в одиночку, немецкий солдат остается непревзойденным бойцом. Воинское же подразделение, ведомое несгибаемой железной волей и полководческим талантом нордического стиля, способно буквально творить чудеса храбрости. Атакующий указанную ему цель или выполняющий иное задание, немецкий солдат перейдет к обороне, только получив соответствующий приказ.

Немецкая форма борьбы – атака. Совершенно иначе ведут себя, например, французы. Они сражаются тем лучше, чем их больше. Среди них редко можно встретить хорошего единоборца. Самой подходящей для них формой боя является глухая оборона, когда можно чувствовать себя в относительной «безопасности».

IV. Отбор и культивирование

«Когда нет уже больше сил бороться за свое собственное здоровье, заканчивается и право на жизнь в этом суровом мире борьбы».

(Адольф Гитлер «Моя борьба»)

Умной можно назвать лишь такую государственную власть, которая проводит сознательную демографическую политику и заботится о чистоте расы. Главной задачей такой власти является осуществление мероприятий, гарантирующих как воспроизводство народа, так и культивирование в нем расовых признаков.

Влияние отбора

Изменения наследственности и окружающий мир непременно создали бы за определенный период времени множество новых рас, или подвидов, если бы не один очень мощный сдерживающий фактор. Процесс распада на бесчисленные расы самой природой ограничен рамками отбора. В естественной среде обитания гибнут все живые существа, не способствующие сохранению своей породы (расы), в то время, как носители благоприятных задатков, наоборот, остаются в живых.

Пример: среди млекопитающих и птиц полярных областей дольше живут те формы, у которых белая окраска и длинная шерсть (перья). Они почти всегда переживают своих темнее окрашенных собратьев по виду. А все потому, что первые, благодаря своей покровительственной окраске, лучше защищены от врагов, чем вторые. *Отбор поддерживает расу на первоначальной высоте.*

В тех же случаях, когда результатом изменения наследственности становится приобретение отдельными живыми существами дополнительных благоприятных качеств, такие организмы оказываются в более выгодном положении, чем их, не претерпевшие никаких изменений, товарищи по породе. Они становятся более совершенными и постепенно вытесняют особей, остановившихся на прежней ступени развития. *Влияние отбора способствует прогрессу развития.*

Племенное развитие всех живых существ происходит в природе единственно и только благодаря изменению наследственности и отбору. Для человека дальнейшая возможность возникновения новых рас путем новообразований крайне мала. Смерть отдельного существа является не сутью отбора, а его средством. Суть же заключается в том, чтобы воспрепятствовать дальнейшей передаче наследственности от определенной особи. Тогда, в следующих поколениях эта наследственность будет представлена во все более уменьшающейся степени.

Причем, совершенно все равно, достигается ли искоренение такой наследственности посредством стерилизации или воздержания, смерти или чего-нибудь еще. С точки зрения биологии самым важным отбором является плодовитость.

Не имеющий детей человек остается вне пределов важнейшей области жизни расы, поскольку одна лишь плодовитость определяет дальнейший состав наследственности расы.

«Не общественные, социальные и экономические успехи решают исход борьбы за существование отдельных групп людей. Окончательная победа остается за теми, у кого больше детей. Борьба за существование есть борьба за большее количество детей, за уровень рождаемости». (Сименс)

Супружеский выбор

Выбор расово полноценной жены еще не означает улучшения расы. Для того, чтобы это произошло, нужен не только расово правильный супружеский выбор, но и рождение в этом браке детей, число которых должно быть больше среднестатистического. Потому, что народный организм не получит никакой пользы от дальнейшего естественного поступления в него плохой наследственности, если при этом не происходит параллельного приумножения и распространения в нем хороших задатков (генов).

Выбор расово полноценного мужа, который, почему-либо, не желает иметь детей, не только не улучшит расы, но даже ухудшит ее, поскольку хорошая наследственность этого человека будет, таким образом, потеряна для наследственности будущих поколений.

Победа плодовитости и быстрой смены поколений

Поистине огромно значение среднестатистической плодовитости для состояния любой расы. Когда две расы живут рядом или, вообще, вместе и имеют при этом неодинаковый прирост своей численности, раса с меньшим приростом уже через считанные поколения обречена на гибель, которая будет ускорена присутствием более плодovитой расы.

Даже небольшой разницы уровней средней плодовитости достаточно, чтобы через некоторое время привести одну из рас к катастрофе, а другую – к победе.

Нельзя недооценивать также роль возраста вступления в брак, поскольку возрастной аспект оказывает большое влияние на репродуктивную способность. Омоложение населения, т. е. быстрая смена поколений, является весьма существенным фактором изменения состава народа. Сравнительные результаты вступления в брак преимущественно в раннем или, наоборот, более позднем возрасте становятся видны уже очень скоро. Опыт показывает, что ранний брак приносит больше детей, чем поздний.

Так, на 3 поколения 4-хдетных семей за 100 лет приходится 64 потомка, а на 4 поколения 4-хдетных семей за 100 лет приходится 256 потомков.

Красноречивым подтверждением необходимости значительного увеличения рождаемости у расово полноценных людей служит ситуация, в которой оказался наш народ после мировой войны.

Достаточно сказать, что в послевоенной Германии на каждую семью из криминальной среды приходилось фактически вдвое больше детей, чем на каждую приличную семью. Другой пример до сих пор актуален для многих неевропейских областей: в одной из областей, населенных белыми и неграми, их соотношение было 1:1. Динамика изменения демографической ситуации в пользу негров может быть показана на примере Южноафриканского Союза:

на 100 негров приходится 5 детей;

на 100 белых приходится 2,6 детей.

При таком развитии демографической ситуации:

через 100 лет на 1 белого приходится уже 16 негров;

через 300 лет на 1 белого приходится целых 4096 негров.

Крах Франции – результат расового разложения

В самой Европе та же проблема все резче выступает на передний план. Руководство все более слабеющей в расовом отношении Франции оказалось настолько глупым и безответственным, что не придумало ничего лучшего, кроме как уравнивать в гражданских правах «черных» и коренное белое население. Десятки тысяч представителей черной расы получили, наконец-то, возможность беспрепятственно заниматься загрязнением чужой крови. Фюрер давно предупреждал об опасности «создания африканского государства на территории Европы». Он говорил: «То, что Франция вытворяет сегодня в Европе, является тягчайшим преступлением против белого человечества».

Только победа нашего оружия дала нам теперь возможность исправить чужие ошибки также и на этой территории, поскольку наша задача – обеспечить всей Европе расовое будущее, достойное ее великой истории. Две части населения находятся сегодня в численном соотношении 50:50 %. Предположим, что первая группа обновляется рождением детей через 33 года, а вторая – через 25 лет. Это могло бы привести к тому, что через 300 лет вторая группа составила бы за счет своей более высокой интенсивности смены поколений уже от 90 до 100 % от общей численности населения. Если внутри какого-либо народа существуют две группы, характеризующиеся разными уровнями плодовитости, а у более плодovитой группы еще и преобладает нездоровая наследственность, то складывается следующая ситуация.

Хотя обе группы имели вначале одинаковую численность, но группа с криминальной, неполноценной наследственностью была при этом вдвое плодovитее, закончится это тем, что уже через 100 лет 90 % населения будет составлять самый настоящий сброд.

Для того, чтобы в народе сохранились ценные задатки, носители таких задатков должны быть, как минимум, столь же плодovиты, как и носители менее качественных задатков. Причем, это требование предполагает одинаковую

численность представителей той и другой групп носителей наследственных задатков. На практике же, носители ценной наследственности почти всегда бывают в меньшинстве. Таким образом, необходим мощный подъем их плодовитости, с тем, чтобы народ не пришел в упадок. Любой отбор, которому подвергается народ, влечет за собой длительный и неоспоримый успех, либо – такую же неудачу.

Успехи в деле разведения растений и животных достигаются только в результате правильного отбора и приумножения числа носителей лучших наследственных свойств. Зная это, можно также понять, в чем была главная причина гибели культурных народов древности. Она заключается в том, что эти народы постепенно лишились всех носителей своей здоровой наследственности, всех носителей своей культуры, всех своих творческих личностей. Неполноценные одержали над этими людьми величайшую из возможных побед – задавили их уровнем рождаемости.

В эпоху Персидских войн, в 500 году до нашего летоисчисления, Спарта могла выставить 8000 боеспособных мужчин. А в 244 году до нашего летоисчисления – всего лишь 700.

Гибель Спарты и распад древнего Рима были ничем иным, как окончательным проигрышем в уровне рождаемости детей со здоровой наследственностью.

Об инцесте

Инцестом называется получение потомства от родителей, состоящих друг с другом в кровном родстве.

При разведении животных часто используются именно родственные формы для достижения определенного результата. Проблема наследственности полученных таким образом животных изучена уже в достаточной степени.

О свойствах наследственности людей известно, в общем, не так много, чтобы можно было уверенно прогнозировать все последствия заключения родственного брака.

Инцест и потомство

Если состоящие в кровном родстве партнеры неотягощены наследственными заболеваниями, то такой инцест не влечет за собой никаких негативных последствий биологического характера. Однако у подавляющего большинства детей родителей-родственников все-таки наблюдаются различные отклонения от нормы. Этот факт можно объяснить только тем, что в подобных случаях имеет место роковое совпадение одинаковых болезненных задатков обоих родителей. Оставшиеся до поры скрытыми, эти задатки настолько усиливаются от слияния с себе подобными, что заложенная в них болезнь проявляется у потомства уже в открытой форме. В этом нет, конечно, особой опасности для расы в целом. Более того, негативные последствия такого рода могут, до известной степени, оказаться даже полезны, так как они выявляют не обнаруженные ранее дурные задатки. Что, в свою очередь, позволит оградить всю расу от дальнейшего распространения в ее организме хотя бы этой части недоброкачественной наследственности. Сохраняется также вероятность сочетания при инцесте и благоприятных задатков. Тогда потомство демонстрирует положительные качества в превосходной степени. Здесь следует подчеркнуть необходимость уважительного отношения к нормам традиционной морали. Итак:

Инцест удваивает как хорошее, так и плохое!

Отрицательный отбор и вырождение

Вырождение расы или уход с исторической сцены целого народа происходят из-за всеобъемлющего прогрессирующего ухудшения их наследственности. Если ставится задача воспрепятствовать подобному развитию событий, тогда необходимо начать с выяснения причин упадка. Успешная борьба против того или иного явления зиждется только на ясном понимании причин его возникновения.

Причины вырождения

Установленным фактом является то, что почти все культурные народы, а особенно нордическо-германские, служат на сегодняшний день ярким примером отрицательного отбора в области плодovitости. То есть:

Плодовитость у наследственно одаренных ниже, чем у наследственно неполноценных.

Опыт учит нас, что наследственными душевными заболеваниями чаще страдают именно наследственно неполноценные. Постоянно сохраняющаяся неравномерность прироста численности одаренных и неполноценных ведет к сокращению выдающихся наследственных задатков в народе и, как следствие, означает его культурную деградацию.

Раньше господствовала в корне неверная точка зрения, согласно которой, высокая одаренность могла быть свойственна только представителям определенных «слоев» населения.

«Дарование не является монополией какого-либо одного класса общества».
(Сименс)

Поэтому, в национальном социалистическом государстве человек ценится не за наличие у него неизвестно как приобретенного «капитальца» или его принадлежность к определенному «классу общества», а за его способности и достижения, трудолюбие и манеру поведения. Именно по такому принципу оказывается государственная поддержка и формируется подлинная элита нации. Живое подтверждение этому – наша система национально-политических воспитательных учреждений, школ Адольфа Гитлера, учебных заведений Лангемарка и Орденских Замков. Здесь воспитываются и обучаются будущие руководители немецкого народа во всех областях деятельности.

Недостаточной плодovitости нордических народов противопоставляется весьма активный прирост численности прежде всего тех европейских народов, которые отмечены азиатским влиянием.

В 1933 году естественный прирост населения Германии в расчете на 66 миллионов жителей составил 233.297.

В 1933 году естественный прирост населения Польши в расчете на 32 миллиона жителей составил 402.465.

Над Европой нависла реальная угроза утраты ею своей расовой сути. Мы обязаны спасти ее, пока еще не поздно!

Война и отрицательный отбор

Всякая война представляет собой ничто иное, как отрицательный отбор в чистом виде. Ведь именно сильнейшие и способнейшие остаются навеки лежать на полях сражений. Германия потеряла в мировой войне 2 миллиона лучших своих сыновей. 0,75 миллиона человек умерло в Германии от голода в результате вражеской блокады. С 1914 по 1918 год погибло 40 % всего офицерского состава действующей армии. При этом следует помнить, что немецкий офицерский корпус являлся вершиной отбора людей нордического типа. Из числа студентов, ушедших на фронт, свыше половины никогда уже не вернулись домой.

Огромны были также потери среди летчиков – ценнейшего человеческого фонда нации. Это же относится и к летчикам противостоявших нам государств. Они тоже, в большинстве своем, принадлежали к нордической расе, тоже рисковали больше других и, соответственно, несли самые высокие потери. **Война, уничтожая носителей лучшей наследственности, сохраняет жизнь неполноценным.**

Ко всему прочему добавляются и отдаленные последствия, вызванные катастрофическим падением рождаемости. Германии мировая война стоила 3,5 миллионов нерожденных детей. Только здоровый, обладающий несгибаемой волей к жизни народ способен выстоять в такой кровопролитной борьбе. Вот, что сказал фюрер о войне и о преодолении ее демографических последствий: *«Благоприятный исход теперешней войны поставит, тем не менее, перед рейхом ряд задач, которые могут быть успешно решены только за счет существенного прироста численности населения рейха.*

Это необходимо для того, чтобы с помощью увеличения рождаемости залечить раны, нанесенные народному организму войной».

Из приказа рейхсфюрера СС от 28 октября 1939 года: *«Иная военная победа оборачивается для народа сокрушительным поражением, так как она обескровливает его и лишает жизненных сил. Неизбежная, к сожалению, смерть лучших людей на поле брани оказывается, сама по себе, еще не самым печальным итогом. Много хуже то, что уже не будет тех детей, которые должны были бы родиться, если бы война не разлучила с домом очень многих, кого – на время, а кого – навсегда».*

Борьба против неполноценной наследственности – Государственные мероприятия.

Фюрер говорит в «Моей борьбе»: «Тот, кто нездоров и ущербен физически и душевно, не имеет права увековечивать свое страдание в своих детях».

Превыше наших личных мотивов поведения стоят интересы нашей народной общности. Ненормальным является такое положение вещей, при котором, соотношение между трудоспособными и иждивенцами в каком-либо государстве принимает нездоровые формы. Деятельная, трудящаяся часть населения вынуждена работать ради продления пожизненных мучений генетических калек и наследственно неизлечимо больных. Вот официальные данные по службе социального обеспечения одного из городов Германии за 1932 год:

– на одного социального пенсионера ежегодно приходится – 244 RM;

– на одного получающего пособие по безработице – 500 RM;

– на одного душевнобольного, идиота, инвалида детства – 1944 RM.

Есть среди сумасшедших такие, которые обходятся государству во многие десятки тысяч марок. В 1926 году в Германии зафиксировано 570 убийств, 810 разбоев, 6800 случаев

насилия и разврата. Преступники отнимают жизни, причиняют своим жертвам порой непоправимый моральный и материальный вред. Многомиллионные убытки несет и государство. Между тем, всего этого можно было бы избежать. Оградить общество следует именно от таких субъектов, а высвободившиеся при этом средства – расходовать во благо нормальных людей.

Обязанности государства

Государство существует исключительно для того, чтобы служить сохранению и процветанию здорового народного организма в целом, и носителей лучших наследственных качеств определяющей его расы в частности. Первейшая обязанность государства – не допускать сохранения неполноценной наследственности за счет ослабления наследственности полноценной, так как это угрожает будущему народа.

Тот, кто, будучи осведомлен о своей нездоровой наследственности, все-таки стремится произвести на свет свое, вполне могущее оказаться недееспособным, потомство, тот совершает тягчайшее преступление как перед своими детьми, так и перед самой жизнью.

Он грешит против своего народа и своей расы.

Там, где чувство ответственности перед народной общностью отсутствует, государство обязано должным образом вмешаться в это мнимое «право» личности.

Тот, кто не желает добровольно придерживаться норм нравственного порядка, теряет право на неприкосновенность своей личности.

Истинное право человека, наследственные недуги которого неминуемо превратят его жизнь в обузу для окружающих и в постоянную муку для него самого, состоит в том, чтобы не родиться. Любой естественный народ, едва распознав неполноценных в своей среде, сразу же исключает их из нее. Извращенно же толкуемая «любовь к ближнему», которая, тем не менее, усиленно навязывается так называемым

«культурным народам» прежде всего церковными кругами, весьма способствует как раз обратному процессу – отрицательному отбору.

Некоторые деятели церкви вступают в конфликт с природой и разумом.

Существует церковная точка зрения, будто всякое, пусть даже и разумное, вмешательство в любое, сложившееся на данный момент, положение вещей есть нарушение божественного миропорядка. Более чем удивительно, в таком случае, почему с этих же позиций не выступают против забоя скота или, скажем, врачебной деятельности. Согласитесь, нельзя же всерьез утверждать, что Богу угодны все те жуткие реалии неполноценной наследственности, о которых говорилось выше. Далее пришлось бы, вероятно, признать неправомерным лишение убийц и прочих преступников свободы, предоставив, таким образом, всех остальных, нормальных людей в полное распоряжение этих негодяев. Познание законов природы, однако, расставляет все по своим местам: жизнь нашего народа и сохранение чистоты его крови много важнее поддержания любой ценой существования неполноценных индивидуумов с сильно отягощенной наследственностью. Масштаб заботы о своем личном «Я» не должен перекрывать собой масштаба заботы о благе всего своего народного целого.

Жизненный опыт выявил также следующий примечательный факт: Большая часть наследственно больных не испытывает ни малейшего чувства ответственности перед своим потомством. Никакого благоразумия в этом вопросе с их стороны ожидать, в общем-то, не приходится.

Судите сами.

В 1877 году в психиатрических клиниках Германии содержалось 40 375 пациентов; в 1926 году их стало уже 252 793 (!). Еще красноречивее тот же показатель в США – за период с 1904 по 1929 год количество душевнобольных увеличилось там более чем вдвое.

Национальный социализм намерен остановить эту лавину безумия. Позиция фюрера видна из его слов: *«То требование, чтобы дефективные люди не могли более производить на свет столь же дефективных людей, есть требование ясного разума и является, при планомерном его осуществлении, гуманнейшим поступком человечества. Это избавит миллионы несчастных от незаслуженных ими страданий, а в результате приведет к общему оздоровлению жизни».*

Немецкое правительство приняло 14 июля 1933 года «Закон о предотвращении появления наследственно больного потомства». Закон гласит:

1. Наследственно больные, в отношении которых дано медицинское заключение о высокой степени вероятности наличия у их потенциального потомства физических или душевных наследственных повреждений, могут быть подвергнуты хирургическому обеспложиванию (стерилизации).

2. Согласно закону, наследственно больным считается тот, кто страдает одним из следующих заболеваний: врожденное слабоумие, шизофрения (нарушение связности психических процессов): душевное заболевание, характеризующееся полным распадом личности, притуплением чувств, отрешенностью от внешнего мира, циркулирующее помешательство: душевное заболевание, характеризующееся чередованием периодов крайней возбужденности и глубокой депрессии, наследственная падучая (эпилепсия), наследственные судороги, наследственная слепота, наследственная глухота, тяжкие физические уродства.

3. В дальнейшем стерилизации могут быть подвергнуты лица, страдающие тяжелой формой алкоголизма.

Окончательное решение о применении стерилизации выносится комиссией по охране наследственного здоровья.

Приведем всего лишь один из бесчисленного множества примеров, способствующих правильному пониманию того, насколько, в данных конкретных условиях, необходимы эти меры (по А. Дрекслеру, «Время действия: за несколько лет до прихода к власти»).

«Семья одного вспомогательного стрелочника. Отец сильно пил и умер от туберкулеза. Мать распутна, невыносившая. Есть два сына и две дочери. 26-летняя Елена больна сифилисом. У нее двое детей, один – в настоящее время в больнице, другой – на финансируемом из городской казны частном попечении. 24-летний Альфред, будучи инфицирован сифилисом, заразил также свою невесту, родившую ему затем четырех детей. 18-летняя Мелани, равно как и ее брат Курт, тоже не избежали этого заболевания. В лице Альфреда человечество получило достойное наказание за свою беспечность. Сам Альфред – малорослый, хилый паренек, что не мешает ему, однако, быть жестоким и агрессивным. Работать он упорно не желает, предпочитая заниматься развратом. Живет исключительно на средства различных общественных благотворительных организаций и больничных касс. Опасен для окружающих не столько из-за своего туберкулеза, сколько из-за своего сифилиса. Нашел себе такую же подружку – и та существовала за счет благотворительности. Вот уже 6 лет, как они регулярно, рука об руку, ходят за пособием к одному и тому же окошечку. И каждый год сумма пособия увеличивается, поскольку увеличивается их семья. У них уже четверо детей – все заражены сифилисом и туберкулезом».

Относительно стерилизации следует еще заметить, что она, лишая репродуктивной способности, не препятствует, тем не менее, ведению нормальной человеческой жизни в полном ее объеме.

Этим законодательным актом положено необходимое начало процессу очищения народного организма. Результаты действия этого закона будут ощутимы уже в следующем поколении. То, что национальное социалистическое государство с железной решимостью преградило путь ненормальному развитию ситуации с наследственностью, является событием, значение которого невозможно переоценить.

Известно, что потомство тех, кто систематически попирает нормы традиционной морали, также оказывается отягощенным тяжелой наследственностью. Решить эту проблему

призван закон от 24 ноября 1933 года. Этот второй закон называется: «Закон против опасных нарушителей норм традиционной морали, и о мерах по сохранению и улучшению». На основании данного закона народный организм избавляется от несомненно антиобщественных элементов.

Однако самым эффективным законодательным актом в этой области следует признать «Нюрнбергские законы» от 15 сентября 1935 года. Это – «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести». Этот закон на все времена гарантирует немецкому народу защиту от смешения с чужеродной кровью. Кроме того, он четко формулирует, кто может стать гражданином рейха. Этот закон – неодолимая преграда для зашедшего и так уже слишком далеко расового разложения немецкого народа.

Далее назовем «Закон о защите наследственного здоровья немецкого народа» (закон о здоровом браке) от 18 октября 1935 года. Он запрещает заключение браков между больными людьми и препятствует, таким образом, переносу неполноценной наследственности на потомство.

Мероприятия других государств

Совершенно естественно, что национальная социалистическая Германия подвергается постоянным нападкам со стороны руководимых евреями, а потому враждебно настроенных по отношению к нам иностранных государств. А ведь наш рейх – отнюдь не единственное место в мире, где проводятся подобные мероприятия. Так, например, во многих штатах США на протяжении вот уже нескольких десятилетий принимаются законодательные акты, направленные на обуздание дальнейшего прироста неполноценной наследственности. Только в 1926 году подобные ограничения были закреплены в законодательствах некоторых штатов США, в 1929 году – в законодательствах Дании и отдельных частей Швейцарии. В Калифорнии за последние 20 лет было стерилизовано около 9000 человек.

Демографическое развитие Германии

Период непродолжительного повышения уровня рождаемости в десятилетие после войны 1870/71 годов сменился на рубеже веков периодом все более и более стремительного его падения.

Причины спада рождаемости

Они связаны, прежде всего, с душевным настроем (ценностной ориентацией). Спад рождаемости начался, главным образом, внутри состоятельных кругов, представители которых жертвовали рождением соответствующего количества детей, ради повышения комфортности своего существования и погони за удовольствиями. Впоследствии дурной пример был воспринят широкими массами. Теперь же ситуация будет в корне изменена, так, чтобы более обеспеченные семьи имели и больше детей.

Динамика рождаемости

После войны 1870/71 годов в Германии ежегодно приходилось 40 рождений на 1000 жителей. На рубеже веков этот показатель составил уже 35 рождений на 1000 жителей. К началу мировой войны стало, примерно, 27 рождений на 1000 жителей. Своей самой нижней точки падение рождаемости достигло во время мировой войны, когда ежегодно приходилось 14 рождений на 1000 жителей. Еще более ужасающая картина спада рождаемости вырисовывается из следующих данных: в 1870 году при 42 млн. жителей было около 2 млн. рождений, в 1933 году при 65 млн. жителей было около 0,9 млн. рождений.

Новый подъем

Громадный перелом в развитии этой ситуации произошел благодаря изменившемуся, ставшему вновь возвышенным, душевному настрою, который обрел наш народ после прихода к власти национального социализма. (см. иллюстрацию 5) Соотношение стало таким:

– 1933... 14,7 рождений на 1000 жителей;

- 1935... 19,9 рождений на 1000 жителей;
- 1938... 19,7 рождений на 1000 жителей;
- 1939... 20,8 рождений на 1000 жителей.

Столь отрадная перемена, однако, еще ни в коем случае не означает устранения опасности, нависшей над будущим нашего народа. Приведенные выше цифры, все-таки, не обеспечивают необходимого прироста.

Для того, чтобы получить точное представление о демографическом развитии, следует, помимо динамики рождаемости, учитывать также и уровень смертности.

Уменьшение смертности вводит в заблуждение

Вопреки постоянному снижению уровня рождаемости, с 1870 года отмечается численный рост населения Германии. Как же так получается? Ответом на этот вопрос служит постоянно убывающее число смертей.

В 1870 году из 1000 жителей умерло примерно 28, в 1900 году из 1000 жителей умерло примерно 23, в 1927 году из 1000 жителей умерло примерно 12, в 1932 году из 1000 жителей умерло примерно 11.

Улучшение условий жизни, соблюдение норм гигиены и, в особенности, достижения современной медицины – все это значительно уменьшило смертность немецкого народа и увеличило, по сравнению с предшествующим периодом, продолжительность жизни.

В конечном итоге, эти обстоятельства и сформировали совершенно неверное представление о сущности прироста населения Германии. Истинной его причиной все последние десятилетия является увеличение средней продолжительности жизни.

Здоровый прирост народа может быть обусловлен отнюдь не увеличением продолжительности жизни, а только лишь постоянным преобладанием рождаемости над смертностью.

Заключение браков

Количество заключаемых браков, хотя и медленно, но, все же, шло по возрастающей, за исключением периода естественного его снижения во время мировой войны. С победой национального социалистического мировоззрения этот процесс пошел вверх с невиданной прежде стремительностью. Одни только мероприятия в социальной сфере новой Германии заложили надежную основу для создания максимального количества семей.

В 1932 году на 1000 жителей приходилось 7,9 браков, в 1934 году на 1000 жителей приходилось 11,2 браков.

Не будем, однако, забывать, что не число заключенных браков служит критерием того, происходит ли воспроизводство народа, а также его приумножение. Таковым может считаться лишь плодовитость брака.

В 1894 году на один брак приходилось, в среднем, 4,1 детей, в 1914 году – 3,6 детей, в 1926 году – 2,2 детей, в 1930 году – 1,7 детей.

Для обеспечения воспроизводства своего народа в каждом браке должно быть не менее четырех детей.

Слова фюрера: *«Брак не может быть самоцелью, напротив, он призван служить более высокой цели – приумножению и сохранению нации и расы».* *«Государство обязано заботиться о том, чтобы плодовитость здоровых женщин не была ничем ограничена ...»* Заблуждением является мнение, что простое воспроизводство народа может быть обеспечено наличием всего лишь двух детей в каждом браке. Достоверная картина реальной ситуации возникает только при учете также и детской смертности. Кроме того, не надо забывать, что многие браки остаются вообще бездетными, а некоторая часть населения (та, чья наследственность неполноценна) исключается из процесса передачи наследственности согласно закону о предотвращении появления наследственно больного потомства и вследствие ряда других мероприятий (брачный совет). Таким образом, чисто арифметический подсчет подтверждает необходимость рождения в каждом,

способном к деторождению, браке более, чем трех детей. (по Бургдерферу).

Существуют три основные формы возрастной структуры народа:

1. Здоровый, растущий народ:

Форма возрастной структуры этого народа такова, что каждая более молодая возрастная группа представлена здесь в большей степени, чем предыдущая. Если последовательно изобразить каждую из возрастных групп в виде пропорционально изменяющихся слоев, то здоровый народ всегда будет выглядеть как пирамида с широким основанием и острой вершиной.

2. Застойный народ:

Если уровень рождаемости народа больше уже почти не повышается, то возрастные группы до 45 лет включительно представлены здесь примерно одинаково. Диаграмма возрастной структуры такого народа напоминает очертания колокола.

3. Уменьшающийся народ:

Диаграмма возрастной структуры такого народа похожа на погребальную урну. Рождаемость снижается год от года, численное преобладание пожилых людей становится все сильнее и сильнее (по Бургдерферу).

Опасность старения народа

Вплоть до нашего прихода к власти, возрастная структура нашего народа однозначно свидетельствовала о падении рождаемости и о все большем удельном весе старших поколений.

Если народ не омолаживается, наступает его старение. Он превращается в старый народ. Трудоспособный слой истончается, число неработоспособных иждивенцев растет. Нагрузка на общество все увеличивается.

В 1930 году на 100 трудоспособных (в возрасте от 15 до 65 лет) приходилось 9 нуждающихся в поддержке, которым было свыше 65 лет.

Не произойди, начиная с 1933 года, благоприятные перемены, то в 1980 году на каждые 25 нуждающихся в поддержке оказалось бы всего лишь 100 трудоспособных, которые должны их содержать.

При дальнейшей реализации тех принципов, на которых строилась демографическая политика до 1933 года, сложилась бы следующая картина.

В 1910 году в Германии было 5 миллионов в возрасте старше 60 лет, а в 1990 году стало бы 11 миллионов в возрасте старше 65 лет, зато тех, кто должен обеспечивать их существование, оказалось бы явно недостаточно.

Столь высокое развитие экономики нашего рейха, какое мы имеем на сегодняшний день, в значительной степени достигнуто благодаря пока еще достаточному пополнению работоспособных возрастных групп.

У нас еще есть время спасти наш рейх от биологической и расовой смерти, если только мы будем стремиться к тому, чтобы немецкий народ «всего за несколько лет стал народом с максимальным количеством молодежи» (Астель).

Снижение рождаемости и потеря талантов

На примере многих великих людей Германии мы видим, что они отнюдь не были первенцами в тех многодетных семьях, где родились:

- Шиллер, Бетховен были 2-м ребенком;
- Дюрер, Роберт Кох, Людендорф были 3-м ребенком;
- Фридрих Великий, Кант, Бисмарк, Белке были 4-м ребенком;
- Клейст, Рембрандт, Фрайхер фон Штайн были 5-м ребенком;
- Моцарт, Блюхер были 7-м ребенком;
- Принц Евгений, И. С. Бах, Вединген были 8-м ребенком;
- Вагнер, Сименс были 9-м ребенком;
- Гендель был 10-м ребенком;
- Шуберт был 13-м ребенком.

Опасности миграции из сельской местности – бесплодный большой город.

Миграция из сельской местности означает смерть народа

В течение нескольких последних десятилетий массовое переселение в города принимало все более значительные масштабы. Рука об руку с этим процессом шло падение рождаемости. Прогрессирующая индустриализация жадно вычерпывала из деревень бесценный человеческий материал.

В 1930 году на 1000 сельских жителей приходилось 21 рождение, в том же году на 1000 горожан приходилось всего 13 рождений. Большой город – малое число новорожденных.

Большие города – кладбища нации!

Большой город – как бездонная бочка В Берлине в 1927 году на 1000 жителей было 9,9 рождений.

В Берлине в 1931 году на 1000 жителей было 8,7 рождений.

В Вене в 1930 году на 1000 жителей было 10,0 рождений.

Если бы, в подобных условиях, Берлин оказался предоставленным самому себе и более не снабжался бы постоянным притоком населения из сельской местности, то к 2050 году (при той демографической политике, которая проводилась до нашего прихода к власти) в Берлине осталось бы около 100 000 жителей (в 1937 году их насчитывалось 4 250 000), а сам он пришел бы в запустение и упадок. Особенно остро стоит проблема миграции из деревень на востоке страны. Ведь только немецкое крестьянство образует там естественную защитную преграду на пути проникновения восточных народов.

Политика большого пространства – раса – плодovitость

Численность нашего народа не успевает расти достаточно быстро.

Множество примеров из истории свидетельствует о том, что народ способен проводить политику большого пространства только тогда, когда он обладает достаточным для этого количеством людей. Чем больше покоренное пространство, тем сильнее потребность в людях для защиты этого пространства (солдаты), для обеспечения продовольствием (крестьяне) и для производства промышленной продукции (рабочие). Все те народы, которые, по каким-либо внутренним причинам, оказывались более не в состоянии подкреплять усиление своего влияния соответствующим увеличением своей численности, были постепенно уничтожены.

А теперь посмотрим, какова сравнительная плодovitость европейских народов:

- в 1936/37 в Германии на 1000 жителей было 19,4 рождений,
- в Швеции – 14,2, в Норвегии – 15,1, в Англии – 15,5;
- зато: в Польше (бывш.) – 26,2, в Румынии – 31,5, в Украине – 34,0.

Опасность, исходящая от восточных соседей

Соотношение роста численности германцев, романов и восточных народов:

	Германцы	Романы	Восточные народы
1830	59 млн.	63 млн.	65 млн.
1930	149 млн.	121 млн.	226 млн.

Конкуренция, связанная с увеличением численности других народов.

Русский народ ежегодно увеличивается примерно на 3 миллиона человек. В азиатском регионе Япония удвоила за последние 70 лет свое население. Ежегодный прирост составляет здесь около одного миллиона человек. Такими

же темпами непрерывно растет численность населения Китая и Индии, и это – несмотря на частый голод и эпидемии. Вследствие большей плодовитости других народов, между этими народами и нами возникает жесткая конкуренция.

Если мы сами не позаботимся о соответствующем численном приросте нашего народа и об укреплении его нордической наследственности, то, в таком случае, нордическая кровь будет все настырнее вытесняться кровью восточной.

Прежний уровень рождаемости нордической расы, или, как мы можем с полным правом сказать, германских народов ведет их к исчезновению с лица земли.

Число рождений решает судьбы народов

Полная победа немецкого оружия станет полной только тогда, когда за ней последует победа в повышении уровня рождаемости». «Два вида оружия предоставлены каждому народу для борьбы за существование: обороноспособность народа и его естественная плодовитость. Никогда не забывайте, что одна лишь обороноспособность не сможет обеспечить народу продолжение его жизни также и в отдаленном будущем, поскольку для этого ему необходим воистину неисчерпаемый источник – его плодовитость» (рейхсфюрер СС).

Победа национального социализма

Адольф Гитлер снова вернул немецкий народ на путь, ведущий к жизни. Благодаря прорыву национальной социалистической идеи немцы вновь обрели свою национальную волю. Никогда прежде ни одному человеку не удавалось встретить столь единодушного одобрения.

Борьба против вырождения уже началась. Для нас возможно только победоносное окончание этой войны, поскольку она ведется за сохранение немецкого народа на все времена.

Мероприятия в области демографической политики новой Германии. Поворот

Национальное социалистическое правительство борется против ограничения рождаемости. Целый ряд законодательных актов призван содействовать заключению наибольшего количества браков.

Уже к 1 июня 1933 года был разработан закон о сокращении безработицы и было установлено предоставление брачной ссуды. Оказывается реальная поддержка многодетным семьям. В основу налогового законодательства положены соображения демографической политики. Тоже самое относится и к предоставлению ссуды многодетным семьям (постановление о субсидии на детей от 15 сентября 1935 года). «Закон об упорядочивании права при заключении брака» от 30 апреля 1938 года имеет большое значение с точки зрения демографической политики. Этот закон регулирует возможность расторжения брака при бездетности. Постановлением о субсидии на детей от 9 декабря 1940 года предоставляется право на получение установленной законом субсидии на третьего и каждого последующего ребенка. Возрастное ограничение продолжительности получения субсидии повышено с 16 до 21 года жизни. Субсидия выплачивается независимо от уровня дохода. Дальнейшим мероприятием по поддержке многодетных семей стало создание программы «Мать и дитя» в рамках НСО. Один из главных способов борьбы за сохранение народа заключается в возвращении части горожан в сельскую местность. Создание небольших крестьянских хуторов не только предоставляет желающим свой клочок земли, но и восстанавливает связь с родной землей в самом широком смысле этого слова. Закон рейха о наследуемой крестьянской усадьбе призван сохранить и приумножить здоровое крестьянское сословие. В нем сказано, что только тот, кто достоин уважения и является носителем немецкой крови может считаться крестьянином с наследуемой усадьбой.

V. Идея крови в СС. Охранный отряд как форма отбора людей преимущественно нордического типа

Пункт 1-й приказа рейхсфюрера СС от 31 декабря 1931 года гласит: «СС – это союз немцев нордического типа, отобранных по особым критериям».

Гордость нашей расы

Ядром национализма является идея расы. Наша вера в то, что только кровь и наследственность служат основой прочного и наилучшего успеха, непоколебима. В связи с этим, идея отбора выдвигается нами на передний план. **Образцом для отбора является человек нордическо-германского типа, обладающий здоровой физической и умственно-душевной наследственностью.**

Мы должны быть союзом не только лучших физически, но также и самых верных и обладающих самыми ценными чертами характера. Родовая общность – забота о семье – вопрос о смене. Естественной предпосылкой вечного сохранения расово полноценных служат отношения семьи и рода. Жизнь каждого отдельного человека связывает его с предками и потомками. Через семью и род происходит сплочение людей в народную общность. Человек умирает, повинувшись законам природы. Но, передав свою наследственность потомкам он продолжает оставаться живой частью своей народной общности. Мы глубоко прониклись этой мыслью. Наш народ бессмертен. Наш фюрер говорит о семье: «Разрушение института семьи означает конец любой высокоразвитой человеческой цивилизации ... Семья есть самое малое, но и самое ценное единство в конструкции здания всего государства».

Семья – основа жизни рейха. **Без семьи нет возрождения нации.** Семья порождает новые поколения. Каждый народ обновляется только семьей. Исходя из нашего германско-немецкого мироощущения, мы придаем особое значение идее рода. Ведомые законами самой жизни мы прокладываем дорогу к возрождению нации через немецкую семью.

Семья – частица исполненной великого смысла общности рода, в ней нашел свое общепризнанное воплощение естественный порядок прихода в этот мир новых поколений.

Супружеский выбор.

Обязательства, налагаемые на нас супружеским выбором

Мы знаем: выбор супруги предоставляет нам в жизни единственную реальную возможность улучшить наследственность нашего потомства. Супружеский выбор предков решает, быть ли потомкам здоровыми или больными, одаренными или ни к чему неспособными. Решающее значение при этом ответственном шаге в жизни мужчины должны иметь отнюдь не социальный статус и богатство, а, исключительно, духовное и физическое здоровье. Также, само собой разумеется, что тот, кому достоверно известно о наличии у него нездоровых наследственных задатков (генов), должен отказаться от их дальнейшей передачи.

Фюрер говорит в «Моей борьбе»: *«Не может быть свободы грешить за счет будущего поколения и, таким образом, за счет расы».* (стр. 278) *«Все то, что в этой области сегодня во всех смыслах упущено, будет наверстано народным государством. В центр всей жизни им будет поставлена раса. Оно будет заботиться о сохранении ее чистоты. Ребенок будет объявлен им ценнейшим достоянием народа. Оно должно будет взять на себя заботу о том, чтобы только тот, кто здоров, рождает детей; чтобы позором было только одно: несмотря на свои собственные болезни и собственные дефекты все-таки приносить в мир больных детей...»* (стр. 446).

Точно так же безответственно поступают и те обладатели хорошей наследственности, которые добровольно отказываются от продолжения своего рода, и не передают свою наследственность дальше, сужая, таким образом, поток жизни или, даже, способствуя его иссяканию.

Немецкий жизненный успех

Успех в одной только профессиональной сфере – это вовсе не единственное, что требуется обществу. Столь же важно успешное выполнение человеком своего биологического долга. И то, и другое вместе составляют немецкий жизненный успех. Эсэсовец должен жениться как можно раньше. Матерью его детей должна стать носительница полноценной крови. Лишь в этом случае его семья во всех отношениях обогатит его род и его народ. Имея здравое представление о том, каким должно быть будущее нашего народа, и сознавая, что именно на нас возложена главная ответственность за его формирование, рейхсфюрер СС издал 31 декабря 1931 года указ о помолвке и браке.

Он гласит:

1. СС – это союз немцев нордического типа, отобранных по особым критериям.

2. В соответствии с национальным социалистическим мировоззрением и сознавая, что основой будущего нашего народа является отбор и сохранение расово чистой и наследственно здоровой крови, я ввожу для всех неженатых членов СС, начиная с 1 января 1932 года, процедуру получения официального разрешения на брак.

3. Конечная цель – наследственно здоровый, полноценный род немецкого, нордического типа.

4. Разрешение на брак дается или нет единственно и только по критериям расовой чистоты и наследственного здоровья.

5. Каждый эсэсовец, намеревающийся жениться, должен получить официальное разрешение рейхсфюрера СС на этот брак.

6. Члены СС, проигнорировавшие отказ в официальном разрешении на свой брак, исключаются из рядов СС.

7. Задача надлежащего рассмотрения заявлений о вступлении в брак возложена на Расовое Управление СС.

8. Расовым Управлением СС ведется специальная «Родословная книга СС», в которую заносятся данные о семьях

членов СС, после получения ими официального разрешения на свой брак или после утверждения их заявления о включении сведений о своей семье в эту книгу.

9. Рейхсфюрер СС, руководитель Расового Управления и служащие этого Управления обязуются своей честью не разглашать полученные ими сведения.

10. Для СС является неоспоримой истиной, что с изданием этого указа сделан шаг огромного значения. А потому, мы недосягаемы для насмешек, издевок и непонимания.

Будущее – за нами!

Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер

Из речи рейхсфюрера СС от 1935 года: *«И мы встали в строй и идем, следуя вечным законам, мы – национальный социалистический, воинский орден нордических людей, мы – скрепленная клятвой общность наших родов. Мы идем дорогой, ведущей в далекое будущее, и желаем, и верим, что нам суждено стать не просто внуками, которым удалось большее, а и предками тех грядущих поколений, в которых – вечная жизнь нашего немецкого германского народа»*. Таковы направляющие линии супружеского выбора эсэсовца. Этим закладывается основа того, что Охранный Отряд (СС) внесет главный вклад непосредственно в формирование ведущих родов новых поколений.

Источник жизни – сущность социальной заботы

Демографическая политика, построенная на расовой основе, обеспечивает Германии будущее.

Для успешной реализации этого принципа организацией Охранный Отряд найдено адекватное практическое решение. 12 декабря 1935 года рейхсфюрер СС основал общество «Источник жизни».

«Источник жизни» – воплощение нашей родовой общности. Количество его домов, расположенных в красивейших уголках рейха, постоянно растет. Дома «Источник жизни» предоставляются в распоряжение в с е х расово

и наследственно полноценных немок, готовящихся стать матерью. Здесь они получают всю необходимую им помощь в полном объеме.

Общество «Источник жизни» также оказывает эффективную помощь при разрешении проблем, связанных с рождением внебрачных, вернее добрачных, детей. Даже, если отец ребенка и не принадлежит к Охранному Отряду, всякая наследственно здоровая немецкая мать найдет здесь необходимую душевную заботу и уход именно в самый тяжелый для нее час.

Тем самым Охранный Отряд способствует правильному пониманию немецким обществом тех задач, от решения которых зависит будущее всего немецкого народа.

Закон о заботе о вдовах и сиротах Помощь на деле

Этот закон, изданный 7 ноября 1937 года рейхсфюрером СС, стал следующим шагом на пути воплощения в жизнь нашего понимания родовой общности. И доказываем мы это на деле! Жене и детям нашего умершего товарища по СС пожизненно гарантируется наша защита, наш совет и наша активная помощь.

СС и контуры судьбы нордической расы

История показывает нам, сколь часто в течение тысячелетий происходили взлет и падение цветущих империй и цивилизаций. Своими величайшими достижениями человечество обязано творческой силе нордической расы. Но, как только исчезали носители этой традиции, начинался неизбежный распад. За последние столетия процесс утраты нордической крови принял угрожающие масштабы. Является ли гибель нордической наследственности неотвратимой судьбой? Наш ответ – категорическое НЕТ!

Победа – за нами.

Мы ознакомились с тем, в чем причина угасания нордической крови и обозначили опасности, которые нам сейчас грозят. Национальное социалистическое государство ясно

осознает наличие этих опасностей. Уже разработаны законы, призванные воспрепятствовать дальнейшему распаду. Принят ряд мер, направленных на просвещение, в этом смысле, всего нашего народа. Кроме того, если мы действительно хотим осуществлять руководство на всем германском пространстве, то мы должны соответствующим образом ориентировать в се народы, в которых преобладает германская кровь. Вместо угасания нордической крови – целеустремленное ее возрождение. Биологический здравый смысл требует четкого размежевания рас. Губительные последствия расового смешения нам известны. Крупномасштабная колонизационная деятельность по заселению наших восточных земель нордическими крестьянами позволит нам создать преграду на пути вторжения восточных людей.

Охранный Отряд – на переднем крае борьбы за успешное разрешение всех, в том числе и этих, жизненно важных вопросов. Он выполнит поставленную перед ним задачу в соответствии со своими законами. И тогда здравый смысл и воля к борьбе за спасение и укрепление нордической расы, исходящие от нас, станут общим достоянием всех нордическо-германских людей. Мы знаем дорогу, ведущую к возрождению.

Мы, воины Охранного Отряда, несем ответственность не только перед самими собой, но и, в первую очередь, перед народом и перед грядущими поколениями.

Идея расы – основа нашего мировоззрения. Великой радостью наполняются наши сердца, по мере того, как становится все более очевидным, что наш фюрер уже решил исход и этого сражения. Адольф Гитлер вышел победителем из этой борьбы, потому что он шел не против законов природы, а, наоборот, вернул все на свои законные места. Он преисполнен решимости хранить безусловную верность этим законам. Мы хотим быть причисленными к самым лучшим солдатам фюрера. Ему и нашему народу принадлежит вся наша преданность и верность.

Наша сила и наш дух должны стать объединяющим и организующим началом для нового расового возрождения всех народов Европы, в которых преобладает германская кровь.

Резюме наших требований

1. Береги свое здоровье и будь умерен, прежде всего, в употреблении вредных для здоровья средств психологической разгрузки (алкоголь, никотин), а также занятий сексом, до тех пор, пока не завершится процесс окончательного формирования твоего организма.

2. Вступай в брак как можно раньше. Только тогда ты познаешь со своей женой семейное счастье во всей его полноте.

3. Не женись на женщине чужой расы. Ты в ответе перед твоим народом и твоими потомками за сохранение чистоты твоей крови.

4. Не женись на наследственно нездоровой женщине. Иначе, ты будешь повинен в страданиях твоих собственных детей и внуков.

5. Постарайся выбрать себе совершенно здоровую жену. Верное представление о состоянии здоровья и о качествах твоей будущей супруги ты получишь, познакомившись с представителями ее рода.

6. Твоя жена должна быть, *по крайней мере*, столь же расово полноценной, как и ты сам.

7. Стремись к тому, чтобы ты и твои дети вернулись к земле.

8. Избегай вступления в родственный брак, потому что неблагоприятные наследственные задатки почти всегда остаются скрытыми от тебя, а у твоих детей они разовьются потом с удвоенной силой.

9. Ты должен сохранить свою наследственность для своего народа возможно в большем количестве детей. Ты продолжаешь жить в твоих детях.

Печатается по: «SS-MANN UND BLUTSFRAGE» (Выходные данные аутентичного издания 1940 года) Ответственный издатель: рейхсфюрер СС, Главное Управление СС / Управление образования, Берлин В 35, Лютцовштр. 48/49. – Издание: Эльснердрук Берлин, 1940.

54. Из статьи Йозефа Геббельса о парламентской тактике НСДАП (май 1928 г.)

Йозеф Пауль Геббельс (1897–1945) – доктор филологии. С 1922 г. – член НСДАП. В 1926 г. возглавил нацистскую организацию Берлина. С 1929 г. – руководитель отдела пропаганды НСДАП. В 1933–1945 гг. – министр народного просвещения и пропаганды. Покончил жизнь самоубийством в апреле 1945 г.

Мы станем депутатами, чтобы парализовать веймарский порядок с его же помощью. Когда демократия так глупа, что оказывает себе медвежью услугу и дает нам бесплатный проездной билет и диету, так это ее собственное дело. Для нас каждое законное средство является подходящим, чтобы сегодняшнее положение революционизировать [...].

Мы идем как враги! Как волки, врывающиеся в овечье стадо! (...)

Мы избираемся как противники рейхстага, и будем использовать мандат для выполнения нашего заказа [...].

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 357.

55. Призыв СДПГ к избирателям в связи с президентскими выборами (27 февраля 1932 г.)

13 марта немецкому народу необходимо ответить на вопрос, должен ли Гинденбург остаться или же ему на смену должен прийти Гитлер. Это решение 13 марта. Пути назад нет! Гитлер или Гинденбург? Третьего не дано! Каждый голос

против Гинденбурга – голос за Гитлера. Нанесем удар по Гитлеру! Голосуем за Гинденбурга!

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 358.

56. О политическом кризисе в Германии весной 1932 г. Из дневника Й. Геббельса

Мы станем депутатами, чтобы парализовать веймарский порядок с его же помощью. Когда демократия так глупа, что оказывает себе медвежью услугу и дает нам бесплатный проездной билет и диету, так это ее собственное дело. Для нас каждое законное средство является подходящим, чтобы сегодняшнее положение революционизировать [...].

Мы идем как враги! Как волки, врывающиеся в овчье стадо! (...)

Мы избираемся как противники рейхстага, и будем использовать мандат для выполнения нашего заказа (...).

14.04.1932. После обеда около 5 часов получено сообщение о запрете СА. Это выстрел Тренера [министр рейхсвера]. Нам сообщили, что Шлейхер [генерал, начальник канцелярии министра рейхсвера] этого не одобряет.

28.04.1932. Гитлер встретался с Шлейхером. Беседа была плодотворной.

3.05.1932. [...] По пути купил газеты. Берлинские евреи ругают интриги «офицерской камарильи» против Брюнинга и Тренера.

6.05.1932. Бомба взорвалась. Министр хозяйства [...] подал в отставку. Тренер и Брюнинг зашатались.

8.05.1932. Фюрер имел решающую встречу с Шлейхером; присутствовали некоторые господа из ближайшего окружения президента.

Все идет хорошо [...] Брюнинг должен пасть в ближайшие дни. Президент выразит ему свое недоверие. План

состоит в том, чтобы установить президентский кабинет; рейхстаг будет распущен, все чрезвычайные законы должны быть отменены, мы получим свободу агитации и начнем пропагандистскую кампанию.

12.05.1932. Вечером пришло долгожданное известие: Тренер ушел в отставку.

13.05.1932. Мы получили сообщение от генерала Шлейхера: кризис развивается по плану.

18.05.1932. Брюнинг остро атакован нашей пропагандой [...]. Секретный план против него неуклонно идет дальше. Он уже полностью изолирован.

24.05.1932. [...] Список членов [нового] кабинета установлен: ф. Папен, рейхсканцлер, ф. Нейрат, министр иностранных дел, еще несколько неизвестных фамилий. Для нас главным является то, что рейхстаг будет распущен. Дальнейшее будет видно.

30.05.1932. Бомба взорвалась. В 12 часов Брюнинг объявил президенту об отставке своего кабинета. Система рухнула.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 358-359.

57. Из заявления правления СДПГ о правительстве Франца фон Папена(1 июня 1932 г.)

Франц фон Папен (1879–1969) – германский политик и дипломат, один из видных деятелей католической партии «Центр». В 1921–1932 и 1933–1945 гг. – депутат рейхстага, в 1932 г. – рейхсканцлер, в 1933–1934гг. – вице-канцлер, в 1934–1938 гг. – посол в Австрии, в 1939–1944гг. – в Турции. Предстал перед судом Международного военного Трибунала в Нюрнберге в 1945 г., но был оправдан.

14.04.1932. После обеда около 5 часов получено сообщение о запрете СА. Это выстрел Тренера [министр

рейхсвера]. Нам сообщили, что Шлейхер [генерал, начальник канцелярии министра рейхсвера] этого не одобряет.

28.04.1932. Гитлер встретался с Шлейхером. Беседа была плодотворной.

3.05.1932. [...] По пути купил газеты. Берлинские евреи ругают интриги «офицерской камарильи» против Брюнинга и Тренера.

6.05.1932. Бомба взорвалась. Министр хозяйства [...] подал в отставку. Тренер и Брюнинг зашатались.

8.05.1932. Фюрер имел решающую встречу с Шлейхером; присутствовали некоторые господа из ближайшего окружения президента.

Все идет хорошо [...] Брюнинг должен пасть в ближайшие дни. Президент выразит ему свое недоверие. План состоит в том, чтобы установить президентский кабинет; рейхстаг будет распущен, все чрезвычайные законы должны быть отменены, мы получим свободу агитации и начнем пропагандистскую кампанию.

12.05.1932. Вечером пришло долгожданное известие: Тренер ушел в отставку.

13.05.1932. Мы получили сообщение от генерала Шлейхера: кризис развивается по плану.

18.05.1932. Брюнинг остро атакован нашей пропагандой [...]. Секретный план против него неуклонно идет дальше. Он уже полностью изолирован.

24.05.1932. [...] Список членов [нового] кабинета установлен: ф. Папен, рейхсканцлер, ф. Нейрат, министр иностранных дел, еще несколько неизвестных фамилий. Для нас главным является то, что рейхстаг будет распущен. Дальнейшее будет видно.

30.05.1932. Бомба взорвалась. В 12 часов Брюнинг объявил президенту об отставке своего кабинета. Система рухнула.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 358-359.

58. Из сообщения рейхсканцелярии о встрече президента Пауля фон Гинденбурга с Адольфом Гитлером (13 августа 1932 г.)

Пауль фон Гинденбург (1847–1934) – военный и государственный деятель, участник первой мировой войны, генерал-фельдмаршал, президент Германии в 1925–1934 гг.

Президент Германии фон Гинденбург, в присутствии рейхсканцлера фон Папена, принял во второй половине сегодняшнего дня руководителя НСДАП Адольфа Гитлера. На встрече обсуждался вопрос о политическом положении и о преобразовании правительства.

Президент Германии задал Гитлеру вопрос, готов ли он и другие подходящие кандидаты от НСДАП войти в правительство, руководимое рейхсканцлером фон Папеном. Господин Гитлер ответил отрицательно и потребовал от господина президента передачи ему руководства правительством и всей государственной власти. Господин президент фон Гинденбург очень решительно отклонил это требование [...].

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 360.

59. Рейхсканцлер Франц фон Папен о планах конституционной реформы (12 октября 1932 г.)

Мы хотим создать мощную и надпартийную государственную власть, которая не должна быть игрушкой политических и общественных сил, и которая непоколебимо должна стоять над ними как «бронзовая статуя». Реформа конституции должна обеспечить создание такого полномочного и авторитетного правительства, которое бы действовало в полном согласии с народом [...]. Имперское правительство должно стать независимым от партий. Его прочность не может находиться в зависимости от случайного большинства.

Отношения между правительством и народным представительством должны быть упорядочены таким образом, чтобы правительство, а не парламент обладало государственной властью [...]. Правительство намеревается провести конституционную – реформу в согласии с землями. Исторически сложившаяся государственная система не должна быть насильственно разрушена.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 360-361.

60. О ситуации в нацистской партии осенью 1932 г. Из дневника Й. Геббельса

06.11.1932. Мы потерпели поражение. Главное, что партия остается в наших руках. Организацию нужно укрепить, а дух поднять.

10.11.1932. Снова в Берлине. Сильный поначалу настрой в партии уступил место вялой депрессии. Повсюду проявляются только недовольство, споры и раздоры.

11.11.1932. Принял отчет о состоянии партийной кассы в берлинской организации. Оно неутешительное. Только потери, долги и обязательства, причем решительно невозможно найти большое количество денег после этого поражения.

15.12.1932. Большими усилиями удается удержать штурмовиков и амтсвальтеров (средние и низовые функционеры НСДАП – И.С.) в рамках курса. Нам пора прийти к власти. Но пока перспектив никаких.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 361.

61. Из письма Ф. фон Папена А. Гитлеру (13 ноября 1932 г.)

Благодаря выборам, состоявшимся 6 ноября, возникла новая ситуация. Вновь создана возможность для объединения всех национальных сил. Господин рейхспрезидент поручил мне установить в ходе бесед с руководителями отдельных партий, готовы ли они, и если да, то в какой степени, поддержать намечаемую экономическую и политическую программу имперского правительства [...]. Из прессы мне известно, что Вы поддерживаете требование о передаче Вам поста рейхсканцлера. Я также сознаю, в какой мере продолжают действовать и дальше те причины, которые помешали этому и которые привели к решению от 13 августа. Вряд ли существует необходимость повторять вновь, что при этом я лично не играю никакой роли.

Несмотря на все, я придерживаюсь мнения, что руководитель такого огромного национального движения, – а заслуги этого движения перед народом и родиной я всегда признавал, [...] не может уклониться от беседы о сложившейся ситуации и необходимых решениях с государственным деятелем Германии, на которого в настоящее время возложена ответственность за руководство страной. Мы должны пытаться забыть горечь предвыборной борьбы и ставить интересы страны выше всего остального [...].

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 361-362.

62. Из петиции П. фон Гинденбургу видных промышленников и аграриев о назначении А. Гитлера рейхсканцлером (ноябрь 1932 г.)

Ваше Превосходительство глубокоуважаемый
господин президент!

Подобно Вашему Превосходительству, проникнутые горячей любовью к немецкому народу и Отечеству, мы с надеждой приветствовали коренной поворот, намеченный Вашим Превосходительством в руководстве германскими делами. В лице Вашего Превосходительства мы поддерживаем идею независимого от парламентарной системы правительства, как это сформулировано в мыслях Вашего Превосходительства относительно президеального кабинета.

Исход выборов в рейхстаг 6 ноября с. г. показал, что нынешний кабинет, искреннюю волю которого никто среди немецкого народа не подвергает сомнению, не нашел достаточной опоры в немецком народе для следования начатым им путем. [...] Против прежнего партийно-парламентского режима выступают не только Немецкая национальная народная партия и примыкающие к ней мелкие группы, но также и Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, что соответствует провозглашенным Вами целям.

Ясно, что часто повторяющиеся роспуски рейхстага, разрушительная межпартийная борьба в ходе новых избирательных кампаний противодействуют не только политическому, но и экономическому успокоению и укреплению. Но также ясно, что любое изменение конституции, не исходящее от самых широких слоев народа, вызовет еще худшие экономические, политические и нравственные последствия. Вот почему мы считаем своим долгом чести покорнейше просить Ваше Превосходительство, чтобы для достижения поддерживаемой нами цели Вашего Превосходительства была произведена перестройка кабинета. Передача управления кабинетом, состоящим из лиц с наилучшими деловыми

и личными качествами, фюреру крупнейшей национальной группировки поможет устранить слабости и ошибки, присущие любому массовому движению, и побудит к сотрудничеству с ним миллионы людей, стоящих пока в стороне.

С беспредельным доверием к мудрости Вашего Превосходительства просим Ваше Превосходительство принять заверения в нашем совершеннейшем почтении.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 362-363.

63. Из показаний на Нюрнбергском процессе Курта Шредера о встрече Ф. фон Папена с А. Гитлером

Курт Шредер (1889–1965) – немецкий банкир, сторонник нацистов. Содействовал приходу Гитлера к власти.

[...] 4 января [1933г.] в моем доме в Кёльне встретились Гитлер, фон Папен, Гесс, Гиммлер и Кепплер. Гитлер, фон Папен и я отправились в мой кабинет, где мы при закрытых дверях вели длительную беседу около двух часов. Беседу вели только Гитлер и фон Папен. Папен сказал Гитлеру, что на его взгляд будет лучше всего, если поддерживающие его (Гитлера) консерваторы и националисты объединятся с нацистами и сформируют правительство. Если возможно, то новым правительством могли бы на равных руководить Папен и Гитлер. Потом очень долго выступал Гитлер, сказав, что в случае его назначения канцлером ему будет необходимо стать во главе правительства, однако сторонники Папена смогут войти в его (Гитлера) правительство в роли министров, если они будут действовать согласно его директивам.

Фон Папен и Гитлер достигли принципиального соглашения.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 364.

64. Ф. фон Папен об «укрощении» Гитлера. Из бесед в близком окружении (январь 1933 г.)

1. Мы наняли его (Гитлера) на работу [...].

2. Мне доверяет Гинденбург. Через два месяца Гитлера в угол зажмем так, что у него кишки наружу полезут.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 369.

65. Призыв СДПГ (31 января 1933 г.)

Трудящиеся! Республиканцы!

В кабинете Гитлера-Папена-Гугенберга возродился фронт Гарцбурга. Враги рабочего класса, несколько дней назад жестоко враждовавшие между собой, объединились для совместной борьбы против рабочего класса, для создания реакционного союза крупных капиталистов и землевладельцев. Требование времени – объединение всего трудового народа для борьбы против сплотившегося врага.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 369.

66. Из книги Папена Ф. Закат Веймара. Ошибка Брюнинга

...Западные союзники предпочитают рассматривать национал-социализм скорее как некое внезапное проявление, нежели как продукт развития, продолжавшегося много лет. Мое собственное пребывание на посту канцлера характеризуют всего лишь как подготовительный этап захвата власти Гитлером, при этом так неоправданно упрощают последовательность событий, что нынешнее представление о том времени опровергнуть довольно трудно. Я верю, что придет время, когда более способные перья, чем мое собственное, подвергнут германскую политическую сцену в промежутке

между 1918-м и 1932 годами объективному и критическому исследованию. Что касается меня, то я вынужден ограничить свой обзор ситуации 1930–1932 годами, которые непосредственно предшествовали формированию моего правительства, – периодом, не лишенным исторического значения.

Замена 17 мая 1930 года плана Дауэса, принятого в 1924 году, на план Юнга даже в то время вызвала у многих экспертов серьезные опасения. Последующее развитие событий показало, что ограбление германской экономики в течение неограниченного времени являлось серьезной ошибкой. ... Более того, было ясно, что такая страна, как Германия, чья экономика в сильнейшей степени зависит от внешнего мира, станет одной из первейших жертв общего экономического кризиса...

Это было время, когда подрывались самые основы Веймарской республики. Социалисты требовали принятия мер для поддержания безопасности государства. Зеверинг, министр внутренних дел, представляя 13 марта 1930 года закон о защите республики, удачно описал внутривластную ситуацию, заявив: «Право на собрания превратилось в бесправие собрания, а свобода печати – в своеволие печати. Мы не можем более позволять демагогам воспламенять массы своими речами. В прошлом году в одной только Пруссии при выполнении своего долга было убито четырнадцать и ранено триста полицейских». Несогласие между партиями коалиции по вопросу о финансовых реформах, необходимых для выполнения условий плана Юнга, привело к падению кабинета, возглавлявшегося канцлером-социалистом Мюллером.

Президент предложил сформировать правительство доктору Брюнингу, лидеру фракции партии центра в рейхстаге. Во времена республики было в обычае основывать каждое новое правительство на коалиционном большинстве в парламенте. Теперь, когда социалисты отказались от поддержки коалиции, новому премьер-министру следовало искать необходимого большинства в союзе с партиями правого

крыла. Это привело бы к чередованию власти правительства и оппозиции, естественному для любого демократического собрания. Доктор Брюнинг оказался не готов к применению такого подхода, поскольку побоялся в момент экономического кризиса иметь социалистов в оппозиции. Поэтому он предпочел сформировать правительство, не имевшее большинства в парламенте, надеясь получить от социалистов молчаливое одобрение своих мероприятий в обмен за свой отказ привлечь к сотрудничеству правые партии. Единственным способом претворить это решение в жизнь было применение 48-й статьи конституции, которая позволяла правительству в момент серьезного кризиса самостоятельно вводить в действие новые законы с тем, чтобы позднее добиваться их одобрения парламентом. Брюнинг решил попытаться сыграть на том факте, что социалисты, хотя и отнесутся с неодобрением ко многим из законов, тем не менее все же вотируют их, если они будут представлены как чрезвычайные. Голосование против принятия законов означало бы роспуск рейхстага и назначение новых выборов, в результате которых социалисты могли только потерять места. Это министерство получило известность под названием «президентского кабинета», поскольку его власть исходила не от парламента и политических партий, а от президента. Когда через два года я повторил этот эксперимент – поиск большинства для проведения чрезвычайного законодательства в союзе с правыми партиями – партии левого толка окрестили меня «могильщиком демократии». ... партия центра меня не поддержала, отказав, таким образом, в одобрении парламента, не предприняв даже попытки наладить сотрудничество.

Новый канцлер пользовался поддержкой очень большой части населения. Он был известен как человек прямой и беспристрастный, долгое время занимавший пост юрисконсульта христианских профессиональных союзов. Он, казалось, идеально подходил для решения социальных проблем, связанных с развитием экономики страны. ...

Социал-демократы не были представлены в его кабинете. Обязанностью такой значительной партии было действовать в роли оппозиции, а также принимать на себя ответственность за эти действия. Социалисты, однако, предпочитали игнорировать этот важный принцип демократии. Они поддерживали Брюнинга и голосовали за его чрезвычайные законы, но отказывались брать на себя ответственность за них. Если бы не их поддержка, Брюнинг был бы вынужден добиваться большинства в палате с помощью правых. Это вовлекло бы правые партии в активную управленческую работу и нейтрализовало в их среде радикальные элементы. Канцлер, однако, не был готов допустить свободное взаимодействие парламентских сил, но полагался исключительно на 48-ю статью конституции. Доктор Шрайбер, представитель партии центра, не уклонился далеко от истины, когда сказал: «Это не был вопрос диктатуры, угрожавшей парламентским учреждениям, скорее, угроза диктатуры возникла из-за слабости парламентских учреждений».

Председатель партии центра доктор Каас, принадлежавший к ее правому крылу, защищал необходимость применения 48-й статьи. Он рассматривал ее не как орудие диктатуры, а скорее как способ обучения германского народа принципам рациональной политики. Многие члены партии начинали тогда сомневаться в разумности сохранения коалиции с социалистами. ...

Брюнинг написал в марте статью в газету «Германия», в которой очертил два реалистичных, по его мнению, образа действий правительства: один заключался в реализации власти в рамках 48-й статьи, а другой – в достижении устойчивого большинства в парламенте путем новых выборов. Несмотря на жалобы социалистов, что его чрезвычайные декреты являются нарушением конституции, они все же продолжали их вотировать, чтобы не рисковать быть избранными на следующий срок, в результате чего их влияние могло сократиться. Они предпочитали руководствоваться своими партийными доктринами, а не требованиями благополучия

нации. Однако к концу мая всемирный экономический кризис привел к дальнейшему ухудшению положения в Германии. Количество безработных перевалило за миллион, а выплата пособий по безработице в размере 16,6 миллиарда марок в год оказалась совершенно недостаточной для избавления от растущей нищеты. Правительство призвало к принятию нового чрезвычайного законодательства. При втором обсуждении финансовых мер для противодействия кризису канцлер вновь угрожал применением своей власти в рамках статьи 48. На этот раз социалисты потребовали его отставки, а их лидер заявил: «Правительство Брюнинга старается уничтожить основы существования демократического общества». Коммунисты назвали речь канцлера преамбулой к установлению фашистской диктатуры. В итоге социалисты отказались одобрить правительственные меры, хотя сами не предложили лучшего способа изыскания сумм, достаточных для выплаты пособий по безработице. Они были теперь готовы пойти на риск новых выборов, поскольку финансовая программа Брюнинга предполагала сокращение пособий. Социалисты, не желавшие обрекать своих последователей на такие жертвы, посчитали, что их борьба с этой мерой обеспечит им электоральный капитал. У Брюнинга не оставалось другого выхода, кроме обращения к президенту с просьбой о роспуске рейхстага.

Выборы прошли 14 сентября 1930 года. Не будет преувеличением сказать, что их результаты стали поворотным пунктом германской истории. В них приняли участие не менее пятнадцати партий, но на этот раз мелкие раскольнические группы потерпели поражение, а экстремисты и радикалы выиграли. Коммунисты получили двадцать три добавочных места, а нацисты увеличили свое представительство с двенадцати до ста семи мест. Немецкие националисты ослабили свои позиции больше чем наполовину, в основном из-за того, что никто более не мог принять исповедуемую Гугенбергом разновидность консерватизма, вследствие чего позиции

Брюнинга сильно ослабли. Наиважнейшим событием стало то, что нацисты превратились во вторую по силе партию в палате.

Судьба демократической партии стала пугающим показателем направления, в котором движется общественное мнение. Эта партия сыграла важную роль на этапе разработки Веймарской конституции, а в числе ее членов и сторонников были наиболее умные, свободолюбивые и широко мыслящие представители нации. Теперь, когда самые формы демократической жизни быстро приближались к банкротству, количество членов демократической партии в парламенте сократилось до нескольких депутатов. Казалось, что само ее название потеряло свою притягательность для избирателей... Ничто другое не демонстрировало столь явно провал веймарской демократии, как три последних трагических года существования этой партии, когда четыре ее представителя, оставшиеся в парламенте, голосовали за гитлеровский закон об особых полномочиях.

Доктор Брюнинг сделал политическое заявление новому составу рейхстага 16 октября 1930 года. ... Он объявил, что правительство считает необходимым произвести внешние займы для покрытия бюджетного дефицита. В восточных территориях Германии сельскому хозяйству угрожает катастрофа. Основной задачей как внутренней, так и внешней политики должно стать достижение национальной независимости, в отсутствие которой молодое поколение живет в состоянии полной неуверенности относительно своего будущего. Многие страны в нарушение международных соглашений продолжают наращивать свои вооружения, угрожая всеобщему миру и безопасности. С такой ситуацией невозможно мириться, и германское правительство будет настаивать на праве германского народа поднять оружие в свою защиту.

Заявление такого сорта, вероятно, было бы охарактеризовано за границей как демонстрирующее все наихудшие черты германского национализма. Тем не менее, трудно

представить себе, какую иную позицию мог бы тогда занять Брюнинг.

Социал-демократы, вопреки своим непрекращающимся жалобам по поводу угрозы фашистской диктатуры, по-прежнему продолжали одобрять чрезвычайные декреты Брюнинга. Но последствия экономического кризиса нельзя было ликвидировать никакими силами. В декабре ожидалось представление еще одного плана финансовой реформы, предполагавшего увеличение ассигнований на пособия по безработице, уменьшение жалования государственным служащим, повышение налогов и еще большее сокращение государственных расходов. Он был в очередной раз проведен как чрезвычайная мера и опять одобрен рейхстагом с помощью социалистов. Однако следующий, 1931 год лишил политику Брюнинга, пытавшегося удовлетворить все репарационные требования союзников, всяких шансов на практическое выполнение. Большинство зарубежных стран, и в первую очередь Соединенные Штаты, ответили на экономический кризис возведением тарифных барьеров, что сделало для Германии невозможным поддержание на необходимом уровне своей внешней торговли.

... В течение всего лета этого года канцлер, министр иностранных дел и президент Рейхсбанка совершали персональные визиты в столицы стран-победительниц с руками, протянутыми за подаянием. Их принимали вежливо, но отпускали назад ни с чем. Едва ли удивительно, что каждая такая неудача служила топливом для пропаганды националистически ориентированной оппозиции. Когда Брюнинг со своим министром иностранных дел Курциусом посетил Лондон, мистер Рамсей Макдональд проявил понимание их затруднительного положения, но посоветовал сперва искать спасения во внутриполитических мерах. А тем временем положение продолжало ухудшаться.

...20 июня германский президент отправил президенту Гуверу личное послание с просьбой о помощи. Гувер ответил предложением всем заинтересованным государствам

объявить годовой мораторий по долгам Германии. Против этого возразило французское правительство, утверждавшее, что общественное мнение еще не готово принять идею приостановки репарационных платежей. Тогда Брюнинг предложил созвать франко-германскую конференцию, но поначалу ответа на свое предложение не получил. В первые две недели июля финансовый кризис в Германии достиг максимума. Президент Рейхсбанка спешно летал на самолете из столицы в столицу в поисках финансовой поддержки, но так ничего и не добился. 13-го числа того же месяца главный банк Германии был вынужден прекратить платежи. Четырьмя днями позже Брюнинг и Курциус были приглашены в Париж.

Это внезапное приглашение объяснялось, по всей вероятности, опасениями Франции по поводу улучшения отношений между Германией и Великобританией, которое последовало за посещением Брюнингом Лондона. Но атмосфера их визита едва ли была благоприятной... О том, насколько неадекватно ситуация воспринималась в Париже, можно судить по предложению, сделанному Брюнингу в июле 1931 года. Французское правительство, наряду с Великобританией и Америкой, обещало предоставить Германии заем в 500 миллионов долларов под залог некоторых материальных ресурсов, но также при условии принятия Германией обязательства сохранять в течение десяти лет status quo, не увеличивая своих военных расходов и не предпринимая попыток изменения отношений между Германией и Австрией. Редко случалось в истории, чтобы право великого народа на равенство отношений с другими народами столь беззастенчиво игнорировалось его соседями. Брюнинг справедливо заметил, что экономика, основанная на неограниченном кредите, уже вызвала экономический коллапс и что продолжение таких отношений может оказаться фатальным. Он только забыл добавить, что даже простая публикация подобных условий неминуемо вызовет в Германии волну националистических чувств и послужит интересам праворадикальных партий. Его контрпредложения оказались бессодержательными, к тому же

он не смог внятно заявить, что по истечении срока предложенного Гувером моратория возобновление репарационных платежей останется по-прежнему невозможным. Он не только не сумел добиться от держав-победительниц содействия, которое могло бы выразиться в их заявлениях об уступках, призванных утихомирить националистическую агитацию, но даже отверг предложение французов о заключении консультативного пакта. Он мог бы принести гораздо больше пользы, если бы показал опасность внутривосточной ситуации в Германии в куда более сильных выражениях.

Когда год спустя я появился в качестве преемника Брюнинга на Лозаннской конференции, то попытался в какой-то мере компенсировать эту упущенную возможность. Я объяснил Эррио и Макдональду, что мое правительство является последним «буржуазным», которое они видят в Германии, если только они не готовы пойти на некоторые моральные уступки, не говоря уже об урегулировании проблемы репараций, что дало бы мне возможность противостоять национал-социалистической агитации. Я выдвинул идею о необходимости заключения консультативного пакта, не имея ни малейшего представления о том, что Брюнинг уже отверг именно такое предложение.

...Брюнинг пригласил Бриана и Лавалья в Берлин. И опять-таки от этого было мало проку, поскольку Брюнинг не сумел разыграть свою единственную козырную карту – предупредить о невозможности контролировать волну национализма, если только Германии немедленно не будут сделаны совершенно необходимые уступки. Его минимальные требования должны были сводиться к следующему: прекращение репарационных платежей, отмена тезиса об исключительной ответственности Германии за войну и утверждение ее права на равенство с прочими государствами в создании оборонительных вооружений. Вместо этого канцлер попытался убедить своих гостей, что в конце концов он сможет победить оппозиционные силы, которыми был теперь окружен со всех сторон.

Мораторий Гувера мало помог улучшению экономической ситуации. Брюнинг ввел в действие жесткие антиинфляционные меры: заработная плата и пенсии были уменьшены. Но он заслужил яростную неприязнь сельских жителей, введя фиксированные цены, которые были недостаточны для их существования, в то время как промышленность также разорялась из-за низких цен. Количество безработных увеличивалось на миллионы человек. ...В январе 1932 года произошла утечка информации о том, что он уведомил британского посла об уверенном отказе Германии возобновить репарационные платежи после окончания гуверовского моратория. Эффект, произведенный этим сообщением на французское общественное мнение, легко себе представить. Парижские газеты затопила волна раздражения... французский кабинет под руководством Лавалля заговорил значительно более резким тоном. Было заявлено, что «Франция никогда не откажется от ее права на получение репараций». В этой атмосфере конференция по вопросам репараций, созыв которой в Лозанне был назначен сначала на 18 января, а потом перенесен на 4 февраля, была отложена до июня. Задержка могла только осложнить критическое положение Германии. Тем временем в Женеве собралась конференция по разоружению, на которой французский делегат, Андре Тардье, неожиданно предложил план формирования интернациональной международной армии. Брюнинг усмотрел в этом плане возможность восстановления равенства Германии в вопросе оборонительных вооружений и потому 21 апреля организовал для обсуждения этой проблемы частную встречу с Тардье. Следующая встреча должна была состояться 29-го в местечке Бессинь близ Женевы в доме, занимаемом государственным секретарем Соединенных Штатов мистером Стимсоном. У Брюнинга создалось впечатление, что за это время его план о равенстве вооружений был одобрен Соединенными Штатами, Великобританией и Италией во время дискуссии, прошедшей под председательством государственного секретаря Стимсона. Недоставало только согласия Франции.

Но 29 апреля Тардьё на встречу не приехал. Вместо этого он прислал записку, извещавшую, что он плохо себя чувствует. Брюнинг был уверен, что это была всего лишь дипломатическая отговорка, и в самом деле имел все основания для своих подозрений.

В течение всей предшествовавшей недели месье Франсуа-Понсе, французский посол в Берлине, объяснял всем и каждому, что позиция Брюнинга несостоятельна и что его преемником должен стать я. Казалось совершенно ясным, что генерал фон Шлейхер, глава Политического департамента армейского Верховного командования, составил план, которым поделился с Франсуа-Понсе еще прежде, чем у меня появилось хотя бы слабое представление о происходящем. В тот момент я находился с семьей у себя дома в Сааре. Шлейхер определенно решил сместить Брюнинга со своего поста и менее всего хотел, чтобы канцлер вернулся из Женевы, имея на своем счету какой бы то ни было успех. Наилучшим способом добиться этого было дать основание французскому послу телеграфировать своему правительству о бессмысленности уступок Брюнингу ввиду его неизбежного изгнания с занимаемой должности.

Трудно представить себе более поразительное развитие событий. Глава политического департамента Верховного командования армии считал для себя возможным поделиться с французским послом конфиденциальной информацией, которая сохранялась в секрете даже от заинтересованных лиц. Брюнинг впоследствии утверждал, что его уведомили о согласии французов с его предложением по разоружению 31 мая — за день до его отставки. Таким образом, интрига Шлейхера обошлась нам в шесть драгоценных месяцев. Меня не проинформировали о том, что предложение Брюнинга было принято. Мне по-прежнему интересно было бы узнать, как он может объяснить сокрытие от меня такой важной информации. Ведь успех, достигнутый, как он утверждает, в Бессине, не являлся исключительно его личным достижением. Он касался германского правительства, и ему не следовало

допускать, чтобы его личная обида на своего преемника влияла на развитие событий. Мои собственные усилия по решению проблемы разоружения принесли плоды только 8 декабря, когда было уже слишком поздно, поскольку двухмесячные усилия по включению нацистов в коалиционное правительство с коллективной ответственностью провалились. К тому моменту политическая температура поднялась настолько, что любой успех во внешней политике стал невозможен. Если бы соглашение по проблеме разоружения было достигнуто в мае 1932 года, до начала Лозаннской конференции, то будущие события могли бы развиваться совершенно иначе.

Но мне следует вернуться к внутривнутриполитической ситуации и к попыткам Брюнинга летом 1931 года отвести неумолимо приближавшуюся катастрофу. Объявление моратория, предложенного Гувером, было одобрено на Лондонской конференции, но там не было предпринято ничего для осуществления надежд германского канцлера на общее решение проблемы репараций. Положение правительства в рейхстаге становилось все более шатким. Бойкот рейхстага ста пятьюдесятью одним депутатом от националистической оппозиции – представителями Немецкой национальной партии и нацистами – превратил «буржуазное» большинство в меньшинство. Именно теперь представлялся удобный для правительства случай изыскать какую-то форму сотрудничества с оппозицией. Вместо того чтобы принимать одну временную меру за другой, правительству следовало добиться доверия своих оппонентов путем предложения широкой программы таких реформ, дискуссии по поводу которых проходили на протяжении нескольких последних лет. Доктор Шахт, который был германским представителем при обсуждении плана Юнга, в предыдущем феврале упрашивал Брюнинга принять в коалицию нацистов. Подобные коалиции уже существовали в Тюрингии, Брунсвике и Ольденбурге, причем нацистам там пришлось смягчить формулировки своей программы, чтобы приблизить ее к программам партнеров

по коалиции. Основательных причин не пойти на подобный шаг на уровне федерального правительства не существовало.

Брюнинг, как видно, даже не рассматривал подобную возможность. Он предпочел связать судьбу своего правительства исключительно с социал-демократами и сопротивлялся всем предложениям образовать коалицию с правыми. Его министр внутренних дел доктор Вирт 5 марта заявил, что, ввиду бойкота рейхстага националистами и невозможности получения необходимых двух третей голосов, нет никакой надежды на проведение какой бы то ни было реформы конституции и избирательного закона. Тем не менее, коммунистическая угроза для Германии никогда еще не была столь серьезной, как теперь, а один из депутатов рейхстага, Ульбрихт, более известный теперь по его роли в Восточной Германии, заявил в феврале: «Рабочий класс придет к власти путем организованной революции для того, чтобы создать Советскую Германию».

Великобритания и Соединенные Штаты подали пример успешного формирования коалиционных правительств. Несмотря на свое подавляющее большинство, британские консерваторы во время войны призвали в правительство представителей лейбористов, а Рузвельт назначил в свой кабинет ведущих республиканцев. В Германии же демократия нигде не продвинулась дальше попыток отдельных партий навязать другим свою программу. Нацисты вовсе не были первыми, кто начал произвольно использовать в своих интересах власть прессы. В 1931 году «Стальной шлем», организация отставных военнослужащих, попыталась организовать референдум для того, чтобы принудить власти к проведению в прусской союзной земле некоторых реформ в прусском союзном государстве. Прусское правительство, имевшее ту же политическую окраску, что и федеральное, противилось всеми доступными ему способами этому вполне законному политическому действию. Оно выпустило составленное в очень резких выражениях коммюнике, предостерегавшее население от участия в референдуме, и всем газетам было предписано

специальным указом его напечатать. «Стальной шлем» подал жалобу федеральному канцлеру по поводу этой атаки на право каждого гражданина на свободное выражение своего мнения и просил его запретить прусской полиции конфисковывать и изымать бумаги и документы, подготовленные для референдума. Эти своевольные действия прусского правительства создали своего рода предошущение того, с чем нам суждено было познакомиться позднее при докторе Геббельсе. Мое правительство, прозванное в народе «Кабинетом баронов», не предпринимало ничего похожего для обуздания свободного выражения общественного мнения.

Почти единственным связующим звеном между партиями, за исключением коммунистов, являлась личность германского президента. В конце сентября 1931 года Гугенберг, лидер Немецкой национальной партии, обратился к президенту с призывом уважать конституцию и с утверждением, что партии правого крыла образуют единственное реальное большинство в государстве. В целом проблема приближавшихся президентских выборов вызывала у многих из нас очень большую тревогу. В сентябре я навестил канцлера, имея в виду привлечь его внимание к опасности конфликта, который должен возникнуть вокруг выборов. Враждебность, существовавшая между партиями, делала маловероятным достижение согласия между ними по вопросу выбора нового кандидата в президенты. Единственным возможным выходом из положения казалось переизбрание Гинденбурга. С тех пор неоднократно выдвигались обвинения в том, что он уже очень стар и более не владеет в достаточной мере своими способностями для того, чтобы принять на себя ответственность, связанную с отпращиванием столь важной должности. Как бы там ни было, в тот период ни здоровье, ни интеллект ни в коей мере ему не изменяли. Более того, теперь полностью исчезли всякие сомнения, которые еще могли возникать в 1925 году, относительно способности пожилого генерала исправлять должность президента – настолько блестяще он выполнял свои обязанности. Социалисты никогда

не оспаривали его верность клятве, произнесенной при вступлении в должность, и он давно пользовался доверием партий правого направления. Я внушал канцлеру, что избрание президента на новый срок может обеспечить основу для достижения некоторого согласия между партиями. Я не сомневался, что нацисты постараются продать свое сотрудничество в этом вопросе, потребовав многочисленных уступок, и упрашивал канцлера, пока еще есть время, вступить с ними в переговоры и выработать согласованную программу. Если это будет сделано, то у рейхстага появится возможность утвердить кандидатуру Гинденбурга на новый срок двумя третями голосов, необходимыми для одобрения этого изменения конституционной процедуры. Это позволит избежать, внушал я канцлеру, того, что я называл катастрофическими последствиями президентских выборов, которые иначе придется проводить в атмосфере партийного антагонизма. Брюнинг отвечал, что не видит причины, почему такая личность, как президент, должна возбудить распри, но тем не менее, согласился обдумать мое предложение.

Тем временем ситуация политической анархии обострялась. Ближе к концу сентября Федерация германской промышленности выступила с предупреждением об исключительной серьезности экономического положения, которое может быть выправлено только самыми решительными действиями правительства, принятыми, если потребуется, без оглядки на партийные разногласия. Промышленники предлагали осуществить передачу власти от парламента к авторитарному кабинету.

...Неспособность прийти к соглашению с оппозицией и слабость правительства способствовали весьма показательному развитию событий. 11 сентября депутаты от нацистской и Немецкой национальной партии, организация «Стальной шлем» и Союз сельских хозяев вкупе с доктором Шахтом, генерал-полковником фон Сектом и рядом ведущих экономистов провели в Бад-Гарцбурге конференцию. На ней была предпринята попытка выработать общую программу правой

оппозиции, причем одно из важнейших выступлений было сделано доктором Шахтом. Он обвинил правительство, как он выразился, в отсутствии у него станового хребта и утверждал, что невозможно далее продолжать управлять германской экономикой при помощи зарубежных займов. Подобная политика лишает нас за границей всякого доверия и уважения. Весь мир будет только приветствовать проведение в стране жестких мер для противодействия кризису.

Брюнинг сделал все возможное для ослабления последствий конференции «Гарцбургского фронта», убедив Гинденбурга принять Гитлера за день до ее начала. Единственным результатом этой встречи стало укрепление влияния Гитлер. Он не проявил особого желания сотрудничать с правительством или даже с самим Гинденбургом. Несмотря ни на что, оппозиция решила избавиться от Брюнинга, и, с возобновлением атак на него со стороны левых, его позиция в рейхстаге стала чрезвычайно уязвимой. ... Угроза со стороны крайне левых приобретала все более и более зловещий характер. 14 октября Зевелинг, ставший теперь прусским министром внутренних дел, объявил, что за последний год коммунистические громилы стали виновниками смерти тридцати четырех человек и причинили серьезные увечья ста восьмидесяти шести другим. Умеренные центристы были напуганы поднимающейся волной как левого, так и правого радикализма, и для них становилось все труднее обеспечивать поддержку Брюнингу.

5 ноября в своей речи на конференции партии центра Брюнинг заявил: «... Федеральное и земельные союзные правительства и муниципалитеты окажутся в следующем году перед почти непреодолимыми финансовыми проблемами. Налоговые поступления будут основываться на доходах 1931 года, сократившихся вследствие экономического кризиса, и, даже без бремени репараций, мы будем вынуждены в 1932 году применить во всех отраслях деятельности еще более строгие меры». Брюнинг осознавал всю тяжесть положения, но тем более непонятно, почему он не прибегнул

к единственно возможному решению – не предпринял шагов, направленных на привлечение в правительство оппозиции. Возможно, на этот вопрос дал ответ его министр труда Штегервальд, когда в тот же самый день заявил: «У нас нет возможности расширить опору коалиции ни влево, ни вправо. Левые не могут обеспечить нам большинства [Брюнинг уже не пользовался поддержкой социал-демократов], а сотрудничество с правыми вызовет трудности в области международных отношений и нанесет ущерб нашим позициям на переговорах по вопросу о репарациях».

Это заявление дает ключ к пониманию политики Брюнинга. Националистическая оппозиция рассматривалась им как помеха, когда дело заходило о переговорах с державами-победительницами. Тем не менее спустя шесть месяцев, когда моему правительству пришлось во время конференции в Лозанне опереться на поддержку оппозиции, мы не испытывали никаких затруднений в отношениях с другими державами.

Еще один чрезвычайный декрет, содержащий уже четвертый по счету набор экономических мер, был введен в действие 8 декабря 1931 года.

...1932 год начался с попыток Брюнинга обеспечить переизбрание Гинденбурга парламентскими методами. 7 января он провел переговоры и с Гитлером, и с социал-демократами. Первой реакцией Гитлера была готовность заключить любое соглашение при условии достижения взаимопонимания по этому вопросу с Гугенбергом... Гугенберг в своем письме к канцлеру отверг сотрудничество в продлении президентского срока путем принятия поправки к конституции. Он полагал, что такое решение не будет отражать истинную волю народа и вместо выражения восторга доверия президенту будет воспринято как знак одобрения правительственной политики, с которой как раз и борется оппозиция. Гитлер, со своей стороны, представил меморандум, в котором заявил: «Рейхсканцлер выразил то мнение, что проведение в настоящий момент выборов осложнит международные

переговоры. Он, однако, не готов признать, что всякое правительство, не желающее считаться с требованиями внутренней ситуации, не может являться достойным представителем своего народа и за границей». Это была, безусловно, логичная точка зрения.

Брюнинг больше не предпринимал попыток добиться сотрудничества с национал-социалистами. Политическое напряжение в стране продолжало увеличиваться. Остальной мир наблюдал за малопоучительным зрелищем, которое являл собой народ, безнадежно расколотый в связи с выбором главы государства. Неизбежным результатом этого раскола стала трагедия яростных баталий в двух турах президентских выборов. Неспособность Брюнинга предвидеть, что проведение выборов еще больше обострит политическую ситуацию, и его нерешительность, проявленная в момент, когда существовала возможность сделать эти выборы излишними, серьезно подорвали его репутацию государственного деятеля.

Националистическая оппозиция также проявила мало понимания того, насколько необходима единодушная поддержка фигуры президента. Организация «Стальной шлем» 14 февраля объявила, что она выступит за его переизбрание только при условии получения гарантий изменения правительственного курса. Граф фон дер Гольц, руководитель другой правой организации, обрушился на Гинденбурга за подписание плана Юнга. И Гитлер, и Союз сельских хозяев (Reichslandbund) вообще отказались голосовать за его кандидатуру. Мы столкнулись с парадоксальной ситуацией, когда правые партии, избравшие Гинденбурга в 1925 году вопреки энергичному сопротивлению центристов и левых, теперь отказывали ему в своей поддержке. Но разобщенность заходила еще дальше. Партии, объединившиеся в «Гарцбургский фронт», не могли даже договориться о выдвижении собственного единого кандидата. Народу был представлен никому не известный подполковник по фамилии Дюстерберг, выдвинутый немецкими националистами и «Стальным шлемом» как вызов лучшему солдату великой войны – солдату,

который к тому же, занимая в течение семи тяжелейших лет пост главы государства, стоял в стороне от партийных распрей.

В этих обстоятельствах Брюнинг сделал все, что мог, для обеспечения переизбрания Гинденбурга, но первый тур голосования, прошедший 13 марта 1932 года, не обеспечил ни одному из кандидатов необходимого абсолютного большинства. Гинденбург набрал 49,7 процента голосов, Гитлер – 30,1 процента, коммунист Тельман – 13,3 процента, Дюстерберг – 6,9 процента.

После еще одного наполненного бешеной партийной пропагандой месяца состоялся второй тур голосования. Он принес Гинденбургу 53 процента голосов избирателей. Доля Гитлера возросла до 36,8 процента. Отказавшись выполнить требование Гитлера о назначении новых парламентских выборов в обмен на поддержку продления срока его президентских полномочий, Брюнинг обрек страну на двукратную пробу сил, каждая из которых оказалась более ожесточенной, чем все ранее испытанное. Результаты не только продемонстрировали поразительное усиление влияния нацистов, но также стали удивительным свидетельством готовности более чем трети населения видеть Гитлера на посту главы государства.

Психологический эффект этого открытия оказался куда более серьезным, чем от результатов, которых можно было бы достичь путем парламентского избрания. Выборы отметили реальное начало восхождения Гитлера к власти. В других выборах, проведенных несколько месяцев спустя под эгидой моего правительства, нацисты получили почти такой же процент голосов. Несмотря на это, левые партии всегда утверждали, что поворотным пунктом стали выборы 31 июля. Все опасения, высказанные мной канцлеру предыдущей осенью, оказались, к несчастью, хорошо обоснованными.

Оборот, который приняли выборы, имел и другие неприятные последствия – отношения между Гинденбургом и канцлером начали принимать все более напряженный характер.

Президент был раздражен неспособностью канцлера организовать поддержку своего переизбрания всеми партиями. Хотя Брюнинг и не щадил себя в ходе избирательной кампании, ему все же не удалось предотвратить несправедливые и малоприятные нападки на доброе имя президента со стороны правых партий. Гинденбурга в особенности задело, что некоторые из его боевых товарищей в ходе выборов вели кампанию против него. Его решение действовать более независимо от политических партий было принято под впечатлением событий, произошедших до и во время выборов, и формирование моего кабинета явилось естественным следствием этой эволюции.

13 апреля правительство ввело в действие очередной чрезвычайный декрет, запрещавший нацистские организации СС и СА. Через два дня президент указал министру внутренних дел генералу Гренеру, что такой запрет должен касаться всех военизированных организаций, созданных различными политическими партиями. Гренер объявил, что не имеет оснований предпринимать что-либо против коммунистической («Rotfront»), социалистической («Reichsbanner») и других подобных организаций. Через месяц он ушел в отставку.

Резонно задать вопрос: зачем вообще понадобилось политическим партиям в цивилизованном государстве создавать эти «охранные отряды»? Ответ очень прост. В Великобритании или Соединенных Штатах полиция охраняет мероприятия всех политических партий. В Веймарской республике дела обстояли иначе. Собrania правых постоянно прерывались и разгонялись радикалами левого крыла. Полиция, большая часть которой контролировалась социалистическими министрами внутренних дел отдельных земель, не принимала или не желала принимать по этому поводу никаких мер. В связи с этим правые партии были вынуждены организовать собственную полицию, а социалисты, в свою очередь, сочли необходимым создать «Reichsbanner» для защиты от «врагов республики». Коммунисты и нацисты включили положение об организации этих особых отрядов

в свои партийные уставы. До 30 января 1933 года предполагалось, что все они не имеют оружия, но после этой даты отряды СС и СА начали носить его в открытую.

Запрет нацистских «коричневых рубашек» стал важнейшим фактором в последующем развитии событий. Он также проливает свет на двуличие генерала фон Шлейхера. Брюнинг рассказал в своем письме, опубликованном в июльском номере 1948 года газеты «Deutsche Rundschau», о своем совещании с германскими командующими родов войск – генералом фон Хаммерштайном, адмиралом Редером и генералом фон Шлейхером, а также с некоторыми вождями социал-демократов. На совещании обсуждался план запрета нацистской партии. Президент отказался предпринять любые действия, которые не предполагали бы одновременного запрета другой революционной партии – коммунистов. Брюнинг теперь утверждает, что в то время, когда он ездил по стране, выступая по поручению президента с речами, представители армии и министры внутренних дел различных германских земель договорились о введении запрета «коричневых рубашек». Хотя он и говорит теперь, что считал этот декрет преждевременным, в то время он преодолел возражения президента угрозой одновременной собственной и генерала Гренера отставки. Этот эпизод он описывает как основную причину своего разрыва с президентом. В соответствии с рассказом Брюнинга, Шлейхер не только настаивал на роспуске «коричневых рубашек», но даже сказал Брюнингу, что ни он сам, ни Хаммерштайн не могут взять на себя ответственность за поведение армии при любом правительстве, которое включит нацистов в состав своей коалиции или станет чрезмерно поддаваться влиянию нацистской партии. Отсюда явствует, что Брюнинг предпринял этот шаг только с одобрения и при поддержке Шлейхера, рискуя при этом разрывом отношений с президентом.

В апреле дело было сделано. Если Шлейхер изменил к тому времени свое мнение и пришел к выводу, что участие нацистов в правительстве поможет разрешить проблему

власти, то для него и Хаммерштайна было бы честнее сообщить об этом канцлеру. Последовательность событий можно признать логичной только при условии, что Шлейхер видел в этом запрете повод вызвать сначала отставку Гренера, а затем и самого канцлера. Гинденбург был прав, настаивая на роспуске всех военизированных организаций. Если вооруженные силы призваны поддерживать законность и порядок в стране, им следует действовать одинаково по отношению ко всем возмутителям спокойствия. Односторонний запрет, введенный Брюнингом, делал такое поведение невозможным.

Резонно спросить: кто же на самом деле несет ответственность за ниспровержение Веймарской республики? Некий молодой генерал-майор, начальник правительственного департамента, не несущий министерской ответственности, пришел, по всей видимости, к убеждению, что государственные интересы требуют отставки германского канцлера. Вполне возможно, что со своей точки зрения он был прав, поскольку после того, как веймарская концепция демократии доказала свою неработоспособность, армия оставалась единственной стабилизирующей силой в стране. Вина за падение парламентского правления лежит на плечах многих людей. Два месяца спустя, когда я стал канцлером и запрет «коричневых рубашек» был отменен, для того чтобы восстановить равное отношение ко всем партиям, меня грубейшим образом обвинили в пособничестве национал-социалистическому движению. Когда я принимал это назначение, Шлейхер заверил меня, что и Гинденбург, и армия желают отмены декрета. Гитлеру он пообещал, что запрет будет отменен в обмен на обещание, что нацисты не будут действовать в оппозиции к моему правительству.

В течение всего этого времени я в своих выступлениях и газетных статьях призывал к радикальному изменению политики Брюнинга. Тем не менее, меня даже не поставили в известность о противоречиях, возникших между Брюнингом и президентом, и, когда кризис подошел к развязке, я находился у себя дома в Вестфалии.

26 мая мне позвонил по телефону генерал фон Шлейхер и попросил приехать по неотложному делу в Берлин. Я прибыл туда на следующий день, не имея ни малейшего представления о происходящем, и 28-го числа зашел к нему в министерство. Он обрисовал мне в общих чертах текущее политическое положение, описал кризис внутри кабинета и сообщил, что президент хочет сформировать правительство из специалистов, независимых от политических партий. В то время стало технически невозможным формирование парламентского кабинета, поскольку ни одно сочетание партий не могло обеспечить большинства. Единственным возможным в рамках конституции решением оставалось создание главой государства президентского кабинета. Шлейхер красочно живописал мне невозможность дальнейшей опоры на Брюнинга. Проведенный им односторонний запрет «коричневых рубашек» вынудил национал-социалистов уйти в еще более резкую оппозицию, в то же время поставив президента в затруднительное положение постоянного *vis-a-vis* с остальными партиями. Он более не считал возможным бороться с такой сильной партией, как нацистская, путем ограничений и запретов, которые приводили исключительно к угрожающему росту ее влияния. Нацисты уверяли, что ими движут патриотические мотивы, к которым громадное большинство немцев испытывало привязанность, и со временем становилось все более сложно оберегать молодых офицеров рейхсвера от притягательной силы их идей.

По словам Шлейхера, Брюнинг утверждал, что никогда не сядет за один стол с национал-социалистами. Но не существовало способа добиться от этой партии сотрудничества в делах управления государством, одновременно отталкивая ее все дальше в оппозицию и подвергая, таким образом, ее членов все более радикальным влияниям. Необходимо было найти какой-то выход из положения. Кроме того, Гинденбург был возмущен тем, что выполнение чрезвычайных финансовых декретов Брюнинга снижало жизненный уровень тех слоев населения, которые зависели от пенсий или дохода

по вкладам. Экономический кризис можно было преодолеть только значительно более позитивными методами. Президент больше не был уверен в том, что политика канцлера способна уберечь государственную власть и экономику страны от полного развала.

Шлейхер не оставил у меня сомнений в том, что он выступает в роли представителя армии – единственной оставшейся в государстве устойчивой организации, сохранившей единство и свободной от политических распри благодаря действиям фон Секта и его преемников. В условиях тогдашнего парламентского кризиса этот инструмент поддержания законности и порядка можно было удержать от вмешательства в угрожавшую стране гражданскую войну только при условии, что разрушающаяся партийная система власти будет заменена авторитарным правительством. Это была тема, которую мы обсуждали довольно часто. Из моих публичных выступлений Шлейхер знал о настойчивости, с которой я требовал от Брюнинга формирования национального коалиционного правительства и возврата к идее Бисмарка об объединении постов канцлера и прусского премьер-министра для того, чтобы федеральный кабинет мог подчинить себе прусские силы охраны общественного порядка и обеспечить, таким образом, устойчивость правительства.

Поэтому я нашел, что полностью одобряю ход мыслей Шлейхера. Но при этом я дал ему ясно понять, что со злом надо бороться начиная с его первопричины и что наибольшие усилия надо сосредоточить на исправлении конституционного законодательства. Система пропорционального представительства с ее тридцатью партиями должна быть заменена выборами по отдельным избирательным округам. Кроме того, необходимо воссоздать верхнюю палату в противовес парламентарной системе. Шлейхер не выказал особого энтузиазма по поводу этих предложений. У него полностью отсутствовал практический опыт парламентария, и он пытался добиться решения проблемы лоббированием и переговорами между политическими партиями, профессиональными союзами,

правительством и президентом. Затем он перевел разговор на тему о том, кто должен возглавить новый кабинет. Мы стали обсуждать различные кандидатуры, он интересовался моим мнением. До сих пор в нашей беседе не было ничего необычного, но неожиданно, к моему изумлению, Шлейхер предложил мне взять эту задачу на себя.

Глядя на меня со своей веселой и несколько саркастической улыбкой, он, казалось, наслаждался видом моего смятения. «Ваше предложение для меня полная неожиданность, – сказал я. – Сильно сомневаюсь, что я именно тот человек, который здесь необходим. Как мне кажется, мы достигли согласия относительно мер, которые необходимо будет принять, и буду рад оказать любую возможную помощь, но – стать рейхсканцлером! Это совсем другое дело». «Я уже предложил вашу кандидатуру старому господину, – ответил Шлейхер, – и он очень настаивает на том, чтобы вы согласились занять этот пост». Я сказал, что он относится к ситуации слишком легко. «Вы не могли ожидать, что я тут же соглашусь взять на себя такую необъятную ответственность», – заключил я. Тогда Шлейхер взял меня под руку, и мы стали прохаживаться взад и вперед по кабинету, беседуя, как старые добрые друзья. «Вы просто обязаны оказать Гинденбургу и мне эту услугу. От этого все зависит, и я не могу подумать ни о ком, кто лучше вас подходил бы на эту роль. Вы человек умеренных взглядов, которого никто не сможет обвинить в диктаторских устремлениях, а на правом фланге больше нет ни единого человека, про которого было бы возможно сказать то же самое. Я даже подготовил предварительный список членов правительства, который, я надеюсь, вы одобрите».

Я был вынужден прервать его. «Дайте мне время подумать, Шлейхер. Возможно, я смогу представить лучшую кандидатуру. В любом случае, мы должны сначала решить, что мы можем предложить нацистам за их сотрудничество с президентским кабинетом». «Я уже перемолвился об этом с Гитлером, – ответил Шлейхер. – Я пообещал ему отмену запрета «коричневых рубашек» при условии, что они станут

себя вести прилично, и роспуск рейхстага. Он заверил меня, что в обмен нацисты окажут кабинету пассивную поддержку, даже если не будут в нем представлены».

Я, должно быть, каким-то жестом продемонстрировал свое отрицательное отношение к роспуску рейхстага, потому что Шлейхер торопливо продолжал: «Я убедил Гинденбурга, что если мы намерены какое-то время полагаться на экспертов, а не на политические партии, то поступить так будет правильно. Народ устал от бесконечных политических свар в то время, когда кризис все обостряется. Гинденбург заслужит всеобщую благодарность за любые практические шаги, которые помогут промышленности снова встать на ноги и пресекут бесконечные уличные баталии. Новые выборы пойдут на пользу только умеренным правым и центристским элементам.

...Мое согласие или отказ зависели не только от того, насколько верно мы со Шлейхером оценивали тогдашнюю ситуацию. Передо мной еще стоял вопрос о том, достаточны ли будут мои способности для выполнения задачи такой важности. Я полностью сознавал границы своих возможностей, и первым моим побуждением было отклонить предложение Шлейхера.

Но я чувствовал, что этот вопрос заслуживает более тщательного рассмотрения. ...Тогда я отправился в расположенный на западной окраине Берлина район Нойбабельсберг, где жил мой друг Ганс Гуманн. ...Мне показалось, что он изумлен предложением Шлейхера даже больше, чем я сам. «Совершенно ясно, – говорил он, – что им необходим человек из центристских партий, кто-либо придерживающийся идей просвещенного консерватизма, который бы контрастировал с тем беспорядком, в который впали все политические партии. ...Этот эксперимент вполне может увенчаться успехом, если только существует хоть какая-то уверенность в том, что политические партии, временно лишенные власти, обладают достаточной долей здравого смысла, чтобы снизить накал своих оппозиционных выступлений. Я усматриваю в этом

основную трудность и не могу поверить, что они поступают именно так. ... Я очень хорошо понимаю, почему Шлейхер и президент должны были к тебе обратиться. Они ищут человека, который бы понимал народ, был знаком с положением здесь и за границей и имел бы мужество отстаивать свои убеждения. С этой точки зрения они сделали отличный выбор. С другой стороны, я не верю, что партии уже осознали неизбежность разрушения всего аппарата управления, существующего в рамках нынешней конституции, если только он не будет каким-то образом реформирован. Если бы у нас существовала компетентная правая оппозиция, которая сочетала бы консерватизм с просвещенным подходом к ситуации, я посоветовал бы тебе принять предложение Шлейхера. Проблема заключается в том, что среди правых нет ни одного достойного человека с государственным мышлением».

В итоге я принял решение. ... Через четверть часа я стоял перед президентом. Он принял меня со своей обычной отеческой благожелательностью. «Ну что же, мой дорогой Папен, – сказал он густым голосом, – я надеюсь, что ты сможешь мне выбраться из этой скверной ситуации». «Господин рейхспрезидент, боюсь, что я не в состоянии сделать это», – ответил я. Я сказал ему, что полностью согласен с необходимостью перемены курса правительства, и предположил, что существует еще возможность убедить Брюнинга предпринять необходимые шаги. По мнению Гинденбурга, шансов на это было очень мало. Он был уверен, что у Брюнинга нет иного решения проблемы, кроме применения своих чрезвычайных декретов. К тому же он оказался не в состоянии убедить Брюнинга в невозможности запрета военизированных формирований одной только нацистской партии. Но основное его недовольство вызывала та немыслимая ситуация, когда при его переизбрании он получил поддержку исключительно от левых и центристских партий, в то время как национал-социалисты выставили против него «этого ефрейтора». Он твердо решил составить кабинет из людей, которым

бы он лично доверял и которые смогут управлять, не затевая на каждом шагу споров.

Со всем этим я согласился, но постарался доказать ему, ... что назначение меня на пост канцлера в надежде на получение мной поддержки от партии центра не имеет никакого смысла. Если я соглашусь со своим назначением, то тем самым только навлеку на себя гнев и враждебность своей собственной партии, и он может с таким же успехом призвать для выполнения этой задачи немецких националистов.

Мне часто приходилось описывать последовавшую за этим сцену. Тяжело поднявшись со стула, старый фельдмаршал положил обе руки мне на плечи. «Ты, конечно, не сможешь бросить в беде такого старика, как я, – проговорил он. – Несмотря на свои годы, я был вынужден еще на один срок принять на себя ответственность за судьбу нации. И теперь я прошу тебя взяться за выполнение задачи, от которой зависит будущее нашей страны, я надеюсь, что твое чувство долга и патриотизм заставят тебя выполнить мою просьбу». Я по сей день помню его густой, низкий голос, полный теплоты и в то же время очень требовательный. «Для меня не имеет значения, что ты вызовешь неодобрение или даже враждебность со стороны своей партии. Я намерен окружить себя людьми, независимыми от политических партий, людьми доброй воли и профессиональных знаний, которые преодолению кризиса в нашей стране. – Президент слегка повысил голос: – Ты сам был солдатом и на войне исполнял свой долг во время войны. Когда зовет Отечество, Пруссия знает только один ответ – повиновение».

Тогда я сдался и спустил флаг. Я почувствовал, что такой вызов перевешивает любые партийные обязательства. Я сжал руку фельдмаршала. Шлейхер, который ожидал в соседней комнате, вошел, чтобы принести свои поздравления. Учитывая поставленную передо мной задачу, я чувствовал, что нуждаюсь скорее в его сочувствии.

... Пока Гинденбург, Шлейхер и я вели длительное обсуждение кандидатур новых министров и новых законодательных мер, которые необходимо будет провести, новость распространилась со сверхъестественной быстротой... Наши дискуссии по формированию нового кабинета закончились на следующий день. Шлейхер уже прозондировал наиболее вероятных кандидатов, и мне мало что оставалось сделать самому, за исключением окончательного утверждения членов правительства и одобрения наших ближайших целей. Шлейхер, без сомнения, сделал хороший выбор. Нейрат, которому Брюнинг уже делал предложение в предыдущем ноябре, взял портфель министра иностранных дел. Надежный, опытный государственный служащий Фрейгер фон Гайль, который принял министерство внутренних дел, отлично подходил для решения проблемы реформы конституции. Министерство финансов отошло к графу Шверин-Крозигку, который многие годы возглавлял в нем бюджетный департамент. Доктор Гюртнер, баварский министр юстиции и мой старый друг со времен палестинской кампании, стал министром юстиции. Прочие посты были заняты людьми столь же квалифицированными. Сам Шлейхер взял на себя министерство обороны, в котором он так долго работал офицером политических связей. Этот пост обеспечивал ему сильнейшее влияние в правительстве, которое он сам и привел к власти.

Мы столкнулись с некоторыми трудностями при подборе кандидатов на посты министра экономики и министра труда. Шлейхер хотел, чтобы одна из этих должностей досталась бургомистру Лейпцига доктору Герделеру. В этой связи интересно обратить внимание на послевоенное откровение Брюнинга, утверждавшего, что он пытался уговорить Гинденбурга назначить своим преемником Герделера. Я не знаю, посчитал ли бургомистр, что одного министерского портфеля ему будет недостаточно, но он потребовал для себя оба. В любом случае, поскольку Шлейхер и я сочли совмещение этих постов делом для одного человека непосильным, мы на это не согласились. В результате профессор Вармбольд

взял на себя министерство экономики, а доктор Шеффер, президент «Reichs Versicherungsamt», ассоциации бывших военнослужащих, стал исполнять обязанности министра труда. Всего через двадцать четыре часа я представил президенту свой кабинет для принятия присяги. Со времен кайзера ни одно германское правительство не было сформировано столь быстро. Благодаря усилиям Шлейхера, на сей раз, удалось избежать длительных переговоров и торговли между партиями, которые порой держали в напряжении всю нацию на протяжении целых недель. Это произвело благоприятное первое впечатление.

Проблемы, стоявшие перед нами, были чрезвычайно серьезны. В нашей первой политической декларации я заявил, что занял свой пост не как политический деятель, но как гражданин Германии. Положение в стране требовало сотрудничества и объединенных усилий всех патриотических элементов общества вне зависимости от их политических пристрастий. Финансовая основа федерального, земельных и местных правительств была разрушена. Планы по реформированию общественной жизни никогда не продвинулись дальше неясных предложений. Безработица угрожала экономической жизни общества, а фонды социального обеспечения были совершенно истощены. Послевоенные правительства ввели в действие многочисленные проекты социального вспомоществования, которые превосходили возможности экономики, и создали систему государственного социализма, превратившую страну в разновидность благотворительного общества. Моральные силы нации были подорваны. В целях борьбы с марксистскими и атеистическими учениями следовало перестроить всю общественную жизнь государства на основе христианских принципов.

В области внешней политики мы заявили о своем стремлении добиваться для Германии равенства прав и политической свободы путем консультаций с другими государствами. Проблемы разоружения и выплаты репарации в обстановке всемирного экономического кризиса – вот что

имело для Германии важнейший жизненный интерес. Если мы хотели подобающим образом представлять интересы ее за границей, то нашей первейшей задачей должно было стать внесение ясности во внутривнутриполитические дела. С этой целью президент принял правительственное предложение о роспуске рейхстага и назначении новых выборов.

Партия центра уже ясно заявила о своей позиции в коммюнике, содержащем такие слова: «Мы единодушно осуждаем события нескольких последних дней, которые привели к отставке канцлера Брюнинга. Безответственные интриги лиц, не имеющих по конституции никаких полномочий, застопорили процесс национального возрождения в то время, когда можно было ожидать благоприятного изменения ситуации ввиду приближающихся международных переговоров. На пути реализации экономических и социальных ожиданий всех групп населения страны воздвигнуты серьезные препятствия... В период серьезного политического кризиса партия центра считает своим долгом потребовать проведения политики, ведущей к национальной свободе и равенству, и осуществления решительного урегулирования основополагающей проблемы безработицы. Поэтому партия отвергает временное решение, представляемое теперешним кабинетом, и требует изменения ситуации путем передачи ответственности за формирование правительства в руки Национал-социалистической партии».

Историкам, которые принимают на веру позднейшие утверждения Брюнинга о том, что он избегал в этот критический момент любых контактов и сотрудничества с Гитлером, можно посоветовать обратить свое внимание на эту давно позабытую декларацию. Тогда можно будет более справедливо поделить ответственность. Пресса партии центра, правое крыло которой поддержало мое назначение на пост канцлера, предложила также включить национал-социалистов в состав кабинета. Правая печать в целом вообще оказывала мне поддержку, в то время как со стороны левых слышались главным образом обвинения меня в «предательстве».

4 июня парламент был распущен. Я уже упоминал, что Шлейхер пообещал Гитлеру роспуск рейхстага и отмену запрета «коричневых рубашек» при условии, что нацисты поддержат правительство или позднее даже войдут в его состав. Когда я объявил об этом членам своего кабинета, все согласилось с тем, что если бы даже Гитлеру и не были даны эти обязательства, все равно было бы очень важно распустить рейхстаг, для того чтобы народ смог высказать свое мнение о политике, которой мы были намерены следовать.

С тех самых пор меня обвиняют в том, что мое указание о роспуске было вызвано только желанием сослужить службу нацистам. Тем не менее, Брюнинг имел любезность заявить в своей статье, опубликованной в июле 1948 года в «Deutsche Rundschau», цитату из которой я уже приводил выше, что «Папен не может нести ответственность за роспуск рейхстага и за отмену запрета СА. Шлейхер уже пошел на эти уступки еще до назначения Папена канцлером». Он также пишет, что Гинденбург настаивал на проведении новых выборов в разговоре с ним, происшедшем еще 30 мая. Отсюда становится ясно, что Шлейхер сообщил Гинденбургу о требованиях нацистов еще до того, как я вступил в дело. Шлейхер представил мне это как обеспечение на некоторое время лояльного отношения нацистов и гарантию их своевременного вхождения в правительство. Если бы эта цель была достигнута, то роспуск парламента мог бы принести какую-то пользу. Нашей главной задачей было постараться, даже несмотря на упущенное время, усмирить нацистов путем раздела с ними ответственности за управление государством. Готовилась конференция по вопросу репараций, совместно с союзниками, которая должна была состояться через две недели. Кому бы ни пришлось представлять на ней Германию, ему предстояло действовать в условиях сильно осложнившейся ситуации, не имея под собой твердой поддержки общественного мнения внутри страны.

В первый раз я встретился с Гитлером 9 июня 1932 года. Инициатива встречи исходила от меня. Я хотел услышать его

версию договоренности со Шлейхером и постараться оценить позицию, которую нацисты займут по отношению к моему правительству. Встреча произошла на квартире друга Шлейхера – некоего господина фон Альвенслебена. Я решил, что Гитлер выглядит до странности незначительно. Газетные фотографии не создавали впечатления сильной, доминирующей личности, и во время встречи я не смог заметить в нем внутренних качеств, которые могли бы объяснить его действительно необыкновенную власть над массами. Он был одет в темно-синий костюм и выглядел как совершенный *petitbourgeois*. У него был нездоровый цвет лица, что вкупе с маленькими усиками и нестандартной прической придавало ему неуловимо богемный вид. Вел он себя скромно и вежливо, и, хотя мне много приходилось слышать о магнетических свойствах его глаз, я не помню, чтобы они произвели на меня какое-то особое впечатление.

После нескольких вежливых формальностей я задал вопрос о его взглядах на возможность поддержки моего правительства. Он выдвинул свой обычный набор жалоб – по его мнению, предыдущие правительства продемонстрировали прискорбное отсутствие государственного подхода к политике, отказав политической партии, имеющей столь широкую поддержку, в ее законной доле участия в делах государственной важности в момент, когда следовало попытаться исправить ошибки Версальского договора и полностью восстановить германский суверенитет. Это показалось мне самым важным пунктом, а когда он заговорил о целях своей партии, я был поражен тем, с какой фанатичной энергией он представлял свои аргументы. Я понял, что судьба моего правительства будет в очень большой степени зависеть от согласия этого человека и его последователей поддержать меня и что это станет самой трудной задачей из всех, какие мне предстоит решать. Он ясно дал мне понять, что не собирается долго мириться с подчиненной ролью и собирается в будущем потребовать для себя всей полноты власти. «Я рассматриваю ваш кабинет только как временное решение

и продолжу свои усилия по превращению своей партии в сильнейшую в стране. Пост канцлера тогда сам упадет мне в руки», – сказал он.

Мы провели вместе около часа. Уходя, я понял, что мне необходимо не только показать, каких успехов может добиться решительное правительство на приближающейся международной конференции в Лозанне, но также начать всеобъемлющую программу борьбы с безработицей и радикализмом, чтобы избиратели могли почувствовать, что вопреки всему существует альтернатива прихода к власти нацистов. Мы были вынуждены начинать в крайне невыгодных условиях. Казна была в буквальном смысле слова пуста, и правительству только с большим трудом удалось выплатить государственным служащим жалованье за июнь. Поэтому мы были вынуждены применить хотя бы частично последний чрезвычайный декрет Брюнинга и сократить им оклады. Мы начали работу над проблемой конституционной реформы, оказывали поддержку сельским хозяевам и приступили к выполнению практической программы помощи безработным. Их к тому времени насчитывалось от шести до семи миллионов человек, не считая занятых неполную рабочую неделю, учет которых довел бы численность не имеющих работы до двенадцати или тринадцати миллионов, причем полтора миллиона из них составляли молодые люди. Четырнадцать дней, предшествовавших Лозаннской конференции, мы провели в поездках, проехав по стране огромные расстояния. Мы непременно хотели, чтобы люди дома и за рубежом могли получить точное представление о позиции нового правительства.

Кроме того, мы выполнили данное Шлейхером обещание и отменили запрет на существование штурмовых отрядов СА. Президент подписал приказ об этом 16 июня и сопроводил его письмом министру внутренних дел, в котором говорилось: «Я выполнил требование правительства о смягчении действующих правил в надежде на то, что политическая деятельность в стране приобретет более организованный

характер, а все акты насилия будут прекращены. Я полон решимости в случае, если мои ожидания не оправдаются, использовать все имеющиеся в моем распоряжении средства для пресечения беспорядков и уполномочиваю вас поставить заинтересованные стороны в известность о моих намерениях в этом отношении».

Левые партии тогда сделали вид, и продолжают поступать так и в наши дни, что отмена запрета «коричневых рубашек» послужила первым шагом, совершенным мной для обеспечения прихода к власти нацистов. У меня нет сомнений, что они сочли для себя удобным искать в этой ситуации козла отпущения. На самом же деле все происшедшее тогда было направлено на восстановление равенства прав всех партий, включая нацистов и коммунистов. В любом случае это положение сохранялось только в течение одного месяца. Вскоре возобновились уличные стычки, и 18 июля министр внутренних дел ввел по всей стране запрет на проведение политических демонстраций. Это относилось к военизированным формированиям всех партий. В некоторых землях, таких как Бавария и Баден, первоначальный запрет СА так никогда и не был отменен. Оба этих земельных правительства имели в своем распоряжении собственную полицию и, в случае несогласия с мерами, предлагавшимися центральным правительством, были вольны игнорировать его постановления. Также неверно считать, что данные послабления повлияли на результаты выборов 31 июля в пользу нацистов. Общий запрет на демонстрации был введен за две недели до голосования, а уличные беспорядки могли с большей вероятностью побудить ответственных избирателей оказать поддержку более умеренным партиям.

...Прежде чем закончить обзор критически важных политических событий, происходивших в Германии в 1932 году, я хочу еще раз обратить внимание читателя на то, что я считаю основной причиной краха веймарской демократии. Существует только одна фундаментальная причина, по которой либерально-демократические принципы, провозглашенные

в 1848 году в соборе Святого Павла во Франкфурте, так никогда и не смогли восторжествовать. В то время когда Веймарская республика пыталась воплотить в жизнь эти принципы, был упущен из виду основной фактор, который успешно функционирует в англосаксонских странах, а именно – двухпартийная система, которая позволяет правительству и оппозиции меняться местами в зависимости от потребностей и настроений избирателей. На конгрессе во Франкфурте присутствовало восемь партий, а в годы упадка Веймарской республики их число возросло до тридцати. Наши партии в то время опирались и продолжают в Западной Германии по сей день опираться на застывшие доктрины, которые требуют защиты, как если бы они являлись религиозными догматами.

В Америке и Великобритании деятельность каждой из двух партий основывается на постоянно меняющихся условиях политической жизни. Даже лейбористская партия, пришедшая к власти в Великобритании в 1945 году, не является доктринерской в том смысле, какой применим к германским социал-демократам. Европейские и другие партии смогли обеспечить только весьма убогую имитацию англосаксонской модели. Я был склонен думать, что катастрофические последствия раздробленности и чрезвычайной узости взглядов при защите партийных доктрин чему-нибудь нас научат, однако послевоенные события в Германии показывают мало признаков такого прогресса. И все же у партий, члены которых имеют общее вероисповедание, достало здравого смысла объединиться в одну крупную партию среднего класса.

Партии, находившиеся у власти во времена Веймарской республики, должны были заниматься проблемой возрождения германской экономики в новых политических условиях. Ни одна партия, не важно – левая или правая – не могла избежать общей ответственности. Их вполне оправданные попытки восстановления германского суверенитета дали толчок развитию националистических концепций, которые

не принимали во внимание обязанностей Германии как европейского государства. При этом интернационалистские соображения международного плана играли слишком незначительную роль, и не нашлось ни одного достаточно способного государственного деятеля, который смог бы придать развитию государственной политики подобающее ей направление. Узколобые националистические концепции, постепенно усиливаясь, возбудили страсти всего народа, который стал легкой добычей экстремистской и эгоцентрической программы национал-социалистов.

В концепциях Немецкой национальной партии отсутствовал конструктивный государственный подход к политике, точно так же, как его не было в теориях социал-демократов, которые погрязли в болоте марксистского доктринерства. Трагедией стало то, что лидер националистов Гугенберг никогда не был истинным представителем просвещенного консерватизма. Работавший прежде финансовым руководителем в концерне Круппа, он был чересчур сильно связан с коммерческой традицией, чтобы оценить духовные ценности истинно консервативной политики.

Социал-демократы выступили в 1919 году как основная опора государства, собрав на выборах 13,8 миллиона голосов. Даже на вершине своей популярности, вскоре после того, как он стал канцлером, на выборах 31 июля 1932 года Гитлер смог получить законным путем только 13,7 миллиона бюллетеней. Социал-демократы были господствующей, или правящей, партией и в рейхе и в Пруссии почти без перерыва в течение одиннадцати лет. Несмотря на это, их позитивный вклад в обеспечение Веймарской республике достойной роли на европейской арене сводился практически к нулю. Они были связаны идеологическими узами с партиями рабочего класса всех остальных стран, но тем не менее, оказались совершенно неспособны предложить Германии достойную политику, чтобы противодействовать бедствиям, вызванным удовлетворением репарационных требований, и катастрофе, порожденной мировым экономическим кризисом.

Державы-победительницы, возможно, захотят поразмыслить над тем, что они сами сталкивались с наибольшими трудностями во взаимоотношениях с Германией, с ее неуступчивостью и нежеланием идти на компромиссы именно в тот период, когда социалисты занимали главенствующее положение во власти. Когда в 1930 году ситуация вышла из-под контроля, социалисты в тот самый момент, когда их поддержка была наиболее необходима, отказались принять на себя свою долю ответственности.

Моя собственная партия центра заслуживает еще большего осуждения. Многие годы я старался убедить своих коллег в том, что одним из основных демократических принципов должна являться регулярная перемена ролей правительства и оппозиции, но так и не преуспел в этом. Я всегда боролся против их лишнего чувства меры стремления к сотрудничеству с социал-демократами, в первую очередь в Пруссии. Это задерживало проведение многих важнейших реформ, в особенности реформирование конституционного законодательства, что было единственным способом борьбы с искажениями демократических принципов. Трагично, что человек, наделенный такими качествами, как Брюнинг, вновь занявший в июне пост лидера партии, сделал невозможным для нового правительства проведение конституционной реформы, которую он сам признавал необходимой. Он предпринял все, что было в его власти, для восстановления влияния своей партии и борьбы с моим кабинетом. Принимая во внимание отношение Брюнинга к нацистам, его нежелание поддержать предлагавшиеся мной меры по ограничению роста их влияния и их тоталитарных устремлений остается совершенно непонятным.

Существовало только два способа овладеть ситуацией, используя демократические методы. Один из них заключался в согласовании общей с оппозицией программы и формировании коалиционного правительства. Правые партии в этом случае были бы вынуждены прекратить свою политику невыполнимых посулов и взять на себя долю ответственности

за конструктивное сотрудничество. Их сторонники тогда поняли бы, что для любых обещаний существуют практические ограничения, и потеряли бы значительную часть своего фанатизма. Такие шаги были действительно необходимы в 1930-м и 1931 годах, но они не были предприняты.

Второй способ состоял в устранении условий, благоприятствовавших усилению влияния оппозиции. Все возрастающий радикализм нацистов опирался на непрерывный рост безработицы и пролетаризацию больших масс населения. Было чрезвычайно важно бороться против этих бедствий с помощью мер социального обеспечения. Брюнинг же предпочел действовать противоположным образом. Проводимая им политика дефляции только усиливала беспорядок в экономике, что способствовало дальнейшему обнищанию населения и росту радикализма в обществе. По сути дела, на практике не был применен ни один из двух возможных способов решения насущных проблем, хотя политические партии того времени, как и их нынешние наследники, умывают руки, не беря на себя за это ответственности. Брюнинг был честным и прямодушным человеком, который пытался, в соответствии со своими убеждениями, исполнить то, что он посчитал наилучшим для своей страны. Но его личное бескорыстие равнялось только его политической слепоте, которая толкала его на продолжение курса, направленного на удовлетворение всех репарационных требований в то время, когда внутренняя ситуация в стране делала такую политику губительной.

Папен Ф. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933-1947. – М.: Центрполиграф, 2005. – 320 с.

67. Э. Фромм. Бегство от свободы.

Глава 6. Психология нацизма

...Приступая к психологии нацизма, мы прежде всего должны уяснить, каково значение психологических факторов для понимания нацизма. В научной и популярной литературе о нацизме высказывались две противоположные точки зрения. Первая состоит в том, что фашизм – это сугубо экономическое и политическое явление и психология никак его не объясняет; вторая – в том, что фашизм – чисто психологическая проблема.

Первая точка зрения рассматривает нацизм либо как результат сугубо экономического развития, то есть как результат экспансионистских тенденций германского империализма, либо как сугубо политическое явление, то есть захват государственной власти политической партией, опирающейся на промышленников и юнкеров. Иначе говоря, победа нацизма объясняется как результат обмана и подавления большинства народа вероломным меньшинством.

Согласно второй точке зрения, нацизм может объяснить только психология, точнее, психопатология. Гитлер считается маньяком или «невротиком», а его последователи – безумцами или психически неуравновешенными людьми. В свете этого объяснения, как его излагает Л. Мамфорд, подлинные корни фашизма надо искать «не в экономике, а в человеческой душе». Он продолжает: «Объяснение фашизма заключается не в Версальском договоре и не в слабости Веймарской республики, а в безмерной гордыне, в наслаждении жестокостью и в невротическом распаде».

По нашему мнению, ни одно из этих взаимоисключающих объяснений неверно. Нацизм – это психологическая проблема, но сами психологические факторы; могут быть поняты лишь при учете их формирования под воздействием факторов социально-политических и экономических. Нацизм – это экономическая и политическая проблема, но без учета

психологических факторов невозможно понять, каким образом он приобрел власть над целым народом. В этой главе мы займемся именно психологическим аспектом нацизма, его человеческой базой. Нам предстоит рассмотреть два вопроса: особенности характера тех людей, к которым обращена нацистская идеология, и психологический характер самой идеологии, превративший ее в столь эффективное орудие воздействия на этих людей.

Изучая психологические предпосылки победы нацизма, нужно с самого начала провести различие между двумя группами населения. Часть народа склонилась перед нацистским режимом без сколь-нибудь значительного сопротивления, но и без восторга от идеологии или политической практики нацизма. Другая часть народа была чрезвычайно увлечена новой идеологией и фанатически предана тем, кто ее провозглашал. Первая группа состояла в основном из рабочего класса, а также из либеральной и католической буржуазии. Но хотя эти слои относились к нацизму; враждебно с самого момента его зарождения и до 1933 года, хотя они имели прекрасную организацию – особенно рабочий класс, – они не проявили того внутреннего сопротивления, какого можно было бы ожидать, судя по их политическим убеждениям. Их воля к сопротивлению сломалась очень скоро, и с тех пор, они не доставляли особых трудностей новому режиму; (конечно, за исключением того малого меньшинства, которое героически борется с нацизмом все эти годы). По-видимому, эта готовность подчиниться нацистскому Я режиму была психологически обусловлена состоянием; внутренней усталости и пассивности, которые ... характерны для индивида нашей эпохи даже в демократических странах. Поскольку речь идет о рабочем классе, то в Германии была еще одна причина для этого: поражение, которое он потерпел после первых побед в революции 1918 года. Рабочий класс вступил в послевоенный период с большими надеждами на осуществление социализма или по меньшей мере на существенное улучшение своего экономического, политического и социаль-

ного положения. Но ему пришлось испытать непрерывный ряд поражений – каковы бы ни были их причины, – которые принесли полное крушение этих надежд. К началу 1930 года результаты первых его побед были почти полностью уничтожены, что привело к глубокому разочарованию, неверию своим лидерам, сомнению относительно целесообразности любых политических организаций, любой политической деятельности. Рабочие оставались членами своих партий и продолжали – на уровне сознания – верить в свои политические доктрины; но в глубине души многие из них потеряли всякую веру в эффективность политической борьбы.

После прихода Гитлера к власти лояльность большинства населения нацистскому правительству была усилена добавочным стимулом: миллионы людей стали отождествлять правительство Гитлера с «Германией». В его руках была теперь государственная власть, и потому борьба с ним означала самоисключение из сообщества всех немцев; когда все другие партии были распущены и нацистская партия «стала» Германией, оппозиция этой партии стала равнозначна оппозиции Германии. Наверно, для среднего человека нет ничего тяжелее, чем чувствовать себя одиноким, не принадлежащим ни к какой большой группе, с которой он может себя отождествить. Гражданин Германии, как бы ни был он чужд принципам нацизма, должен был выбирать между одиночеством и чувством единства с Германией, и большинство выбрало единство. Во многих случаях люди, не имеющие ничего общего с нацизмом, защищают нацизм от критики иностранцев, потому что расценивают ее как нападки на Германию. Страх перед изоляцией и относительная слабость моральных принципов значительной части населения помогают любой партии завоевать его лояльность, стоит лишь этой партии захватить государственную власть.

Из этого следует важнейшая аксиома политической пропаганды: любые нападки на Германию как таковую, любая пропаганда, порочащая «немцев» (вроде клички «гунны» в период прошлой войны), только усиливают лояльность тех,

кто еще не вполне отождествляет себя с нацистской системой. Эта проблема, однако, не может быть решена даже самой умной и искусной пропагандой. ...

В противоположность отрицательному или равнодушному отношению рабочего класса, либеральной и католической буржуазии низшие слои среднего класса (мелкие лавочники, ремесленники, служащие) восторженно приветствовали нацистскую идеологию.

В этой второй группе населения, составившей массовую опору нацистского движения, люди старшего поколения формировали более пассивный слой; их сыновья и дочери стали активными борцами. Нацистская идеология – дух слепого повиновения вождю, ненависть к расовым и политическим меньшинствам, жажда завоевания и господства, возвеличение немецкого народа и «нордической расы» – имела для них огромную эмоциональную притягательность. Именно это покорило их, превратило в пылких приверженцев нацизма и борцов за его дело.

Почему же нацистская идеология оказалась столь привлекательной для низов среднего класса? Ответ на этот вопрос необходимо искать в социальном характере этой группы населения. Ее социальный характер заметно отличается от социального характера рабочего класса, верхов среднего класса и высших классов, в том числе аристократии. В сущности, некоторые черты, характерные для этой части среднего класса, видны на протяжении всей истории: любовь к сильному и ненависть к слабому, ограниченность, враждебность, скупость – в чувствах, как и в деньгах, – и особенно аскетизм. Эти люди всегда отличались узостью взглядов, подозрительностью и ненавистью к незнакомцу, а знакомый всегда вызывал у них завистливое любопытство, причем зависть всегда рационализировалась как презрительное негодование; вся их жизнь была основана на скудости – не только в экономическом, но и в психологическом смысле.

Когда мы говорим, что социальный характер низов среднего класса отличается от социального характера рабочего класса, это вовсе не значит, что подобную личность нельзя встретить среди рабочих. Но для низов среднего класса она типична, а среди рабочих проявляется в столь же отчетливой форме лишь у меньшинства. Однако те или иные черты такого характера в менее выраженной форме обнаруживались и у большинства представителей рабочего класса, например повышенная почтительность к власти или бережливость. Вместе с тем значительная часть «белых воротничков» – возможно, большинство – по своему характеру, по-видимому, ближе к рабочим (особенно к рабочим крупных заводов), нежели к «старому среднему классу», который не принимал участия в развитии монополистического капитализма, а испытывал угрозу с его стороны.

Конечно, социальный характер низших слоев среднего класса был таким же еще задолго до войны 1914 года; но послевоенные события усилили в них именно те черты, на которые больше всего действовала нацистская идеология: стремление к подчинению и жажду власти.

В период перед германской революцией 1918 года; экономическое положение нижних слоев старого среднего класса – мелких предпринимателей и ремесленников – было достаточно плачевно, но оно не было; безнадежно, и существовало много факторов, которые их поддерживали.

Авторитет монархии был непререкаем; опираясь на нее и отождествляя себя с нею, представитель низов среднего класса приобретал чувство уверенности и нарциссической гордости. Столь же прочно держался еще авторитет религии и традиционной морали. Семья была еще незыблемым оплотом, надежным убежищем во враждебном мире. Индивид ощущал свою принадлежность к устойчивой общественной и культурной системе, где у него было собственное место. Его мазохистские наклонности в достаточной мере удовлетворялись подчинением существующим авторитетам, но он не доходил до крайнего самоотречения и сохранял сознание

собственной значимости. Если индивиду не доставало уверенности или агрессивности, то сила авторитетов, которым он подчинялся, это компенсировала. Короче говоря, его экономическое положение было еще достаточно прочным, чтобы дать ему чувство довольства собой; авторитеты же, на которые он опирался, были достаточно сильны, чтобы обеспечить ему дополнительную уверенность, если не хватало собственной.

В послевоенный период ситуация резко изменилась. Прежде всего экономический упадок старого среднего класса пошел быстрее; этот процесс был ускорен инфляцией, которая к 1923 году почти полностью поглотила все сбережения, накопленные многолетним трудом.

В период 1924–1928 годов экономическое развитие принесло низам среднего класса новые надежды, но депрессия, начавшаяся в 1929 году, ничего от них не оставила. Как и в период инфляции, средний класс, стиснутый между рабочими и высшими классами, оказался самым незащищенным, по нему депрессия ударила сильнее всего.

Но кроме этих экономических причин, были еще и психологические, усугубившие положение. Первая из них — поражение в войне и падение монархии. Монархия и государство были в свое время незыблемой основой, на которой строилась в психологическом смысле вся жизнь мелкого буржуа; их падение разрушило эту основу. Если публично высмеивают Кайзера, если нападают на офицеров, если государству пришлось сменить форму правления и допустить «красных агитаторов» на должности министров, а какого-то шорника сделать президентом, то во что остается верить маленькому человеку? Прежде он отождествлял себя со всеми этими институтами, как унтер-офицер отождествляет себя с армией; но теперь, когда их больше нет, куда ему податься?

Инфляция тоже сыграла не только экономическую, но и психологическую роль. Она нанесла смертельный удар принципу бережливости и престижу государства. Если многолетние сбережения, ради которых человек отказывал себе

в стольких маленьких радостях, могут быть утрачены без всякой его вины, то к чему вообще бережливость? Если государство может нарушить свои обязательства, напечатанные на его банковских билетах, то кому же тогда верить?

После войны резко упал не только экономический уровень среднего класса, но и его социальный престиж. Перед войной представитель этого класса ощущал, что он все-таки не рабочий, он все-таки «кто-то». После революции социальный престиж рабочего класса значительно вырос, и соответственно изменился взгляд на средний класс. Теперь его представителям не на кого было смотреть сверху вниз; исчезла эта привилегия, которая всегда была одной из главных радостей в жизни мелких лавочников и тому подобной публики.

В довершение всех этих бед пошатнулся и последний оплот уверенности среднего класса – семья. В послевоенные годы упал авторитет отца, вся мораль среднего класса отвергалась молодежью, и в Германии этот процесс был, вероятно, заметнее, чем где-либо еще. Молодое поколение поступало по-своему и не заботилось больше о том, одобряют его поведение родители или нет.

Причины этого процесса слишком многочисленны и сложны, чтобы разбирать их здесь подробно. Я упомяну лишь несколько из них. Крушение прежних символов власти и авторитета – монархии и государства – отразилось и на личных символах авторитета, то есть на родителях. Родители требовали от молодежи почтения к тем авторитетам, но раз они оказались несостоятельны, то и родители потеряли престиж и власть. Другая причина состояла в том, что в новых условиях, особенно в условиях инфляции старшее поколение растерялось и оказалось гораздо менее приспособленным, чем более «гибкая» молодежь. В результате молодое поколение ощущало свое превосходство и уже не могло принимать всерьез ни учения старших, ни их самих. И кроме того, экономический упадок среднего класса отнял у родителей традиционную роль гарантов будущности их детей.

Старшее поколение низов среднего класса было более пассивно в своей горечи и разочаровании, молодежь стремилась к действию. Экономическое положение молодых было подорвано, поскольку у них не было базы для независимого существования, какая была у их отцов. Рынок свободных профессий был насыщен, так что трудно было рассчитывать на успехи в качестве врача или адвоката. Вернувшиеся с войны считали, что они заслужили лучшую участь, нежели та, что осталась на их долю. Особенно это относилось – к массе молодых офицеров, которые за несколько лет привыкли командовать и ощущали власть как нечто естественное; они не могли примириться с положением мелких служащих или коммивояжеров.

Усиление социальной фрустрации вызвало психологические последствия, ставшие важным фактором в развитии национал-социализма; представители среднего класса не сознавали, что экономический и социальный упадок затрагивает именно их общественный слой; они считали, что их судьба – это судьба всего народа. Поражение Германии и Версальский договор стали теми символами, которыми они подменили свою подлинную фрустрацию – социальную.

Часто говорят, что одной из главных причин подъема нацизма было обращение победителей с Германией в 1918 году. Это утверждение необходимо уточнить. Большинство немцев считало, что мирный договор несправедлив, но рабочий класс относился к этому договору гораздо спокойнее, чем средний класс, без такой горечи и злобы. Рабочие были против прежнего режима, и поражение в войне для них означало поражение режима. Они знали, что сражались достойно, им нечего было стыдиться. Вместе с тем победа революции, которая стала возможна только в результате военного поражения монархии, улучшила их экономическое, политическое и человеческое положение. Негодование против Версальского договора имело главную основу в низах среднего класса; причем националистические страсти были

рационализацией, переводившей чувство социальной неполноценности в чувство неполноценности национальной.

Эта рационализация совершенно очевидна в личном развитии Гитлера. Он был типичным представителем низов среднего класса – был никем и не имел никаких перспектив на будущее. И очень остро чувствовал свою роль парии. В «Майи кампф» он часто говорит, что в молодости он был «никто», «безвестный человек». Но хотя это ощущение было следствием его собственного социального положения, он рационализировал его в национальных символах. Родившись за пределами империи, он чувствовал себя изгоем не столько в социальном плане, сколько в национальном. Великая Германская империя, в которую смогут вернуться все ее сыновья, стала для него символом социального престижа и надежности.

Чувство тревоги, бессилия и социальной изоляции, которыми был охвачен прежний средний класс, и вытекающие из них разрушительные тенденции – не единственный психологический источник нацизма. Крестьяне были возмущены своими городскими кредиторами, у которых были в долгу. Рабочие были обескуражены постоянным отступлением, начавшимся сразу же после их первых побед в 1918 году, разочарованы своими руководителями, полностью утратившими стратегическую инициативу. Огромное большинство народа было охвачено чувством собственной ничтожности и бессилия... Эти психологические условия не были причиной нацизма, но они сформировали ту человеческую основу, без которой нацизм не смог бы развиваться. Однако полный анализ возникновения и победы нацизма должен опираться не только на психологические, но и на чисто экономические и чисто политические факторы. Поскольку этому аспекту проблемы посвящена обширная литература, а наша книга преследует специальные цели, то нам нет нужды вдаваться в обсуждение экономических и политических вопросов. Однако можно напомнить, какую роль сыграли в становлении нацизма представители крупного капитала и полуразорившегося юнкерства. Без их поддержки Гитлер никогда не смог бы

победить, а эта поддержка в гораздо большей степени была обусловлена их экономическими интересами, чем какими бы то ни было психологическими факторами.

Имущие классы столкнулись с парламентом, в котором 40 процентов депутатов – социалистов и коммунистов – представляли слои населения, недовольные существующей социальной системой; возраставшее число нацистских депутатов тоже представляло класс, находившийся в резкой оппозиции наиболее могущественным кругам германского капитализма. Такой парламент, в большинстве своем представлявший тенденции, направленные против их экономических интересов, казался им опасным. Они говорили, что демократия не работает. На самом деле можно было сказать, что демократия работает слишком хорошо: парламент достаточно адекватно представлял соответствующие интересы различных классов населения страны, и как раз поэтому парламентская система стала несовместимой с интересами крупных промышленников и полуфеодалных землевладельцев, не хотевших терять свои привилегии. Привилегированные классы рассчитывали, что нацизм направит угрожавший им эмоциональный заряд в другое русло и в то же время поставит нацию на службу их собственным экономическим интересам. В целом их ожидания оправдались, хотя они и ошиблись в некоторых деталях. Гитлер и его бюрократия не стали таким орудием, которым Круппы и Тиссены могли бы командовать, как хотели; им пришлось разделить свою власть с нацистской бюрократией, а в ряде случаев и подчиниться ей. Однако нацизм, принесший экономический ущерб всем остальным классам, заботливо опекал интересы наиболее мощных групп германской промышленности. Нацистская система – это «усовершенствованный» вариант довоенного германского империализма; нацисты продолжают дело павшей монархии. (Впрочем, республика тоже практически не мешала развитию монополистического капитализма в Германии, даже помогла ему по мере своих сил.)

Здесь у читателя может возникнуть вопрос. Как согласовать два утверждения: что психологическую базу нацизма составляет прежний средний класс и что нацизм функционирует в интересах германского империализма? Ответ в принципе тот же, что был дан на вопрос о роли среднего бюргерства в период развития капитализма. В послевоенное время средний класс, особенно его низы, был охвачен страхом перед монополистическим капитализмом, охвачен тревогой и произрастающей из нее ненавистью. Средний класс был в панике, он был преисполнен стремлением подчиниться обнадеживающей силе и в то же время встать над кем-то бессильным и бесправным. Эти чувства были использованы другим классом для установления режима, который должен был действовать в его собственных интересах.

Гитлер оказался столь эффективным орудием потому, что в нем сочетались черты возмущенного и озлобленного мелкого буржуа, с которым низы среднего класса могли себя отождествлять эмоционально и социально, и черты ренегата, готового служить интересам германских промышленников и юнкеров. Сначала он выступал как мессия прежнего среднего класса: обещал уничтожить универсальные магазины, покончить с властью финансового капитала и т. д. Эти обещания общеизвестны, как и то, что они не были выполнены. Однако это оказалось несущественно. Нацизм никогда не имел настоящих политических или экономических принципов; единственный принцип нацизма – его радикальный оппортунизм. Существенно было то, что сотни тысяч мелких буржуа, которые при нормальном ходе событий имели очень мало шансов разбогатеть или добиться власти, в качестве членов нацистской бюрократии получили большой ломоть богатства и престижа, поскольку заставили высшие классы разделить с ними этот «пирог». Другие, не вошедшие в нацистский аппарат, получили работу, отнятую у евреев и политических противников, а остальные – хотя у них не прибавилось хлеба – приобрели «зрелища». Они получили эмоциональное удовлетворение от этих садистских

спектаклей и от идеологии, наполнившей их чувством превосходства над остальным человечеством; и это удовлетворение может – хотя бы на время – компенсировать тот факт, что их жизнь стала беднее и в экономическом, и в культурном смысле.

Итак, мы видим, что определенные социально-экономические изменения (особенно упадок среднего класса и возрастание роли монополистического капитала) произвели глубокое психологическое воздействие. Это воздействие было усилено и приведено в систему политической идеологией, сыгравшей в этом отношении такую же роль, как и религиозные идеологии XVI века. Нацизм психологически возродил нижние слои среднего класса и в то же время способствовал разрушению их прежних социально-экономических позиций. Нацизм мобилизовал эмоциональную энергию этих слоев и превратил ее в мощную силу, борющуюся за экономические и политические цели германского империализма.

...Личность Гитлера, его учение и вся нацистская система являются крайними проявлениями того типа характера, который мы называли «авторитарным». Именно поэтому Гитлер особенно привлекает ту часть населения, которая обладает более или менее подобным складом характера.

Автобиография Гитлера служит прекрасной иллюстрацией авторитарной личности, а поскольку это и самый представительный документ нацистской литературы, то я воспользуюсь ею как главным источником, анализируя психологию нацизма.

Мы говорили, что авторитарный характер определяется одновременным присутствием садистских и мазохистских влечений. Садизм мы определили как стремление к неограниченной власти над другими, более или менее связанное с разрушительными тенденциями; мазохизм – как стремление раствориться в подавляющей силе, приобщившись тем самым к ее мощи и славе. И садистские и мазохистские тенденции вызываются неспособностью индивида к самостоятельному

существованию, его потребностью в симбиотической связи для преодоления одиночества.

В «Майн кампф» Гитлер неоднократно демонстрирует свое садистское стремление к власти. Оно характерно и для его отношения к немецкому народу, который он презирает и «любит» типично по-садистски, и для его отношения к политическим противникам, против которых направлены его разрушительные наклонности, составляющие существенную долю его садизма. Вот что он пишет об удовлетворении, которое доставляет массам господство: «Чего они хотят – это победа сильного и уничтожение или безоговорочная капитуляция слабого». «Как женщина, которая предпочтет подчиниться сильному мужчине, а не господствовать над слабосильным, так же и массы любят повелителя больше, чем просителя, и внутренне их гораздо больше удовлетворяет доктрина, не допускающая никакого соперника, чем благодеяния либеральной свободы; часто они не знают, что делать с этой свободой, и чувствуют себя покинутыми. Они не осознают ни наглости, с которой их духовно терроризируют, ни оскорбительного ограничения их человеческих свобод, потому что им никогда не приходит в голову, как их обманывает эта доктрина».

Подавление воли слушателей превосходящей силой оратора он считает существенным фактором пропаганды. Он даже не стесняется признать, что физическая усталость его аудитории – это наиболее желательное условие, способствующее их внушаемости. Рассуждая о том, в какое время дня лучше проводить массовые политические митинги, он говорит: «По-видимому, утром и даже в течение дня человеческая воля более энергично восстает против попыток подчинить ее воле и мнению другого человека. Но вечером она легче уступает превосходящей силе более твердой воли. Ведь, по сути дела, каждый такой митинг представляет собой схватку двух противоположных сил. Высший ораторский дар господствующей апостольской натуры легче обратит к новой воле людей, у которых естественным образом ослабела сила

сопротивления, чем людей, еще вполне обладающих своей психической энергией и силой воли».

Сам Гитлер прекрасно осознает условия, порождающие стремление к подчинению, и замечательно описывает состояние человека, присутствующего на массовом митинге: «Массовые митинги необходимы хотя бы потому, что индивид, который становится приверженцем нового движения, ощущает свое одиночество и легко поддается страху, оставаясь наедине; на митинге же он впервые видит зрелище большого сообщества, нечто такое, что большинству людей прибавляет силы и бодрости... Если он впервые вышел из своей маленькой мастерской или из большого предприятия, где он чувствует себя очень маленьким, и попал на массовый митинг, где его окружают тысячи и тысячи людей с теми же убеждениями... то он сам поддается магическому влиянию того, что называется массовым внушением».

Геббельс оценивает массы в том же духе. «Люди хотят только одного: чтобы ими прилично управляли», – пишет он в своем романе «Михаэль»... В другой книге Геббельс точно описывает зависимость садиста от его объекта: каким слабым и опустошенным он чувствует себя, если не имеет власти над кем-либо, и как эта власть дает ему новую силу. Вот признание Геббельса в том, что происходит с ним самим: «Иногда впадаешь в глубокую депрессию. Ее можно преодолеть, лишь снова очутившись перед массами. Люди – источник нашей силы».

Красноречивое описание той власти над людьми, которую нацисты называют руководством, дал руководитель немецкого Трудового фронта Лей. Обсуждая качества, необходимые нацистскому руководителю, и задачи обучения руководителей, он пишет: «Мы должны знать, есть ли у этих людей воля руководить, быть хозяевами, одним словом – управлять... Управлять нужно с удовольствием... Мы научим этих людей верховой езде... чтобы привить им чувство абсолютного господства над живым существом».

Тот же акцент на силу и власть выражен в формулировке Гитлера о задачах образования. Он заявляет, что «все образование и воспитание ученика должно быть направлено к тому, чтобы привить ему убеждение в абсолютном превосходстве над другими».

...Нацистскими вождями, членами «элиты» движет стремление к власти над массами. Как показывают приведенные цитаты, эта жажда власти иногда выражается с откровенностью, почти невероятной. Иногда она облекается в менее агрессивную форму при помощи утверждения, что массы как раз того и хотят, чтобы ими управляли. Иногда нужно польстить массам, спрятать свое презрение к ним – и тогда прибегают к трюкам наподобие следующего. Говоря об инстинкте самосохранения, который, как мы увидим, для Гитлера более или менее идентичен стремлению к власти, он заявляет, что у арийца этот инстинкт принял наиболее благородную форму, «потому что он добровольно подчиняет свое «я» жизни общества и, если потребуется, приносит его в жертву».

В первую очередь наслаждаются властью «вожди», но и массы отнюдь не лишены садистского удовлетворения. Расовые и политические меньшинства в Германии, а затем и другие народы, которые объявляются слабыми или загнивающими, – это те объекты садизма, которые «скармливаются» массам. Гитлер и его бюрократия наслаждаются властью над немецким народом, и в то же время они приучают этот народ наслаждаться властью над другими народами и стремиться к мировому господству.

Гитлер не колеблется заявить, что господство над миром является его целью, а также целью его партия. Издеваясь над пацифизмом, он говорит: «Гуманно-пацифистская идея, возможно, и на самом деле будет очень хороша, когда человек высшего ранга завоеует мир и подчинит его настолько, что станет единственным; властелином земного шара».

И еще: «Государство, которое в эпоху расового вырождения посвящает себя заботе о своих лучших расовых элементах, рано или поздно должно стать властелином мира».

Обычно Гитлер пытается рационализировать и оправдать свою жажду власти. Основные оправдания таковы: его господство над другими народами преследует их собственные интересы и интересы мировой культуры; стремление к власти коренится в вечных законах природы, а он признает лишь эти законы и следует им; сам он действует по велению высшей власти – Бога, Судьбы, Истории, Природы; его стремление к господству – это лишь защита от стремления других к господству над ним и над немецким народом. Он хочет только мира и свободы.

Примером рационализации первого типа может служить следующий абзац из «Майн кампф»: «Если бы в своем историческом развитии немецкий народ обладал тем же единством, какое выпало на долю других народов, то Германская империя, наверно, была бы сегодня владычицей всего мира». Как полагает Гитлер, немецкое господство привело бы к миру, «который поддерживается не пальмовыми ветвями слезливых пацифистских профессиональных плакальщиц, а утвержден победоносным мечом народа повелителей, поставивших мир на службу высшей культуре».

Уверения Гитлера, что его целью является не только благополучие Германии, что его действия служат высшим интересам цивилизации вообще, в последние годы стали хорошо известны любому читателю газет.

Вторая рационализация – что его стремление к власти обусловлено законами природы – это больше, чем только рационализация: в ней обнаруживается стремление к подчинению высшей внешней силе, выраженное, в частности, в его грубой вульгаризации дарвинизма. В «инстинкте сохранения вида» Гитлер видит «первопричину образования человеческих сообществ».

Инстинкт самосохранения ведет к борьбе сильного за господство над слабым и в конечном итоге к выживанию

наиболее приспособленных. Отождествление инстинкта самосохранения с властью над другими находит особенно яркое выражение в гипотезе Гитлера, что «первая человеческая цивилизация, безусловно, была основана не столько на приручении животных, сколько на использовании низших людей». Он переносит свой собственный садизм на природу, «жестокою царицу всякой мудрости», заявляя, что ее закон самосохранения «связан с железным законом необходимости, по которому лучший и сильнейший в этом мире имеет право на победу».

Интересно заметить, что в связи с этой вульгаризацией дарвинизма «социалист» Гитлер отстаивает либеральный принцип неограниченной конкуренции. Возражая против сотрудничества различных националистических групп, он говорит: «При такой комбинации связывается свободная игра энергий, прекращается борьба за отбор лучшего и становится невозможной окончательная победа, которую должен одержать самый здоровый и сильный». В другом месте он называет «свободную игру энергий» «мудростью жизни».

Разумеется, теория Дарвина сама по себе вовсе не выражает чувства садистско-мазохистской личности. Наоборот, многие ее последователи связывали с ней свои надежды на дальнейшую эволюцию человечества к высшим ступеням культуры. Но для Гитлера эта теория стала выражением и одновременно оправданием его садизма. Он наивно проговаривается, какое психологическое значение имела для него теория Дарвина. Когда он жил в Мюнхене, еще безвестным, он просыпался обычно в 5 часов утра. Он «имел обыкновение бросать кусочки хлеба или сухие корочки мышам «обитавшим в этой комнате, и наблюдать, как эти забавные зверушки возятся и дерутся из-за этих скромных лакомств». Эта «игра» была для него дарвинистской «борьбой за существование» в миниатюре, суррогатом гладиаторских цирков Римской империи, доступным мелкому буржуа, прелюдией к тому историческому цирку, который он собирался устроить впоследствии.

Последняя рационализация его садизма – будто бы он защищается от нападения других – многократно встречается в писаниях Гитлера. Он сам и немецкий народ всегда невинны, а их враги – «звери и садисты». Значительная часть этой пропаганды состоит из преднамеренной, сознательной лжи, но отчасти ей присуща та же «искренность», какая характерна для параноидных обвинений. Эти обвинения всегда имеют функцию защиты от разоблачения собственного садизма; они строятся по формуле: это у тебя? садистские намерения, значит, я не виноват. У Гитлера этот защитный механизм иррационален до крайности, поскольку он обвиняет своих противников в том же самом, что откровенно признает своей собственной целью. Так, он обвиняет евреев, коммунистов и французов в тех же самых вещах, которые провозглашает законнейшими целями собственных действий, и едва дает себе труд прикрыть это противоречие хоть какой-то рационализацией. Он обвиняет евреев в том, что они привели на Рейн африканские войска Франции с намерением погубить белую расу, поскольку смешение неизбежно, «чтобы самим подняться до положения господ». По-видимому, здесь Гитлер сам усмотрела противоречие в том, что обвиняет других в намерениях, им же провозглашенных благороднейшей целью своей собственной расы; он пытается рационализировать это противоречие, утверждая, что у евреев другой инстинкт самосохранения, лишенный того идеалистического характера, какой он находит в арийском стремлении к господству.

Те же обвинения выдвигаются против французов. Он обвиняет их в желании задушить и обессилить Германию – и это используется как аргумент, доказывающий необходимость покончить со «стремлением французов к гегемонии в Европе», но в то же время он признает, что на месте Клемансо действовал бы точно так же.

Коммунистов он обвиняет в жестокости, успехи марксизма приписывает политической воле и беспощадности его активистов, а в то же время заявляет: «Чего не хватало

Германии – это тесного сотрудничества жестокой силы с искусным политическим замыслом».

Чешский кризис 1938 года и нынешняя война дали множество примеров того же рода. Нет ни одного случая притеснений со стороны нацистов, который бы не объяснялся как защита от притеснений со стороны других. Можно предположить, что эти обвинения – чистая фальсификация, даже без той параноидной «искренности», которой могли быть окрашены прежние обвинения в адрес евреев и французов. Но они все же имеют пропагандистскую ценность: часть населения им верит, особенно низы среднего класса, восприимчивые к параноидным обвинениям в силу своего характера.

Презрение Гитлера к слабым становится особенно очевидным, когда он говорит о людях, чьи политические цели – борьба за национальное освобождение – аналогичны целям, какие провозглашает он сам. Неискренность его заинтересованности в национальном освобождении, пожалуй, ярче всего проявляется в его презрении к бессильным революционерам. О небольшой группе национал-социалистов, к которой он примкнул в Мюнхене, Гитлер говорит иронично и презрительно. Вот его впечатление о первом собрании, на которое он пришел: «Ужасно, ужасно; это было клубное собрание наихудшего пошиба. И в этот клуб я должен был вступить? Начали обсуждать прием новых членов; то есть речь пошла о том, что я попался».

Он называет их «смехотворной мелкой организацией», единственным достоинством которой было то, что она давала возможность «действительно личной деятельности». Гитлер говорит, что никогда не вступи бы ни в одну из существующих крупных партий. Он должен был начать свою деятельность в группе, которую считал неполноценной и слабой. Обстановка, где ему пришлось бы бороться с уже существующей силой и соперничать с равными, не стимулировала бы его инициативу и смелость.

Такое же презрение к слабым он проявляет в своих нападениях на индийских революционеров. Человек, который

в своих целях использовал лозунг борьбы за национальную свободу больше, чем кто-либо другой, не испытывает никаких чувств, кроме презрения, к революционерам, решившимся без достаточных сил атаковать; могущественную Британскую империю. «Я припоминаю говорит он, – каких-то азиатских факиров, быть может, даже на самом деле индийских «борцов за свободу» – я не вникал, мне не было до них дела, – которые шатались в то время по Европе и ухитрились вбить в голову даже многим весьма здравомыслящим людям бредовую идею, будто Британская империя, краеугольным камнем которой является Индия, находится на грани краха... Но индийские мятежники никогда этого не добьются... Это просто чудо чтобы сборище калек штурмовало могучее Государство... Хотя бы потому, что я знаю их расовую неполноценность, я не могу связывать судьбу моей нации с судьбой так называемых «угнетенных наций».

Любовь к сильным и ненависть к слабым, столь типичные для садистско-мазохистской личности, объясняют множество политических актов Гитлера и его сторонников. Республиканское правительство надеялось «умиротворить» нацистов своей терпимостью, но именно этим отсутствием силы и твердости увеличивало их ненависть. Гитлер ненавидел Веймарскую республику, потому что она была слаба; он восхищался промышленными и военными руководителями, потому что у тех была власть и сила. Он никогда не вступал в борьбу с установившейся сильной властью и нападал лишь на те группы, которые считал беззащитными. «Революция» Гитлера – как и «революция» Муссолини – происходила под защитой реально существовавшей власти, а их излюбленными противниками были те, кто не мог за себя постоять. Можно даже предположить, что отношение Гитлера к Великобритании тоже было обусловлено, среди прочего, этим психологическим комплексом. Пока он считал Англию сильной, он любил ее и восхищался ею. Когда же убедился в слабости британской позиции – во время Мюнхена и после него, – его любовь превратилась в ненависть и стремление

сокрушить Англию. С этой точки зрения «умиротворение» было политикой, которая должна была возбудить именно враждебность, а не миролюбие.

До сих пор мы говорили о садистской стороне гитлеровской идеологии. Однако, как мы видели при обсуждении авторитарного характера, в нем есть и мазохистская сторона, то есть должно присутствовать и стремление подчиниться подавляющей силе, уничтожить свое «я», и это стремление мы действительно обнаруживаем. Эта мазохистская сторона нацистской идеологии и практики наиболее очевидна в отношении масс. Им повторяют снова и снова: индивид – ничто, он не имеет значения; он должен признать свою личную ничтожность, должен раствориться в высшей силе и ощущать гордость от своего участия в ней. Гитлер ясно выражает эту мысль в своем определении идеализма: «Только идеализм приводит людей к добровольному признанию прерогатив принуждающей силы и тем самым превращает их в пылинки мирового порядка, образующего и формирующего вселенную».

Подобным же образом Геббельс определяет то, что он называет социализмом. «Быть социалистом, – говорит он, – это значит подчинить свое «я» общему «ты»; социализм – это принесение личного в жертву общему».

Самоотречение индивида – сведение его к пылинке; атому – влечет за собой, согласно Гитлеру, отказ от всякого права на личное мнение, личные интересы, личное счастье. Такой отказ составляет сущность политической организации, в которой «индивид отказывается представлять свое личное мнение и свои интересы...». Цель воспитания – научить индивида не утверждать свое «я». Уже школьник должен научиться «молчать не только тогда, когда его бранят за дело; он должен научиться также молча переносить несправедливость, если это необходимо». Конечная цель изображается так: «В народном государстве народное мировоззрение должно в конечном итоге привести к той благородной эре, когда люди будут видеть свою задачу не в улучшении породы собак,

лошадей и кошек, а в возвышении самого человечества; эру, когда один будет сознательно и молчаливо отрекаться, а другой – радостно отдавать и жертвовать».

Эта фраза звучит несколько странно. После характеристики одного типа индивидов, который «сознательно и молчаливо отрекается», можно было бы ожидать, что появится характеристика противоположного типа – того, кто руководит, берет на себя ответственность или что-нибудь в этом роде. Но вместо этого Гитлер снова характеризует этот «другой» тип как способный к самопожертвованию. Трудно уловить разницу между «молчаливо отрекается» и «радостно жертвует». Я позволю себе высказать догадку, что на самом деле Гитлер собирался сделать различие между массами, которые должны смиряться, и правителем, который должен править. Но хотя иногда он вполне, открыто признает стремление к власти – свое и своей «элиты», – зачастую он это стремление отрицает.

В этой фразе ему, очевидно, не хотелось быть столь откровенным, и он заменил стремление властвовать стремлением «радостно отдавать и жертвовать».

Гитлер прекрасно сознает, что его философия самоотречения и жертвенности предназначена для тех, кого экономическое положение лишает всякой возможности счастья. Ему не нужен такой общественный строй, где каждому было бы доступно личное счастье; он хочет эксплуатировать саму бедность масс, чтобы заставить их уверовать в его проповедь самопожертвования. Он совершенно открыто заявляет: «Мы обращаемся к огромной армии людей, которые так бедны, что их личное существование отнюдь не является наивысшим в мире богатством...».

Вся эта проповедь самопожертвования имеет вполне очевидную цель: чтобы вождь и «элита» могли реализовать свое стремление к власти, массы должны отречься от себя и подчиниться. Но мазохистские наклонности можно обнаружить и у самого Гитлера. Высшие силы, перед которыми он склоняется, – это Бог, Судьба, Необходимость, История

и Природа. В действительности все эти слова означают для него одно и то же: символ подавляющей силы.

В начале своей автобиографии он замечает: «...ему повезло, что Судьба назначила Браунау на Инне местом его рождения». Дальше он говорит, что весь немецкий народ должен быть объединен в одном государстве, потому что лишь тогда, когда это государство станет слишком тесным для всех немцев, необходимость даст им «моральное право на новые земли и территории».

Поражение в войне 1914–1918 годов представляется ему «заслуженным наказанием, ниспосланным Вечным Возмездием». Нации, которые смешиваются с другими расами, «грешат против воли Вечного Провидения» или, как он говорит в другом месте, «против воли Вечного Творца». Миссия Германии указана «Творцом Вселенной». Небеса являются высшей категорией по отношению к людям, потому что людей, по счастью, можно дурачить, но «Небеса неподкупны». Сила, производящая на Гитлера, вероятно, даже большее впечатление, чем Бог, Провидение и Судьба, – это Природа. Тенденция исторического развития последних четырехсот лет состояла в ликвидации господства над людьми и в установлении господства над Природой. Гитлер настаивает на том, что можно и должно управлять людьми, но Природой управлять нельзя. Я уже приводил его высказывание, что история человечества началась, вероятно, не с одомашнивания животных, а с господства над низшими людьми. Он высмеивает саму мысль о том, что человек может покорить Природу; издевается над теми, кто верит, что сможет стать властелином Природы, «не имея в своем распоряжении другого оружия, кроме «идеи». Он говорит, что человек «не стал хозяином Природы, но благодаря знанию нескольких законов и секретов Природы он поднялся до положения хозяина тех живых существ» которые этим знанием не обладают». Здесь мы снова встречаемся с той же мыслью: Природа – это великая сила, которой мы должны подчиняться, а вот над живыми существами должны господствовать.

Я постарался выявить в писаниях Гитлера две тенденции, уже описанные выше как основные стремления авторитарной личности: жажду власти над людьми и потребность в подчинении подавляющей внешней силе. Идеи Гитлера более или менее идентичны всей идеологии нацистской партии. Те же мысли, что высказаны в его книге, он провозглашал в бесчисленных речах, которыми завоевал своей партией массовую поддержку. Эта идеология выросла из его личного чувства неполноценности, ненависть к жизни, аскетизм и зависть к тем, кто живет полной жизнью, были почвой его садистско-мазохистских стремлений – и была обращена к тем людям, которых возбуждала и привлекала в силу аналогичного склада их собственного характера. Они становились горячими приверженцами человека, выражавшего их собственные чувства. Но низы среднего класса были удовлетворены не только идеологией. Политическая практика реализовала обещания идеологии: была создана иерархия, в которой каждый имел кого-то над собой, кому он должен был повиноваться, и кого-то под собой, над кем ощущал свою власть. Человек на самом верху – вождь – имел над собой Судьбу, Историю или Природу, то есть некую высшую силу, в которой мог раствориться. Таким образом, идеология и практика нацизма удовлетворяют запросы, происходящие из особенностей психологии одной части населения, и задают ориентацию другой части: тем, кому не нужны ни власть, ни подчинение, но кто утратил веру в жизнь, собственные решения и вообще во все на свете....

Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2004. 571 с.

ПРИХОД НАЦИСТОВ К ВЛАСТИ

68. Ф. фон Папен. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947. Глава 14. Гитлер

Когда 30 января 1933 года Гитлер стал канцлером, он получил власть в результате обычного взаимодействия демократических процессов. Необходимо понять, что в тот момент ни он сам, ни его движение не приобрели еще той репутации и не совершили тех преступлений, за которые они будут прокляты пятнадцать лет спустя. Без сомнения, его характеру изначально были присущи всем ныне хорошо известные черты, но они еще не успели развиться в те формы, которые нам знакомы. Его отношение к событиям в Потемпе могло бы послужить предупреждением, но тогда еще было возможно допустить, что ответственность главы правительства заставит его усвоить нормы поведения, отличные от тех, которые мог себе позволить безответственный партийный вождь.

В окончательном формировании его характера сыграли свою роль события и окружающие люди. Первая стадия этого процесса продолжалась примерно девятнадцать месяцев и была связана почти исключительно с событиями внутри Германии. Его вехами стали назначение его канцлером в коалиционном правительстве, принятие закона об особых полномочиях, роспуск политических партий, все большее срастание государства с нацистской партией, принятие им на себя полномочий и обязанностей президента и главнокомандующего вооруженными силами и наконец – установление тотальной диктатуры.

Я постараюсь дать описание поразительного процесса формирования характера Гитлера на фоне моих собственных впечатлений и моего участия в работе правительства. Ни один рассказ такого рода не может претендовать на законченность, поскольку никому не дано описать с достаточной точностью внутреннее развитие личности Гитлера. Другую трудность

представляет необходимость снова окунуться в атмосферу тех времен после всего, что произошло с той поры. Назначение Гитлера канцлером было встречено с энтузиазмом или скептически, с безразличием или с отвращением, смотря по тому, каких взглядов придерживался свидетель этого события. Те люди, которые сегодня заявляют, что с самого начала знали, во что в конце концов все это выльется, просто сильны «задним умом». Если бы они на самом деле были в то время столь прозорливы, то события, которые я сейчас описываю, могли бы принять совсем другой оборот.

На всем протяжении насыщенного событиями января 1933 года вопрос об одобрении президентом или мной правительства Гитлера не возникал. Обстановка предшествовавших месяцев лишила всякого смысла – в основном по причине потрясающей безответственности политических партий – наши усилия, направленные на предотвращение развития этих событий. По выражению известного социалистического лидера Носке, «люди, считавшие себя выразителями общественного мнения, продемонстрировали такую степень слепого фанатизма, аналога которой невозможно найти в истории политических партий. Они сопротивлялись любым мерам, направленным на сохранение тех самых институтов власти, представителями которых сами же и являлись». Неспособность уловить требования ситуации привела к тому, что правительство Брюнинга, начиная с 1930 года, было вынуждено управлять страной при помощи чрезвычайных декретов. Кабинеты, составленные мной и Шлейхером, а затем и правительство Гитлера являлись просто частью логически обусловленной цепочки событий. Тем не менее, настаивая на ответственности политических партий за происшедшее, я нисколько не стремлюсь преуменьшить или вовсе отрицать свою собственную ответственность. Эта книга представляет собой в такой же мере хронику совершенных мной ошибок, как и описание обстоятельств, в которых мне приходилось действовать.

Было совершенно ясно, что далее невозможно игнорировать политическое движение, располагающее поддержкой почти сорока процентов населения. Оно показало полную готовность из тактических соображений, чтобы иметь перевес в голосах, отказаться от сотрудничества со всеми буржуазными партиями заодно с социал-демократами. Я всегда доказывал, что единственная возможность обуздать нацистов заключается в том, чтобы пригласить их к участию в управлении и заставить нести подобающую долю ответственности перед обществом. Наши попытки привлечь их на второстепенные роли в правительстве провалились, в результате чего занятие ими доминирующего положения в правительстве стало неизбежным. Громадный всплеск массового энтузиазма, вызванный назначением Гитлера, показал, каким нелегким делом будет направить эти силы в нормальное русло. Большинство лидеров остальных политических партий по-прежнему считали, что произошла обыкновенная смена правительства и что новый кабинет – однодневка ничем не отличается от всех предыдущих – очередной эксперимент, обреченный на провал. Сам Брюнинг 30 января отметил, что доволен принятым наконец решением и уверен, что эксперимент закончится неудачей. И он, и доктор Каас, так же, как и другие политические фигуры, вновь появившиеся на сцене после войны, голосовали за принятие закона об особых полномочиях. Даже Шлейхер, который, вероятно, знал нацистское движение лучше всех, был убежден, что Гитлер скоро порвет с консерваторами и следующее правительство будет сформировано с участием его самого, Гитлера и Брюнинга.

Совершенно иначе думали фанатичные революционеры внутри нацистской партии. Они рассматривали законный приход к власти как первый шаг на пути к своей конечной цели. «Ночь длинных ножей» не была отменена, ее только отсрочили. Легенда о том, что Гитлер пришел к власти с помощью маленькой группы юнкеров, генералов и промышленников, является чистой фантазией. Его движущей

силой были разнородные массы сторонников, объединенных общими целями. Они не имели представления о том, каким образом эти цели могут быть достигнуты, но у них было простое, инстинктивное понимание того, что «что-то должно измениться. Дальше так продолжаться не может».

Некоторые промышленники, такие, как Тиссен, Кирдорф и Шредер, видимо совместно с некоторыми деятелями из-за границы, предоставили в распоряжение нацистов значительные средства, поскольку видели в них союзников в своей борьбе с угрозой большевизма. Но отношение основной части промышленных кругов оставалось прохладным, что проявилось во время первого выступления Гитлера в «Индустриальном клубе» в Дюссельдорфе. Следует также помнить, что в то время, как и в наши дни, все вообще партии – за исключением коммунистов – получали от промышленности те или иные субсидии.

Еще одной определяющей силой в этой ситуации являлась армия. Она по-прежнему была организована в духе и традициях имперской Германии. Армия рассматривала Веймарскую республику как нечто чужое ей по своей природе, как временную форму государственной организации, с которой военные не имеют никаких глубинных связей. Тем не менее армия присягала на верность республике и ее конституции, и этот подсознательный конфликт лояльностей приводил к возрастанию внутренней напряженности. Представление военных о государственной власти, так долго пестовавшееся в прусской армии, находилось в естественном противоречии с веймарской системой правления, а потому едва ли удивительно, что молодое офицерство стало рассматривать нацистское движение с известной долей одобрения. Осенью 1930 года в Лейпциге на процессе по обвинению в государственной измене открылись масштабы распространения в армии нацистских партийных ячеек. Три молодых офицера обвинялись в создании в своем полку четырнадцати таких групп. Процесс вызвал в то время значительный переполох, и Гитлеру, привлеченному в качестве свидетеля,

был задан вопрос, насколько совместимы партийные установки нацистов с применением нелегальных методов, направленных на свержение институтов власти Веймарской республики. Он ответил в том смысле, что его партия намерена использовать исключительно законные и не противоречащие конституции средства для достижения своей цели, которая состоит, действительно, в ликвидации веймарской демократии. Людин, один из обвиняемых, впоследствии вошел в число руководителей СА и стал представителем Гитлера в Братиславе. Многие из офицеров более старшего возраста, такие, как адъютант Шлейхера в Генеральном штабе майор Отт, также считали, что рейхсвер может с успехом использовать штурмовиков из СА на востоке в составе сил пограничной охраны. Это мнение было еще одним проявлением противоречий между политикой правительства и представлениями вооруженных сил о нуждах обороны. Вопрос заключался не в «нескольких генералах», отчасти способствовавших событиям 30 января, а в настойчивом желании всего офицерского корпуса иметь твердую власть и сильное правительство. В любом случае армия являлась только частью общества, психологическое состояние которого в тот период дает реальное объяснение тогдашним событиям.

Возможно, что иностранцам, привыкшим рассуждать в терминах парламентских процедур, трудно понять, как могла вся нация принять Гитлера с такой готовностью. Но даже это соображение не оправдывает существование представленной в обвинительном заключении Нюрнбергского трибунала теории коллективной уголовной ответственности, которая объясняет появление Гитлера обширным заговором в среде германского народа. Эта теория полностью игнорирует изменения в менталитете целой нации, произошедшие в социальных и политических условиях, обеспечивших питательную среду для идеологии национал-социализма. Демократия веймарского толка оказалась не в состоянии решить проблемы послевоенного мира. Очень много людей перестали верить политическим партиям, которые проявляли склонность

оценивать любые события с точки зрения обеспечения их собственных политических выгод, а не исходя из интересов страны. Военное поражение, инфляция, крах экономики в начале тридцатых годов, рост безработицы, пролетаризация среднего класса и отсутствие всяких перспектив для молодежи – все эти факторы способствовали созданию положения, как по заказу подходящего для распространения в обществе коммунистических взглядов. Радикальные идеи и поведение начали вытеснять старый порядок. Марксистские материалистические концепции сломали моральную устойчивость целых слоев населения. Христианские идеалы, которые одни были бы в состоянии послужить противовесом этой угрозе, потеряли свою привлекательность. Молодое поколение, лишившись опоры в христианстве, искало и находило замену ему в Гитлере и его программе. Вакуум заполнялся смесью социалистических и националистических лозунгов. Не следует забывать, что основная поддержка нацистов исходила именно от этого поколения, влияние на которое остальных политических партий постепенно сошло на нет. Немцев обвинили в неспособности понять, куда заведут их идеи Гитлера. Сейчас можно с легкостью забыть, что в то время основным врагом представлялся коммунизм, наилучшую, если вообще не единственную защиту от которого многие люди видели в гитлеровском движении. Народ постепенно потерял веру в способность веймарского парламента и безответственных политических партий бороться против возраставшего общественного неравенства и бедственного положения населения.

Все современные страны пережили в свое время период борьбы трудящихся за признание и равное положение в обществе. В Германии их борьба приняла особенно острые формы после того, как инфляция обрекла средние классы и зажиточных рабочих на пролетарское существование. Эта социальная катастрофа, которая особенно сильно задела старое чиновничество, сыграла решающую роль в распаде буржуазной системы ценностей. Главным достижением Гитлера должно считаться не столько то, что он обратил внимание

на последствия такого распада – многие другие люди тоже их заметили, – а скорее тот факт, что ему удалось создать демагогическую идеологию, пропаганда которой давала выход инстинктивным стремлениям и негодованию неорганизованных масс.

Он требовал, чтобы рабочий считался равноправным членом общества и каждый человек был обязан трудиться на общее благо. За всю историю классово-борьбы это был первый случай, когда партия, пришедшая к власти конституционным путем, провозгласила принципиально новый подход к решению социальных проблем своего времени. Со времени издания папой Львом XIII энциклики «*Rerum Novarum*» папский престол указывал пути мирного разрешения противоречий, возникающих между трудом и капиталом. Несмотря на это, народные массы стремились к таким методам их решения, которые требовали бы в первую очередь разрушения государства. Мы, в буржуазном лагере, в тысячах своих выступлений и статей заявляли о необходимости социального согласия, но эти призывы не получали почти никакого отклика. Но когда те же самые принципы были провозглашены выходцем из трудящегося класса, человеком, знавшим не понаслышке тяжесть каждодневной борьбы за пропитание, а теперь вставшим во главе мощного политического движения, сомневающиеся обрели настоящую веру.

Гитлер добавил к этому еще националистические и патриотические призывы, которые упали на плодородную почву. Наши бывшие противники отказывались пойти даже на постепенное смягчение ограничений, наложенных Версальским договором. Они предпочитали навсегда перевести Германию в разряд ущемленных в своих правах второстепенных государств и нетерпимо относились к ее шагам по постепенному восстановлению равноправия. Но материальные последствия выплаты репараций, инфляции и территориальных потерь были еще не самой тяжелой ношей, которую приходилось нести немцам. Состояние духовной подавленности, в котором они оказались, явилось более важным фактором

изменения их политических настроений, и чем дольше оно продолжалось, тем сильнее становилась реакция. Несмотря на значительно более серьезные идеологические противоречия, возникшие в ходе Второй мировой войны, Германия уже сейчас находится значительно ближе к равноправному сотрудничеству с Западом, чем она была спустя пятнадцать лет после окончания первой войны. Утверждая это, я вовсе не забываю о прогрессе, достигнутом в результате заключения договора в Локарно. Но мой собственный опыт в Лозанне доказал органическую неспособность западных держав согласиться на рассмотрение любых соглашений о постепенном ослаблении пут, наложенных Версальским договором. Хотя материальное положение в Германии было тогда столь отчаянным, что очень многие молодые люди соглашались надеть коричневую рубашку не потому, что она была формой нацистов, а потому, что это была хотя бы какая-то рубашка, влияние морального фактора было все же значительно важнее.

Веймарские партии, включая консерваторов, в момент национального бедствия не смогли найти ничего, что помогло бы им объединиться, как это произошло бы в любой другой стране. Яркий и желанный контраст их поведению составили демагогические обращения Гитлера к национальным чувствам. Одной этой психологической подоплеку событий хватает, чтобы понять, почему многие из предпринятых Гитлером мер, такие как упразднение демократических институтов и роспуск партий, вкупе с все более усиливавшимся авторитарным характером его правления, встретили так мало практического сопротивления. Исторические события нельзя спланировать за столом конференций. Они рождаются и протекают в обстановке, вызванной взаимодействием самых разнообразных факторов. Я сам, подобно миллионам своих соотечественников, не мог избежать влияния этой стихии национального возрождения и неких безличных сил, возбуждавших в то время народные массы. Систематическая деятельность партии, а позднее и полицейские отряды Геринга играли, конечно, свою роль, но тогдашняя вспышка

энтузиазма захватила и огромные массы людей, никоим образом не подверженных непосредственному влиянию нацистов. Я был поражен, узнав, какой большой процент народа, причем далеко не худших его элементов, считал 1933 год временем национального возрождения. Нет необходимости изыскивать этому факту других причин, нежели та, которую я называл на переговорах в Лозанне: начинала брать свое серьезно ущемленная национальная гордость. Ни Эррио, ни Макдональд, ни любой другой государственный деятель с обеих сторон Атлантики не смогли понять, что это был куда более тревожный фактор, чем все материальные тяготы жизни.

Гитлер в 1920 году изложил программу своей партии, состоявшую из 25 пунктов, а в 1926 году была подтверждена ее неизменность. Подобно многим другим, я привык смотреть на партийные программы как на что-то, имеющее весьма условное значение. Большинство из этих документов трактовали только о средствах достижения неких целей и не слишком занимались фундаментальными вопросами. Многие из записанного в программе Гитлера высказывалось и до него, причем куда лучшим образом. Более того, большинство партий, обретя власть, выясняли, что для удовлетворения неотложных нужд практической политики их принципы нуждаются в пересмотре. Казалось более чем вероятным, что и программу нацистов постигнет такая же участь. Многие из ее положений, вызывавших самые серьезные сомнения – к примеру, неприязнь Гитлера к евреям, – имели, как тогда казалось, мало шансов на реализацию, и, вне всякого сомнения, не существовало никакой возможности предвидеть, к совершению каких зверств эти принципы в результате приведут. В программе говорилось о придании евреям статуса иностранцев, не имеющих гражданства. Предсказать, что на практике это будет означать их физическое уничтожение, было возможно не более, чем увидеть в требовании Гитлера о пересмотре Версальского договора причину развязывания агрессивной войны.

При формировании коалиционного правительства Гитлера мы отлично сознавали необходимость противостояния

его программным требованиям. Нам было ясно, как нелегко будет привести Гитлера и его партию к пониманию ответственности за управление государством. Тем не менее мы надеялись при помощи христианских принципов преодолеть их радикальные устремления. Я уже писал о том, какие старания были приложены, чтобы влияние нацистов в правительстве не было бы слишком сильным. Гитлер был канцлером, но в кабинет вошли еще только два других нациста против восьми консервативных министров. Я попробую ответить на вопрос, как же при таких условиях могло случиться, что влияние нацистов возрастало до тех пор, пока они полностью не подчинили себе правительство.

Причина была в нас – и в Гитлере. Я могу попробовать описать происходившие события, но не могу найти им оправдания. Моей главной ошибкой стала недооценка той мощной силы, которая пробудила национальные и общественные инстинкты народных масс. Мое представление о государственной власти и ее назначении как о механизме, гарантирующем законность, основывалось на идеалах кайзеровской эпохи, которые многими из нас признавались как имеющие абсолютную ценность. Такое отношение к законности и порядку спасло молодую республику в 1918-м и 1923 годах от волны большевистских восстаний. Солдаты сами объединялись в добровольческие отряды, а представители старого государственного аппарата предоставляли себя в распоряжение нового государства. Мне, профессиональному военному, следовало бы понять, что даже в области политики при массированном нападении оборонительная тактика не может принести успеха. С гибкостью и динамизмом массового движения можно было бороться, только обладая не меньшим собственным динамизмом, и уж ни в коем случае не с помощью доктринерских идей тонкого слоя либералов и интеллектуалов.

В практическом смысле ошибка заключалась в том, что мы считали государственный аппарат достаточно единой и независимой силой, способной под консервативным руководством защитить себя от воздействия мощной пропагандистской

машины нацистского движения. Многие годы партийных распрей подорвали единство управленческого аппарата, хотя никто из нас даже не подозревал, сколь далеко зашел этот процесс.

Германский средний класс в той его части, которая не подпала еще под влияние нацистов, также недооценивал революционный порыв Гитлера и его партии. Его представители твердо держались старых представлений о морали и законности и верили в торжество порядка, права человека и размеренность бытия. Беспринципность и аморализм нацистов рассматривались ими как временные проявления, которые должны были, как предполагалось, исчезнуть по мере потери революционными силами их порыва. Мы верили Гитлеру, когда он заверял нас, что, заняв ответственное и влиятельное положение, он немедленно направит свое движение в более спокойное русло. Массы были чрезвычайно возбуждены, и мы ясно понимали, что положение невозможно нормализовать в одночасье и некоторые временные эксцессы неизбежны. Мы были убеждены – возможно, с нашей стороны это и не было слишком умно, – что здоровые элементы общества в конце концов восторжествуют. Партнерские отношения со столь революционной и тоталитарной организацией были для нас внове, и у нас отсутствовал необходимый в подобной ситуации опыт. В конце сороковых годов мир стал свидетелем похожих процессов, происходивших в коалициях социалистов с коммунистами в странах Восточной Европы. В каждом таком случае власть захватывал меньший по численности и более радикально настроенный партнер. В коалиционном кабинете Гитлера численно преобладали консерваторы, но страна в целом оказывала поддержку нацистам.

Кроме того, мы недооценили ненасытную жажду Гитлера к власти как таковой и не смогли понять, что бороться с ней можно, только используя его собственные методы. И еще: все наше воспитание и образ мыслей лишали нас способности предвидеть, к чему может привести использование

таких методов. В сравнении с мощной позицией Гитлера, обладавшего миллионами приверженцев, наше собственное положение было чрезвычайно слабым. Неподконтрольными Гитлеру оставались два важных фактора: престиж президента и влияние армии. Но события показали, что они были использованы либо не вовремя, либо неудачно. Назначение в правительство не партийных политиков, а независимых экспертов также на поверку оказалось ошибкой. Действительно, министры, получившие свои посты благодаря своей преданности их партиям, слишком часто оказывались плохими администраторами. Но назначение способных управленцев вне зависимости от их партийной принадлежности, хотя и призванное обеспечить эффективную работу кабинета, на деле лишало их внешней поддержки в их борьбе внутри коалиции. Гугенберг оказался единственным членом правительства, имевшим за собой поддержку партии. Прочие министры сконцентрировали свое внимание на административной работе в своих ведомствах и не проявили ни способности, ни желания конфликтовать с Гитлером по чисто политическим вопросам. Сам я не имел министерского портфеля, а потому зависел в своих действиях от того влияния, которое мог оказывать на Гитлера и Гинденбурга, который сохранял все свои prerogatives вплоть до принятия закона об особых полномочиях.

В начальный период существования правительства важнейшее значение приобрела неспособность армии сохранить свою независимость, что имело в дальнейшем самые губительные последствия. Бломберг почти сразу же проявил себя преданным сторонником Гитлера, и, несмотря на то что его не поддерживало в этом огромное большинство старшего офицерства, вековая прусская традиция дисциплины и повиновения делала мнение министра обороны решающим. Президент очень быстро старился и постепенно переставал оказывать влияние на текущие политические события, хотя я должен вновь подчеркнуть, что в тот момент еще невозможно было в полной мере оценить вероятные последствия происходящего. Оглядываясь назад, я понимаю, что упустил много моментов, когда

мне следовало призвать на помощь авторитет президента. Я могу объяснить свое поведение, только признав ошибочность нашего предположения о том, что радикальные настроения среди нацистов будут ослабляться, а не усиливаться.

В своем месте я опишу провал наших попыток создать перед выборами 5 марта 1933 года сильный консервативный блок в противовес нацистам. Средние слои населения, в особенности те, кто не имел своего партийного представительства в кабинете, не смогли правильно оценить потребности момента. Было ясно, что о возврате к некомпетентности и нестабильности веймарской системы правления не может быть и речи, в связи с чем возникала необходимость полной перестройки всего государственного аппарата. По моему мнению, как я уже пытался это показать, была необходима основательная реформа конституционного строя и всей политической системы, результатом которой должно было стать создание более авторитарной формы правления, при которой было бы возможно решение социальных и политических проблем того времени.

Когда через несколько месяцев политические партии под давлением Гитлера объявили о самороспуске, правительство столкнулось с новой ситуацией. В странах Запада сложилось мнение, что формирование правительства партиями есть наилучший способ управления государством в интересах всего общества. Пока в Германии существовала партийная система, задача каждого из нас состояла в исправлении, насколько было возможно, ее дефектов. Коль скоро партии прекратили существование, возникла необходимость организации демократической системы на новой основе, а именно – на базе производственных и профессиональных групп населения, составлявших стеновой хребет нации. Представление о таком «корпоративном государстве», которое во многих отношениях превосходило партийную систему, уже давно являлось элементом социальной философии католицизма. Я был убежден, что в рамках этой концепции мы имели возможность создать ответственные за свою

деятельность правящие и оппозиционные группы, которые, поочередно меняясь ролями, могли бы обеспечивать функционирование демократической политической системы. Я не предвидел только, что существующие общественные организации и партии, да и сам средний класс в целом, уступят свои позиции без борьбы.

Нельзя забывать, что в январе 1933 года деятели профессиональных союзов и социал-демократы предполагали, что гитлеровский эксперимент окажется недолговечным. Возможно, именно поэтому они решили не прибегать к такому средству борьбы, как всеобщая забастовка, которую они, если бы захотели, наверняка могли организовать. Тем не менее всеобщее ощущение того, что «так больше продолжаться не может», было настолько сильным, что значительные массы рабочего класса вполне могли бы проигнорировать призыв к забастовке.

Вторым и, вероятно, решающим фактором в тех обстоятельствах оказалась личность самого Гитлера. До своего прихода к власти он представлял собой крайне противоречивую фигуру. Было широко распространено мнение, что он является только фасадом, за которым скрываются настоящие вожди нацистской партии. Такое предположение оказалось на поверку совершенно ложным. Я не думаю, что в тот момент, когда Гитлер стал канцлером, его личность уже полностью сформировалась. Она изменялась и принимала окончательные формы на протяжении длительного времени. Однако нет никакого сомнения, что с самого начала главной движущей силой нацистского движения являлся он сам.

Мощь его личности трудно поддается описанию. В его манерах и внешности отсутствовали даже намеки на доминирующий характер или гениальность, но он обладал колоссальной силой внушения и исключительной способностью подчинять своей воле не только отдельных людей, но, что самое главное, большие массы народа. Он умел подавить и убедить в своей правоте всякого, кто находился с ним в постоянном контакте. Даже люди, взгляды которых

радикально отличались от его собственных, начинали верить по крайней мере в его искренность. Я сам не менее остальных был его жертвой и верил всем его заявлениям до тех пор, пока события, приведшие к ремовскому путчу 1934 года, не открыли мне в полной мере его двуличие.

В первые недели своего пребывания на посту канцлера он, без сомнения, чувствовал себя неуверенно, в особенности когда ему приходилось появляться во фраке и цилиндре. Вскоре партийные товарищи убедили его отказаться от этих буржуазных нарядов в пользу партийной униформы. Со мной он был неизменно вежлив, даже скромен – по крайней мере до тех пор, пока продолжали сказываться результаты его первой победы на выборах. Мне понадобилось много времени, чтобы разобраться в его истинной сущности. Поначалу у меня складывалось впечатление, что, несмотря на трудность общения с ним, все же будет возможно привлечь его к исповедуемым мной политическим идеям. В этом мне пришлось самым прискорбным образом разочароваться.

На первых порах Гитлер давал нам некоторые основания надеяться, что он пресечет беспардонные выходки своих «коричневых рубашек» и прочих радикальных элементов в партии. Определить, входило ли это на самом деле в его намерения, было невозможно. Когда на заседаниях кабинета мы протестовали против начинавшихся тогда нападений на евреев или на ограничение свободы его политических противников, он часто впадал в ярость из-за отсутствия дисциплины среди штурмовиков и их руководителей и издавал гневные приказы о восстановлении порядка. Вспоминаю один эпизод, когда я очень резко выступил против антисемитских выступлений его партии. Гитлер внезапно вскочил с места, ударил кулаком по столу и заорал на Гесса, своего заместителя по партийным вопросам: «Проследи, чтобы эти Schweinereien прекратили безобразничать! С меня хватит их самовольства». Независимо от того, были ли эти вспышки искренними, нас они вводили в заблуждение. Он просил нас набраться терпения и дать ему время навести порядок среди

отбившейся от рук части партии. Мне часто приходилось обсуждать с Гюртнером и Эльтцем, чья честность и преданность не вызывали сомнений, как можно согласовать заверения Гитлера с реальным положением вещей. Мы сходились на том, что нет оснований сомневаться в искренности его намерений, и к тому же надеялись, что работа в правительстве окажет на него благотворное влияние.

Когда я обращал внимание Гитлера на пренебрежение, с которым его гаулейтеры относились к его же собственным строгим приказам, он отвечал, что ценит внутривнутрипартийные противоречия как гарантию от самодовольства. Мои попытки пробудить в нем более ответственное, государственное отношение к своим обязанностям ни к чему не приводили. Я очень долго надеялся, имея в виду его необыкновенные способности и силу воли, что из партийного политика он превратится в настоящего государственного деятеля. Конечно же реальных оснований для таких надежд не существовало. Я чересчур поздно понял, что в его характере имелось слишком много изъянов. Он не имел ни малейшего представления об основах христианской этики и был уверен, что может применять методы обмана и лжи, обыкновенные в партийных баталиях, к отношениям между государствами.

У меня складывалось впечатление, что в очень многих вопросах, в особенности в его отношении к традиционной церкви, он постепенно уступал влиянию радикальных элементов партии и в первую очередь – влиянию Геббельса. В наших ранних беседах о Розенберге и его новом «мифе» он позволял себе такие издевательские замечания, что я не мог допустить и мысли, что эти плоды помрачения ума могут представлять хоть какую-то опасность. Он с энтузиазмом поддерживал мои усилия по закреплению прав церковью особыми соглашениями, хотя и понимал, что предоставление конфессиям подобных привилегий столкнется с яростным сопротивлением многих его сторонников. К тому же он должен был понимать, что приток под его знамена бывших социалистов и коммунистов только усилит эту оппозицию. Первое время я ошибочно

верил, что в вопросе о церквях будет возможно отлучить его от радикального крыла партии и заставить принять нашу точку зрения.

Я уже упоминал, что важнейшими чертами характера Гитлера были почти патологический инстинкт власти и стремление достичь ее любой ценой. Эти свойства еще более усиливались его безоговорочной верой в собственную непогрешимость. В результате он весьма подозрительно относился ко всякой оппозиции. В правительстве он использовал все мыслимые средства, чтобы не оказаться в меньшинстве. Если какой-нибудь конкретный вопрос вызывал неодобрение большинства министров, он всегда откладывал его решение из опасения проиграть при голосовании. Уже по одной этой причине наилучшим средством повлиять на него была частная беседа, а не обсуждение в комитете, почему я с самого начала старался создать в отношениях с ним атмосферу взаимного доверия и избегал создавать впечатление, что он имеет дело с противником. Среди людей, которые не были связаны с ним партийными узами и не зависели от него как-то иначе, я, по всей вероятности, чаще всех вступал с ним в прения. По большей части мы обсуждали не действительные политические проблемы, а наши идеологические расхождения, и в этих разговорах он казался мне совершенно нормальным. Действительно, он был склонен к произнесению длинных монологов, однако всегда был готов выслушать возражения и не оскорблялся, когда его прерывали. Не могу сказать, что мне удавалось убедить его переменить свои мнения, но повлиять на него казалось возможным, и я видел в этом луч надежды.

Его влияние на людей распространялось даже на президента, который сменил свою первоначальную подозрительность по отношению к нему на доверие. В апреле Гинденбург попросил меня отказаться от нашей январской договоренности, в соответствии с которой я всегда присутствовал при его встречах с канцлером, что рассматривалось Гитлером как вызов его достоинству. Гинденбург дал согласие на включение

в закон об особых полномочиях статьи, которая лишала его одной из основных прерогатив – права законодательной инициативы, которое переходило к правительству. Следствием всего этого стало значительное сокращение влияния президента, а следовательно – и моего собственного влияния, поскольку Гитлер получал теперь к Гинденбургу непосредственный доступ.

Изменения, которые я попробовал обрисовать, продолжались годами, но их основа была заложена в начальные девятнадцать месяцев. Первым толчком для них послужили результаты выборов в рейхстаг, которые состоялись 5 марта 1933 года. О важности этих изменений можно судить по тому факту, что начиная с 1937 года заседаний правительства не проводилось вовсе. Важнейшие решения, касавшиеся вопросов войны и мира, принимались зачастую без ведома отдельных министров. Но до этого оставалось еще четыре года.

Если бы Гитлер попробовал устроить открытый переворот наподобие учиненного Лениным, то столкнулся бы с непреодолимым сопротивлением всего народа, который сохранял еще сильную привязанность к законности и не потерпел бы внезапного упразднения основ правопорядка. История Германии полна свидетельствами о навязанных извне тираниях, но ее народ никогда не оказывался под гнетом деспотии внутренней, ориентированной на подрыв самых основ существования общества. Идея государственной власти, относящейся враждебно к установившимся законоположениям и традициям, совершенно чужда немцам. Они не способны постигнуть ее смысл. Эта особенность может объяснить отсутствие сопротивления проводившимся Гитлером мероприятиям, которое так изумило весь заграничный мир. Напоследок я еще обязан отметить заблуждение тех историков, которые допускают, что подробности этого процесса обретения неограниченной власти были спланированы заранее. Действительно, многие из предпосылок уже существовали в сознании Гитлера, но с течением времени они усиливались и укреплялись под действием самых разнообразных факторов.

Среди них были и казавшийся безграничным энтузиазм масс его приверженцев, и обожествление его персоны, и неумеренная склонность к интригам его окружения, и его собственная ненасытная жажда власти. Важную роль сыграло отсутствие оппозиции со стороны буржуазных сил, недостаточное противодействие консервативно настроенных членов его первого кабинета и, наконец, губительные последствия начатой им войны, не вызванной никакой разумной необходимостью. Возможно, этот обзор позднейшего развития ситуации может послужить фоном для моего отчета о событиях, происшедших между 30 января 1933 года и июлем 1934-го, когда я был выведен из правительства рейха.

Папен, Ф., ф. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933-1947. – М.: Центрполиграф, 2005. 320 с.

69. Альфред Розенберг. Миф XX века. Часть 3. Народ и государство.

А. Розенберг (1893–1946) – государственный и политический деятель нацистской Германии, один из наиболее влиятельных членов НСДАП и её идеолог. Руководитель Управления внешней политики НСДАП (1933–1943), уполномоченный фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП, руководитель Центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистической идеологии и воспитания (1940–1945), рейхсминистр восточных оккупированных территорий (1941–1945). Приговором Нюрнбергского трибунала объявлен одним из главных военных преступников и казнён.

В целом социализмом называют взгляды, которые требуют подчинения частного воле коллектива, называется ли он классом, Церковью, государством или народом. Такое определение понятия полностью лишено содержания и дает свободу действий всем самовольным корпорациям, потому что существенное содержание слова полностью отодвинуто

на задний план. Если социальная деятельность означает частную акцию с целью спасения частного от духовного и материального разрушения, то социализм означает осуществляемую коллективом гарантию для единоличника или всей общины от всякой эксплуатации их рабочей силы.

Всякое подчинение индивида требованиям коллектива не является, таким образом, социализмом, не является им также всякое обобществление, огосударствление или «национализация». Иначе и монополию можно было бы рассматривать как своеобразный социализм, что практически делает марксизм своим враждебным жизни учением: помочь подняться капитализму с тем, чтобы он все сосредоточил в небольшом количестве рук, чтобы потом заменить власть великих эксплуататоров мира так называемой диктатурой пролетариата. Принципиально это вообще означает не изменение отношений, а только мировой капитализм с другим знаком. Потому марксизм всюду шагает с демократической плутократией, которая, однако, всегда оказывается сильнее его самого.

Является ли мероприятие социалистическим, вытекает, таким образом, из его последствий, независимо от того, имеют ли они предотвращающий характер или уже изменяют существующие факты. Решающим для таких последствий является при этом сущность целостности (коллектива), во имя которой осуществляется ограничивающее индивида общественно-экономическое указание. Бюргерско-парламентаристское государство располагает тысячью «социалистических» мер, оно облагает в пользу «репараций» все предприятия принудительными ипотеками; оно регулирует таможенные пошлины, ссудные проценты и распределение работы; тем не менее это классовое государство, правящая партия которого используют меры, обременяющие весь народ. Так же мало мог воспользоваться правом осуществляющий классовую борьбу снизу марксизм, потому что подчиняющиеся ему при его триумфе миллионы представителей народа рассматриваются не как общность, а большей частью как объекты эксплуатации

в пользу заинтересованных в марксизме членов общества. Поэтому при современных политических условиях слово «государство» употребляется для введения в заблуждение, потому что «государство» стоит на службе у буржуазии или у марксистской классовой борьбы, то есть вообще не существует, как бы его заменитель не требовал поклонения. Как бы конфессионализм и эта ведущаяся с двух сторон классовая борьба не противились этому: социалистическое предприятие не может ни одно из них отменить или осуществить. Это может только представитель системы, который может понять народ как организм, государство – как было изложено – как средство для его внешней охраны и внутреннего удовлетворения, для которого такая целостность как «нация» является критерием для действий, ограничивающих индивидуум и мелкие коллективы. Из этой системы мыслей, для которой мир начал, наконец, созревать, выделилась роковая борьба XIX века, великая борьба между национализмом и социализмом. Старый национализм был часто не настоящим, а лишь прикрытием для аграрных, крупных индустриальных, в дальнейшем финансово-капиталистических частных интересов, почему слово, когда патриотизм был последним прибежищем великих мошенников, нередко могло доказать свое право. Марксизм тоже был не социализмом, а в виде социал-демократии очевидным придатком плутократии, как коммунизм был разрушающим народ буйством против ценностей собственности всех наций, делающих возможным настоящий социализм. Получается, таким образом, не борьба, а уравнивание между настоящим национализмом и настоящим социализмом, обоснованный вывод, которым Германия обязана Гитлеру.

Социалистическим предприятием образцового типа была национализация государственных железных дорог Германии, которые были отняты у жадного до предпринимательства частного произвола, и для безопасной работы которых существовала та сохраняющая народ предпосылка, которая идет на пользу любому немцу. Истинным социалистическим

мероприятием является муниципализация электростанций и городского водоснабжения, служба которых касается всех без различия классов и конфессий. Социалистическими организациями являются городской электрический транспорт, полиция, общественные библиотеки и т. д., причем совершенно безразлично, были ли они введены во времена монархии или республики, что снова свидетельствует о независимости этой государственной формы от существа вопроса. Монархия была, как показывает пример государственных железных дорог Германии, а также пример Германского Государственного банка, значительно более социалистической, чем Веймарская республика, которая, подписав диктат Дауэса и другие поработительные документы, полностью отдала их под контроль частных – и к тому же еще иностранных – финансистов.

Борьба за существование и частная забота (иногда также умные символы) определяют общественную жизнь человека. Первое – это естественный процесс отбора, второе – чисто человеческая, углубленная христианством, благородная воля по отношению к ближнему. Оба фактора, предоставленные сами себе, означали бы смерть любой культуры, любого истинно народного государства. Поэтому нет совершенно никакой естественной «христианской» государственной идеи. Истинное государство германского толка заключается в том, чтобы борьбу за влияние привязать к определенным предпосылкам, допустить ее только в подчинении ценностям характера.

Современный экономический индивидуализм как государственный принцип означал поэтому претензию на уравнивание счастливого обманщика и честного человека. Поэтому и победил всюду после 1918 года спекулянт со своими товарищами. Милосердие с их стороны, как подачки диктатора угнетенным миллионам или личная благотворительность не устраняет вред, а лишь заклеивает гноящиеся раны. Оно действительно составляет контраст безудержной эксплуатации. Иногда великий обманщик строит для своих

десятилетиями эксплуатируемых жертв больницы и заставляет свои газеты прославлять себя как филантропа.

Итак, кто сегодня хочет быть националистом, должен быть социалистом. И наоборот. Социализм серого фронта 1914–1918 годов стремится стать государственной жизнью. Без него никогда не будет побежден марксизм, никогда не будет обезврежен международный капитал. Отсюда становится понятным, что истинно социалистическая мера – поддающаяся как таковая объяснению исходя из последствий – прежде всего нейтральна по отношению к понятию частной собственности. Она будет ее признавать, если она гарантирует общую безопасность, и будет ограничивать ее там, где она создаст опасность. Поэтому, например, требования национализации железных дорог и личного землевладения представляют собой оба социалистические (и националистические) требования. Оба служат экономически угнетенным с тем, чтобы создать им условия для культурного и государственного творчества.

С этой новой точки зрения поэтому некоторые жизненные проявления широких народных масс будут представлены в совершенно ином свете.

Связь между индивидуализмом и экономическим универсализмом за последние 100 лет на политической арене мы можем непосредственно проследить в демократическом и марксистском движении, которое исходит из счастья отдельного человека и одновременно провозглашает культуру человечества, стремясь выйти на Пан-Европу, в конечном счете на мировую республику, будь это республика биржевых деятелей, будь это формация диктатуры пролетариата как окончательная форма этой мировой диктатуры мировой биржи.

План Дауэса и план Юнга, оба представляют собой аналогию сближения универсализма и бескровного индивидуализма. Поэтому получается, что признавать ограниченными следует только взаимные влияния между понятием «я» и обществом, между понятием «я» и нацией, потому что в понятие общества – то есть организованных людей – включается

органичная для нас связь через ценности характера и идеалы. Из этих взглядов вырастает потом также вся идейная и государственная система на основе признания того, что не какой-нибудь абстрактный индивидуализм или абстрактный социализм, как бы упавшие с облаков, формируют народы, а что, напротив, народы со здоровой кровью индивидуализм как критерий не знают, так же как и универсализм. Индивидуализм и универсализм, рассматриваемые принципиально и с точки зрения истории, представляют собой мировоззрения упадка, в лучшем случае расколотого какими-либо обстоятельствами человека, который прибегает к последнему догмату навязанной веры, чтобы уйти от своего внутреннего раскола.

Из всего ощущения обновления, из признания древних вечных ценностей и из нового понимания органичных противоречий внезапно возникает для нас яркий сияющий свет, если мы рассмотрим развитие последних исторических эпох. Мы видим, следует еще раз подчеркнуть этот важный пункт, что в течение всего XIX века с заходом в XX век между собой боролись два крупных движения – национализм и социализм – и тот факт, что оба они стали крупными и сильными, показывает, что в их основе неизбежно лежат органичное здоровое ядро, органичные здоровые движущие силы. Неважно какие люди и системы в течение этого периода времени овладели этими волевыми силами и ходом мыслей. Мы видим, что германский старый национализм после его мощной вспышки в освободительных войнах, после его глубочайшего обоснования Фихте, после его взрывного появления у Блюхера, барона фон Штейна и у Эрнста Морица Арндта и в их воинской силе деятельности, воплощенной Шарнхорстом и Гнайзенау, – переходит в руки внутренне отжившего, но в организационном плане еще сильного поколения, как это наиболее четко было представлено системой Меттерниха. Расцветающий национализм сразу после своего возникновение вступил, таким образом, в роковую связь с династизмом.

Ценность короля или кайзера сама по себе стояла выше, чем ценность всего народа. Мы видим, как растет придворная экономика, которая раньше была бы доведена до крушения, если бы мощная власть Бисмарка не сделала бы еще одной попытки соединить монархию и нацию в единый блок под династическим руководством. Но в то время, как король Фридрих Великий воплощал это единство даже в тяжелые времена, его преемник кайзер Вильгельм II уже утратил эту веру, заявив, что хочет избавить свой народ от гражданской войны, перейдя через границу. Тем самым он отделил династическое понятие от целостности народа и 9 ноября 1918 года разбил династическую идею государства, что постепенно начали понимать все сознательные немецкие национальные круги.

Наряду с династизмом немецкий национализм XIX века был тесно связан с либеральной демократией, которая становилась все сильнее и сильнее с ростом промышленных трестов мировой экономики, оптовой торговли и мировых банков. Экономические интересы этих трестов представляли нередко как интересы национальные.

Так, например, германский банк и его прибыли в Турции фальсифицировали в интересах народа Германской империи. Во время войн вы могли ощутить, что боевой клич нации заключался не в разъяснении того, что земля, завоеванная германской народной армией, должна была стать собственностью германской империи, а годами говорилось о рудниках Брия (Briey) и Лонгви (Longwy), то есть интересы промышленности и прибыли были поставлены выше интересов всей нации. От этой противоестественной связи и от перевернутой иерархии умирает сегодня гражданский национализм, и только новое сознание провозглашает новый национализм и в результате объединяется инстинктивно или сознательно со всеми освободительными германскими войнами прошлого, но прежде всего с безусловным величием тех людей, которые вывели Германию 1813 года из пропасти.

Националист XIX века был отравлен марксистско-либералистскими силами, то же произошло и с социализмом. Выше мы уже определили социалистическое мероприятие, проводимое государством мероприятие по защите народной общности от всякой эксплуатации, и далее государственное мероприятие по защите отдельного человека от жажды наживы. Но и здесь вопрос касается не только формальной деятельности самой по себе. Социалистической деятельностью становится только на основе ее практического проявления. Поэтому возможно, что социалистическая деятельность, как также уже было установлено, вовсе не сопровождается формальной национализацией. Напротив, она может даже означать приватизацию, освобождение множества отдельных сил, если это освобождение принесет с собой усиление общности. Когда Бисмарк однажды был подвергнут нападкам со стороны консерваторов как социалист, он заявил, что понятие социализм для него при определенных обстоятельствах не означает ничего страшного. Он социализировал железные дороги и помнит деятельность по освобождению крестьян имперскими баронами фон Штейнами, что также представляет социалистическое мероприятие. В этом смысле наши взгляды теснейшим образом соприкасаются со взглядами Бисмарка. Деятельность имперского барона фон Штейна означала освобождение сотен тысяч крестьян от чудовищной навязанной власти. В результате этого освобождения творческих сил поднялись благосостояние и самосознание народа. Деятельность имперского барона фон Штейна остается до сегодняшнего времени величайшей вехой в истории германской социалистической свободы.

Это сделало новую идею более понятной. Эта идея ставит народ и расу выше любого государства и его форм. Она объявляет защиту народа важнее, чем защита религиозного вероисповедания, класса, монархии или республики; она видит в предательстве народа большее преступление, чем в государственной измене. При этом германское движение обновления претендует на такую же свободу по отношению

к формальному государству, как Рим, оно видит в борце против «государства», который страдая за свой народ и свою честь, отправляется в тюрьму, на каторгу, не преступника, а аристократа, оно не признает обязательств по отношению к формации, которая берет начало 9 ноября 1918 года. Но для нас борьба не является «несправедливой», если она случайно ведется и против тех представителей учения, которые в политическом плане фальсифицируют истинную религию, которые хотели бы принципиальное предательство страны выдать за свою «веру». Несправедливой войной является война против соотечественников. И смертельными врагами немецкого народа являются поэтому все те силы, которые поднимают конфессию или класс своим боевым кличем против немецких соотечественников. Новая империя требует от каждого немца, участвующего в общественной жизни, клятвы не государственной форме, а клятвы всюду по мере сил и возможностей признавать германское национальное учение высшим критерием оценки своих действий и действовать в его пользу. Если чиновник, бургомистр, епископ, суперинтендант не может дать такой клятвы, он неизбежно теряет все права на общественный пост.

Даже те гражданские права, которые каждый получил раньше в подарок, достигнув 21 года, в новом государстве необходимо их заслужить. (Идея, которую национал-социалистическая программа уже представляет). Такие права необходимо завоевать безупречным поведением в воспитательных учреждениях и в практической жизни. Немец, совершивший преступление против чести нации, совершенно логично не получает от своего народа никаких прав. Мужчин, которые не могут принести клятву немецкому народу из-за конфликтов с совестью, государство не должно преследовать, но само собой разумеется, что они при этом не могут претендовать на гражданские права. Они не имеют права быть учителями, проповедниками, судьями, солдатами и т. д. Либеральное мировоззрение в своей враждебной народу бесконечности принесло с собой то, что под учением о свободе

убеждений понималось также учение о равноправии всех видов деятельности политического и обучающего типа без ссылки на формирующий центр. Поэтому совершенно логично получается, что не только победителю государственной формы, но и подстрекателю против народности, свойственной каждому государству, должны быть предоставлены равные права с тем, кто за этот народ сто раз рисковал жизнью. Либерализованный духовный метис чаще всего даже считал «человечным» придерживаться интернациональных «мировых идей», а сильный акцент на собственные права народа нагло осмеивать как отсталый. Естественно, что это должно было привести к хаосу.

Само собой также разумеется, что в народе должны и будут существовать действующие в политическом плане личности, и группы. «Братский народ» – это утопия, и вовсе не красивая. Полное братство означает уравнивание всех ценностей, всех напряжений, всей жизненной динамики. Борьба и здесь остается искрой, постоянно порождающей жизнь. Но все эти бои должны происходить в рамках одного идеала, их ценность должна быть проверена при помощи одного критерия: пригодны ли проповедуемые идеи, требуемые мероприятия для того, чтобы облагородить и укрепить немецкую народность, усилить расу, поднять осознание чести нации. Политические партии, которые в своей деятельности спрашивают о том, каким образом можно укрепить международную классовую солидарность или международные конфессиональные интересы, в германском государстве не имеют права на существование. Деятельность таких враждебных народу партий в прошлом и настоящем разъедала и подтачивала душу немца. С одной стороны сторонники марксизма и центра остаются все-таки немцами, а с другой стороны они должны признавать ценности, лежащие за пределами германской культуры, как высшие.

Проблема грядущей империи германского стремления заключается, таким образом, в том, чтобы проповедовать этим замученным миллионам новое мировоззрение, подарить

им из нового мифа формирующую высшую ценность, или правильной сказать, дремлющую у всех ценность народности и национальной идеи очистить от мусора столетий и поставить всю жизнь под свой знак. Только когда все это произойдет, может возникнуть Германская империя, в противном случае все обещания – пустая болтовня. Но чисто государственный аппарат может осуществить эту работу по типизации народа лишь несовершенным способом. Государственные законы могут носить только изолирующий и ограничивающий характер, они не поучительны. Государство может и должно, например, подавлять большевистскую, лишенную отечества партию, но оно может делать это длительно только, если за ним стоят сильная обновляющая жизнь воля и творческая общественная деятельность. Эта деятельность должна быть направлена на сознательное образование мужского союза.

Мы знаем с помощью каких сил в 1933 году так называемое государство ноября 1918 года было заменено Германским рейхом. Много лет мы знали человека, который водрузит новое знамя на башнях немецких городов. Мы знаем и ощущаем, наконец, сегодня силы пробуждающейся от глубокого сна расовой души, силы, которые неизбежно должны дать нам этого человека. Задачей этого основателя нового государства является создание мужского союза, скажем, германского ордена, составленного из личностей, которые играют ведущую роль в деле обновления немецкого народа.

Членов этого «Германского ордена» первый глава государства назначит из всех слоев народа после того, как произойдет основание рейха. Предварительным условием являются достижения в деле служения народу, неважно, в каких сферах. Назначенный таким образом совет ордена в случае смерти одного из членов будет пополняться путем новых назначений. Глава государства – президент или кайзер, или же король – будет избран пожизненно советом ордена из его среды. (В этом техническом отношении организация римской Церкви служит образцом продолжения нордического

древнеримского сената.) С одной стороны, служащие народу силы совета ордена из всех слоев нации поднимутся над своими городскими и окружными союзами, в любом случае при условии выдающихся личных достижений. Связь между народом и руководством, таким образом, сохранится, кастовая замкнутость, имевшая место после 1871 года, будет предотвращена. А с другой стороны, бесконечная демократия и постоянно сопутствующая ей демагогия будут устранены и заменены Советом Лучших. Наследственная монархия, хотя и вынуждала носителя короны, исходя из собственных интересов, согласовывать политику своего дома с интересами народа, однако существует опасность упадка династии, как при каждом новом поколении.

При этом неизбежно воцарится низкопоклонство без достойного представления поста кайзера. Результатом же этого состояния будет прямая противоположность постоянству государственной жизни, которая была целью установления исследуемой монархии: дискредитация власти кайзера, беспорядки, революции.

Народ сегодня может редко непосредственно усмотреть великого человека, для этого необходимы предшествующие катастрофы, в которых кто-то один окажется на виду.

Поэтому в обычной жизни выборы президента и кайзера, осуществляемые непосредственно 70 миллионами, это только вопрос денежного мешка. Отсюда следует, что в 99 из 100 случаев во главе окажется не истинный народных вождь, а служащий биржи и вообще денег. Поэтому и с этим лживым демократическим требованием в будущем первом германском народном государстве необходимо окончательно покончить. Отсюда также следует, что помогающий правительству советами парламент не может появиться вместе с руководящим германским советом ордена в результате одурачивания масс, как при господстве безнравственной демократично-парламентской системы.

За границами сельской общины, средней величины города, заурядный человек теряет критерий для своей оценки.

Он может самостоятельно оценить личность только в том случае, когда он в состоянии проследить за его деятельностью на месте. Там, где партийные группы во всех случаях влияют на выборы в пользу неизвестных величин, это невозможно. Нужно непременно исходить из того принципа, что решающими на выборах являются не списки, а личности. Поэтому в Германском рейхе выборы в парламент должны осуществляться не на улице, а представителями крупных корпораций страны: армии, крестьянских союзов, чиновничества, организаций свободных профессий, гильдий ремесленников, купечества, высших школ и других сословных групп. В зависимости от величины и значения председателям этих групп и сословий должно быть разрешено определенное число представителей. В первую очередь здесь необходимо учесть войсковых командиров. Армия хоть и стоит далеко от всякой политической борьбы, но ее политические взгляды, к чему стремились биржевые и журналистские демократии, в будущем рейхе должны навсегда закончиться. Армия создана не для того, чтобы бессловесно позволять гнать себя на поля сражения, но и не для того, чтобы быть преданной и разоруженной трусливыми пацифистскими демократами от имени «государства». Страшный опыт мировой войны стоит на все времена перед нами как предупреждающий пример. Он не должен больше повториться. Но голосовать будет не тайная, безымянная, подстегиваемая масса по более двадцати или тридцати спискам, а в конечном итоге, круг личностей.

Уже Бисмарк определил право тайных выборов как нечто негерманское. Так это и есть. Эта обезличка признает трусость отдельного избирателя как образ мыслей среди других, это сознательно подрывает чувство ответственности. В применении ко всему народу это означает культивирование духовного обнищания. Но теперь нельзя избежать человеческих проявлений и в лучшем государстве. Отклоненный кандидат легко может рассматривать того, кто посчитал его, может быть, по деловым соображениям недостойным, как личного врага, что будет иметь следствием много

нежелательных трудностей. В соответствии с этим практически приемлемым путем представляется такой, когда участвующим в выборах личностям будет предоставлена возможность отдать свой голос открыто или тайно, как на выборах в парламент, так и на выборах главы государства внутри совета ордена. В связи с выраженным желанием высказать свои взгляды свободно и открыто постепенно станет возможно подготовить ответственных избирателей, чего наверняка нельзя добиться немедленным приказом об открытых выборах.

Под знаком старого парламентаризма каждый отдельный депутат имеет меньше ответственности за свой образ действий, чем любой неограниченно повелевающий монарх. Поддерживаемый парламентом кабинет снова апеллирует при принятии решений к знаменитому «правлящему большинству». Если политическая программа удастся, парламентский министр – «великий человек», если не удастся, то – в крайнем случае – соответствующий министр отстраняется и не может быть привлечен к ответственности. Этот факт, естественно, соблазняет самых бессовестных парламентариев постоянно предлагать себя в качестве министров, чего не было бы, если бы действительно имела место ответственность, которая у военачальника предполагается сама собой.

Взращенное этой бесчестной системой парламентское ничтожество представляет, конечно, это состояние как выражение известного прогрессивного духа. В действительности же оно представляет собой убогое скотское порождение трусливого большинства, которое нагло хочет производить суд над всеми и над всем, а когда дело касается ответственности, прячется за массаами членов партии. И перед своими избирателями парламентарий ответственности не несет. Он избран «всеми народом», как это звучит на языке демократическо-марксистских обманщиков, то есть строго очерченный круг избирателей установить юридически невозможно. Это положение изменится сразу, как только, как было сказано, выбор будет осуществлять точно установленный круг избирателей.

С добавлением того, что назначенный главой рейха политический суд может привлечь потерпевшего неудачу министра к ответственности точно так же, как военный суд потерпевшего поражение полководца; министерская гонка станет значительно скромнее, и лишь действительно готовые взять на себя ответственность люди будут стремиться занять те посты, на которые могли нацелиться привычные для демократии 1918 года субъекты с полной перспективой на успех и безнаказанность.

Возвращение избираемых личностей в конечном итоге к первичным выборам желательно, но при условии преодоления тезиса, которому сегодня все поклоняются, как золотому тельцу: тезиса о беспрепятственном праве свободного передвижения. Сегодня наблюдается убийственный для народа поток из села и провинции в крупные города. Города растут, портят народности нервы, рвут нити, связывающие человека с природой, привлекают авантюристов и дельцов всех мастей, способствуя тем самым образованию расового хаоса. Город, бывший центром цивилизации благодаря мировым городам, превратился в систему форпостов большевистского упадка. Неестественный, безвольный, трусливый «интеллект» объединяется с жестоким, лишенным типа стремлением нечистокровных рабов к бунту или с закабаленными, но относящимися к чистой расе народными слоями, которые на несправедном фронте под руководством марксизма хотят бороться за свою свободу.

Шпенглер пророчит 20 миллионные города и вымершую деревню как наш конец, Ратенау изобразил каменные пустыни и «жалких жителей» немецких городов как будущее, которое приведет к подневольному труду в пользу сильных иностранных государств. Побудительные причины обоих, конечно, были разными, но оба они внушали немецкому народу мысль о невозможности перемен. «Фатальный», так называется сегодня выражение слабости воли или трусости, но оно стало лозунгом тех политических преступников, которые хотят наш народ ввергнуть в нищету конечного состояния феллахов!

Этим планомерно занимается пресса международного марксизма, чтобы безвольную миллионную толпу, следующую за ним, объединить в готовую к штурму массу.

Слабовольные философы дают, таким образом, врагам народа «мировоззренческую» основу для того, чтобы завершить длительно подготавливавшееся разрушительное дело. (То, что Шпенглер тем не менее проповедует силу, силу и силу, представляет собой недостаток последовательности). В основе всех этих приведенных оракулских возгласов о «необратимости развития» лежит негерманский догмат навязанной веры о праве свободного передвижения и повсеместного проживания как «гаранте личной свободы». Но и это, так называемое, незыблемое учение представляет собой только проблему воли. Абсолютный отказ от «права» на свободное передвижение означает, предварительное условие для всей нашей будущей жизни и поэтому должно иметь успех, если даже такой приказ будет воспринят миллионами сначала как тяжкий «ущерб для личности». Но остается только один выбор: «добровольно» встретить жалкий конец на асфальте или «принудительно» процветать на селе или в небольшом городе. То, что выбор уже сделан в пользу отказа от права свободного передвижения, пусть даже сначала в немногих сердцах – показывает, что изменения уже начались.

Это просто неправда, что все акционерные общества, картели и т.д. «должны» объединиться в двух-трех городах и вобрать в себя весь управленческий аппарат; неправда и то, что новые фабрики «должны» всегда появляться в Берлине, чтобы привязать там новые сотни тысяч людей; неправда, что предложение и спрос, как обычно говорят, «должны» управлять жизнью. Напротив, задача истинно народного государства заключается именно в том, чтобы предпосылками к этой игре сил сознательно управляли его представители. Мировой город с его сверканием, его кинотеатрами и магазинами, биржами и ночными кафе гипнотизирует страну.

Под знаком права на свободное передвижение лучшая кровь беспрепятственно течет в мировой город с отравленной кровью, ищет работу, основывает предприятия, увеличивает предложение, привлекает к себе спрос, который снова усиливает иммиграцию. Этот губительный круговорот может быть ликвидирован только при помощи строго регулируемого барьера для жителей. Не в жилищном строительстве в крупном городе, которое вызовет такой же приток, заключается спасение – оно скорее приведет к гибели – а в отмене либерального права свободного передвижения, разрушительного для народа. Свободное переселение в города с населением свыше 100 000 жителей в германском государстве непременно должно быть отменено. Деньги на строительство нового жилья следует давать только в крайних случаях, Их следует в первую очередь распределять по маленьким городам. Новые фабрики можно возводить в городах с населением 100 000 человек только в том случае, если эксплуатируемый объект находится на нужном месте (открытые заново залежи каменного угля, соли и т.п.). Современные транспортные возможности обеспечивают распределение сил (децентрализацию) всей экономической жизни не только без ущерба для нее, но даже – в конечном результате – с поддающимся расчетам подъемом. Уже только за счет бережного отношения к расовой силе, важнейшему капиталу из того, чем мы вообще владеем.

В Соединенных Штатах, где сосредоточение (концентрация) прошло высочайшими темпами, гигантские мукомольные предприятия, огромные бойни, куда стекается сырье со всей страны, перегружают сеть железных дорог и увеличивают стоимость готовых товаров за счет транспортных издержек больше, чем позволил сэкономить отказ от более крупных центров вначале. Развитие скоплений пользующихся правом свободного передвижения людей и товаров вводит в заблуждение само себя. Множатся голоса, которые, не решаясь вначале коснуться безумия догмы свободного передвижения, тем не менее при чисто трезвом подходе признают естественность децентрализации. Из чисто экономических соображений

они пришли к тому же результату, что и я, отталкиваясь от идеи защиты расы. (Форд, например, требует, чтобы хлопкопрядильные предприятия строили не в огромных городах, а размещали вблизи самих хлопковых полей).

Фермер, который сегодня является крупнейшим производителем, не является одновременно крупнейшим продавцом. Он зависит от тех промежуточных ступеней, которые перерабатывают его продукцию, прежде чем она попадет на рынок. Он не может преобразовать ее в готовые товары на месте, а должен загружать транспорт полуфабрикатами. Это роковое развитие, которое пытается лишить корней крестьянское сословие, самую сильную опору каждого народа, сословие, которое «никогда не умрет» (Чемберлен), сознательно поддерживается демократией и марксизмом с тем, чтобы увеличить таким образом пролетарские полчища.

Депролетаризация нашей нации – и любой другой – представляется только за счет сокращения наших мировых городов и основания новых центров. Говорить о внедрении оседлости и национализации посреди огромной кучи камней – это безумие. Американизация, путем «спасения» при помощи автомобилей, как это пытались сделать в Америке, означает трату сил и времени, несмотря на сокращение расстояния. Миллионы, которые ежедневно приезжают в Нью-Йорк со стороны, а вечером снова выбрасываются из него, перегружают транспорт и удорожают общую жизнь больше, чем это было бы при строгом ограничении и регулировании человеческого потока. Вместо, может быть, сотни крупных отравленных людьми центров могут существовать десятки тысяч центров, способствующих развитию культуры, если нашу судьбу будут определять головы с сильной волей, а не марксизм и либерализм. Образно говоря, наша жизнь идет все еще по одной линии: туда и обратно. В будущем должны иметь место круговорот вокруг органично расположенных центров. Если число жителей города приближается к 100 000, надо подумать об оттоке. Новым учредителям следует рекомендовать селиться в небольших местах или в сельской местности,

а не в подвалах и мансардах, как это любит делать «гуманная» демократия.

Здесь нельзя думать о том, что у нас есть еще один выбор. Достаточно посмотреть затрагивающие жизненный нерв заботы Нью-Йорка, чтобы сразу понять, что на карту поставлено все. Чтобы вообще справиться с постоянно возрастающим уличным движением, день и ночь работает огромный штаб архитекторов и техников. Дело дошло до сооружения многоэтажных улиц. Под домами должны быть проложены пути для автомобилей, тротуары над ними размещены в крытых аллеях. Мосты должны быть перекинuty с одной стороны улицы до другой, запланирована целая сеть мостков, проходов, проездов с постоянным искусственным освещением. Новый американский закон о трех зонах позволяет за счет наступления этажей дальнейшее развитие домов в высоту, как показывают проекты архитекторов Х. Ферриса, Р. Худа, М. Русселя, Кросселя.

Целью всех этих технических стараний, показывающих полное право свободного передвижения как основу мировоззрения, является нагромождение гигантских каменных пирамид, в которых каждая человеческая жизнь должна опустеть, застыть и окончательно умереть. Эта основа мировоззрения должна быть устранена, только тогда откроется дорога для преодоления техники самой техникой. Легкость общения создала мировой город. От этой легкости он и умрет. Полис создал греческую культуру, маленький город, средний город – каждую народную цивилизацию в Европе; расширяющийся кругозор бывшего отдельного крестьянина уловил идею государства, не потерявшись в бесконечном. Только так могло возникнуть органичное культурное образование.

Легкость общения, пресса (при подобающем управлении), радио и личное наблюдение делают сегодня возможным для каждого взрослого человека судить о делах города, число жителей которого незначительно превышает 100 000 человек. Неточности поступающих сообщений он в состоянии уточнить за счет собственных наблюдений. Деятельность

муниципальных политиков в отношении благополучия государства соответствует текущим заботам тех, кто занимается промыслами, рабочих всех профессий. Здесь открыта возможность действительной оценки достижений. Для муниципальных выборов открывается, таким образом, возможность первичных выборов широкими народными массами, которые точно так же должны касаться личностей, а не списков. Предлагаются кандидаты от гильдий, союзов и Германского ордена в их местных представительствах. При этом выборщики парламента хоть и опираются на широкую народную основу, но не на безымянную массу. Для муниципальных выборов остается и избирательное право для женщин. Настроенная на конкретные личности и ищущая силу народная воля должна идти навстречу правящей воле сверху. Неограниченная монархия знала только одно направление сверху вниз, хаотическая демократия – только массовый подпор снизу вверх.

Германское государство будущего, организованное силовым актом отдельных лиц, не будет поставлять создающие типы личности по настроению избирателей и в результате денежного обмана, а получит их от стоящих у власти руководителей государства и будет обновлять их состав за счет воспитания в Германском ордене. Но выборы, проводимые по схеме, дают творческим личностям беспрепятственную возможность для продвижения. Будущий рейх, таким образом, как уже говорилось, является националистическим и социалистическим, то есть он основан не на половинчатом голосовании, а на страсти, сплывающей типы, и на связанном с расой человечестве. Национализм в процветающей форме является предпосылкой и конечной целью процесса, социализм – это государственная гарантия для отдельного лица под знаком признания его единственного учения в пользу защиты расы.

Если с одной стороны это разграничение необходимо для того, чтобы преодолеть народоубийственное мировое государство, то с другой стороны следует предостеречь от стремлений отменить само государство, дабы не разделить Германию на мелкие колонии с числом жителей,

не превышающим двенадцати тысяч. Представители этих заманчивых идей не видят того, что предпринимают принципиально бесперспективную попытку ввести снова не имеющую истории «природную» эпоху. Восемьдесят миллионов человек нуждаются в том, чтобы стать соответствующим идее единым целым, узловыми пунктами жизни, достаточно большими для того, чтобы дать множеству сильных личностей возможность дышать одухотворенным воздухом, но достаточно ограниченными в плане формирования, чтобы не дать им пропасть в хаосе сплоченных и все-таки раздробленных миллионов. Только в городе формируется культура, только город может стать центром созидательной национальной жизни, собрать имеющуюся энергию, сделать установку на целостность, и сделать возможным то мировое политическое обозрение, которое особенно необходимо именно Германии как государству, открытому в таком множестве направлений. Несколько центров до 500 000 и значительно более по 100 000 жителей являются, таким образом, духовной необходимостью. Причем к децентрализации всех технико-экономических учреждений стремиться следует непременно.

С сознательным отказом от либеральной «свободы» совершенно не связано само военно-политическое стесненное положение, которое заставляет нас разбивать мировые города. Возможные в дальнейшем войны будут сильно зависеть от авиации. Целью химических и осколочно-фугасных бомб всегда будут крупные города. Чем разбросаннее будут располагаться фабрики и города, тем меньше ущерба будет от совершенных авиационных налетов. Судьба принуждает нас сегодня, как и раньше, к тому, чтобы весь народ участвовал в борьбе за свое существование. Раньше владелец замка строил стену вокруг домов своего замка, жители которых, как единое целое, должны были участвовать во всех боях. Либеральная эпоха создала профессиональную армию, гражданам предоставили защиту своей жизни солдату и при этом еще нагло ругали милитаризм. С этой псевдоидиллией покончено: техника, которая соорудила когда-то прочный вал

вокруг всего государства, сама его и разрушила, и восстановила древнее органичное соотношение между народом и войной. И тем самым мировоззрение и судьба совместно призывают к сокращению мирового города, к возведению городов и дорог со стратегической целесообразностью. Если раньше неприступные замки строили высоко в горах, то сейчас самое важное скрывают в бетонных бункерах под землей. Целый город из высотных домов становится нелепостью. Осознание этого также заставит сделать определенные градостроительные выводы.

Вот некоторые основные черты новой государственно-политической системы, которая сама вытекает из высшей ценности нашего народа и нашей судьбы. Из них в свою очередь следуют другие мероприятия, которые имеют чисто техническую природу и поэтому лежат вне рамок этой книги.

То, что государство можно рассматривать как поле беспланового перемещения народов, будущему поколению покажется безумием, чем-то безрассудным и самоубийственным, как и все другие требования политического либерализма.

Предстанет ли будущий рейх в облачении императорской власти, королевства или республики, никто из нас не знает. Мы не можем предугадать заранее частностей ощущения формы будущего. Императорские короны упали в пыль, республика появилась в результате деятельности, которой немцы будут еще стыдиться в течение тысячелетия. Только германская королевская идея – так это представляется – сохранила до сегодняшнего дня свой мифический блеск. Она создала органичный хребет времени, когда римская империя безгранично простиралась по всему миру. Она лежала в основе создания новой империи 1871 года. Ее и сегодня еще поддерживает родовое чувство. Рухнули 23 династии. Они не должны вернуться, чтобы Германия не подвергалась заново ужасным внутренним распрям. Земли должны закрыть свои ландтаги и распространять каждую достойную идею родовой королевской власти. Со старым понятием «кайзер»

связано представление об империализме, в нем содержится только пышность и власть.

Идея о короле глубже и больше привязана к земле. О своем короле скромный баварец думает так же живо, как и верный пруссак. «Кайзер» был для народа абстрактностью, «Божьей милостью». Мы достаточно сыты опереточным поведением времени до 1914 года; но тем более нам противно убожество, связанное с паразитическим карьеризмом демократии. Мы хотим видеть в германском короле такого же человека, как мы сами, но все же кроме того он должен быть воплощением героического мифа. Подобно тому, как место сверкающей островерхой каски в буре сражений занял стальной шлем, так и будущее найдет форму германского национал-социалистического руководства народом в результате рождения орденского государства, как воплощения стремления сегодняшнего поколения к будущему государству, как компенсация жертв тех двух миллионов, которые отдали свои жизни за Германию.

Из требования поставить учение о народе и расовую защиту в центр всей государственной жизни, возникает картина жизни, которая отличается от хаоса XIX века, как день от ночи. Из бесчестного идеала торговцев вышли кроваво-красная мировая война, мировые возмущения, следствием которых было сильнейшее истощение народов. Самым спелым плодом XIX века был большевизм, самое опустошительное наступление чумы восточного духа, который со времен инквизиции посылал свои ядовитые испарения на Европу. Из внутренних перемен и возрождения поднимается ясно видимая в общих чертах картина мечты о новом государстве. Миллионы ощущают сегодня новое движение к типу и закону, связанное с землей и опирающееся на честь. Путь ясен. Оставить на нем следы является задачей вечно пульсирующей и шагающей вперед жизни. Мастер Эккехарт сказал: «В самых глубоких колодцах самая высокая вода».

Германский народ в 1918 году в результате своей собственной вины упал на самое дно, и в течение пятнадцати лет

его внутренние и внешние враги недостойнейшим образом мучили и истязали его. И тем не менее нашлись силы, которые достигнув глубины жизни, именно здесь заново открыли вечные первоисточники силы немецкого народа и, готовые к борьбе, несут эти ощущения и признания через бедствия времени. То, что XIX век натворил в бюргерском уюте преступного марксистского безумия и обширнейшей безыдейности, сегодняшний XX век должен исправлять посреди враждебного мира, который никогда еще не противостоял Германии в такой сплоченности.

Поэтому новая теория жизни также не представляет собой мягкую проповедь грусти, а является суровым и жестким требованием, потому что мы знаем, что теория гуманности пытается действовать в противовес природе, и что природа за это мстит, уничтожая до последнего все эти демократические и другие попытки. Сущность немецкого обновления заключается в том, чтобы приспособиться к вечным аристократическим природным законам крови и не способствовать отбору больных за счет слабости, а напротив, при помощи сознательного отбора привести к руководству волевою силу, не оглядываясь на то, что осталось позади.

При пробуждении германского прошлого мы видим сегодня перед собой, проходя по Динкельбюлю или Ротенбургу, завершенную германскую культуру, не знающую себе подобной по творческой и боевой силе. Мы знаем, что Тридцатилетняя война навсегда разрушила ощущение жизни, что XVII и XVIII века лежат между ними подобно глубоким пропастям, и что только с укрупнением прусского государства снова начала пульсировать совершенно новая жизнь. В освободительных войнах 1813 года и в их участниках мы видим проявление понятия формирования совершенно новой германской истории, и мы, люди современности, присоединяемся к вождям этих освободительных войн, как к первым основателям новой государственной идеи и нового ощущения жизни.

Мы вспоминаем о великом бароне фон Штейне, который знал только отечество, называемое Германией, и который

заявлял: «К династиям в этот момент великого развития мы совершенно равнодушны; это только инструменты. Мое желание заключается в том, чтобы Германия стала великой и сильной, чтобы снова добиться ее независимости, восстановить национальность и утвердить то и другое при своем расположении между Францией и Россией. Это нельзя сохранить на пути старых, развалившихся и прогнивших форм». «Сопроотивление демократическим фантастам и княжескому произволу» Штейн обозначил, как линию своей борьбы. Это делаем и мы, подчеркивая только, что вместо демократических фантастов пришли марксистские преступники. И еще один пророк предстает перед нашими глазами, ожидая своего воскрешения: Поль де Лагарде. Никто не видит так, как он вред либералистского Второго рейха, ведущий к падению. Потрясенный, он сетовал: «Наши дни слишком темны, чтобы не предсказать нового солнца. И этого солнца я жду».

И мы чувствуем себя сегодня в безопасности, соответствуя истинно великим людям немецкой нации, довольными и сильными в безусловной вере, представляя как германское обновление восход того солнца, которого ждал Штейн. Лагарде и многие другие, во имя чего они действовали. Мы внутренне сильны и переполнены как ни одно революционное движение Европы.

Французская революция 1789 года была лишь одним огромным крушением без творческой идеи, мы ощущаем сегодня ее гниение. Наше время перелома и признания существенных типов крови означает величайшую духовную революцию, которая сегодня сознательно берет свое начало. И эти вопросы времени ежедневно прижимают нас, и все мы обязаны заняться ими, подвести итоги духовной борьбы и включить всех пробудившихся в армию пробуждающейся Германии. Долгом и задачей каждого из нас является по-новому осмыслить новые задачи, постоянно встающие перед нацией, с почтением служить им. Тогда эта жизнь и в самом деле станет вечным блаженством.

Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. – Tallin.: «Shildex», 1998. – С.390-409.

70. Рихард Дарре. Свинья как критерий у нордических народов и семитов

Рихард Дарре (1895–1953) – руководитель Главного расово-поселенческого управления СС. Рейхсминистр продовольствия (1933–1942). Обергруппенфюрер СС (9 ноября 1934). В 1945 г. арестован американскими войсками и заключен в тюрьму. В 1949 г. приговорён к 7 годам заключения, в 1950 г. освобождён, работал в качестве консультанта по агрохимии.

Для семитов свинина – нечистая пища. Народны, исповедующие Ислам, придерживаются той же точки зрения. Причина этого запрета, согласно Библии, заключается в том, что употребление в пищу свинины будто бы вызывает проказу. Поскольку мы с удовольствием едим свинину, нам для понимания моисеева закона не хватает исходной точки, знания причинных взаимосвязей, имевших место в те времена, когда был наложен этот запрет. Поэтому не остается ничего другого, как рассматривать его в качестве здравоохранительной меры, каким-то образом связанной с жарким климатом Палестины. Обоснование запрета ссылкой на проказу было лишь средством устрашения простого народа...

Однако этот распространенный сегодня взгляд не вполне соответствует фактам. Если бы причину этого запрета действительно следовало искать в жарком климате, мы встретили бы аналогичные законы во всех жарких климатических зонах, по крайней мере, свиноводство в этих зонах было бы редким или вообще неизвестным. На самом деле наблюдается совершенно противоположное. Во всей тропической Африке, там, где нет расового или политического влияния семитов, на островах южных морей, в Индии, в жарком Южном Китае – везде

мы встречаем свинью в качестве домашнего животного. Свинина там часто является важной частью рациона. На Гвинейском побережье свиноводство процветало у туземцев уже 100 лет назад. Недалеко от того места, где семиты получили свой запрет, копты, египетские христиане, тысячами едят свинину, и их здоровью это не вредит. В тропической Индии свинина наряду с рисом – основное питание. Известно, что свиноводство в Германии и Англии получило новые стимулы после ввоза индийских и китайских свиней, и более 50 % современных европейских пород домашней свиньи – индийского происхождения. Не могу не вспомнить, хотя это кое-кому не понравится, что, согласно индийскому сказанию, Будда умер от того, что объелся свининой. Итак, во всей жаркой климатической зоне свинина играет важную роль в рационе туземного населения, и только семиты и те народы, чья религия находится под их влиянием, иначе относятся к свинье... Так что климат, как возможное объяснение причины, придется отбросить.

Другая попытка – найти опорные точки путем сравнения семитских религий с другими древними религиями средиземноморского бассейна – не прояснила дело, а только еще больше его запутала. В результате оказалось, что свинья в религиях древности – самое спорное домашнее животное, отношение к нему колеблется в самых широких пределах, от отвержения до почитания, и только отношение семитов к свинье остается однозначно отрицательным на протяжении всей истории... При столь своеобразной и стойкой особенности одной из человеческих рас всю проблему домашних свиней в древности следует рассмотреть с точки зрения расовой теории. Можно считать установленным, что в той же мере, в какой семиты отвергают все, связанное со свиньей, у нордических народов все это, наоборот, в самом большом почете.

Свинья была жертвенным животным нордического солнечного культа. В германской мифологии солнечную повозку влекут два вепря; в Валгалле герои едят вечно самовозобновляющегося вепря. Моногамный брак, который в сочетании

со свободой женщин был особенностью нордических людей, посвящался солнцу и в Риме долгое время скреплялся принесением в жертву свиньи. Примечательно, что в пришедших с Востока эротических культах, свиньи никогда не приносились в жертву. В Греции в начале жатвы свинью приносили в жертву Деметре, в начале сбора винограда – Дионису. Особенно важные и священные политические договоры также скреплялись жертвой свиньи. Так римляне принесли в жертву свинью, заключая союз с Альба Лонгой. В «Илиаде» Агамемнон жертвует вепря богу Солнца после примирения с Ахиллом и т. д.

Что касается положения домашних свиней у германцев, то дошедшие до нас сведения полностью укладываются в ожидаемую картину. В германском культе свинья занимает самое важное место по сравнению с другими домашними животными. Ф. Хеш, который первым исследовал эту проблему, пришел к удивительному выводу: все германское аграрное законодательство вертится вокруг свиньи. Хорошо известно, что Карл Великий поощрял свиноводство. Вестфальские окорока за несколько столетий до него были важной статьей экспорта в Рим... Салический закон содержит в себе много терминов свиноводства, которые вообще отличались у германцев большим разнообразием, – в современном языке, правда, их стало уже меньше. Хеш правильно заключает, что эта терминология свидетельствует о глубокой древности свиноводства у германцев. Какое же значение имеет все вышесказанное для расовой теории?

Роль домашней свиньи зависит от одного главного условия. Она может быть домашним животным только у оседлого населения. Кочевой образ жизни и свиноводство – две взаимоисключающие вещи. Кочевник не зависит от земли. Этот закон регулирует жизнь и собственность кочевников, всю их культуру. Но ни одно домашнее животное так не зависит от оседлости своего хозяина как свинья. В случае необходимости можно один раз перегнать свиней в незнакомую им местность, но тот, кто раз это сделает, подумает, стоит

ли повторять опыт. Свиной нельзя гнать целыми днями, они не приспособлены к кочевому образу жизни. Легче научить курицу плавать...

Поясним, чем оседлость отличается от кочевого образа жизни. Под оседлостью мы понимаем зависимость поселенца от своего земельного участка. Тогда как кочевник от него не зависит. При этом не имеет значения, каким образом поселенец использует свою землю.

Эта формулировка дана с точки зрения сельского хозяйства, а не истории культуры. Поясним на примере. Внешне способ хозяйствования скотоводов гереро в Южной Африке не должен особо отличаться от способа хозяйствования скотоводов – буров. Они живут в одном климате, при котором нет нужды в хлебах, располагают одинаковыми угодьями. Историк культуры назовет оба эти народа скотоводческими, так что можно будет подумать, будто они стоят на одном культурном уровне. На самом деле они принципиально различны. Гереро не зависят от земли, они вынуждены подчиняться условиям жизни своих стад и, когда нужно, кочуют вместе с ними. Их действия пассивны, они ведут паразитарный образ жизни. Буры, наоборот, остаются на месте. Они не приспособляются к образу жизни своих стад, а подчиняют его своему оседлому образу жизни. Тем самым принципиально изменяется их отношение к скоту. Теперь стадо становится пассивной частью, а его владелец бур должен своим трудом создать для него необходимые условия жизни. Эта закономерность и связанная с нею необходимость активного труда принципиально отличает оседлых поселенцев от кочевников. Поэтому, например, группы населения на побережье Северного моря, живущие только рыболовством и скотоводством, относятся к оседлому населению. Опыт колониальной истории показывает, что кочевников нельзя сделать оседлыми. Когда они сталкиваются с оседлым населением, для них есть лишь две возможности: либо они образуют господствующий слой, как арабы в Северной Африке, либо гибнут после героической борьбы (те же гереро, индейцы).

Во втором случае, если части народа не могут спастись в недоступной местности, оставшиеся быстро вырождаются. Антагонизм кочевников и оседлого населения стар как мир. В Ветхом Завете этот антагонизм воплощен в образах Каина и Авеля. Если древние кочевые семитские племена возложили вину за братоубийство на защищавшего свою жизнь и плоды своего труда земледельца Каина, то в этом сказалась их симпатия к пастуху Авелю. Все нордические народы, которые волнами проникали в бассейн Средиземного моря, имели среди своих домашних животных свинью. Это служит бесспорным доказательством того, что нордические народы были оседлыми, иначе говоря, это были крестьянские народы.

В истории пород наших домашних животных есть один своеобразный феномен, который до сих пор не объяснен. Речь идет о взаимосвязи определенных народов или человеческих рас с одной стороны, и определенных пород домашних животных, с другой. В древности выбор этих пород определялся не экономическими причинами, а обычаем и религиозным культом. За своих домашних животных держались, и если переселялся народ, вместе с ним переселялись и его домашние животные. В средиземноморском бассейне картина пород домашних животных мозаичная, но появление определенной породы всегда указывает на присутствие определенной человеческой расы или народа. В специальной литературе встречается термин «ведущая порода». Домашние животные народа происходят из той же области, где он возник, лишь в том случае, если он оттуда не переселялся. Редко также народ заводит новых домашних животных, как это случилось с индийскими слонами в Индии (Примечание: Есть признаки того, что нордические народы пришли в средиземноморский бассейн не непосредственно с севера Европы, а через Азию. Их путь можно изобразить ломаной линией. К ведущим породам своей нордической родины они добавили азиатские. Я думаю, этот излом был результатом столкновения оседлых нордических народов с Западом с восточными кочевниками. Пути назад, на север, не было, оставался лишь путь на юг.

В средиземноморский бассейн эти народы попали с северо-востока!!!). Ситуация меняется лишь позже, с началом расового распада. Ведущие породы стали исчезать, когда Рим разрушил органические структуры других народов ради упрощения экономики...

У нордических народов средиземноморского бассейна домашняя свинья была ведущей породой. Так как в их религиозных культах жертвоприношение свиней явно выдвигается на первый план, это показывает, что такие жертвы и свиноводство были у них древнейшими учреждениями. Значит, эти нордические народы до своего переселения в средиземноморский бассейн были оседлыми, а не кочевыми пастушескими народами. И это были не скитания без смысла и цели, а переселение крестьян в поисках земли. Мы смеемся, когда встречаем в «Одиссее» выражение «свинопас богоравный», но оно больше говорит о происхождении греков, чем что-либо другое. Крестьянин стремится взять с собой все, что может понадобиться для оседлой жизни на новой, неизвестной родине. Чем меньше он о ней знает, тем тщательней собирается в путь. Кроме того, ни в коем случае нельзя было оставить любимое жертвенное животное с риском того, что старые боги на новой родине не получают привычную пищу. В этом, собственно, и разгадка тайны «ведущих пород». Частично их разводили жрецы для культовых целей. Действительно, первыми в истории инспекторами животноводства были египетские жрецы.

Если домашняя свинья четко указывает нам на то, что нордические народы были оседлыми, то семиты своим отвращением ко всему, связанному со свиньей, столь же четко указывают на свой кочевой образ жизни. В последнее время происхождение семитов из пустыни оспаривается, доказывают, наоборот, что лишь недавние геологические события сделали Аравийский полуостров пустынным и не обязательно он был исходным очагом расы кочевников. В доказательство указывают на руины на окраинах Аравии, которая, дескать, раньше была цветущей страной, а сегодня превратилась

в мертвую пустыню. Но те, кто в это верит, не знают геологических причин образования пустынь. Исчезновение плодородных земель и оазисов на окраинах Аравийского полуострова объясняется теми же причинами, что и опустошение цветущих нив Северной Африки обжигающими самумами... Есть очень простое доказательство того, что семиты произошли из аравийских пустынь, а не из цветущей части полуострова. Это доказательство – их домашние животные, прежде всего – две ведущие породы: осел и верблюд. Верблюд – самое характерное животное пустыни. Древнейшие египетские рисунки изображают семитов как чуждую расу и всегда с их ведущими породами – верблюдами и ослами. Египтяне противились заимствованию этих домашних животных. Точно так же семиты противились позже заимствованию не известной им лошади, которая попала в Аравию и Египет с гиксосами. Знаменитое «арабское» коневодство началось с Мохаммеда, который оценил коней, спасшись на них бегством. До того его племя разводило верблюдов, т. е. это были кочевники пустыни. Так лошадь, первоначально атрибут одних нордических народов, стала служить религии и культуре, при господстве которых, как гласит суданская пословица, даже трава засыхает. Семитам понадобились столетия, прежде чем они поняли значение лошади для пустыни. Так следует ли удивляться тому, что они просто не смогли оценить такого животного антипода пустынного климата, как свинью? Главный признак пустыни – ее безводность, а свиньи живут в местностях, обильных водой и растительностью. Два вида диких свиней, от которых произошли домашние свиньи (один европейско-азиатский, другой – из Юго-Восточной Азии), – типично лесные животные.

Если нордические народы действительно пришли с севера Европы, то их свиньи указывают на то, что они были лесными народами, так как свиньи живут только в лиственных лесах. Самой северной границей ареала нордических народов должна быть граница лиственных лесов на севере,

а на их религию, соответственно, должен был наложить своеобразный отпечаток северный лиственный лес.

Ихеринг сделал попытку, – исходя из правовых отношений в древности, главным образом, из древнейших правовых учреждений патрициев Древнего Рима, – разгадать загадку происхождения «Ариев». Он не смог закончить свой труд, а недостаточное знание расовых взаимосвязей не позволило ему сделать окончательные выводы. Тем не менее, он установил, что правовые учреждения патрициев древнего Рима, а также многие их религиозные обряды можно понять лишь в том случае, если предположить, что в своих «странствиях» они прошли через область, богатую водой и древесиной. Память о своих переживаниях во время этих странствий они хотели сохранить навсегда.

Соответственно различаются и виды казней. Прибивание преступника к кресту, а также наказание розгами в Древнем Риме, по Ихерингу, – методы, возникшие во время пребывания в лесу. Наоборот, семиты побивают своих преступников камнями – это доказательство их происхождения из безлесой пустыни. Ихеринг правильно показал, что многое, пришедшее к нам из древности как обычай, закон или религиозный обряд, в принципе вызвано лишь потребностью сохранить память о старой родине. Параллели можно найти у спартанцев. У них было такое предписание, что крышу дома можно делать только с помощью топора и пилы. Значит, строительным материалом было только дерево. Кровати они тоже делали из дерева и камыша (указание на местность, обильную водой), а их «черный суп», рагу из свинины с кровью, уксусом и солью, скорее должен был вызывать воспоминания, чем служить средством закаливания.

В том же направлении мыслит и Шухардт, который объясняет изменения нордического стиля использованием на Севере одного лишь дерева.

Хотя в первой части этой работы объясняется, почему семиты не любят свиней, один вопрос остается открытым. Почему семиты запрещают есть свинину, ссылаясь

при этом на проказу, а не удовлетворяются простым запретом? Это не в их манере подкреплять запрет мелочным запугиванием. Может быть, в основе запрета лежал практический опыт? Возможно, семиты в Египте усвоили чужие обычаи, что каким-то образом нанесло вред их здоровью, и законодатели постарались эти обычаи снова искоренить.

Расовая теория до сих пор не занималась такой проблемой, как питание и раса, зато в животноводстве известна взаимосвязь между питанием и породой; известно, что одинаковые реакции обмена веществ у разных пород домашних животных протекают по-разному. Научное животноводство, изучая физиологию питания, давно отказалось от химического материализма, не учитывавшего жизненных влияний. На первый план выдвинулись невесомые биологические факторы и предрасположенность в зависимости от индивидуальных особенностей и породы. В центре внимания оказался белок, точнее, не он сам, а его составляющие. Белок в пище имеет разную «ценность». Разными могут быть также цели питания и реакции отдельных пород домашних животных на одинаковые белковые вещества.

В процессе пищеварения белок разлагается на аминокислоты и затем снова синтезируется в специфический для данного организма белок. Управляют обменом веществ протеины. Протеины всегда специфичны, поэтому протеины пищи и переваривающего ее организма должны быть совместимыми, подходить, как ключ к замку... Поэтому ясно, что сорта мяса нельзя отождествлять один с другим только по той причине, что с химической точки зрения это белок.

Семиты и свиньи – животные, т. е. физиологические антиподы. Не исключено, что употребление в пищу свинины вызывает у семитов физиологическую дисгармонию. Здоровье зависит от согласованности химического состава пищи и химических процессов обмена веществ – они определяют биологический ритм организма. Любой диссонанс вызывает нарушение процесса обмена веществ. Лучшим индикатором у человека является его кожа, на ней могут появиться сыпь,

экзема и т. п. Поэтому, возможно, запрет семитов основывался на практических наблюдениях, хотя речь и не шла конкретно по проказе. Повторим еще раз, что климат не может быть непосредственной причиной.

Чтобы показать взаимосвязи между питанием и человеческой расой, возьмем пример хлеба из немолотой ржи, который едят лишь в ряде местностей Северо-Западной Германии. Рожь содержит азотосодержащий алкалоид «секалин». Если кормить домашних животных рожью, не подвергая этот алкалоид предварительной обработке, это может вызвать у них болезненную реакцию. Следует отметить, что рожь – это злак умеренной зоны Северной Европы с дождливым морским климатом. Из Северо-Западной Европы она распространялась на восток и на юг. Но и в Южной Германии есть много мест, где рожь неизвестна. Ржи сопутствует овес. Он еще больше, чем рожь, зависит от Северо-Западной Европы, потому что нуждается в большом количестве влаги и чувствителен к холоду. Этим двум злакам противостоят пшеница и горох, но четкой границы между ними нет. Пшеница охватывает зону ржи вдоль западного побережья и заходит далеко на север, а три подвида гороха встречаются в разных климатических зонах, как в Южной Германии, так и на дальнем Севере. Но абсолютной противоположностью остаются рожь и пшеница. В Западной Европе рожь распространяется с облачного Северо-Запада, а пшеница – с безоблачного Юго-Запада. Настоящий северо-западный немец не может жить без своего тяжелого черного ржаного хлеба, а настоящий романец уверяет, что болеет от этого хлеба, ему нужен белый пшеничный хлеб. Колония французских гугенотов в Берлине раздавала белый хлеб своим членам, а в Укермарк и Западную Померанию его принесли валлоны-переселенцы из Пфальца.

Из вышеописанных основных центров распространения ржи и пшеницы распространились и две расы, нордическая и средиземноморская. Каждая из этих рас крепко держится за свой привычный злак. Граница между германцами и романцами в Северной Франции примерно соответствует

границе между рожью и пшеницей. Это бросилось в глаза Гете, когда он там был. Он написал в шуточном стихотворении, что в одной местности встречаешь черных девушек и белый хлеб, а в другой белых девушек и черный хлеб...

Но вернемся к свинье. Почему она играла такую важную роль в культуре нордических народов и в сельском хозяйстве наших предков? На вторую часть этого вопроса ответить легко. Большие буковые и дубовые леса Германии были идеальными пастбищами для свиней. Примечательно, что свиноводство в Германии приходит в упадок по мере вытеснения лесов цивилизацией. На первый план стал выдвигаться тогда крупный рогатый скот.

В первой части уже говорилось о древности свиноводства у германцев, о богатстве свиноводческой терминологии в немецком языке. Из этого можно вывести, что германцы во времена возникновения этой терминологии были лесным народом. Домашними животными древних германцев были лесные звери. Отсюда вывод: прародина нордической расы – лесная зона Северной Европы с умеренным климатом!!!

Здесь необходимо одно пояснение. Вопреки обычным представлениям о климатических условиях в Европе в ледниковый период, у геологов иное мнение. Во всяком случае, точно известно, какая флора и фауна существовала в Европе непосредственно перед ледниковым периодом, во время и после него, и что ледниковый период в принципе ничего не изменил. Неправильно поэтому рассматривать этот период как конец эпохи, это был лишь промежуточный этап продолжающейся донине геологической эпохи. Прежде всего, это не было катастрофическое оледенение. Северная Европа и некоторые горы покрылись ледниками, но ледники образуются от снега, а не от холода. Тогда осадки на Севере и в горах выпадали не в виде дождя, а в виде снега в таких количествах, что под его давлением мощные ледники продвинулись из Скандинавии в Центральную Германию. Ледниками покрылись и долины европейских горных цепей, которые на юге Европы вторгаются в тропический ландшафт

(ср. Килиманджаро, Гималаи). Длина ледника это всегда равнодействующая давления снега в зоне его возникновения и интенсивности тепла на языках ледника. Ледник исчезает под влиянием сухих ветров, а не в результате таяния льда под воздействием повышения температуры. Оставленную им мертвую землю сначала занимает степная растительность, прежде чем гумус и бактериальная флора настолько оживят эту землю, что на ней снова сможет вырасти лес. За сравнительно короткий степной период Европы сюда вот и проникла степная фауна из Азии...

Это объяснение было необходимо для того, чтобы показать, что лиственные леса умеренной зоны с их животным миром (и дикими свиньями, в частности) сохранялись в Европе на протяжении всего ледникового периода, во всяком случае, долгое время после появления человека.

Свинья занимает особое место среди диких животных: никто из них не дает столько жира (сала). Это было важно для первых людей, обитавших в Северной Европе. Несмотря на модные сейчас вегетарианские идеи, я уверен, что первые люди не были вегетарианцами, во всяком случае, не в Европе: по строению своего пищеварительного аппарата человек все же ближе к хищным животным. Части этого аппарата, предназначенные для усваивания растительной целлюлозы, находятся у него в рудиментарном состоянии, это органы дочеловеческой стадии. Конечно, в северо-европейском климате человеку не оставалось ничего другого, как быть вегетарианцем, пока, правда, он не овладел огнем. Уже люди эпохи раннего палеолита были охотниками, а значит, ели мясо...

Основные элементы нашего питания – белки, жиры и углеводы. Без помощи огня или механического воздействия человек не может их усвоить из растений. Мясо и животный жир были основами питания наших нордических предков. Это явствует из важной роли нашего животноводства, что было естественно при богатстве фауны германских лесов. Потребность человека в жире как продукте питания, необходимым для поддержания стабильной температуры тела тем

выше, чем ниже внешняя температура. Эскимос выпивает 3 л. рыбьего жира – нам такой фокус не проделать даже в самую холодную зиму. Итальянец же приходит в ужас от одной мысли о немецком хлебе с салом, который мы охотно едим, вернувшись с зимней охоты или долго побыв на холоде.

Зимы на севере Европы всегда были холодными. Поэтому дикая свинья и ее жир играли первостепенную роль в питании, особенно там, где не сказывалось влияние Гольфстрима, где реки и озера замерзали, и в них невозможно было поймать жирную рыбу... Другой особенностью дикой свиньи была легкость приручения пойманных поросят, их способность нагуливать жир и питаться любыми отбросами. В этом я вижу основное значение свиньи для оседлого нордического населения, особенно зимой. Потом, со временем, свинья заняла предпочтительное положение среди нордических домашних животных, особенно после того, как люди научились консервировать свиное сало. Преимущества свиней в холодные северные зимы достаточно явные. Так следует ли после этого удивляться, что самое важное лично для него животное человек сделал также главным жертвенным животным? Чтобы доставить удовольствие своему богу наивный человек жертвовал ему то, что нравилось ему самому. Это легко объясняет значение свиньи в нордических культурах.

Дарре Р. Свинья как кпмтерий у нордических народов и семитов. И. Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен, 1933.

71. Г.Ф. Гюнтер. Нордическая раса как «идеальный тип»

Ханс Фридрих Карл Гюнтер (1891–1968) – немецкий евгенист, автор псевдонаучных работ по расовой теории о превосходстве «нордической расы». Создавал видимость научной базы для идеологии национал-социализма и оказал значительное влияние на немецкую нацистскую расовую политику дискриминации и геноцида.

Довольно много написано уже о человеке, его расовой принадлежности или о том, что рассматривалось под этим, в связи с «расовой проблемой» и расовой составляющей нации. И такая литература вызвала целый ряд противоположных высказываний и мнений.

Причина этих диспутов по «расовому вопросу» заключена в том факте, что стороны недостаточно четко представляют себе концепцию «расы». Во многих случаях противоречия возникали даже не в связи с расами, а при рассмотрении племен и наций, имеющих смешанные расовые корни, или групп людей, относящихся к одной и той же самой языковой семье. Диспуты возникали и по вопросам определения «германской расы», в отличие от «латинской» и «славянской» рас, а также при рассмотрении концепции «еврейской расы», или, как ее иногда называли, «семитской». Оппоненты при этом совершенно забывали, что мы определяли группу людей в качестве расы только в том случае, если ее представители отличались идентичными физическими и духовными особенностями в наиболее важных аспектах. Как можно говорить о «еврейской расе», видя среди евреев высоких и коротышек, худых и полных, светло- и темноволосых, с широкими и узкими лицами, с типично «еврейскими» и обычными носами, не говоря уже об их менталитете и поведении отдельных личностей?

При рассмотрении вопроса о «германской расе» отмечалось, что люди, принадлежавшие к ней, были высокого роста, блондины с голубыми глазами, продолговатой или слегка овальной головой и узкими лицами. Психические их качества были также определены в более или менее достаточной степени. Оппоненты, однако, говорили, что и среди «негерманцев» довольно часто встречаются люди с подобными физическими и духовными свойствами, например, у народов германской группы языков – англичан, голландцев, датчан, а также среди славян и римлян, даже некоторых кавказских племен и у курдов. А учитывая, что среди людей семитской языковой

группы имеется довольно большое различие человеческих типов, как можно говорить о «семитской расе»?

Короче говоря, в концепциях «расы», народа и «групп людей» не было четкого определения. Языковые группы путались расами, были даже попытки установления расовых границ по языковым границам и границам проживания народов. Лишь только после того, как было дано определение расы и выступили известные ученые, стала возможна плодотворная дискуссия о «расовых проблемах». Те же, кто продолжал говорить о «германской расе», «английской расе», «латинской» и «еврейской» расах, игнорировали базовую концепцию предмета обсуждения. «Раса», по сути дела, относится к сфере антропологии, существующей как наука наравне с зоологией и ботаникой, в которых речь идет о семействах, родах, видах и разновидностях.

«Под расой антропология понимает большую группу людей, находящихся в родственных отношениях друг с другом и пользующихся имеющимся в общем владении комплексом физических и духовных ценностей, которые и выделяют эту группу из других подобных групп».

Следовательно, раса должна показывать во всех своих представителях единые физические и духовные характеристики и продолжать воспроизводство в своей среде потомства с теми же характеристиками. В тех случаях, когда в группе людей отмечаются существенные различия в физической и духовной сферах, когда дети резко отличаются от своих родителей или одного из них, не может идти никакой речи о расе. В связи с этим считаю вполне приемлемым такое определение «расы». «Раса представляет собой группу людей, отличающихся от других групп комбинацией присущих ей физических и духовных характеристик, способной к воспроизводству себе подобных».

Следовательно, раса – это группа людей, обладающих вполне определенной наследственностью. Однако тот, кто попытается представить себе мысленно характер расы, вынужден будет признать, что во всем мире вряд ли возможно найти

расу, состоящую из замкнутой и обособленной группы людей. Группы людей, говорящих на одном языке, имеющих те же обычаи, а возможно, и веру, образуют нацию, но еще не расу, а смешение рас. Все западные народности представляют собой именно смешение рас, может быть, даже в определенной степени и чистых, по всей Европе по меньшей мере нескольких европейских рас.

Что отличает одну народность от другой с этнологической точки зрения – так это пропорция смешения различных рас. И все же какая-то раса представлена в каждой народности в большей степени. Если же кто-либо попытается отобрать во всей Европе людей, относящихся к одной расе или кажущихся таковыми, чтобы создать единую группу людей, обладающих одними и теми же наследственными признаками, то ему придется отыскивать их среди всех европейских народностей. В то же время он вынужден будет констатировать, что такая объединенная группа людей будет представлять собой меньшинство в массе европейского населения.

Согласно данному определению евреи не могут рассматриваться как раса, поскольку представляют собой нацию, состоящую из смешения рас. Наследственный характер такого смешения к тому же имеет не только физические, но и духовные отличия от европейских народов, в особенности от народов, населяющих Северо-западную Европу. Если обычный европеец не может рассматриваться как носитель расовых признаков, то это еще в большей степени относится к евреям. Когда, как это принято, заходит разговор о «еврейской расе», следует все же исходить из того обстоятельства, что евреи, подобно другим народам, представляют собой смешение рас.

Для выявления отдельных человеческих рас в различных географических районах земли по их физической внешности (среди племен, наций и национальных групп) антропологам необходимо иметь соответствующие описания и проводить специфические процедуры, которые не могут быть описаны здесь в деталях... Представители нордической расы – худощавые люди высокого роста с длинными ногами (рост мужчин

в среднем составляет около 174 сантиметров). Шея, конечно-сти, форма рук и ног выглядят крепкими и стройными. Лица – узкие, черепной индекс составляет порядка 75, а лицевой – около 90. У женщин черепной индекс выше, лицевой же ниже, чем у мужчин. Тыльная сторона головы выступает за пределы шейной части туловища, как бы отклоняясь назад. Что же касается лицевой стороны, то лоб – узкий, нос – высокий, с узкими ноздрями, рот также узкий, а подбородок – выдается вперед. Черты лица, по крайней мере у мужчин, производят впечатление смелости, в особенности в профиль, при чисто выбритой физиономии. У женщин подбородок более гладкий и менее выступающий вперед.

Кожа – светлая, сквозь нее проступает кровь, оживляя общий вид людей, придавая им в то же время характер свежести и бодрости. Цвет лица женщин даже в среднем возрасте и молодежи можно определить как «кровь с молоком». Волосы прямые или волнистые, в детстве – курчавые, мягкие и не очень густые. Цвет их светлый (белокурый), который может иметь оттенки более светлого, слегка золотистого или же темного тонов. Волосы детей, часто совсем светлые, становятся с возрастом более темными. Этот феномен получил название «потемнение» и является отличительной особенностью нордической расы, хотя встречается и у прибалтов и некоторых других народов... Если иллюстратор, художник или скульптор намеревается отразить в своем произведении образ смелой, самоуверенной и решительной личности или же благородного и героического человека (мужчину или женщину), то, как правило, прибегает к образу представителя нордической расы, чаще всего это будет человек высшего общества. Например, художники, работающие в сатирических журналах, используют черты нордической расы гораздо чаще, чем ненордической, причем во всей Европе.

Во всяком случае, физические качества людей нордической расы, вне всякого сомнения, привлекательны. Индивидуумы, обладающие подобными чертами, становятся лидерами в государственных делах, а также в науке, технике

и искусстве. Это подтверждает довольно большое число их представителей среди выдающихся мужчин и женщин во всех странах Запада».

Гюнтер Ханс Ф. Пособие по расовым проблемам немецкого народа. Цитируется по: Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: «Центрополиграф», 2003 г. – С.96-100.

72. Из конспекта речи А. Гитлера перед командующими сухопутными войсками и военно-морским флотом (3 февраля 1933 г.)

Единственная общеполитическая цель – восстановление политической власти. На это должно быть настроено все руководство государства.

1. Во внутренней политике: Полное изменение существующего внутривластного положения в Германии. Недопущение настроений, противоречащих поставленной цели. Кого не удастся переубедить, того нужно сломить. Уничтожение марксизма на корню. Убеждение молодежи и всего народа в том, что только борьба сможет спасти нас и что перед этой идеей все должно отступить на второй план [...]. Закалка молодежи и укрепление воли к борьбе всеми средствами. Смертная казнь за измену родине и народу. Авторитарное руководство государством. Устранение раковой опухоли – демократии!

2. Во внешней политике: борьба против Версаля. Равноправие [на переговорах по разоружению] в Женеве; однако, все это бессмысленно, если народ не настроен на борьбу. Забота о союзниках.

3. Экономика! Крестьянина нужно спасать! Колонизационная политика! Дальнейшее повышение экспорта бессмысленно. Емкость мирового рынка ограничена, везде перепроизводство. Колонизация – единственная возможность частично вернуть к труду армию безработных. Но нужно

время. Радикальных изменений не следует ожидать, пока жизненное пространство для народа слишком мало.

4. Восстановление вермахта – важнейшее условие достижения цели: полного овладения политической властью. Восстановление всеобщей воинской повинности. Однако прежде правительство должно позаботиться о том, чтобы пацифизм, марксизм, большевизм не отравляли военнообязанных еще до начала службы и чтобы по прохождении службы они не поддались этой заразе.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 370.

73. Из речи А. Гитлера по поводу начала предвыборной кампании (10 февраля 1933 г.)

В течение 14 [предыдущих] лет партии разрухи, Ноября, революции руководили немецким народом и издевались над ним. Целых 14 лет ломали, разрушали и разлагали. Без малейшей доли самонадеянности я выхожу к нации и взываю к ней: «Немецкий народ! Дай нам четыре года и потом суди о нас!» [...]. Я не могу отречься от веры, что мой народ воспрянет ото сна [...].

Я убежден: настанет час, когда миллионы тех, кто сегодня нас проклинаят, пойдут за нами, и будут приветствовать построенный общими усилиями [...], новый Германский Рейх [...]!

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 371.

74. Из декрета президента П. фон Гинденбурга «О защите народа и государства» в связи с поджогом рейхстага (28 февраля 1933 г.)

Для защиты от антигосударственных действий коммунистов, на основе статьи 48, пункт 2 имперской конституции принимается следующее постановление:

§ 1. Отменяется действие статей 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 конституции германского рейха. В связи с этим допускаются ограничения личной свободы, права на свободное выражение мнения, включая свободу прессы, прав на союзы и собрания, тайны переписки и междугородных сообщений. Допускаются обыски и конфискация собственности, также и в случаях, находящихся за пределами законодательных рамок, определенных настоящим указом.

[...] § 4. Кто окажет сопротивление [этим распоряжениям] [...] будет приговорен или к тюремному заключению [сроком] не менее, чем один месяц, или к денежному штрафу от 150 до 15 000 рейхсмарок.

[...] Кто призывает или агитирует к противодействию этим распоряжениям, при смягчающих обстоятельствах наказывается сроком не менее чем три месяца тюрьмы [...].

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 371.

75. Шахт Я. Главный финансист Третьего рейха. Признание старого лиса. Глава из книги

Ялмар Шахт (1877–1970) – германский государственный и финансовый деятель, директор Национального Банка Германии (1916–1923), президент Рейхсбанка (1923–1930, 1933–1939), рейхсминистр экономики (1936–1937), рейхсминистр без портфеля (1937–1942). Один из главных организаторов военной экономики нацистской Германии. В качестве одного из главных военных преступников был привлечён к суду

Международного трибунала в Нюрнберге. 1 октября 1946 г. был полностью оправдан.

Глава 39. Снова председатель Имперского банка

В первые недели прихода Гитлера к власти я встретился с ним лишь однажды, но это было значимое событие. Мне случилось присутствовать в комнате с группой его соратников, когда он впервые обратился к немецкому народу по радио. Его речь начиналась словами: «Дайте мне четыре года». Мне показалось, что я впервые имею возможность заглянуть в душу этого человека. У меня было впечатление, что бремя его новой ответственности было слишком тяжело для него. В этот момент я ясно почувствовал, что значило переместиться из рядов оппозиционных пропагандистов на ответственный правительственный пост. Я ощущал его внешнее и внутреннее волнение, которое не было простым «разыгрыванием роли», но реальным состоянием. Это укрепляло мою надежду на возможность направить этого человека на истинный путь.

В ходе переговоров по поводу назначения Гитлера президент – и, вероятно, Гугенберг тоже – подчинился необходимости проведения еще одних выборов. Они были намечены на 5 марта 1933 года. Неясно, почему они должны были состояться. Не считая коммунистов, Гитлер и партия Гугенберга составляли большинство в существующем законодательном собрании. Если, несмотря на это, Гитлер все же настаивал на выборах, то он, должно быть, вынашивал надежду (тем более что теперь он пришел к власти) достижения большинства для своей Национал-социалистической партии. Это привело бы к созданию новой ситуации, которая позволила бы ему сформировать чисто национал-социалистический кабинет вместо национального правительства. Но попытка провалилась.

Совершенно неожиданно я получил приглашение от Германа Геринга на собрание 25 февраля в резиденции председателя рейхстага, которую он занял по своему

официальному статусу. Я встретил там много промышленников – почти все они были мне знакомы, – которых Геринг пригласил, чтобы оказать финансовую поддержку выборам в рейхстаг. Я знал, что большинство присутствовавших лиц не были сторонниками национал-социалистического движения. Тем не менее, они не отказались от приглашения. Геринг поприветствовал гостей и разъяснил, что цель встречи заключается в сборе средств в предвыборный фонд правых партий. Затем прибыл Гитлер и изложил свои политические взгляды в такой убедительной форме, что, к моему удивлению, когда он закончил, поднялся Крупп фон Болен и от имени собравшихся гостей выразил полную готовность поддержать правительство Гитлера. Мое удивление было вызвано и тем, что мне было известно об отклонении четыре недели назад тем же самым Круппом фон Боленом приглашения посетить дом Фрица Тиссена, где Гитлер собирался обратиться с речью к промышленникам земли Рейнланд-Вестфалия.

В тот вечер в предвыборный фонд было собрано 3 миллиона марок. Гитлер попросил меня распорядиться проведением этого фонда через банковские процедуры, на что я согласился. В последующие годы много писали о том, насколько Национал-социалистическая партия была обременена долгами в конце 1932 года. На основе собственного опыта работы с фондом на мартовские выборы могу назвать эти утверждения смехотворными. Если бы партия действительно нуждалась в деньгах, она могла бы, по крайней мере, затребовать свою долю из этих 3 миллионов. На самом деле это было не так. Из 3 миллионов марок 2 миллиона 400 тысяч были полностью использованы правыми партиями, включая национал-социалистов. В итоге выборов на балансе осталось 600 тысяч марок. Нужно отдать должное национал-социалистическому движению за то, что большая часть его пропагандистской деятельности оплачивалась за счет его собственных членов.

Вскоре после 25 февраля произошел поджог Рейхстага. Теперь совершенно ясно, что эту акцию нельзя было навешивать на Коммунистическую партию. До какой степени отдельные национал-социалисты соучаствовали в планировании и осуществлении ее, трудно установить, но в свете всего того, что вскрылось, можно считать непреложным фактом: Геббельс и Геринг играли в этом ведущую роль – один в планировании, другой в осуществлении плана. По моему собственному твердому убеждению, Гитлер сам был одержим этой идеей. По высказанным позднее словам супруги одного из ведущих партийных лидеров, окружение Гитлера хотело «положить тлеющие руины Рейхстага на его стол как сюрприз». Во всяком случае, пожар Рейхстага послужил удобным предлогом для окончательного устранения Коммунистической партии с политической сцены. Проблемы, стоявшие перед правительством Гитлера, были нелегкими. Цифры безработицы с самого низкого уровня летом 1927 года росли год за годом бешеными темпами и достигли своего пика зимой 1931/32 года. Следующая зима вновь показала тенденцию на повышение. Безработица наиболее затронула строительную индустрию, в которой составила девяносто процентов. Безработицу нельзя было преодолеть без крупных государственных заказов, и такое преодоление требовало огромных расходов. Заводы опустели, станки стояли без движения, запасы гнили, а рабочие томились без дела. Лишь значительно позднее я узнал, что Гитлер посылал за председателем Имперского банка доктором Лютером, чтобы узнать, сколько средств банк может выделить на создание рабочих мест. Подумав над этим, Лютер, как утверждают, назвал сумму в 150 миллионов марок. Если это утверждение верно, то понятно разочарование Гитлера беседой с Лютером. Цифра, объявленная Лютером, была бы вполне достаточной для обеспечения работой ровно на четыре дня и пять часов всех немецких безработных с зарплатой 5 марок в день. Она была столь же бесполезной, сколь и 3 миллиарда марок

на пособия по безработице, которые растаяли как дым в 1932 году.

В середине марта 1933 года Гитлер послал за мной и задал мне тот же вопрос, что и Лютеру, однако не обмолвившись ни словом о разговоре с председателем Имперского банка.

– Честно говоря, господин канцлер, я не могу назвать какую-либо конкретную сумму. Мое мнение таково: что бы ни случилось, нам нужно положить конец безработице, и поэтому Имперский банк должен обеспечить все необходимое для увода с улиц последнего безработного.

Последовала короткая пауза. Затем Гитлер взглянул на меня и спросил:

– Вы готовы снова принять на себя руководство Имперским банком?

Я понимал далеко идущий подтекст этого вопроса. Предпочел бы, чтобы Брюнинг спросил меня об этом в июле 1931 года. Теперь же этот вопрос задавал мне канцлер, с мировоззрением и пропагандой, с методами политической борьбы и даже отдельными акциями которого я часто не соглашался. Должен ли я отказаться от предложения, руководствуясь такими соображениями, или обязан посвятить всю свою энергию спасению шести с половиной миллионов человек от безработицы?

Во время суда по денацификации, которому я подвергся после краха Германии, против меня неоднократно выдвигалось одно и то же идиотское обвинение:

– Если бы вы не помогли Гитлеру, он бы обанкротился в своих усилиях.

Я отвечал с понятной горячностью:

– Не могу поверить, что успех Гитлера зависел только от меня. Он нашел бы другие способы и других помощников. Он был не из тех людей, которые готовы сдать. Вас, сэр, обрадовало бы, если бы Гитлер погиб без моей помощи. Но с ним бы погиб и весь рабочий класс Германии. Даже вы не стали бы оправдывать это.

Поскольку мне предоставлялась теперь возможность покончить с безработицей, все другие соображения должны были отступить на задний план.

– Не считаю справедливым, господин канцлер, чтобы мое замещение должности влекло за собой отстранение от нее председателя Имперского банка господина Лютера.

– Не сомневаюсь в этом. В любом случае господин Лютер не останется председателем Имперского банка. Я имею на него другие виды.

– Если так, то я готов возобновить работу в качестве председателя Имперского банка.

17 мая 1933 года – почти через три года после моей добровольной отставки – я вновь приступил к работе, на этот раз в более трудных условиях, чем в конце 1923 года, и с более тяжелым бременем ответственности.

В Веймарской республике мое жалованье составляло 200 тысяч марок. В 1924 году оно было установлено на том же уровне, что и зарплата генерального агента по репарациям. Имелись очевидные основания, почему следовало придерживаться цифры прежнего оклада. На мой запрос Гитлер ответил, что оставляет установление зарплаты на мое усмотрение. Я отклонил его предложение и передал решение этого вопроса триумvirату, состоявшему из министра финансов, министра экономики и меня. Я предложил, чтобы мой оклад составлял тридцать процентов от прежней цифры, то есть 600 тысяч марок, включая все мои официальные расходы. На этом и согласились. Я стремился показать пример партийным боссам, чтобы и они получали свое вознаграждение в разумных границах. К сожалению, они не последовали этому примеру.

Первая программа по созданию рабочих мест (программа Рейнхардта), рассмотренная правительством, имела целью ремонт и перестройку домов, заводов и оборудования. На эту программу Имперский банк выделил один миллиард марок. Следующим делом, которым предстояло заняться – и им занялись очень скоро, – было строительство национальных автобанов. На это я санкционировал первоначальный кредит

в 600 миллионов марок, которые, однако, следовало возместить из национального бюджета. В течение очень короткого времени Управление государственными железными дорогами занялось строительством автобанов. Чтобы эти автомобильные трассы окупались, я с самого начала договорился с Гитлером о тесном взаимодействии в работе дорожного и железнодорожного ведомств. Не могу сказать, почему впоследствии эта цель была упущена из виду, поскольку с течением времени, после получения возмещения на сумму 600 миллионов марок для Имперского банка, я больше не имел дел со строительством автобанов.

После краха Германии немецких государственных, земельных и общинных деятелей постоянно обвиняли в явной готовности предлагать свои услуги «преступнику» Гитлеру. Однако при правлении Гитлера они постоянно получали средства, позволявшие им заниматься проектами, которые они давно хотели осуществить, но не могли этого сделать при прежних правительствах. Многие из них испытали подъем позитивных эмоций от того, что наконец смогли снова выполнять действительно нужную руководящую работу.

Анализ национал-социалистической «философии» совершенно их не интересовал: все, чего они желали, заключалось в не медленных мерах правительства с целью поощрения деловой активности и удовлетворения потребностей населения. Множились сообщения из отдельных земель и общин, свидетельствовавшие о том, что безработица сократилась или даже исчезла вовсе.

Что касается «философского» мировоззренческого конфликта, то ему следовало происходить в высших сферах. В рейхстаге. Именно там я пережил свое первое большое разочарование.

Правые партии все вместе составляли в рейхстаге шестьдесят процентов голосов, из которых одни национал-социалисты имели почти пятьдесят процентов. Поэтому рейхстаг мог вполне претворять в жизнь идеи кабинета. Большинства в две трети всех голосов требовали только

решения с целью внесения конституционных изменений. Нежелательные конституционные изменения не могли быть проведены одной Национал-социалистической партией. Правые депутаты, не входившие в Национал-социалистическую партию, и депутаты умеренных партий были в состоянии заставить уважать конституционные нормы. Почему в этих обстоятельствах был введен благоприятствующий акт от 23 марта 1933 года, который дал правительству полномочия производить конституционные изменения, было и осталось тайной. Рейхстаг сдал свои контролирующие полномочия без всякой нужды, создав таким образом легальную основу для практически всех мер, к которым Гитлер прибегал впоследствии вопреки бывшей конституции.

Я присутствовал на этой сессии рейхстага как зритель и наблюдал с нарастающим разочарованием, как умеренные пренебрегали собственными шансами. Именно благодаря этому закону Гитлер установил диктатуру. Среди этих депутатов имелось порядочное число людей, которые по любопытному совпадению сегодня занимают ведущие политические позиции в Федеративной Республике Германии и которые превозносят парламентскую демократию как альфу и омегу германской конституции.

В последующие месяцы я был вынужден с сожалением наблюдать, как центристские партии доводили свое самоистязание до степени самоубийства. Умеренные партии распались одна за другой. Депутаты рейхстага, избранные народом для выражения интересов народа, пренебрегли обещаниями, которые давали избирателям. По собственной воле они отказались от власти и влияния без всякого уведомления тех же самых избирателей. Демократия сама вырыла себе могилу.

Шахт Я. Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. С. 297-303.

76. Путлиц В.-Г. По пути в Германию (воспоминания бывшего дипломата) (главы из книги)

На дипломатическую службу Путлиц поступил в 1925 году. Из трехсот кандидатов, державших экзамен на поступление в министерство иностранных дел на пост атташе, было отобрано тридцать человек, имевших обширные связи в деловом и дипломатическом мире и зарекомендовавших себя верными и политически благонадежными приверженцами германского империализма. Путлиц пользовался особенно высокой протекцией крупного германского промышленника, одного из собственников «АЭГ» – Раумера и самого Штреземана – министра иностранных дел Веймарской республики. Но молодые атташе должны были еще пройти двухгодичный курс обучения, прежде чем стать дипломатами. Поэтому дипломатическая карьера Путлица началась, собственно говоря, с 1927 года, когда он был назначен на работу в германское посольство в Вашингтон. Путлиц находился в качестве поверенного в делах в Гаити (1931), работал в отделе печати германского правительства (1932–1933), в Лиге Наций (1933–1934) и в германском посольстве в Англии. [9] Здесь он пробыл до мая 1938 года и имел возможность внимательно наблюдать за англо-германскими отношениями в период подготовки Мюнхена. Он завязал тесные связи с различными представителями английской правящей верхушки, и, как мы уже указывали, особенно с Ванситтартом. В предвоенные годы Путлиц работал советником германской миссии в Гааге. На этом посту он оставался до 1941 года, часто заменяя посла. В 1941 году Путлиц эмигрировал в Англию. Для его бегства английское правительство предоставило специальный самолет. Лорд Ванситтарт, организовавший побег, говорил: «Если это будет необходимо, я пошлю в Шевенинген (голландский порт. – Д. М.) британский миноносец, чтобы забрать Путлица». Из этого явствует, насколько тесными были отношения между Путлицем и Ванситтартом. На бегстве

в Англию, собственно говоря, и закончилась дипломатическая деятельность Путлица. Дальнейший жизненный путь его прошел в США и на Ямайке, во Франции и в Швейцарии, в Англии и в Западной Германии, пока он в 1951 году не переселился в Германскую Демократическую Республику.

У Гитлера

Гитлер часто приглашал к себе англосаксонских корреспондентов. Я сопровождал их – иногда один, а в большинстве случаев вместе с Ханфштенглем или Функом. Когда корреспондентов было много, беседа велась стоя. В противном случае мы сидели в креслах вокруг большого круглого стола в кабинете рейхсканцлера. Таким образом, я весьма скоро получил возможность детальнее рассмотреть облик «фюрера». Мои коллеги из министерства иностранных дел, еще ни разу не видевшие его вблизи, с любопытством спрашивали меня:

Какое впечатление произвел он на тебя?

Я отвечал:

– Это невозможно описать. Мой организм реагирует на это так: у меня сжимается мочевого пузырь, и мне, как ребенку, хочется намочить в штаны.

Комически падающая на лоб прядь. Смешные усы и лицо с перекошенными чертами, похожее на карикатуру. Сравнительно небольшая фигура с непропорционально короткими ногами. Казалось бесспорным, что перед тобой немного помешанный плохой комедиант из третьеразрядного пригородного варьете. Молча наблюдая за ним из своего угла, я изо всех сил пытался найти в нем нечто примечательное. Мне это не удавалось. Впечатление менялось, как только я встречался с фанатическим взглядом его серо-стальных глаз. Такие ледяные глаза я видел до сих пор только раз. Это было много лет назад. Я с несколькими друзьями предпринял прогулку от Мюнхена до горы Вендельштейн. В фуникулере напротив нас сидел человек с таким же пугающим взглядом. Из страха перед ним мы на протяжении всей поездки не обмолвились друг с другом ни одним словом.

Вылезая, один из нас сказал:

– Знаете, кто это был? Это ведь генерал Людендорф.

Хуже всего было, когда Гитлер впадал в экстаз. Иногда мне приходилось приносить ему материалы с записями конкретных данных, необходимых ему для бесед. Было удивительно, с какой быстротой этот человек, окончивший лишь начальную школу, пробегал бумаги, запоминая в то же время почти дословно их содержание. Он был в состоянии продолжительное время нормально говорить о самых различных вещах. Однако, внезапно впадая в исступление, он извергал дикий поток слов, жестикулировал, как безумец, и бесчинствовал так, что тряслись стены. При этом из его рта во все стороны летели фонтаны слюны. У тех, кому при таких припадках безумия не удавалось сохранить внутреннюю улыбку, как это делали некоторые из моих наиболее интеллигентных и флегматичных английских журналистов, душа неизбежно уходила в пятки. От этого одержимого фанатика можно было всего ожидать. Не без оснований ходили слухи, что иногда он от ярости кусает ковры и гардины. Было странным и то, что он успокаивался так же неожиданно, как и вскипал. После подобного припадка он сразу же продолжал нормальную беседу.

Хотя во время этих встреч я почти не раскрывал рта, иногда мне казалось, что он обращает на меня особое внимание. Остальные участники бесед в большинстве случаев были иностранцами. Возможно, он осязал мой исконный немецкий дух. Во всяком случае, его глаза просверливали меня насквозь, и я сидел, как загипнотизированный кролик. Старый циник Раумер, которому я иногда рассказывал об этом, советовал мне в следующий раз сконцентрировать взгляд на переносице Гитлера. Это, утверждал он, безошибочное средство смутить подобного истерика. Однако хорошая идея Раумера приходила мне в голову тогда, когда было уже поздно. В решающий момент меня по-прежнему охватывало оцепенение и мозг выключался.

Попытки Гитлера к сближению производили впечатление лишь на немногих англосаксонских журналистов. Тем не менее, уже тогда среди них он имел нескольких доверенных лиц, которые явно были близки ему на протяжении длительного времени. Я присутствовал на двух или трех конференциях, где были представлены все аккредитованные в Берлине английские и американские журналисты. Каждый раз, когда мы собирались уходить, Гитлер заявлял:

– Господин Делмер и господин фон Виганд, может быть, вы задержитесь на минуту?

Оба журналиста немедленно отделялись от нас и возвращались обратно. Сефтон Делмер был молодым корреспондентом лондонской газеты «Дейли экспресс», принадлежащей лорду Бивербруку. Карл Виганд, поддерживавший во время первой мировой войны близкие отношения с кайзером, представлял концерн американского газетного магната Херста.

Первый месяц «Третьей империи» прошел для меня без каких-либо решающих событий, если не считать мелких неприятностей. Начали распространяться слухи о том, что в казармах штурмовиков происходят страшные пытки арестованных. Кое-что в этой связи проникло в иностранную печать. Особенно жуткой репутацией пользовались казармы на Хедеманштрассе и Папештрассе. Тем не менее, все считали, что это, видимо, неизбежные в переломный период эксцессы, результаты перегибов отдельных разъярившихся личностей, и что преступлениям скоро будет положен конец.

Нам в отделе печати было ясно, что новый режим беспардонно и беззастенчиво лгал. Так, однажды днем нам были вручены «коммунистические листовки», которые мы должны были на следующее утро передать газетам, сообщив, что листовки эти якобы были сброшены ночью над Берлином самолетами неизвестной национальности. Краска на листовках еще не высохла, а до ночи, о которой шла речь, оставалось несколько часов.

– Создается впечатление, что нынче Германией правит маленький Мориц. Подобной фальшивке не поверят и дураки,

– сказал мой коллега Маус из отдела немецкой печати, дежуривший на следующий день утром.

Его замечание было типичным. Оно свидетельствовало о том, с каким легкомыслием мы относились в то время ко всем этим делам.

Никто из нас не принимал всерьез этих нацистов. В своем узком кругу мы рассказывали о них анекдоты и издевались над ними. Мы были уверены, что весь этот балаган не просуществует и нескольких месяцев и сам по себе потерпит крах. Правда, к нам было уже подсажено несколько соглядатаев, в присутствии которых мы воздерживались от подобных разговоров. Тем не менее, и соглядатаев мы рассматривали как мух-однодневок. Невежество этих людей в вопросах международной политики, как правило, было безграничным, и для солидной регулярной работы они казались нам просто неспособными.

Рейхстаг горит

В этой обстановке в конце февраля, незадолго до выборов, разорвалась первая большая бомба. В это время у меня была подруга, которая продавала в киоске Ам Кни (Шарлоттенбург) горячие сосиски, сигареты, лимонад и тому подобное. Она работала посменно: неделю утром, неделю до полуночи. Выбрав свободное время, я обычно проводил полчаса около ее киоска. Как-то вечером, часов около девяти, к нам подошла уличная продавщица и сказала.

– Там, внизу, что-то горит. Люди говорят, что рейхстаг.

Мы не придали этому особого значения.

Прежде чем спуститься в метро, чтобы ехать домой, я бросил взгляд на Шарлоттенбургское шоссе, в сторону Бранденбургских ворот, и действительно заметил на горизонте отблески огня.

На следующее утро я вел свою машину по Регентенштрассе и вдруг заметил автомобиль, из которого как раз вылезали английский журналист Сефтон Делмер и Пуци Ханфштенгль.

– Путлиц? Вы еще не в бюро? Вы что, на луне живете? Не видите, что черт сорвался с цепи?

Оба возвращались прямо с завтрака, так как всю ночь провели в горящем рейхстаге и у Геринга. С горячностью рассказали они о предотвращении «путчистских планов коммунистических поджигателей».

Около одиннадцати часов на традиционной пресс-конференции появилось новое лицо. В дальнейшем этот господин приходил почти ежедневно и, как фокусник, вытаскивал из своего портфеля «потрясающие документы» относительно «большого коммунистического заговора». Это был регирунгсрат Рудольф Дильс, поставленный Герингом во главе вновь созданной тайной государственной полиции (гестапо); щеки и подбородок этого молодцевато выглядевшего бывшего студента-корпоранта были покрыты традиционными шрамами. Дильсу было около тридцати лет. Несколько лет назад социал-демократ министерияль-директор Абег взял Дильса на работу в прусское министерство внутренних дел, возглавляемое Зеверингом. Там он дослужился до поста референта по делам Коммунистической партии. Теперь выяснилось, что с самого начала Дильс злоупотреблял своим постом, действуя в качестве осведомителя нацистов. В наших кругах о нем сложилась поговорка: «В классической древности существовали только троянские кони. У нас в Пруссии теперь есть также троянские свиньи».

Долгое время нам самим было неясно, кто в действительности поджег рейхстаг. Некоторые иностранные корреспонденты с самого начала считали, что это дело рук Геринга. Однако в то, что за поджогом кроется заговор коммунистов, верили лишь очень немногие. Документы Дильса были слишком явной фальшивкой, а его аргументы – чересчур притянуты за волосы. Кроме того, цель кампании была совершенно ясна: нужно было запугать народ «зверствами коммунистов», чтобы он на выборах проголосовал за коричневых «спасителей от красного хаоса».

Тем не менее, все эти истерические вопли о «коммунистических убийцах и поджигателях» действовали даже на самых благоразумных людей. Насколько сильно было это воздействие, мне стало ясно, когда однажды ранним утром позвонила моя мать, поднявшая меня с постели. Она испуганно спрашивала, не произошло ли в Берлине чего-либо страшного.

– Здесь, в Лааске, – сказала она, – мы не спим ночей. Повсюду стоит охрана, так как каждую минуту мы ожидаем нападения коммунистических банд, которые хотят поджечь наше имение.

– Но, мама, – спросил я ее, – откуда у вас возьмутся коммунисты? Ведь там их вообще нет.

Мать на мгновение задумалась, а потом сказала:

– Да, собственно говоря, я до сих пор слыхала лишь об одном. Он как будто живет в Мертенсдорфе.

Мертенсдорф был расположен приблизительно в десяти километрах от Лааске. Мне удалось успокоить мать, и под конец она сказала:

– Возможно, ты прав. Мы все просто позволили свести себя с ума.

В нашей семье я до сих пор был единственным, кто высказывался о нацистах не совсем отрицательно, так как до 30 января я в определенной степени все еще верил в искренность их лозунга о «народной общности». Однако за последнее время я распознал лживую сущность нацистов, и взгляды мои изменились. Теперь в этом вопросе в семье существовало полное единство взглядов. Однако все остальные члены нашей семьи безоговорочно высказывались за «дейч-националов» (то есть за «немецко-национальную партию». – Ред.). Я же больше, чем нацистов, от всего сердца, глубоко ненавидел военную касту, тупых юнкеров и клику денежных мешков, стоящую за спиной Черно-Бурой Лисы. Сегодня эта компания ворчала на нацистов, однако ведь именно они привели к власти эту преступную банду.

Хотя я никогда не испытывал ни малейшей склонности к католицизму, на выборах в рейхстаг, состоявшихся вскоре после пожара, я голосовал за Центр – партию клерикалов. Все же это казалось мне лучше, чем партии «Гарцбургского фронта». По крайней мере существовала небольшая надежда, что католики будут выступать как оппозиция.

Социал-демократия в театре «Кроль»

Мне пришлось присутствовать на знаменитом заседании рейхстага, на котором все партии в конце концов сдались на милость нацистов. Адольф Гитлер хотел прийти к власти «легально, демократическим путем». Он потребовал, чтобы закон о чрезвычайных полномочиях, который должен был сделать его неограниченным диктатором, был принят подавляющим большинством голосов. Поскольку помещение рейхстага после пожара оказалось непригодным, заседание состоялось в оперном театре «Кроль».

Сидя в отведенной для нас ложе бельэтажа, я наблюдал за партером. Вдоль стен зала расположились штурмовики в коричневых рубахах с резиновыми дубинками в руках. Эти коричневые герои окидывали критическими взглядами депутатов, входящих через двери и медленно заполняющих зал. Еще никогда ни один немецкий рейхсканцлер не пытался столь нагло оказать давление на депутатов рейхстага при помощи дубинок своей партийной гвардии. Атмосфера была напряженной до предела, Коммунистическая партия была уже запрещена, и многие из ее депутатов, несмотря на иммунитет, сидели за решеткой, так как их участие в голосовании с самого начала делало невозможным получение Гитлером большинства в две трети голосов.

Сейчас все зависело от позиции социал-демократов. Придут ли они вообще на заседание? Несмотря на насильственное удаление Коммунистической партии, численность «национальной коалиции» была еще недостаточной, для того чтобы набрать без социал-демократов кворум, предусмотренный конституцией.

Социал-демократы явились с вытянутыми лицами, но они пришли и храбро заняли свои скамьи. Когда дошла очередь, их председатель Отто Вельс даже вышел на трибуну. То, что он говорил, звучало жалко. Конечно, социал-демократы не могут согласиться с нынешним правительством, однако, в конце концов, они тоже национально мыслящие немцы, и если правительство будет проводить патриотическую политику, оно может рассчитывать на их лояльность.

После него поднялся со своего места Гитлер. Его руки были скрещены на груди, а глаза блуждали. Он начал речь. Обрубленными фразами, какими не говорят ни в одном уголке Германии, он отчитывал Вельса, как школьника. К сожалению, поведение социал-демократов было жалким и двусмысленным. Еще никогда руководство большой и уважаемой партии так позорно не сходило с политической арены под издевательски торжествующие крики своих победителей.

Началось голосование. Как один человек, поднялись со своих мест депутаты правых партий. От центра налево сначала встали немногие. Большинство выжидало. Штурмовики у дверей начали нетерпеливо поигрывать своими резиновыми дубинками. Злые глаза Гитлера, казалось, спрашивали: «Долго это будет продолжаться?»

С каждой секундой атмосфера все более накалялась. То здесь, то там с мест медленно поднимались зады отдельных депутатов. За ними постепенно следовали другие. Наконец среди вставших оказался и Вельс. А когда в заключение был исполнен гимн, стоял весь зал. Гитлер добился чрезвычайных полномочий «конституционным, демократическим и легальным путем».

В качестве курьеза упомяну о том, что среди депутатов Демократической партии, стоя подпевавших исполнителям гимна, был человек со знакомой мне елейной профессорской физиономией. Когда я учился на курсах атташе, он был преподавателем берлинской Высшей школы политики. Это был Теодор Хейс, нынешний глава боннского государства.

Политиков его типа нацисты обычно называли в то время «рождественскими дедами-морозами».

Начало открытого террора

Теперь Гитлер чувствовал себя прочно в седле. Пожар рейхстага был использован как удобный повод; с этого момента свора убийц и поджигателей была спущена с цепи, и началась охота на коммунистов и евреев.

Ежедневно поступали сообщения о самых отвратительных зверствах. Информация об этих зверствах заполняла страницы английских и американских газет. Все чаще мы были вынуждены публиковать опровержения, и все меньше им верили. Может быть, некоторые сенсационные сообщения лондонской и нью-йоркской бульварной прессы были преувеличены или даже неверны, однако я сам ежедневно получал новые бесспорные доказательства того, что дикие зверства не только имели место, но даже прямо или косвенно организовывались и покрывались правительственными кругами. Первым свидетелем, полностью убедившим меня в этом, был эсэсовец из личной охраны Геббельса. В это время колченогий «доктор» был назначен министром народного просвещения и пропаганды и вселился в наш дворец. Было решено придать этому министерству наш отдел печати, возглавляемый Функом, который получил чин статс-секретаря. Когда Геббельс сидел наверху в своем кабинете, его личные телохранители бездельничали у нас в зале. Мой эсэсовец был опытным механиком и время от времени помогал мне устранять неполадки в моем старом «оппеле», который я держал на стоянке у дворца. Однажды утром мне бросилось в глаза, что парень был бледен, как мертвец. Я спросил, не заболел ли он.

– Нет, – ответил он. – Собственно говоря, по-настоящему я не болен, но, кажется, сойду с ума.

Я заинтересовался, откуда у него такие мысли.

– Не рассказывайте никому. Я больше не могу выдерживать этих ночей, а вчерашняя меня совсем доконала!

Представьте себе. Мы должны были обыскать одну квартиру на четвертом этаже, где жила молодая пара и старик. И что вы думаете? Когда мы выломали дверь и ворвались, женщина выхватила из кровати своего маленького ребенка и прыгнула вместе с ним из окна, за ней прыгнул муж. Старика мы успели заарканить. Переломали ли они на дворе кости или разбились насмерть, не могу вам сказать; мы немедленно вызвали санитарную машину, и она увезла их раньше, чем мы спустились вниз. Может быть, я слишком мягкотелый, но все это меня убивает!

Я никому не рассказывал историю, о которой сообщил мне эсэсовец, но его я никогда больше не видел.

Геббельс

Колченогий «доктор» был человеком, который не мог жить без лжи, как человек не в состоянии существовать без воздуха. Чувствовалось, какое дьявольское удовольствие получает он, когда ему удается при помощи различных трюков обвести вокруг пальца легковверного человека. «Ну, здорово я сделал? – как бы говорили при этом его ухмыляющиеся глаза. – Разве я не превосходно обвел вокруг пальца этого идиота?» Его наглость, его умение превращать белое в черное были просто потрясающими.

К несчастью, я был знаком с его семьей, что не было особенно приятно и ему. Его жена в первом браке была замужем за известным промышленником-миллионером Гюнтером Квантом. Квант был родом из Прицвалька, моего родного округа, и владел там большими суконными фабриками. В 1929 году Квант с женой совершили поездку в Соединенные Штаты, и я провел рождественский день в их роскошных апартаментах в вашингтонском отеле «Уордман-парк». День прошел в воспоминаниях о далекой родине, что создало душевную обстановку. До их отъезда мы встречались еще несколько раз. Когда теперь в Берлине я впервые встретил на нашей лестнице красавицу Магду, я едва узнал ее. По-парижски элегантная светская дама с каштановыми

волосами превратилась чуть ли не в немецко-бюргерскую Гретхен. Воспоминания, которые я будил, были ей явно неприятны, и мы не возобновили наших старых отношений. Что касается самого Геббельса, то мне с самого начала было ясно, что единственной правильной тактикой по отношению к нему было изображать из себя тупого, безвредного полудиота.

Новый министр приказал нам особо внимательно следить за сообщениями о зверствах, появляющимися в иностранной прессе, и, если будет возможно, добывать у соответствующих властей внутри страны материал для опровержения. Однако в отношении большинства такого рода сообщений материал для опровержения достать было невозможно, так как факты были совершенно неопровержимы. Я вспоминаю об убийстве еврея Ионаса, владельца берлинского универмага. Его изуродованный труп был найден в канале Ландвер в присутствии некоторых иностранных корреспондентов. Сфабриковать опровержение было невозможно. История вызвала определенный шум, и о ней доложили Геббельсу. Не моргнув глазом, он заявил:

– В Берлине вообще не существует универмага Ионаса, и баста! Выть может, за границей и поверили этому официальному заявлению, но в Берлине любой ребенок знал универмаг Ионаса.

Путлиц В.-Г. По пути в Германию (воспоминания бывшего дипломата). / Перевод с немецкого А. Галкина и О. Накропина. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – 318 с.

77. Указ о защите правительства национального возрождения от коварных посягательств 21 марта 1933 г.

1. Кто умышленно будет высказывать или распространять не отвечающие или грубо искажающие действительность суждения, могущие причинить тяжелый ущерб благополучию Империи или отдельным германским Землям, или авторитету

правительства империи, или отдельных земель, или правительственных партий, или объединений, наказывается, если деяние не подлежит более строгому наказанию по другим законам, тюрьмой до двух лет; если же суждения высказывались или распространялись публично, то тюрьмой не менее трех месяцев.

2. Если деяние причинило тяжелый ущерб для империи, может быть назначена каторга.

Конституции буржуазных стран. Т. 1. М.-Л., 1935.

78. Из сообщения газеты «Фелькишер Беобахтер» о создании концентрационного лагеря Дахау (21 марта 1933 г.)

В среду [22 марта 1933г.] близ Дахау начнется создание первого концентрационного лагеря, рассчитанного на 5000 человек. Здесь будут размещаться все коммунистические деятели, а также, в случае необходимости, деятели Социал-демократической партии и Рейхсбаннера, угрожающие безопасности государства [...].

Практика показала, что недопустимо отпускать этих людей на свободу, так как они продолжают заниматься подстрекательством и беспокоить людей. Полиция и министерство внутренних дел убеждены, что они действуют в целях спокойствия населения и в интересах всей нации.

79. Закон в целях устранения бедствий народа и государства. 24 марта 1933 г.

Статья 1. Государственные законы могут помимо порядка, установленного конституцией, издаваться также имперским правительством...

Статья 2. Законы, принятые имперским правительством, могут уклоняться от имперской конституции, если они не имеют предметом устройство рейхстага и рейхсрата. Права президента империи остаются неприкосновенными.

Статья 3. Законы, принятые имперским правительством, облекаются в надлежащую форму рейхсканцлером и публикуются в собрании имперских законов. Они вступают в силу, если в них не указано иного на следующий день по опубликовании.

Статьи 68–77 имперской конституции не имеют никакого применения к законам, принятым имперским правительством.

80. Закон против образования новых партий. 14 июля 1933 г.

1. В Германии существует в качестве единственной политической партии национал-социалистическая германская рабочая партия.

2. Если кто-либо будет принимать меры к поддержанию организационной структуры какой-либо другой политической партии или к созданию новой политической партии, тот наказывается – поскольку это дело не облагается более высоким наказанием по другим предписаниям – смирительным домом до 3 лет или тюрьмой от 6 месяцев до 3 лет.

81. Закон о порядке национального труда 20 января 1934 г.

Фюрер предприятия является высшей инстанцией для рабочих данного предприятия в решении всех производственных вопросов.

Рабочие обязаны хранить ему верность, основанную на общности производственных интересов...

Фюрер предприятия вырабатывает инструкцию о порядке работы на предприятии. Эта инструкция устанавливает:

- 1) начало и конец рабочего дня и время перерывов;
- 2) виды вознаграждения и время, когда оно выплачивается;
- 3) положение о сдельной оплате труда;

- 4) размеры штрафов, их виды и порядок их взимания;
- 5) положение о проступках, влекущих за собой немедленное увольнение без предупреждения.

82. «Закон о пресечении наследственно-больного поколения» (14 июля 1933 г.)

Закон явился первым юридическим выражением расовой идеологии национал-социализма. Согласно этому закону все пациенты, страдавшие от названных в нем заболеваний, подвергались угрозе стерилизации по показанию служебного врача или руководителя лечебного учреждения, домов инвалидов или престарелых.

[...] § 1. (1). Кто является наследственно больным, может быть путем хирургического вмешательства стерилизован, если согласно опытам медицинской науки с большой долей вероятности можно ожидать, что его наследники будут страдать от тяжелого физического или психического недуга.

Больным в соответствии с этим законом считается тот, кто страдает от следующих болезней:

- прирожденного слабоумия;
- шизофрении;
- циркулярного (маниакально-депрессивного) умопомешательства;
- наследственной эпилепсии;
- наследственной «пляски святого Витта»;
- наследственной слепоты;
- наследственной глухоты;
- тяжелого телесного наследственного уродства.

(3). В дальнейшем могут быть подвергнуты стерилизации лица с тяжелой формой алкоголизма.

§ 2. (1). Имеющим право на ходатайство является тот, кто хочет быть стерилизован. Если этот человек ни к чему не способен, или страдает от слабоумия, или не достиг восемнадцати лет, то имеет право на ходатайство законный

представитель. При этом он должен иметь заключение опекунского суда. Если совершеннолетний содержал санитаря по уходу за собой, то необходимо согласие последнего.

(2). К договору должно быть приложено свидетельство практикующего в рейхе врача, о том, что проводящий стерилизацию знает суть операции и ее последствия.

(3). Договор (на стерилизацию) может быть отозван.

§ 3. Об операции по стерилизации могут ходатайствовать:

1. ведомственный врач;

2. для постояльцев лечебных, санаторных, попечительских или исправительных учреждений – их руководители [...].

[...] § 12. Если суд принял окончательное решение об операции по стерилизации, то она может быть выполнена и против воли (лица), делающего операции по стерилизации, поскольку не он один вносил предложение.

Ведомственный врач может просить у полицейских учреждений о соответствующих мероприятиях. Если недостаточно других действий, то допустимо применение непосредственного принуждения [...].

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 373-374.

83. Из имперского «Закона о наследственных дворах» (29 сентября 1933 г.)

Нацистская идеология рассматривала крестьянство как основу здоровой расы, которое следует поддерживать особым образом. «Закон о наследственных дворах» вмешивался в способы хозяйствования, в распоряжение крестьянской собственностью и в дела ее передачи наследникам.

Правительство рейха, соблюдая древнюю немецкую традицию наследования, стремится сохранить крестьянство как источник крови немецкого народа.

Крестьянские дворы должны быть защищены от чрезмерных долгов и раздробления при наследовании, для того, чтобы они как 1. Внутренняя политика нацистской диктатуры родовое наследие длительное время оставались в руках свободных крестьян [...].

Поэтому правительство рейха приняло следующий закон. Его основные идеи:

Земельное и лесохозяйственное владение площадью не менее площади одного крестьянского надела, достаточного для содержания семьи, но не более 125 гектаров является наследственным двором, если оно принадлежит лицу, способному к крестьянскому труду. Собственник наследственного двора называется крестьянином.

Крестьянином может быть только почтенный человек, являющийся гражданином Германии и имеющий немецкую или расово близкую кровь.

Наследственный двор передается первым наследникам неразделенным. Права других наследников ограничиваются другим имуществом крестьянина [...]. Право первых наследников не может исключаться или ограничиваться из-за обстоятельств смерти.

Наследственный двор является всегда непродаваемым и неотягощенным (нельзя продавать и отягощать долгами) [...].

Раздел. Наследственный двор.

[...]§ 2. Минимальный размер.

(1). Наследственный двор должен иметь минимальный размер, достаточный для содержания семьи.

(3). Как достаточный для содержания семьи рассматривается такой участок земли, который необходим для того, чтобы независимо от рынка и общего экономического положения, можно было прокормить и одеть семью, а также сохранить хозяйственный оборот наследственного двора [...].

Раздел. Крестьянин.

[...] § 11. Понятие.

(1). Только собственник наследственного двора может именоваться крестьянином.

(2). Собственник или владелец других земельных угодьев, используемых в сельскохозяйственных или лесохозяйственных целях именуется сельским хозяином [...].

§ 13. Требование немецкой или расово близкой крови.

(1). Крестьянином может быть только тот, кто имеет немецкую или расово близкую кровь.

(2). Немецкой или расово близкой крови не имеет тот, кто среди своих предков с отцовской или с материнской стороны имеет еврейскую или цветную кровь.

(3). Днем отсчета при наличии предпосылок для раздела (1) является 1 января 1800 г. Если же предпосылки для раздела (1) сомнительны, то по ходатайству собственника или окружного руководителя крестьян дело решает суд по наследованию [...]

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 374-376.

84. Из «Указа о Немецком трудовом фронте» (ДАФ) (24 октября 1934 г.)

«Немецкий трудовой фронт» был создан вместо разгромленных в начале мая 1933 г. профсоюзов и объединил в единую организацию всех участников хозяйственного процесса. Согласно нацистским представлениям, создание «фронта» должно было свидетельствовать окончании классовой борьбы.

[...] Содержание и цель

§ 1. Немецкий трудовой фронт является организацией творческих немцев «головой и кулака». В него на равных основаниях объединяются члены бывших профсоюзов, бывших объединений служащих, а также бывших объединений предпринимателей [...].

§ 2. Целью Немецкого трудового фронта является образование действительного народного и эффективного сообщества всех немцев.

(...) § 3. Немецкий трудовой фронт является подразделением НСДАП в смысле Закона об обеспечении единства партии и государства от 1 декабря 1933 г.

Руководство и организация

[...]§ 7. Немецкий трудовой фронт должен обеспечивать трудовой мир таким образом, чтобы у руководителей предприятий было создано понимание справедливых требований дружины, а у членов дружины – понимание положения и возможностей их предприятий.

Немецкий трудовой фронт ставит задачу найти такое выравнивание между справедливыми интересами всех участников, которое отвечает основным положениям национал-социализма и ограничивает число случаев, которое, согласно закону от 20 января 1934 г., должно быть направлено для решения лишь компетентным государственным органам... Необходимое для этого выравнивания представительство всех участников является исключительно делом Немецкого трудового фронта. Образование других организаций или их участие в подобной деятельности не допускается.

§ 8. Немецкий трудовой фронт является носителем национал-социалистического общества «Сила через радость».

Немецкий трудовой фронт должен заботиться о профобразовании [...]. В дальнейшем он должен осуществить задачи, которые ему переданы в соответствии с законом от 20 января 1934 г.

§ 9. Имущество ранее перечисленных в § 1 организаций [...] образует имущество Немецкого трудового фронта. Это имущество является костяком для создания организации самопомощи Немецкого трудового фронта. Посредством организации самопомощи Немецкого трудового фронта каждому его члену может быть гарантировано, в случае нужды, сохранение его существования, чтобы трудоспособным членам народного сообщества обеспечить подъем или содействовать

их самостоятельному существованию, по возможности, также и на собственной земле [...]

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 378-379.

85. Закон о порядке национального труда 20 января 1934 г.

Фюрер предприятия является высшей инстанцией для рабочих данного предприятия в решении всех производственных вопросов.

Рабочие обязаны хранить ему верность, основанную на общности производственных интересов... Фюрер предприятия вырабатывает инструкцию о порядке работы на предприятии. Эта инструкция устанавливает:

- 1) начало и конец рабочего дня и время перерывов;
- 2) виды вознаграждения и время, когда оно выплачивается;
- 3) положение о сдельной оплате труда;
- 4) размеры штрафов, их виды и порядок их взимания;
- 5) положение о проступках, влекущих за собой немедленное увольнение без предупреждения.

Хрестоматия по новейшей истории. Т. II. М., 1961.

86. Закон о переустройстве империи 30 января 1934 г.

Народное голосование и выборы в рейхстаг 1 ноября 1933 г. доказали, что германский народ, вопреки всяким внутривнутриполитическим границам и противоречиям, слился в единое и внутреннее нерасторжимое целое.

Рейхстаг единогласно принял поэтому следующий закон, который обнародуется здесь с единодушного одобрения рейхстага, причем устанавливается, что требования законодательства об изменении конституции исполнены.

Статья 1.

Народные представительства областей упраздняются.

Статья 2.

- 1) Права верховенства областей переходят к империи.
- 2) Правительства земель подчиняются имперскому правительству.

Статья 3. Имперские наместники в землях подлежат должностному надзору имперского министра внутренних дел.

Статья 4. Имперское правительство может создавать новое конституционное право.

Хрестоматия по новейшей истории. Т. II. М., 1961. С. 174.

87. Закон о ликвидации рейхсрата. 14 февраля 1934 г.

- 1) Рейхсрат ликвидируется.
- 2) Представительства областей отпадают.
2. 1 часть рейхсрата в установлении законов и в управлении прекращается.
- 3) Участие уполномоченных рейхсрата в корпорациях, судах и органах всякого рода прекращается.

Хрестоматия по новейшей истории. Т. II. М., 1961. С. 174.

88. Закон об обеспечении единства партии и государства 1 декабря 1933 г. (с изменениями от 8 июля 1934 г.)

1) После победы национал-социалистической революции национал-социалистическая германская рабочая партия является носителем германской государственной мысли и неразрывно связана с государством.

2) Она является корпорацией публичного права. Ее устав утверждается вождем (фюрером)...

3. 1) На членов национал-социалистической германской рабочей партии и штурмовых отрядов (включая подчиненные им деления) в качестве ведущей и движущей силы национал-социалистического государства возлагаются повышенные обязанности в отношении вождя, народа и государства.

2) За нарушение своих обязанностей они подлежат особой партийной подсудности...

4. Нарушением признается всякое действие или упущение, которое затрагивает состав, организацию, деятельность или значение национал-социалистической германской рабочей партии, а в особенности всякое нарушение дисциплины и порядка.

5. Кроме иных обычных должностных наказаний могут установлены арест и заключение. Хрестоматия по новейшей истории. Т. II. М., 1961. С. 174-175.

89. Закон о верховном главе Германской империи 1 августа 1934 г.

1. Должность президента империи объединяется с должностью рейхсканцлера. В силу этого установленные до сих пор правомочия президента империи переходят к вождю (фюреру) и рейхсканцлеру – Адольфу Гитлеру. Он назначает своего заместителя.

2. Этот закон вступает в силу с момента кончины президента империи фон Гинденбурга.

Конституции буржуазных стран. Т. I. М.-Л., 1935.

90. Из речи военного министра Вернера фон Бломберга о введении всеобщей воинской обязанности (17 марта 1935 г.)

Вернер фон Бломберг (1878–1946) – кадровый военный, участник Первой мировой войны, в 1919–1932 гг. – в рейхсвере, с января 1933 г. – министр рейхсвера, с 1935 г. – военный министр и главнокомандующий вооруженными силами, генерал-фельдмаршал (с 1936). В 1938 г. был скомпрометирован и отправлен в отставку. В 1945г. был привлечен к суду Международного военного трибунала в Нюрнберге, умер в тюрьме во время следствия.

После того, как вчера правительство рейха приняло Закон о строительстве германского вермахта, который вновь ввел всеобщую воинскую обязанность, были заложены основы безопасности рейха [...].

Германский вермахт снова станет тем, [...] чем он должен быть: во внутривойсковой жизни – национальной школой воспитания боевого духа и любви к Отечеству у нашей молодежи; во внешневойсковой – абсолютно равноправным и сильным стражем и защитником рейха [...]

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 380.

91. Из «Закона об Имперской трудовой Службе» (26 июня 1935 г.)

Вслед за введением воинской повинности для молодежи была введена обязательная трудовая служба. Посредством физической работы и политического воспитания трудовая служба должна была способствовать преодолению среди молодежи классовых различий и воспитывать чувство национальной общности.

[...]§ 1. (1). Имперская трудовая служба является службой чести немецкому народу.

(2). Все молодые немцы обоого пола обязаны послужить своему народу на Имперской трудовой службе.

(3). Имперская трудовая служба должна воспитывать немецкую молодежь в духе национал-социализма для народной общности и для действительного понимания труда, прежде всего, надлежащего внимания к ручному труду.

§ 2. (1). Имперская трудовая служба подчиняется министру внутренних дел [...].

(2). Фюрер имперских работ стоит во главе имперского руководства трудовой службы; он определяет организацию,

регулирует трудовой призыв и руководит обучением и воспитанием [...].

[...] (2) Трудовая служба начинается не ранее достижения 18 лет и заканчивается не позднее исполнения 25 лет.

[...]§ 9. Привлечение девушек к трудовой службе регулируется особым законодательным предписанием.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 380-381.

92. Из «Закона об Имперском гражданстве» (15 сентября 1935 г.)

На партийном съезде в Нюрнберге в 1935г. Гитлер потребовал от рейхстага принятия трех законов, из которых два серьезно ограничивали права немецких граждан еврейского происхождения. Позднее закон о гражданстве стал юридическим обоснованием для дальнейшего преследования евреев. В литературе называются «Нюрнбергскими законами».

[...] Рейхстаг принял единогласно следующий закон [...]

(б). Закон об имперском гражданине (гражданине рейха) [...].

§ 2. (1). Имперским гражданином является только подданный государства немецкой или родственной крови, который своим поведением доказывает, что он хочет и готов верно служить немецкому народу и рейху.

[...] (3). Гражданин рейха является единственным носителем полных политических прав соразмерно законам.

[...]§ 3. Рейхсминистр внутренних дел имеет право, по ходатайству представителя фюрера на издание требуемых предписаний по проведению и дополнению закона.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 381.

93. Из «Закона о защите немецкой крови и немецкой чести» (15 сентября 1935 г.)

[...]§ 1. (1). Бракосочетания между евреями и гражданами немецкой или расово родственной крови запрещаются [...].

§ 2. Внебрачная связь между евреями и гражданами немецкой или расово родственной крови запрещается.

§ 3. Евреи не имеют права нанимать в качестве домработниц женщин немецкой или расово родственной крови моложе 45 лет.

§ 4. Евреям запрещается вывешивание имперских и национальных флагов и использование символики имперских цветов [...].

§ 5. (1). Кто нарушит запрет § 1 будет наказан каторжной тюрьмой.

(2). Человек, который нарушит § 2, будет наказан тюремным заключением или каторжной тюрьмой.

(3). Кто нарушит § 3 или § 4, будет наказан тюремным заключением до одного года и денежным штрафом или одним этим штрафом.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 382.

94. Из меморандума Гитлера о четырехлетнем плане (лето 1936 г.)

(...) Политика означает ведение и направление хода исторической борьбы народов за свою жизнь. Целью этой борьбы является утверждение своего существования.

[...] Победа большевизма над Германией привела бы не к Версальскому договору, а к полному уничтожению, даже к истреблению немецкого народа.

(...) Если не удастся в кратчайшие сроки развить вермахт [...] до уровня первой армии мира по структуре, по вооружению, и, прежде всего, по духовному воспитанию, Германия проиграет'. [...] Хозяйство должно служить этой цели [...].

I. Подобно военной и политической подготовке, а также мобилизации нашего народа, следует осуществлять также и экономическую [подготовку], и в таком же темпе, с одинаковой решительностью, а если понадобится – с одинаковой беспощадностью. Интересы отдельных господ в будущем не должны больше играть какой-либо роли. Существует лишь один интерес, и это – интерес нации, и единственная точка зрения – это та, что Германию политически и экономически необходимо привести к самоутверждению.

Выделено курсивом в тексте документа.

II. Для этой цели во всех областях, где возможно обеспечение собственной продукцией, надо экономить валюту [...].

V. [...] Необходимо существенным образом поднять производство стали [...], горючих материалов [...]. Эти задачи можно решить с помощью химии [...].

Я считаю необходимым, с железной решимостью достичь в отраслях, где это возможно, 100 %-ной самообеспеченности [...].

[...] Считаю необходимым, в этой связи, предложить на утверждение рейхстагу два закона: закон, предусматривающий смертную казнь за экономический саботаж; закон, предусматривающий наказание всего еврейства за все убытки, которые его отдельные преступные элементы наносят немецкому хозяйству и, тем самым, немецкому народу.

[...] В связи с этим я ставлю следующие задачи:

1. Через четыре года немецкая армия должна стать боеспособной.

2. Через четыре года экономика Германии должна быть готова к войне.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 382-383.

95. Из речи Германа Геринга о четырехлетнем плане (28 октября 1936 г.)

Герман Вильгельм Геринг (1893–1946) – военный летчик, участник Первой мировой войны, в 1922 г. вступил в НСДАП. Участник «Пивного путча», с 1928 г. – депутат рейхстага, с 1933 г. – рейхсминистр, председатель рейхстага, фельд-маршал (с 1938), рейхсмаршал (с 1940). Как один из главных военных преступников был осужден Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни. За два часа до повешения принял яд.

[...] Без того всеобщего энтузиазма, который проявляют наши немецкие рабочие, ничего не удалось бы достичь с самого начала. Сегодня нам уже приходится ломать себе голову, как справиться с недостатком рабочих рук [...]. Это будет возможно только тогда, когда немецкий рабочий поддержит план фюрера. Это будет возможно, если он будет работать, работать и еще раз работать, [...] пока мы не справимся с этой задачей. Поэтому каждый должен понять, что главное сегодня – хранить трудовой мир и трудовое согласие. На предприятиях должны царить радость и трудовой подъем. Никакого доносительства, никакой клеветы не должно быть [...]!

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 383-384.

96. Из Закона о «Гитлерюгенд» (1 декабря 1936 г.)

Гитлерюгенд («Гитлеровская молодежь») – нацистская молодежная организация, история которой начинается в 1922 г. С 1933г. она становится государственной, но официальное оформление получила только настоящим законом, объединяла молодежь пола от 10 до 18 лет, включала в себя собственно «Гитлеровскую молодежь» (14-18 лет), вспомогательную организацию мальчиков «Дойчес-юнгфольк»

(«Пимпфы», 10-14 лет), вспомогательную организацию девочек «Юнгмэдельбунд» (10-14 лет), союз немецких девушек и молодых женщин «Бунд дочер мэдель» (14-21 года).

[...] § 1. Все немецкое юношество в пределах областей рейха объединилось в Гитлерюгенд.

§ 2. Вне родительского дома и школы все немецкое юношество должно воспитываться в Гитлерюгенд физически, умственно и духовно в духе национал-социализма для службы народу и народного сообщества.

§ 3. Задача воспитания всего немецкого юношества в Гитлерюгенд будет передана фюреру имперской молодежи в НСДАП. Тем самым он является «фюрером молодежи немецкого рейха». Он занимает положение высшей инстанции рейха со штаб-квартирой в Берлине и подчиняется непосредственно фюреру и рейхсканцлеру.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 384.

97. Из доклада «Сопаде» о системе террора (январь 1936 г.)

«Сопаде» – Правление социал-демократической партии Германии в эмиграции, местопребывание: 1933–1938 гг. – Прага, 1938–1940 гг.

[...] Высказывания фюрера по поводу самой бескровной революции всех времен не остались без внимания и многие склонились к тому, что все вновь становящиеся известными случаи террора отсылаются в область «страшных сказок». Только травля евреев, которая летом прошлого года вновь достигла высокого уровня и привела к Нюрнбергскому законодательству, взбудоражила хотя бы часть мировой общественности. Но речь идет не только о терроре против евреев, не только о терроре как результате принципов нацистской партийной программы, но и о том, что террор –

тождественная (и необходимая) составная часть общей системы правления в Третьем рейхе. Он является, наряду с «современными» методами массовой пропаганды, решающим средством того общего и беспощадного господства над народом, без которого Третий рейх не может устоять и без которого он вообще невыносим. Это то, чего за границей часто не замечали. Не знали, что наряду с террором против евреев имеется всеобщий террор, который в разных формах охватывает весь немецкий народ. Он применяется сильнее против тех, кто вопреки всем гонениям, расстрелам, убийствам продолжает тайно действовать согласно своим убеждениям.

Террор в своем всеобъемлющем виде, в своей нечеловеческой жестокости, остается скрытым не только для других стран. Также и в Германии имеется определенный круг людей, который едва ли догадывается об этом [...]. И если назвать имена некоторых депутатов рейхстага, таких как д-р Шумахер, д-р Мирендорф, Хайльман и только упомянуть трагический конец бывшего руководителя горняков Хуземена, который ранней весной 1935 г. был расстрелян «при попытке к бегству», то это будет для этих людей ужасным открытием.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 391.

98. Из сообщения газеты «Нойкёльнер Тагесблатт» о сожжении книг в Берлине (12 мая 1933 г.)

[...] Студенты проходили маршем по широкой площади и бросали свои факелы в разложенный в ее центре костер [...]. Выкрикивая лозунги и передавая из рук в руки книги, они предали огню немецкие книги, противные здоровому немецкому духу.

1-й глашатай: Против классовой борьбы и материализма, за единство народа и идейный образ жизни! Я предаю огню книги Маркса и Каутского.

2-й глашатай: Против декадентства и морального упадка! За воспитанность и мораль в семье и государстве! Я предаю огню книги Генриха Манна, Эрнста Глзера и Эриха Кестнера.

[...] 7-й глашатай: Против литературного предательства солдат мировой войны, за воспитание народа в духе правдивости! Я предаю огню книги Эриха Марии Ремарка [...].

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 392-393.

99. Из Устава «Союза германского студенчества» (7 февраля 1934 г.)

Национал-социалистический союз немецких студентов был создан в 1925 г. для распространения в студенческой среде нацистских идей. В 1931 г. вошел в состав Союза германского студенчества, который с 1934 г. рассматривался как «подразделение» НСДАП. Членами союза в 1933 г. было 9,2 % студентов, в 1935 г. – 17,1 %, в 1939 г. – ок. 50 % всех студентов мужского пола. Девушки были объединены в «Рабочее сообщество национал-социалистических студенток», основанное в 1930 г. Его членами в 1937 г. было ок. 75 % студенток.

Союз германского студенчества – представительская организация всех студентов. Он отвечает за то, чтобы студенты выполняли свои обязанности перед вузом, народом и государством. Его первейшая задача – путем привлечения к службе в СА и несению трудовой вахты, путем политического обучения воспитывать студентов порядочными и боевыми немецкими мужчинами, готовить их к ответственному, самоотверженному труду на благо народа и государства.

Своим живым участием в решении задач, стоящих перед высшей школой, он обеспечивает нерушимое единство народа

и высшей школы, и идущую из гуши народа, крепкую душой и телом, духовно активную научную смену.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 395.

100. Из донесения Берлинского отделения гестапо (6 марта 1936 г.)

Гестапо— тайная государственная полиция, символ нацистского террора, была создана в апреле 1933 г. для борьбы с противниками режима и инакомыслящими. В 1939 г. вошло в состав Главного управления имперской безопасности (РСХА) на правах его IVуправления во главе с Генрихом Мюллером.

Серьезную озабоченность вызывают настроения населения в отношении внутривосточного положения. [...]. В широких кругах народа нарастает серьезное недовольство [...], каждый чувствует, что за ним ведется наблюдение. В узком кругу все ругают власти. Характерно то, что лишь немногие используют немецкое приветствие «Хайль Гитлер!» [...]

Люди говорят, что фюрер не может не знать, [...] что, то здесь, то там, кто-нибудь да строит себе огромную виллу, что некоторые из его сотрудников утопают в роскоши и что это раздражает народ.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 398.

**101. Из речи Рудольфа Гесса перед руководителями
местных организаций в замке Фогельзанг
17 ноября 1936 г.**

Рудольф Гесс (1894–1987) – немецкий государственный и политический деятель, заместитель фюрера в НСДАП и рейхсминистр (1933–1941). В 1941 году в одиночку совершил перелёт в Великобританию с целью убедить британцев заключить мир с нацистской Германией, но потерпел неудачу со своей «миссией», был арестован британскими властями и пребывал в плену до окончания войны, затем был передан Международному военному трибуналу. Нацистский преступник входил в список 24 обвиняемых на Нюрнбергском процессе. Был признан виновным по двум из четырёх пунктов обвинения и приговорён к пожизненному заключению, которое отбывал в тюрьме Шпандау в Западном Берлине более сорока лет. До конца жизни сохранил верность Гитлеру и его идеям, а после самоубийства превратился в кумира неонацистов и правых радикалов, возведших его в мученики.

Когда я вижу вас перед собой – 8.000 руководителей местных организаций – и думаю о том, что по всей стране есть сотни тысяч политических руководителей – я непроизвольно возвращаюсь мыслью к тому времени, когда появился первый руководитель Движения.

Это было в 1920 году. Ефрейтор Адольф Гитлер только что стал товарищем Адольфом Гитлером и искал человека, который бы за плату выполнил определённые работы в небольшом бюро. Это ужасало всю остальную партию из нескольких десятков человек, потому что эти люди были убеждены, что он – более или менее сумасшедший, или внедренец масонов, или других тёмных сил, задание которого – окончательно развалить небольшую партию. Правда, он не хотел поставить этого человека во главе центрального бюро, настолько легковёрным Адольф Гитлер не был. Но этот человек должен был каждые два дня приходиться на два часа

в бюро и там в одиночку делать всё, что делаете вы теперь у себя в области с распределением на множество отдельных обязанностей. Он выполнял, прежде всего, должность казначея: должен был сохранять в порядке кассу. Сейфа у него не было, а была коробка из-под сигарет. Он должен был позаботиться о том, чтобы все новые члены движения регулярно платили взносы, делая отметки не в картотеке, а в школьной тетради, так как бывало, что в партию за одну неделю вступали несколько человек. У него было ещё одно преимущество: он имел пишущую машинку. Все были убеждены, что доверие к партии неслыханно возрастёт, если она будет рассылать письма, не написанные от руки, а напечатанные на настоящей пишущей машинке.

Бюро находилось в очень маленькой скромной комнате в пивной Штернэккер; может быть, кое-кто из вас помнит эту комнатку... Стены выглядели довольно своеобразно. Хозяин содрал обшивку, прежде чем решил сдать это бюро нам, потому что не знал, станет ли это объединение по старому солдатскому обычаю использовать дорогую сосновую облицовку как топливо... Там, в пивной Штернэккер, я впервые в жизни увидел Гитлера. Рядом с бюро, в небольшом помещении, проходил вечер партии и он выступал там с речью – это была его первая речь, которую я слышал. Один бедолага внёс предложение создать комитет, который контролировал бы руководство партии. Это была благодатная тема для Вождя и, смею вас уверить, подобное предложение никто больше никогда не вносил!

В этой пивной ежедневно собиралась почти вся партия – не в большом зале, а в небольшой комнате, которую члены партии целиком заполняли, чтобы вместе пообедать. Это не были разгульные пиршества. Каждый сначала внимательно изучал меню, что сколько стоит, и обычно выбирали т. н. «тирольское жаркое» – здесь это блюдо, кажется, называется «хоппель-поппель». Но так проходила лишь часть месяца; к концу месяца наши ряды редели и многие возвращались

на народную кухню, чтобы поесть там за 10-20 пфеннигов, и Вождь вместе с ними.

Вечерами вся партия под руководством Адольфа Гитлера шла на улицы в тёмные кварталы Мюнхена, чтобы разбросать там листовки и расклеить плакаты. Один носил горшок с клеем, другие стояли на стрёме на концах улицы. Когда появлялся какой-нибудь подозрительный – а подозрительными были все, кто не принадлежал к партии: прежде всего, представители государственной власти – все старались делать как можно более невинные лица, и обычно это удавалось... Больше всего мешал горшок с клеем. Он был очень тяжёлый и представителю власти сразу становилось ясно, зачем человек носит горшок с клеем, особенно если вблизи красовались пахнущие свежим клеем плакаты.

Хотя мы и утверждали, что каждый гражданин имеет право носить с собой горшок с клеем когда и где хочет, к несчастью, карманы наших шинелей подозрительно оттопыривались и при ближайшем изучении оказывалось, что они набиты листовками, частично кровожадного, частично умеренного характера. Это не были листовки НСДАП – у нас тогда не было денег, чтобы печатать свои листовки, – а листовки «Союза обороны и нападения» или небольшого антисемитского еженедельника под названием «Фёлькишер Беобахтер», который издавал Бог весть кто. Только со временем нам удалось найти в Мюнхене человека, который так же, как и мы, был не вполне согласен с тогдашним правительством и отличался от нас лишь одним: у него было больше денег, чем у нас. К нашему удивлению, он действительно дал нам деньги на печатание собственных листовок.

Потом они печатались в изобилии. Вождь набрасывал эскизы листовок; они были одного типа – такими он их делал на протяжении всего периода борьбы. Мы изобрели совершенно новые методы распространения этих листовок. Мы садились, например, по одному на трамвай с пачкой листовок в кармане и разбрасывали их потом на ходу.

Мы были убеждены, что полицейские не смогут нас поймать, так как мы на следующей остановке исчезнем в толпе. Одному хитрецу пришла мысль разбросать листовки на октябрьском празднике, т. н. «празднике лугов», с карусели; он только не учёл, что карусель через какое-то время остановится, и, сойдя с коня, попался на глаза стражу порядка, который отвёл его в кутузку. Со временем мы все познакомились с мюнхенской кутузкой, но это было не самое худшее. Хуже было то, что мюнхенские полицейские стали узнавать нас в лицо, так что нам незачем было показывать паспорт. Сегодня нас тоже знают в лицо, но тогда последствия этого были не столь приятными, как теперь. Однажды Вождя внезапно арестовали по пути в бюро. Остальная партия собралась и решила, что настал момент силами 12-14 активистов совершить государственный переворот и свергнуть правительство. По крайней мере, мы хотели взять штурмом полицейский президиум и освободить Адольфа Гитлера. До попытки переворота дело не дошло, потому что Вождь раньше вышел на свободу, благодаря Пенеру и Фрику, которые тогда работали в полицейском управлении. Я думаю, если бы мы тогда предприняли попытку переворота, это нанесло бы большой вред тогдашней «огромной партии».

Я охотно возвращаюсь время от времени к этим воспоминаниям и делюсь ими с вами, потому что я думаю, что, только вернувшись мысленно к этим временам, можно вполне понять значение того, что Адольф Гитлер – тогда вождь небольшой, преследуемой группировки – стоит во главе государства.

**102. Из речи А. Гитлера с критикой авангардизма
при открытии «Дома немецкого искусства» в Мюнхене
(18 июля 1937 г.)**

[...] Никогда человечество не было по внешнему виду и в своих ощущениях ближе к античному человеку. Развился сверкающий, прекрасный тип человека. Этот тип человека, поступь которого мы впервые увидели в прошлом году на Олимпийских играх перед всем миром – сияющий, гордый телесной силой и здоровьем, мои господа доисторические заики, – тип нового времени. А что изготавливаете вы? Уродливых калек и кретинов, женщин, которые могут только внушать отвращение [...]. И все это свирепейшие дилетанты отваживаются представлять нашим современникам как искусство нашего времени, т. е., как выражение того, что представляет сегодняшнее время и несет его отпечаток.

Этому может быть только два объяснения: [первое] эти, так называемые «художники», действительно видят так и верят в то, что они изображают. Тогда необходимо исследовать, произошел ли дефект их глаз из-за внешнего воздействия или передался по наследству. В первом случае эти несчастные достойны глубокого сожаления. Во втором – это должно стать предметом внимания министерства внутренних дел, что, может быть нужно заняться вопросом прекращения наследования подобных ужасных оптических нарушений. Второе [объяснение]: они [художники] не верят в действительность таких впечатлений, но они стараются по другим причинам этим обманом внести беспокойство в нацию. Тогда это уже переходит в область действия уголовного права.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 400.

103. Из сообщения руководителя ДАФ Р. Лея о начале приема взносов для Фольксваген (1 августа 1938 г.)

Роберт Лей (1890–1945) – рейсляйтер, заведующий Организационным отделом НСДАП и одновременно руководитель Германского трудового фронта (ДАФ).

[...] Каждый немец без различия классов, положения и собственности может стать покупателем [автомобиля] Фольксваген. Минимальный взнос, включая страхование, составляет 5 рейхсмарок в неделю. Регулярное внесение этого взноса после определенного срока гарантирует приобретение Фольксваген. Этот срок будет установлен после начала производства продукции.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 401.

**104. Из книги У. Ширера «Взлет и падение третьего рейха»
Подневольный труд**

Лишенный профсоюзов, коллективных договоров и права на забастовки, немецкий рабочий стал в третьем рейхе промышленным рабом, зависимым от своего хозяина-предпринимателя в такой же степени, как средневековые крепостные от феодала. Так называемый Рабочий фронт, который теоретически заменил профсоюзы, не являлся представительным органом рабочих. Согласно закону от 24 октября 1934 года, которым он был учрежден, Рабочий фронт представлял собой «организацию творчески настроенных немцев, имеющих голову и кулаки». Он включал не только рабочих и служащих, но и предпринимателей и лиц других профессий. По существу, это была широкая пропагандистская организация – «гигантская фальшивка», как называли ее некоторые рабочие. Его целью, как формулировал это закон, была не защита рабочих, а «создание истинно социального

и производительного сообщества всех немцев». Его задачей было следить за тем, чтобы каждый индивидуум «был способен... выполнять максимум работы». Рабочий фронт не был самостоятельной административной организацией, а подобно любой другой организации в нацистской Германии, кроме армии, являлся составной частью НСДАП, или, по определению Тиссена, «инструментом партии». Закон от 24 октября действительно предусматривал, что руководители Рабочего фронта должны выдвигаться из партийных рядов, из членов нацистских союзов, СА и СС, что и осуществлялось на практике.

Ранее закон от 20 января 1934 года о регулировании использования национальных трудовых ресурсов, известный под названием «Рабочая хартия», поставил рабочего на место, а предпринимателя поднял до его прежнего положения абсолютного хозяина. В его исполнение, разумеется, могло вмешиваться всемогущее государство. Предприниматель теперь становился главой предприятия, а рабочие и служащие людьми, «руководимыми» им. Статья 2 закона определяла, что «глава предприятия принимает решения в отношении служащих и рабочих по всем вопросам, касающимся предприятия». И подобно тому, как в древнейшие времена землевладелец считался ответственным за благополучие своих подданных, так по нацистскому закону предприниматель нес ответственность за благополучие своих служащих и рабочих. Как предусматривал закон, «в свою очередь служащие и рабочие должны платить ему верностью», то есть должны были работать напряженно и много, не вступать в спор и не проявлять недовольства, в том числе размером зарплаты.

Зарплата устанавливалась так называемыми рабочими опекунами, которые назначались Рабочим фронтом. На самом же деле они определяли размер зарплаты по указанию предпринимателя, даже совещания с рабочими по этому вопросу закон не предусматривал. Хотя после 1936 года в военной промышленности не доставало рабочих рук и некоторые предприниматели попытались поднять зарплату, чтобы привлечь

людей, государство понизило тарифы, и зарплата осталась на прежнем уровне. Гитлер не скрывал причин, по которым зарплата умышленно сохранялась на низком уровне. «Национал-социалистское руководство всегда придерживалось железного принципа, – заявил он в первые годы существования режима, – не допускать повышения уровня почасовой оплаты, а поощрять увеличение заработка только за счет увеличения интенсивности труда». В стране, где большинство тарифов заработной платы основывалось на сдельщине, это означало, что рабочий мог заработать больше только путем повышения интенсивности труда и увеличения продолжительности рабочего дня.

По сравнению с Соединенными Штатами, если сделать скидку на разницу в уровне жизни и социальных услуг, средний уровень зарплаты в Германии всегда был на низком уровне. При нацистском же режиме он еще больше понизился. Согласно данным статистического управления рейха, заработная плата квалифицированных рабочих сократилась с 20,4 цента в час в 1932 году, в пору наибольшей депрессии, до 19,5 цента в середине 1936 года. Почасовая заработная плата неквалифицированных рабочих понизилась с 16,1 до 13 центов. В 1936 году на партийном съезде в Нюрнберге д-р Лей заявил, что среди членов Рабочего фронта средний заработок рабочего при полной занятости составляет 6,95 доллара в неделю. Средний же заработок немецкого рабочего по всей стране, согласно данным статистического управления, составлял 6,29 доллара.

Хотя в стране появились миллионы новых рабочих мест, доля всех немецких рабочих в национальном доходе упала с 56,9 процента в 1932 году (время депрессии) до 53,6 процента в 1938 году (время экономического бума). Одновременно доля прибыли с капитала и прибыли торговых-промышленных фирм в национальном доходе возросла с 17,4 до 26,6 процента. Верно, что вследствие значительно возросшей занятости населения поступления от налогов с заработной платы рабочих и служащих в общий доход

выросли с 25 до 42 миллиардов марок, то есть на 66 процентов. Однако прибыли с капитала и прибыли торгово-промышленных фирм выросли еще больше – на 146 процентов. Все пропагандисты третьего рейха, начиная с Гитлера, в своих публичных выступлениях обычно разражались тирадами против буржуазии и капиталистов и ратовали за солидарность с рабочими, но трезвые подсчеты официальной статистики, которыми, вероятно, мало кто занимался в Германии, показывали, что именно капиталисты, а не рабочие больше всего выиграли от нацистской политики.

Наконец, упал и чистый заработок немецкого рабочего. Помимо значительного подоходного налога, обязательных отчислений на случай болезни, страховых взносов на случай потери работы или трудоспособности, взносов в Рабочий фронт, каждого рабочего, занятого ручным трудом, как и всякого другого рабочего в нацистской Германии, постоянно принуждали выплачивать возрастающие поборы различные нацистские благотворительные общества, главным из которых было общество «Зимняя помощь». Многие рабочие потеряли работу потому, что не смогли сделать взносы в эту организацию, или потому, что их взносы оценили как слишком скромные. Такие факты, по определению одного «рабочего суда», поддерживавшего увольнение рабочего без предупреждения, «являют собой поведение, враждебное человеческому сообществу... и должны быть строго осуждены». По подсчетам, проведенным в середине 30-х годов, налоги и взносы составляли от 15 до 35 процентов общего заработка рабочего. После вычетов из суммы 6,95 доллара в неделю не слишком много оставалось на оплату жилья, питания, одежду и отдых.

Подобно средневековым крепостным, рабочие гитлеровской Германии оказывались все более привязаны к своему рабочему месту, хотя привязывал их к нему не столько предприниматель, сколько государство. Мы уже видели, как законом о наследовании земли был прикреплен к земле крестьянин в третьем рейхе. Подобным образом прикреплялся к земле и не имел права оставить ее ради работы в городе

и сельскохозяйственный рабочий. Следует сказать, что это был единственный нацистский закон, которому практически не подчинялись, – между 1933 и 1939 годом более одного миллиона (1 миллион 300 тысяч) сельскохозяйственных рабочих перешли на работу в промышленность и торговлю. Но промышленным рабочим этому закону пришлось подчиниться. Различные правительственные декреты, начиная с закона от 15 мая 1934 года, резко ограничили свободу перехода рабочих с одной работы на другую. С июня 1935 года государственные ведомства по учету занятости получили особые права. Теперь они решали, кого на какую работу следует нанимать и куда направлять.

В феврале 1935 года были введены «трудовые книжки», и ни один рабочий не мог быть принят на работу, если у него ее не было. В книжке велся учет его трудоустройства и роста квалификации. Трудовые книжки не только давали государству и предпринимателю все самые свежие данные о каждом работнике в стране, но и использовались для того, чтобы удерживать его на рабочем месте. Если он хотел перейти на другую работу, его хозяин мог задержать трудовую книжку, что не позволяло устроиться на другую работу. Наконец, 22 июня 1938 года управление четырехлетнего плана приняло специальное постановление, которое обязывало каждого немца отбывать трудовую повинность там, куда его направляло государство. Рабочие, уклонявшиеся от работы без уважительной причины, подвергались штрафу и тюремному заключению. Ясно, что у этой медали была и обратная сторона. Рабочий, отбывавший трудовую повинность, не мог быть уволен предпринимателем без согласия правительственного ведомства по учету занятости. Таким образом, у него была гарантия сохранения работы, что было редким явлением даже во времена республики.

Связанные по рукам и ногам жестким контролем, получавшие заработную плату немногим выше прожиточного минимума, немецкие рабочие, как и римские пролетарии, получили возможность посещать увеселительные

представления, устраиваемые правителями, чтобы отвлечь их внимание от своего жалкого существования. «Нам нужно было переключить внимание масс с материальных ценностей на моральные, – разъяснил однажды д-р Лей. – Гораздо важнее утолить духовный голод людей, чем заполнить их желудки».

И Лей выступил с идеей создания организации под названием «Сила через радость». Она обеспечивала то, что можно было назвать унифицированным досугом. При тоталитарной диктатуре XX века, пожалуй, как и при более ранних, необходимо было держать под контролем не только рабочее, но и свободное время каждого индивидуума. Этим и занималась «Сила через радость». Во времена нацизма в Германии насчитывалось несколько десятков тысяч клубов, занимавшихся буквально всем, начиная с шахмат и футбола и кончая певчими птицами. При нацистах не разрешалось существовать ни одной группе, будь она общественная, спортивная или развлекательная, иначе как под контролем организации «Сила через радость».

Рядовой немец третьего рейха, конечно, предпочитал эту всеобъемлющую организацию по обеспечению отдыха и досуга, чтобы не оказаться предоставленным самому себе. Она, например, организовала для членов Рабочего фронта очень дешевые туристские поездки и морские путешествия. Для «Силы через радость» д-р Лей построил два парохода водоизмещением по 25 тысяч тонн, один из которых назвал в свою честь, а также зафрахтовал десять судов для океанских круизов. Автору этой книги однажды довелось побывать в таком круизе, и, хотя жизнь на пароходах была заорганизована нацистскими лидерами до изнурения (по крайней мере, так мне показалось), немецкие рабочие были довольны тем, как хорошо провели они время. И по бросовой цене! Например, круиз на остров Мадейру стоил всего 25 долларов, включая проезд по железной дороге до немецкого порта и обратно. Так же недорого обходились и прочие увеселительные поездки. Организация заполучила пляжи на морском побережье

и около озер, предоставляя их тысячам отдыхающих в летнее время. Одним из них был пляж на острове Рюген на Балтийском море, оборудование которого не успели закончить до войны и который был рассчитан на размещение в близлежащих отелях 20 тысяч человек. В зимнее время устраивались специальные поездки на лыжные базы в Баварских Альпах, и стоило это 11 долларов в неделю, включая проезд на автобусе, жилье, питание, прокат лыж и занятия с инструктором. Массовые занятия различными видами спорта организовывались исключительно через посредство «Силы через радость». По официальным данным, они охватывали ежегодно до 7 миллионов человек.

Организация распространяла по дешевой цене билеты в театры, оперу и на концерты, делая эти культурные развлечения для избранных доступными для простых трудящихся, чем часто хвастались нацистские деятели. «Сила через радость» имела свой собственный симфонический оркестр в составе девяноста человек, который постоянно гастролировал по стране, часто давая концерты в небольших городах и селениях, где хорошая музыка была, как правило, недоступна. Наконец, эта организация прибрала к рукам более 200 учебных заведений для взрослых. Зародившись в Скандинавии, эти заведения получили распространение и в Германии, особенно широко во времена республики. «Сила через радость» продолжала курировать их, включив в программы солидную порцию нацистской идеологии.

В конечном счете рабочим пришлось расплачиваться и за посещение увеселительных представлений. Годовой доход от выплаты взносов в Рабочий фронт достиг, по данным д-ра Лея, в 1937 году 160 миллионов долларов, а к началу войны превысил 200 миллионов. Правда, здесь не было точной отчетности (ее контролировало не государство, а финансовый отдел партии, который никогда не публиковал своих отчетов). 10 процентов поступлений предназначалось для «Силы через радость». Оплата же отдыхающими стоимости туристических поездок и увеселительных мероприятий,

как ни мизерна она была, принесла в год, предшествовавший войне, 1,25 миллиарда долларов. И еще один вид поборов лежал на тех, кто жил на зарплату. Рабочий фронт, как крупнейшая и единственная в стране Рабочая партийная организация численностью 25 миллионов членов, обладал раздутым бюрократическим аппаратом, насчитывавшим десятки тысяч служащих, занятых полный рабочий день. По проверенным подсчетам, фактически 20-25 процентов поступлений шли на содержание этого аппарата.

Здесь следует упомянуть хотя бы об одной мошеннической уловке Гитлера в отношении немецких рабочих. Она связана с «Фольксвагеном» – бредовой идеей самого фюрера, который заявил, что каждый немец или, по меньшей мере, каждый немецкий рабочий должен иметь собственный автомобиль, как, скажем, рабочий Соединенных Штатов. В стране, где до сего времени один автомобиль приходился на пятьдесят человек (для сравнения – в США один автомобиль приходился на пять человек) и где трудящиеся пользовались велосипедом либо общественным транспортом, Гитлер распорядился создать автомобиль стоимостью всего 990 марок, то есть 396 долларов по официальному обменному курсу. Он лично, по его словам, приложил руку к конструированию автомобиля, которое осуществлялось под руководством австрийского конструктора д-ра Фердинанда Порше.

Поскольку частное производство не способно выпускать автомобили по цене 396 долларов, Гитлер распорядился, чтобы его выпуском занялось государство, и возложил эту задачу на Рабочий фронт. Организация д-ра Лея тогда же, в 1938 году, рьяно взялась за строительство в Фаллерслебене, близ Брауншвейга, «крупнейшего автомобильного завода в мире» производительностью 1,5 миллиона машин в год – «больше, чем у Форда», как заявляли нацистские пропагандисты. Рабочий фронт выделил капитал в размере 50 миллионов марок, но это не было основной частью финансирования. Хитроумный план Лея состоял в том, чтобы сами рабочие вложили необходимые средства, выплачивая денежные

взносы в счет будущей покупки в размере 5 марок в неделю, а то и 10 или даже 15, если это им по карману. План этот стал известен под названием «Выплати, прежде чем получить». Уплатив 750 марок, будущий покупатель получал номерной ордер, позволявший получить машину, как только она сойдет с конвейера. К сожалению для рабочих, ни один автомобиль с конвейера не сошел и не был приобретен за все время существования третьего рейха. Немецкие же трудящиеся выплатили десятки миллионов марок, из которых им не возместили ни пфеннига. К началу войны заводы «Фольксваген» были переоборудованы на выпуск более необходимой для армии продукции.

И хотя немецкий рабочий, одурачиваемый как в вышеприведенном случае, так и во многих других, был низведен, как мы убедились, до уровня промышленного крепостного, получающего зарплату, которая обеспечивала лишь прожиточный минимум, и хотя он менее, чем представитель любого другого класса, был склонен поддерживать нацизм или поддаваться его назойливой пропаганде, он, по-видимому, не так уж сильно сетовал на свое униженное положение в третьем рейхе. Колоссальная немецкая военная машина, обрушившая свою мощь на Польшу на рассвете 1 сентября 1939 года, никогда бы не была создана, если бы не исключительный вклад немецкого рабочего, жившего и трудившегося в соответствии со строжайшей регламентацией, а подчас и подвергавшегося террору – в таком положении оказались и все остальные немецкие трудящиеся, приученные за столетие к беспрекословному подчинению. Возможно, это не слишком умные обобщения, однако личное мнение автора этой книги о рабочих Берлина и Рура таково: хотя они и относились подчас скептически к обещаниям нацистских властей, они не больше, чем кто-либо другой в третьем рейхе, стремились восстать против него. Впрочем, рабочие часто задавались вопросом: что могли они, лишённые организации и руководства, предпринять.

Но основная причина того, что рабочий класс примирился с этой ролью в нацистской Германии, без малейшего сомнения, коренилась в наличии у него работы и гарантии, что он ее не потеряет. Очевидцы, знающие об опасном и трудном положении, в котором пребывали рабочие в период Веймарской республики, могут понять, почему они не очень забеспокоились по поводу утраты политической свободы и даже собственных профсоюзов, пока были заняты полную рабочую неделю. В прошлом для многих, точнее, для 6 миллионов человек и их семей политические свободы в Германии сводились, по выражению рабочих, к свободе голодать. Лишив рабочих этой последней свободы, Гитлер заручился поддержкой класса, пожалуй, самого квалифицированного, трудолюбивого и дисциплинированного в западном мире, и поддержку свою этот класс оказал не надуманной идеологии или чудовищным намерениям Гитлера, а фактически производству военной продукции.

Ширер У. Влет и падение Третьего рейха/ Перевод с англ. Под ред О.А. Ржешевского. – М.: АСТ, 2015. – 1216 с.

105. Из книги Тиссена Ф. Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939–1945. Антиеврейская кампания и концентрационные лагеря

С момента захвата власти нацистские лидеры открыто выражали величайшее презрение к личности. Многие немецкие консерваторы, незнакомые с фактами и возмущенные поджогом рейхстага, согласились на заключение в тюрьму без суда политических противников режима. Вероятно, они считали эту меру исключительно временной и оправданной угрозой гражданской войны, а также полагали, что национал-социалисты в скором времени восстановят законную процедуру. Они ошибались. Концентрационные лагеря, которые следовало бы называть пыточными лагерями, до сего дня являются государственными учреждениями. Несмотря на все

мои запросы, я так и не узнал обстоятельств смерти в Дахау моего племянника фон Ремница.

Одним из самых из ряда вон выходящих и особенно шокирующих случаев я считаю содержание в концентрационном лагере Ораниенбург протестантского пастора Мартина Нимёллера. Мартин Нимёллер был морским офицером и в войну 1914–1918 годов командовал подводной лодкой, а после войны стал пастором. Когда национал-социалисты попытались прибрать к рукам протестантскую церковь и заставить ее склониться перед проводящим антихристианскую политику режимом, Нимёллер возглавил сопротивление церковных кругов. Долгое время этот высокий импозантный человек с бледным лицом аскета произносил проповеди с кафедры своей церкви в Далеме близ Берлина. Он отважно защищал евангелический закон от возмутительных нападок притеснителей нацистов, боролся за свободу совести. Его церквушка была слишком мала и не могла вместить всех тех, кто хотел услышать его, несмотря на слежку гестапо. В числе последователей бесстрашного священника был министр финансов рейха граф Лутц фон Шверин-Крозиг. Сестра Геринга фрау Ригль привела на конфирмацию к Нимёллеру своего сына. Геринг и армия долго защищали Нимёллера, ибо фрау Ригль просила за него своего брата, однако пришел день, когда Геринг запретил сестре упоминать имя опального пастора.

Гитлер чувствовал, что речи свободного и бесстрашного человека опасны его режиму, и именно он отдал приказ арестовать Нимёллера. Пастор предстал перед берлинским судом по обвинению в нарушении какого-то старого закона Бисмарка, касающегося проповедей, но суд его оправдал. Нимёллера следовало немедленно освободить, однако, несмотря на его популярность, несмотря на то, что суд доказал его честность и невиновность, Гитлер без колебаний назначил новое расследование. Когда Нимёллер вышел из здания суда, гестаповцы схватили его и отправили в концентрационный лагерь Ораниенбург. Позже старый маршал

фон Макензен предпринял трогательную попытку добиться его освобождения. Гитлер в просьбе отказал.

Выгнанные из дома фрау Нимёллер и восемь детей пастора оказались в очень тяжелом положении. На помощь им пришел один из друзей семьи. Поскольку сам он был далеко не богат, он обратился к ряду вестфальских промышленников – Нимёллер был уроженцем Эльберфельда – и попросил о помощи. Охотно согласились все, кроме Альберта Фёглера, который пообещал помощь, но в последний момент отказался из страха прогневать правителей.

Хоть я и католик, и воспитан в католической традиции, я преклоняюсь перед благородным протестантом Мартином Нимёллером. Будучи офицером, он проявил во время войны незаурядное мужество, но более того, он показал немцам пример редкой стойкости: не позволил гестапо заткнуть себе рот. Пастор Мартин Нимёллер продемонстрировал немцам образец гражданского мужества – качества, которое, как говаривал Бисмарк, неизвестно в этой стране.

Преследование евреев достигло пика осенью 1938 года и вызвало всеобщий протест. До 1933 года я не придавал особого значения антисемитским выпадам национал-социалистической партии. Жителям католических провинций Рейна антисемитизм несвойственен. Возможно, в Германии есть регионы, где тупоумие населения позволило евреям играть слишком большую роль, но только не в Рейнланде. Мы всегда почитали еврея Генриха Гейне одним из наших национальных поэтов. Нацисты могут разрушить статую Гейне в его родном городе Дюссельдорфе, но им никогда не удастся помешать людям петь «Лорелею» на лодках, плывущих вниз по Рейну.

Через несколько месяцев после прихода к власти национал-социалистическая партия организовала бурные антиеврейские демонстрации по всей Германии. Чтобы угодить своим последователям из мелких лавочников, страдающим от депрессии, и занять штурмовиков, обожающих уличные драки, нацистские лидеры приказали разукрасить

витрины еврейских магазинов грубыми, оскорбительными надписями. В рейнских городах этот новый курс не приняли всерьез. Во всех наших городах с большой концентрацией рабочего населения универмаги остались открытыми. Люди не могли обходиться без них. Позже, когда евреев вытеснили из торговли, еврейские магазины были не закрыты, как объявлялось в нацистской программе, а евреев просто ограбили. Мелких торговцев, глупо обвинявших в спаде своего бизнеса еврейскую конкуренцию, в конце концов разорил губительный курс на вооружение, и они оказались на строительстве укреплений на западной границе.

Кто лучше меня, промышленника, может знать об услугах, оказанных евреями национальной экономике Германии в послевоенный период! Нацисты обвиняют еврейских банкиров в задолженностях Германии. По их словам, евреи устроили заговор с целью «сделать Германию добычей международных финансов». На самом деле после войны еврейские банкиры спасли Германию. Именно благодаря этим евреям средние и мелкие предприятия смогли добиться от американских банков необходимых кредитов на переоснащение.

Некоторым крупным фирмам удалось самостоятельно получить краткосрочные займы в Америке, но подавляющее большинство других малоизвестных предприятий могли получить деньги только через еврейские банки, которые шли на определенный риск, гарантируя заграничные займы. Еврейские банкиры подтверждали тем самым свою уверенность в будущем немецкой экономики. Например, эссенский банк Зимона Хиршланда добился кредитов по меньшей мере на пятьдесят миллионов для мелких и средних предприятий нашего региона, хотя его капитал не превышал восьми миллионов марок. Крупные немецкие банки не осмелились пойти на риск и гарантировать такие кредиты. Более того, примерно в 1930 году, в период экономического кризиса, из-за недостатка иностранной валюты возникли трудности в платежах, и опять вмешались еврейские банки; они сумели добиться от иностранных кредиторов отсрочки. Сами нацисты были

вынуждены признать услуги, оказанные им этим мелким еврейским банком Эссена. Именно этот банк вел переговоры о важном американском займе Круппа с нью-йоркским еврейским банком «Голдман Сакс и КО». Долгое время никто не смел покушаться на банк Зимона Хиршланда, невзирая на давление партийных экстремистов. Этот банк дольше всех еврейских банков продержался в Германии при нацистском режиме. Его невозможно было закрыть из-за иностранных кредитов.

Немецкие экономические и финансовые круги всегда с неодобрением относились к антисемитским тенденциям национал-социализма. В 1935 году на открытии Кенигсбергской ярмарки доктор Шахт в своей речи не колеблясь выразил протест против антисемитской агитации, которую считал серьезной угрозой экономике Германии. Я сам, вернувшись из Америки в 1935 году, имел возможность затронуть этот вопрос в беседе с Герингом. Даже в то время генерал, занимавший пост министра– президента Пруссии, вел себя как независимый правитель. Однажды он пригласил меня на оленью охоту в Шорфхайде. Я принял приглашение в надежде обсудить некоторые важные вопросы.

Не знаю, сообщил ли Герингу лесник, получивший приказ подготовить мне добычу, о возникших трудностях. Я – плохой стрелок. День был дождливый, я не привез прицельного приспособления и промахнулся в трех оленей. В конце концов одного мне удалось убить, и очень своевременно, поскольку лесник уже пребывал в отчаянии. Бедняге официально приказали сделать так, чтобы я убил своего оленя. Это была моя первая и, несомненно, последняя охотничья добыча.

Затем мы с Герингом обедали в охотничьем домике, гармонирующем с живописными окрестностями. Свой знаменитый дворец Каринхалле в глубине леса Геринг выстроил позже. Я там никогда не бывал, но мне рассказывали, что один француз, гость Геринга, позднее посетивший бывший королевский охотничий дом в Пруссии, не смог

удержаться от замечания: «Я даже не представлял, как скромно жили прусские короли».

После обеда я долго разговаривал с Герингом на религиозные и еврейские темы. Религиозные дела интересуют Геринга лишь в политическом аспекте. Именно этим принципом он руководствовался предыдущим летом, когда издавал свою декларацию против политического католицизма в рейнских провинциях. Подозревая католическое население в неодобрении своих методов правления, нацисты толковали эти тенденции как возрождение прежней католической партии «Центр». Я попытался объяснить Герингу истинное значение католицизма, и у меня создалось впечатление, что он практически ничего не смыслит в религиозных проблемах. Он рассказал мне, что видел в баварских церквах приношения по обету в виде рук или ног, как выражение благодарности за выздоровление. «Это все предрассудки и глупость», – сказал он. Геринг был не способен понять признательность и глубокую веру католиков, благодаривших Бога посредством этих наивных символов. Несомненно, он предпочел бы заменить религию масс слепой верой в Гитлера и гений фюрера. Вот это нацисты не считают предрассудками!

Я также затронул и еврейский вопрос. Путешествуя по Америке, я смог оценить, как низко пала Германия в глазах американского общества из-за обращения с евреями, и объяснил это Герингу. Он прекрасно сознавал необходимость улучшения отношений с Америкой. «Но, – сказал он, – что нам делать? Может быть, закрыть «Штюрмер»?»

«Штюрмер» – непристойная газетенка, издаваемая в Нюрнберге лидером антисемитов Юлиусом Штрейхером. Он только что начал расклеивать ее на улицах и площадях, не обращая внимания на протесты родителей и католического духовенства против того, что дети видят такие непристойности. Кажется, с началом войны Штрейхера наконец признали безумным и изолировали. Если бы только это сделали раньше!

Я предложил Герингу послать в США официальную немецкую миссию с целью успокоить американское общество.

Глава миссии, по моему мнению, должен был бы сказать президенту Рузвельту, что, безусловно, были допущены некоторые эксцессы, но они не являются нормой, и порядок будет восстановлен. Сам Геринг не антисемит. Он прекрасно сознает вред, который пропаганда Штрейхера нанесла имиджу Германии в Америке.

«Кого же послать, – рассуждал он, – господина Шмидта?» Шмидт был министром экономики и директором страховой компании, совершенно неизвестным в Америке. Вероятно, бедняга многое знал о страховании, но в экономике разбирался плохо. Именно он предложил создать верховную палату германской экономики, которая собралась на заседание лишь один раз. Я предложил доверить эту миссию доктору Шахту, однако на этом все и закончилось. Геринг не всемогущ, а нацистские бонзы из ближайшего окружения Гитлера столь ограниченны и самоуверенны, что презирают Америку, о коей ничего не знают.

Я должен был присутствовать на известном нюрнбергском заседании рейхстага, где депутаты проголосовали за антисемитские законы, правда, когда я приехал в Нюрнберг, мне сообщили, что нацисты намереваются изменить немецкий флаг, поэтому я уехал на следующем же поезде. Остальные депутаты рейхстага и даже члены правительства – особенно Шахт – также возражали против этих позорных законов, но нацисты приняли меры к сокрытию самого факта их оппозиции.

В ноябре 1938 года нацисты, используя в качестве предлога убийство секретаря посольства в Париже фон Рата молодым польским евреем, организовали систематическое преследование немецких евреев. Точных обстоятельств того убийства так никогда и не установили. Любопытно и необычно то, что целый год национал-социалистическое правительство не делало никаких попыток ускорить процесс над убийцей во французском суде. В случае с убийством еврейским студентом нацистского главаря Густлоффа в Давосе нацистская пресса злобствовала из-за медлительности

и снисходительности швейцарского суда. Собственно говоря, в этом случае справедливость значила для них очень мало. Им лишь необходим был предлог для массовых волнений и лишения евреев их собственности. Коллективный штраф, наложенный нацистским правительством, был, по существу, равносителен конфискации. Однако это еще не самое худшее. Возмутительнейшие события произошли во всех немецких городах. При попустительстве полиции официальные организации правящей партии были преобразованы в мятежные банды, среди членов которых можно было обнаружить даже высокопоставленных судей рейха, обычно возглавлявших репрессии, хотя лично и не совершавших преступления. Заискивая перед партией, они вступали в ряды штурмовиков и СС.

В Берлине, Нюрнберге, Дюссельдорфе, Мюнхене и Аугсбурге – почти во всех городах Германии – отряды милиции под флагами со свастикой врываются в жилища евреев, ломали мебель, резали картины и крали все, что могли унести. По ночам и даже среди бела дня они обливали бензином синагоги и поджигали их. Пожарные получили приказ не тушить пожары, а ограничиться лишь спасением соседних зданий.

В то время я путешествовал по Баварии. Услышав о том, что происходит по всей стране, я решил, что подобное не может случиться в нашей рейнской провинции, но по возвращении в Дюссельдорф на следующий день узнал, что невозможное свершилось.

Высший чиновник местного отделения национал-социалистической партии, некто Флориан, гаулейтер, сам организовывал мятежи. Не довольствуясь лишь нападением на евреев, он запланировал убийство высшего чиновника местной прусской администрации, окружного управляющего С... Я знал этого человека лично. Он был великолепным администратором и, вероятно, именно этим навлек на себя ненависть Флориана. Он также был хорошо знаком с Герингом, который, будучи ему чем-то обязанным в прошлом, назначил его на этот пост в Дюссельдорфе.

Флориан, чиновник партийный, но не государственный, организовал это гнусное нападение во время антиеврейских волнений, заявив, что бабушка жены председателя правительства – еврейка. Многие мужчины, женатые на еврейках, развелись с ними, чтобы снискать милость партии. В подобных случаях суды неизменно предоставляли развод на том основании, что истец женился до введения в действие нюрнбергских законов и понятия не имел о важности этнического вопроса. Окружной управляющий С... подобному примеру не последовал, поскольку оказался благородным человеком. Он сообщил Герингу о происхождении жены, и Геринг, с согласия Гитлера, все равно назначил его на этот пост.

9 ноября Флориан разослал по Дюссельдорфу легковые автомобили, оборудованные громкоговорителями из отдела пропаганды, чтобы собрать народ на демонстрацию против евреев и им сочувствующих. Все нацисты знали, что акция направлена против окружного управляющего. Партийные экстремисты, набранные из отбросов общества, вознамерились разрушать и грабить жилища и магазины евреев, избивая и пытая всех, кто попался бы им под руку. Однако Флориан чувствовал, что в замысленном им подлом деле он не может положиться на дюссельдорфских штурмовиков, и заехал в отделение в Эльберфельде. Этим вооруженных железными ломом бандитов и нацелили на здание местного правительства, которое они сильно повредили и разграбили. Управляющего едва не убили в собственном кабинете; ему чудом удалось бежать.

Как и в других немецких городах, в Дюссельдорфе бушевали разрушения и грабежи. Арестовывали еврейских магнатов, интеллектуалов, врачей и торговцев. Со многими, даже со стариками, обращались чудовищно. Старый – семидесятипятилетний – и всеми уважаемый юридический советник угольного синдиката Хайнеман совершил самоубийство вместе с женой. Его небольшую коллекцию живописи, завещанную городу Эссен, нацисты уничтожили полностью. Флориан организовал эти зверства с особо чудовищной жестокостью

под тем предлогом, что убитый в Париже молодой дипломат фон Рат был уроженцем Дюссельдорфа.

Вот такие новости ждали меня по возвращении. Я пришел в ужас. Как государственный советник, я имел право обращаться лично к министру-президенту Герингу. Я немедленно написал ему возмущенное письмо, в котором говорил о нетерпимой ситуации, когда высокопоставленный партийный чиновник организует беспорядки и гнусно нападает на евреев и даже правительственного чиновника, представляющего высшую местную административную власть прусского государства. Я напомнил Герингу, что он сам назначил С... председателем правительства и что тот никогда не скрывал происхождения своей жены. Я со всей твердостью заявил министру-президенту Пруссии, что беспорядки, организованные нацистским гаулейтером в Дюссельдорфе, подрывают авторитет власти и поощряют анархию и самые низкие инстинкты населения. В этих условиях, продолжал я, считаю невозможным оставаться государственным советником, поскольку в моей родной стране это может показаться актом одобрения действий, которые я официально осуждаю. Я просил Геринга принять мою отставку.

Следует добавить, что население Дюссельдорфа, как и многих других городов, не одобряло эксцессов, организованных нацистами против евреев. Несколько дней спустя я обедал в Берлине с Шахтом. Один министр, имя которого я назвать не могу, поскольку он еще находится на своем посту, поздравил меня с моей позицией. «Наконец, – сказал он, – кто-то посмел протестовать против этих зверств». Он еще сказал, что мне следует потребовать наказания Флориана и освобождения всех арестованных евреев. Я снова обратился к Герингу. Через несколько дней маршал прислал ко мне посыльного, с которым передал упрек за отставку, серьезно его огорчившую. Если я вознамерился протестовать, то почему не вышел из состава депутатов рейхстага? Я объяснил, что мое вмешательство базировалось на том, что я – государственный советник и дело касается прусской

администрации. Я снова попросил наказать Флориана. Эмиссар Геринга ответил: «Никто ничего не может сделать с гаулейтером, даже сам Геринг». Флориан – друг Рудольфа Гесса, а Гесс не любит Геринга, коего считает соперником.

Чтобы закончить с этим вопросом, я сообщил министру финансов Пруссии, что более не считаю себя государственным советником, и попросил прекратить выплачивать мне жалование. На это письмо, несомненно по приказу Геринга, не обратили никакого внимания, и мое жалование продолжало поступать в банк Тиссена, откуда я переводил его на специальный счет и предоставлял в распоряжение министра-президента Пруссии.

В письме, которое я послал Герингу после объявления войны, я напомнил ему о моем протесте против преступлений, совершенных против евреев.

С 1935 года я совсем не контактировал с национал-социалистическими лидерами. Я прекратил выставлять флаг со свастикой и фактически разорвал все отношения с партией. Однако я не предпринял никаких шагов, чтобы сделать свою оппозицию достоянием общественности. Эксцессы 1938 года заставили меня отбросить сдержанность. Моя отставка с поста государственного советника была доказательством не только моего недовольства, но и моего намерения оповестить о полном разрыве с режимом, терпящим подобные зверства. Однако никакой реакции на мой протест не последовало, как случилось бы и с моим протестом против войны год спустя, если бы я вернулся в Германию.

Позже я узнал, что Гамбург был единственным из германских городов, где национал-социалистический гаулейтер Кауфман, выходец из Рейнланда, не допустил нападения на евреев. В крупном городе, которым Кауфман управлял в двойном качестве, как гаулейтер партии и губернатор рейха, не были разрешены ни поджоги, ни грабежи. Поблизости от нас, в Мюльхайме, произошел нелепый инцидент. Еврейская община, почувствовав приближение бури, за несколько недель до беспорядков продала синагогу городу. Нацисты

подожгли здание, несмотря на то что оно являлось муниципальной собственностью.

Кроме всего прочего, в этой антиеврейской кампании партия официально выпустила на свободу самые низкие инстинкты, лежащие в основе ее так называемой философии. Национал-социалистическое правительство воспользовалось жалкой привилегией подстрекать и даже организовывать действия, которые во всем цивилизованном мире считаются преступлениями. Иностранцы, находившиеся в то время в Германии, были возмущены сценами садизма и жестокости; они своими глазами видели, как при попустительстве властей поджигаются синагоги. В столице рейха, в центре города, перед окнами посольств штурмовики и юные члены гитлерюгенда по команде своих главарей грабили дома и магазины. В допущении – а на самом деле организации – грабежей, поджогов и даже убийств в концентрационных лагерях национал-социалистический режим, особенно той осенью 1938 года, показал всему миру, что является властью бандитов.

106. Из книги В.И. Дашичева

«Банкротство стратегии германского фашизма».

Выдержки из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах фашистской Германии

1.8.1941 г.

...Единственный положительный момент состоит в том, что мы в ходе войны постепенно получим в свое управление целый континент. Тогда «единообразие» станет невозможным уже ввиду различного положения солнца. Нам придется с помощью горстки людей управлять округами площадью 300 на 500 км. Само собой разумеется, полиции надо будет там держать пистолеты наготове. Люди партии уж как-нибудь справятся с этой задачей.

За учение придется платить: ведь не всегда же удастся избежать промахов. Но какое это имеет значение, если через 10 лет мне смогут доложить: «Данциг, Эльзас, Лотарингия

принадлежат Германии; правда, в Кольмаре (Верхний Эльзас) допущено 3 или 4 промаха, а там-то 5 или 10». На это мы можем пойти, лишь бы удержать в своих руках сами провинции. Зато через 10 лет, когда назревшие к тому времени задачи потребуют своих исполнителей, у нас будут отборные кадры, о которых можно без колебаний сказать: вот это дело мы поручим такому-то, а это – такому-то.

Тогда отсортируется новая порода людей, истинных повелителей по натуре, которых, впрочем, на Западе использовать нельзя: вице-короли.

8-9.9.1941 г.

...Страной, где родилось английское самосознание, является Индия. 400 лет назад англичане не обладали им ни в малейшей мере. Колоссальные пространства Индии вынудили их управлять миллионами с помощью небольшого количества людей. Наряду с этим важную роль в становлении английского самосознания сыграло то, что англичане снабжали крупные европейские комплексы продовольствием и предметами потребления.

Англичанам и в голову не могло прийти, что можно горсткой людей регламентировать жизнь новых континентов; не занималась миссионерской деятельностью и англиканская церковь. В этом были свои Положительные черты: люди чужих континентов видели, что святые для них ценности остаются неприкосновенными.

Немец вызвал ненависть к себе во всем мире тем, что, где бы ни появлялся, принимал на себя роль повелителя. Народам не было от этого решительно никакой пользы. Ведь передававшиеся местному населению ценности вовсе не были ценностями с его точки зрения. Так, сознание долга в нашем понимании не существует в России. Зачем же воспитывать его у русских?

Когда мы будем осваивать русское пространство, то «имперские крестьяне» должны будут жить в селениях выдающейся красоты. Немецкие административные и прочие

учреждения должны размещаться в прекрасных зданиях, а губернаторы – во дворцах. Вокруг учреждений будет построено все то, что необходимо для жизни. А вокруг каждого города, в радиусе 30-40 км, будут кольцом располагаться красивые деревни, соединенные первоклассными дорогами. Все, что лежит за пределами этого кольца – иной мир, где мы разрешим русским жить, как они хотят. Лишь бы мы господствовали над ними. В случае какой-то революции нам будет достаточно сбросить на их города пару-другую бомб – и вопрос решен. Раз в год мы будем проводить через столицу империи партию киргизов, чтобы в их сознании запечатлелась мощь и величие каменных памятников этого города.

Чем для Англии была Индия, тем для нас станет восточное пространство. Ах, если бы я мог довести до сознания немецкого народа, сколь велико значение этого пространства для будущего! Колонии – владения сомнительного достоинства. А эта земля всегда будет нашей. Европа – понятие не географическое, а обусловленное расовыми факторами.

В наше время уже понятно, почему китайцам пришла в голову мысль отгородиться каменной стеной от вечных монгольских нашествий. И потому кое-кто впадает в искушение соорудить гигантский вал, который укроет новый Восток от среднеазиатских масс. Однако при этом забывают историю, которая учит, что во всяком отгороженном пространстве неизбежно наступает протрация. В конечном итоге лучшей стеной всегда является вал живой.

Уж если какая-то нация имеет право на выселение чужих народов с насиженных мест, то это прежде всего мы, потому что мы неоднократно выселяли со своей территории людей. Из одной только Восточной Пруссии было выселено 800000 человек. А насколько немцы сентиментальны, видно хотя бы из того, что нам казалось страшной жестокостью освободить свою землю от 600000 евреев, между тем как эвакуацию наших собственных людей мы покорно восприняли как должное.

Нельзя больше допускать эмиграцию из Европы в Америку представителей германской расы. Всех норвежцев, шведов, датчан, голландцев мы должны направить в восточные области; они будут служить империи. Перед нами великая задача будущего: проведение планомерной расовой политики. Мы вынуждены этим заняться уже потому, что необходимо воспрепятствовать кровосмешению, которое у нас все больше распространяется. Что же касается швейцарцев, то их придется использовать лишь в качестве трактирщиков.

Болот мы осваивать не будем. Мы возьмем лишь земли высокого качества, на первом этапе – даже самые лучшие. А на заболоченных территориях можно будет устроить гигантские зоны войсковых учений размером 300 на 4000 км, пересеченные реками и всеми прочими препятствиями, которые могут встретиться войскам на местности.

26.2.1942 г.

...В восточных областях мы устроим великолепные колонии, выселив туда эти этнические группы (вырождающихся из-за кровосмешения венгерских немцев). Правда, всякое переселение будет совершаться за наш счет. Но если я одновременно отниму у другого территорию, то расходы окупятся. Весь этот вопрос представляет собою проблему осуществляемого государством насилия, проблему власти!

В общем, я лично полагаю, что немцев следует из Венгрии изъять, если только мы действительно желаем жить в мире с венграми. Этот вопрос надо обдумать всесторонне. Иное решение возможно, пожалуй, в том случае, если мы захотим вновь превратить Дунай в немецкую реку на всем его протяжении. Но тогда политика должна быть другой. Одно из решений может состоять в переселении всех внеимперских немцев, проживающих к юго-востоку от Германии, на берега Дуная. Ведь венгры с румынами все равно никогда не помирятся, даже если увидят после этой акции в лице Германии общего врага. Жителям Баната надо тоже дать такую же хорошую землю.

Если я буду иметь на Востоке 1,5 миллиона внеимперских немцев, то я должен построить автомагистраль длиной в 1500 км и нанизать на нее, словно жемчужины на нитку, поселения через каждые 50-100 километров, а также основать несколько более значительных по своему размеру городов. Правда, даже если принять эту точку зрения, то все же приходишь к выводу, что Север важнее Юга. Однако: Дунай есть Дунай, его ничем не заменишь. Нужно колонизовать и район Железных Ворот, чтобы никто не мог их закрыть. К сожалению, это очень плохая область. Хороших немцев туда не посадишь. Но можно заселить эту область специалистами по добыче меди, жителями югославской области Бор. Это одна из лучших возможностей добраться до меди, тем более что мы не очень-то дружим с югославами. А ту часть добытого вместе с медью марганца, которую мне нежелательно будет пускать в обработку там, на месте, я смогу отправить вверх по Дунаю. Затем, Дунай обеспечивает связь с Турцией. Делать мировую политику может лишь тот, у кого развязаны руки в тылу.

3.3.1942 г.

[...] Я в этом вопросе стою на точке зрения британских тори: если я подчиню себе свободную страну только для того, чтобы снова дать ей свободу, то какой в этом смысл? Кто пролил кровь, имеет право и на господство. Если бы дали индусам свободу, ее не хватило бы и на 20 лет. Англичане ныне упрекают себя, что управляли Индией неправильно. Подобный вывод они делают из того факта, что страна не проявляет восторгов. Нет, они поступали верно. Но восторгов ожидать смешно. Если бы англичане не осуществляли свое господство, то в Индии не было бы 380 миллионов индусов. Конечно, Англия пользовалась Индией в своих интересах. Но господство Англии принесло Индии и большую пользу.

Прежде всего, не следует отпускать в восточные области немецких школьных учителей. Иначе мы потеряем не только детей, но и родителей. Потеряем весь народ. Ибо то, что мы

вдолбим им в голову, не пойдет им впрок. Идеально было бы научить их понимать лишь язык знаков и сигналов. По радио бы населению преподносилось то, что для него приемлемо: музыка без всяких ограничений. Но ни в коем случае нельзя допускать их к умственной работе. Мы действительно не можем допустить никакой печатной продукции. Разве распространение европейской культуры за пределами Европы давало где-нибудь полезные результаты? Возник лишь интеллектуальный анархизм! Эти люди будут чувствовать себя лучше всего в том случае, если их по возможности не касаться. Иначе воспитаем себе злейших врагов.

5.4.1942 г.

[...] Вообще же, сказал шеф, русское пространство, попадающее в сферу нашего государственного управления, ставит перед нами столько проблем, что нам хватит заботы на последующие столетия.

На центральном участке следует, прежде всего, продолжать осушение болот, засаживая их тростником и т. д. Этим можно будет создать заслон против частых в России вторжений чрезвычайно холодного воздуха в зимние месяцы. Кроме того, целесообразно разбить плантации культурной крапивы, так как, судя по исследованиям одной гамбургской фирмы, из волокон этой крапивы можно изготавливать органическую ткань, далеко превосходящую по качеству хлопчатобумажную. Наконец, первоочередной задачей является насаждение на Украине лесов, чтобы защитить землю от сильнейших проливных дождей, настоящего бедствия этих мест. Как сказал шеф, он высоко ценит заслуги охотников, которые, удовлетворяя свою охотничью страсть, позаботились о том, чтобы на 37 % немецкой народной земли сохранился лесной покров, между тем как, например, по всему побережью Средиземного моря леса исчезли, так как там не подумали о необходимости их сохранения и не вели в соответствии с этим разумного лесного хозяйства.

На вопрос, что будет с Ленинградом, шеф ответил: Ленинград должен исчезнуть. Один из сегодняшних гостей, кавалер дубовых листьев к рыцарскому кресту, сообщил шефу, что население Ленинграда вследствие голода уже упало до 2 млн. человек. Если учесть, что даже в городе Куйбышеве, где расположен дипломатический корпус, в сущности уже нечего есть (такова информация, полученная от турецкого посла в России), если далее принять во внимание, что русские все чаще и чаще употребляют в пищу дохлую конину, то можно себе представить, как быстро будет вымирать население Ленинграда. К тому же и разрушения, причиненные городу бомбардировками с воздуха и артиллерийским обстрелом, внесли свою долю в дело его уничтожения.

В будущем Нева должна стать границей между Финляндией и нами. Разрушению будут подвергнуты также ленинградские порты и верфи. Ибо стать хозяином в Балтийском море можно лишь в том случае, если оно превратится во внутреннее море Германии. И потому нужно раз и навсегда позаботиться о том, чтобы не осталось ни одного крупного порта на периферии нашей империи. Нечего говорить, что нам будет совершенно достаточно собственных портов и портов в Прибалтике для удовлетворения наших потребностей, так что нам вовсе не понадобятся ленинградские порты, замерзающие на целых полгода.

[...] Затем шеф особо предупреждал против онемечивания значительных масс чехов и поляков.

Рейхсфюрер СС Гиммлер доложил в связи с этим, что принимает меры к пресечению всякой активности полячества, как наиболее стойкого в историческом аспекте народа; что с этой целью он зажимает полячество в железные клещи германцев. Он, рейхсфюрер СС, уже договорился с генерал-губернатором оккупированной Польши Франком заселить немцами Краковщину, включая и чисто немецкий главный город этой области, а также область Люблина. Именно с этих двух исходных позиций будет постепенно зажиматься в клещи полячество.

Шеф заметил, что проявлять снисходительность к полячеству нет никаких оснований. Иначе придется испытать то же, что уже неоднократно имело место в истории прежних веков в связи с разделами Польши. Полячество существует до сих пор лишь потому, что ему не приходилось серьезно считаться с русскими, как с господствующей нацией, а также и потому, что ему удалось хитрыми маневрами занять такую политическую позицию по отношению к немцам, которая сделала полячество решающим фактором немецкой внутренней политики. А это играло на руку прежде всего политическому католицизму.

В первую очередь, продолжал он, необходимо следить, чтобы немцы ни в коем случае не смешивались с поляками, не насыщали ведущие слои польского населения германской кровью. Рейхсфюрер СС совершенно прав, констатируя, что в 1939 г. настоящее серьезное сопротивление оказывали нам исключительно те польские генералы, в жилах которых течет германская кровь. Ведь давно известно, что именно наиболее способные выходцы из немцев всегда проникали в руководящий слой принимавшей их страны и тем самым оказывались потерянными для германства, между тем как в остававшихся на немецкой земле народных слоях сосредоточивались лишь ущербные индивиды, проявлявшие, однако, верность своему немецкому происхождению.

Такую же осторожность, как с поляками, надо проявлять и в отношении чехов, которые уже более полутысячи лет набираются умения отлично играть в верноподданных, не вызывая недоверия. Ведь сколько чехов, с которыми шеф сталкивался в молодости, крутились в Вене, очень скоро овладевали венским диалектом, а затем умело проползали на важнейшие посты в государстве, экономике и т. д.

Никогда не следует упускать из виду, заключил шеф, что подобную невидимую войну в условиях мира можно выиграть только в том случае, если мы будем поддерживать в империи высокий уровень расовой чистоты. Ведь наше преимущество по отношению, например, к США, которые лишь

незначительно превосходят нас по числу населения, состоит в том, что наш германский расовый корень значительно выше, чем у них, составляя четыре пятых чистых германцев.

11.4.1942 г.

[...] Поэтому в интересах управления покоренными народами на востоке империи главным принципом должно быть, с точки зрения шефа, самое широкое поощрение стремлений к индивидуальной свободе, подавление всякой государственной организации и тем самым создание условий для того, чтобы держать население этих национальностей на возможно более низком культурном уровне.

Необходимо исходить из того, сказал шеф, что главная миссия этих народов – обслуживать нас экономически: поэтому мы должны стремиться всеми средствами выкачать из оккупированных русских областей все, что возможно в экономическом отношении. Нужно создать у русских определенный стимул для поставки сельскохозяйственных продуктов и предоставления нам рабочей силы для горнодобывающей промышленности и военного производства. Этого можно в достаточной мере добиться завозом на расположенные в России торговые базы промышленных товаров и т. п. для продажи в соответствии со спросом.

Но если мы, заметил шеф, захотим сверх этого обеспечить благополучие каждого отдельного индивида, то нам не удастся обойтись без введения какой-то административной организации по образцу нашего государственного управления, а это вызовет лишь ненависть по отношению к нам. Ибо чем люди примитивнее, тем скорее воспринимают всякое ограничение их личной свободы как насилие. К тому же, создать у них государственную административную организацию означало бы обеспечить им возможность сплочения в крупные коллективы, а при случае и использовать эту организацию даже против нас. Поэтому самая высокая ступень административных учреждений, которую им можно позволить, это – общинное управление, да и то лишь в той мере, в какой оно

необходимо для содержания рабочей силы, т. е. для удовлетворения насущных потребностей отдельных индивидов.

Также и сельские коллективы нужно, как указал шеф, организовать с таким расчетом, чтобы не могли возникнуть связи между соседними сельскими общинами. Во всех случаях необходимо запрещать устройство единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий. Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы.

Напомнив о своем мнении, что следует препятствовать всякой организации крупного государственного управления и что наши комиссары должны будут на Востоке лишь контролировать управление экономикой, шеф заметил далее, что уже тем самым отрицается всякая другая форма организации покоренных народов.

Поэтому пусть не вздумает туда явиться какой-нибудь школьный деятель, чтобы вдруг провозгласить обязательное обучение покоренных народов. Если русские, украинцы, киргизы и т. д. научатся читать и писать, то это нам может лишь повредить. Ибо подобные навыки дали бы возможность самым способным из них получить определенные знания в области истории и, следовательно, прийти к размышлениям политического свойства, острие которых было бы неизбежно направлено против нас.

С точки зрения шефа, было бы разумнее установить в каждой деревне громкоговоритель, чтобы таким путем информировать людей о новостях и дать им пищу для разговоров; это лучше, чем допустить их к самостоятельному изучению политических, научных и т. п. сведений. И пусть никому не приходит в голову передавать покоренным народам

по радио сведения из их прежней истории. Передавать следует музыку и еще раз музыку! Ибо веселая музыка способствует прилежной работе. А если люди смогут побольше плясать, то и это, по мнению шефа, должно, как правило, приветствоваться.

Единственное, что следует централизованно организовать в оккупированных русских областях – это движение транспорта. Ибо освоение страны в транспортном отношении – одна из важнейших предпосылок к господству над нею и ее экономического использования. Поэтому систему транспортных узлов должны изучать и покоренные. Но это – единственная область, в которой они должны получать «образование» с нашей помощью.

Что касается гигиены покоренных народов, то не в наших интересах, подчеркнул шеф, насаждать у них немецкие обычаи. Это дало бы им абсолютно нежелательные условия для колоссального прироста населения. Поэтому шеф запретил проводить на восточных территориях гигиенические мероприятия по немецкому образцу. Также и принудительная прививка должна в этих областях практиковаться только для немцев. Немецкие врачи будут лечить только немцев, в немецких поселениях. Было бы совершенно нелепо, продолжал шеф, пытаться осчастливить покоренные народы нашими знаниями в области зубной терапии. Но действовать следует осторожно, чтобы наши стремления не бросались в глаза. И если уж какой-то больной с абсолютной решимостью желает лечиться у дантиста, что ж, придется сделать для него исключение.

Самая большая глупость, которую можно допустить в оккупированных восточных областях, добавил шеф, – это дать в руки покоренным народам оружие. История учит, что все господствующие народы погибли, разрешив покоренным народам доступ к оружию.

Можно даже сказать, заключил шеф, что передача оружия покоренным народам есть необходимое и достаточное условие для гибели господствующих народов. Поэтому мы

должны обеспечивать безопасность и порядок на всем оккупированном русском пространстве собственными силами. Следовательно, оккупированные восточные области должны быть пронизаны сетью военных баз. Все немцы, живущие на этих территориях, должны будут иметь личный контакт с базами, т. е. ощущать свою персональную связь с ними. Кроме того, базы нужно строить с таким расчетом, чтобы, опираясь на них, немецкая колонизационная политика могла в соответствии с перспективными планами обеспечить образование все более мощного национального немецкого клина в покоренном нами пространстве.

18.4.1942 г.

...Но каким образом англичане смогли бы господствовать в своей мировой империи, обладая всего 50 миллионами человек собственного населения, если бы не стали мастерами лжи? Если бы они действительно хотели, как постоянно утверждают, принести индусам свободу и развитие индийской культуры, то им следовало бы, конечно, из Индии уйти. Но они лгали, словно гетевский Рейнеке Лис, до самой последней минуты. А мужество для лжи они черпали не в последнюю очередь из того непомерного самосознания, которое позволяет им смотреть на английский народ, как на кормчего, управляющего кораблем всего мира.

Поскольку немецкий народ хочет и должен обрести мировое значение, необходимо и его прежде всего воспитать в таком духе, что честность нужна лишь по отношению к самому себе, а перед чужими народами, например чехами, следует столь же чистосердечно лгать, как это делают англичане, вместо того, чтобы повсюду вызывать антипатию своею честностью.

12.5.1942 г.

[...] Шеф подчеркнул, что на Восток следует, конечно, посылать преимущественно молодые силы. Молодежь, сказал он, следует воспитывать в духе гордости за то, что на Востоке

ее ждет не мягкая постель, а возможность вершить великие дела собственными силами. Само собой разумеется, продолжал он, что те кадры, которые проявят на Востоке свои способности, должны продвигаться по служебной лестнице значительно быстрее, чем их сверстники, отсиживающиеся в границах старой империи, где им только и дела, что продолжать давно налаженную работу. Лишь обеспечив на Восток преимущества, можно добиться отношения к переселяемым на Восток, как к настоящему поощрению.

Цель своей восточной политики, если рассматривать ее в перспективе, шеф характеризовал как создание на восточном пространстве территории для расселения приблизительно ста миллионов представителей германской расы. Он считает необходимым приложить все силы к тому, чтобы с железным упорством заселять Восток немцами миллион за миллионом. Он заявил, что не позднее чем через десять лет ожидает рапорта о колонизации уже включенных к тому времени в состав Германии или оккупированных нашими войсками восточных областей по меньшей мере двадцатью миллионами немцев. О том, каких успехов можно там достичь в деле создания необходимых культурных условий для переселенцев, сказал он далее, дает представление тот факт, что даже поляки сумели преобразить облик центра Готенхафена [1], проложив здесь красивые широкие улицы.

27.6.1942 г.

Во время ужина шеф заметил, что начало всякой культуры выражается в строительстве дорог. Как римляне во времена Цезаря и в первые два столетия нашей эры осваивали германские земли, проложив грунтовые дороги и пути с деревянным настилом через болота, топи и леса, так и мы в наше время должны в первую очередь строить в России дороги. Кто представляет себе начало освоения России по-иному, скажем, на базе строительства железнодорожной сети, тот запрягает лошадь с хвоста. Шеф сказал, что считает необходимым соорудить в России не менее 750-1000 км

шоссейных дорог уже по чисто военным соображениям. Ведь без первоклассных дорог огромное русское пространство не может быть ни очищено в военном смысле, ни закреплено за нами на длительное время. Все имеющиеся в русских городах и деревнях резервы рабочей силы, без которых можно обойтись в сельском хозяйстве и военной промышленности, должны поэтому в самую первую очередь использоваться для строительства дорог.

Переходя к проблеме сооружения новых деревень, шеф указал, что эта работа должна на русском пространстве осуществляться не только на основе военных соображений; она должна также способствовать преодолению монотонности гигантских по протяженности дорог.

9.7.1942 г.

[...] Касаясь вновь приобретенных областей, следует заметить, что наша задача состоит не в том, чтобы ежедневно соскребать грязь с покоренного населения или пытаться воспитать у него привычку к немецкой аккуратности. Нам совершенно безразлично, моют ли они ежедневно шваброй свои дома или не моют. Наша миссия ведь не в том, чтобы осуществлять надзор за их каждодневной жизнью, а в том, чтобы гарантировать удовлетворение только наших собственных интересов.

С этой целью необходимо в самой большой мере, в какой это только возможно, отделить жизнь немцев в подлежащих колонизации районах от жизни местного населения. В местные гостиницы, где жители плюют прямо на пол, мы немцам входить не позволим. Для немцев будут сооружены отдельные гостиницы, недоступные для местных жителей. Пусть тогда плюют, куда хотят, нам это безразлично.

Предоставив жителей самим себе, мы сможем избежать ненужных столкновений с ними по поводу образа их жизни и создать себе наилучшие предпосылки для строительства наших собственных замкнутых немецких центров.

22.7.1942 г.

[...] Описав свои впечатления от поездки с профессором Брандтом [2] по расположенным вблизи ставки фюрера украинским колхозам, рейхслейтер Борман перевел затем разговор на украинское население. Глядя на украинских детей, подчеркнул он, трудно предположить, что впоследствии их лица примут плоские, славянские черты. Дети, как и большинство людей восточно-балтийского типа, светловолосы и голубоглазы; кроме того, они толстощекие и круглотелые, так что выглядят поистине мило. В противоположность им, наши дети – преимущественно нордического типа, в раннем возрасте они похожи на молодых жеребят: неуклюжие, со слишком тонкими и длинными ногами, угловатыми телами и лицами! А по внешности украинских детей нельзя предположить, сколь сильно впоследствии опошляются и огрубляются их лица. Кроме того, подчеркнул рейхслейтер Борман, когда едешь по тем местам, встречаешь мало мужчин, но невероятно много детей.

Это обилие детей, продолжал он, может нам в будущем дорого обойтись. Ведь этим обилием отличается раса, которая воспитана в гораздо более суровых привычках, чем наш собственный народ. Здесь нигде не видно людей в очках, у большинства отличные зубы, питание у них хорошее, и похоже, что все они, от мала до велика, обладают отличным здоровьем.

Если ... этот народ будет размножаться еще быстрее, чем ныне, то это не только бьет по нашим интересам, но может даже привести к тому, что этническое давление русских, или так называемых украинцев, через сравнительно короткое время станет опасным. Значит, нам было бы выгодно добиться такого положения, при котором эти русские или так называемые украинцы не размножились бы столь быстро. Мы ведь собираемся через какое-то время заселить всю эту бывшую русскую землю немцами.

Шеф заметил по этому поводу, что в какой-то статье было недавно высказано предложение запретить в оккупированных восточных областях продажу и употребление средств против беременности. Если и вправду, продолжал шеф, какой-нибудь идиот вздумает осуществить на практике подобную меру в оккупированных восточных областях, то он, шеф, расстреляет его собственной рукой. При обилии детей у местного населения мы можем лишь желать, сказал шеф, чтобы незамужние и замужние женщины возможно чаще прибегали к аборту. Необходимо поэтому не только допустить бойкую торговлю противозачаточными средствами в восточных областях, но и всячески ее поощрять, поскольку мы ни в малейшей мере не заинтересованы в увеличении ненемецкого населения. А в первую очередь необходимо в этом деле форсировать помощь евреям.

Опасность дальнейшей интенсификации размножения местного населения при нашем господстве несомненна, сказал далее шеф. Ведь при немецком руководстве совершенно неизбежно, что все условия жизни местных жителей значительно улучшатся, а гарантия от заболеваний повысится. Поэтому крайне необходимо принять меры против увеличения ненемецкого населения.

В этих условиях было бы, по мнению шефа, просто сумасбродством устраивать для ненемецкого населения оккупированных восточных областей систему здравоохранения, подобную немецкой. Не может быть и речи, сказал он, о прививках или каких-либо других профилактических медицинских мерах в отношении ненемецкого населения. Более того, у местных жителей следует пресекать даже стремление к подобным мерам охраны здоровья. Необходимо поэтому способствовать распространению среди них суеверий и слухов, согласно которым прививки и т. п. якобы опасны для жизни.

Далее чрезвычайно важно избегать всяких шагов, которые могли бы способствовать развитию у ненемецкого населения сознания, присущего повелителям. В этом отношении

необходима особая осторожность, ибо одной из важнейших предпосылок нашей работы является как раз выработка у населения покоренных районов сознания, противоположного тому, которое присуще повелителям. По этой причине ни в коем случае не следует допускать ненемецкое население к высшему образованию. Если мы впадем в подобную ошибку, то сами окажемся виновниками нарастающего сопротивления нашему господству. Впрочем, школы им нужно оставить, взимая плату за обучение. Только в них не должно быть никакого обучения, кроме как пониманию дорожно-транспортных знаков. Преподавание географии должно ограничиваться в общих чертах сведениями типа: «Столица империи – Берлин». Далее, каждый ученик один раз в своей жизни должен побывать в Берлине. В остальном будет совершенно достаточно, если ненемецкое население, например украинцы, научится немного читать и писать по-немецки. Обучение арифметике и т. п. излишне.

Обучая ненемецкое население в школах, нельзя забывать, что и в этом случае целесообразно применять в оккупированных восточных областях те же методы, которые практикуют англичане в колониях. Поэтому всякая просвещенческая канитель, которая всегда возникает там, где появляются имперско-немецкие попы, совершенно бессмысленна. Генерал Иодль абсолютно прав, возражая против вывешивания щитов с надписями на украинском языке, запрещающими людям появляться на полотне железной дороги. Нам совершенно безразлично, задавят одним жителем меньше или больше.

Если я за то, чтобы обучать местное население в школах немецкому языку, продолжал шеф, то лишь потому, что для успеха нашего управления необходимы известные языковые предпосылки. А то ведь каждый житель будет уклоняться от выполнения немецких распоряжений под тем предлогом, что «не понял» их. По этой же причине необходимо обучать в школе не тому алфавиту, которым пользовались до сих пор, а исключительно латинскому шрифту.

Самой большой ошибкой с нашей стороны было бы проявлять слишком много заботы о местном населении.

Существует опасение, что мы со временем, незаметно для самих себя, в связи с тамошними условиями жизни сползем на более мягкое отношение к жителям. Чтобы этого не произошло, необходимо целиком отделить немцев от местного населения.

Проживание немцев в украинских городах следует запретить безоговорочно. Даже если вне украинских городов немцам придется жить в бараках, то и это лучше, чем размещение в пределах города. А то иначе через короткое время начнется уборка этих городов и т. п. Между тем русские и украинские города вовсе не следует как-то благоустраивать или тем более украшать. Ведь наша задача состоит не в том, чтобы одаривать местное население более высоким уровнем жизни. Поэтому в перспективе необходимо обеспечить немцам проживание в специально построенных городах и деревнях, строго изолированных от русского или украинского населения. По этой же причине, те дома, которые будут сооружаться для немцев, ни в коем случае не должны походить на русские или украинские; ни глиняная штукатурка, ни соломенные крыши не должны напоминать жителям немецких домов о русских или украинских прототипах.

В коренной империи постепенно сложилось такое положение, при котором ко многим вещам стали прикладывать слишком мелкие мерки, стремясь решительно все регламентировать и обусловить заранее. Конечно, это произошло не в последнюю очередь оттого, что мы, немцы, располагаясь в своих старых границах, чуть ли не сидим друг на друге. Понятно, что полиции постоянно приходится вмешиваться в решение различных возникающих в повседневной жизни вопросов. Но вся эта регламентация таит в себе ту большую опасность, что если один из нас разобьет свои палатки за пределами германской империи, скажем, в одном из английских доминионов, то он буквально вздохнет, радуясь свободе

движений и действий, а вслед за этим внутренне отдалится от своего немецкого отечества.

Нам ни в коем случае не следует впадать в ошибку вечного регламентирования, когда мы будем осваивать оккупированные восточные территории. Если мы только не хотим – без всякой на то необходимости – восстановить против себя местное население, то нам следует ограничивать их индивидуальные жизненные склонности только в той мере, в какой это безусловно диктуется нашими интересами.

В коренной империи мы уже дошли до того, что Берлин стремится вмешаться в назначение каждого бургомистра по всей территории империи. Кто-то запретил даже общества по разведению собак, и шефу пришлось персонально вмешаться, чтобы освободить от запрета «собачьи организации». Регламентирование в границах коренной империи скоро пойдет так далеко, что, пожалуй, Берлин станет издавать уставы и для союзов по разведению майских жуков, предписывая методы делопроизводства, учета материальных ценностей, ведения финансовых дел и т. д., а счетоводу будет грозить опасность, что его потащат на суд кади в случае небезупречного обращения с имуществом союза, оцениваемым в 6 или 10 рейхсмарок. Что касается оккупированных восточных областей, заявил далее шеф, то Берлин должен издавать лишь принципиально важные директивы. По текущим вопросам решения должны приниматься соответствующими областными комиссарами.

Чтобы избежать в оккупированных восточных областях излишнего регламентирования, необходимо принять еще одну меру, продолжал шеф, а именно – ограничить до самого минимального предела штаты немецких управлений в этих областях. В результате областному комиссару волей-неволей придется наладить широкий контакт с руководителями местных общин. Но, разумеется, такое сотрудничество не должно повести к возникновению какого-то единого украинского административного центра с генеральным или тем более имперским комиссаром во главе.

В.И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. – М.: Наука, 1973. 776 с.

107. Гитлер о России и коммунизме в «Моей борьбе»

Гитлер написал книгу «Моя борьба», находясь в тюрьме в 1923–1924 годах. Это одна из немногих «работ» нацистских деятелей, которая может быть отнесена к идеологическому «наследию» НСДАП, хотя, учитывая значительную зависимость политики НСДАП от обстоятельств и часто меняющуюся тактику нацистов, в полной мере и «Моя борьба» не являлась их программным документом.

«Ближайший геббельсовский приспешник Ганс Фриче не лгал, когда заверял судей на Нюрнбергском процессе, что «НСДАП не имела партийной теории, подобной теориям марксистских партий, которые имели развитую и зрелую теорию; все теоретики партии оспаривались. На теорические писания Готфрида Федера (одного из главных редакторов газеты «Фёлькишер беобахтер») был наложен запрет. Теоретик Розенберг оспаривался в партии до самого конца. Несовершенство партийной теории было столь велико, что немецким газетам запрещалось воспроизводить печатно хотя бы просто программу партии. После 1933 г. немецким газетам было даже запрещено самовольно цитировать «Майн кампф» Гитлера».

1.

«В Германии перед войной самым широким образом была распространена вера в то, что именно через торговую и колониальную политику удастся открыть Германии путь во все страны мира или даже просто завоевать весь мир. Само возникновение такой веры было классическим симптомом того, что в Германии потеряно понимание значения истинных государственных добродетелей, потеряна волевая сила и решимость к действию. Единственной расплатой за это была мировая война со всеми ее результатами.

Такие настроения в немецкой нации – а они были перед войной почти всеобщими – должны были казаться необъяснимой загадкой для тех, кто не умел глубже вдумываться в обстановку. Ведь именно Германия представляла собою изумительный пример государства, возникшего на базе чисто политических факторов силы. Основное ядро Германии – Пруссия – возникло благодаря чудесному героизму ее сынов, а вовсе не благодаря финансовым операциям или торговым сделкам. Возникновение самой германской империи явилось чудесной наградой за воинское бесстрашие и крепкое политическое руководство. Спрашивается, как же могло случиться, что именно немецкий народ допустил до такого заболевания свои политические инстинкты, ибо здесь дело идет не об отдельных разрозненных явлениях, а именно о чем-то повальном. Болотные огоньки манили весь народ, болезнь принимала форму недоброкачественных нарывов, выскакивавших то тут, то там и разъедавших весь организм нации. Можно было подумать, что какой-то непрерывный поток яда таинственными путями проникает в организм нации и отравляет всю ее систему кровообращения. Только так можно было объяснить и тот факт, что этот некогда героический организм теперь все больше подвергался параличу. Народ все больше терял ясность взгляда. Слабели даже инстинкты простого самосохранения.

Все эти вопросы я в течение 1912–1914 гг. непрестанно обдумывал в связи со своим отрицательным отношением к политике союза Германии с Австрией. Чем глубже задумывался я над всеми этими вопросами, тем больше приходил я все к тому же выводу, что разгадка всех бед одна: марксистское учение и его мирозерцание со всеми вытекающими из них органическими последствиями.

Теперь я во второй раз в моей жизни вновь углубился в ознакомление с этим разрушительным учением. На этот раз к марксистским книгам меня толкали не впечатления повседневного бытия, а размышления над общими вопросами политической жизни. Я опять погрузился в теоретическую

литературу этого нового мира и стал систематически сравнивать возможные результаты марксистской проповеди с той реальной обстановкой и теми конкретными событиями, которые теперь приходилось наблюдать как результат марксизма в области политической, культурной и хозяйственной жизни страны.

В первый раз в своей жизни я стал теперь систематически интересоваться теми попытками покончить с этой мировой чумой, какие уже были в нашей предыдущей истории.

Я стал штудировать эпоху бисмарковского исключительного закона против социалистов, я стал подробно изучать, какие планы поставил себе Бисмарк, как именно он вел борьбу и какие получились результаты. Постепенно я выработал себе по всем этим вопросам совершенно законченный взгляд. Мне лично в течение всей своей дальнейшей жизни не пришлось эти взгляды менять ни на йоту. В это же время я еще раз точнее уяснил себе связь, существующую между марксизмом и еврейством.

Ранее в Вене Германия казалась мне непоколебимым колоссом. Теперь во мне иногда, увы, возникали уже известные сомнения. В небольших кружках своих друзей я бунтовал против немецкой внешней политики, а также и против того невероятного легкомыслия, с которым, по моему мнению, тогда относились к важнейшей проблеме – к марксизму. Я совершенно не мог понять, как можно столь слепо идти навстречу гигантским опасностям – сам марксизм не делал из них тайны. Уже тогда я в небольших кружках предостерегал с той же настойчивостью, как я делаю это теперь перед большой аудиторией, против «успокоительного лозунга дурачков и трусов, что-де «нам бояться нечего». Этакая умственная чума уже однажды разрушила гигантское государство. Германия не может составить исключения, она подвластна тем же самым законам, что и все человеческое общество.

В течение 1913–1914 гг. мне пришлось в различных кругах (многие из этих людей и теперь остались верны национал-социалистическому движению) впервые высказать убеждение, что главным вопросом, имеющим решающее значение для судеб всей германской нации, является вопрос об уничтожении марксизма.

В несчастной политике Тройственного союза я видел только одно из следствий разрушительной работы марксизма. Самое ужасное было то, что яд этот проникал совершенно незаметно и отравлял всю базу здорового хозяйственного и государственного развития. Люди, подвергавшиеся действию этого яда, зачастую сами даже не замечали, насколько их воля и их действия являлись прямым результатом марксистской проповеди, которую все они на словах резко осуждали.

В ту пору внутренняя деградация немецкого народа давно уже началась. Но как это часто бывает в жизни, люди совершенно не отдавали себе отчета в том, кто же является действительным виновником разрушения их благополучия. Время от времени ставились всевозможные диагнозы болезни, но при этом систематически смешивали формы проявления болезни с возбудителями ее. Поскольку люди не хотели или не умели понять действительных причин болезни, постольку вся так называемая борьба против марксизма превращалась только в знахарство и шарлатанство».

2.

«Дело обстоит так, что Германия либо будет мировой державой, либо этой страны не будет вовсе. Для того же, чтобы стать мировой державой, Германия непременно должна приобрести те размеры, которые одни только могут обеспечить ей должную роль при современных условиях и гарантировать всем жителям Германии жизнь.

Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту,

на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы, и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование, и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила

нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит, безусловно, правильность нашей расовой теории.

Наша задача, наша миссия должна заключаться, прежде всего, в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч.

Само собою, разумеется, что еврейство оказывает и будет оказывать такой политике самое решительное сопротивление. Евреи лучше, чем кто бы то ни было, отдают себе отчет в том, какое значение для них имела бы такая наша политика. Казалось бы, уже одного этого факта достаточно, чтобы все действительно национально настроенные немцы поняли всю правильность предлагаемой нами новой ориентации. К сожалению, на деле мы видим обратное. Не только в кругах дейч-национале, но и в кругах фелькише идея такой восточной политики встречает самое упорное сопротивление. При этом обычно любят ссылаться на Бисмарка. Дух Бисмарка тревожат для того, чтобы защитить политику, которая совершенно нелепа и крайне вредна для судеб немецкого народа. Бисмарк, говорят нам, в свое время придавал очень большое значение сохранению хороших отношений с Россией. Это до известной степени верно. При этом, однако, забывают, что столь же большое значение Бисмарк придавал хорошим отношениям, например, и с Италией; что этот самый Бисмарк, в свое время, даже вступил в союз с Италией, дабы покрепче прижать Австрию. Из этого, однако, ведь не делают того вывода, что и мы должны продолжать теперь такую политику.

Да, скажут нам на это, мы не можем повторять такую политику, «потому что современная Италия не является Италией эпохи Бисмарка». Верно! Но, почтенные господа, позвольте мне напомнить вам тогда тот факт, что и современная Россия тоже уже не та, какой была Россия в эпоху

Бисмарк! Бисмарку никогда и в голову не приходило тот или другой тактический ход увековечить на все времена. Бисмарк для этого был слишком большим мастером в использовании быстро меняющихся ситуаций. Вопрос поэтому должен быть поставлен не так: «как поступил тогда Бисмарк?», а так: «как поступил бы Бисмарк теперь?» При такой формулировке проблемы на нее будет легко ответить. Бисмарк при его политической дальнорзости никогда не стал бы связывать судьбу Германии с судьбой такого государства, которое неизбежно обречено на гибель.

Не забудем и того, что Бисмарк, в свое время, относился с очень смешанными чувствами к первым шагам Германии на путях колониальной и торговой политики. Ближе всего к сердцу Бисмарк принимал интересы консолидации и внутреннего упрочения созданной им империи. Только из этого последнего он и исходил, когда приветствовал сближение с Россией, долженствовавшее обеспечить ему тыл и развязать руки по отношению к западу. То, что тогда было полезно Германии, теперь принесло бы ей только вред».

3.

«Не будем говорить о подлинных намерениях новых владык России. Нам достаточно того факта, что Россия, лишившаяся своего верховного германского слоя, уже тем самым перестала иметь какое бы то ни было значение как возможный союзник немецкой нации в освободительной борьбе. С чисто военной точки зрения война Германии – России против Западной Европы (а вернее сказать, в этом случае – против всего остального мира) была бы настоящей катастрофой для нас. Ведь вся борьба разыгралась бы не на русской, а на германской территории, причем Германия не могла бы даже рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны России.

Вооруженные силы немецкого государства ныне столь ничтожны и настолько непригодны для внешней борьбы, что мы не смогли бы организовать даже сколько-нибудь

солидной охраны наших западных границ, включая сюда защиту от Англии. Как раз наши наиболее индустриальные области подверглись бы концентрированному нападению со стороны наших противников, а мы были бы бессильны их защитить. Прибавьте к этому еще тот факт, что между Германией и Россией расположено польское государство, целиком находящееся в руках Франции. В случае войны Германии-России против Западной Европы, Россия, раньше, чем отправить хоть одного солдата на немецкий фронт, должна была бы выдержать победоносную борьбу с Польшей. В такой войне дело вообще было бы не столько в солдатах, сколько в техническом вооружении. В этом отношении ужасные обстоятельства, свидетелями которых мы были во время мировой войны, повторились бы с еще большей силой. Уже в 1914–1918 гг. германской индустрии приходилось ведь своими боками отдуваться за славных союзников, ибо техническая сторона вооружений целиком падала в мировой войне на нас, а не на этих союзников. Ну, а говорить о России, как о серьезном техническом факторе в войне, совершенно не приходится. Всеобщей моторизации мира, которая в ближайшей войне сыграет колоссальную и решающую роль, мы не могли бы противопоставить почти ничего. Сама Германия в этой важной области позорно отстала. Но в случае такой войны она из своего немногого должна была бы еще содержать Россию, ибо Россия не имеет еще ни одного своего собственного завода, который сумел бы действительно сделать, скажем, настоящий живой грузовик. Что же это была бы за война? Мы подверглись бы простому избиению. Германская молодежь изошла бы кровью еще больше, чем в прежних войнах, ибо, как всегда, вся тяжесть борьбы легла бы на нас, а в результате – неотвратимое поражение.

Но если бы даже предположить, что совершилось чудо, и что такая война не окончилась полным уничтожением Германии, – в последнем счете обескровленный немецкий народ все равно был бы окружен по-прежнему громадными

военными державами, а стало быть, наше нынешнее положение ни в чем существенном не изменилось бы.

Обыкновенно на это возражают, что союз с Россией вовсе не должен еще означать немедленной войны, или что к такой войне мы можем предварительно, как следует подготовиться. Нет, это не так! Союз, который не ставит себе целью войну, бессмыслен и бесполезен. Союзы создаются только в целях борьбы. Если даже в момент заключения союза война является еще вопросом отдаленного будущего, все равно, стороны непременно будут иметь в виду, прежде всего, перспективу военных осложнений. Глупо было бы думать, что какая бы то ни было держава, заключая союз, будет думать иначе. Одно из двух: либо германско-русская коалиция осталась бы только на бумаге, а тем самым потеряла бы для нас всякую ценность и значение; либо такой союз перестал бы быть только бумажкой, и был бы реализован, и тогда весь остальной мир неизбежно увидел бы в этом предостережение для себя. Совершенно наивно думать, будто Англия и Франция в таком случае стали бы спокойно ждать, скажем, десятков лет, пока немецко-русский союз сделает все необходимые технические приготовления для войны. Нет, в этом случае гроза разразилась бы над Германией с невероятной быстротой.

Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешен. Такая война могла бы означать только конец Германии.

К этому, однако, надо еще прибавить следующее.

1. Современные владыки России совершенно не помышляют о заключении честного союза с Германией, а, тем более, о его выполнении, если бы они его заключили.

Нельзя ведь забывать и того факта, что правители современной России, это – запятнавшие себя кровью низкие преступники, это – накипь человеческая, которая воспользовалась благоприятным для нее стечением трагических обстоятельств, захватила врасплох громадное государство,

произвела дикую кровавую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и теперь, вот уже скоро десять лет, осуществляет самую жестокую тиранию, какую когда-либо только знала история. Нельзя далее забывать и то обстоятельство, что эти владыки являются выходцами из того народа, черты которого представляют смесь зверской жестокости и непостижимой лживости, и что эти господа ныне, больше чем когда бы то ни было, считают себя призванными осчастливить весь мир своим кровавым господством. Ни на минуту нельзя забыть того, что интернациональное еврейство, ныне полностью держащее в своих руках всю Россию, видит в Германии не союзника, а страну, предназначенную понести тот же жребий. Кто же заключает союз с таким партнером, единственный интерес которого сводится только к тому, чтобы уничтожить другого партнера? \\ кто, прежде всего, спрашиваем мы, заключает союз с субъектами, для которых святость договоров – пустой звук, ибо субъекты эти ничего общего не имеют с честью и истиной, а являются на этом свете только представителями лжи, обмана, воровства, грабежа, разбоя. Тот человек, который вздумал бы заключить союзы с паразитами, был бы похож на дерево, которое заключает «союз» с сухоткой.

2. Германия также не избавлена от той опасности, жертвой которой пала в свое время Россия. Только буржуазные простаки способны думать, будто большевизм в Германии уже сокрушен.

Эти поверхностные люди совершенно не понимают того, что тут дело идет о напоре со стороны евреев, стремящихся к мировому господству, и что этот натиск евреев столь же натурален, как натиск англосаксонской нации, которая в свою очередь тоже стремится к полному господству на земле. Англосаксонцы ведут эту борьбу на тех путях и теми средствами, которые свойственны им, а еврей ведет эту борьбу тем оружием, которое свойственно ему. Евреи идут своей дорогой. Они втираются в среду других народов, разлагают их изнутри; евреи борются ложью, клеветой, ядом

и разложением, а когда наступит момент, они поднимают свою борьбу на «высшую» ступень и переходят к прямому кровавому истреблению ненавистного противника. Русский большевизм есть только новая, свойственная XX веку попытка евреев достигнуть мирового господства. В другие исторические периоды то же стремление евреев облекалось только в другую форму.

Стремления евреев слишком тесно связаны со всем характером этого народа. Никакой другой народ тоже добровольно не откажется от своего распространения на земле и от увеличения своей власти; только внешние обстоятельства могут его к этому принудить, или только вследствие импотентности, появляющейся, когда данный народ устареет, бывают такие явления. Ну, а тем более евреи никогда добровольно не откажутся от своих стремлений к мировой диктатуре, и никогда они не пойдут в этом отношении на самоограничение. С евреями тоже будет так, что, либо их отбросит назад какая-нибудь сила, лежащая вне их, либо они сами начнут вымирать, а тем самым отомрут и их стремления к мировому господству.

Мы, как сторонники расовой теории, знаем, что впадение того или другого народа в импотентность является вопросом чистоты крови; но чистоту своей собственной крови еврейский народ как раз соблюдает больше, чем какой-либо другой народ. Вот почему несомненно, что евреи пойдут по своему ужасному пути и дальше – вплоть до того момента, когда найдется другая достаточно большая сила, которая сумеет схватиться в жестокой борьбе с еврейством и раз навсегда отправить этих богоборцев в преисподнюю.

Ближайшей приманкой для большевизма в нынешнее время как раз и является Германия. Чтобы еще раз вырвать наш народ из змеиных объятий интернационального еврейства, нужно, чтобы наша молодая идея сумела разбудить все силы нации и внушить ей сознание великой миссии, ожидающей нас. Только в этом случае мы сможем спасти свой народ от окончательного заражения нашей крови. Только тогда

мы сумеем пробудить те силы, которые надолго дадут нам гарантию против повторения постигших нас катастроф. В свете таких целей чистейшим безумием было бы вступать в союз с державой, во главе которой стоят смертельные враги всей нашей будущности. Как, в самом деле, можем мы освободить наш собственный народ от этих ядовитых объятий, если мы сами полезем в эти объятия. Как, в самом деле, можем мы освободить немецких рабочих от большевистских влияний, как можем мы убедить их в том, что большевизм есть проклятие и преступление против всего человечества, если бы мы сами стали вступать в союз с большевистскими организациями, этим исчадием ада, и тем самым, в основном, признали бы эти организации. Как, в самом деле, стали бы мы потом осуждать рядового человека из массы за его симпатии к большевистским взглядам, если бы руководители нашего государства сами избрали себе в качестве союзников представителей большевистского мировоззрения.

Чтобы провести успешную борьбу против еврейских попыток большевизации всего мира, мы должны прежде всего занять ясную позицию по отношению к Советской России. Нельзя побороть дьявола с помощью Вельзевула.

Если даже в кругах фелькише все еще находятся люди, мечтающие о союзе с Россией, то мы просим их, прежде всего, оглянуться вокруг себя самих и отдать себе отчет в том, какие же именно силы внутри самой Германии поддерживают такой план. Разве не видят они, что именно интернациональная марксистская пресса рекомендует и поддерживает план союза с Россией? Кажется, одного этого было бы достаточно, чтобы понять, куда это ведет. С каких это пор, в самом деле, лагерь фелькише готов бороться тем оружием, которое подсовывают ему евреи?

Старой Германии мы делаем один упрек: в области иностранной политики она все время колебалась как маятник, стараясь, во что бы то ни стало и какой угодно ценой, сохранить мир, причем на деле только испортила отношения со всеми. Но никогда мы не делали старой Германии упрека

за то, что она отказалась продолжать хорошие отношения с Россией.

Я признаюсь открыто, что уже в довоенное время я считал, что Германия поступила бы гораздо более правильно, если бы, отказавшись от бессмысленной колониальной политики, от создания военного флота и усиления своей мировой торговли, она вступила в союз с Англией против России. Если бы мы вовремя сумели отказаться от попыток завоевать себе универсальное влияние и сосредоточились на энергичной политике завоевания новых земель на европейском континенте, это принесло бы нам только пользу.

Я не забываю всех наглых угроз, которыми смела систематически осыпать Германию панславистская Россия. Я не забываю многократных пробных мобилизаций, к которым Россия прибегала с единственной целью ущемления Германии. Я не могу забыть настроений, которые господствовали в России уже до войны, и тех ожесточенных нападков на наш народ, в которых изощрялась русская большая пресса, восторженно относившаяся к Франции.

Однако перед самым началом войны у нас все-таки была еще вторая дорога: можно было опереться на Россию против Англии.

Ныне же положение вещей в корне изменилось. Если перед мировой войной мы могли подавить в себе чувство обиды против России и все же пойти с ней против Англии, то теперь об этом не может быть и речи. Стрелка на циферблате истории продвинулась уже куда дальше. Близится час, когда судьбы нашего народа так или иначе должны окончательно разрешиться. Все большие государства земли переживают сейчас процесс консолидации. Это должно послужить для нас предостережением. Мы должны, наконец, как следует призадуматься над всем происходящим, распротиться с миром мечтаний и встать на путь суровой действительности, который один только может вывести нас на новую широкую дорогу.

Если национал-социалистическому движению удастся полностью освободиться от всех иллюзий и взять себе в руководители одни только доводы разума, то дело может еще обернуться так, что катастрофа, постигшая нас в 1918 г., в последнем счете станет поворотным пунктом к новому возрождению нашего народа. Из уроков этого тяжкого поражения народ наш может извлечь новую ориентацию всей своей иностранной политики. Укрепив свое внутреннее положение на путях нового мирозерцания, Германия может придти и к окончательной стабилизации новой иностранной политики. Тогда в наших руках окажется, наконец, определенная заветная политическая цель и программа, т. е. то, что дает силу Англии, то, что давало в свое время силу даже России, то, что давало и дает силу Франции неизменно добиваться тех целей, которые с ее точки зрения правильны.

Этот неизменный политический завет в области внешней политики можно сформулировать для немецкой нации в следующих словах:

– Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной военной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию. Раз создается такое положение, вы не только имеете право, но вы обязаны бороться против него всеми средствами, вплоть до применения оружия. И вы не имеете права успокоиться, пока вам не удастся помешать возникновению такого государства или же пока вам не удастся его уничтожить, если оно успело уже возникнуть. Позаботьтесь о том, чтобы наш народ завоевал себе новые земли здесь, в Европе, а не видел основы своего существования в колониях. Пока нашему государству не удалось обеспечить каждого своего сына на столетия вперед достаточным количеством земли, вы не должны считать, что положение наше прочно. Никогда не забывайте, что самым священным правом является право владеть достаточным количеством земли, которую мы сами будем

обрабатывать. Не забывайте никогда, что самой священной является та кровь, которую мы проливаем в борьбе за землю.

Перед тем как закончить эту главу, я хочу еще и еще раз остановиться на доказательстве той мысли, что в деле заключения союзов для нас существует только одна единственная возможность. Уже в предыдущей главе я доказал, что действительно полезным и открывающим нам крупные перспективы союзом был бы только союз с Англией и Италией. Здесь я хочу остановиться еще вкратце на военном значении, какое может получить такой союз.

Взвешивая положение, приходится сказать, что и в большом и в малом военные последствия такого союза были бы прямо противоположны тем, к каким привел бы союз Германии с Россией. Прежде всего, тут важно то, что сближение Германии с Англией и Италией никоим образом не приводит к опасности войны».

Источник: Гитлер А. Моя борьба. (Переводе немецкого) С комментариями редакции. – М.: «Витязь», 2000. С. 130-131, 556-558, 560-565.

**108. Из книги Шпеер А. «Третий рейх изнутри.
Воспоминания рейхсминистра военной
промышленности. 1930–1945».
Гитлер – Верховный главнокомандующий**

Альберт Шпеер (1905–1981) – личный архитектор Гитлера, рейхсминистр вооружения и военного производства (1942–1945). 1 октября 1946 г. Международный военный трибунал в Нюрнберге признал его виновным в совершении военных преступлений и преступлений против человечности и приговорил к 20 годам тюремного заключения.

Одной из доминирующих, характерных черт Гитлера было дилетантство. Он никогда не изучал ни одной профессии и, по сути, так и остался чужаком для любого профессионального круга. Как многие самоучки, он был не в состоянии

осознать важности специализированных знаний. Не понимая, какие трудности представляет решение сложной задачи, он дерзко брал на себя все новые должностные обязанности. Не ограниченный стандартными мнениями и весьма сообразительный, он иногда прибегал к необычным мерам, кои не пришли бы в голову профессионалу. Победы первых лет войны можно без преувеличения объяснить именно его незнанием правил игры и дилетантским удовольствием от самого процесса принятия решений. Поскольку противная сторона привыкла руководствоваться правилами, которые облеченный властью самоучка Гитлер не знал и знать не хотел, ему удавалось преподносить сюрпризы. Дерзость в сочетании с военным превосходством Германии и была основой его первых успехов. Однако как только его войска начали отступать, он, как большинство непрофессионалов, потерпел неудачу. Тогда-то и выяснилось, что незнание правил игры и некомпетентность, прежде казавшиеся сильными сторонами его характера, более пользы не приносят. Чем грандиознее становились поражения на фронтах, тем очевиднее проявлялось его неизлечимое дилетантство. Склонность к опрометчивым решениям, прежде приводившая к победам, отныне лишь приближала крах.

Каждые две-три недели я на несколько дней выезжал из Берлина в Ставку Гитлера – сначала в Восточную Пруссию, а затем на Украину – для обсуждения множества технических проблем, которыми он интересовался как Верховный главнокомандующий. Гитлер знал все типы вооружений и боеприпасов вплоть до калибров, длины артиллерийских стволов и дальности огня. Он держал в голове сведения о накопленных запасах важнейших типов вооружений и ежемесячном их производстве, а потому мог сравнивать указанные нами в планах квоты с реальными поставками и делать соответствующие выводы.

То, как Гитлер простодушно радовался любой возможности блеснуть своими знаниями в сфере вооружений, как прежде в автомобилестроении или архитектуре, то, как

он жонглировал специфичными цифрами, свидетельствовало о его дилетантстве. Казалось, он постоянно стремился доказать, что ни в чем не уступает профессионалам и даже превосходит их. Настоящий профессионал благоразумно не забивает себе голову теми деталями, которые можно найти в справочнике или перепоручить помощникам, а Гитлер, демонстрируя свою осведомленность, не только самоутверждался, но и искренне восхищался собой.

Он черпал информацию из толстой книги в красном кожаном переплете с широкими желтыми диагональными полосами – каталога, постоянно пополнявшегося новейшими данными по тридцати – пятидесяти типам оружия и боеприпасов. Этот каталог всегда лежал на его ночном столике. Иногда в ходе военных совещаний, когда Гитлера не устраивали названные кем-то цифры, он приказывал лакею принести каталог, находил нужную страницу и доказывал, что он прав, а генерал ошибся. Никогда не подводившая Гитлера память на цифры была кошмаром его окружения.

Подобными трюками Гитлер ловко запугал большинство приближенных офицеров, но никогда не возражал авторитетным специалистам, благоговения перед которыми так и не преодолел.

Мой предшественник Тодт иногда брал на совещания с Гитлером двух своих ближайших помощников, Ксавера Дорша и Карла Заура, и порой одного из экспертов, однако считал необходимым докладывать Гитлеру лично и привлекал спутников лишь для уточнения сложных технических деталей. Я же с самого начала не обременял себя напоминанием цифр, которые Гитлер все равно знал лучше меня, однако, помня о его уважении к специалистам, всегда отправлялся на совещания в компании экспертов, лучше всего разбиравшихся в затрагиваемых вопросах.

Таким образом, я оградил себя от наваждения всех «фюреровских конференций» – страха быть загнанным в угол потоком цифр и технических характеристик. В Ставку фюрера меня сопровождало около двух десятков гражданских лиц.

Вскоре в «Запретной зоне I», особой охраняемой зоне вокруг Ставки, все посвященные потешались над «десантами Шпеера». В зависимости от обсуждавшихся тем, на совещания, которые проводились в оперативной комнате Ставки, примыкавшей к апартаментам Гитлера, приглашалось от двух до четырех моих экспертов. Помещение площадью около 84 квадратных метров было обставлено скромно, стены обшиты панелями из светлого дерева. У большого окна стоял огромный дубовый стол для оперативных карт длиной 4 метра. Для участников совещания был стол поменьше с шестью креслами.

На совещаниях я старался выступать как можно меньше – вкратце излагал тему, а затем просил одного из присутствующих экспертов высказать свое мнение. Ни охранная зона со шлагбаумами и пропусками, ни регалии многочисленных генералов и адъютантов, производившие столь сильное впечатление на Гитлера, ни в коей мере не устрашали моих экспертов. Многие годы успешной практической деятельности обеспечили им ясное понимание собственной значимости и меры ответственности. Иногда обсуждение перетекало в жаркую дискуссию, ибо специалисты часто забывали, с кем разговаривают. Гитлер воспринимал подобные ситуации с юмором. В кругу профессионалов он, как всегда, вел себя скромно, любезно и уважительно и, более того, отказывался от своей привычки подавлять оппонентов длинными и утомительными речами. Он умел отличить главные вопросы от второстепенных, легко адаптировался в любой ситуации и удивлял всех быстротой, с которой выбирал один из нескольких вариантов и находил убедительные доводы в пользу своего решения. Он легко ориентировался в представляемой ему технической документации. Его вопросы доказывали, что во время краткого вступительного объяснения он ухватывал суть даже сложных проблем. Однако и это на первый взгляд достоинство оборачивалось недостатком: слишком легко ухватывая суть, он не успевал тщательно разобраться в проблеме.

Я никогда не мог предсказать исхода совещания. Иногда Гитлер немедленно одобрял предложение, казалось бы не имевшее никаких шансов на успех, а иногда упрямо отказывался одобрить не столь существенные меры, на которых сам же недавно настаивал. Тем не менее разработанная мной система – я сталкивал Гитлера со специалистами, гораздо глубже его разбиравшимися в проблеме, – чаще приводила к успехам, чем к неудачам. Его ближайшие соратники с удивлением и завистью наблюдали, как, выслушав наши контрдоводы, Гитлер часто менял решения, которые на предшествующих военных совещаниях называл окончательными.

Технический кругозор Гитлера, как и его общее мировоззрение, художественные вкусы и образ жизни сформировались в эпоху Первой мировой войны, и его интересы в военно-технической сфере ограничивались традиционным вооружением армии и военного флота. Зато в этой узкой области он непрерывно расширял свои познания и часто предлагал вполне практичные технические новшества. Однако, когда речь заходила о новейших разработках, таких, как, например, радар, атомная бомба, реактивные истребители или ракеты, интуиция изменяла ему. Во время редких полетов на новейшем «кондоре» он тревожился, что не сработает механизм, отвечающий за выпуск шасси, и говорил, что предпочитает старые «Юнкерсы-52» с неубирающимися шасси.

Очень часто сразу после наших совещаний Гитлер обрушивал на своих военных советников только что приобретенную техническую информацию, причем с таким небрежным видом, словно давно обладал этими знаниями.

Когда появился русский танк «Т-34», Гитлер торжествовал, поскольку новая модель доказывала правоту его давних требований удлинить стволы танковых орудий. Еще до моего назначения министром вооружений я слышал в саду рейхсканцелярии после демонстрации танка «Pz-IV», как Гитлер яростно ругал упрямых чиновников управления вооружений главного командования сухопутных войск, которые отвергли его предложение увеличить скорость снаряда путем

удлинения ствола. Чиновники доказывали, что конструкция не рассчитана на столь длинный ствол и танк может просто опрокинуться.

Впоследствии Гитлер вспоминал эту историю всякий раз, когда его идеи встречали сопротивление: «Я был прав тогда, но никто не желал мне верить. Так вот! Я и сейчас прав!» Когда назрела необходимость в более скоростном нежели «Т-34» танке, Гитлер настаивал на том, что гораздо больших преимуществ можно достичь увеличением дальности стрельбы и толщины брони. И в этой сфере он уверенно жонглировал цифрами, по памяти называя пробивную силу снарядов и скорость их полета. Как правило, он отстаивал свою теорию, приводя в пример военные корабли:

«В морском сражении противник, обладающий большей дальностью огня, открывает огонь с большего расстояния. Пусть даже разница составляет всего полмили. А если у него и более прочная броня... то он несомненно выйдет победителем. А чего добиваетесь вы? Более скоростной корабль имеет лишь одно преимущество: воспользоваться превосходством в скорости при отступлении. Неужели вы действительно думаете, что большей скоростью можно компенсировать недостаток прочности брони и дальности артиллерийского огня? То же самое и с танками. Вашему более быстрому танку придется избегать встреч с более тяжелым танком».

Мои технические эксперты лично не участвовали в этих совещаниях. В наши задачи входило строительство танков согласно требованиям, выдвигаемым армией, а кто принимал решение – Гитлер, Генеральный штаб или управление вооружений главного командования сухопутных войск, – не имело значения. Не входила в нашу компетенцию и тактика боя, обсуждаемая обычно армейскими офицерами. В 1942 году Гитлер еще поощрял такие обсуждения; он терпеливо выслушивал возражения и так же спокойно выдвигал свои доводы, которые, однако, бывали решающими.

Поскольку в первом варианте «тигр» весил пятьдесят тонн, а по настоянию Гитлера его вес увеличили до семидесяти пяти тонн, мы решили спроектировать тридцатитонный танк, чье имя – «пантера» – должно было подчеркнуть его большую подвижность. Несмотря на легкость, он имел такой же двигатель, как «тигр», и, следовательно, мог развивать гораздо большую скорость. Однако не прошло и года, как Гитлер потребовал увеличить калибр пушек и навесить на танк столько брони, что в конце концов «пантера» стала весить сорок восемь тонн, почти столько же, сколько и «тигр» на начальной стадии разработки.

Пытаясь сбалансировать это странное превращение быстрой «пантеры» в медлительного «тигра», мы предприняли еще одно усилие – создать серию маленьких, легких, скоростных танков. Чтобы умиротворить Гитлера, Порше взялся сконструировать супертяжелый танк весом более ста тонн. Естественно, такие машины можно было строить лишь в небольшом количестве. Для обеспечения секретности этого проекта новое чудовище получило кодовое название «Маус». Порше, перенявший от Гитлера пристрастие к супертяжелым танкам, время от времени докладывал фюреру о вражеских разработках в этой области. Однажды Гитлер вызвал к себе генерала Буле: «Я только что узнал, что у противника вот-вот появится танк с толщиной брони, далеко превосходящей все, чем располагаем мы. Есть ли у вас какая-либо документация? Если это правда, необходимо немедленно создать новое противотанковое орудие. Пробивная сила снаряда должна быть... Необходимо увеличить калибр или удлинить ствол. Короче говоря, мы должны отреагировать незамедлительно. Мгновенно».

Таким образом, решения Гитлера приводили к большому количеству параллельных проектов и ко все более сложным проблемам комплектации. Одним из самых фатальных недостатков Гитлера было то, что он просто не понимал необходимости снабжения армии достаточным количеством запчастей. Генерал Гудериан, генерал-инспектор танковых

войск, часто говорил мне, что, имея достаточное количество запчастей, мы могли бы быстро ремонтировать танки и увеличивать свою боеспособность с гораздо меньшими затратами. Однако Гитлер настаивал на приоритете выпуска новых танков, который – при увеличении производства запчастей – следовало сократить на 20 процентов.

Генерал Фромм, как командующий армией резерва, был особенно озабочен некомпетентным планированием. Я несколько раз брал его с собой к Гитлеру, чтобы он мог высказать мнение военных. Фромм умел ясно излагать суть проблем, не пасовал перед вышестоящими и обладал дипломатическим тактом. Зажав коленями шпагу, положив ладонь на эфес, он излучал уверенность и энергию. Я по сей день уверен в том, что именно Фромм предотвратил несколько ошибочных решений, которые могли быть приняты в Ставке фюрера. Всего за несколько совещаний Фромм сумел укрепить свой авторитет, но и породил оппозицию. Против него выступили Кейтель, почувствовавший угрозу личному влиянию, и Геббельс, пытавшийся убедить Гитлера в том, что у Фромма весьма неблагоприятное политическое прошлое. В конце концов Гитлер поссорился с Фроммом в вопросах формирования резервов и дал мне понять, что больше не хочет видеть Фромма на совещаниях.

Я много раз обсуждал с Гитлером программы вооружения армии. Его позиция была такова: чем больше я требую, тем больше получаю. И к моему изумлению, программы, которые мои промышленные эксперты считали невыполнимыми, в результате перевыполнялись. Авторитет Гитлера высвобождал резервы, которые никто прежде не принимал в расчет, однако начиная с 1944 года его проекты стали абсолютно нереалистичными, и все наши усилия по претворению их в жизнь были обречены на провал.

Мне часто казалось, что те длительные совещания по вопросам вооружений и военного производства Гитлер использовал как временное избавление от ответственности за ведение войны. Он сам признавался мне, что отдыхает

на совещаниях, как когда-то во время наших дискуссий об архитектуре. Даже в кризисных ситуациях он посвящал подобным обсуждениям много часов, иногда отказываясь прерываться, даже когда его фельдмаршалы или министры настоятельно нуждались в разговоре с ним.

Наши совещания по техническим вопросам обычно объединялись с демонстрацией нового оружия, проводимой на ближайшем поле. Пока мы с Гитлером непринужденно общались, все должны были выстроиться на поле согласно рангу во главе с фельдмаршалом Кейтелем, начальником штаба Верховного главнокомандования (ОКВ). Гитлер особое внимание уделял соблюдению церемониала и даже несколько сотен метров до поля преодолевал в представительском лимузине. Я садился сзади. Прибыв на место, Гитлер выходил из автомобиля, и Кейтель представлял выстроившихся генералов и технический персонал.

Завершив ритуал, присутствующие быстро разбивались на группы. Гитлер карабкался на боевые машины по приготовленным для него складным лесенкам, беседовал со специалистами, вникая во все детали. Часто Гитлер и я с видом знатоков отпускали замечания типа «Какое элегантно дуло!» или «Какая великолепная форма у этого танка!», неуместно возвращаясь к терминологии, коей пользовались во время осмотра архитектурных макетов.

В ходе одной из таких инспекций Кейтель принял 7,5-сантиметровое противотанковое ружье за легкую полевую гаубицу. Гитлер смолчал, но на обратном пути пошутил: «Вы слышали? Про Кейтеля и противотанковое орудие? А ведь он генерал от артиллерии!»

В другой раз на ближайшем аэродроме выстроили множество образцов новейших самолетов, и Геринг решил самолично представить их Гитлеру. Штабисты снабдили своего шефа шпаргалкой, по порядку обозначив выставленные модели, их летные характеристики и другие технические данные. Только Герингу не сообщили, что один из образцов не успел прибыть вовремя, и с этого места рейхсмаршал,

сверяясь со списком, все называл неправильно. Гитлер тут же заметил ошибку, но не подал виду.

В конце июня 1942 года я, как и все остальные, прочитал в газетах о начавшемся на востоке новом великом наступлении. В Ставке царило воодушевление. Каждый вечер главный адъютант Гитлера Шмундт отмечал для гражданского персонала продвижение наших войск на настенной карте. Гитлер торжествовал. Снова оказался прав он, а не генералы, выступавшие против генерального наступления и призывавшие перейти к обороне, ограничившись местными прорывами, дабы выпрямить линию фронта. Даже генерал Фромм воспрянул духом, хотя в начале операции сказал мне, что подобное наступление – роскошь, в данной ситуации непозволительная.

Левый фланг восточнее Киева все больше растягивался. Наши войска приближались к Сталинграду. Огромными усилиями удалось восстановить железнодорожное движение на захваченных территориях и обеспечить снабжение армий.

Всего через три недели после начала победного наступления Гитлер переехал в новую Ставку, расположенную близ украинского города Винница. Поскольку русские самолеты в небе практически не появлялись, а авиация западных союзников базировалась слишком далеко, даже опасавшийся бомбардировок Гитлер впервые не настаивал на строительстве особых бомбоубежищ. Вместо обычных бетонных зданий Ставка разместилась в разбросанных по лесу симпатичных блокгаузах.

Когда приходилось летать в новую Ставку, я использовал свободное время для поездок по окрестностям, а однажды посетил Киев. Сразу после Октябрьской революции большое влияние на русскую архитектуру оказывали авангардисты – Ле Корбюзье, Мей, Эль Лисицкий, но в сталинскую эпоху, в конце двадцатых, Россия вернулась к традиционному, классическому стилю. Например, киевский Дворец Советов вполне мог быть спроектирован прилежным студентом Академии изящных искусств. Я даже подумывал разыскать этого архитектора и воспользоваться его услугами в Германии.

Киевский стадион, построенный в классическом стиле, украшали фигуры атлетов, похожие на античные скульптуры, но с трогательной застенчивостью одетые в купальные костюмы.

Один из самых знаменитых соборов Киева лежал в развалинах. Как мне сказали, взорвался размещенный в нем советский пороховой склад. Позже от Геббельса я узнал, что собор был взорван умышленно по приказу Эриха Коха, рейхскомиссара Украины, решившего уничтожить символ национальной гордости украинцев. Геббельс рассказал эту историю с раздражением; он был явно шокирован жестоким курсом, проводимым на оккупированных территориях Советского Союза. В то время украинцы еще были настроены столь миролюбиво, что я мог ездить на машине по густым лесам без охраны, а уже через полгода – из-за жестокости оккупационных властей – по всему региону орудовали партизаны.

В другой раз я съездил в индустриальный центр Днепропетровск. Более всего меня поразил недостроенный университетский комплекс, превосходящий все, что имелось в Германии, и не оставлявший никаких сомнений в намерении Советского Союза выйти в лидеры в области науки и техники. Я также посетил электростанцию в Запорожье, взорванную русскими. Огромной строительной бригаде пришлось не только отремонтировать плотину, но и установить новые турбины. Русские перед отступлением перекрыли подачу масла в работавшие на полном ходу турбины, механизмы без смазки раскалились и в конце концов истерлись, превратившись в бесполезную груды металлолома. Картина того, что может совершить один-единственный человек поворотом рычага, доставила мне немало бессонных часов, когда я узнал о намерении Гитлера превратить Германию в бесплодную пустыню.

Даже в Ставке Гитлер сохранил привычку трапезничать в кругу ближайших соратников. Но если в рейхсканцелярии за столом преобладала партийная униформа, то здесь фюрера окружали генералы и штабные офицеры. В отличие

от роскошно обставленной столовой рейхсканцелярии эта скорее напоминала привокзальный ресторан провинциального городка: стены обшиты сосновыми досками, окна как в обычных казармах, длинный стол персон на двадцать, простые стулья. Гитлер занимал место у окна в центре стола, Кейтель садился напротив, почетные места слева и справа от фюрера предназначались для вечно сменявшихся посетителей. Как и прежде в Берлине, Гитлер нудно разглагольствовал на свои любимые темы, оставляя гостям роль молчаливых слушателей, однако он явно чувствовал себя скованно в присутствии людей, с которыми не был особенно близок и которые стояли выше его и по происхождению, и по образованию, и из всех сил старался произвести на них впечатление. Таким образом застольные беседы в Ставке фюрера были значительно интеллектуальнее разговоров в рейхсканцелярии.

В первые недели наступления мы восторженно обсуждали быстрое продвижение наших войск по южнорусским равнинам, но через два месяца лица обедающих стали печальными, да и Гитлер уже не был так самоуверен.

Да, наши войска заняли нефтяные промыслы Майкопа, передовые танковые колонны сражались вдоль Терека и пробивались к Астрахани и южной Волге по степному бездорожью, но наступление явно потеряло темп первых недель. Интендантские службы не поспевали за наступавшими армиями. Давно иссякли запчасти для танков, подходили к концу боеприпасы. Хуже того, ежемесячный выпуск вооружений не соответствовал нуждам столь крупномасштабного наступления – мы производили тогда в три раза меньше танков и в четыре раза меньше артиллерийских орудий, чем в 1944 году. Износ боевой техники на таких огромных расстояниях был колоссальным. По нормам испытательного полигона в Куммерсдорфе, гусеницы и двигатель тяжелого танка нуждаются в ремонте через каждые 650–800 километров.

Гитлер ничего этого не понимал. Он считал врага слишком слабым, неспособным оказать мало-мальски реальное сопротивление и гнал измученные немецкие армии к южным

склонам Кавказа, в Грузию. Таким образом он отвлекал значительные силы от уже ослабленного острия наступления и направлял от Майкопа к Сочи. Эти войска, как предполагалось, должны были достичь Сухуми по узкой приморской дороге. Гитлер полагал, что если основной удар нанести здесь, то территории к северу от Кавказского хребта неизбежно отпадут к нам.

Однако войска были измотаны и не могли больше наступать, несмотря на грозные приказы Гитлера. На оперативных совещаниях Гитлеру показывали аэрофотоснимки непроходимых ореховых зарослей вокруг Сочи, а начальник штаба Гальдер предупреждал, что русские легко могут блокировать приморскую дорогу, взорвав крутые горные склоны, и в любом случае дорога слишком узка для наступления крупных соединений. На Гитлера все эти доводы впечатления не производили:

«Эти трудности можно преодолеть, как и любые другие! Сначала мы должны захватить дорогу. Тогда откроется путь на равнины южнее Кавказа. Там мы легко развернем наши армии и создадим базы снабжения. А через год или два мы начнем наступление в подбрюшье Британской империи. Минимальными усилиями мы сможем освободить Персию и Ирак. Население Индии восторженно встретит наши дивизии».

В 1944 году, инспектируя полиграфические предприятия, мы обнаружили, что одна из лейпцигских типографий огромными тиражами печатает для ОКВ персидские карты и разговорники. Контракт заключили и потом благополучно о нем забыли.

Даже я, непрофессионал в военном деле, понимал, что наше наступление захлебнулось. Затем поступило сообщение о том, что отряд немецких горных стрелков покорил гору Эльбрус высотой 5600 метров, главный пик Кавказа, окруженный огромными ледниками, и водрузил на вершине немецкий военный флаг. Безусловно, эту акцию можно было рассматривать лишь как рискованное приключение группы

альпинистов-энтузиастов. Мы могли понять их чувства, но военного значения эта акция не имела. Я часто видел Гитлера в ярости, но редко он так выходил из себя, как в тот момент, когда поступил этот рапорт. В течение нескольких часов он буйствовал так, словно эта маленькая вольность сорвала план всей военной кампании. И несколько дней спустя он продолжал ругать «чокнутых скалолазов», которых «следует предать военному трибуналу»: в разгар войны они играют в свои идиотские игры, возмущенно восклицал Гитлер, лезут на идиотскую вершину, хотя он приказал сосредоточить все усилия на Сухуми. Вот, мол, наглядный пример того, как исполняются его приказы.

Неотложные дела заставили меня вернуться в Берлин, а через несколько дней был смещен главнокомандующий дислоцированной на Кавказе группой армий, хотя его решительно отстаивал сам Йодль. Недели две спустя, вернувшись в Ставку, я обнаружил, что Гитлер успел рассориться и с Кейтелем, и с Йодлем, и с Гальдером. Он отказался подавать им руку и обедать с ними за общим столом. Отныне и до самого конца войны еду ему подавали в личный бункер, куда он изредка приглашал избранных гостей. Гитлер так никогда и не восстановил близких отношений со своими соратниками-военными.

Послужило ли тому причиной неудачное наступление, на которое Гитлер возлагал так много надежд, или он впервые почувствовал, что наступил перелом? Или он не хотел сидеть за одним столом со своими офицерами потому, что не был теперь неуязвимым лидером военного и мирного времени, но человеком, планы которого провалились? Или иссякли идеи, которые он нудно развивал перед своими сотрапезниками? А может быть, ему показалось, что он теряет силу своего магического воздействия на людей.

Кейтель несколько недель слонялся с горестным видом и демонстрировал величайшую преданность, так что Гитлер вскоре начал обращаться с ним более дружелюбно. Отношения с Йодлем, который, как обычно, оставался равнодушным

к капризам Гитлера, тоже более-менее наладились. А вот генералу Гальдеру, начальнику штаба главного командования сухопутных войск пришлось уйти. Гальдер был спокойным и немногословным человеком. Вечно подавляемый грубым напором Гитлера, он производил жалкое впечатление. Его преемник Курт Цайтцлер был полной его противоположностью: прямолинейный, бесчувственный, громогласный. Он был типичным служакой, не приученным к независимому мышлению, и несомненно олицетворял тип начальника штаба, более всего импониравший Гитлеру: «Надежный помощник, который не станет размышлять над моими приказами, а со всей энергией бросится их исполнять». Вероятно, поэтому Гитлер и не стал искать замену в рядах высших генералов. Цайтцлер, до того времени не занимавший высоких постов, перескочил сразу через два звания.

Назначив нового начальника штаба, Гитлер разрешил мне – на тот момент единственному из гражданских лиц – принимать участие в оперативных совещаниях. Я воспринял это как доказательство его удовлетворенности моей деятельностью – а у него были на то основания, ибо выпуск вооружений постоянно увеличивался. Однако я вряд ли удостоился бы этой чести, если бы думал, что мое присутствие может угрожать его авторитету, ведь мои возражения часто вызывали жаркие споры. Стало быть, время смятения кончилось – Гитлер снова чувствовал себя неуязвимым.

Каждый день около полудня начиналось оперативное совещание, длившееся от двух до трех часов. Сидел только Гитлер – в простом кресле с плетеным сиденьем. Остальные участники совещания – адъютанты, офицеры штаба ОКВ и Генерального штаба сухопутных войск, офицеры связи военно-воздушных сил, флота и войск СС – стояли вокруг стола, на котором расстилались карты. По большей части это были молодые приятные люди в чине полковника или майора. Вместе с ними стояли Кейтель, Йодль и Цайтцлер. Иногда приезжал Геринг. В виде исключения, а может, принимая во внимание его тучность, Гитлер приказывал принести

для рейхсмаршала табурет, на котором тот и сидел рядом с шефом.

Карты освещались настольными лампами на длинных гибких кронштейнах. Вначале обсуждался Восточный театр военных действий. На длинном столе перед Гитлером расстилали склеенные вместе три или четыре стратегические карты, каждая размером примерно 1,5 на 2,5 метра. На картах были отмечены все события предыдущего дня, каждое продвижение, даже патрули, и почти каждая деталь объяснялась начальником Генерального штаба. Карты постепенно перемещались по столу, чтобы Гитлер всегда видел комментируемый сектор. Еще дольше обсуждались более важные события. Гитлер замечал любые изменения, произошедшие за сутки. Одна только подготовка к этим совещаниям отнимала у начальника штаба и его офицеров кучу времени, а ведь у них были и более важные дела. Меня, непрофессионала, всегда поражало, как по ходу доклада Гитлер то и дело меняет дислокацию войск, двигая взад-вперед дивизии, или углубляется в мельчайшие детали.

В 1942 году Гитлер еще воспринимал новости об отступлениях весьма спокойно. А может, уже проявлялась его будущая апатия. Во всяком случае, он не выказывал никаких признаков отчаяния и по-прежнему как будто был полон решимости поддерживать образ непревзойденного военного правителя, чье самообладание ничто не может поколебать.

Гитлер неоднократно подчеркивал, что опыт, полученный в окопах Первой мировой войны, позволяет ему проникнуть в суть военной политики гораздо глубже, чем всем его военным советникам, прошедшим школу Генерального штаба, и отчасти он был прав. Однако, по мнению многих офицеров, «окопная перспектива» искажала его представление о процессе руководства армиями, и знание мелких деталей, необходимое для капрала, только мешало Гитлеру-полководцу. Генерал Фромм сформулировал в присущей ему лаконичной манере, что штатский, выступающий в роли главнокомандующего, возможно, имеет какие-то преимущества перед всеми

другими, но капрал, тем более никогда не воевавший на восточном фронте, не в силах понять особые проблемы ведения военных действий в этой части света.

Гитлер применял политику латания дыр, причем в самом узком ее понимании. К тому же на результат его действий обычно оказывал влияние тот факт, что природу любой местности невозможно адекватно представить по картам. Например, в начале лета 1942 года он лично приказал бросить в бой первые шесть «тигров». Как обычно, ожидалось, что новое оружие изменит ход сражения. Гитлер расписывал нам, как советские противотанковые ружья калибром 7,7 сантиметра, легко пробивавшие лобовую броню танков «Pz-IV» даже на значительном расстоянии, будут тщетно стрелять по «тиграм», пока не будут смяты их гусеницами. Штабисты возражали: выбранная Гитлером местность не позволит осуществить тактическое развертывание танков, так как по обе стороны дороги простираются болота. Гитлер отвергал эти возражения, не категорично, но с видом превосходства. Итак, первые «тигры» бросились в атаку. Все в напряжении ожидали результатов, и я тоже был встревожен, ибо премьера начиналась без генеральной репетиции. Русские хладнокровно пропустили наши танки через позиции противотанковых батарей и прямой наводкой ударили по первой и последней машине. Оставшиеся четыре танка не могли двинуться ни назад, ни вперед, обходному маневру мешали прилегающие болота, и вскоре со всеми «тиграми» было покончено. Гитлер никак не прокомментировал этот эпизод и больше о нем никогда не вспоминал.

О ситуации на Западном фронте, где бои тогда шли в основном в Африке, докладывал генерал Йодль. И тут Гитлер старательно вникал во все мелочи. Его сильно раздражал Роммель, часто присылавший удивительно расплывчатые донесения об оперативной обстановке. Другими словами, Роммель по несколько дней скрывал от Ставки истинное положение дел, надеясь сразу доложить о коренном переломе.

Гитлеру Роммель нравился, но его поведение вызывало бурное негодование.

Строго говоря, Йодль – как начальник штаба оперативного руководства вермахта – должен был координировать боевые действия на всех театрах войны, однако Гитлер, взяв на себя эту задачу, фактически ее игнорировал. Сфера полномочий Йодля оказалась неопределенной, но, чтобы делать хоть что-то, его персонал принял на себя независимое руководство некоторыми фронтами. В конце концов в армии образовалось два конкурирующих Генеральных штаба, а Гитлер, обожавший спорные ситуации, выступал в качестве третейского судьи. Чем критичнее становилась ситуация, тем яростнее оба штаба боролись за передислокацию дивизий с востока на запад и наоборот.

За обсуждением «оперативной обстановки» следовали доклады о «ситуации в воздухе и на море» за последние сутки. Как правило, офицеры связи или адъютанты соответствующих родов войск, но не сам главнокомандующий, коротко докладывали о налетах на Англию, бомбардировках немецких городов и достижениях немецкого подводного флота. В сфере воздушной и морской войны Гитлер предоставлял своим главнокомандующим свободу и по меньшей мере в тот период вмешивался в их действия довольно редко и только в качестве советчика.

К концу совещания Кейтель представлял Гитлеру на подпись различные документы. По большей части то были вызывавшие насмешки и опасения «директивы прикрытия», то есть приказы, избавлявшие самого Кейтеля или кого-то другого от возможных упреков Гитлера. Тогда я называл эту процедуру вопиющим злоупотреблением подписью Гитлера, поскольку таким образом несовместимым планам придавалась форма приказов, создававших неразбериху и неразрешимые противоречия.

Из-за сосредоточения столь большого количества людей в относительно маленьком пространстве в помещении становилось душно, что быстро утомляло и меня, и многих других.

Хотя была установлена вентиляционная система, Гитлер полагал, что она создает «избыточное давление», вызывающее головные боли и головокружение. Поэтому вентиляцию включали лишь до и после оперативного совещания. В самую хорошую погоду окно обычно оставалось закрытым, и даже днем шторы не раздвигали. Из-за всего этого воздух всегда был спертым.

Я предполагал, что на совещаниях царит уважительная тишина, и был удивлен тем, что свободные от доклада офицеры непринужденно, правда, негромко разговаривают друг с другом. Частенько, не обращая внимания на присутствие Гитлера, офицеры усаживались на стулья в глубине комнаты. Постоянный шумовой фон нервировал меня, но Гитлер раздражался, если только посторонние разговоры становились слишком громкими и возбужденными. В таких случаях он неодобрительно поднимал голову, и шум тут же стихал.

Примерно с осени 1942 года стало почти невозможно возражать Гитлеру по важным вопросам, разве что очень осмотрительно. Правда, Гитлер еще терпел возражения со стороны редких посетителей Ставки, но ни в коем случае не от своего постоянного окружения. Когда же он сам пытался убедить кого-то в своей правоте, то прибегал к пространным, общим рассуждениям, не давая оппоненту возможности вставить хоть слово. Если противоположное мнение высказывалось в ходе обсуждения, Гитлер обычно ловко обходил спорный момент, откладывая разъяснения до следующего совещания. Он полагал, что командующие стесняются отказываться от своей точки зрения перед лицом подчиненных, а может, ожидал, что его величие и убежденность лучше сработают в разговоре тет-а-тет. Однако его чары вряд ли распространялись по телефонным проводам, и, вероятно, поэтому он испытывал стойкую неприязнь к ведению важных переговоров по телефону.

Поздно вечером проводилось еще одно оперативное совещание, на котором один из младших офицеров Генерального штаба ОКХ наедине докладывал Гитлеру об изменениях

на фронтах за последние несколько часов. Если мне предстояло ужинать с Гитлером, то он иногда брал меня с собой. Несомненно, на этих вечерних совещаниях Гитлер чувствовал себя гораздо непринужденнее, к чему располагала неформальная обстановка.

Безусловно, большую часть вины за то, что Гитлер все больше верил в свои сверхъестественные способности, следует возложить на его ближайшее окружение. Эту игру затеял еще фельдмаршал Бломберг, первый и последний военный министр, обожавший превозносить непревзойденный стратегический талант Гитлера. Даже более сдержанный и скромный человек, на которого постоянно обрушивается поток восхвалений, может потерять всякую способность к самокритике.

В полном соответствии со своей природой Гитлер предпочитал искать совета у тех, кто видел ситуацию еще более оптимистично и заблуждался еще больше, чем он сам. И таким советчиком часто оказывался Кейтель. Когда большинство офицеров реагировало на решения Гитлера многозначительным молчанием, именно Кейтель спешил высказаться в поддержку шефа. Постоянно находясь рядом с Гитлером, Кейтель полностью подпал под его влияние. Из честного, уважаемого генерала он превратился в подбострастного льстеца, начисто лишенного интуиции. В сущности, Кейтель ненавидел собственную слабость, но безнадежность любых споров с Гитлером в конце концов довела его до того, что он даже не пытался сформулировать собственное мнение. Правда, если бы он попытался возражать и упорно настаивать на своей точке зрения, его просто заменили бы другим «кейтелем».

В 1943–1944 годах, когда Шмундт, главный адъютант фюрера и (с сентября 1944 года) начальник управления личного состава главного командования сухопутных войск, попытался вместе со своими сторонниками заменить Кейтеля гораздо более волевым фельдмаршалом Кессельрингом, Гитлер заявил, что не может обойтись без Кейтеля, поскольку

он ему «предан как собака». Вероятно, именно такие люди были необходимы Гитлеру, и Кейтель идеально соответствовал представлениям Гитлера о ближайшем окружении.

Генерал Йодль редко открыто возражал Гитлеру, он действовал дипломатично: обычно не выражал свое мнение сразу, обходя таким образом щекотливые вопросы, но позже пытался убедить Гитлера уступить или даже полностью изменить уже принятое решение. Иногда его суждения относительно Гитлера показывали, что он сохранил способность беспристрастной оценки фюрера.

Подчиненные Кейтеля, такие, как, например, его заместитель генерал Барлимонт, вели себя не смелее своего начальника, ибо Кейтель никогда не защищал их от гнева Гитлера. Правда, время от времени они пытались исправить очевидно абсурдные приказы, добавив в них без ведома Гитлера мелкие оговорки. Подчиняясь человеку, столь покорному и нерешительному, как Кейтель, штабистам ОКВ часто приходилось выискивать самые невероятные окольные пути для достижения своих целей.

Покорность генералов, возможно, отчасти объяснялась их постоянной усталостью. Рабочий распорядок Гитлера совершенно не совпадал с нормальным распорядком штаба Верховного главнокомандования. В результате генералам редко удавалось выспаться. Их физическое перенапряжение в течение длительного времени, вероятно, влияло на ход событий гораздо сильнее, чем принято полагать. И при неформальном общении Кейтель и Йодль производили впечатление измученных, выдохшихся людей. Чтобы влить свежую кровь в окружение фюрера, я надеялся ввести в Ставку – кроме Фромма – своего друга фельдмаршала Мильха. Я стал брать его с собой в Ставку, якобы для отчетов о деятельности управления централизованного планирования. Несколько раз все прошло хорошо, и Мильх добился одобрения своей программы по выпуску истребителей вместо запланированной серии тяжелых бомбардировщиков, как вдруг Геринг запретил ему посещать Ставку.

В конце 1942 года и Геринг казался изнуренным. Я обратил на это внимание, когда сидел с ним в павильоне, построенном на территории Ставки специально для его кратких визитов и обставленном гораздо шикарнее скромного бункера Гитлера. Неожиданно Геринг уныло произнес: «Нам повезет, если Германия после войны сможет сохраниться в границах 1933 года». Он тут же спохватился и попытался смягчить свое замечание банальными выражениями уверенности в нашей победе, но у меня сложилось впечатление, что это пустые слова и он предчувствует приближение катастрофы.

Прибыв в Ставку фюрера, Геринг обычно удалялся на несколько минут в свой павильон, а генерал Боденшатц, его офицер связи при Гитлере, покидал оперативное совещание, чтобы, как мы предполагали, подробно осведомить шефа о спорных вопросах. Пятнадцать минут спустя Геринг являлся на совещание и с энтузиазмом поддерживал именно то мнение, которое Гитлер хотел навязать генералам. Гитлер обводил взглядом присутствующих и говорил: «Вот видите, рейхсмаршал придерживается того же мнения, что и я».

7 ноября 1942 года я сопровождал Гитлера в Мюнхен в его личном поезде. Подобные путешествия давали мне прекрасную возможность посвятить Гитлера в насущные, но требующие длительного обсуждения вопросы производства вооружений. Поезд был оснащен радиосвязью, телетайпом и телефонным коммутатором. В тот раз с нами ехали Йодль и несколько офицеров Генерального штаба.

Атмосфера была напряженной. Мы уже сильно опаздывали, так как на каждой большой станции надолго останавливались, чтобы подсоединить телефонный кабель к железнодорожной телеграфной системе и получить самые свежие донесения. Это было важно, так как с раннего утра мощная армада транспортных судов западных союзников в сопровождении военных кораблей двигалась через Гибралтарский пролив в Средиземное море.

В первые годы правления Гитлер имел привычку на всех остановках показываться народу из окна своего поезда.

Теперь он, казалось, не желал столкновений с внешним миром: шторы на окнах, выходящих к вокзалу, обязательно опускались. Поздно вечером мы с Гитлером сидели в вагоне-ресторане, обшитом панелями из красного дерева. Обеденный стол украшали элегантные серебряные столовые приборы, хрусталь, дорогой фарфор и букеты цветов. За обильным ужином никто из нас сперва не заметил товарный поезд, остановившийся на заднем пути. Из вагона для перевозки скота на поглощавших ужин людей таращились оборванные, изголодавшиеся немецкие солдаты, среди которых были и раненые. Заметив в паре метров от себя эту мрачную картину, Гитлер вздрогнул и, даже не поприветствовав солдат, приказал лакею задернуть шторы. Вот так во второй половине войны прошла встреча Гитлера с простыми фронтовиками, такими, каким когда-то был он сам.

На каждой станции по всему пути следования нам передавали донесения авиаразведки о все большем количестве миновавших Гибралтар и идущих по Средиземному морю на восток судов. «Это величайшая десантная операция в истории человечества», – уважительно заявил Гитлер. Может быть, его обуяла гордость при мысли о том, что он явился причиной столь величественного мероприятия. До следующего утра десантный флот стоял севернее марокканского и алжирского побережья.

Ночью Гитлер выдвинул несколько различных предположений столь загадочного поведения противника, но самым вероятным объяснением ему казалось то, что это операция по широкомасштабному обеспечению всем необходимым англо-американских соединений, теснивших Африканский корпус Роммеля. Вот и ответ на вопрос, почему корабли держатся вместе, заключил Гитлер: они собираются пройти через узкий пролив между Сицилией и Африкой под прикрытием темноты, защищающей их от нашей авиации. Или же – и эта вторая версия больше соответствовала его склонности к рискованным военным операциям: «Сегодня вечером противник высадится в Центральной Италии, где не встретит никакого

сопротивления. Немецких войск там нет, а итальянцы просто разбегутся. В результате противник отрежет Северную Италию от Южной. И что тогда станется с Роммелем? Он будет быстро разгромлен. У него нет резервов, а доставлять ему боеприпасы, продовольствие и горючее мы не сможем».

Увлечшись рассуждениями о грандиозных военных операциях, которых так давно был лишен, Гитлер ставил себя на место противника: «Я бы сразу занял Рим и сформировал новое итальянское правительство. Или – и это третий вариант – я воспользовался бы этим огромным флотом для десанта в Южной Франции. Мы всегда вели себя слишком благородно. И вот каков результат! Там нет никаких укреплений и немецких войск. Мы совершили огромную ошибку, не оставив там гарнизоны. Правительство Петена, без сомнения, не окажет никакого сопротивления». Временами он словно забывал, что все эти войска угрожают именно ему.

Догадки Гитлера были далеки от реальности. Ему даже в голову не пришло, что целью столь грандиозной десантной операции не обязательно должен быть внезапный удар. Высадить войска на безопасных участках, откуда они смогут методично, без ненужного риска развернуть наступление, – подобная стратегия была чужда Гитлеру. Однако в ту ночь он ясно понял одно: второй фронт из иллюзии превращался в реальность.

Наутро войска западных союзников хлынули в Северную Африку, и, несмотря на это, Гитлер не отменил свою речь в память неудавшегося путча 1923 года. Я по сей день помню, как был шокирован тогда. Вместо того чтобы хоть как-то обрисовать тяжесть положения и призвать народ объединить усилия в борьбе, он прибегнул к привычной риторике: «Мы уверены в нашей победе!.. Они полные идиоты (и это о противнике, которому лишь накануне воздавал должное!), если думают, что смогут когда-нибудь разгромить Германию... Мы не погибнем; следовательно, погибнут они».

Поздней осенью 1942 года на одном из оперативных совещаний Гитлер торжественно объявил: «Русские уже посылают в бой курсантов. Это наглядное доказательство того, что их силы иссякают. Страна приносит в жертву будущее поколение офицеров, когда ничего другого не остается».

Несколько недель спустя, 19 ноября 1942 года, Гитлер, за пару дней до того удалившийся в Оберзальцберг, получил первые донесения о крупномасштабном зимнем наступлении русских. Наступление, которое через девять недель привело к капитуляции нашей сталинградской группировки, началось от города Серафимович.

После ожесточенной артподготовки крупные советские соединения прорвали позиции румынских дивизий. Вначале Гитлер пытался объяснить эту катастрофу и преуменьшить ее значение расплывчатыми замечаниями о низкой боеспособности своих союзников, однако вскоре советские войска начали теснить и немецкие дивизии. Фронт рушился.

Гитлер метался по залу Бергхофа, изливая гнев на командующих: «Наши генералы повторяют свои старые ошибки. Они всегда переоценивали силы русских. Судя по донесениям с передовой, противник исчерпал человеческий ресурс. Русские ослаблены; они понесли слишком большие потери. Разумеется, подобные донесения никого не устраивают. Кроме того, русские офицеры плохо подготовлены! Они просто не могут организовать такое наступление. Мы прекрасно понимаем, что для этого необходимо! Рано или поздно их наступление просто захлебнется. Они выдохнутся. А мы тогда бросим в бой свежие дивизии и покончим с ними».

В мирной атмосфере Бергхофа Гитлер просто не понимал, что происходит на востоке, но через три дня, когда дурные новости хлынули нескончаемым потоком, он помчался в Восточную Пруссию.

Через несколько дней стратегическая карта растенбургской Ставки на участке фронта от Воронежа до Сталинграда – протяженностью 200 километров – была исчеркана красными

стрелами, обозначавшими прорыв советских армий. Синие кружки между стрелами показывали очаги сопротивления остатков немецких дивизий и дивизий наших союзников. Сталинград уже был обведен красными кольцами. Встревоженный Гитлер приказал срочно отправить войска с других секторов фронта и оккупированных территорий на южный участок. Оперативного резерва не было, хотя генерал Цайтцлер давно предупреждал: всем дивизиям в Южной России приходится защищать слишком длинный участок фронта, что не позволит им противостоять серьезному наступлению советских войск.

Когда Сталинград был окружен, раскрасневшийся и изнуренный недостатком сна Цайтцлер настоял на прорыве 6-й армии на запад. Он засыпал Гитлера информацией обо всем, чего не хватало армии, в частности, речь шла о продовольствии и горючем. Невозможно стало снабжать горячей пищей солдат, замерзавших в руинах Сталинграда и занесенных снегом степях. Гитлер оставался невозмутимым и уверенным, словно стремился продемонстрировать, что возбуждение Цайтцлера – всего лишь нервный срыв перед лицом опасности: «В результате контрнаступления, проводимого по моему приказу, Сталинград скоро будет освобожден. Ситуация выправится. Как вы знаете, мы и прежде часто попадали в подобное положение и в конце концов всегда решали проблему». Гитлер распорядился отправить войскам, осуществлявшим контрнаступление, эшелоны с боеприпасами, продовольствием и горючим, дабы сразу же по освобождении Сталинграда облегчить страдания вызволенных из окружения солдат. Цайтцлер с этим решением не согласился, и Гитлер выслушал его не прерывая. Войска, выделенные для контрнаступления, слишком слабы, убеждал Цайтцлер, но если 6-я армия прорвется на запад и им удастся соединиться, то они смогут занять новые позиции южнее. Гитлер возражал, Цайтцлер стоял на своем. Спор продолжался более получаса, и терпение Гитлера лопнуло: «Мы должны удерживать Сталинград. Должны! Это ключевая позиция. Перерезав

линии снабжения русских, мы создадим им непреодолимые трудности. Как тогда они смогут доставлять зерно из Южной России на север?» Это прозвучало неубедительно. Мне показалось, что Сталинград для Гитлера скорее символ, чем важный опорный пункт, но на этом дискуссия закончилась.

На следующий день положение наших войск ухудшилось. Цайтцлер стал еще настойчивее, а атмосфера на оперативном совещании – мрачнее. Даже Гитлер выглядел усталым и подавленным. Впервые он заговорил о прорыве и потребовал сведения о том, сколько тонн припасов необходимо поставлять каждый день, чтобы сохранить боеспособность более двухсот тысяч солдат.

Двадцать четыре часа спустя судьба окруженной армии была окончательно решена. На совещании появился Геринг, бодрый и сияющий, словно опереточный тенор, играющий роль победоносного рейхсмаршала. Подавленный Гитлер с мольбой в голосе спросил его: «Можно ли обеспечить снабжение сталинградской армии по воздуху?» Геринг щелкнул каблуками и торжественно произнес: «Мой фюрер! Я лично гарантирую снабжение Сталинграда. Можете на меня положиться!» Как позже рассказал мне Мильх, в Генеральном штабе военно-воздушных сил рассчитали, что снабжение окруженной группировки невозможно. Цайтцлер мгновенно высказал свои сомнения, но Геринг возразил, что все необходимые расчеты – дело исключительно военно-воздушных сил. Гитлер, как правило, педантично вникавший во все мелочи, в тот день даже не спросил, откуда возьмутся необходимые для операции самолеты. Обещание Геринга его взбодрило, и он обрел прежнюю решительность: «Значит, Сталинград можно удержать! Глупо продолжать болтовню о прорыве 6-й армии. Она потеряет все тяжелое вооружение и станет небоеспособной. 6-я армия остается в Сталинграде!».

Хотя Геринг прекрасно понимал, что судьба окруженной в Сталинграде армии зависит от его обещания, 12 декабря 1942 года он разослал своим подчиненным приглашения на оперу Рихарда Вагнера «Мейстерзингеры», исполнявшуюся

в честь открытия восстановленного здания Берлинской государственной оперы. Мы явились на спектакль в вечерних костюмах или парадных мундирах и расселись в большой ложе фюрера. Веселый сюжет оперы резко контрастировал с событиями на фронте, и я бранил себя за то, что принял приглашение.

Через несколько дней я вернулся в Ставку фюрера. Цайтцлер теперь ежедневно отчитывался о том, сколько тонн продовольствия и боеприпасов 6-я армия получает по воздуху, что составляло ничтожную долю от обещанного. Гитлер постоянно призывал Геринга к ответу, но тот с прежним постоянством находил оправдания: из-за плохой погоды, тумана, мороза или снежного бурана невозможно поднять в воздух столько самолетов, сколько планировалось, но как только погода улучшится, обещанное количество продовольствия, горючего и боеприпасов будет непременно доставлено.

А пока в окруженных войсках снова уменьшили нормы довольствия. В буфете Генштаба Цайтцлер демонстративно требовал такой же паек и заметно худел. Через несколько дней Гитлер заявил, что начальнику Генштаба непозволительно истощать себя, демонстрируя солидарность с войсками, и приказал Цайтцлеру питаться нормально. Однако на несколько недель фюрер наложил запрет на коньяк и шампанское. Настроение в Ставке становилось все более подавленным, лица офицеров превращались в скорбные маски, часто воцарялось молчание. Никто не хотел говорить о постепенном уничтожении армии, всего лишь несколько месяцев назад столь победоносной.

Гитлер продолжал надеяться. Он все еще уповал на лучшее во время моего следующего визита в Ставку со 2 по 7 января, хотя контрнаступление, организованное по его приказу для того, чтобы прорвать кольцо вокруг Сталинграда и доставить необходимые припасы погибающей армии, провалилось две недели назад. Правда, еще теплилась надежда на решение об эвакуации 6-й армии из котла.

Как-то, когда я ждал в помещении рядом с комнатой оперативных совещаний, я услышал, как Цайтцлер буквально умолял Кейтеля хотя бы сейчас помочь ему убедить Гитлера отдать приказ об эвакуации. Это последний момент, когда еще можно предотвратить страшную катастрофу, говорил Цайтцлер. Кейтель торжественно пообещал Цайтцлеру поддержать его, но во время совещания, когда Гитлер вновь подчеркнул, как важно отстоять Сталинград, Кейтель прошествовал к карте и, указав на крохотный район города, окруженный широкими красными кольцами, взволнованно воскликнул: «Мой фюрер, мы удержим город!».

В этой безнадежной ситуации 15 января 1943 года Гитлер подписал специальную директиву, предоставлявшую фельдмаршалу Мильху полномочия использовать для снабжения Сталинграда такое число военных и гражданских самолетов, какое он сочтет необходимым, не испрашивая разрешения Геринга.

В то время я несколько раз звонил Мильху, так как он обещал спасти моего брата, оказавшегося в окружении под Сталинградом. Однако в общем хаосе найти его не смогли. Брат присылал мне письма, полные отчаяния. Когда он заболел желтухой и у него распухли суставы, его забрали в полевой госпиталь, но он не смог выдержать тамошних условий и дотащился до своих друзей на наблюдательный артиллерийский пост. Больше писем от него не было. Такие же душевные страдания, как я и мои родители, испытывали сотни тысяч семей, некоторое время получавшие авиапочту из окруженного города, а затем потерявшие со своими близкими всякую связь.

Гитлер не обронил ни единого слова о катастрофе, за которую несли ответственность только он и Геринг, но приказал сформировать новую 6-ю армию, которой надлежало возродить славу погибшей. Полтора года спустя, в середине августа 1944 года, и эта армия была окружена русскими и уничтожена.

Наши враги справедливо называли сталинградскую катастрофу коренным переломом в той войне, однако в Ставке

Гитлера наступило лишь временное оцепенение, сменившееся лихорадочной штабной работой и бесконечными обсуждениями самых незначительных деталей. Гитлер начал строить планы новых побед на 1943 год. Правящая верхушка рейха, уже разрываемая противоречиями, завистью и ревностью, не сомкнула ряды перед надвигавшейся опасностью. Наоборот, в лабиринте интриг, созданном Гитлером путем разделения центров власти, все игроки повысили ставки.

Альберт Шпеер. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. – М., 2005. – 656 с.

109. Из протокола правительственного совещания в Ванзее (20 января 1942 г.)

В совещании, которое состоялось в пригороде Берлина, приняло участие 15 нацистских руководителей высокого ранга. По итогам совещания был подготовлен циркуляр, в котором формулировались основные идеи «окончательного решения» еврейского вопроса, об уничтожении примерно 11 млн европейских евреев.

II. [...]Начальник полиции безопасности и СД (...) Гейдрих сообщил, что рейхсмаршал [Геринг] назначил его на должность уполномоченного по подготовке окончательного решения еврейского вопроса в Европе [...].

С момента нашего прихода к власти до 31 октября 1941 г. были принуждены эмигрировать в общей сложности около 537 000 евреев [...]. Тем временем рейхсфюрер СС и начальник германской полиции запретил эмиграцию, принимая во внимание опасность эмиграции во время войны и возможности, имеющиеся на Востоке.

III. *С тех пор место эмиграции в качестве следующей возможности решения вопроса после соответствующего предварительного одобрения фюрером заняла эвакуация евреев на Восток.*

Однако эти действия следует рассматривать как временные меры [...] для предстоящего окончательного решения еврейского вопроса. В ходе этого окончательного решения еврейского вопроса в Европе принимаются во внимание около 11 миллионов евреев, которые распределяются по странам следующим образом. (...)

В ходе окончательного решения вопроса евреи на Востоке под надлежащим надзором должны быть соответствующим образом использованы в качестве рабочей силы.

Большими рабочими колоннами, отдельно мужчины и женщины, трудоспособные евреи будут переведены в восточные области, где их будут использовать на строительстве дорог, причем, несомненно, большая часть их вымрет в результате естественного отбора. С той частью евреев, которая выживет, поскольку речь идет, несомненно, о самой жизнеспособной части, нужно будет обращаться соответствующим образом, так как наиболее здоровые от природы люди, будучи отпущенными на свободу, могут стать зародышем нового еврейского возрождения (...). В ходе практического решения еврейского вопроса Европа будет прочесана с запада на восток [...]. Эвакуируемых евреев постепенно будут доставлять в так называемые транзитные гетто, чтобы оттуда перевозить далее на восток [...] [...] Предполагается евреев в возрасте 65 лет не эвакуировать, а доставлять в гетто для престарелых – для этой цели предназначен Терезиенштадт.

[...] IV. В ходе подготовки к окончательному решению еврейского вопроса в основу должны лечь Нюрнбергские законы, причем предпосылкой для полного урегулирования проблемы является также решение вопросов, связанных со смешанными браками и с лицами смешанного происхождения [...].

[...] Евреев нужно как можно быстрее удалить с территории генерал-губернаторства, так как именно здесь еврей как носитель заразы представляет значительную опасность и, с другой стороны, еврей, ввиду продолжающейся спекуляции постоянно вносит беспорядок в экономическую структуру

страны. Из принимаемых в расчет двух с половиной миллионов евреев большинство к тому же нетрудоспособно [...].

[...] [На совещании] защищалась точка зрения, согласно которой определенные подготовительные мероприятия в ходе окончательного решения еврейского вопроса необходимо немедленно провести непосредственно в соответствующих областях, при этом, однако, следует избегать возбуждения беспокойства населения [...].

СС в действии. Документы о преступлениях СС, М., 1969. С. 147-155.

110. Из «Памятки об использовании труда советских военнопленных» (15 августа 1941 г.)

Штаб ОКБ (Верховного главнокомандования вермахта) издал указания об использовании труда советских военнопленных, согласно которым использование русских военнопленных допускается лишь при условиях, являющихся значительно более строгими по сравнению с условиями работы военнопленных иных национальностей. Вот эти условия, соблюдение которых является совершенно обязательным:

1. Сентябрь 1939 г. – февраль 1943 г.

1) Для того чтобы обеспечить необходимую постоянную охрану русских военнопленных, находящихся в жилых помещениях, требуется усиленный состав охранных команд. Такая охрана может быть обеспечена лишь в том случае, если численность самой рабочей команды будет составлять не менее 100 человек. В особенности надо обратить внимание на следующее:

а) Минимальная численность рабочих команд, формируемых из русских военнопленных, должна составлять 100 человек, если они используются на такой работе, на которой до этого были заняты военнопленные другой национальности, подлежащие теперь замене русскими военнопленными.

б) Минимальная численность рабочих команд, формируемых из русских военнопленных, должна составлять 200 человек, если на данной работе до этого вообще не использовались военнопленные.

2) Помещения для русских должны находиться вне населенных пунктов. В тех случаях, когда эти помещения находятся внутри населенных пунктов, охрана должна иметь возможность наблюдения и обстрела.

3) Помещения должны быть обязательно обнесены двумя рядами колючей проволоки высотой не менее двух метров.

4) В противоположность повышенным требованиям, предъявляемым к обеспечению охраны жилых помещений для русских военнопленных, требования к этим помещениям с точки зрения жилищных удобств являются самыми минимальными. Уборные должны обязательно находиться в пределах зоны, окруженной колючей проволокой. В противном случае следует считать помещение неподготовленным для размещения русских военнопленных. Ответственность за приготовление пищи для военнопленных возлагается на работодателя, причем оно должно производиться вне пределов зоны размещения военнопленных, чтобы исключить всякую возможность прикосновения русских военнопленных с гражданскими лицами, занимающимися приготовлением пищи. Русские военнопленные не должны участвовать в приготовлении пищи; воспрещается также хранение продуктов питания в пределах зоны размещения военнопленных.

7) Размеры продовольственных пайков для находящихся на работе русских военнопленных отличаются от пайков, предоставляемых военнопленным других национальностей; о них будет сообщено дополнительно.

8) Русские военнопленные должны работать только компактными группами, в составе которых все рабочие сосредоточены в одном месте; эти группы должны всегда оставаться сосредоточенными для того, чтобы обеспечить их постоянную и тщательную охрану. На те работы, где такое сосредоточенное использование невозможно, русских военнопленных

направлять не следует. Таким образом, распределение небольших групп на сколько рабочих мест в пределах одного предприятия недопустимо, так как это препятствует обеспечению предписанной системы охраны.

9) Немецкие рабочие не должны работать на одном рабочем месте с русскими военнопленными или в непосредственной близости от них. На эти рабочие места могут допускаться только надежные немецкие граждане – лица, которые сами не работают, а лишь дают указания по работе и наблюдают за их исполнением.

10) Относительно обращения с русскими военнопленными имеются следующие указания. Русские военнопленные прошли школу большевизма, их нужно рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками. Согласно советским инструкциям они даже в плену должны активно бороться против государства, взявшего их в плен. Поэтому нужно с самого начала обращаться со всеми русскими военнопленными с беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод. Полнейшая изоляция военнопленных от гражданского населения как на работе, так и во время отдыха должна соблюдаться строжайшим образом. Все гражданские лица, пытающиеся каким-либо путем сблизиться с русскими военнопленными, находящимися на работе, беседовать с ними, передавать им деньги, продукты питания и пр., должны безусловно задерживаться, допрашиваться и передаваться полиции.

11) В пределах военного округа ответственность за использование труда советских военнопленных лежит на командующем военным округом и на начальнике отдела по делам военнопленных. Поэтому при проведении всех мероприятий по использованию советских военнопленных следует руководствоваться исключительно приказами и распоряжениями начальника отдела по делам военнопленных VIII военного округа. Всякое непосредственное участие трудовых управлений в использовании труда советских военнопленных воспрещается. В вопросах использования русской рабочей

силы их функции сводятся к направлению заявок командованию округа и начальнику отдела по делам военнопленных.

Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: В 8 т. Т. 4. М.: 1990. С. 206-207.

111. Из тайного распоряжения А. Гитлера о мобилизации дополнительных фронтовых резервов (13 января 1943 г.)

Потребность в силах для выполнения задач по обороне рейха делает необходимым охватить всех мужчин и женщин, рабочая сила которых, [...] не использовалась для этой цели и мобилизовать их производительность. Целью этого является освобождение для мобилизации на фронт мужчин, годных к военной службе.

[...] Следующим я устанавливаю:

1. Шеф ОКБ должен распорядиться, чтобы снова тщательно проверить все необходимые должности и во всех случаях, в которых это возможно без угрозы другим военным задачам, их упразднить.

II. [...] Обязанностью высших органов власти рейха и комиссаров по обороне рейха является прекращение в отдельных отраслях управления всех работ, не связанных с выполнением этих целей и, насколько возможно, закрытие служб, организаций или учреждений.

III. Для использования рабочей силы необходимо приступить к самым неотложным мерам и провести в жизнь за кратчайший срок следующее:

1. [...] Генеральный уполномоченный по трудовой мобилизации должен распорядиться о явке для трудовой мобилизации всех еще не охваченных ею лиц, а именно: мужчин в возрасте от полных 16 лет и до 65 лет, женщин в возрасте от полных 17 и до 50 лет. [...] из торговли, ремесла и промыслов, а также из числа занятых в области свободных профессий, если они не заняты преимущественно деятельностью, важной в военном отношении [...].

2. Чтобы создать обширные [ресурсы] рабочей силы [...] необходимо, [...] закрывать производства и предприятия, которые не задействованы в выполнении задач военной экономики или в удовлетворении жизненно важных потребностей.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 410-411.

112. Из листовки христианско-студенческой организации Сопrotивления «Белая роза» в Мюнхене (середина февраля 1943 г.)

[...] Потрясенным стоит наш народ перед гибелью мужчин в Сталинграде. Триста тридцать тысяч немецких мужчин бессмысленно и безответственно доведены до смерти и гибели гениальной стратегией ефрейтора мировой войны. Фюрер, мы благодарим тебя!

В немецком народе беспокойно: хотим ли мы дальше доверять участь нашей армии дилетанту? Хотим ли мы жертвовать оставшимися немецкими юношами ради низменного инстинкта власти партийной клики? Никогда! День расчета наступил, расчета немецкой молодежи с достойной отвращения тиранией, которую наш народ когда-либо терпел.

От имени немецких юношей мы требуем от государства Адольфа Гитлера возвращения личной свободы – драгоценного приобретения немцев, которого он нас лишил обманным путем. Свобода и честь! Десять долгих лет Гитлер и его соратники до отвращения давили, перемалывали, перекручивали оба этих светлых немецких слова, как могли сделать только дилетанты, которые выбросили ценности нации свиньям.

Что для них значили свобода и честь, они показали десятью годами разрушения всей материальной и духовной свободы, всей морально-нравственной субстанции в немецком народе.

Ужасная кровавая баня открыла глаза даже глупейшему немцу, что они натворили и ежедневно творят от имени

свободы и чести немецкой нации во всей Европе. Немецкое имя останется покрыто позором, если немецкое юношество, наконец, не поднимется отомстить, а заодно, искупить вину, если не разобьет вдребезги своего мучителя, и не восстановит духовно Европу.

Студентки! Студенты! На нас смотрит немецкий народ! Как в 1813 г. немцы ждали победы над Наполеоном, от нас ждут в 1943 г. преодоления нацистского террора силой духа. Березина и Сталинград пламенеют на Востоке, мертвые Сталинграда заклинаят нас.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 413-414.

113. Из речи Й. Геббельса о «тотальной войне» в Берлинском дворце спорта (18 февраля 1943 г.)

[...] Итак, вы, мои слушатели, представляете в данный момент нацию. И перед вами я хотел бы поставить десять вопросов, на которые вы обязаны вместе со мной ответить немецкому народу перед всем миром, особенно перед нашими врагами, которые слушают нас по своему радио. Англичане утверждают, что немецкий народ потерял веру в победу. Я спрашиваю вас: верите ли вы с фюрером и с нами вместе в окончательную победу немецкого народа? Я спрашиваю вас: вы готовы последовать за фюрером в завоевании победы сквозь огонь и воду, взвалить на себя тяжелейшую персональную нагрузку?

Второе. Англичане утверждают, что немецкий народ устал от борьбы. Я спрашиваю вас: готовы ли вы вместе с фюрером продолжать стоять как непоколебимая фаланга отечества позади сражающегося вермахта, с непоколебимостью и решимостью, вопреки судьбе и до победы в наших руках? [...]

Четвертое. Англичане утверждают, что немецкий народ противится тотальным военным мерам правительства. Он хочет не тотальной войны, а капитуляции. Я спрашиваю вас: Хотите ли вы тотальной войны? Хотите ли вы, чтобы по необходимости, она стала еще тотальней и радикальней, чем можно представить сегодня?

Пятое. Англичане утверждают, что немецкий народ утратил веру в фюрера. Я спрашиваю вас: ваше доверие к фюреру сегодня больше, вернее, непоколебимее, чем когда-либо? (Толпа поднялась, как один человек. Соглашаясь, скандируют хором: «Фюрер, приказывай, мы последуем!») (...)

Я спрашиваю вас в десятый раз: одобрите ли вы, если будет необходимость, радикальные меры против небольшого круга трусов и спекулянтов, которые в самый разгар войны играют в мир и желают использовать нужды народа в корыстных целях? Поэтому вы согласитесь с тем, что, тот, кто провинится на войне, потеряет голову? Я вас спрашивал: вы дали мне свой ответ. Вы – часть народа, через ваши уста прозвучала точка зрения немецкого народа.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 414.

114. Из полицейского доклада о бомбардировке Гамбурга (август 1943 г.)

Число погибших до сегодняшнего дня еще не установлено окончательно [...].

С 25 июля по 3 августа 1943 г. Гамбург выдержал 7 террористических налетов авиации противника. Четыре тяжелых, продолжительных налета и три средних. Из них было 2 дневных налета. По оценке в одном авианалете участвовало 3000 самолетов, [...] было сбито 35. На жилые районы было сброшено большое количество мин, бризантных и зажигательных бомб, которые произвели большое опустошение. Появились обширные площади пожаров, которые разрослись

до урагана огня и сжигали все, что попадалось на пути. Большая часть города полностью уничтожена. Из 122 328 жилых домов 35 719 было полностью разрушено, 4666 тяжело повреждено, и 18 062 повреждено легко. Эти числа лучше всего показывают размер катастрофы.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 417.

115. Из приказа Вильгельма Кейтеля о мерах против «явлений разложения» (23 сентября 1944 г.)

Вильгельм Кейтель (1882–1946) – генерал-фельдмаршал, участник Первой мировой войны, в 1919–1932 гг. служил в рейхсвере, в 1933–1938г. – командир дивизии, в 1938–1945 гг. – начальник штаба ОКВ. 8 мая 1945 г. подписал Акт о безоговорочной капитуляции. По приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге был повешен.

На отдельных участках фронта обострение эмоций привело к явлениям разложения. На будущее, чтобы подавлять эти явления в зародыше, с самого начала, по особому указанию фюрера было установлено:

1. По отношению к неустойчивым элементам, которые нарушением служебного долга или другими уголовно наказуемыми деяниями угрожают боевому духу войск, влекут за собой или покровительствуют явлениям разложения, – необходимо немедленно и с чрезвычайной строгостью принимать решительные меры на месте, а при риске промедления тотчас же применять оружие. Это особенно относится к командирам войск и к младшим офицерам, проявляющим трусость [...]. С такой же строгостью необходимо, при известных условиях, [...] принимать меры к солдатам, которые бросают винтовки или другое легкое оружие [...].

2. Судьи военно-полевых судов имеют исключительное право за такие уголовные деяния всякому, включая офицеров любого ранга, непосредственно выносить смертный приговор [...]. Смертные приговоры должны приводиться в исполнение немедленно, на глазах у войск.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 418-419.

116. Из приказа Гитлера о «фольксштурме» (25 сентября 1944 г.)

1. Во всех гау [округах] Великогерманского рейха необходимо организовать из всех способных носить оружие мужчин в возрасте от 16 до 60 лет немецкий фольксштурм. Он будет оборонять родную землю всем имеющимся оружием и всеми средствами.

[...] 4. Члены фольксштурма во время их службы и в соответствии с законом о военной службе являются солдатами. Рейхсфюрер СС, как главнокомандующий резервной армией, является ответственным за военную организацию, подготовку, вооружение и экипировку немецкого фольксштурма. Применение в бою немецкого фольксштурма происходит после моих указаний рейхсфюрером СС как главнокомандующим резервной армией.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 418-419.

117. Из приказа В. Кейтеля об «ответственности семей» (5 февраля 1945 г.)

[...] В то время как подавляющее большинство всех военнопленных немецких солдат считает своим очевидным долгом, что лучше умереть или претерпеть тяжелые испытания, чем предать фюрера, народ и отечество, отдельные потерявшие честь элементы давали показания о численности,

вооружении и месте расположения войск или иначе стали предателями страны. С опасностью, которая вследствие этого предательства отягощает сражающийся фронт и военные усилия Родины, необходимо беспощадно бороться всеми средствами. Этого требует безопасность рейха и сохранение нации.

Поэтому на основании указаний фюрера приказываю: За солдат вермахта, которые совершили предательство и были осуждены за это вступившим в законную силу приговором к смерти, отвечает семья: имуществом, свободой или жизнью. Меру ответственности семей в каждом отдельном случае определяет рейхсфюрер СС и шеф немецкой полиции [...].

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 420.

118. Из предписания рейхсминистра юстиции о военно-полевых судах (15 февраля 1945 г.)

1. В округах рейха, которым непосредственно угрожает враг, учреждаются военно-полевые суды.

2. Военно-полевой суд состоит: из судьи по уголовным делам в качестве председателя, из политического руководителя или фюрера подразделения НСДАП и офицера вермахта, а также войск СС или полиции в качестве заседателей.

3. В компетенции военно-полевых судов находятся все уголовно наказуемые деяния, которые подвергли опасности силу немецкого оружия или решимость бороться.

4. Военно-полевой суд может приговорить к смертной казни, оправдать или передать дело в обычный суд.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 421.

119. Из приказа А. Гитлера «Моим бойцам на Востоке» (14 апреля 1945 г.)

[...] В последний раз еврейско-большевистский смертельный враг своими массами начал наступление. Он пытается разгромить Германию и истребить наш народ. Вы, солдаты с Востока, в большей части знаете сегодня, какая угрожающая участь ожидает, прежде всего, женщин, девушек и детей.

В то время как пожилые мужчины и дети гибнут, женщины и девушки унижаются до казарменных проституток. Остальные маршируют в Сибирь.

Кто в этот момент не исполняет своего долга, является предателем нашего народа. Полк или дивизия, которые оставляют свои позиции, поступают так позорно, что им должно быть стыдно перед женщинами и детьми, которые в наших городах стойко выдерживают бомбовый террор.

Если в грядущие дни и недели каждый солдат на Восточном фронте выполнит свой долг, будет отбит последний штурм Азии, точно так же, как, наконец, вопреки всему разобьется вторжение нашего противника на Западе.

Берлин останется немецким, Вена будет снова немецкой, и Европа никогда не будет русской. Образуйте оборонительные сообщества не для пустой идеи защиты отечества, но для идеи защиты вашей родины, ваших женщин, ваших детей и, тем самым, нашего будущего.

История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 тт./ Под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: Издательство «КДУ», 2008. С. 421-422.

**120. Из мемуаров В. Кейтеля. «12 ступенек на эшафот...»
Июльский заговор 1944 г. Вопросы адвоката доктора
Нельте г-ну В. Кейтелю, генерал-фельдмаршалу
в отставке, в связи с событиями 20.7.1944 г.**

Вопрос: Не известно ли вам, что послужило главной причиной путча 20 июля 1944 г.?

Ответ: Недовольство Гитлером, политической системой, а также методами ведения войны. Было категорически исключено, что Гитлер добровольно сложит с себя полномочия главы государства, поэтому заговорщики решили устранить его насильственным путем. Тем самым они хотели освободить военных и гражданских лиц от присяги на верность фюреру. Об их планах переустройства политической системы Германии я ничего не знал, равно как и о так называемой «государственной программе». Судя по всему, заговорщики не намеревались завершить войну полной и безоговорочной капитуляцией. Как известно, фон Вицлебен, попытавшийся узурпировать власть «верховного главнокомандующего вермахтом», отправил в войска один-единственный приказ – «О внутренних беспорядках», однако ни одна из командных инстанций не приняла его к исполнению. Аналогичные приказы были отправлены и в штабы военных округов, но с тем же результатом.

В.: Можно ли было предположить заранее о составлении заговора с целью свержения государственной власти по той информации, которая поступала к вам по служебным каналам, или из каких-либо других источников?

О.: Для меня и ОКВ это было невозможно, Гитлер не располагал информацией о готовящемся на него покушении. Ни до, ни после событий 20 июля он никогда не беседовал со мной на эту тему. В ходе предварительного следствия было установлено, что несколько высокопоставленных офицеров ОКХ и центрального аппарата абвера в Берлине знали, но не донесли о готовящемся покушении.

В.: Я бы не хотел останавливаться на подробностях путча, поскольку в данный момент это несущественно для организации вашей защиты на процессе. Скажите, не было ли среди заговорщиков хотя бы одного командующего-фронтовика?

О.: Нет. Так до конца и не выяснено, участвовал ли в заговоре кто-нибудь из командующих армиями или группами армий. Насколько мне известно, никто. Генерал Бек предпринимал определенные попытки в этом направлении, но безрезультатно.

В.: Имели ли вы какое-нибудь касательство к событиям 20 июля?

О.: Во время взрыва бомбы я находился рядом с фюрером, затем по его приказу отдал необходимые указания командованию составных частей вермахта и военных округов.

В.: Я так подробно расспрашиваю вас о событиях путча только потому, что на предварительном следствии в ваш адрес были выдвинуты обвинения о виновности в смерти или причастности к смерти фельдмаршала Роммеля. Что вы можете показать в связи с этим обвинением?

О.: Роммель был изобличен показаниями одного из главных соучастников заговора, некоего оберстлейтенанта из штаба главнокомандующего оккупационными войсками во Франции генерала Карла фон Штюльпнагеля. Фюрер показал мне протокол допроса и приказал вызвать Роммеля через своего шеф-адъютанта и начальника управления кадров вермахта генерала Вильгельма Бургдорфа. Роммель заявил, что в настоящий момент состояние здоровья не позволяет ему явиться к фюреру. Тогда Гитлер отправил к фельдмаршалу своего шеф-адъютанта Бургдорфа, вручив ему протокол допроса и письмо, написанное мной под диктовку фюрера. Фюрер оставил на усмотрение Роммеля: явиться к нему, если он невиновен, или готовиться к аресту со всеми вытекающими последствиями. Необходимые выводы ему следует сделать самому.

Ознакомившись с протоколом, Роммель спросил, известно ли фюреру его содержание; затем попросил генерала Бургдорфа дать ему время на размышление. Бургдорф получил личное указание фюрера не допустить самоубийства из огнестрельного оружия и дать Роммелю капсулу с ядом. Такая смерть не вызовет подозрений общественности, поскольку даст возможность объяснить кончину фельдмаршала последствиями черепно-мозговой травмы. Фельдмаршал уйдет из жизни, не запятнав свою честь и сохранив популярность в народе.

Во время поездки в Ульм, якобы на прием к врачу, Роммель принял яд в присутствии Бургдорфа. Истинная причина смерти фельдмаршала не разглашалась, Гитлер приказал устроить ему государственные похороны со всеми почестями.

Кейтель В. 12 ступенек на эшафот... – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2000. – 416 с.

121. «Суд чести». Судебное дело против офицеров-изменников, участников заговора «20 июля».

Памятная записка адвокату доктору Нельте от 9.5.1946 г.

После покушения 20.7.44 г. у многих, кто находился в этот момент в ставке фюрера, создалось такое впечатление, что заговор и подложенная бомба – дело рук сухопутной армии, в то время как кригсмарине и люфтваффе к измене непричастны. Поэтому первым же указом фюрер передал Гиммлеру, рейхсфюреру СС и рейхсминистру внутренних дел, все полномочия в отношении Резервной армии и армейских командных инстанций на территории рейха (включая ОКВ), кроме тех, что входили в компетенцию ОКЛ и ОКМ. Настроенный самым решительным образом, Генрих Гиммлер вылетел в Берлин во второй половине дня 20 июля.

Указ фюрера давал ему право санкционировать арест военнослужащих любого ранга, т. е. наделял полномочиями, не входившими до сих пор в юрисдикцию шефа немецкой полиции.

В моем присутствии Гиммлер потребовал особых полномочий для IV управления РСХА (гестапо), учитывая чрезвычайный характер происходящих событий. Фюрер придерживался той точки зрения, что гестапо должно иметь безусловное право на изоляцию заподозренных в государственной измене военнослужащих, в первую очередь офицеров-предателей, окопавшихся на штабных должностях. Подобного рода практика противоречила всем имевшимся на тот момент указам и постановлениям о подсудности военнослужащих, поэтому, в целях закрепления полномочий Гиммлера в законодательном порядке, фюрер назначил его командующим Резервной армией, т. е. старшим воинским начальником всего института резервистов, в состав которого входило и ОКВ. Особым постановлением Гитлер разрешил рейхсфюреру СС задействовать в [337] оперативно-розыскных мероприятиях вверенные ему полицейские инстанции, поскольку в заговоре принимали участие и гражданские лица. После того как поступила информация об аресте двух офицеров кригсмарине и офицера люфтваффе, участвовавших (заподозренных в соучастии) в заговоре, Гитлер подписал приказ:

«Гестапо (СД) представило главнокомандующим составными частями вермахта списки военнослужащих, чье участие в заговоре не вызывает сомнения и практически доказано. Вышеупомянутые солдаты и офицеры подлежат досрочному увольнению из рядов вооруженных сил (с позором) с их последующей передачей следственным органам гестапо».

Гитлер распорядился учредить специальный «Суд чести» для рассмотрения дел солдат и офицеров сухопутной армии, находящихся под последственным арестом гестапо согласно приказу командующего Резервной армией рейхсфюрера СС Гиммлера. В состав «Суда чести» вошли

5 генералов вермахта, которым предстояло определить, кто из подследственных подлежит незамедлительному увольнению из армии. Членами «Суда чести» были назначены:

- генерал-фельдмаршал фон Рундштедт;
- генерал-фельдмаршал Кейтель;
- генерал-оберст Гудериан (начальник генштаба сухопутных войск);
- генерал-лейтенант Шпехт (инспектор подготовки кадров комсостава);
- генерал-лейтенант Киргхейм (как постоянный заместитель Гудериана);
- 2 заместителя.

Согласно материалам предварительного следствия «Суд чести» выносил решения и представлял их на утверждение фюреру:

1. Увольнение из рядов вооруженных сил.
2. Отстранение от занимаемой должности (до вынесения решения Народным трибуналом).
3. Дисциплинарное взыскание, если действиями (или бездействием) не был нанесен значительный ущерб.
4. Освобождение из-под стражи.

Если мне не изменяет память, «Суд чести» заседал 4 раза в августе и начале сентября. Протоколы вел начальник управления кадров вермахта или его постоянный заместитель генерал-майор Майзель из дисциплинарного отдела.

Каждое дело рассматривалось в индивидуальном порядке – решения принимались после тщательного обсуждения и голосования (в подавляющем числе случаев – единогласно, в остальных – большинством голосов) и только потом передавались на утверждение фюреру.

Вначале Гитлер согласился с моим предложением предать виновных суду военного трибунала. Однако затем он изменил свое решение после доклада рейхсминистра Тирака, считавшего, что судебные процессы, в которых наряду с военнослужащими замешаны и гражданские лица, подлежат юрисдикции суда Народного трибунала, в компетенцию

которого как раз и входило рассмотрение дел, связанных с фактами государственной измены, шпионажа и прочих политических преступлений.

Таким образом, роль «Суда чести» сухопутной армии сводилась к следующему: суд выносил частное определение о необходимости (или отсутствии таковой) передачи дела в суд Народного трибунала для последующего утверждения Гитлером как главнокомандующим сухопутной армией. В случае согласия фюрера с нашими представлениями и передачей дел Народному трибуналу соответствующая командная инстанция вермахта ходатайствовала о досрочной демобилизации подозреваемого, т. е. принятие окончательно решения оставалось за армией.

Чрезвычайная ситуация, сложившаяся после событий «20 июля», совершенно справедливо и закономерно потребовала применения экстраординарных мер от военно-политического руководства страны. В связи с этим считаю принципиально правильным решение о наделении Гимmlера особыми полномочиями, согласно которым арест, дознание и предварительное следствие проводились органами службы безопасности СС (СД) без привлечения военно-юридических служб вермахта. Правильно и то, что «Суд чести» не выносил приговоры, а на материалах предварительного следствия рекомендовал или не рекомендовал дальнейшее рассмотрение дел судом Народного трибунала...

Насколько мне известно, в ходе заседаний Народного трибунала 3 или 4 обвиняемых были освобождены из-под стражи и полностью оправданы за отсутствием состава преступления, к 10 военнослужащим были применены меры дисциплинарного воздействия, и в 32 случаях были вынесены смертные приговоры...

«О заговорщиках»

Комментарии к показаниям главного свидетеля обвинения Ханса Бернда Гизевинуса, бывшего вице-консула немецкого посольства в Цюрихе (Швейцария).

1. Генерал-оберст Бек

Решение об увольнении Бека с поста начальника генштаба без права восстановления в должности было принято Гитлером и фон Браухичем еще 4.2.38, однако состоялось только 18 августа 1938 г. Поэтому с самого начала Браухич как главнокомандующий сухопутными войсками поручил разработку плана «Грюн» Гальдеру. Бек почувствовал себя оскорбленным и потребовал увольнения, а не почетной отставки, поскольку считал [340] «невозможным продолжать подготовку офицеров генерального штаба в создавшейся ситуации». Браухич доложил Гитлеру о позиции Бека, и фюрер незамедлительно уволил его именно с такой формулировкой, на которой настаивал генерал, и снял с повестки дня вопрос о назначении Бека командующим группой армий.

2. Генерал-фельдмаршал фон Вицлебен

С августа 1941 г. Вицлебен по состоянию здоровья находился в резерве командного состава. После отбытия последнего в бессрочный отпуск фюрер заметил, что в дальнейшем не будет рассчитывать на услуги обремененного болезнями человека.

Ни Вицлебен, ни Бек авторитетом в армии не пользовались – все считали их отжившими свой век развалинами. Что касается молодого поколения строевых офицеров, то имена вышеупомянутых генералов были им совершенно неизвестны.

3. Генерал пехоты Ольбрихт

Фридрих Ольбрихт, начальник главного управления общих дел сухопутных войск, стал еще одной жертвой начальника своего штаба Штауффенберга. Ольбрихт – образцовый строевой офицер, один из немногих дивизионных командиров, награжденных «Рыцарским крестом» по итогам

польской кампании. Граф Штауффенберг использовал в своих низменных целях недовольство Ольбрихта, получившего, на его взгляд, несправедливый выговор от фюрера. Он не относился к породе ниспровергателей, а был мягким и безвольным человеком, – типичным саксонцем.

4. Оберст граф фон Штауффенберг

Ревностный католик и фанатик от политики, единственный по-настоящему опасный человек среди сонмища нытиков и пессимистов. Из прочих заговорщиков разве что Бек, болезненный и тщеславный старец, выделялся на общем фоне своей активностью и бескомпромиссностью, но и ему не давали покоя лавры Мольтке: он – лучший начальник генштаба, все знает, все предвидит и т. п.

122. Шпеер А. Третий рейх изнутри.

Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930–1945 гг.

Роли распределял случай. Некоторое время Судьба словно пребывала в нерешительности: то ли бросить меня 20 июля в эпицентр мятежа на Бендлерштрассе 1, то ли в особняк Геббельса, штаб по подавлению заговора.

17 июля Фромм через своего начальника штаба Штауффенберга пригласил меня 20 июля на Бендлерштрассе пообедать и заодно обсудить кое-какие вопросы. Мне пришлось отказаться, поскольку на утро 20 июля у меня давно было запланировано совещание по проблемам вооружений с промышленниками и государственными чиновниками.

Тем не менее Штауффенберг настойчиво уговаривал меня приехать именно 20 июля, дескать, Фромм должен сообщить мне нечто чрезвычайно важное. Однако я понимал, что утреннее совещание отнимет у меня столько сил, что я просто не выдержу беседы с Фроммом, и я повторно отклонил приглашение.

Для совещания Геббельс предоставил в мое распоряжение величественный зал министерства пропаганды. Присутствовало около двухсот человек. Прибыли все находившиеся в Берлине министры, все статс-секретари и другие высокопоставленные чиновники – практически вся политическая элита Берлина. Около одиннадцати часов утра я начал свою речь и прежде всего призвал присутствующих напрячь все силы для обеспечения победы. Я произносил эти слова так часто, что выучил их наизусть. Затем я перешел к объяснению диаграмм, представлявших нынешнее состояние производства вооружений.

Примерно в то время когда я закончил свою речь и Геббельс как хозяин произнес несколько заключительных слов, в Растенбургской ставке взорвалась оставленная Штауффенбергом бомба. Будь у заговорщиков побольше опыта, они немедленно предприняли бы ряд неотложных мер: например, прислали бы лейтенанта с десятком солдат и арестовали бы в этом самом зале многих высших чиновников имперского правительства.

Однако Геббельс пока о взрыве не знал и пригласил меня и Функа⁴ в свой кабинет. Мы, как обычно в последнее время, говорили о том, что еще можно было бы предпринять для мобилизации внутренних ресурсов, и вдруг ожил маленький репродуктор: «Срочный звонок министру из Ставки. У телефона доктор Дитрих⁵».

Геббельс перебрал тумблер: «Переведите звонок сюда. – Он подошел к столу и поднял трубку. – Доктор Дитрих? У телефона Геббельс... Что? Покушение на фюрера? Только что?.. Так фюрер жив? Понимаю, в бараке Шпеера. Что еще известно?.. Фюрер думает, что это кто-то из рабочих Организации Тодтаб?»

Очевидно, Дитрих не мог больше говорить – разговор прервался. Началась операция «Валькирия» – план мобилизации армии резерва, который заговорщики вот уже несколько месяцев обсуждали открыто даже с Гитлером.

«Только этого не хватало», – мелькнула у меня мысль, когда Геббельс объявил новость и сказал, что подозрения падают на рабочих ОТ. Если бы эта догадка подтвердилась, под удар попал бы я: пользуясь тем, что Организация Тодта подчиняется мне, Борман снова начал бы плести интриги и обвинять меня во всех грехах.

Вместо Гитлера погибли двое генералов. Мундир одного из них выставлен напоказ. Геббельс пришел в ярость – я не смог перечислить меры безопасности, предпринятые перед переводом рабочих в Растенбург, лишь сказал, что для укрепления бункера Гитлера в «Запретную зону I» каждый день пропускали несколько сотен рабочих и на время работ Гитлер переехал в барак, построенный для меня, ибо только там было достаточно большое помещение для проведения совещаний, а в мое отсутствие барак пустовал.

Геббельс покачал головой, пораженный такой безответственностью, и заявил, что в подобных условиях любой может легко проникнуть в зону, которая считается самой хорошо охраняемой в мире. «Тогда какой смысл во всех мерах безопасности!» – воскликнул он, словно уже нашел, но пока еще не назвал виновного.

Вскоре Геббельс со мной распрощался. Как ни странно, даже в такой критический момент нас занимали наши прямые обязанности. Полковник Энгель, бывший адъютант Гитлера от сухопутных сил, а ныне командующий фронтовым соединением, ждал меня к обеду. Меня интересовало его мнение о докладной записке, в которой я настаивал на назначении «субдиктатора», то есть человека с неограниченными полномочиями, который, не обращая внимания на высоких начальников трех и даже четырех родов войск, наконец покончил бы с хаосом и добился четкой и эффективной работы организационных структур. Докладная была написана несколько дней назад и лишь случайно датирована 20 июля, но в ней излагались многие идеи, которые я обсуждал с теми, кто оказался в рядах заговорщиков.

Мне даже в голову не пришло позвонить в Ставку фюрера и уточнить детали. Может быть, я полагал, что в сумятице, вызванной взрывом, мой звонок вызовет лишь раздражение и досаду, да и как было забыть о подозрениях в принадлежности убийцы к моей организации.

***

После обеда я не изменил намеченному распорядку и встретился с посланцем Клодиусом из министерства иностранных дел, который доложил о «мерах, предпринимаемых для поставок нефти из Румынии». Во время нашей беседы позвонил Геббельс.

Он говорил не так, как утром; сейчас его голос звучал хрипло и взволнованно. «Вы можете немедленно оторваться от работы? Приезжайте ко мне. Дело срочное! Нет, по телефону я не могу ничего сказать».

Я тут же прервал совещание с Клодиусом и около пяти часов вечера прибыл в резиденцию Геббельса, расположенную к югу от Бранденбургских ворот. Геббельс принял меня в кабинете на втором этаже и – как только я вошел – заявил: «Только что из Ставки сообщили, что в рейхе идет военный переворот. В такой ситуации я хотел бы, чтобы вы были рядом со мной. Я иногда действую слишком опрометчиво и нуждаюсь в вашем хладнокровии. Мы должны принимать взвешенные решения».

Эта новость поразила меня не меньше Геббельса. Я немедленно вспомнил беседы с Фроммом, Цайтцлером⁷, Гудерианом⁸, Вагнером⁹, Штиффом¹⁰, Фельгибелем¹¹, Ольбрихтом¹² и Линдеманом¹³ о безнадежной ситуации на всех фронтах, успешном вторжении союзников, подавляющей мощи Красной армии, проблемах с поставками горючего. Мы критиковали дилетантские, нелепые решения Гитлера, осуждали его привычку оскорблять и унижать высокопоставленных офицеров.

Правда, тогда мне и в голову не приходило, что Штауффенберг, Ольбрихт, Штифф и их окружение затевают переворот. Скорее я заподозрил бы в этом Гудериана, известного своей вспыльчивостью и импульсивностью.

Как я узнал позднее, Геббельс к тому моменту выяснил, что под подозрением Штауффенберг, но мне он ничего об этом не сказал. Он также не счел нужным упомянуть, что перед моим приходом разговаривал по телефону с самим Гитлером.

Хотя я не был в курсе всех подробностей, мое мнение было однозначным: в нынешних обстоятельствах путч – катастрофа для страны. Геббельс мог рассчитывать на мою поддержку.

Окна кабинета выходили на улицу. Через несколько минут я увидел, как маленькие группы солдат в стальных касках, с ручными гранатами за поясом, с автоматами в руках движутся к Бранденбургским воротам. Дойдя до ворот, они установили пулеметы, перекрыли движение.

В то же время двое до зубов вооруженных солдат встали на караул у входа в парк. Я подозвал Геббельса. Он сразу же понял, что происходит, и бросился в примыкающую к кабинету спальню. Я видел, как он достал из коробочки несколько пилюль и сунул их в карман пиджака. «Так, на всякий случай!» – сказал он, словно оправдываясь.

Мы послали адъютанта разведать, какой приказ получили эти часовые, но преуспели мало. Солдаты оказались неразговорчивыми. В конце концов один из них процедил: «Никто сюда не войдет и отсюда не выйдет».

Геббельс без устали звонил по телефону, но сведения приходили противоречивые. То нам говорили, что к Берлину направляются войска из Потсдама, то сообщали о приближающихся отрядах из отдаленных гарнизонов.

Несмотря на безоговорочное осуждение путча, мне казалось, что я сторонний наблюдатель, что вся эта лихорадочная деятельность решительно настроенного, хотя явно нервничавшего Геббельса меня не касается. Временами положение

казалось почти безнадежным, и Геббельс впадал в панику. Однако телефон продолжал работать, по радио не передавали никаких заявлений мятежников, из чего Геббельс сделал вывод о нерешительности участников заговора.

Невозможно было понять, почему заговорщики не разрушили или не захватили узлы связи. Как позже выяснилось, они заранее разработали детальный график, включавший арест Геббельса, захват Берлинской телефонной станции телеграфа, узла связи СС, главпочтамта, ретрансляторов, разбросанных вокруг Берлина, и радиостанции в Шарлоттенбурге.

Кучки солдат хватило бы, чтобы ворваться в кабинет Геббельса и арестовать министра, который не смог бы оказать никакого сопротивления. Все наше вооружение составляли несколько револьверов. Возможно, Геббельс попытался бы избежать ареста, приняв заготовленный цианистый калий, но в любом случае самый опасный противник заговорщиков был бы выведен из игры.

Удивительно, что в эти решающие часы Геббельс так и не смог дозвониться до Гимmlера, единственного, кто располагал надежными войсками, способными подавить мятеж. Гимmlер словно испарился, и это все больше тревожило Геббельса. Он не мог понять мотивов поведения рейхсфюрера СС и министра внутренних дел, хотя если бы серьезно задумался, то понял бы, что Гимmlер выжидает. Геббельс даже заподозрил Гимmlера в измене, и то, что возникали сомнения в надежности такого человека, как Гимmlер, со всей убедительностью доказывало шаткость нашего положения.

Во время телефонных переговоров Геббельс отправлял меня в соседнюю комнату. Может, и меня он подозревал? Во всяком случае, он даже не пытался скрыть недоверие ко мне. Возможно, он вовсе не нуждался в моей поддержке, а просто хотел проследить за мной. От попавшего под подозрение Штауффенберга все нити вели к его начальнику Фромму, и Геббельс, видимо, вспомнил о моей дружбе с Фроммом, которого давно называл «врагом партии».

Я тоже вспомнил о Фромме. Когда Геббельс в очередной раз выставил меня из кабинета, я позвонил на коммунатор штаба резервной армии на Бендлерштрассе и попросил соединить меня с Фроммом, надеясь от него узнать хоть что-нибудь.

– Генерал Фромм занят, – ответили мне.

Я тогда не знал, что Фромм изолирован в одном из помещений штаба.

– Тогда свяжите меня с его адъютантом, – попросил я.

Мне сказали, что по номеру адъютанта никто не отвечает.

– Тогда, пожалуйста, с генералом Ольбрихтом.

Ольбрихт подошел к телефону незамедлительно.

– Что происходит, генерал? – спросил я шутливым тоном, как было принято между нами и помогало в самых трудных ситуациях. – У меня дел по горло, а солдаты не выпускают меня из кабинета Геббельса.

– Простите, Шпеер. В вашем случае это ошибка. Я сейчас же все исправлю.

Ольбрихт повесил трубку прежде, чем я успел задать еще хоть один вопрос. Я не стал рассказывать Геббельсу об этом разговоре. Его тон и содержание намекали на полное взаимопонимание между мной и Ольбрихтом, что могло еще больше разжечь подозрения Геббельса.

***

Вдруг в комнату, где я ждал, вошел Шах, заместитель гауляйтера Берлина. С ним только что связался некий Хаген и заявил, что майор Ремер, командир батальона, оцепившего правительственный квартал, – стойкий национал-социалист. Геббельс тут же предложил пригласить Ремера, а узнав о согласии Ремера на переговоры, позволил мне вернуться в кабинет. Геббельс не сомневался, что сможет убедить Ремера перейти на нашу сторону, и попросил меня присутствовать при разговоре. Геббельс также сказал, что Гитлер

проинформирован и готов в любой момент лично поговорить с майором по телефону.

Вошел майор Ремер. Геббельс ничем не выдал своего волнения. Он явно понимал, что от него сейчас зависит все: и исход путча, и его собственная судьба.

Геббельс напомнил майору о присяге. Ремер ответил, что действительно присягал на верность фюреру и партии, но ведь Гитлер мертв, и теперь он должен подчиняться своему командиру – генерал-майору фон Хаазе¹⁴. Геббельс взволнованно воскликнул: «Фюрер жив!». Ремер явно растерялся, и Геббельс добавил: «Он жив. Я разговаривал с ним несколько минут назад. Этот военный переворот затеяла клика амбициозных генералов. Гнусное преступление! Гнуснейшее в истории!»

Весть о том, что Гитлер жив, явно принесла огромное облегчение молодому майору, озадаченному странным приказом оцепить правительственный квартал. Приободренный, но до конца не поверивший Геббельсу, он выжидающе смотрел на нас.

Геббельс стал убеждать Ремера в том, что в этот решающий час на его плечах лежит огромная ответственность перед историей. Очень редко судьба предоставляет одному человеку такой шанс, и только от него, Ремера, зависит, воспользуется он этим шансом или упустит его.

По лицу Ремера стало ясно, что победа уже на стороне Геббельса, но министр пропаганды не остановился на достигнутом и предъявил главный козырь: «Я собираюсь позвонить Гитлеру, и вы тоже можете поговорить с ним. Фюрер вправе отдать вам приказ, отменяющий приказы вашего генерала, не так ли?» – с сарказмом уточнил Геббельс и соединился с Растенбургом.

У коммутатора министерства пропаганды была прямая связь со Ставкой фюрера. Через пару секунд Гитлер подошел к телефону. Обрисовав в нескольких словах ситуацию, Геббельс передал трубку майору. Ремер сразу же узнал голос Гитлера и невольно вытянулся по стойке «смирно».

Мы слышали лишь неоднократно повторяемые им слова: «Слушаюсь, мой фюрер... Слушаюсь!»

Затем Геббельс снова взял трубку, и Гитлер сказал ему, что все улажено. Майор получил полномочия на проведение всех мер военного характера в Берлине вместо генерала Хаазе и должен подчиняться любым приказам Геббельса.

Мятеж захлебнулся, но еще не был полностью подавлен, когда в семь часов того же вечера Геббельс объявил по радио, что на Гитлера было совершено покушение, однако фюрер жив и уже вернулся к работе. Геббельс просто поспешил воспользоваться техническим достижением, которым заговорщики пренебрегли с такими катастрофическими для себя последствиями.

Пожалуй, уверенность Геббельса была преждевременной. Мы снова оказались на краю пропасти, когда вскоре стало известно, что танковая бригада, остановившаяся на Фербеллинерплац, отказывается выполнять приказы Ремера. Командир бригады заявил Ремеру, что подчиняется только своему командующему, генералу Гудериану, и с военной краткостью предупредил: «За неповиновение – расстрел». Боевая мощь танкистов настолько превосходила силы батальона Ремера, что следующие час или два наша судьба висела на волоске.

В общей неразберихе никто не взялся бы с уверенностью утверждать, кому подчиняется танковая бригада – мятежникам или правительству. И Геббельс, и Ремер считали маловероятной возможность причастности Гудериана к заговору. Я был хорошо знаком с командиром бригады полковником Болбринкером и попытался связаться с ним по телефону. Ответ полковника оказался утешительным: танки пришли подавить мятеж.

Тем временем в саду особняка Геббельса собралось около полторы сотни солдат, в основном пожилых, берлинского караульного батальона. Прежде чем обратиться к ним с речью, министр заметил: «Если мне удастся переубедить их, мы победили. Смотрите, как я это сделаю!».

Наступила ночь, только свет из открытой двери особняка падал в сад. Солдаты слушали Геббельса с величайшим вниманием, хотя в общем-то речь его была обычным набором пустых, напыщенных фраз. Однако министр производил впечатление необычайно уверенного человека, победителя. Я видел, как потрясены словами Геббельса собравшиеся вокруг него люди. Он не приказывал и не угрожал, он призывал сохранить верность родине и фюреру.

***

Около одиннадцати часов вечера в комнату, отведенную мне Геббельсом, вошел полковник Болбринкер. Как он сказал, заговорщики уже арестованы на Бендлерштрассе, и Фромм собирается без отлагательств предать их военному суду. Я сразу же понял, что подобный поступок навлечет серьезные подозрения на самого Фромма. Более того, я считал, что только Гитлер должен решать, как поступить с заговорщиками.

В начале первого ночи я – вместе с Болбринкером и Ремером – поспешно выехал на Бендлерштрассе, надеясь предотвратить казни. На фоне затемненного Берлина освещенный прожекторами штаб на Бендлерштрассе казался таким же нереальным, как декорации в киностудии. Длинные, острые тени еще больше усиливали жуткое впечатление.

На Тиргартенштрассе перед поворотом на Бендлерштрассе офицер СС приказал мне остановиться у обочины. Я с трудом узнал в стоявших под деревьями в окружении многочисленных подчиненных шефа Главного управления имперской безопасности Кальтенбруннера и Скорцени – человека, освободившего Муссолини. Их едва вырисовывавшиеся во мраке темные фигуры казались призраками.

Когда мы поздоровались, ни один не ответил четким военным приветствием, не щелкнул каблуками. Было очень тихо. Если кто и переговаривался, то приглушенно, словно на похоронах. Я объяснил Кальтенбруннеру, что хочу удержать Фромма от расправы над заговорщиками. Я полагал, что Кальтенбруннер и Скорцени начнут осыпать проклятиями

армию, свою вечную соперницу, или торжествовать по поводу ее морального поражения, но оба весьма безразлично ответили, что все происходящее – дело армейских: «Мы не хотим и не будем вмешиваться. Да и трибунал, скорее всего, уже состоялся».

Кальтенбруннер сообщил мне, что ни одно подразделение СС не будет использоваться при подавлении мятежа и исполнении приговоров судов. Он даже запретил своим людям входить в здание штаба, поскольку любое вмешательство СС, несомненно, вызвало бы новые трения с армией и усилило бы и без того существующее напряжение в их отношениях. Однако этим благим тактическим соображениям не суждена была долгая жизнь. Не прошло и нескольких часов, как различные структуры СС развернули охоту на армейских офицеров, заподозренных в причастности к заговору.

Едва Кальтенбруннер умолк, как на фоне освещенного фасада штаба возникла темная массивная фигура. Тяжелой походкой, в полном одиночестве к нам приближался облаченный в парадный мундир генерал Фромм. Я попрощался с Кальтенбруннером и его спутниками и выступил из тени деревьев навстречу Фромму. «С путчем покончено, – начал Фромм. Внешнее спокойствие явно давалось ему с огромным трудом. – Я только что отдал необходимые распоряжения всем окружным штабам. На некоторое время я был отстранен от командования армией резерва. Меня вывели из кабинета и заперли. И кто это сделал! Мой начальник штаба! Мои ближайшие помощники!».

Пытаясь оправдать казнь штабных офицеров, Фромм говорил все громче, и в его тоне можно было различить не только возмущение, но и тревогу: «Как их командир я счел своим долгом немедленно предать всех заговорщиков военному суду. – И уже страдальческим шепотом Фромм закончил: – Генерала Ольбрихта и моего начальника штаба полковника Штауффенберга больше нет в живых».

Фромм хотел первым делом позвонить Гитлеру. Я тщетно просил его сначала поехать в мое министерство. Он настаивал на встрече с Геббельсом, хотя не хуже меня знал, что министр пропаганды его терпеть не может и не доверяет ему.

В резиденцию Геббельса уже привезли арестованного генерала Хаазе, военного коменданта Берлина. В моем присутствии Фромм кратко изложил недавние события и попросил Геббельса соединить его с Гитлером. Однако Геббельс приказал Фромму выйти из кабинета и только после этого позвонил Гитлеру.

Я не был свидетелем их почти двадцатиминутного разговора, поскольку меня тоже попросили удалиться. Закончив разговор, Геббельс вызвал часового и поставил его у дверей помещения, где находился Фромм.

Только ночью в особняке Геббельса появился Гиммлер, которого до тех пор никто не мог найти, и, не дожидаясь расспросов, стал подробно объяснять причины своего отсутствия. В связи с этим он говорил, что существует проверенное правило борьбы с восстаниями: необходимо держаться подальше от центра событий и хладнокровно проводить необходимые контрмеры.

Геббельс как будто удовлетворился этим объяснением. Он пребывал в прекрасном расположении духа и подробно рассказал Гиммлеру о происшедшем, не преминув подчеркнуть, что единолично справился с мятежом. «Какие идиоты! Какое ребячество! Я бы на их месте действовал иначе. Почему они не захватили радиостанцию и не обратились к нации со своими лживыми призывами? Подумать только, они поставили часовых у моей двери, но не помешали мне связаться с фюрером и мобилизовать все ресурсы! Они даже не отключили мой телефон! Быть в выигрышном положении и так напортачить! Жалкие дилетанты!.. Они слишком полагались на традиционное повиновение и считали само собой разумеющимся, что офицеры и солдаты будут беспрекословно выполнять их приказы. Это и обрекло их на поражение. Они забыли, что за последние годы национал-социалистическое

государство научило немцев разбираться в политике. В наши дни просто невозможно заставить людей автоматически исполнять приказы кучки генералов. – Геббельс вдруг резко оборвал самовосхваления и обратился ко мне: – Дорогой герр Шпеер, я должен кое-что обсудить с рейхсфюрером наедине. Доброй ночи».

***

На следующий день, 21 июля, всех влиятельных министров пригласили в Ставку для поздравлений фюрера. К моему приглашению прилагалась просьба привезти двух моих главных помощников Дорша и Заура – необычная просьба, особенно если учесть, что все остальные министры прибыли без заместителей.

На церемонии Гитлер приветствовал моих подчиненных с демонстративной сердечностью, а меня удостоил лишь небрежным рукопожатием. Свита Гитлера также вела себя с необъяснимой сдержанностью. Как только я вошел, разговор прервался, присутствующие либо отвернулись, либо покинули помещение, а Шауб, адъютант Гитлера, многозначительно сказал мне: «Теперь-то мы знаем, кто стоял за покушением на фюрера» – и так поспешно удалился, что я не успел ни о чем расспросить. Заура и Дорша пригласили на вечернее чаепитие в узком кругу. Я же подобного приглашения не получил. Все было очень странно, и я встревожился.

А вот Кейтель¹⁵, которого в последние недели много критиковали, вернул себе расположение фюрера. Гитлер с удовольствием повторял, как после взрыва, вскочив на ноги и увидев его, невредимого, Кейтель бросился к нему, восклицая: «Мой фюрер, вы живы, вы живы!» – и, забыв о субординации, жарко его обнял. После столь ярких доказательств преданности Гитлер никак не мог распрощаться с Кейтелем и даже проникся к нему теплыми чувствами, тем более что Кейтель казался самой подходящей кандидатурой на роль жестокого мстителя. «Кейтель сам чуть не погиб, – заявил Гитлер. – Он никого не пощадит».

На следующий день Гитлер обращался со мной более дружелюбно, и свита тут же последовала его примеру. В чайном домике фюрер провел совещание, на котором присутствовали Кейтель, Гиммлер, Борман, Геббельс и я. Не ссылаясь на меня как на автора идеи, Гитлер сделал то, к чему я призывал его еще две недели тому назад: назначил Геббельса имперским уполномоченным по всеобщей мобилизации. Счастливо избежав смерти, Гитлер стал более решительным и проявил готовность осуществлять меры, в необходимости которых я и Геббельс убеждали его более года.

Затем Гитлер обратился к событиям последних дней. Он ликовал: наконец-то в войне наступил коренной перелом. Дни предательства позади; другие, более компетентные генералы возьмут на себя командование войсками.

По словам Гитлера, только сейчас он осознал, как прав был Сталин, когда уничтожил Тухачевского. Это был важнейший шаг на пути к военным успехам. Ликвидировав свой Генеральный штаб, Сталин освободил место для молодых энергичных командующих, не скованных опытом службы в царской армии. Прежде, как заявил Гитлер, он считал обвинения, выдвигавшиеся на московских процессах в 1937 году, сфабрированными, но теперь, после событий 20 июля, он допускает их обоснованность. И хотя он по-прежнему не располагает никакими уликами, нельзя исключить возможность вероломного сотрудничества русского и германского генеральных штабов.

Все согласились с этими измышлениями. Геббельс обрушился на генералитет с оскорблениями и презрительными замечаниями. Я попытался возразить, но Геббельс резко меня оборвал, а Гитлер не стал вмешиваться.

Когда выяснилось, что генерал Фельгибель, начальник службы связи ОКВ, также участвовал в заговоре, Гитлер чуть не задохнулся от ярости и тут же свалил на Фельгибеля все военные промахи: «Теперь я понимаю, почему в последние годы проваливались все мои великие планы завоевания

России. Из-за предательства! Если бы не предатели, мы давным-давно одержали бы победу. Вот мое оправдание перед историей. Теперь-то мы выясним, не установили ли Фельгибель прямой связи со Швейцарией и не передавал ли все мои планы русским. Допросить его с применением любых средств!.. И опять я оказался прав. Никто не соглашался со мной, когда я выступал против единого командования вермахтом! Под руководством одного человека вермахт представляет угрозу! И вы все еще думаете, что я случайно приказал сформировать так много дивизий СС? Я знал, что только так мы сможем справиться с оппозицией... Я назначил генерал-инспектора бронетанковых войск... Все это делалось для того, чтобы распылить командование войсками».

Затем Гитлер с новыми силами обрушился на заговорщиков, грозя уничтожить всех до единого. Он вдруг решил, что Шахт умышленно саботировал перевооружение армии, и приказал его арестовать. Он сетовал на свою былую мягкость, а затем вспомнил о Гессе: «Гесса мы тоже повесим без всякого сожаления. Это с него все началось, это он подал дурной пример предательства».

После каждой такой вспышки Гитлер успокаивался и с благодарностью человека, пережившего смертельную опасность, вновь и вновь возвращался к истории покушения, а затем начинал разглагольствовать о коренном переломе и скорой победе. Провал заговора придал ему уверенности в будущем, а мы все охотно поверили его оптимистическим прогнозам.

***

Вскоре была закончена перестройка главного бункера, из-за чего, собственно, Гитлер и оказался в день покушения в моем бараке. Если здание можно считать неким символом, то наверняка им был этот бункер. Снаружи похожий на древнюю египетскую гробницу, он на самом деле был всего лишь огромным бетонным сооружением без окон, без прямой вентиляции, с очень малой полезной площадью. Бетонные стены толщиной около пяти метров отгораживали Гитлера

от внешнего мира в прямом и переносном смысле, оставляя его наедине со своими иллюзиями.

Ночью 20 июля начальника штаба Цайтцлера отправили в отставку. Я воспользовался случаем и нанес ему прощальный визит. Заур навязался составить мне компанию. Во время нашей беседы зашел вернувшийся из командировки подполковник Гюнтер Шменд, которому до казни оставалось всего несколько недель. Его приход возбудил подозрения Заура: «Они точно сговорились. Вы заметили, как они смотрели друг на друга?» – «Нет», – раздраженно ответил я. Когда мы с Цайтцлером остались наедине, я узнал, что Шменд только что вернулся из Берхтесгадена, куда ездил с поручением забрать документы из штабного сейфа. Цайтцлер сообщил об этом с таким невинным видом, что я уже не сомневался: заговорщики не посвятили его в свои планы. После трех дней пребывания в Ставке Гитлера утром 24 июля я вылетел в Берлин, так и не выяснив, сообщил ли Заур Гитлеру об этой встрече.

В министерстве мне сказали, что обергруппенфюрер СС Кальтенбруннер, шеф РСХА, хочет со мной встретиться, хотя до тех пор он ни разу ко мне не приезжал. Пришлось принимать его лежа, поскольку сильно разболелась нога. Мне показалось, что Кальтенбруннер смотрит на меня, как и ночью 20 июля, пристально и угрожающе. Без всяких предисловий он изложил цель своего визита: «В сейфе на Бендлерштрассе мы нашли список членов правительства, составленный заговорщиками. Вы числитесь там министром вооружений. Вы знали об этом?»

Несмотря на серьезность обвинения, Кальтенбруннер держался с обычной официальной вежливостью. Видимо, на моем лице промелькнул такой ужас, что он готов был поверить в мою невиновность. Прекратив расспросы, он достал из кармана какой-то документ. Это и был план преобразования властных структур, который заговорщики намеревались осуществить после успешного переворота.

План явно составлял офицер, поскольку особенно тщательно была расписана реорганизация вермахта. Координационным центром всех трех родов вооруженных сил должен был стать Высший генеральный штаб, которому подчинялся бы и командующий армией резерва, отвечавший также за вооружение. На схеме, заполненной аккуратными печатными буквами, я нашел надпись: «Вооружение: Шпеер». Правда, рядом какой-то скептик приписал карандашом: «Если согласится» – и вывел вопросительный знак. Этот неизвестный офицер и тот факт, что 20 июля я не принял приглашение приехать на Бендлерштрассе, спасли мне жизнь. Как ни странно, Гитлер на эту тему со мной не заговаривал.

Разумеется, я тогда задавался вопросом, что бы я делал, если бы в случае успеха заговора 20 июля мне предложили остаться министром вооружений. Вероятно, я согласился бы выполнять свои обязанности в переходный период, хотя и не без мучительной внутренней борьбы. Судя по тому, что я сегодня знаю об участниках заговора и двигавших ими мотивах, даже недолгое сотрудничество излечило бы меня от преданности Гитлеру. Им быстро удалось бы убедить меня в правоте их дела, однако некоторые причины ставили мое согласие на министерский пост под сомнение, а более серьезные психологические факторы делали его и вовсе невозможным. Если бы я осознал преступную суть нацистского режима и свою роль в нацистском государстве, то по чисто моральным соображениям не смог бы занять руководящий пост в послегитлеровской Германии.

На следующий день в нашем министерстве, как и во всех других, в конференц-зале состоялось собрание, на котором мы демонстрировали преданность фюреру. Все мероприятие заняло не более двадцати минут. Я выступил, пожалуй, с самой сомнительной речью в своей жизни. Как правило, я избегал стереотипов, но на этот раз клялся в верности Гитлеру, восторгался его величием и впервые в своей жизни закончил выступление выкриком: «Зиг хайль!».

Прежде я никогда не использовал верноподданнических формулировок, тем более что они противоречили моему характеру и чувству собственного достоинства, но сейчас я понимал всю опасность своего положения: я скомпрометировал себя дружбой с заговорщиками и мое будущее представлялось очень мрачным и неопределенным.

Между прочим, мои опасения не были беспочвенными. По Берлину ползли слухи о моем аресте и даже казни, то есть не я один считал свое положение рискованным.

Мои тревоги развеялись, когда Борман прислал мне приглашение выступить с речью по проблеме вооружений на совещании гауляйтеров в Позене. Однако собравшиеся, еще не оправившись от событий 20 июля, приняли меня весьма враждебно, несмотря на то что официально это приглашение меня реабилитировало. Среди партийных шишек я оказался в полной изоляции. Лучше всего ту атмосферу передают слова, обращенные Геббельсом к собравшимся вокруг него гауляйтерам непосредственно перед моим выступлением: «Теперь мы наконец знаем, на чьей стороне Шпеер».

Однако по счастливому стечению обстоятельств производство вооружений в июле 1944 года достигло рекордного уровня. Дабы не спровоцировать партийных лидеров и не ухудшить свое положение, я не стал увлекаться общими рассуждениями, а просто обрушил на аудиторию град статистических данных, характеризующих наши достижения, и рассказал о новых программах, порученных нам Гитлером. Даже партийные лидеры должны были понять, что я и мои сотрудники незаменимы, тем более в такое трудное время.

Когда я на многочисленных примерах продемонстрировал, какие огромные ресурсы вооружения и запасных частей для военной техники имеет и не использует вермахт, гауляйтеры явно воодушевились, а Геббельс громко выкрикнул: «Саботаж, саботаж!». Его реакция лишний раз доказала, что после 20 июля руководство склонно везде и повсюду видеть предательство и государственную измену, но на гауляйтеров моя речь произвела сильное впечатление.

Из Позена участники совещания отправились в Ставку, где на следующий день с речью к ним обратился Гитлер. В партийной иерархии я, как гауптamtляйтер (глава департамента), стоял ниже рейхсляйтеров, обычно удостоивавшихся чести присутствовать на таких партийных собраниях, но Гитлер лично пригласил меня, и я скромно занял место в заднем ряду.

Гитлер говорил о последствиях заговора 20 июля, вновь объяснял все поражения последних лет изменой офицеров вермахта и возлагал огромные надежды на будущее. По его словам, никогда еще он не чувствовал такой уверенности, ибо все его предыдущие усилия встречали скрытое сопротивление и саботаж, но теперь преступная клика разоблачена и уничтожена, и, возможно, своим выступлением оказала нам огромную услугу.

Таким образом, Гитлер почти слово в слово повторил то, что говорил ближайшему окружению сразу же после путча. И я, несмотря на отсутствие логики, подпал под его чары, как вдруг прозвучали слова, мгновенно вырвавшие меня из транса: «Если немецкий народ потерпит в этой борьбе поражение, значит, он оказался слишком слаб. Значит, он не выдержал испытания, предназначенного ему историей, и не заслуживает ничего, кроме гибели».

Как ни странно, нарушив привычку никогда не хвалить своих помощников, Гитлер отметил мои достижения. То ли он знал о враждебности гауляйтеров, то ли ему подсказала интуиция, но для дальнейшей плодотворной работы я действительно нуждался в поощрении фюрера, и он продемонстрировал партийцам, что его отношение ко мне после 20 июля не изменилось.

Я воспользовался укреплением своих позиций, чтобы помочь знакомым и сотрудникам, подвергшимся после 20 июля преследованиям. Заур же, наоборот, донес на двух офицеров управления артиллерийско-технического снабжения сухопутных войск – генерала Шнайдера и полковника

Фихтнера, которых тут же арестовали по личному распоряжению Гитлера.

Что касается Шнайдера, Заур просто процитировал его замечание о технической некомпетентности Гитлера. Фихтнеру вменили в вину лишь то, что он недостаточно ревностно поддержал разработку новых моделей танков, которые Гитлер хотел получить еще в начале войны. Теперь это трактовалось как умышленный саботаж. Правда, сам Гитлер проявил уступчивость, и, когда я замолвил словечко за обоих офицеров, он согласился освободить их, но при условии, что они больше не будут служить в управлении артиллерийско-технического снабжения сухопутных войск.

***

18 августа в Ставке Гитлер при мне продемонстрировал недоверие к офицерскому корпусу. Тремя днями ранее фельдмаршал Клюге, главнокомандующий Западным фронтом, отправился в 7-ю армию, и с тех пор его нигде не могли найти. Когда сообщили, что фельдмаршал в сопровождении одного лишь адъютанта, имевшего при себе радиопередатчик, приблизился к линии фронта, Гитлер заподозрил, что Клюге выехал в условленное место для ведения переговоров с западными союзниками о капитуляции германской армии на Западе. Поскольку переговоры не состоялись, Гитлер предположил, что лишь авианалет помешал фельдмаршалу осуществить вероломный план. Фельдмаршала Клюге освободили от командования и приказали явиться в Ставку.

В следующем донесении сообщалось, что по дороге Клюге скончался от сердечного приступа. Знаменитая интуиция не позволила Гитлеру поверить в сердечный приступ, и он приказал гестапо тщательно обследовать труп. И действительно, выяснилось, что Клюге принял яд. Гитлер полностью убедился в причастности Клюге к заговору, несмотря на то что в предсмертном письме фельдмаршал уверял фюрера в своей вечной преданности.

В бункере Гитлера я заметил на большом столе для оперативных карт донесения Кальтенбруннера. Один из моих приятелей-адъютантов давал мне их читать две ночи подряд, поскольку я понимал, что грозящая мне опасность все еще не миновала. Многие из того, что я говорил до 20 июля, прежде сошло бы за объективную критику, но теперь вполне могло быть вменено мне в вину.

Хотя никто из арестованных не говорил ничего, что могло бы меня скомпрометировать, заговорщики явно приняли на вооружение мое любимое выражение: я называл подхалимов из ближайшего окружения Гитлера, любимым занятием которых было поддакивать шефу, «китайскими болванчиками».

В те дни на том же столе лежала груда фотографий. Как-то, забывшись, я взял одну и тут же бросил ее. Это была фотография повешенного. Он был в арестантской робе, но на брюках я разглядел широкий лампас. Один из эсэсовцев, стоявших рядом со мной, пояснил: «Вицлебен. Не хотите ли взглянуть на других? На всех этих фотографиях казненные».

В тот вечер в кинозале показывали кинофильм о казни заговорщиков. Я не мог и не желал смотреть, но чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, отговорился срочной работой. Многие другие, в основном эсэсовцы невысоких чинов и гражданские, направились в кинозал. Среди них не было ни одного офицера вермахта.

Шпеер А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930-1945. – М.: Центрполиграф, 2005. 656 с.

123. Выдержка из приговора Международного Военного Трибунала в Нюрнберге. Установление фашистской диктатуры для осуществления разбойничьих планов германского империализма

«...Руководители НСДАП не делали никаких серьезных попыток для того, чтобы скрыть тот факт, что единственной целью их участия в политической жизни Германии являлись ликвидация демократического строя Веймарской республики и замена его нацистским тоталитарным режимом, который позволил бы им открыто проводить свою политику, не встречая оппозиции.

Готовясь к тому дню, когда он намеревался захватить власть в Германии, Гитлер в январе 1929 г. назначил Генриха Гимmlера рейхсфюрером СС, возложив на него специальную задачу превращения СС в мощную, отборную группу, на которую можно было бы рассчитывать при любых обстоятельствах. 30 января 1933 г. Гитлеру удалось добиться назначения его президентом фон Гинденбургом на пост канцлера империи. Подсудимые Геринг, Шахт и фон Папен очень активно действовали с тем, чтобы заручиться поддержкой для достижения этой цели.

Фон Папен был назначен рейхсканцлером 1 июня 1932 г. 14 июня он отменил декрет кабинета Брюнинга от 13 апреля 1932 г., которым распускались нацистские полувоенные организации, в том числе СА и СС. Это было сделано по соглашению между Гитлером и фон Папеном, хотя фон Папен отрицает, что это соглашение было заключено уже 28 мая, как это утверждает доктор Ганс Фольц в «Датах из истории НСДАП», но в своих показаниях фон Папен признает, что это было результатом такого соглашения.

Выборы в рейхстаг 31 июля 1932 г. имели своим результатом огромный рост силы НСДАП, и фон Папен предложил Гитлеру пост вице-канцлера, от которого тот отказался, настаивая на предоставлении ему поста канцлера.

В ноябре 1932 г. руководящими промышленниками и финансистами была подписана и представлена президенту фон Гинденбургу петиция, призывавшая его доверить канцлерство Гитлеру, причем Шахт принял видное участие в сборе подписей под этой петицией.

Выборы 6 ноября, которые последовали за поражением правительства, сократили число членов НСДАП, но фон Папен прилагал дальнейшие усилия к тому, чтобы склонить Гитлера войти в состав правительства, однако безуспешно.

12 ноября Шахт писал Гитлеру: «Я не сомневаюсь в том, что настоящее развитие событий может привести только к тому, что Вы станете канцлером. Как мне кажется, наша попытка собрать подписи с этой целью в деловых кругах в общем не была напрасной...».

После того как 16 ноября Гитлер отказался от поста, фон Папен ушел в отставку и за ним последовал генерал фон Шлейхер, но фон Папен все еще продолжал свою деятельность. Он встретился с Гитлером в доме кельнского банкира фон Шредера 16 4 января 1933 г. и также вместе с подсудимыми Герингом и другими присутствовал на совещании в доме подсудимого Риббентропа 22 января. 9 января он также имел беседу с президентом Гинденбургом и начиная с 22 января официально обсуждал с Гинденбургом вопрос о формировании кабинета во главе с Гитлером. Гитлер созвал первое заседание своего кабинета в день своего назначения канцлером, на котором по долгу службы присутствовали подсудимые Геринг, Фрик, Функ, фон Нейрат и фон Папен.

28 февраля 1933 г. было подожжено здание рейхстага в Берлине. Этот поджог был использован Гитлером и его кабинетом для издания декрета, отменявшего конституционные гарантии свободы. Декрет был подписан президентом Гинденбургом и скреплен подписью Гитлера и подсудимого Фрика, который занимал тогда пост имперского министра внутренних дел. 5 марта произошли выборы в рейхстаг, на которых НСДАП получила 288 мест из 647 мест. Кабинет Гитлера стремился провести «Закон о защите народа и империи»,

который дал бы ему полную законодательную власть, включая полномочия на отход от принципов конституции. Однако они не имели необходимого большинства в рейхстаге для того, чтобы иметь возможность осуществить это конституционным путем. Поэтому они воспользовались декретом об отмене гарантии свободы и подвергли так называемому «превентивному заключению» большое число коммунистов – депутатов и партийных работников. Сделав это, Гитлер внес «Закон о защите народа и империи» на рассмотрение рейхстага, и, после того как он ясно показал, что в случае, если закон не пройдет, будут приняты дальнейшие насильственные меры, этот закон был принят 24 марта 1933 г.»

Структура и составные части

«Обвинение назвало охранные отряды национал-социалистской рабочей партии Германии (общеизвестные под названием СС) в качестве организации, которая должна быть признана преступной. Тот раздел обвинения, в котором говорится об СС, включает также и службу безопасности рейхсфюрера СС (общеизвестную под названием СД). Последняя организация, бывшая первоначально разведывательным отделом СС, впоследствии стала важной частью организации полиции безопасности и СД, которые рассматриваются в приговоре Трибунала в разделе, посвященном гестапо.

Организация СС была сформирована впервые Гитлером в 1925 г. как отборная группа СА для политических целей под предлогом охраны ораторов, выступавших на открытых собраниях нацистской партии. После того как нацисты захватили власть, СС стали использоваться для поддержания порядка и наблюдения за присутствующими на массовых демонстрациях, и, по указу фюрера, им была поручена дополнительная функция по охране «внутренней безопасности».

СС играли важную роль во время «чистки Рема» 30 июня 1934 г. и вскоре после этого за свои заслуги были сделаны самостоятельной организацией нацистской партии.

В 1929 г., когда Гиммлер был впервые назначен рейхсфюрером, организация СС состояла из 280 человек, которых считали особенно благонадежными. В 1933 г. она состояла из 52 000 человек, набранных из самых различных слоев общества. Первой организацией СС были «общие СС», которые к 1939 г. выросли в корпус, построенный на военной основе, с подразделением на дивизии и полки общей численностью в 240 000 человек. Во время войны эта организация уменьшилась почти до 40 000 человек.

СС первоначально состояла из двух отдельных организаций: военных отрядов СС, состоявших из членов СС, добровольно согласившихся на четырехлетнюю военную службу вместо обязательной службы в армии, и соединений СС «Мертвая голова», специальных войск для охраны концентрационных лагерей, которые с 1934 г. перешли в ведение СС. Военные отряды СС были сформированы в военные подразделения, которые должны были использоваться вместе с армией в случае мобилизации. Летом 1939 г. военные отряды были превращены в моторизованную дивизию, образовавшую ядро вооруженных сил, которые в 1940 г. стали известны под названием войск СС. В то время войска СС состояли из 100 000 человек, 56 000 из них пришли из военных отрядов СС, а остальные – из «общих СС» и соединений «Мертвая голова». К концу войны в них насчитывалось около 580 000 человек и 40 дивизий. Войска СС в тактическом отношении подчинялись армии, но получали все свое снабжение и экипировку через административные отделы СС и находились под их дисциплинарным контролем.

Центральная организация СС имела 12 главных управлений. Наиболее важными из них были следующие: Главное имперское управление безопасности, о котором уже говорилось выше, Главное административно-хозяйственное управление (ВФХА), которое наряду с остальными своими функциями ведало концентрационными лагерями и управлением по вопросам расы и поселений совместно с вспомогательным управлением по репатриации расовых немцев

(фольксдейчемиттельштелле). Центральная организация СС имела также правовой отдел, имела собственную правовую систему, и ее личный состав подлежал юрисдикции специальных судов.

К главным управлениям СС были также присоединены исследовательские институты, известные под названием институтов по вопросам наследственности (аненэрбе). Утверждалось, что ученые из этой организации в основном были почетными членами СС. Во время войны к институтам по вопросам наследственности был присоединен институт военных научных изысканий, который проводил опыты в широких масштабах, используя в качестве объектов живых людей. Сотрудником этого института был некий доктор Рашер, который проводил свои эксперименты с полного ведома института по вопросам наследственности; эти опыты субсидировались и проводились под покровительством рейхсфюрера СС, который был инициатором создания этого института. С 1933 г. началось постепенное, но всестороннее слияние полиции и СС В 1936 г. Гиммлер, рейхсфюрер СС, стал начальником германской полиции и получил в свое ведение регулярную полицию и полицию безопасности.

Гиммлер установил систему, согласно которой высшие руководители СС и полиции, назначаемые для каждого военного округа, были его личными представителями для координирования деятельности полиции порядка, полиции безопасности и СД и «общих СС» в пределах их юрисдикции. В 1939 г. действия СС и полиции были скоординированы путем приема всех должностных лиц полиции порядка и полиции безопасности в СС, причем чины, которые они имели в полиции, соответственно сохранялись и в СС.

До 1940 г. СС была организацией, основанной исключительно на добровольных началах. После же образования войск СС в 1940 г. число мобилизованных в войска СС стало постепенно возрастать. По-видимому, около трети всего числа вступивших в войска СС были мобилизованы, причем

пропорция мобилизованных возросла к концу войны по сравнению с началом войны; но все же до конца войны продолжался приток добровольцев в значительных размерах.

Преступная деятельность

Части СС были активными участниками мероприятий, приведших к агрессивной войне. Военные отряды ОС использовались при оккупации Судетской области, Богемии и Моравии и Мемеля. «Свободный корпус» Генлейна находился под юрисдикцией рейхсфюрера СС во время операции в Судетской области в 1938 г., а «фольксдейчемиттельштелле» финансировало там деятельность пятой колонны.

Организация СС была еще более активным участником в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Благодаря своему контролю над организацией полиции, в частности полиции безопасности и СД, организация СС участвовала во всех преступлениях, которые были описаны в том разделе приговора, который относится к гестапо и СД. Другие отделы СС были также в равной степени причастны к этой преступной программе. Имеются доказательства того, что расстрел невооруженных военнопленных был обычным явлением в некоторых дивизиях войск СС. 1 октября 1944 г. охрана военнопленных и интернированных лиц была передана в ведение Гимmlера, который в свою очередь передал дела о военнопленных обергруппенфюреру СС Бергеру и обергруппенфюреру СС Полю.

Ведомство СС по вопросам расы и поселений вместе с «фольксдейчемиттельштелле» проявляли активность в осуществлении планов германизации оккупированных территорий в соответствии с расистскими принципами нацистской партии и были причастны к депортации евреев и других лиц не немецкой национальности. Подразделения войск СС и эйнзатцгруппы, действовавшие непосредственно под руководством Главного управления СС, использовались для осуществления этих планов. Эти подразделения были также замешаны в широко распространенных убийствах

гражданского населения и в жестоком обращении с ним на оккупированных территориях. Под предлогом борьбы с партизанскими отрядами подразделения СС уничтожали евреев и лиц, которых СС считала политически нежелательными; их отчеты свидетельствуют об уничтожении огромнейшего числа людей. Дивизии войск СС ответственны за множество убийств и зверств на оккупированных территориях, как, например, за резню в Орадуре и Лидице.

Начиная с 1934 г. СС были ответственны за охрану концентрационных лагерей и управление ими. Представленные доказательства не оставляют сомнения в том, что постоянное зверское обращение с заключенными концентрационных лагерей явилось результатом общей политики, проводимой СС и состоявшей в том, что заключенные лагерей рассматривались как представители низших рас, на которых следовало смотреть с презрением. Имеются доказательства того, что в тех случаях, когда это позволял наличный состав членов СС, Гиммлер стремился к тому, чтобы состав батальонов охраны постоянно сменялся с тем, чтобы все члены СС прошли инструктаж по поводу тех методов, которые необходимо применять по отношению к представителям низших рас.

После 1942 г., когда концентрационные лагеря были переданы в ведение ВФХА, они использовались как источник рабской рабочей силы. 18 сентября 1942 г. было заключено соглашение с министром юстиции, по которому все антиобщественные элементы, которые отбыли срок своего тюремного заключения, должны были передаваться в распоряжение СС для умерщвления их непосильным трудом.

Полиция безопасности и СД и даже войска СС постоянно использовались для обеспечения работ, проводимых СС в концентрационных лагерях, нужной для этого рабочей силой. В связи с тем, что концентрационные лагеря находились в ведении СС, они начали целую серию экспериментов над людьми, используя для этого военнопленных и заключенных концентрационных лагерей. Эти эксперименты включали замораживание до смерти и убийства отравленными пулями.

СС сумели получить правительственные фонды для исследований подобного рода на том основании, что члены этой организации имели доступ к человеческому материалу, который не был доступен другим организациям.

СС играли особенно значительную роль в преследовании евреев. СС принимали непосредственное участие в демонстрациях 10 ноября 1938 г. Вывоз евреев из оккупированных территорий проводился под руководством СС и при содействии частей полиции СС. Центральные организации СС руководили операциями по истреблению евреев. Фактически истребление проводилось в жизнь СС, Эйнзатцгруппы принимали участие в массовой резне евреев. В этих мероприятиях были замешаны также полицейские части СС. Например, резня евреев в варшавском гетто проводилась под руководством бригадефюрера СС и генерал-майора полиции Штропа. Специальная группа, выделенная из центральной организации СС, распорядилась вывозом евреев из различных государств – сателлитов стран оси; истребление евреев проводилось в концентрационных лагерях, находившихся в ведении ВФХА.

Невозможно выделить какую-либо часть СС, которая не принимала бы участия в этой преступной деятельности. «Общие СС» являлись активным участником преследования евреев и использовались для охраны концентрационных лагерей. Части войск СС непосредственно участвовали в убийствах военнопленных и зверствах, совершавшихся в оккупированных странах. Из личного состава частей СС создавались эйнзатцгруппы; части СС стали осуществлять командование охраной концентрационных лагерей после того, как в их состав были включены части соединения «Мертвая голова», под контролем которых первоначально находилась система охраны.

При совершении зверств в оккупированных странах и истреблениях евреев там также широко использовалась полиция СС. Центральная организация СС осуществляла верховное руководство над деятельностью этих различных

соединений и несла ответственность за планы специального характера, например эксперименты над людьми и «окончательное разрешение» еврейского вопроса.

Трибунал приходит к заключению, что преступная деятельность была достаточно широко известна членам организации для того, чтобы оправдать признание СС преступной организацией в той мере, в какой это будет изложено ниже. Есть данные о том, что были предприняты попытки сохранить в тайне отдельные фазы этой деятельности, однако преступная программа в целом была настолько распространена и включала в себя убийства в таких колоссальных масштабах, что преступная деятельность организации должна была получить широкую известность.

Более того, следует признать, что преступная деятельность СС самым логичным образом вытекала из тех принципов, на которых строилась эта организация. Было сделано все возможное для того, чтобы превратить СС в высоко дисциплинированную организацию, составленную из цвета национал-социалистов. Гиммлер утверждал, что в Германии были люди, «которых тошнило при виде черных мундиров»; он заявлял, что он не ждет «проявления со стороны многих слишком бурной любви к членам организации». Гиммлер также излагал свою точку зрения, заключающуюся в том, что на обязанности СС лежало увековечивание отборных элементов расы в целях превращения Европы в германский континент; СС были переданы инструкции, заключающиеся в том, что им поручается оказывать содействие нацистскому правительству в окончательном установлении господства над Европой, в уничтожении низших рас.

Эта мистическая и фанатическая вера в превосходство нордических немцев превратилась в заученное презрение и даже ненависть к другим расам, приведшие к преступной деятельности такого типа, как это описано выше, что рассматривалось не только как само собой разумеющееся явление, но было даже предметом гордости. Действия одного из солдат войск СС, который в сентябре 1939 г. действовал исключительно

по собственной инициативе, убил 50 еврейских рабочих, находившихся под его охраной, объясняются в заявлении одного эсэсовца следующим образом: он был «особенно чувствительным к виду евреев» и действовал «необдуманно, побуждаемый юношеским духом авантюризма». Трехлетнее заключение, к которому был присужден этот человек, было отменено в результате амнистии.

Гесс правильно писал, что войска СС являлись более подходящей организацией для осуществления специфических задач, которые должны были быть решены на оккупированных территориях, благодаря их обширной подготовке в вопросах расы и национальности.

В серии речей, произнесенных в 1943 г., Гиммлер выражает свою гордость по поводу способности СС проводить эти преступные мероприятия. Он побуждал своих подчиненных быть «грубыми и безжалостными»; говоря о расстреле «тысяч видных поляков», он благодарил членов организации за оказанное ими содействие и за отсутствие с их стороны слабости при виде сотен и тысяч трупов их жертв. Он превозносил безжалостность при истреблении еврейской расы, истреблении, которое было названо им впоследствии процессом «санобработки». Из этих речей явствует, что общие настроения, преобладавшие внутри СС, соответствовали тем преступным деяниям, которые совершались этой организацией.

Заключение

СС использовались для целей, которые, согласно Уставу¹³, являются преступными и включают преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершавшиеся при управлении оккупированными территориями, проведении в жизнь программы использования рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и их убийства. Подсудимый Кальтенбруннер являлся членом СС и замешан в этой деятельности.

Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС,

включая членов «общих СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС. Трибунал не включает в это число так называемые кавалерийские соединения СС. Вопрос о службе безопасности рейхсфюрера СС (общеизвестной под названием СД) рассматривается в приговоре Трибунала по делу гестапо и СД.

Трибунал объявляет преступной, согласно определению Устава, группу, состоящую из тех лиц, которые были официально приняты в члены СС и перечислены в предыдущем параграфе, которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или тех лиц, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений, исключая, однако, тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора, а также тех лиц, которые не совершали подобных преступлений.

Настоящее решение основывается на участии этой организации в военных преступлениях и преступлениях против человечности, связанных с войной. Эта группа, признаваемая преступной, не включает поэтому лиц, которые перестали быть членами организаций, перечисленных в предыдущем параграфе, до 1 сентября 1939 г.»

СС в действии. Документы о преступлениях СС. Перевод с немецкого. М.: СВЕТОТОН, 2000 – 624 с. С. 9-13.

124. Выдержка из приговора Международного Военного Трибунала в Нюрнберге. Преследование евреев

«Подробные доказательства, представленные Трибуналу, устанавливают факт преследования евреев нацистским правительством. Это – история бесчеловечности, осуществлявшейся последовательно и систематически в самых широких масштабах.

Олендорф, являвшийся начальником III управления Главного имперского управления безопасности с 1939 по 1943 г. и командовавший одной из эйнзатцгрупп во время войны с Советским Союзом, в своих показаниях описал методы, применявшиеся при истреблении евреев. Он заявил, что он использовал боевые отряды для расстрела жертв, с тем чтобы уменьшить сознание моральной ответственности у своих людей, и 90 000 мужчин, женщин и детей, которые были убиты этой группой в течение одного года, являлись в основном евреями.

Когда свидетеля Бах-Зелевского спросили о том, каким образом Олендорф мог признать убийство 90 000 человек, он ответил: «Я лично считаю, что, когда в течение лет, десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей расой и что евреи даже не являются людьми, подобный результат неизбежен».

Подсудимый Франк произнес последние слова этой главы нацистской истории, когда он давал показания на суде: «Мы боролись против еврейства, мы боролись против него в течение ряда лет, нам принадлежат некоторые изречения (и мой дневник может стать в связи с этим свидетелем против меня самого), изречения, которые ужасны... Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии все еще не будет смыта».

Антисемитская политика была сформулирована в пункте 4 партийной программы, который гласил следующее: «Только представитель расы может быть гражданином,

а представителем расы может быть только тот, в ком течет германская кровь, независимо от его вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может быть представителем расы».

В других пунктах программы констатировалось, что с евреями нужно обращаться как с чуждым элементом, что им нельзя разрешать занимать государственные посты, что их нужно изгнать из империи, если невозможно прокормить все население государства, что им нужно отказать в дальнейшей иммиграции в Германию и что им нужно запретить издание немецких газет. Нацистская партия проповедовала эти доктрины в продолжение всей своей истории. «Штюрмеру» и другим изданиям разрешалось пропагандировать ненависть к евреям, а в выступлениях и в публичных заявлениях нацистских вождей над евреями открыто насмехались и выражали презрение к ним.

С захватом власти преследование евреев усилилось. Был опубликован ряд законов, дискриминирующих евреев, которые ограничивали круг должностей и профессий, разрешаемых евреям; вводились всевозможные ограничения в их семейной жизни и в их гражданских правах. К осени 1938 г. нацистская политика в отношении евреев достигла стадии, принявшей форму полного вытеснения евреев из жизни Германии. Были организованы погромы, во время которых сжигались и уничтожались синагоги; еврейские предприятия подвергались разграблению, а видные еврейские дельцы – арестам. На евреев был наложен коллективный штраф в один миллиард марок; был санкционирован захват еврейского имущества, и передвижение евреев было ограничено определенными районами и определенными часами. Гетто создавались в чрезвычайно широком масштабе, и по приказу полиции безопасности евреев заставляли носить желтую звезду на груди и на спине.

Обвинение утверждало, что некоторые стороны этой антисемитской политики были связаны с планами агрессивной войны. Жестокие меры, принятые против евреев в ноябре 1938 г., проводились под предлогом расплаты за убийство

одного чиновника германского посольства в Париже. Но решение о захвате Австрии и Чехословакии было вынесено за год до этого. Был наложен штраф в миллиард марок и издан приказ о конфискации финансов, находившихся во владении евреев; это происходило в то время, когда расходы Германии на военные нужды поставили в затруднительное положение германское казначейство и когда обсуждался вопрос о снижении этих расходов. Более того, эти шаги были предприняты с одобрения подсудимого Геринга, который был ответственным за проведение экономических мероприятий подобного рода и который являлся ярким защитником расширенной программы перевооружения, невзирая на финансовые трудности.

Далее говорится, что связь между антисемитской политикой и агрессивной войной также не ограничивалась лишь экономическими вопросами. Бюллетень Министерства иностранных дел Германии в номере от 25 января 1939 г. в статье под заголовком «Еврейский вопрос как фактор внешней политики Германии в 1938 году» описывает новую фазу в нацистской антисемитской политике следующим образом: «То, что роковой 1938 г. приблизил решение еврейского вопроса одновременно с осуществлением идеи Великой Германии, конечно, не является совпадением, так как еврейская политика была и основой и результатом событий 1938 г. Рост влияния евреев и пагубный еврейский дух в политике, экономике и культуре парализовали силу и волю германского народа к тому, чтобы снова подняться, возможно даже в большей степени, чем оппозиция политике силы со стороны бывших вражеских союзных держав в мировой войне. Поэтому излечение народа от этой болезни было, без сомнения, одной из наиболее важных задач, требовавших применения силы, и это в 1938 г. привело к объединению Великой Германии вопреки всему миру».

Нацистское преследование евреев в Германии до войны, хотя оно было жестоким и безжалостным, не идет, однако, ни в какое сравнение с политикой, проводимой во время войны в оккупированных территориях. Первоначально эта политика была схожа с той, которая осуществлялась и внутри

Германии: все евреи должны были проходить регистрацию, их заставляли жить в гетто, они должны были носить желтую звезду, и их использовали для рабского труда, Летом 1941 г., однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 г. должно было явиться одним из следствий разразившейся войны. Для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник отдела Б-4.

План уничтожения евреев был разработан вскоре после нападения на Советский Союз. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, созданные для того, чтобы сломить сопротивление населения территорий, лежащих в тылу германских армий на Востоке, получили задание уничтожить евреев в этих областях. Эффективность деятельности эйнзатцгрупп видна из того, что в феврале 1942 г. Гейдрих был в состоянии доложить, что Эстония уже очищена от евреев и что в Риге число евреев снизилось с 29 500 до 2500 человек. Всего эйнзатцгруппы, оперировавшие в прибалтийских странах, убили за три месяца свыше 135 000 евреев.

Эти специальные отряды не действовали независимо от германских вооруженных сил. Имеются явные доказательства того, что руководители эйнзатцгрупп сотрудничали с армейскими командирами. В одном случае взаимоотношения между эйнзатцгруппой и военными властями описывались как «очень близкие, почти дружеские», в другом случае успешный ход операций эйнзатцкоманды был приписан «пониманию проводимых мероприятий» военными властями. Части полиции безопасности и СД на оккупированных территориях Востока, находившиеся в ведении гражданской администрации, получили аналогичное задание. Обдуманый и систематический характер преследования евреев лучше всего иллюстрируется докладом бригадного генерала СС Штропа, на которого было возложено руководство по уничтожению

гетто в Варшаве, фактически проведенное в жизнь в 1943 г. Этот отчет был представлен Трибуналу в качестве доказательства и был иллюстрирован фотографиями. На его первой странице была сделана надпись: «Еврейское гетто в Варшаве больше не существует». Этот том содержит ряд отчетов, посланных Штропом высшему руководителю СС и полиции на Востоке. В апреле и мае 1943 г. в одном из отчетов Штроп писал: «Сопrotивление, которое оказывали евреи и бандиты, могло быть подавлено лишь в результате сильных боев наших отрядов, не прекращавшихся ни днем, ни ночью. Поэтому рейхсфюрер СС приказал 23 апреля 1943 г. очистить гетто, применяя крайнюю жестокость и проявляя беспощадное упорство. Было решено уничтожить и сжечь все гетто, невзирая на то, что там имелись военные заводы. С этих заводов мы систематически вывозили оборудование, а затем сжигали их. Обычно евреи выходили из тех мест, в которых они скрывались, но часто они оставались в горевших зданиях и выпрыгивали из окон только тогда, когда жара становилась невыносимой. Тогда они пытались, несмотря на переломы костей, переползть по улице в те здания, которые еще не были охвачены огнем. Жизнь в канализационных трубах не была приятной. Мы не раз слышали громкие голоса в канализационных трубах... Мы стали бросать туда в отдушины слезоточивые бомбы и таким образом выгнали евреев из канализационных труб и захватили их. Бесчисленное количество евреев было ликвидировано в канализационных трубах и бункерах во время взрывов, и чем дольше продолжалось сопротивление, тем более жестокими становились члены войск СС, полиции и вооруженных сил, всегда образцово исполнявшие свои обязанности».

Штроп говорит в своем отчете, что в результате его мероприятий в Варшаве уничтожено 56 065 человек. К этому мы должны добавить тех, которые были убиты во время взрывов, при пожарах и т. д., количество которых учесть невозможно.

Мрачные показания о массовых убийствах евреев были также представлены Трибуналу путем демонстрации фильма,

показавшего общие могилы сотен жертв, впоследствии обнаруженных союзниками. Все эти зверства были присущи политике, начатой в 1941 г., и нет ничего удивительного в том, что, согласно показаниям, один или два немецких чиновника тщетно пытались протестовать против тех зверских методов, которыми проводилось умерщвление. Но методы, к которым прибегали, никогда не были схожи один с другим. Резня в Ровно и Дубно, о которой говорил немецкий инженер Грабе, представляла собой один метод, систематическое истребление евреев в концентрационных лагерях явилось другой частью «окончательного разрешения проблемы», выразившейся в том, что со всей оккупированной немцами Европы евреев сгоняли в концентрационные лагеря. Их физическое состояние решало для них вопрос жизни или смерти. Всех трудоспособных людей использовали для рабского труда в концентрационных лагерях; все не способные работать уничтожались в газовых камерах, после чего их трупы сжигались. Для этой цели были специально выделены некоторые концентрационные лагеря, как, например, Треблинка и Освенцим.

По вопросу об Освенциме Трибунал заслушал показания Гесса, с 1 мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г. являвшегося комендантом лагеря. Он заявил, что только в одном лагере Освенцим за этот период времени было истреблено 2 500 000 человек, помимо того, что 500 000 погибло от болезней и голода.

Гесс на суде в следующих словах рассказал о том, каким образом отбирались те люди, которых предполагалось уничтожить: «В Освенциме было два дежурных врача, занимавшихся осмотром транспортов прибывавших заключенных. Заключенных прогоняли мимо одного из врачей, который тут же на месте, пока они проходили мимо него, принимал решение относительно их трудоспособности. Трудоспособные заключенные направлялись в лагерь. Остальных немедленно направляли на установки для уничтожения. Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать.

Мы ввели еще одно усовершенствование по сравнению с Треблинкой: в этом лагере жертвы почти всегда знали о том, что их собираются истребить, в то время как в Освенциме мы пытались обманывать заключенных, заставляя их думать, что они должны пройти санобработку. Они, конечно, нередко разгадывали наши действительные намерения, и в связи с этим нам приходилось иметь дело с беспорядками и различными затруднениями. Очень часто женщины прятали детей под свою одежду, но, конечно, когда мы их находили, мы отбирали детей и истребляли». Он в следующих словах описывает процесс убийства: «На убийство людей в газовых камерах обычно уходило от 5 до 15 мин. в зависимости от температурных условий. Мы знали, когда люди умирали, так как со смертью прекращались их крики. Перед тем как открыть двери и удалить тела, мы обычно выжидали в течение получаса. После того как тела выносили из камер, наши специальные команды снимали с них кольца и извлекали золото с зубов, вырванных у трупов».

Избиения, голод, истязания и убийства были всеобщим явлением. Заключенные подвергались жестоким экспериментам. В августе 1942 г. в Дахау жертвы погружались в холодную воду и оставались там до тех пор, пока температура их тел не понижалась до 28° по Цельсию, после чего они немедленно умирали. Остальные эксперименты включали опыты по определению условий на больших высотах, когда жертвы помещались в камеры с пониженным давлением, опыты, целью которых служило определить, сколько времени человеческое существо может прожить в ледяной воде, опыты с отравленными пулями, опыты с заразными болезнями, опыты по стерилизации мужчин и женщин рентгеновскими лучами и путем применения других методов. Были представлены доказательства относительно судьбы заключенных до и после их уничтожения.

В показаниях, было указано что у женщин, перед тем как их Убить, обрезали волосы, которые отправлялись в Германию, где они использовались для производства матрацев.

Одежда, деньги и драгоценности заключенных также присваивались и направлялись в соответствующие отделы для дальнейшего распределения. После того как жертвы умерщвлялись, у трупов вынимали золотые зубы и пломбы, которые пересылались в рейхсбанк. После сжигания трупов зола использовалась в качестве удобрения, а в некоторых случаях делались попытки использовать жировой слой, имевшийся на телах жертв, для выработки мыла, предназначенного для продажи.

По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выискивавшие евреев для так называемого «окончательного разрешения» вопроса. В некоторые страны-сателлиты, как Венгрия и Болгария, были направлены германские миссии, которые должны были организовывать в вышеупомянутых целях отправку евреев в лагерь уничтожения в Германию. Известно, что к концу 1944 г. 400 000 евреев из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации 110 000 евреев из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито шесть миллионов евреев, из которых четыре миллиона было убито в пунктах для истребления людей».

СС в действии. Документы о преступлениях СС. Перевод с немецкого. М.: СВЕТОТОН, 2000 – 624 с. С. 107–112.

125. Из протокола судебного заседания по делу о злодеяниях, совершенных в концентрационном лагере Саксенхаузен, Берлин, 1947. «Я несу ответственность за уничтожение 42 000 человек» (Из показаний бывшего коменданта концентрационного лагеря Саксенхаузен, штандартенфюрера СС Антона Кайндла)

П р о к у р о р. Какие приказы об обращении с военнопленными вам известны?

К а й н д л. За три дня до нападения на Советский Союз командирам дивизий и полков был разослан приказ фюрера, который предписывал отбирать всех комиссаров и передавать их для уничтожения органам СД.

П р о к у р о р. Какие виды уничтожения применялись в вашем лагере?

К а й н д л. Вплоть до осени 1943 г. уничтожение заключенных в Саксенхаузене производилось путем расстрелов или повешения. Для проведения массовых расстрелов русских военнопленных использовалось особое помещение, замаскированное под кабинет врача, в котором были установлены приспособление для измерения роста, таблица для проверки зрения и, кроме того, там находились эсэсовцы, переодетые в белые халаты врачей. Во время мнимого измерения роста заключенного убивали выстрелом в затылок через отверстие в измерительной планке. В соседнем помещении, откуда стреляли, проигрывали пластинки, чтобы музыкой заглушить выстрелы.

П р о к у р о р. Следовательно, когда вы стали комендантом лагеря, там уже существовала разработанная техника уничтожения?

К а й н д л. Так точно! Кроме кабинета врача, было еще одно место для расстрелов, передвижная виселица и механизированная виселица, позволявшая одновременно казнить трех-четырёх заключенных.

П р о к у р о р. Произвели вы какие-либо изменения в этой технике уничтожения или нет?

К а й н д л. В середине мая 1943 г. я ввел газовые камеры в качестве средства массового уничтожения.

П р о к у р о р. По своей инициативе?

К а й н д л. Частично да. Так как наличных сооружений не хватало для уничтожения в предусмотренных размерах, я провел совещание, в котором принял участие и главный врач Баумкёттер, который сказал мне, что в результате отравления людей синильной кислотой в особых камерах наступает моментальная смерть. Тогда я решил, что сооружение газовых камер для массового уничтожения будет целесообразнее и даже гуманнее.

П р о к у р о р. Кто отвечал за массовое уничтожение людей?

К а й н д л. Комендант лагеря лично.

П р о к у р о р. Следовательно, вы?

К а й н д л. Так точно!..

П р о к у р о р. Сколько заключенных было уничтожено в Саксенхаузене за время вашей деятельности в качестве коменданта, то есть за два года и восемь месяцев?

К а й н д л. Я несу ответственность за уничтожение 42 000 человек, из них непосредственно в самом лагере – 18 000.

П р о к у р о р. А сколько умерло от голода за время вашего пребывания?

К а й н д л. От голода умерло за это время, по моим подсчетам, около 8 000 заключенных.

П р о к у р о р. Подсудимый Кайндл, получали ли вы приказ взорвать лагерь для того, чтобы ликвидировать следы совершенных злодеяний?

К а й н д л. Так точно! 1 февраля 1945 г. у меня был разговор с начальником гестапо Мюллером. Он передал мне при этом приказ уничтожить лагерь, подвергнув его артиллерийскому обстрелу, воздушным налетам или истребив всех

газом. Осуществить этот приказ, автором которого был Гиммлер, было технически невозможно.

Прокурор. Выполнили бы вы этот приказ, если бы это было технически осуществимо?

Кайндл. Само собой разумеется. Но это было невыполнимо. В случае артиллерийского обстрела или авиационного налета население окрестных населенных пунктов заметило бы это. При уничтожении газом опасности подвергалось бы не только гражданское население, но и сам персонал СС.

Прокурор. Как поступили вы тогда?

Кайндл. Это началось вот с чего. В ночь на 2 февраля были расстреляны первые, примерно 150 заключенных. До конца марта удалось уничтожить примерно 5000 человек.

Прокурор. Под чьим руководством проводилось массовое уничтожение людей?

Кайндл. По моему указанию этим занимался подсудимый Хён.

Прокурор. Сколько заключенных оставалось тогда еще в лагере?

Кайндл. От 40 000 до 45 000. 18 апреля я получил приказ погрузить их на баржи и отправить через систему каналов на Шпрее в Балтийское или Северное море и там утопить в открытом море. Но это также было невозможно, потому что для получения барж на такое большое количество заключенных потребовалось бы слишком много времени, а Красная Армия продвигалась очень быстро.

Прокурор. Что же произошло затем?

Кайндл. Я приказал отправить заключенных походной колонной сначала в направлении Виттшток, затем на Любек, чтобы там погрузить на корабли и, как это было приказано, утопить их.

Прокурор. Получали ли все заключенные во время этой эвакуации провиант?

Кайндл. Нет, 6000 или 7000 не получали ничего, потому что его не хватало.

П р о к у р о р . Значит, эти заключенные погибли от измождения и голода в пути?

К а й н д л . Так точно!

С С в действии. Документы о преступлениях СС. Перевод с немецкого. М.: СВЕТОТОН, 2000 – 624 с. С. 241-243.

126. Из протокола судебного заседания по делу о злодеяниях, совершенных в концентрационном лагере Саксенхаузен, Берлин, 1947. «Моя деятельность началась с казни 10 подневольных рабочих с Востока...».

Август Хён Второй, лагерный начальник концентрационного лагеря Саксенхаузен

П р о к у р о р . Сколько всего заключенных было расстреляно в лагере Саксенхаузен под вашим личным руководством?

Х ё н . Мной лично было расстреляно около 300 лиц.

П р о к у р о р . Сколько заключенных было отравлено газом под вашим руководством?

Х ё н . 172.

П р о к у р о р . А сколько было вами повешено?

Х ё н . Примерно 40.

П р о к у р о р . Подтверждаете ли вы свои показания на предварительном следствии о том, что с осени 1943 г. по апрель 1945 г. в лагере Саксенхаузен было уничтожено 33 000 человек?

Х ё н . Так точно, около 33 000 человек.

П р о к у р о р . Сколько умерло вследствие плохих условий жизни?

Х ё н . За названное мною время умерло примерно 6000.

П р о к у р о р . От кого исходили директивы о массовом уничтожении заключенных?

Х ё н . От моего непосредственного начальника, подсудимого Кайндла.

П р о к у р о р . А с какой целью проводилось массовое уничтожение?

Х ё н. Для осуществления политики, целью которой было полное истребление людей славянского происхождения.

...Пр о к у р о р. Какие виды наказаний вы применяли?

Х ё н. Я применял по приказу коменданта все виды наказаний, которые существовали в лагере.

Пр о к у р о р. Что это были за наказания?

Х ё н. Во-первых, арест, затем порка от 5 до 25 ударов, зачисление в штрафную роту, публичная порка и перевод в команду топтунов.

Пр о к у р о р. Вы лично тоже били заключенных?

Х ё н. При допросах я сам бил заключенных.

Пр о к у р о р. Что вам известно о повешении заключенного Видмана весной 1943 г.?

Х ё н. Видман был первым заключенным, которого я должен был повесить публично в лагере. При повешении веревка оборвалась, и я застрелил его, лежащего на земле и еще живого.

Пр о к у р о р. С чего началась ваша деятельность в лагере Саксенхаузен?

Х ё н. Моя деятельность началась с казни 10 подневольных рабочих с Востока. Приказ об этом я получил от оберштурмфюрера Кольбе.

Пр о к у р о р. Признаете ли вы, что вскоре после этого провели расстрел группы в 7 человек?

Х ё н. Так точно!

Пр о к у р о р. Кем были расстреляны эти 7 человек?

Х ё н. Все семь были расстреляны лично мной...

...Х ё н. Я сам слышал от коменданта лагеря Нейенгамме Паули, что два больших судна с заключенными из этого лагеря были потоплены в море.

Пр о к у р о р. Следовательно, уже существовал этот метод истребления путем потопления заключенных в море?

Х ё н. Так точно, такой метод существовал.

Пр о к у р о р. И если это преступное намерение в отношении заключенных Саксенхаузена не было осуществлено, то произошло это помимо воли лагерного руководства?

Х ё н. Так точно. Оставшиеся 45 000 заключенных нашего лагеря не были утоплены не потому, что этого не хотело лагерное руководство, а потому, что быстрое продвижение Красной Армии помешало нам это сделать.

СС в действии. Документы о преступлениях СС. Перевод с немецкого. М.: СВЕТОТОН, 2000 – 624 с. С. 243-244.

**127. Из протокола судебного заседания по делу
о злодеяниях, совершенных в концентрационном лагере
Саксенхаузен, Берлин, 1947.**

**«636 русских военнопленных я убил своими
собственными руками». Вильгельм Шуберт, надзиратель
из концентрационного лагеря Саксенхаузен**

П р о к у р о р. Вы избивали заключенных?

Ш у б е р т. Это было для меня само собой разумеющимся делом!

П р о к у р о р. Вы истязали заключенных?

Ш у б е р т. Так точно, я делал это!

П р о к у р о р. Обливали вы их зимой на морозе холодной водой и оставляли под открытым небом до тех пор, пока они не замерзали?

Ш у б е р т. Так точно, и это я делал!

П р о к у р о р. Помните ли вы случай с шапками, которым вы спровоцировали расстрел поляков?

Ш у б е р т. Так точно. Старший рабочий послал ко мне ленивых заключенных, не желавших работать. Я подвел этих заключенных совсем близко к цепи охранных постов, сорвал шапку с головы одного заключенного, бросил ее за линию охранных постов и приказал заключенному принести шапку обратно. Таким образом, я расстрелял четырех заключенных под видом пресечения попытки к бегству.

П р о к у р о р. Приказывали вы в марте 1940 г. одному из заключенных поляков самому повеситься?

Ш у б е р т. Так точно. В 1940 г. я приказал одному польскому заключенному повеситься, для чего я дал ему веревку,

молоток и гвоздь, запер его в маленькую комнату и сказал ему, что буду самым ужасным образом мучить его, если он сам не повесится.

Прокурор. Он повесился?

Шуберт. Повесился в течение получаса.

Прокурор. Помните ли вы, как в августе 1941 г. вы сами утопили двух заключенных?

Шуберт. В августе 1941 г. я лично утопил двух заключенных. Я запер их в душевой, наполнил водой ванну для ног и затем утопил их поодиночке.

Прокурор. В какие годы вы принимали участие в расстрелах?

Шуберт. С 1939 по 1942 г.

Прокурор. Сколько человек вы расстреляли?

Шуберт. С 1939 по 1942 г. я расстрелял 30 немецких граждан.

Прокурор. А других?

Шуберт. 9 ноября 1940 г. я принимал участие в расстреле 33 поляков.

Прокурор. Сколько было расстреляно русских пленных?

Шуберт. Насколько я знаю, в 1941 г. были расстреляны 13 000 русских военнопленных.

Прокурор. Вы принимали участие в этих расстрелах?

Шуберт. Разумеется, принимал.

Прокурор. Участвовал в них Фикер?

Шуберт. Так точно, надзиратель Фикер также участвовал в этом.

Прокурор. В чем заключалось это участие?

Шуберт. Участие заключалось вот в чем: я видел, как Фикер приводил из лагеря заключенных, был в помещении блока, где проводились расстрелы, находился в приемной и в комнате, замаскированной под кабинет врача; я видел его также в комнате, откуда производились выстрелы.

Прокурор. А кто направлял заключенных в так называемый кабинет врача?

Шуберт. 5 000 я направил лично.

Прокурор. Следовательно, что касается 5 000, то вы лично участвовали?

Шуберт. Так точно, в этом я лично участвовал.

Прокурор. И вы выполняли функции врача?

Шуберт. Так точно, я был переодет врачом.

Прокурор. Чем занимались вы в кабинете врача, переодевшись в белый халат?

Шуберт. В правой руке у меня был шпатель, а в левой – кусок мела. Если у военнопленного были золотые зубы или какие-нибудь другие искусственные зубы, я мелом ставил ему на груди крест.

Прокурор. Сами вы тоже стреляли?

Шуберт. Так точно, 636 русских военнопленных я убил своими собственными руками.

Прокурор. Когда это было?

Шуберт. В период с сентября по ноябрь 1941 г.

Прокурор. Кто еще из надзирателей принимал участие в массовом уничтожении людей? Участвовал в этом Фикер?

Шуберт. Так точно, он тоже участвовал.

Прокурор. А Книттлер?

Шуберт. Для Книттлера это было само собой разумеющееся дело!

Прокурор. Просил Книттлер разрешения принимать участие в расстрелах?

Шуберт. Книттлер однажды сам предложил свои услуги, сказав, что он хотел бы пострелять, а затем, и действительно занялся этим.

Прокурор. Какие награды вы, подсудимый Шуберт, получили за вашу чудовищную жестокость?

Шуберт. Я получил «крест за военные заслуги» второго класса с мечами!

СС в действии. Документы о преступлениях СС. Перевод с немецкого. М.: Светотон, 2000 – 624 с. С. 256-258.

128. Гестапо и СД. Выдержка из приговора Международного Военного Трибунала в Нюрнберге

Структура и составные части «Обвинением названы государственная тайная полиция (гестапо) и служба безопасности рейхсфюрера СС (СД) как группы или организации, которые должны быть объявлены преступными. Обвинение представило дело против гестапо и СД вместе, заявив, что это было необходимо благодаря тесному сотрудничеству в работе между ними... Впервые гестапо и СД были объединены 26 июня 1936 г. назначением Гейдриха, являвшегося начальником СД, на пост начальника полиции безопасности, которое имело целью объединить гестапо и уголовную полицию. Еще до этого СД представляла собой разведывательную агентуру сначала СС, а затем, после 4 июня 1934 г., всей нацистской партии.

Гестапо состояло из различных подразделений политической полиции нескольких немецких федеральных государств, которые были объединены под личным руководством Гимmlера с помощью Геринга. Гимmlер был назначен начальником немецкой полиции в Министерстве внутренних дел 17 июня 1936 г., и, будучи рейхсфюрером СС и начальником германской полиции, он 26 июня 1936 г. издал декрет, который включил уголовную полицию (крипо) и гестапо в состав полиции безопасности и объединил полицию безопасности и СД под руководством Гейдриха.

Объединение полиции безопасности (государственной организации) и СД (партийной организации) под руководством Гейдриха было оформлено декретом от 27 сентября 1939 г., объединившим различные государственные и партийные учреждения, подведомственные Гейдриху, как начальнику полиции безопасности и СД, в одно административное целое – Главное имперское управление безопасности (РСХА), которое одновременно являлось одним из главных управлений СС, подведомственного Гимmlеру, как рейхсфюреру СС,

и управлением Министерства внутренних дел, подведомственного Гиммлеру, как начальнику немецкой полиции.

Внутренняя структура РСХА показывает, что оно осуществляло объединенное управление полицией безопасности и СД. РСХА подразделялось на семь отделов (управлений), два из которых (АМТ-I и АМТ-II) занимались административными вопросами. Полиция безопасности была представлена АМТ-IV – главным управлением гестапо, а АМТ-V – главным управлением уголовной полиции. СД была представлена АМТ-III – главным управлением по деятельности СД внутри Германии, АМТ-VI – главным управлением по деятельности СД вне Германии и АМТ-VII, занимавшимся исследованием вопросов идеологического характера. Вскоре после создания РСХА, в ноябре 1939 г., полиция безопасности была «координирована» с СС путем производства всех чиновников гестапо и уголовной полиции в звания СС, соответствовавшие занимаемым ими постам.

Созданием РСХА достигались координация деятельности всей полиции и разграничение функций среди высших полицейских чиновников. При этом разграничении СД служила разведывательной агентурой полиции безопасности. Аналогичная координация существовала и в местных управлениях. В Германии и во включенных в империю районах с целью облегчения гражданского управления местные органы гестапо, уголовной полиции и СД формально существовали отдельно. Однако их координация осуществлялась инспекторами полиции безопасности и СД из аппарата местных высших руководителей СС и полиции, и одной из основных функций местных частей СД было служить в качестве разведывательной агентуры для местных частей гестапо.

На оккупированных территориях взаимоотношения между местными частями гестапо, уголовной полицией и СД были несколько теснее. Они были организованы в местные отряды полиции безопасности и СД и находились под контролем как РСХА, так и высшего руководителя СС и полиции, который назначался Гиммлером в аппарат оккупационных

властей. Органы полиции безопасности и СД на оккупированной территории состояли из отделов, соответствовавших различным управлениям РСХА.

На оккупированных территориях, которые все еще рассматривались как районы военных действий, или там, где формально немецкий контроль еще установлен не был, структура органов полиции безопасности и СД была несколько иной. Члены гестапо, крипо и СД объединялись вместе в организации военного типа, известные под названием эйнзатцкоманд и эйнзатцгрупп, в которых основные должности были заняты членами гестапо, крипо и СД, в то время как члены полиции порядка, ваффен СС и даже личный состав вооруженных сил Германии использовались для вспомогательных целей. Эти организации находились под общим контролем РСХА, но в районах, прилегающих к линии фронта, поступали под оперативное руководство соответствующего командующего армией.

Таким образом, можно видеть, что с точки зрения своих функций, как гестапо, так и СД представляли собой важные, тесно связанные между собой группы в составе организации полиции безопасности и СД. Полиция безопасности и СД находились под единоначалием сначала Гейдриха, а потом Кальтенбруннера, как начальника полиции безопасности и СД; у них имелся единый штаб – РСХА; у них имелась собственная система субординации, и деятельность их была деятельностью единой организации, как в Германии, так и на оккупированных территориях и в прифронтовой полосе.

В течение периода, рассмотрением которого в основном занимается Трибунал, кандидаты на должности в полиции безопасности и СД проходили подготовку по линии всех составных частей полиции безопасности: гестапо, уголовной полиции и СД...

Преступная деятельность

Первоначально одной из основных функций гестапо являлось предотвращение какой-либо политической оппозиции нацистскому режиму – функция, которую гестапо выполняло с помощью СД. Основным орудием, которое использовалось для осуществления этой функции, являлись концентрационные лагеря.

Гестапо не имело административного контроля над концентрационными лагерями, но, действуя через Главное имперское управление безопасности, несло ответственность за содержание под арестом политических заключенных в этих лагерях. Чиновники гестапо обычно отвечали за допрос политических заключенных в этих лагерях.

Гестапо и СД также занимались рассмотрением дел, связанных с государственной изменой, прессой, церковью и евреями. По мере того как нацистская программа антисемитских преследований усиливалась, роль, которую играли эти группы, становилась все более важной.

Ранним утром 10 ноября 1938 г. Гейдрих послал телеграмму всем управлениям гестапо и СД, в которой давались инструкции об организации погромов в этот день и об аресте такого количества евреев, которое способны вместить тюрьмы, «особенно богатых» евреев, обращая при этом внимание на то, чтобы арестовывались только здоровые и не слишком старые.

К 11 ноября 1938 г. 20 000 евреев были арестованы и многие были посланы в концентрационные лагеря. 24 ноября 1939 г. Гейдриху, начальнику полиции безопасности и СД, было поручено дальнейшее проведение эмиграции и эвакуации евреев из Германии, и 31 июля 1941 г. ему было поручено полное разрешение еврейского вопроса в находившихся под господством Германии европейских государствах.

Был организован специальный отдел управления гестапо Главного имперского управления безопасности под начальством штандартенфюрера Эйхмана, и в его ведение были

переданы вопросы, касающиеся евреев; это управление использовало своих собственных агентов для «разрешения» еврейской проблемы на оккупированной территории.

Управления гестапо на местах были использованы сначала для осуществления надзора над эмиграцией евреев, а затем для депортации их на Восток как из Германии, так и с территорий, оккупированных во время войны. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, действовавшие в тылу на Восточном фронте, осуществляли массовое убийство евреев.

Специальная часть из управления гестапо в РСХА использовалась для организации депортации евреев из стран-сателлитов держав оси в Германию для «окончательного разрешения». Местные управления полиции безопасности и СД играли важную роль в германской администрации на оккупированных территориях. Участие в этой администрации характеризуется мероприятиями, проведенными летом 1938 г., по подготовке к нападению на Чехословакию, которое тогда подготавливалось. Эйнзатцгруппы гестапо и СД были организованы для того, чтобы следовать за армией в Чехословакию и обеспечить безопасность политической жизни на оккупированных территориях. Были подготовлены планы для проникновения членов СД на эту территорию до начала вторжения и для создания системы карточек на этой территории для того, чтобы указать, какие жители должны находиться под наблюдением, кто должен быть лишен паспорта и кто должен быть уничтожен. Эти планы были значительно изменены в результате отмены нападения на Чехословакию, но в военных действиях, которые действительно имели место, в особенности в войне против СССР, эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД были использованы и применяли зверские меры по усмирению гражданского населения, проводили массовые убийства евреев.

Гейдрих отдал приказы инсценировать инциденты на польско-германской границе в 1939 г., которые бы дали Гитлеру достаточный предлог для нападения на Польшу.

Личный состав, как гестапо, так и СД принимал участие в этих операциях.

Местные части полиции безопасности и СД продолжали свою работу на оккупированных территориях после того, как они переставали быть театром военных действий. Полиция безопасности и СД занимались повсеместными арестами гражданского населения в этих оккупированных странах, заключали большое число этих арестованных в тюрьмы, где их содержали в нечеловеческих условиях, подвергали зверским допросам третьей степени и посылали многих из них в концентрационные лагеря.

Местные части полиции безопасности и СД также участвовали в расстреле заложников, в заключении в тюрьмы их родственников, в казни лиц, обвиняемых в терроризме и диверсиях, без всякого суда и в проведении приказа «мрак и туман», по которому лица, обвиняемые в действиях, которые считались опасными для оккупационных войск, были либо казнены в течение недели, либо тайно вывезены в Германию, причем им запрещалось поддерживать связь со своей семьей и близкими.

Управления полиции безопасности и СД использовались в проведении в жизнь программы рабского труда. На некоторых оккупированных территориях они помогали местным организациям по набору рабочей силы выполнять план, установленный Заукелем. Управления гестапо внутри Германии несли функцию надзора над рабочими, вывезенными в Германию для рабского труда, и отвечали за привлечение к ответственности тех, кто отсутствовал на месте работы. Гестапо также ведало так называемыми лагерями трудовой подготовки. Хотя в эти лагеря заключались как немецкие, так и иностранные рабочие, гестапо играло значительную роль в принуждении иностранных рабочих к работе для германских военных усилий. На последних стадиях войны, по мере того как СС занялись своей собственной программой рабского труда, гестапо было использовано для ареста

рабочих с целью обеспечения достаточного снабжения рабочей силой концентрационных лагерей.

Местные управления полиции безопасности и СД также принимали участие в совершении военных преступлений, заключавшихся в убийстве военнопленных и жестоком обращении с ними. Советских военнопленных, находившихся в лагерях для военнопленных в Германии, проверяли эйнзатцкоманды, которые действовали в соответствии с указаниями местных управлений гестапо. Комиссары, евреи, представители интеллигенции, «коммунисты-фанатики» или даже те, кого считали неизлечимо больными, рассматривались как «нетерпимые элементы» и уничтожались.

Местные управления полиции безопасности и СД участвовали в проведении в жизнь приказа «Пуля», вступившего в силу 4 марта 1944 г., согласно которому определенные категории военнопленных, которые пытались бежать и были пойманы, не рассматривались далее как военнопленные и посылались в секретном порядке в Маутхаузен, где их расстреливали. Члены полиции безопасности и СД также обвиняются в проведении в жизнь приказа о расстреле парашютистов и «командос»...

Выдержка из приговора Международного Военного Трибунала в Нюрнберге.

Список использованных документов и литературы

1. VII конгресс Коммунистического Интернационала: сокращенный стенографический отчет о работе. – Москва: Издательство иностранных языков, 1939.

2. Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии: сборник статей и документов. – М.: Политиздат, 1953.

3. Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941–1945 гг. – М.: Наука, 1973. – 664 с.

4. Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. / Нац. обществ. науч. фонд. Акад. полит. науки; руководитель проекта Г. Ю. Семигин и др.; ред. науч. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин и др. – М.: Мысль, 1997. – 830 с.

5. Бернштейн, Э. Возможен ли научный социализм? / Э. Бернштейн – М.: Изд-во «Б. и.», 1991. – 64 с.

6. Бернштейн, Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии / Э. Бернштейн – М., 1901. – 360 с.

7. Бэйда, О. И. Французский легион на службе Гитлеру. 1941–1944 гг. / О.И. Бэйда – М. : Вече, 2013. – 336 с.

8. Де Голль, Ш. Военные мемуары: Призыв 1940–1942. / Ш. де Голль – М.: АСТ; Астрель, 2003. – 814 с.

9. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Т. 28. / Ин-т марксизма–ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1958–1965.

10. Гувер, Г. Американский индивидуализм / Г. Гувер // История США в документах. – URL: www.grinchevskiy.ru/1900–1945/amerikanskiy-individualizm.

11. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2 т. Т. I. / В.И. Дашичев – М.: «Наука», 1973. – 766 с.

12. Драйзер, Т. Трагическая Америка / Т. Драйзер – М.: Художественная литература, 1952. – 176 с.

13. Итальянская Социальная Республика. История. Идеология. Внешняя политика / А. Г. Нестеров. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 222 с.

14. История Германии. Документы и материалы: учебное пособие: в 3 т. Т. 3 / под общ. Ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. – М.: Издательство «КДУ», 2008. – 592 с.

15. История США: хрестоматия: пособие для вузов / сост. Э. А. Иванян. – М.: Дрофа, 2005. – 399 с.

16. Иванян, Э. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием / Э. Иванян – М.: Стратегия, 2001. – 528 с.

17. Каутский, Карл. Диктатура пролетариата / К. Каутский – М. : Антидор, 2002. – 313 с.

18. Кейтель, В. 12 ступенек на эшафот... / В. Кейтель – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2000. – 416 с.

19. Коминтерн против фашизма: документы. – М.: Наука, 1999. – 506 с.

20. Коммунистический Интернационал в документах, 1919 – 1932. – М., 1933. – 1007 с.

21. Коммунистический Интернационал: журнал. / Петроград, 1920. – № 10.

22. Конституции буржуазных стран. Т. II. – Москва ; Ленинград : Гос. соц.-экон. изд-во, М.–Л., 1936. – 336 с.

23. Конституции зарубежных государств: учеб. пос. / 2-е изд., испр. и доп.; сост. В. В. Маклаков – М.: Изд-во БЕК, 1999. – 584 с.

24. Кочегарова, Н. И. Всемирная история. Великобритания между двумя войнами, 1918–1940 гг.: практикум / Н. И. Кочегарова, В. Ф. Кочегаров. – М.: Изд-во МГОПУ, 1998. – 112 с.

25. Кочегарова, Н. И. Всемирная история. Соединенные Штаты Америки, 1918–1945 гг.: практикум / Н. И. Кочегарова, В. Ф. Кочегаров. – М.: Изд-во МГОПУ, 1998. – 72 с.

26. Кроче, Б. Антология сочинений по философии / Б. Кроче – СПб.: «Пневма», 1999. – 480 с.

27. Левин, И., Зубок, Л. Документы и речи английских вождей о всеобщей забастовке / И. Левин, Л. Зубок – М.: Политиздат 1926. – 56 с.

28. Майский, И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. / И. Майский – М.: Наука, 1971. – 672 с.

29. Моссе, Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Дж. Моссе – М.: Центрполиграф, 2003. – 445 с.

30. Муссолини, Б. Мемуары 1942–1943. / Б. Муссолини – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.

31. Нестерова, Т. П. Политика итальянского фашизма в сфере культуры : по материалам II конгресса фашистских ин-тов культуры (1931). Выступление Джованни Джентиле 21 ноября 1931 г. Выступление Гвидо Висконти ди Модроне 22 ноября 1931 г. / Т.П. Нестерова // Уральский вестник международных исследований – 2005. – Вып. 3. – С. 190–203. – URL: <http://elar.uurfu.ru/bitstream/10995/4935/2/uvmi3-2005-17.pdf>.

32. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: В 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1990. – 672 с.

33. Папен, Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947. / Ф. Папен – М.: Центрполиграф, 2005. – 320 стр.

34. Первый конгресс Коминтерна, март 1919 г. / под ред. Е. Короткого [и др.]; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) – М., 1933. – VI, 275 с.

35. Печатнов, В.О. Уолтер Липпман и пути Америки / В.О. Печатнов – М.: Междунар. отношения, 1994. – 333 с.

36. Пеше, Дж. Солдаты без формы / Дж. Пеше – М.: Воениздат, 1953. – 113 с.

37. Письма расстрелянных французских коммунистов / пер. с фр. Н. Немчиновой и Н. Жарковой; ред. и авт. предисл. Д. Старцева. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1949. – 139 с.

38. Поллит, Г. Избранные статьи и речи (1919–1939) / Г. Поллит – М.: Политиздат, 1955. – 360 с.

39. Программа лидера Британского Союза Фашистов Освальда Мосли «Фашизм: 100 вопросов и ответов». Лондон: изд-во: БСФ, 1936. / пер. А. П. Большакова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История – 2008. – Вып. 23 – № 5 (106); История. Вып. 24. – № 15 (116); История. Вып. 25. – № 18 (119).

40. Короли диверсий / О. Скорцени, В. Боргезе В. – М.: Прибой, 1997. – 416 с.

41. Спасти Италию! 1922–1945: Антифашистская борьба и движение Соппротивления в Италии в документах, воспоминаниях участников, письмах, исторических исследованиях / сост. А.А. Крылов. – М.: Политиздат, 1990. – 542 с.

42. СС в действии: документы о преступлениях СС. / пер. с нем. – М.: СВЕТОТОН, 2000. – 624 с.

43. Стейнбек, Дж. Гроздь гнева / Дж. Стейнбек – М.: Азбука, 2022. – 608 с.

44. Тельман, Эрнст. Избранные статьи и речи. Т. 2 / Э. Тельман – Москва : Изд-во иностр. лит., 1957–1958. – 395 с.

45. Тиссен, Ф. Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939–1945 / Ф.Я. Тиссен; перевод Л. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2008. – 288 с.

46. Тольятти, П.. Лекции о фашизме / П. Тольятти – М.: Политиздат, 1974. – 200 с.

47. Узульяс, А. (полковник Андре). Сыновья ночи: мемуары / А. Узульяс; пер. с фр. Л. С. Хованского – М.: Воениздат, 1978. – 400 с.

48. Хаффнер, С. Революция в Германии 1918–1919. Как это было в действительности / С. Хаффнер – М.: Прогресс, 1983. – 224 с.

49. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 т. Т. 2. Современное государство и право / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. – М.: Норма, 2003. – 672 с.

50. Хрестоматия по новейшей истории. Документы и материалы. В 3 т. / под ред. Б. Г. Гафурова, Л. И. Зубока, И. М. Майского, А. С. Перевертайло, В. Г. Трухановского. 1960–1961. Т. 1.: 1917–1939 гг. – 927 с.; Т. 2.: 1939–1945 гг. –

765 с. Т. 3.: (1961) 1945–1961 гг. – 775 с. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

51. Черчилль, У. «Вторая мировая война» / У. Черчилль // Вторая мировая война в воспоминаниях. / сост. Е. Я. Трояновская. – М.: Политиздат, 1990. – 557 с.

52. Шелленберг, В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика / В. Шелленберг – М.: Дом Бируни, 1991. – 400 с.

53. Черчилль, У. Мировой кризис / У. Черчилль – М.: Гос. военное издательство, 1932. – 328 с.

54. Шпеер, А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930–1945 / пер. С. Лисогорского. – М.: Центрполиграф, 2005. – 656.

55. Шпенглер, О. Пруссачество и социализм / О. Шпенглер – М.: Праксис, 2002. – 240 с.

56. Эррио, Э. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936. / Э. Эррио – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 772 с.

57. Documents of American History /Ed. by H. Commager – NY.: Appleton-Century-Crofts, 1945.

58. Robinson, E. The Roosevelt Leadership. 1933 – 1945. / E. Robinson – NY., 1955.

59. Pratt, J. American Colonial Experiment / J. Pratt – N. Y., 1950.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЕРМАНИЯ 1918–1945 гг. Ноябрьская революция.....	5
1. Из Требований Кильского солдатского совета (4 ноября 1918 г.)	5
2. СДПГ о целях революции. Из записи беседы Фридриха Эберта с Вильгельмом Гренером (6 ноября 1918 г.).....	6
3. Из выступления Филиппа Шейдемана перед людьми, собравшимися у рейхстага (9 ноября 1918 г.).....	7
4. Из выступления Карла Либкнехта перед людьми, собравшимися у императорского дворца в Берлине (9 ноября 1918 г.)	7
5. Листовка группы «Спартак» «Час решения» (извлечение).....	8
6. Призывы «Спартака» к углублению революции. 10 ноября 1918 года	9
7. Союз армии и Совета народных уполномоченных («Соглашение Гренера – Эберта»). Из воспоминаний В. Гренера	12
8. Программа Народных уполномоченных (Германия, 12 ноября 1918 г.....	13
9. Указ о попечении безработных 13 ноября 1918 г.....	15
10. Распоряжение о регулировании времени индустриальных рабочих 23 ноября 1918 г.....	16
11. Указ о коллективных договорах, комитетах рабочих и служащих и разрешении трудовых споров 23 декабря 1918 г.	17
12. Первый Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов	18

13. Из доклада председателя Исполкома Берлинского рабочего и солдатского совета Рихарда Мюллера (НСДПГ)	18
14. Из выступления члена СНУ Вильгельма Дитмана (НСДПГ)	19
15. Из выступления члена Исполкома Берлинского рабочего и солдатского совета Макса Когена-Рейса (СДПГ)	20
16. Из выступления члена Исполкома Берлинского рабочего и солдатского совета Эрнста Дейминга (НСДПГ – союз «Спартак»).....	21
17. Из выступления сопредседателя СНУ Хуго Хаазе (НСДПГ)	22
18. Из выступления члена СНУ Ф. Шейдемана (СДПГ)	22
19. Предложение Э. Дейминга о передаче государственной власти советам («Резолюция Дейминга», 19 декабря 1918 г.)	23
20. Предложение Германа Людемана (СДПГ) о созыве Национального собрания («Резолюция Людемана», 18 декабря 1918 г.)	23
21. Из доклада Рудольфа Гильфердинга (НСДПГ) по вопросу о социализации.....	24
22. Из постановления съезда по вопросу о социализации (20 декабря 1918 г.)	25
23. Постановление съезда «О праве командования» (18 декабря 1918 г.).....	25
24. Из показаний Рихарда Мюллера комиссии по расследованию январских событий 1919 г.....	26
25. Призыв Правления НСДПГ и ЦК КПГ к немецким рабочим и солдатам (5 января 1919 г.)	27

26. Из Заявления Центрального совета рабочих и солдатских советов о событиях в Берлине (январь, 1919 г.).....	28
27. Из программы Коммунистической партии Германии. Опубликовано как воззвание союза «Спартак» 14 декабря 1918 г., принятая 30 декабря 1918 г.....	28
28. Из Программы действий Независимой социал-демократической партии Германии. Программа принята на съезде партии 5 декабря 1918 года.....	30
29. Из программных документов Немецкой народной партии	31
30. Из программы Немецкой демократической партии	32
31. Из программных документов немецкой партии Центра	32
32. Из Основных принципов Немецкой национальной народной партии (1920 год).....	34
33. Революция в Германии 1918–1919. Три легенды. Себастиан Хафнер	35
34. Обращение Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов к жителям Мюнхена, 8 ноября 1918 г.....	44
35. Телеграмма Прусской дипломатической миссии в Баварии в Министерство иностранных дел Германии, 9 марта 1919 г.....	46
36. Обращение Центрального совета Баварии в связи с провозглашением Советской республики, 6 апреля 1919 г.....	47
37. Из воспоминаний Эриха Мюзама о баварской революции, написанных в сентябре 1920 г. во время заключения в крепости Ансбах и адресованных В. И. Ленину	49

38. Эрнест Тельман о ноябрьской революции 1918 года в Германии	51
ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА	54
39. Веймарская конституция 11 августа 1919 г. (извлечения).....	54
40. Антигосударственный путч Каппа-Лютовца. Из обращения Вольфганга Каппа к немецкому народу (13 марта 1920 г.)	56
41. Из Призыва центрального и некоторых земельных правительств к пассивному сопротивлению франко-бельгийской оккупации Рура (19 января 1923 г.)	57
42. Из Обращения германского правительства к народу о положении страны (1 мая 1923 г.).....	57
43. О положении в Германии и КПП осенью 1923 г. Из письма Карла Радека в Политбюро ЦК РКП(б) и Исполком Коминтерна (Берлин, 29 октября 1923 г.)	58
44. О перспективах германской революции. Из Отчета советского военного советника при ЦК КПП А.П. Штродаха в Исполком Коминтерна (11 февраля 1924 г.)	59
45. Статья Э. Тельмана «Уроки гамбургского восстания» (извлечение).....	60
46. Из сообщения телеграфного агентства о нацистском путче в Баварии (8 ноября 1923 г.).....	63
47. Газета «Берлинер тагеблатт» о результатах президентских выборов 1925 г.	64
48. Готфрид Федер Манифест к слождению кабалы процентов.....	65
49. Программа НСДАП «Двадцать пять пунктов»	137
50. Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем (отрывок)	141

51. Артур Мёллер ван ден Брук. Третий Рейх (извлечение).....	158
52. О. Шпенглер «Пруссачество и социализм» (отрывок).....	182
53. Эсэсовец и вопрос крови (Биологические закономерности и их практическое использование для сохранения и приумножения нордической крови) Рейхсфюрер СС Главное Управление СС / Управление образования. Только для руководителей.....	188
54. Из статьи Йозефа Геббельса о парламентской тактике НСДАП (май 1928 г.).....	246
55. Призыв СДПГ к избирателям в связи с президентскими выборами (27 февраля 1932 г.).....	246
56. О политическом кризисе в Германии весной 1932 г. Из дневника Й. Геббельса.....	247
57. Из заявления правления СДПГ о правительстве Франца фон Папена(1 июня 1932 г.).....	248
58. Из сообщения рейхсканцелярии о встрече президента Пауля фон Гинденбурга с Адольфом Гитлером (13 августа 1932 г.).....	250
59. Рейхсканцлер Франц фон Папен о планах конституционной реформы (12 октября 1932 г.).....	250
60. О ситуации в нацистской партии осенью 1932 г. Из дневника Й. Геббельса.....	251
61. Из письма Ф. фон Папена А. Гитлеру (13 ноября 1932 г.).....	252
62. Из петиции П. фон Гинденбургу видных промышленников и аграриев о назначении А. Гитлера рейхсканцлером (ноябрь 1932 г.).....	253
63. Из показаний на Нюрнбергском процессе Курта Шредера о встрече Ф. фон Папена с А. Гитлером.....	254

64. Ф. фон Папен об «укрощении» Гитлера. Из бесед в близком окружении (январь 1933 г.).....	255
65. Призыв СДПГ (31 января 1933 г.).....	255
66. Из книги Папена Ф. Закат Веймара. Ошибка Брюнинга	255
67. Э. Фромм. Бегство от свободы. Глава 6. Психология нацизма.....	294
ПРИХОД НАЦИСТОВ К ВЛАСТИ.....	318
68. Ф. фон Папен. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947. Глава 14. Гитлер.....	318
69. Альфред Розенберг. Миф XX века. Часть 3. Народ и государство.	336
70. Рихард Дарре. Свинья как критерий у нордических народов и семитов.....	361
71. Г.Ф. Гюнтер. Нордическая раса как «идеальный тип»	373
72. Из конспекта речи А. Гитлера перед командующими сухопутными войсками и военно-морским флотом (3 февраля 1933 г.)	378
73. Из речи А. Гитлера по поводу начала предвыборной кампании (10 февраля 1933 г.).....	379
74. Из декрета президента П. фон Гинденбурга «О защите народа и государства» в связи с поджогом рейхстага (28 февраля 1933 г.)	380
75. Шахт Я. Главный финансист Третьего рейха. Признание старого лиса. Глава из книги.....	380
76. Путлиц В.-Г. По пути в Германию (воспоминания бывшего дипломата) (главы из книги).....	388

77. Указ о защите правительства национального возрождения от коварных посягательств 21 марта 1933 г.	399
78. Из сообщения газеты «Фелькишер Беобахтер» о создании концентрационного лагеря Дахау (21 марта 1933 г.)	400
79. Закон в целях устранения бедствий народа и государства. 24 марта 1933 г.	400
80. Закон против образования новых партий. 14 июля 1933 г.	401
81. Закон о порядке национального труда 20 января 1934 г.	401
82. «Закон о пресечении наследственно-больного поколения» (14 июля 1933 г.)	402
83. Из имперского «Закона о наследственных дворах» (29 сентября 1933 г.)	403
84. Из «Указа о Немецком трудовом фронте» (ДАФ) (24 октября 1934 г.)	405
85. Закон о порядке национального труда 20 января 1934 г.	407
86. Закон о переустройстве империи 30 января 1934 г.	407
87. Закон о ликвидации рейхсрата. 14 февраля 1934 г.	408
88. Закон об обеспечении единства партии и государства 1 декабря 1933 г. (с изменениями от 8 июля 1934 г.)	408
89. Закон о верховном главе Германской империи 1 августа 1934 г.	409
90. Из речи военного министра Вернера фон Бломберга о введении всеобщей воинской обязанности (17 марта 1935 г.)	409

91. Из «Закона об Имперской трудовой Службе» (26 июня 1935 г.).....	410
92. Из «Закона об Имперском гражданстве» (15 сентября 1935 г.).....	411
93. Из «Закона о защите немецкой крови и немецкой чести» (15 сентября 1935 г.).....	412
94. Из меморандума Гитлера о четырехлетнем плане (лето 1936 г.).....	412
95. Из речи Германа Геринга о четырехлетнем плане (28 октября 1936 г.).....	414
96. Из Закона о «Гитлерюгенд» (1 декабря 1936 г.)	414
97. Из доклада «Сопаде» о системе террора (январь 1936 г.).....	415
98. Из сообщения газеты «Нойкёльнер Тагесблатт» о сожжении книг в Берлине (12 мая 1933 г.).....	416
99. Из Устава «Союза германского студенчества» (7 февраля 1934 г.)	417
100. Из донесения Берлинского отделения гестапо (6 марта 1936 г.)	418
101. Из речи Рудольфа Гесса перед руководителями местных организаций в замке Фогельзанг 17 ноября 1936 г.	419
102. Из речи А. Гитлера с критикой авангардизма при открытии «Дома немецкого искусства» в Мюнхене (18 июля 1937 г.)	423
103. Из сообщения руководителя ДАФ Р. Лея о начале приема взносов для Фольксваген (1 августа 1938 г.)	424
104. Из книги У. Ширера «Взлет и падение третьего рейха» Подневольный труд	424

105. Из книги Тиссена Ф. Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939–1945. Антиеврейская кампания и концентрационные лагеря	433
106. Из книги В.И. Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма». Выдержки из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах фашистской Германии.....	444
107. Гитлер о России и коммунизме в «Моей борьбе»	463
108. Из книги Шпеер А. «Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930–1945». Гитлер – Верховный главнокомандующий	477
109. Из протокола правительственного совещания в Ванзее (20 января 1942 г.)	506
110. Из «Памятки об использовании труда советских военнопленных» (15 августа 1941 г.).....	508
111. Из тайного распоряжения А. Гитлера о мобилизации дополнительных фронтовых резервов (13 января 1943 г.).....	511
112. Из листовки христианско-студенческой организации Сопrotивления «Белая роза» в Мюнхене (середина февраля 1943 г.).....	512
113. Из речи Й. Геббельса о «тотальной войне» в Берлинском дворце спорта (18 февраля 1943 г.).....	513
114. Из полицейского доклада о бомбардировке Гамбурга (август 1943 г.)	514
115. Из приказа Вильгельма Кейтеля о мерах против «явлений разложения» (23 сентября 1944 г.)	515
116. Из приказа Гитлера о «фольксштурме» (25 сентября 1944 г.).....	516

117. Из приказа В. Кейтеля об «ответственности семей» (5 февраля 1945 г.)	516
118. Из предписания рейхсминистра юстиции о военно-полевых судах (15 февраля 1945 г.)	517
119. Из приказа А. Гитлера «Моим бойцам на Востоке» (14 апреля 1945 г.).....	518
120. Из мемуаров В. Кейтеля. «12 ступенек на эшафот...» Июльский заговор 1944 г. Вопросы адвоката доктора Нельте г-ну В. Кейтелю, генерал-фельдмаршалу в отставке, в связи с событиями 20.7.1944 г.....	519
121. «Суд чести». Судебное дело против офицеров-изменников, участников заговора «20 июля». Памятная записка адвокату доктору Нельте от 9.5.1946 г.	521
122. Шпеер А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930–1945 гг.	526
123. Выдержка из приговора Международного Военного Трибунала в Нюрнберге. Установление фашистской диктатуры для осуществления разбойничьих планов германского империализма.....	547
124. Выдержка из приговора Международного Военного Трибунала в Нюрнберге. Преследование евреев	558
125. Из протокола судебного заседания по делу о злодеяниях, совершенных в концентрационном лагере Саксенхаузен, Берлин, 1947. «Я несу ответственность за уничтожение 42 000 человек» (Из показаний бывшего коменданта концентрационного лагеря Саксенхаузен, штандартенфюрера СС Антона Кайндла)	566

126. Из протокола судебного заседания по делу о злодеяниях, совершенных в концентрационном лагере Саксенхаузен, Берлин, 1947. «Моя деятельность началась с казни 10 подневольных рабочих с Востока...». Август Хён Второй, лагерный начальник концентрационного лагеря Саксенхаузен	569
127. Из протокола судебного заседания по делу о злодеяниях, совершенных в концентрационном лагере Саксенхаузен, Берлин, 1947. «636 русских военнопленных я убил своими собственными руками». Вильгельм Шуберт, надзиратель из концентрационного лагеря Саксенхаузен	571
128. Гестапо и СД. Выдержка из приговора Международного Военного Трибунала в Нюрнберге.....	574
Список использованных документов и литературы.....	581

Учебное издание

Составитель:
Сергеенкова Инна Федоровна

**ХРЕСТОМАТИЯ
ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ**

**ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА
1918-1945 гг.
Часть I
Германия**

*Авторская редакция
Компьютерная верстка Опарина Т.В.*

Подписано в печать 06.02.2023. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 34,64. Уч. изд. л. 26,49.
Тираж 38 экз. Заказ № 211.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18